

СОВРЕМЕННЫЙ УЧЕНЫЙ

№4, 2025 год

Подписано к публикации: 19.03.2025

Главный редактор журнала:
доктор педагогических наук,
профессор

**Солопанова Ольга
Юрьевна**

**«Современный ученый»
включен в список ВАК с
12.02.2019г., Elibrary.ru и в
Международную базу данных
Agris.**

eLIBRARY.RU

Регистрационный номер СМН:
Эл № ФС77-72620 от 04 апреля
2018г. Федеральной службой по
надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых
коммуникаций
(Роскомнадзор)
ISSN 2541-8459 (online)
E-mail: info@su-journal.ru
Сайт: <https://su-journal.ru>

DOI: 10.58224/2541-8459-2025-4

Члены редакционной коллегии:

Абшилава Георгий Валерьянович (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор
Авакян Рубен Осипович (Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор, академик МАНЭБ, академик
Всеармянской Академии проблем национальной безопасности
Айбатов Магомеднаби Магомедмиров (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Ахмедов Герман Ибрагимович (Германия, Кемниц) – доктор филологических наук, профессор
Бабаян Анжела Владиславовна (РФ, г. Пятигорск) – доктор педагогических наук, профессор
Бабкина Екатерина Сергеевна (РФ, г. Хабаровск) – доктор филологических наук, доцент
Балута Анастасия Анатольевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Белоцеркович Денис Валерьевич (РФ, г. Хабаровск) – кандидат юридических наук, доцент
Бирюков Павел Николаевич (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Бурибаева Майнура Абильтаевна (Казахстан, г. Астана) – кандидат филологических наук, доцент
Быстрой Елена Борисовна (РФ, г. Челябинск) – доктор педагогических наук, профессор
Ваджиров Малик Джамалутдинович (РФ, Р. Дагестан) – кандидат филологических наук, доцент
Васильев Григорий Алексеевич (Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Сергей Владимирович (РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Федор Петрович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Волошина Людмила Николаевна (РФ, г. Белгород) – доктор педагогических наук, профессор
Вохрышева Евгения Валерьевна (РФ, Самара) – доктор филологических наук, профессор
Гасанова Узлипат Усмановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Гребенникова Вероника Михайловна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Громов Владимир Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадирович (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Гуревич Любовь Степановна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Джафаров Тельман Гамзата оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Дулебова Ирина (Словакия, г. Братислава) – PhD
Ежова Татьяна Владимировна (РФ, г. Оренбург) – доктор педагогических наук, доцент
Епифанцева Наталия Глебовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Жамулдинов Виктор Николаевич (Казахстан, г. Павлодар) – кандидат юридических наук, профессор
Зумбулдизе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович (Казахстан, Астана) – доктор юридических наук, профессор
Каминская Елена Альбертовна (РФ, г. Москва) – доктор культурологии, кандидат педагогических наук, профессор
Киквидзе Инга Джимшеровна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Коваленко Вадим Николаевич (РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор
Кожевников Олег Александрович (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, профессор
Коршунова Ольга Николаевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор
Кошарная Светлана Алексеевна (РФ, г. Белгород) – доктор филологических наук, профессор
Кротенко Ираида Абесаломовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Крузе Борис Александрович (РФ, г. Пермь) – доктор педагогических наук, профессор
Кудрявцева Екатерина Львовна (Германия, г. Гюстро) – кандидат педагогических наук, доцент
Лазарева Лариса Владимировна (РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор
Магомедова Тамара Ибрагимовна (РФ, Р. Дагестан) – доктор педагогических наук, профессор
Маларчук Наталья Николаевна (РФ, г. Тюмень) – доктор педагогических наук, доцент
Мамирова Кулаш Нурбергеновна (Казахстан, г. Алматы) – кандидат педагогических наук, доцент
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук
Махов Александр Сергеевич (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Машовец Асия Оксановна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Николай Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Метревели Медия Гивиевна (Грузия, г. Телави) – доктор педагогических наук, профессор
Миняева Татьяна Федоровна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Мирзоев Махмашариф Сайфович (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, профессор
Миронов Анатолий Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Михайлова Екатерина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Михальчук Тамара Григорьевна (Белорусия, г. Могилев) – кандидат филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Насипов Ильшат Сахиятуллович (Республика Башкортостан, г. Уфа) – доктор филологических наук, профессор
Небрятенко Геннадий Геннадьевич (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Николайченко Виктор Викторович (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Отанян Татьяна Борисовна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор педагогических наук, доцент
Окорокова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Остапович Игорь Юрьевич (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Павлова Ольга Александровна (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент
Панкратова Светлана Анатольевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Пешкова Христина Вячеславовна (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Правдов Михаил Александрович (РФ, г. Шуя) – доктор педагогических наук, профессор
Ракитина Светлана Владимировна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук
Свечкарёв Виталий Геннадьевич (РФ, г. Майкоп) – доктор педагогических наук, профессор
Сеногоева Наталия Анатольевна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор педагогических наук, доцент
Серебренникова Анна Валерьевна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Сирота Елена Владимировна (Молдова, г. Бельцы) – кандидат филологических наук, доцент
Собянин Федор Иванович (РФ, г. Белгород) – доктор педагогических наук, профессор
Султанбаева Хадиса Валиевна (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент
Сумачев Алексей Витальевич (РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор
Сухомлина Татьяна Александровна (РФ, г. Самара) – доктор филологических наук, доцент
Фещенко Татьяна Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Халифаева Анжела Курбановна (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Хамеди Могаддам Мохсен Али (Иран, г. Тегеран) – кандидат филологических наук
Хван Людмила Борисовна (Узбекистан, г. Нукус) – кандидат педагогических наук, профессор
Числов Александр Иванович (РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Шатковская Татьяна Владимировна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Шмачилина-Цибенко Светлана Витальевна (РФ, г. Омск) – доктор педагогических наук, доцент
Шербакова Елена Евгеньевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор педагогических наук, профессор
Эбзеев Мурат Магомедович (РФ, г. Карачаевск) – доктор педагогических наук, профессор
Яковлева Надежда Олеговна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Ямалетдинова Галина Александровна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор педагогических наук, доцент

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Сенишин С.В.

Персонализированный стиль общения государственной власти с гражданами в социальных сетях (на примере официального сообщества во «ВКонтакте» правительства города Севастополь)

7-13

Адзиева Э.С.

Особенности дефиниции арабизмов в англоязычном научном дискурсе британского и американского вариантов

14-18

Багдасарова Э.В.

Интонационные особенности английской шутки

19-24

Краснощёков Е.В.

Выражение неочуждаемой принадлежности в языках коренных народов Северной Америки

25-31

Селюков А.А.

Роль парадоксальных визуальных образов в деконструкции зрительских ожиданий при анонсировании авангардных театральных экспериментов

32-39

Гао Цзяньфэй, Чжао Хуэйхуэй

Исследование культурных факторов и прагматических недоразумений в устной коммуникации на русском и китайском языках

40-46

Ян Цзы

Концепт «горе» в русской языковой картине мира

47-51

Адзиева Э.С.

Функциональная парадигма арабских заимствований в британском и американском вариантах английского языка

52-56

Ван Вэньци

Темы и мотивы в переводах китайской поэзии на русский язык

57-61

Гейбадуллина З.Ш.

Обозначение названий болезней в татарском языке татар в XIX – XX веках

62-67

Брагина Э.Р.

Зона комфорта: морфологическая и фонетико-графическая адаптация латинских заимствований в русской экономической терминологии

68-73

Лу Ин

Исследование анализа аудитории и стратегий коммуникаций китайских телевизионных драм на российском рынке

74-81

Исакова Б.А.

Модернизация вещательных комплексов с учетом новых технологий: стратегии для инфраструктуры, интегрированной с ИИ

82-88

Чжан Линь

Международные коммуникации о региональной культуре Шаньдуна в рамках проекта "Один пояс – один путь"

89-98

Кианибарфоруши Хода Хассан

Смысл и значение композиционных пропусков в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» 99-104

Чжао Цин

Совершенствование информационной политики КНР в контексте создания позитивного экологического имиджа страны в зарубежных медиа 105-112

Цзян Чжэн

Взаимодействие СМИ и сферы здоровья как предметная область исследования: сравнительный анализ практик в России и КНР 113-120

Чжан Шухань

Особенности языка и стиля медиаконтента в Интернет-СМИ Китая 121-128

Ян Цзыци

Метафоры и эвфемизмы в российском внешнеполитическом дискурсе 129-135

Залова И.М., Залевская Т.Е.

Особенности образования и функционирования сложных слов немецкого языка 136-140

Хао Яньян, Базанова А.Е.

Трансформация требований к контенту детско-юношеских телеканалов CCTV в условиях цифровой среды и пандемии Covid-19 141-145

Цао Линь

Исследование стратегий продвижения туристических брендов на платформе социальных медиа с точки зрения семиотики – на примере «Харбинского туризма» в TikTok 146-150

Антропова А.Е.

Синтаксические средства выражения одновременности в разноструктурных языках (на примере английского и русского языков) 151-155

Банман П.П.

Переводческие конкурсы как инструмент анализа сформированности переводческой компетенции: эрратологический аспект 156-164

Будцов Г.А.

Структурные особенности конспирологического нарратива о вмешательстве в американские президентские выборы 2024 года в материалах the Washington Post 165-171

Воронина Д.И., Каюмова Д.Ф., Каримова А.А., Хасанова О.В.

Исследование эпистемической модальности во фразеологических и паремиологических единицах разноструктурных языков (английского, испанского) 172-176

Го Сяотун

Невербальные характеристики рекламной коммуникации (на материале русского и китайского языков) 177-182

Махмудова П.М., Залевская Т.Е.

Семантические и функциональные особенности устойчивых компаративов английского языка 183-187

Зиядинова Д.А.

Лингвистические и культурные аспекты номинации «восхищение» в англоязычных СМИ 188-194

Филиппиду Электра

Проявление структурно-семантической общности текста-оригинала и его перевода в контексте анализа языковой пары «русский-греческий» 195-201

Хао Яньян, Базанова А.Е. Анализ возрастных категорий китайских детских телеканалов и их контента	202-205
Цао Линь Интеграция коммерческой рекламы в современные китайские социальные сети: исторический путь и его отражение в глобальном контексте развития медиасреды	206-211
Сун Цзяминь Специфика выражения категории времени в китайских фразеологизмах	212-216
Филиппова И.Н. Специфика интерсемиотических трансформаций (на материале кинематографической и игровой реализации «Саги о ведьмаке»)	217-221
Рустамова Ю.Ф. Языковая революция в Турции: трансформации языка на примере “Nutuk” М.К. Ататюрка	222-230
Чжу Хуэйцзе Сравнение технологий и поведения пользователей китайских и российских медиакоммуникационных платформ (на примере @синьхуа новости/xinhua news на «вконтакте» и @今日俄罗斯 rt на «weibo»)	231-237

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

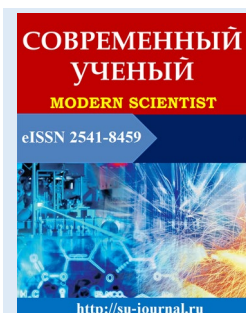
Гордеева В.В., Бирина Е.Р. Современные тенденции цифровизации дошкольного образования	238-243
Глебова М.В. Взаимосвязь подсистем психики в парадигме развития системного мышления	244-252
Малишевская Н.А., Бессарабова О.Н. Роль английского языка в формировании международной языковой интеграции и способы его эффективного изучения в вузе	253-258
Михайлова О.П., Филатова З.М., Гарнышева Т.В., Исавнин А.Г., Хафизова А.А. Роль Big Data в развитии цифровых компетенций педагогов	259-265
Поварницына Т.С. Игровые технологии в обучении профессиональному английскому языку	266-271
Торкунова Ю.В., Иванов Д.А. Электронные учебные курсы: вызовы и возможности цифровой трансформации образования	272-277
Лян Юхо Сравнительный анализ педагогических условий формирования творческой самостоятельности студентов-дизайнеров в Китае и России	278-284
Радченко Т.А. Становление и развитие процесса информатизации системы образования в России (Казахстане)	285-291
Гарнышева Т.В., Михайлова О.П., Исавнин А.Г., Мубаракшина И.И., Хакимова Г.А. Формирование культуры информационной безопасности в профессиональной подготовке будущих педагогов	292-298

Долганина О.Л. Психолого-педагогическое сопровождение профилактики девиации студентов колледжа	299-304
Егоров Ф.М. Влияние дыхательных тренировок с сопротивлением на вдох/выдох: интегративный подход к улучшению показателей легочной функции, качества жизни и спортивной производительности в эру высококонкурентного спорта	305-315
Шумакова Н.С., Яковлева И.М. Технология развития математических представлений у обучающихся с расстройствами аутистического спектра и интеллектуальными нарушениями	316-325
Алексеев С.Н., Гайворонская Т.В., Дробот Н.Н. Система педагогического контроля уровня знаний студентов медицинского вуза	326-334
Волежанина И.С. Роль английского языка в развитии когнитивно-лингвистических навыков будущих инженеров для Индустрии 5.0	335-342
Гарнышева Т.В., Михайлова О.П., Исавнин А.Г., Мубаракшина И.И., Киндикова А.В. Влияние технологий искусственного интеллекта на современную систему образования	343-348
Лян Юхо Перспективы применения искусственного интеллекта в преподавании художественного дизайна	349-354
Плигина Е.В., Семелева Е.В., Аتماйкина О.В., Ляпина С.А. Инклюзивная образовательная среда для билингвальных студентов	355-359
Ильмира Ильяс, Лю Жун Анализ текущей ситуации с подготовкой талантов по иностранным языкам в вузах Узбекистана на фоне «Один пояс, один путь»	360-365
Пань Фусяо Влияние бального танца на развитие эстетического восприятия у студентов	366-372

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Милкина Е.В., Железоголо М.Г. Особенности института соучастия в преступлении в условиях развития цифровой среды	373-379
Баранов Д.А. Вопросы правового регулирования в сфере высшего образования и использования новой терминологии в период цифровой трансформации общества	380-385
Кислицина И.Н., Лукьянчикова Е.Ф., Ляхова А.И. Некоторые вопросы назначения и производства экспертизы приборов учета энергоресурсов в целях определения наличия несанкционированного воздействия на них	386-392
Озимок Д.В., Лутошкин Г.Ю. Проблемы функционирования ООН в современных условиях: вызовы, противоречия и пути реформирования	393-400
Скурлатов В.С. Институт судебная неустойки в решениях Конституционного Суда Российской Федерации	401-408

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070.15

Персонализированный стиль общения государственной власти с гражданами в социальных сетях (на примере официального сообщества во «ВКонтакте» правительства города Севастополь)

^{1, 2} Сенишин С.В.

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,

² Федеральная антимонопольная служба

Аннотация: в статье рассматривается персонализированный стиль коммуникации в соцсетях как перспектива повышения эффективности во взаимодействии органов власти с гражданами. Проведен сравнительный анализ стандартных и персонализированных текстов постов органов власти на примере официального сообщества во «ВКонтакте» Правительства города Севастополь. Результаты исследования показали, что персонализированные ответы воспринимаются аудиторией лучше, так как составлены на простом понятном языке и учитывают категорию обращающихся граждан на основе их индивидуальных потребностей.

Ключевые слова: социальные сети, госорганы, коммуникация, коммуникационный стиль, персонализированный стиль

Для цитирования: Сенишин С.В. Персонализированный стиль общения государственной власти с гражданами в социальных сетях (на примере официального сообщества во «ВКонтакте» правительства города Севастополь) // Современный ученый. 2025. № 4. С. 7 – 13.

Поступила в редакцию: 20 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 21 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Personalized style of communication between government authorities and citizens on social networks (using the example of the official «Vkontakte» community of the Sevastopol city government)

¹ Senishin S.V.

¹ Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,

² Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation

Abstract: the article considers the personalized style of communication in social networks as a prospect of increasing efficiency in the interaction between authorities and citizens. The comparative analysis of standard and personalized texts of posts of authorities was carried out on the example of official community in «VKontakte» of the Government of the city of Sevastopol. The results of the study showed that personalized answers are better under-

stood by the audience, because they are written in a simple understandable language and take into account the category of citizens who make their requests based on their individual needs.

Keywords: social networks, government agencies, communication, communication style, personalized style

For citation: Senishin S.V. Personalized style of communication between government authorities and citizens on social networks (using the example of the official «Vkontakte» community of the Sevastopol city government). Modern Scientist. 2025. 4. P. 7 – 13.

The article was submitted: November 20, 2024; Approved after reviewing: January 21, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Актуальность исследования заключается в том, что на сегодняшний день официальные сообщества органов власти в соцсетях стали удобными площадками для общения с гражданами. Благодаря простой и доступной форме коммуникации стало возможным получать обратную связь от аудитории, публиковать и получать информацию онлайн, совместно выявлять и решать проблемы, связанные с качеством жизни города. Однако все чаще возникают трудности в коммуникации, связанные с пониманием предоставляемой органами власти информации и учетом индивидуальных потребностей аудитории. Главным препятствием, как правило становятся канцеляризмы или так называемый «чиновничий» язык, а также стандартные обезличенные формулировки. В этой связи необходима разработка новых подходов для улучшения коммуникации, одним из которых может быть использование персонализированного стиля для написания текстов ответов на обращения граждан в соцсетях.

Цель исследования заключается в том, чтобы проанализировать персонализированные ответы госорганов на обращения граждан в соцсетях и определить факторы, влияющие на эффективность выбранного стиля коммуникации.

Для этого решались следующие **задачи**:

- 1) обозначены существующие проблемы коммуникации;
- 2) проведен сравнительный анализ стандартных и персонифицированных ответов госорганов на официальной странице в соцсетях во «ВКонтакте» Правительства города Севастополь;
- 3) рассмотрены особенности стилей написания госорганами ответов на обращения граждан в соцсетях и сделан анализ реакции аудитории для определения недостатков в коммуникации;

Научная новизна исследования определяется в связи с появлением новой формы коммуникации госорганов с аудиторией через социальные сети.

Теоретическая значимость исследования обусловлена обобщением данных, полученных на основании экспертных оценок и сравнительного

анализа стандартных и персонализированных ответов госорганов в соцсетях. **Практическая значимость** состоит в том, что полученные результаты и рекомендации могут применяться госслужащими, ответственными за написание ответов на обращения граждан от лица представляемого ими государственного учреждения и администраторами официальных страниц подведомственных организаций в соцсетях.

Материалы и методы исследований

После внесения изменений в Федеральный закон от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», вступивший в силу 1 декабря 2022 года, органы власти обязаны использовать социальные сети для взаимодействия с аудиторией [14, с.5]. Для этого были утверждены основные две интернет-площадки «ВКонтакте» и «Telegram» [15].

Сегодня эти площадки считаются самым популярным инструментом коммуникаций между государством и людьми, поэтому важным аспектом является качество коммуникации, которое зависит от скорости обработки обращений и подачи информации аудитории в простой и понятной форме.

Если в первом случае, вопрос урегулирован федеральным законом, который устанавливает порядок рассмотрения обращений граждан в государственные органы [12], то во втором случае он носит лишь рекомендательный характер, хотя правильный выбор коммуникационного стиля очень важен, так как это способ коммуникации, обусловленный индивидуальностью адресанта, выражающийся в предпочтении определенных кодов, каналов и средств коммуникации, а также степени соблюдения правил того или иного языка [17]. Учитывая, что интернет-площадки для продвижения в социальных сетях подчиняются правилам маркетинга, выбор персонализированной коммуникации, где потребитель воспринимается как личность и обслуживается с учетом его уникальности, становится очевидным [3]. Такой путь взаимодействия строится на индивидуальном подходе

де к каждому, что помогает качественно взаимодействовать с аудиторией.

На сегодняшний день разработано общее руководство по ведению официальных страниц госорганов или госпабликов, в котором описан процесс их ведения с технической точки зрения [13]. Например, как зайти в личный кабинет, настроить шаблон поста, как запланировать его публикацию и т.д. О стиле коммуникации обязательных правил нет, поэтому чаще всего администраторы страниц госорганов в соцсетях используют стандартный для чиновников язык, который представляет собой бюрократический «диалект» русского языка (худшую разновидность официально-делового стиля). Его в основном используют в официальных объявлениях и документах. Как правило, это сложные языковые конструкции с не менее сложной синтаксической структурой, в которых смысл сообщения теряется. Это могут быть формулировки из законов: «в соответствии с принятым законом...», канцеляризмы: «представляя анализ исходной ситуации...», ссылки на постановления и распоряжения большого объема, которые надо изучать самостоятельно. Для большинства граждан воспринять такую форму изложения текста сложно. Формально ответ дан, однако он может остаться непонятым. Чаще всего это вызывает раздражение со стороны аудитории, которое выражается в гневных комментариях под постами. Возникает полемика среди единомышленников, так как обезличенный ответ выглядит как отписка, которая не способствует решению вопроса, а еще больше усугубляет ситуацию.

Еще Антон Павлович Чехов писал: «Какая гадость чиновничий язык! Исходя из того положения... с одной стороны... с другой же стороны – и все это без всякой надобности. «Тем не менее» и «по мере того» чиновники сочинили...» [16, с.85].

По мнению А.Д. Васильева и Е.А. Земской, канцелярит выполняет функции политкорректности и управления, манипулирования массовой аудиторией [1]. Однако коммуникация с помощью соцсетей подразумевает не просто предоставление фактов о работе госорганов, ее главная цель – создавать благоприятную среду для общения с аудиторией, а для этого необходимо находить с ней общий язык в прямом смысле слова. Так, чтобы любая информация, независимо от ее сложности, переводилась на простой доступный язык для большой массы людей вне зависимости от образования, статуса и возраста. Кроме того, аудитория в соцсетях, как правило, проявляет себя эмоционально. Например, человек инвалид, обращался во все инстанции, но его проблему никто не решил. В данном случае необходим персонализированный

подход, учитывающий статус обратившегося, а также применение эмоциональных приемов, таких как, благодарность за обращение, приветствие, просьба, извинения и, конечно, вежливый тон.

Председатель комитета Госдумы по информационной политике, информационным технологиям и связи Александр Хинштейн отмечает, что новые нормы должны делать госорганы более открытыми и дать возможность гражданам получать информацию «в понятной и доступной форме» [2]. Одной из таких форм, может быть, публикация персонализированных ответов, с простыми и понятными формулировками в тексте.

На проблему, связанную с подачей информации для граждан в соцсетях на интернет-площадках, стали обращать внимание специалисты из Social Media Marketing. По их мнению, без помощи SMM - маркетинга в социальных сетях успешно продвигаться и коммуницировать сложно. Необходим большой комплекс работ, в который входит выработка стратегии, создание визуального оформления, общение с подписчиками и т.д., что затруднительно проводить администратору паблика в одном лице. В данном случае требуется привлечение сразу нескольких специалистов или дополнительная подготовка госслужащего, выполняющего эти функции, что далеко не в каждом государственном органе возможно реализовать. Однако маркетологи составили простые рекомендации, которые помогают, например, выстраивать диалог с аудиторией на доступном для нее языке, избегая канцелизмов, сложных профессиональных формулировок и терминов. Эксперт по сопровождению медийной деятельности федеральных и региональных органов власти Евгений Журавлев подчеркивает, что если речь идет о внешних коммуникациях, то надо переводить с чиновничьего языка на человеческий: «Простому человеку бывает сложно пробраться сквозь зубодробительные тексты законодательных актов». Он рекомендует не использовать в текстах сухой перечень фактов, а переводить его в понятную инструкцию, которую можно применить в жизни (как сделать и развить госпаблик для людей) [11].

Результаты и обсуждения

Сравнительный анализ стандартных и персонализированных ответов госорганов на официальной странице сообщества в соцсетях во «ВКонтакте» Правительства города Севастополь показал, что персонализированные ответы воспринимаются аудиторией лучше по нескольким причинам. Первая – это изложение сути решения проблемы простым и понятным языком.

Рассмотрим пример удачной коммуникации под постом о горном отдыхе в России, где остав-

лен комментарий саркастического характера от подписчика. По его мнению, начался пожароопасный период и данный пост не уместен, так как поход в горы и лес может быть опасным. На что ему был дан ответ администратором, что «...в пожароопасный период не вводится запрет на посещение леса. Поэтому путешествуйте, только не разводите костры в необорудованных местах» [5]. В тексте нет ссылок на законы или постановления, нет цитат из них, отсутствуют канцеляризмы. Он не только составлен простым языком, но и еще достаточно информативен. Из него ясно, что можно делать, а что нельзя в пожароопасный период. Поскольку последующих комментариев под постом нет, можно предполагать, что такой ответ подписчика и остальную аудиторию удовлетворил.

Еще один пример грамотной коммуникации с аудиторией, где использовался простой и информативный текст под постом о старте сезона общегородских зарядок. Люди попросили обратить внимание на то, что в новом парке на мысе Фиолент нет спортивных площадок, на что им был дан ответ: «Управление спорта города Севастополя благодарит вас за активную позицию, данную локацию мы учтем и рассмотрим» [6]. Со стороны аудитории положительная реакция выражается в виде лайков и смайликов.

Вторая причина – это персональный подход. Для сравнения рассмотрим пример с неудачной коммуникацией под постом о диспансеризации, где аудитория не получила конкретного ответа ни на один из заданных вопросов, что вызвало гневную полемику среди подписчиков. Департамент здравоохранения города Севастополь сообщило, что можно пройти расширенную диспансеризацию в поликлиниках города, однако подписчики, исходя из своей практики, поставили данный факт под сомнение, так как на самом деле это не так просто, на что получают ответ в виде объемного, плохо понимаемого текста: «...для выявления у граждан признаков хронических неинфекционных заболеваний, факторов риска их развития, а также...», с применением большого количества канцелизмов и ссылки на дополнительный материал для ознакомления [7]. В итоге под постом оставлены подписчиками гневные сообщения: «...не слушайте шарлатанов. Вешают лапшу на уши», «Если бы они ещё говорили правду» и т.д.

В следующем ответе Департамента здравоохранения города Севастополь, кроме стандартного текста, можно считать недостатком и тот факт, что отсутствует персонализированный подход к решению вопроса. Женщина обратилась с вопросом, что делать, если сломана рука, а записи к

травматологу нет. На что получила стандартный обезличенный ответ: «Светлана, Здравствуйте. Запись к травматологу есть. Вы можете попросить регистратора поставить в лист ожидания. Как только появятся свободные слоты, операторы оповестят Вас» [4]. В данном случае со стороны Департамента здравоохранения ответ на обращение выглядит как отписка, так как по факту аудитория указывает на то, что существуют с их стороны недоработки, что записи к врачу нет, тогда как департамент продолжает утверждать, что есть. В итоге аудитория не только не получила ответы на свои вопросы, но и еще больше убедилась, что Департамент здравоохранения не заинтересован в решении вопросов граждан.

Пример успешной коммуникации можно рассмотреть в ответе Департамента образования и науки Севастополя на жалобу граждан, обеспокоенных состоянием укрытий в школах. В ответе на обращение администратор от лица Департамента благодарит за сигнал, обещает направить профильных специалистов для проверки состояния укрытия. Текст составлен с учетом потребностей автора сообщения: «Мы понимаем, что бывает некомфортно, но безопасность детей в данном случае в приоритете». Далее не отписка, что это не в их компетенции, а корректное указание на ответственных лиц за состояние укрытий. А также рекомендация и просьба для дальнейшего решения вопроса: «Состояние укрытий находится на контроле директоров. Пожалуйста, обсудите данный вопрос с директором вашей школы, совместно вы найдете варианты, как сделать условия пребывания детей комфортнее» [8]. Ответ составлен с учетом потребности гражданина, в вежливой форме, максимально информативно, адресат получил рекомендации и предложение в содействии решения вопроса, что является хорошим примером эффективной коммуникации.

Еще одна особенность персонализированного стиля – это использование эмоциональных приемов коммуникации, например - приветствие, благодарность, просьба, извинение. Пример безэмоционального сообщения со стороны Севнаследия. Гражданин изложил суть проблемы, указав адрес, степень разрушения памятников, предположение, что есть архив или план, где можно увидеть, как выглядели памятники раньше, чтобы восстановить их. Также он указывает на важность решения вопроса, так как скоро юбилейная дата и там похоронены лучшие люди Севастополя и свой опыт обращения в Департамент градостроительства, где он получил отрицательный результат. Севнаследие дает такой ответ: «Добрый день. Данные объекты являются объектом культурного наследия

регионального значения. Работы по сохранению объекта культурного наследия проводятся по инициативе собственника/пользователя объекта. Севнаследие проведет контрольно-надзорное мероприятие, по результату будут приняты меры поуждения к проведению работ по сохранению объекта. При этом следует отметить, что работы могут быть проведены только при наличии научно-проектной документации, согласованной Севнаследием, и при наличии соответствующего финансирования» [9]. Здесь мы видим классический канцелярит, отсутствие учета потребностей гражданина и эмоций. Ответ содержит сплошные выдержки из закона, малопонятен и практически не информативен. В сообщениях под постом это вызвало негодование среди подписчиков и гневные сообщения: «...так пусть работают! Чего ждут? Пинка из Москвы?», «... заниматься, видимо, по сути отписками вы уже научились», «к сожалению, правительство города, очень мало уделяет внимания этим самым памятникам и историческим местам».

Как пример грамотной коммуникации можно привести ответ Департамента городского хозяйства: «Добрый день. Сотрудники управляющей компании проводили ремонтные работы. Сейчас

теплоснабжение восстановлено. Благодарим за обращение» [10].

Выводы

Исходя из проведенного исследования, можно сделать вывод, что персонализированные ответы госорганов на обращения граждан в соцсетях могут быть эффективным методом для коммуникации. Это обуславливается тем, что правительственные интернет-площадки работают по такому же принципу, как и любые другие интернет-площадки, оказывающие услуги. Их принцип состоит в том, чтобы привлекать широкий круг аудитории, которая сама по себе неоднородна. Персональный подход в процессе коммуникации с аудиторией предоставляет массу возможностей. Аудитория быстро получает необходимую информацию в простой понятной форме, соответствующей её запросам, не испытывая раздражения от малопонятных текстов. Учитывается степень важности вопроса, статус обратившегося, его возраст, опыт в решении схожих проблем и другие персональные особенности. Эмоционально окрашенные тексты также способствуют благоприятному общению, так как снижают градус негатива в комментариях. Как следствие, персонализированная коммуникация взаимовыгодна, как для органов власти, так и для граждан при решении вопросов.

Список источников

1. Васильев А.Д. Слово в телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. ФЛИНТА, 2018 г. 224 с.
2. Госорганы теперь обязаны отвечать на вопросы граждан в соцсетях. Эксперт Зацепин рассказал об обязанности госорганов вести паблики в социальных сетях [Электронный ресурс]. URL:https://vk.com/wall-131591841_118402 (дата обращения: 11.02.2024)
3. Деревицкий А. Особенности персонализированного общения с клиентами. Энциклопедия маркетинга [Электронный ресурс]. URL: https://www.marketing.spb.ru/lib-around/socio/sales_personalization.htm (дата обращения: 10.03.2024)
4. Информация с группы «Черный список Севастополя» во «ВКонтакте» https://vk.com/wall-93236776_3516608
5. Информация с официальной страницы Правительства города Севастополь во «ВКонтакте» https://vk.com/wall-126326014_174071
6. Информация с официальной страницы Правительства города Севастополь во «ВКонтакте» https://vk.com/wall-126326014_173879
7. Информация с официальной страницы Правительства города Севастополь во «ВКонтакте» https://vk.com/wall-126326014_173852
8. Информация с официальной страницы Правительства города Севастополь во «ВКонтакте» https://vk.com/wall-126326014_174579
9. Информация с официальной страницы Правительства города Севастополь во «ВКонтакте» https://vk.com/wall-126326014_174552
10. Информация с официальной страницы Правительства города Севастополь во «ВКонтакте» https://vk.com/wall-126326014_173644
11. Как сделать и развить госпаблик для людей Чек-лист по грамотному ведению официальных аккаунтов [Электронный ресурс]. URL:<https://www.cossa.ru/152/320406/> (дата обращения: 11.02.2024)
12. Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (дата обращения: 01.04.2024)

13. Общая инструкция госпаблики [Электронный ресурс]. URL: <http://ulru.ru/attachments/article/301/Инструкциягоспабликиобщая.pdf> (дата обращения: 11.03.2024).
14. Официальное опубликование правовых актов. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140024> (дата обращения: 11.04.2024).
15. Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и средств массовой информации [Электронный ресурс]. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74156.htm> (дата обращения: 01.04.2024)
16. Чехов А.П. Письмо Суворину А.С., 24 августа 1893 г. Мелиховой М.: Наука, 1974-1983. Т. 5. Письма, Март 1892-1894. М.: Наука, 1977. С. 228 – 231. С. 85 [Электронный ресурс]. URL: <http://chekhov-lit.ru/chekhov/letters/1892-1894/letter-1336.htm>
17. Энциклопедия социологии [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/social/КОММУНИКАЦИИ_СТИЛЬ (дата обращения: 21.03.2024)

References

1. Vasiliev A.D. Word on TV: Essays on the latest word usage in Russian television broadcasting. FLINTA, 2018, 224 p.
2. Government agencies are now required to answer citizens' questions on social networks. Expert Zatsepin spoke about the obligation of government agencies to maintain public pages on social networks [Electronic resource]. URL: https://vk.com/wall-131591841_118402 (date accessed: 11.02.2024)
3. Derevitsky A. Features of personalized communication with clients. Encyclopedia of Marketing [Electronic resource]. URL: https://www.marketing.spb.ru/lib-around/socio/sales_personalization.htm (date accessed: 10.03.2024)
4. Information from the group "Black List of Sevastopol" on VKontakte https://vk.com/wall-93236776_3516608
5. Information from the official page of the Government of the city of Sevastopol on VKontakte https://vk.com/wall-126326014_174071
6. Information from the official page of the Government of the city of Sevastopol on VKontakte https://vk.com/wall-126326014_173879
7. Information from the official page of the Government of the city of Sevastopol on VKontakte https://vk.com/wall-126326014_173852
8. Information from the official page Sevastopol City Government on VKontakte https://vk.com/wall-126326014_174579
9. Information from the official page of the Sevastopol City Government on VKontakte https://vk.com/wall-126326014_174552
10. Information from the official page of the Sevastopol City Government on VKontakte https://vk.com/wall-126326014_173644
11. How to create and develop a government public for people Checklist for the proper management of official accounts [Electronic resource]. URL: <https://www.cossa.ru/152/320406/> (date of access: 11.02.2024)
12. Consultant Plus [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (date of access: 01.04.2024)
13. General instructions of the state public [Electronic resource]. URL: <http://ulru.ru/attachments/article/301/Иментациягоспабликиобщая.pdf> (date of access: 11.03.2024).
14. Official publication of legal acts. [Electronic resource]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140024> (date of access: 11.04.2024).
15. Official website of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media [Electronic resource]. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74156.htm> (access date: 04/01/2024)
16. Chekhov A.P. Letter to Suvorin A.S., August 24, 1893. Melikhovoy M.: Science, 1974-1983. Т. 5. Letters, March 1892-1894. М.: Наука, 1977. Р. 228 – 231. Р. 85 [Electronic resource]. URL: <http://chekhov-lit.ru/chekhov/letters/1892-1894/letter-1336.htm>
17. Encyclopedia of Sociology [Electronic resource]. URL: https://gufo.me/dict/social/КОМУНКИЯ_СТАЛЬ (date of access: 21.03.2024)

Информация об авторе

Сенишин С.В., аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; Федеральная антимонопольная служба, sergey-senishin@yandex.ru

© Сенишин С.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.11-112

Особенности дефиниции арабизмов в англоязычном научном дискурсе британского и американского вариантов

¹ Адзиева Э.С.

¹ Дагестанский государственный педагогический университет

Аннотация: научная работа посвящена исследованию особенностей дефиниции арабских заимствований в научном дискурсе британского и американского вариантов английского языка. Анализ основан на исследованиях научных публикаций, а также лексикографических источниках, которые предоставляют возможности определить основные тенденции и специфику в определении арабских заимствований. Арабизмы являются словами или фразами, которые заимствованы из арабского языка в английский язык посредством науки и культуры и торговых отношений. В последнее время интерес к заимствованиям возрос в связи с процессами глобализации, а также повышением межкультурного взаимодействия. Стоит подчеркнуть, что подходы к дефиниции могут отличаться не только в зависимости от культурного контекста, но и языкового. В научной работе автор подробно рассматривает, каким образом арабские заимствования определяются в англоязычном научном дискурсе двух вариантов языка. Данное исследование основано на обзорах научных публикаций, в том числе и лексикографических источников, а также дидактических материалах, что предоставляет возможность определить актуальные тенденции, а также специфику в процессе определения арабских заимствований.

Ключевые слова: арабский язык, английский язык, заимствования, культура, лексикография, научный дискурс, контекстуальное использование

Для цитирования: Адзиева Э.С. Особенности дефиниции арабизмов в англоязычном научном дискурсе британского и американского вариантов // Современный ученый. 2025. № 4. С. 14 – 18.

Поступила в редакцию: 20 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 21 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Features of the definition of Arabisms in the English-language scientific discourse of the British and American variants

¹ Adzieva E.S.

¹ Dagestan State Pedagogical University

Abstract: the scientific work is devoted to the study of the features of the definition of Arabic borrowings in the scientific discourse of the British and American English languages. The analysis is based on the study of scientific publications, as well as lexicographic sources, which provide an opportunity to determine the main trends and specifics in the definition of Arabic borrowings. Arabisms are words or phrases that are borrowed from Arabic into English through science and culture and trade relations. Recently, interest in borrowings has increased due to globalization processes, as well as increased intercultural interaction. It is worth emphasizing that approaches to defini-

tion may differ not only depending on the cultural context, but also the linguistic one. In the scientific work, the author examines in detail how Arabic borrowings are defined in the English-language scientific discourse of the two language variants. This study is based on reviews of scientific publications, including lexicographic sources, as well as didactic materials, which provides an opportunity to determine current trends, as well as specifics in the process of defining Arabic borrowings.

Keywords: Arabic, English, borrowings, culture, lexicography, scientific discourse, contextual use

For citation: Adzieva E.S. Features of the definition of Arabisms in the English-language scientific discourse of the British and American variants. *Modern Scientist*. 2025. 4. P. 14 – 18.

The article was submitted: November 20, 2024; Approved after reviewing: January 21, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Арабские заимствования являются лексические единицы, а также фразеологические обороты или выражения, которые были заимствованы из данного языка и вошли в состав англоязычной лексики посредством торговых отношений, науки и т.д. [1]

«Наибольшее количество арабских слов было заимствовано в XIV-XVI вв.еках. В основном они представляют собой научные термины или обозначают предметы торговли, особенно восточные товары. Некоторые из них являются названиями лиц или связаны с мусульманской религией. Часть этих слов по своей семантике не поддается какой-либо классификации, ср. camphor. – «камфора» – ст. фр. – араб. kafur; alkali – «щелочь» – араб. al quail; tartar – «винный камень»; zenith – исп., cenit араб. samt arras – «путь сверху»; azimuth – араб. as-sumut; amber «амбра» – араб. anbar; tara – араб. tarhan taraha – «выбрасывать»» [7].

Стоит подчеркнуть, что в последнее время интерес к арабским заимствованиям повысился в контексте процессов глобализации, в том числе и активном межкультурном взаимодействии кроме того, следует отметить, что подходы к дефиниции существенно отличаются в соответствии с культурным контекстом, а также и языковым. В научной работе автор анализирует как заимствования определяются англоязычным научным дискурсом двух вариантов языка [2].

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили научные публикации по теме дефиниции арабизмов в англоязычном научном дискурсе, а также интернет ресурсы с дидактическими материалами, цифровой контент (рассматривается на примерах британского и американского вариантов).

Методика данного исследования состоит из анализа научных публикаций, в том числе словарей и энциклопедий, также рассматривались учебные пособия. В научной работе обращалось внимание на различные аспекты, а именно: изучение определений арабских заимствований в разных

словарях. Исследование примеров употребления арабских заимствований в научных публикациях. Анализ культурных контекстов, в том числе исторических, которые влияют на процесс восприятия арабских заимствований.

Результаты и обсуждения

Рассмотрим лексикографическое определение арабизмов.

В британском варианте английского языка заимствования, как правило, определяются ориентиром на историческое значение, также культурное. Как например, в словарях *Oxford Dictionary* [11] отображается как лексическое значение, так и этимологическое, в том числе употребление в разных контекстах, что предоставляет возможность целевой аудитории более глубоко понимать исторические корни и данные лексические единицы.

В американском варианте английского языка обращается внимание на практическое употребление лексики. Как например, в словаре *Мэриам Вебстер* [12], как правило, упоминаются краткие определения, которые сосредоточены на использовании в современном языке, что в данном случае приводит к соответствующим культурным нюансам, которые в настоящее время остаются не изученными.

Рассмотрим контекстуальное применение.

В британском варианте английского языка арабские заимствования, как правило, применяются для иллюстрации исторических событий, явлений или культурных контекстов (в научных публикациях). Как например, в научных исследованиях истории ближневосточного региона заимствования представляются соответствующим пояснением значения, в том числе контекст употребления [3].

В американском варианте английского языка употребление арабских заимствований является более прагматичным. Как например, в различных исследованиях в сфере международных отношений, в том числе по глобальным вопросам обращается внимание на актуальность данного терми-

на в определённом контексте на современном этапе без учёта специфики исторических корней.

Рассмотрим культурную ассоциацию в двух вариантах английского языка.

Стоит отметить, что в британские учёные, как правило, отмечают культурные ассоциации арабских заимствований, отмечая их взаимосвязь с историческим контекстом, а также с различными культурными традициями, что в данном случае взаимосвязано не только с историей сотрудничества между англоязычными странами, но и арабскими [5].

Американские учёные обращают внимание на функциональный аспект заимствований в рамках современного употребления, что в данном случае взаимосвязано с различными социальными вопросами, а также политическими, как например, миграция или процессы глобализации.

Рассмотрим примеры научного дискурса в двух вариантах английского языка.

Британский научный дискурс.

1. Контекст. В данном дискурсе, как правило, обращается внимание на историческое взаимодействие арабского мира, а также европейскими странами, в том числе в рамках средневековой науки. Как например, термин *алгебра* может определяться, учитывая историческую роль, в том числе с учётом влияния на развитие математических дисциплин в европейских странах [7].

2. Лексикография. Также в британских словарях, как например, *Oxford Dictionary* [11] представляются помимо определения этимологические заметки, которые объясняют происхождение заимствований, а также их употребления в различных исторических контекстах на современном этапе.

3. Пример употребления. В научных публикациях приводятся различные примеры арабских заимствований научной сферы или литературы, как например, *сахар* (□□□) или *хлопок* (□□□), обращая внимание на влияние британской культуры, в том числе и экономики.

Американский научный дискурс.

1. В контексте на современном этапе в рассматриваемом дискурсе обращается внимание на араб-

ские заимствования и их употребления в повседневной жизни социума. Как например, арабизм *кофе* (□□□□) или арабизм *сироп* (□□□□) могут употребляться в контексте процесса глобализации, а также культурного взаимодействия [8].

«Еще один крупный пласт арабизмов – продукты питания: البرقوق → apricot «абрикос», الكحول → alcohol «алкоголь», البادئجان → aubergine «баклажан», ليمون → lemon «лемон», مرزبانية → marzipan «марципан», سكر → sugar «сахар», شراب → syrup «сироп», لوفح → halva «халва», شربات → sherbet «шербет», القهوة → coffee «кофе»» [4].

2. Лексикография. Заимствования ассимилируются к произношению в американском английском, а также правописание, что на данном этапе отражается в определениях. Как например, заимствование *хумус* (□□□) определяется при помощи популярности данной лексической единицы в американской кухне на современном этапе.

3. Пример употребления. На сегодняшний день в американских научных исследованиях отмечается междисциплинарный подход к исследованию арабских заимствований, которые включает в себя антропологические аспекты и социологические [9].

Как например, заимствование *джаз* может в данном случае включать в себя не только корни арабской национальной музыки, но и оказывает влияние на американскую культурную принадлежность [10].

Выводы

Таким образом, данное исследование особенностей дефиниции заимствований в британском и американском вариантах английского языка (научный дискурс) демонстрирует существенные отличия.

Британский научный дискурс глубоко анализирует культурный контекст, а также исторический, в то время как американский научный дискурс обращает внимание на практическое употребление арабских терминов. Данные различия отмечают важность учёта культурной специфики при исследовании языковых заимствований, в том числе и дефиниций.

Список источников

1. Амирова А.А. Использование англоязычных заимствований в СМИ арабских стран. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/> (дата обращения: 16.10.2024)
2. Бахтиярова А.Н., Фаткуллина Ф.Г. Арабские заимствования в лексической системе русского языка // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-27. С. 6124 – 6128. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=38632> (дата обращения: 16.10.2024)
3. Вавичкина Т.А. Интернациональные слова и их адаптация в арабском языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 02/2. С. 157 – 160. DOI 10.37882/2223-2982.2022.02-2.05

4. Волощук А.В. Арабские заимствования в современном английском языке // Язык и межкультурная коммуникация в современных условиях: Сборник научных статей IX всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 21 апреля 2021 года. Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2021. С. 50 – 53.
5. Горшунов Ю.В. Арабский след в английском языке // Вестник Башкирск. ун-та. 2018. № 2. С. 451 – 456. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arabskiy-sled-v-angliyskom-yazyke> (дата обращения: 16.10.2024)
6. Еремин А.С. Арабизмы в современном английском языке и их интерпретация // Филологический аспект. Январь, 2019. № 1 (45). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/arabizmy-v-sovremennom-angliyskom-yazyke-i-ikh-interpretatsiya.html> (дата обращения: 16.10.2024)
7. Жакупова Ш.С. Арабские и тюркские заимствования в английском языке. URL: <https://rep.ksu.kz/bitstream/handle/data/7321/Филология202012-4-87-93.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 16.10.2024)
8. Курбанова Н.А. Словообразовательная активность арабских заимствований в английском языке // Молодой ученый. 2017. № 12 (146). С. 629 – 631. URL: <https://moluch.ru/archive/146/40783/> (дата обращения: 16.10.2024)
9. Мирсаминова Г.М. Арабские и персидско-таджикские заимствования в английском языке. URL: <https://www.dissercat.com/content/arabskie-i-persidsko-tadzhikskie-zaimstvovaniya-v-angliyskom-yazyke> (дата обращения: 16.10.2024)
10. Светлова Р.М., Ибрагимова Л.Г., Лисина Г.М.. Особенности фонетического освоения арабизмов в русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 5. С. 1406 – 1410. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-foneticheskogo-osvoeniya-arabizmov-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 16.10.2024)
11. Oxford English Dictionary. (2023). URL: <https://www.oed.com/?tl=true> (дата обращения: 22.10.2024)
12. Merriam-Webster Dictionary. (2023). URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 22.10.2024)

References

1. Amirova A.A. Use of English-language borrowings in the media of Arab countries. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/> (date of access: 16.10.2024)
2. Bakhtiyarova A.N., Fatkullina F.G. Arabic borrowings in the lexical system of the Russian language. Fundamental research. 2015. No. 2-27. P. 6124 – 6128. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=38632> (date of access: 16.10.2024)
3. Vavichkina T.A. International words and their adaptation in the Arabic language. Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities. 2022. No. 02/2. P. 157 – 160. DOI 10.37882/2223-2982.2022.02-2.05
4. Voloshchuk A.V. Arabic borrowings in modern English. Language and intercultural communication in modern conditions: Collection of scientific articles of the IX All-Russian scientific and practical conference, Novosibirsk, April 21, 2021. Novosibirsk: Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation, 2021. P. 50 – 53.
5. Gorshunov Yu.V. Arabic trace in the English language. Bulletin of the Bashkir. University. 2018. No. 2. P. 451 – 456. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arabskiy-sled-v-angliyskom-yazyke> (date of access: 16.10.2024)
6. Eremin A.S. Arabisms in modern English and their interpretation. Philological aspect. January, 2019. No. 1 (45). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/arabizmy-v-sovremennom-angliyskom-yazyke-i-ikh-interpretatsiya.html> (date of access: 16.10.2024)
7. Zhakupova Sh.S. Arabic and Turkic borrowings in the English language. URL: <https://rep.ksu.kz/bitstream/handle/data/7321/Филология202012-4-87-93.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed: 16.10.2024)
8. Kurbanova N.A. Word-formation activity of Arabic borrowings in the English language. Young scientist. 2017. No. 12 (146). Pp. 629 - 631. URL: <https://moluch.ru/archive/146/40783/> (accessed: 16.10.2024)
9. Mirsaminova G.M. Arabic and Persian-Tajik borrowings in the English language. URL: <https://www.dissercat.com/content/arabskie-i-persidsko-tadzhikskie-zaimstvovaniya-v-angliyskom-yazyke> (date of access: 16.10.2024)

10. Svetlova R.M., Ibragimova L.G., Lisina G.M. Features of phonetic development of Arabisms in the Russian language. Philological sciences. Theory and practice issues. 2023. No. 5. P. 1406 – 1410. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-foneticheskogo-osvoeniya-arabizmov-v-russkom-yazyke> (date of access: 16.10.2024)

11. Oxford English Dictionary. (2023). URL: <https://www.oed.com/?tl=true> (Accessed: 22.10.2024)

12. Merriam-Webster Dictionary. (2023). URL: <https://www.merriam-webster.com/> (Accessed: 22.10.2024)

Информация об авторе

Адзиева Э.С., кандидат филологических наук, доцент, 367000, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, д. 57, каб., Elf777@mail.ru

© Адзиева Э.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 81-22

Интонационные особенности английской шутки

¹ Багдасарова Э.В.

¹ *Российский государственный гуманитарный университет*

Аннотация: данная статья посвящена особенностям английской интонации как неотъемлемой части английской шутки. Описание характеристик было проведено путем анализа таких компонентов интонации, как мелодия, темп речи, паузы и тембр голоса. Автор статьи определяет интонацию как акустическую сторону речи, которая осуществляет синтаксическое и эмоциональное оформление фразы. По результатам анализа был сделан вывод, что интонация каждого языка уникальна и в эмоциональных фразах полностью связана настроением человека и не соответствует определенным интонационным нормам. Темп и тембр речи напрямую зависит от конкретной личности, её эмоционального состояния и ситуации. Совершенно на любом языке мира мы можем говорить быстро или медленно, грустно или радостно. Актуальность данной работы определяется ее соответствием интересам изучения современной лингвистики. В течение последних лет, будучи широко распространенным жанром, английский юмор стал неотъемлемой частью лингвокультурного наследия страны. Интерес к изучению юмора обусловлен широким спектром его проявления в обыденной жизни людей: он является одним из необходимых компонентов коммуникации. Анализ шуток из ситкома «Как я встретил вашу маму» показал, что многие смешные моменты комедии созданы за счёт применения пауз. Данный интонационный компонент позволяет создать эффект напряжения, заинтересованности у зрителя. После паузы, как правило, следует шутка, что делает её ещё смешнее.

Ключевые слова: интонация, темп, ритм, тембр, ударение, эмоциональная пауза

Для цитирования: Багдасарова Э.В. Интонационные особенности английской шутки // Современный ученый. 2025. № 4. С. 19 – 24.

Поступила в редакцию: 21 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 22 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Intonation features of an English joke

¹ Bagdasarova E.V.

¹ *Russian State University for the Humanities*

Abstract: this article is devoted to the peculiarities of English intonation as an integral part of an English joke. The characteristics were described by analyzing such components of intonation as melody, tempo of speech, pauses and timbre of voice. The author of the article defines intonation as the acoustic side of speech, which implements the syntactic and emotional design of a phrase. Based on the results of the analysis, it was concluded that the intonation of each language is unique and in emotional phrases is completely related to a person's mood and does not correspond to certain intonation norms. The tempo and timbre of speech directly depends on the individual, his emotional state and the situation. We can speak fast or slow, sad or joyful in absolutely any language of the world. The relevance of this work is determined by its relevance to the interests of studying modern linguistics. In recent years,

being a widespread genre, English humor has become an integral part of the country's linguistic and cultural heritage. The interest in the study of humor is due to the wide range of its manifestations in ordinary people's lives: it is one of the necessary components of communication. An analysis of jokes from the sitcom "How I Met Your Mother" has shown that many funny comedy moments are created through the use of pauses. This intonation component allows you to create the effect of tension and interest in the viewer. A pause is usually followed by a joke, which makes it even funnier.

Keywords: intonation, tempo, rhythm, tempo, stress, emotional pause

For citation: Bagdasarova E.V. Intonation features of an English joke. Modern Scientist. 2025. 4. P. 19 – 24.

The article was submitted: November 21, 2024; Approved after reviewing: January 22, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

В течение многих веков языковеды изучают такое лингвистическое явление как интонация. Столь повышенный интерес к данному аспекту речи объясняется тем, что он играет огромную роль в нашей повседневной жизни. Общеизвестно, что одно и то же предложение мы можем произнести совершенно по-разному. С помощью тона, пауз, логических ударений становится возможным менять смысл высказываний, делать их звучание более выразительным и эмоциональным.

Несмотря на то, что проблемой английской интонации занимались многие учёные, такие как Кулешук С.Н. [4], Антипова А.М. [1], Дубовский Ю.А. [2], Зубрицкая Е.Е. [3], Торсуева И.Г. [11], Литвин М.М. [6] этот вопрос остается до конца не изученным. Так, например, ряд трудностей может возникнуть в процессе понимания интонационных особенностей некоторых английских шуток, поскольку именно этот раздел фонологии был менее всего рассмотрен. Безусловно, юмор составляет важнейшую часть нашей речи. Без него наше общение было бы не таким интересным, а жизнь лишилась бы ярких красок [7].

В литературе вопроса существует большое число толкований термина «интонация». Так, например, В.И. Даль объясняет интонацию следующим образом: Интонация – особенно сильное ударение голосом на чем-либо [9]. Толковый словарь русского языка даёт нам более полную дефиницию: 1. Звуковые средства языка, оформляющие высказывание: тон, тембр, интенсивность и длительность звучания. 2. Манера произношения, отражающая какие-нибудь чувства говорящего, тон [10]. Данное определение объясняет рассматриваемое в работе лингвистическое явление наиболее детально, именно поэтому оно будет выбрано в качестве рабочего.

Анализ английских шуток с точки зрения их интонационного оформления позволит выявить характерные фонологические черты данного языка, а также определить роль интонации в создании

остроумных фраз. Отсюда следует, что проблема, затрагиваемая в работе, достаточно **актуальна и важна**.

Основной **целью** явилось выявление и описание особенностей английской интонации на примере шуток из популярного американского сериала «Как я встретил вашу маму». Задачи для реализации поставленной цели состоят в описании специфики английской интонации, раскрытии особенностей американского юмора, поиске и анализе английских шуток с точки зрения их интонационного оформления. **Практическая значимость** исследования заключается в возможности использования его результатов при преподавании такого раздела, как теория английской интонации дисциплины «Теоретическая фонетика», Практическая фонетика английского языка, сравнительно-сопоставительная фонетика, психолингвистика текста и лингвокультурология.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили выдержки из ситкома “How I met your mother” («Как я встретил вашу маму»). Ситком или ситуационная комедия – это жанр комедии, разновидность комедийного телевизионного шоу, в котором есть постоянные герои и место действия. Ситуационная комедия имеет следующие характеристики: состоит из нескольких эпизодов продолжительностью 20-30 минут, снабжена закадровым смехом, построена на контрасте (например, один главный герой семьянин, другой заядлый холостяк), юмор, как правило, основан на комичных ситуациях, в которые попадают главные персонажи.

В соответствии с целями и задачами в работе применялись аналитический, сравнительный, количественный методы анализа и исследования. Методом сплошной выборки было отобрано и проанализировано 200 шуток из 20 серий.

Результаты и обсуждения

Мелодика и тембр в шутках сериала. Использование того или иного тона безоговорочно придаёт речи эмоциональную окраску, делает её более

живой и выразительной. Особенно мелодика речи и тембр важны при создании шуток [8]. В ситуационных комедиях изменение тона выступает одним из самых продуктивных методов построения шуток [5]. В этом можно убедиться, обратив внимание на некоторые примеры из сериала.

В 19 серии первого сезона персонажи сериала сидят за ставшим для них традиционным столом в баре. Происходит следующий диалог: Robin: "Something kinda cool just happened. My story on Pickles, the singing dog, just got nominated for Local Area Media Awards". Lily: "...Lama?" [lei-muh] Робин сообщает друзьям о том, что один из её репортажей был номинирован на премию, аббревиатура которой по звучанию схожа с английским словом lame – убогий. Комичность ситуации состоит в том, что репортаж Робин был сам по себе в некотором смысле lame, и малопrestижная премия также довольно lame, что намекала Лили, произнеся это слово с некоторой задержкой, после красноречивой протяжной паузы и используя восходящую интонацию для того, чтобы подчеркнуть забавное совпадение, одновременно намекая на изначальное значение слова lame.

В 10 серии первого сезона друзья, сидя в баре, увидели на столе пятно, похожее на кровь. Marshall: "... Is there any chance that Carl is a vampire?... He always wears black, we never see him in the daylight, only after dark" Robin: "Oh my god! That does describe a vampire. Or, you know, a bartender".

Маршалл выдвинул забавную, саму по себе, гипотезу о том, что Карл, бармен, является вампиром, так как он всегда одет в чёрное, и они никогда не видели его в солнечном свете, только в темноте вечернего бара. На что Робин отвечает, что это в самом деле похоже на описание вампира. Или бармена.

Первая часть фразы Робин сказана в той же манере и тем же тоном (однотонной низкой интонацией, шепотом), что и фраза Маршала. Однако перед концовкой фразы Робин сделала эмоциональную паузу и восходящей интонацией произнесла кульминативную часть. Пауза служит для усиления эффекта, как и восходящая интонация – для постановки логического ударения на комичность совпадения, равно как и смешную абсурдность сказанного Маршалом.

В этой же серии Барни и Тед находятся вдвоём в баре. Барни увидел привлекательную девушку.

Barney: "What do we think of this one?"

Ted: "Well, I think..."

Barney: "Eeerr. Trick question! Stop thinking!"

Барни спросил, что Тед думает об этой девушке, на что Тед едва успел сказать «Я думаю...», как Барни его перебил, сказав, что нельзя думать.

Комичность ситуации создается контрастом манер и интонаций персонажей. Барни использует оживленную манеру с плавающей восходящей интонацией и практически полным отсутствием пауз, в то время как Тед говорит размеренно, протяжно, после каждого словосочетания следует эмоциональная пауза, интонация преимущественно нисходящая. Контраст усиливается тем фактом, что Барни даже не дал Теду закончить мысль, перебив его.

Пауза в шутках сериала. Анализ шуток из ситкома «Как я встретил вашу маму» показал, что многие смешные моменты комедии созданы за счёт применения пауз.

Рассмотрим некоторые из них.

Barney: What's |wrong with McLaren's?

- McLaren's is bore-snore. Ted? Tonight|we're going to go out. We're going to meet some ladies. It's going| to be legendary. Phone five!

I had no idea why I hung out with Burney.

- You didn't phone five, did you? I know| when you don't phone five, Ted. Come on.

We always to go to McLaren's.

- Yeah, 'cause McLaren's is fun.

- McLaren's is this much fun. What I'm offering is the chance |to have this much fun.

- See, you say that. You say |it's going to be |this much fun, |but most of the time it ends up being this much fun. This much fun is good. It's safe. It's guaranteed.

- This hand gesture thing |doesn't really work on the phone, does it?

- No, it doesn't.

Во втором сезоне ребята подтрунивают над Тедом, смеются над тем, что он постоянно любит «давать пять». Комичность ситуации усиливается за счёт пауз, ребята разговаривают спокойным тоном, но постоянно делают паузы, пытаясь передать зевание и состояние сонливости.

Рефреном шутки звучит «дай пять», и они негодуют, что по телефону так сделать нельзя. Но предпоследнее высказывание говорящий произносит с неуверенностью, ожидая от Теда утвердительный ответ, но Тед отвечает отрицанием.

This ↑hand gesture thing |doesn't really ↑work on the ↓phone, ↑does it?

Говорящий не уверен, смеётся собеседник или говорит серьёзно, и просит сообщить ему об этом. Поэтому предложение произносится с интонацией неуверенности с восходящим тоном. В свою очередь, ядром интонации выступает слово **work**. Затем интонация повышается в хвосте предложения. У говорящего срывается голос. Пауза разделяет предложение на синтагмы, в первой части которо-

го создаётся иллюзия того, что предложение окончено, но спустя время, говорящий продолжает речь. Это самая долгая пауза в ситкоме.

Темп в шутках сериала. К сожалению, сериал оказался не богат на шутки, созданные особым темпом речи. Тем не менее, некоторые примеры всё-таки встретились.

Так, в одном из эпизодов Робин и Тед обсуждали причёску Робин:

Robin: I thought it might look cool. Of course, my colorist took "highlights" to

mean I want to look like a tiger. Hence the hat.

Ted: Oh, I got to see this!

Robin: No way!

Ted: Please? I bet it doesn't look that bad. I bet it looks grrrrrrrrrrreat!

Девушка не хотела показывать свои волосы, цвет которых напоминал окраску тигра, но Тед продолжал настаивать, чтобы Робин показала свою шевелюру, т.к. он уверен, что она выглядит замечательно (great). При этом слово «замечательно» (great) Тед произнёс достаточно медленно, так, чтобы растянуть первые два согласных звука «г» и «р» (gr) и создать эффект рычания тигра. Так, темп произнесения лексемы позволил Теду подшутить над Робин.

Барни также использовал изменения темпа произнесения слов с целью создания смешного эффекта. Например, когда он пытался помочь Теду познакомиться с девушкой, он предложил ему сыграть в игру «haaaaaave you met Ted», в названии которой вспомогательный глагол «have» звучит протяжно. Ведущие ТВ-шоу и различных развлекательных шоу имеют тенденцию растягивать гласные в словах для создания интриги и напряжения у зрителей, того же эффекта и добивался Барни, он хотел придать элемент азарта, интереса к игре.

В 23 эпизоде 6 сезона Барни будит Теда и называет себя Джоном Лереби, который пришел к Теду во сне. Для создания загадочности речи, не-реальности событий Барни протягивает слово “dream” (сон):

My name is John Clifford Larrabee, architect of the Arcadian, and I'm visiting you, in a dreeaam.

В этой же серии Тед звонит Барни с просьбой приехать за ним и привезти его домой.

Ted: Hey! I need a favour.

Barney: Anything, bro!

Ted: I need you to come to Duchess county and pick me up.

Barney: No.

Тед просит Барни об услуге, на что Барни, ни на секунду не задумываясь, с нарочито завышенной интонацией говорит: «Все, что угодно, дру-

жище!». Но услышав о том, что для этого нужно куда-то поехать, точно так же, ни на секунду не задумываясь, отвечает: «Нет», однако, ответ произнесен уже слегка пониженным тоном в быстром темпе. Темп речи и контраст интонации одновременно с аналогичностью манеры речи создает комичность ситуации.

Ударение в шутках сериала. Как и темп, особое применение ударения встречается в шутках ситкома достаточно редко. Тем не менее, был найден пример, когда использование логического ударения создавало комический эффект: Барни, заигрывая с очередной девушкой, спросил “Who's your Daddy” (кто твой папочка?), на что получил ответную реплику “Who's YOUR daddy” (кто ТВОЙ папочка?) Барни с грустью ответил “I don't know” и иронично зарыдал. Такая реакция была вызвана тем, что Барни не знает, кто его отец, и девушка неумышленно «надавила герою на больное место».

Другая смешная сцена из сериала произошла во время разговора Робин с маленькой девочкой:

Little girl: Do you have a fiancé?

Robin: Oh no, I don't have a fiancé.

Little girl: Then who do you live with?

Robin: Well, actually, I've got five dogs.

Little girl: Don't you get lonely?

Robin: No, I've got FIVE dogs.

Девочка спросила Робин, есть ли у нее жених. Робин сказала, что нет. Тогда последовал другой вопрос: тогда с кем ты живешь? Женщина ответила, что у неё есть пять собак, на что услышала: а тебе не бывает одиноко? Робин с раздражением произнесла: «Нет, у меня ПЯТЬ собак», акцентируя при этом слово «пять».

Кроме того, в сериале был встречен момент, когда простая фраза за счёт ударения превращается в шутку: Барни как всегда пытается познакомиться с очаровательной незнакомкой и спрашивает красавицу, как её зовут. Но слух об обольстительном ловеласе дошёл и до неё, и девушка парирует в ответ:

Barney: What's your ↓name?

Girl: What's ↑YOUR name?

Таким образом, анализ исследованных значений, показал:

В ситкоме «Как я встретил вашу маму» встретилось достаточно большое количество интонационно оформленных шуток. Значительная часть из них (65%) представлена ироничными выражениями с эмоциональной паузой. Как показала практика, данный интонационный компонент позволяет создать эффект напряжения, заинтересованности у зрителя. После паузы, как правило, следует шутка, что делает её ещё смешнее. Помимо эмоциональ-

ной паузы в работе также приводятся примеры использования паузы сомнения, которую аналогичным образом употребляют для юмора. Пауза смущения, которая отчётливо наблюдается в американских шутках.

На втором месте по частоте использования оказалась мелодика речи (20%) и тембр (10,5%). Герои неоднократно меняли тон звучания и тембр с целью изменить свой голос и сделать шутку более эффективной. Реже всего в шутках сериала использовались ударение (2,25%) и изменения темпа (2,25%). Тем не менее, их выразительность оказалась ничуть не хуже выше представленных элементов интонации

Выводы

Из проделанной работы можно сказать, что интонация действительно является сложной для изучения. Не смотря на то, что в данной сфере языка были изучены далеко не все вопросы, удалось рассмотреть и проанализировать основные особенности интонационного оформления шуток.

Итак, основными компонентами интонации являются: мелодика речи, тембр, темп, ритм, ударение и паузы. Английская речь характеризуется особой мелодикой. С целью выразить ту или иную эмоцию, говорящий произносит фразу конкретным тоном. В английском языке существует два основных тона: нисходящий и восходящий. По мнению многих лингвистов, эти два тона могут иметь свои разновидности, что и показала практика данного исследования. Действительно, английский язык богат на разнообразие тональностей, которые зачастую используются в шутках американцев.

Благодаря данному исследованию, можно сделать выводы о том, какие компоненты интонации используются в оформлении шуток больше всего. Итак, их значительная часть представлена эмоциональной паузой (65%). Данный интонационный компонент позволяет создать эффект напряжения, заинтересованности у зрителя. После паузы, как правило, следует шутка, что делает её ещё смешнее.

Помимо эмоциональной паузы в работе также приводятся примеры использования паузы сомне-

ния, которую аналогичным образом употребляют для юмора. Пауза смущения характерна для американского ситкома, такой элемент часто присутствует в диалогах посторонних людей, которые слышат главные герои. Они сопровождаются закадровым смехом, который является важной деталью американских ситуационных комедий.

На втором месте по частоте использования оказалась мелодика речи (20%) и тембр (10,5%). Герои неоднократно меняли тон звучания и тембр с целью изменить свой голос и сделать шутку более эффективной. Реже всего в шутках сериала использовались ударение (2,25%) и изменения темпа (2,25%). Тем не менее, их выразительность оказалась ничуть не хуже выше представленных элементов интонации.

Таким образом, можно сделать вывод, что английские шутки могут создаваться не только, например, посредством игры слов, но и с помощью определённой интонации. Кроме того, говорящие часто используют те или иные её компоненты, чтобы сделать свое ироничное выражение ещё забавнее и эффективнее.

По мнению многих лингвистов, мелодика речи русских людей достаточно монотонна, в то время как английская более живая и разнообразная. Возможно, именно по этой причине интонация играет одну из важнейших ролей в создании английской шутки. Однако пауза, логическое ударение также встречаются и в русском юморе, что доказывает тесную связь двух языков и культур. Отсюда следует, что русские и английские шутки имеют, как общие черты, так и различные, последние из которых могут вызвать ряд проблем при понимании англоговорящих людей.

Как видим, исследование интонации является неотъемлемой частью изучения иностранного языка. Данное исследование, в свою очередь, может оказаться полезным при изучении фонологии, в частности интонации. Помимо этого, работа также может быть продолжена на более объёмном материале с целью выявления характерных интонационных особенностей шуток английского языка.

Список источников

1. Антипова А.М. О ритме английской речи // Иностранные языки в школе. 2005. № 2. С. 55 – 61.
2. Дубовский Ю.А., Докуто Б.Б., Переяшкина Л.Н. Основы английской фонетики: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
3. Зубрицкая Е. Фонология // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М.: Литера, 2007. С. 168 – 207.
4. Кулешук С.Н. Интонационный рисунок. Темп и мелодика. М: ЛКИ, 2014. С. 172.

5. Листопадова М.В. Некоторые особенности интонационного оформления дискурсивных маркеров в спонтанном и подготовленном высказывании в дебатах на английском языке // Казанская наука. 2021. № 8. С. 37 – 39.
6. Литвин М.М. Английская шутка и ее фонетические особенности // Философия и наука в культурах Запада и Востока: Сборник статей по материалам VI Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. Е.В. Тихонова. Томск, 2023. С. 77 – 80.
7. Маркина Т.А. Особенности английской шутки // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых: Сборник трудов 12 всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Челябинск, 2023. С. 539 – 543.
8. Пономарева Ю.А. Особенности формирования ритмико-интонационных навыков английского языка в условиях многоязычия // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: Материалы X Международной конференции аспирантов и молодых ученых. Витебск, 2023. С. 96 – 98.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. Москва: АСТ, 2023. С. 560.
10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. Москва: ООО "Издательство Астрель": 2024. С. 736.
11. Торсуева И.Г. Интонация и смысл высказывания / Ред.кол.: В.Н.Ярцева (отв.ред.) и др. М.: Наука, 1979. С. 110.

References

1. Antipova A.M. On the Rhythm of English Speech. Foreign Languages at School. 2005. No. 2. P. 55 – 61.
2. Dubovsky Yu.A., Dokuto B.B., Pereyashkina L.N. Fundamentals of English Phonetics: Textbook. manual. Moscow: Flinta: Nauka, 2009. 344 p.
3. Zubritskaya E. Phonology. Fundamental Directions of Modern American Linguistics. Moscow: Litera, 2007. P. 168 – 207.
4. Kuleshchuk S.N. Intonation Pattern. Tempo and Melody. Moscow: LKI, 2014. P. 172.
5. Listopadova M.V. Some Features of the Intonational Design of Discursive Markers in Spontaneous and Prepared Statements in Debates in English. Kazan Science. 2021. No. 8. P. 37 – 39.
6. Litvin M.M. English Joke and Its Phonetic Features. Philosophy and Science in the Cultures of the West and the East: Collection of Articles Based on the Materials of the VI All-Russian Scientific Conference with International Participation. Ed. E.V. Tikhonova. Tomsk, 2023. P. 77 – 80.
7. Markina T.A. Features of the English Joke. Actual Problems of Modern Science: A Young View: Collection of Papers of the 12th All-Russian Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates, and Young Scientists. Chelyabinsk, 2023. P. 539 – 543.
8. Ponomareva Yu.A. Features of the formation of rhythmic and intonation skills of the English language in the context of multilingualism. Youth of the XXI century: education, science, innovation: Proceedings of the X International Conference of postgraduates and young scientists. Vitebsk, 2023. P. 96 – 98.
9. Dahl V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: selected articles. Moscow: AST, 2023. P. 560.
10. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: ООО "Izdatelstvo Astrel": 2024. P. 736.
11. Torsueva I.G. Intonation and meaning of the utterance. Ed. team: V.N.Yartseva (editor-in-chief) and others. Moscow: Nauka, 1979. P. 110.

Информация об авторе

Багдасарова Э.В., кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, elvina_bag@mail.ru

© Багдасарова Э.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 81'22

Выражение неотчуждаемой принадлежности в языках коренных народов Северной Америки

¹ Краснощёков Е.В.

¹ Южный федеральный университет

Аннотация: в предлагаемой статье анализируются способы выражения неотчуждаемой принадлежности в языках некоторых индейских племен Северной Америки. В этих языках, как и во многих других, принадлежность выступает в двух формах: отчуждаемая и неотчуждаемая. Четкие различия между неотчуждаемым и отчуждаемым демонстрируют два типа конструкций. Чаще всего притяжательные конструкции с притяжательными местоимениями, присоединенными к обладаемым существительным, используются в основном для обозначения неотчуждаемого владения, практически, во всех языках, а конструкции с добавленным маркером владения в подавляющем большинстве случаев используются для обозначения отчуждаемого владения, такого как владение недвижимостью. Выражение неотчуждаемости не ограничивается конструкциями на уровне слов или фраз, а может также передаваться конструкциями на уровне предложений. Примеры, взятые из различных языков, показывают сходство средств и способов выражения неотчуждаемости. Тем не менее, понятия, которые классифицируются как неотчуждаемые, различаются от языка к языку, хотя обычно они включают части тела и/или родственников, пространственные отношения и часто другие тесно связанные объекты, такие как дом, некоторые личные инструменты, следы ног или даже мысли. Материал представленной статьи может заинтересовать специалистов по сравнительно-историческому, типологическому языкознанию, истории языка.

Ключевые слова: неотчуждаемость, обладатель, владение, притяжательная конструкция, прономинальная префиксация, маркер, обладаемое, посессивность

Для цитирования: Краснощёков Е.В. Выражение неотчуждаемой принадлежности в языках коренных народов Северной Америки // Современный ученый. 2025. № 4. С. 25 – 31.

Поступила в редакцию: 21 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 22 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

The expression of inalienable belonging in the North American indigenous languages

¹ Krasnoschekov E.V.

¹ Southern Federal University

Abstract: this article analyzes the ways of expressing inalienable belonging in the languages of some Indian tribes of North America. In these languages, as in many others, belonging appears in two forms: alienable and inalienable. Two types of constructions demonstrate clear distinctions between inalienable and alienable. Most often, possessive constructions with possessive pronouns attached to possessive nouns are used primarily to denote inalienable possession, in almost all languages, while constructions with an added possession marker are overwhelmingly used to denote alienable possession, such as real estate possession. The expression of inalienability is not limited to

word- or phrase-level constructions, but can also be conveyed by sentence-level constructions. Examples taken from different languages show similarities in the means and ways of expressing inalienability. Nevertheless, the concepts that are classified as inalienable differ from language to language, although they usually include body parts and/or relatives, spatial relations and often other closely related objects such as a house, some personal tools, footprints or even thoughts. The material of the presented article may be of interest to specialists in comparative-historical, typological linguistics, history of language.

Keywords: inalienability, possessor, possession, possessive construction, pronominal prefixation, marker, possessed, possessivity

For citation: Krasnoschekov E.V. The expression of inalienable belonging in North American indigenous languages. Modern Scientist. 2025. 4. P. 25 – 31.

The article was submitted: November 21, 2024; Approved after reviewing: January 22, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Отчуждаемое и неотчуждаемое владение – это семантические и прагматические понятия, связанные с обобщенной степенью ассоциации между обладателем и обладаемым, а также со степенью значимости или выделения обладаемого отдельно от обладателя.

Основная идея, лежащая в основе использования этих терминов, достаточно ясна: неотчуждаемое владение – это врожденное, неотъемлемое, не передаваемое путем покупки. Отчуждаемое владение – это собственность, передаваемая социально и экономически.

Существительные, обладающие неотчуждаемым владением, во всех случаях требуют явного обладателя, обозначенного прономинальной префиксацией и/или наличием номинального обладателя. Термины родства и части тела как связанные слова типичны для этого класса.

Существительные с отчуждаемым обладателем могут иметь или не иметь открытого обладателя. Большинство существительных относятся к этому классу.

В терминах «отчуждаемое» и «неотчуждаемое» можно выделить одно повторяющееся, почти универсальное условие их лексического распределения. Существительные, обладающие «неотчуждаемостью», практически всегда образуют замкнутое множество, часто небольшое. В то время как существительные, обладающие «отчуждаемостью», образуют открытое, следовательно, бесконечное множество. Отсюда следует, что «неотчуждаемое» владение является маркированным членом оппозиции «отчуждаемость» [6, 5].

Материалы и методы исследований

Цель данного исследования – анализ выражения категории неотчуждаемой принадлежности в языках индейских племен Северной Америки. Хотя изучение природы выражения притяжательности не является чем-то новым в лингвистике (см.,

например, Lyons 1977, Seiler 1993, Croft 2002 и Heine 1997), исследования, сосредоточенные исключительно на индейских языках и учитывающие как морфосинтаксические, так и семантические ограничения, встречаются достаточно редко. Исследование такого рода позволит оценить существование разнообразных моделей выражения неотчуждаемости в целевых языках, что, в свою очередь, может привести к более тонким описаниям для отдельных языков, а также к возможности выявления кросс-лингвистических тенденций. В ходе исследования применялись методы сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный, а также обобщение. В процессе работы были использованы материалы отечественных лингвистов: Липеровский В.П. (2002), Тестелец Я.Г. (2001), а также зарубежных ученых: Chappell, H. & McGregor, (1996), Mithun, M. (2001), Robert W. Young, William Morgan (1987), Baker, M.C. (1996), Crowley, Terry (1983), Nichols Johanna (1988) и др.

Результаты и обсуждения

Наше исследование начнем с анализа примеров некоторых индейских языков:

Пример из языка навахо, где обладаемое существительное принимает поссесивный аффикс:

(1) *'ashkii bi- deezhi*
мальчик 3л.ед.ч. младшая сестра
'младшая сестра мальчика' [14, с. 87].

Пример из языка зуни: обладатель имеет падеж, а обладаемое не имеет падежа:

(2) *hom k' ak'w enne*
1 л.ед.ч.-посс. дом 'мой дом' [10, с. 66]
или из нез-персе:

(3) *'ip- nim miya'c*
3 л.ед.ч. род.п. ребенок – 'его ребенок' [2, с. 134].

Поскольку в примере навахо обладаемое существительное несет морфологический маркер владения, эта модель является маркированной. В примерах зуни и нез-персе маркер обладания

несет зависимое существительное-обладатель, поэтому эта модель называется зависимо-маркированной.

Также возможно, что оба члена конструкции несут маркеры (с двойной маркировкой), как в одной из конструкций, используемых в языке хайда [12, 258]:

(4) *Luā' -i lā'ga*

каноз посс. его – 'его каноз'

или ни один из элементов не несет маркера, как в Атакапа [12, с. 126]:

(5) *ha tal* – 'его кожа'.

Существуют так называемые комбинированные системы. Например, в языке племени нез-персе используется конструкция, подобная той, что используется в языке навахо для родственных терминов – «отчуждаемое/неотчуждаемое» владение – в то время как для других существительных используется конструкция, показанная выше [11, 560].

Понятия, которые грамматически классифицируются как неотчуждаемые, варьируются от языка к языку, но обычно они включают части тела и/или родственников, пространственные отношения и часто другие тесно связанные объекты, такие как дом, некоторые личные инструменты, следы ног или даже мысли [3].

Пример из языка катламет (чинук):

(6) *kualqá: amíxúlxama imí-latxñ*

kualqá a-m-i-x-u-lx am-a i-mi-latxñ

такой буд.вр.-2эрг.-м.р.-абс.п.-посс-говорить-буд.вр.м.р.-2посс.-племянник

такой вы мочь говорить вашему ваш племянник

– 'Как вы можете говорить такое своему племяннику?' [7, с. 285].

(7) *k'e-kk'e* –

К'Е-след, следы'

(8) *be-laagge'* – 3л.ед.ч.- 'его/ее голос'

(9) *k'e-k'el-e'*

К'Е-одежды-посс. одежда'

Души и духи также являются неотъемлемой собственностью:

(10) *be-yeege'* – 3л.ед.ч.- 'его/ее дух, образ' [13, 660]

Некоторые части тела, как правило, имеют особую значимость или обособленность от тела обладателя, и они с большей вероятностью могут стать объектом чужого владения. В этот класс входят волосы, кости, кулаки и продукты жизнедеятельности. Так слово «рука» *-lo'* является неотъемлемой собственностью, а слово «кулак» *-dzestl* – нет [1, с. 4-5].

Возможно, это происходит потому, что кулаки сами по себе являются значимыми сущностями, в то время как руки таковыми не являются. Существительное «кулак» может быть отчуждаемым, потому что оно является временным проявлением.

Примеры из языка лакота (сиу):

(11) *p^hehi wéčašla*

p^hehi wa-ki-ka-šla

волосы 1л.ед.ч. агенс-посс-причина с инстру-мент-быть без покрова

волосы я срезать его – 'Я подстриг его волосы'. [8, 285]

Понятие отчуждаемости не является категориальным: если одни существительные однозначно неотчуждаемы, а другие однозначно отчуждаемы, то некоторые существительные неоднозначны в плане своей отчуждаемости.

Например, основа *-tlee'* в коюконском языке означает 'голова'. Однако эта основа связана, и нельзя сказать *'tlee'* в отдельности. Если речь идет об отделенной лапе животного или нет необходимости указывать владельца, в качестве притяжательного префикса используется связанное местоимение *k'e-* 'что-то'. Префикс *k'e-* в коюконском языке обычно является неопределенным или не-референтным местоимением.

(12) *k'e- tlee'*

К'Е-голова – 'чья-то/конкретно голова (но, не человека)'

Когда речь идет о частях тела человека без указания их обладателя, используется префикс *denaa-*, который может функционировать как неопределенный префикс или префикс первого лица множественного числа. Этот префикс используется исключительно для человеческих референтов, в то время как *k'e-* используется только для нечеловеческих обладателей. Пример:

(13) *denaa- tlee'*

'наши головы', 'чья-то голова', 'голова (человека)' [13, с. 657].

Структурные проявления отчуждаемости, однако, категориальны, поэтому пограничные случаи трактуются по-разному в разных языках. Например, внутренние органы в некоторых языках считаются отчуждаемыми, предположительно потому, что их обычно не видят прикрепленными к живому телу [5]. Однако в других языках, например, коюконском, внутренние органы являются неотъемлемой собственностью, по всей видимости, потому, что они являются неотъемлемыми частями целого и не могут существовать как функционирующие единицы без какого-либо владельца [13, с. 653].

(14) *lekkone* 'blood' 'чья-то кровь'

(15) *det* 'blood' 'конкретно кровь'

В большинстве случаев части тела и продукты тесно ассоциируются с их обладателями, поэтому можно ожидать, что они будут неотчуждаемыми, а те, которые ассоциируются с ними в меньшей степени, будут отчуждаемыми. Например, ступни тесно связаны с их владельцами, в то время как фурункулы и другие аномальные наросты – нет. Тесная связь с обладателем также объясняет неотчуждаемость существительных, приведенных в примерах.

Слова «ступня» и «кожа» могут встречаться как отдельные основы с чередованием их значений. Например, слово, обозначающее подошву, пришиваемую к ботинку, не относится к форме основы «нога».

Однако подошва ступни является неотъемлемой собственностью.

(16) *k'e-kkaa'* – К'Е-нога '(чья-то) нога'

(17) *kkaa* 'подошва (для ботинка)'

be-kkaa-tl'ogha

Зл.ед.ч.-нога-под – 'его/ее подошва (ноги)'

Наиболее распространенная семантическая оппозиция – между присущими отношениями «часть-целое» и «владение». Например, в языке навахо [14, 7, 23]. Зависимые существительные, если они принадлежат кому-то другому, (не неотъемлемому владельцу), принимают так называемое вторичное владение. В языке существуют два посессивных префикса, один указывает на владельца, а второй обозначает неопределенное владение:

(18) *bi- be'*

Зл.ед.ч. молоко – 'ее молоко' (т.е. молоко, которое она давала)

be- 'a – be'

Зл.ед.ч. безличн. молоко

'ее молоко', (например, коровье молоко, которое она купила в магазине)

Чаппелл и Макгрегор в работе "The grammar of inalienability" [4] показывают, что выражение неотъемлемости в межъязыковом плане не ограничивается конструкциями на уровне слов или фраз, а может также передаваться конструкциями на уровне предложений, такими как датив сопричастности (Балли, 1926), локативы частей тела и инкорпорацией существительного.

Во всех этих конструкциях обладатель выступает в качестве основного аргумента элементарного предложения (клаузы).

С клаузальными конструкциями связано и несколько других особенностей

Например, клаузальные конструкции могут использоваться для обозначения неотчуждаемого

владения (волосы, племянник, дом), в то время как номинативные конструкции используются для обозначения отчуждаемого владения (одежда, дерево, одеяла). Такая картина типична для естественной речи. В приведенных примерах из различных языков неотчуждаемое и отчуждаемое владение может передаваться как номинативными конструкциями, так и клаузальными конструкциями.

Примеры:

Лахотские (сиу) номинативные конструкции с неотчуждаемым владением:

(19) a. *hé mič^húkšī yúzikta č^hi*

hé mi-č^húkšī yuzi-kta č^hi

это 1л.ед.ч. посс.-дочь брать-ирреалн. желать

это моя-дочь он жениться-ее он желать

'Он хочет взять в жены мою дочь'

b. *mič^híkšī kī k^húžac^ha*

mi-č^híkšī kī k^huža= č^ha

Зпосс.-сын определ. прош.вр. больной=с тех пор как...

'с тех пор, как мой сын заболел ...' [8, с. 889].

Лахотские клаузальные конструкции с отчуждаемыми элементами:

(20) a. *hayápi waglúžaža*

ha-yá-pi wa-kī-yu-žaža

кожа-покрывало-субстантивац.1агнс-посс.-извлечение-мыть

одежда я стирал моя – 'Я постирал свою одежду'

b. *iš wasé glubléblel hináži*

iš wasé kī-yu-bleblel hi-náži

'Она сумка яркий макияж развязывание ее она подошла и встала

'...Она шла вперед со своей открытой сумкой красок для лица ...' [8, 911]

Катламет (чинук) демонстрирует аналогичные исключения, как в (21) и (22):

Катламетские именные конструкции:

(21) *Aqa iklúquat lkáxan*

aqá i-k-l-u-quat l-ka-xan

'затем она мыла это ее ребенок'

'Затем она вымыла своего ребенка' [7, с. 289].

(22) Катламетские клаузальные конструкции: [7, 236]

iskixílakua istáxanim

i – s – kī – x – l – akua i-sta-xanim

они два повернули их вокруг их каноз

'Они развернули свое каноз' [7, с. 291].

Неотчуждаемость и «близость воздействия» действительно тесно связаны, но грамматические структуры, например, в языках лахота, катламет и ирокез показывают, что в конечном итоге они различны.

В двух из этих языков неотчуждаемость явно выделяется в номинативных посессивных конструкциях. И лахота, и ирокез содержат две парадигмы притяжательных префиксов для существительных. В лахоте неотчуждаемое владение обозначается у существительных теми же прономинальными префиксами, которые обозначают пациенс у глаголов: *ma-* или *mi-* 'мой', *ni-* 'твой', *uki-* 'наш'. Отчуждаемое владение показывается маркером *t^ha-*, которому предшествуют те же прономинальные префиксы: *mit^há-* 'мой', *nit^há-* 'твой', *t^ha-* 'его/ее/их', *ukit^ha-* 'наш'.

Таким образом, можно сказать *ma-sí* – 'моя нога' и *ma-íte* – 'мое лицо', но *mit^há-šuka* – 'моя лошадь' и *mit^há-hayari* – 'моя одежда' [9, 300].

В дополнение к клаузальным конструкциям, маркирующим косвенную аффектацию, лахота, катламет и мохаук содержат другой тип клаузальных конструкций, которые часто интерпретируются как атрибутивное владение. В этом типе участник, идентифицируемый как обладатель, выступает в качестве основного аргумента клаузы, как и в клаузальных конструкциях, описанных выше, но маркер косвенности отсутствует.

В лахота участник выражен как грамматический пациенс, но глагол не содержит косвенного префикса *ki-*:

Лохота:

(23) *p^há mayáza*, *sí makáhu*

phá ma-yaza, *sí ma-kahu*

голова 1л.ед.ч. пациенс-боль нога

1л.ед.ч.пациенс-резать

голова я иметь в боль = нога (он) резать меня=

'У меня болит голова' 'Он порезал мне ногу' [8, 914]

В языке катламет участник, идентифицируемый как обладатель, выступает в абсолютном, а не дательном падеже, и рефлексивный префикс отсутствует:

Катламет:

(24) а) *qalkiⁱquiltm^x*

qa-lk-i-quiltm-x

– 'Она ударила его несколько раз'.

б) *iáqaqstaqpa*

i-ia-qaqstaq-pa

м.р.-м.р. посс-голова-лок.п.

по его голове

yáxi imúlak

yaxi i-mulak

этот м.р.-лось

'она бить опр. лось по голова' = 'Она ударила лось по голове' – [7, с. 301].

Хотя существует сильная корреляция между использованием этих конструкций и неотчуждае-

мостью, их основная функция заключается в указании прямого действия.

Если кто-то порезал мне ногу, он порезал меня напрямую. Непосредственность воздействия и неотчуждаемость обычно идут рука об руку: действие в отношении неотчуждаемого владения, такого как нога, голова или лицо, обычно воздействует на владельца более непосредственно, чем действие в отношении отчуждаемого владения, такого как дом или автомобиль.

Косвенное воздействие с неотчуждаемым владением в языке лахота:

(25) *p^hehi wéčášla*

p^hehi wa – ki – ka – šla

волосы

1л.ед.ч.агенса-косвен.-

причина.с.инстр.п. быть лысый

'Я подстриг его волосы' [9, с. 302].

В лахота волосы относятся к категории неотчуждаемого владения благодаря морфологии существительного: *ma-phéhi* 'мои волосы' (а не **mit^há-p^hehi*). Но если я стрижу кому-то волосы (как в примере (11), повторенном ниже как (25)), мое действие выражается как косвенное воздействие на него с помощью глагола, содержащего косвенный префикс *ki-*, несмотря на грамматическую неотъемлемость существительного.

Выводы

Таким образом, неотчуждаемая принадлежность в различных языках коренных жителей Америки, может выражаться различными способами: простыми предложениями и специальными маркерами неотчуждаемой принадлежности, присоединенными к глаголам. Понятия, которые грамматически классифицируются как неотчуждаемые, варьируются от языка к языку, но обычно они включают части тела и/или родственников, пространственные отношения и часто другие тесно связанные объекты, такие как дом, некоторые личные инструменты, следы ног или даже мысли. В большинстве случаев части тела и продукты тесно ассоциируются с их обладателями, поэтому можно ожидать, что они будут неотчуждаемыми, а те, которые ассоциируются с ними в меньшей степени, будут отчуждаемыми. Притяжательные конструкции включают не только реальное владение, но и термины родства, которые являются неотчуждаемыми существительными. Существительные, обладающие «неотчуждаемостью», практически всегда образуют замкнутое множество, часто небольшое. В то время как существительные, обладающие «отчуждаемостью», образуют открытое, следовательно, бесконечное множество. Отсюда следует, что «неотчуждаемое» владение является маркированным членом оппозиции «отчуждаемость». Два типа конструкций демонстрируют го-

раздо более четкие отношения маркированности между неотчуждаемыми и отчуждаемыми существительными. Притяжательные конструкции с притяжательными местоимениями, присоединенными к обладаемым существительным, используются в основном для обозначения неотчуждаемого

владения, практически, во всех языках, а конструкции с добавленным маркером владения (поссессивности) в подавляющем большинстве случаев используются для обозначения отчуждаемого владения, такого как владение недвижимостью.

Список источников

1. Adamson Luke Gender assignment is local: On the relation between grammatical gender and inalienable possession // *Language*. June 2024. № 100 (2). P. 218 – 264.
2. Aoki, Hauro Nez Perce Grammar. (University of California Publications in Linguistics 62.) Berkeley and Los Angeles: University of California Press. 1970. 180 p.
3. Ciucci, Luca. “Possessive constructions in Chamacoco (Zamucoan)”. Workshop Exploring possession across Indigenous Central and South America: Expanding perspectives through underdescribed languages // *Faculty of Artes Liberales*. January 17, 2025. University of Warsaw. P. 227 – 285.
4. Chappell H., McGregor W. “Introduction”. In H. Chappell and W. McGregor (eds), 1996. P. 1 – 30.
5. Crowley, Terry. Uradhi. In R.M.W. Dixon, ed., *Handbook of Australian Languages*, Amsterdam // J. Benjamins. Vol. III, 1983. P. 307 – 428.
6. Giancaspro David, Sanchez Liliana Elizabeth, Me, mi, my: Innovation and variability in heritage speakers’ knowledge of inalienable possession // *Glossa a journal of general linguistics*. 2021. № 6 (1). P. 3 – 31.
7. Hymes, D. The language of the Kathlamet Chinook. Ph.D. dissertation, University of Indiana, Bloomington. 1955. 317 p.
8. Mithun M. Native North American Languages // *The Cambridge Handbook of Areal Linguistics*. Raymond Hickey, ed. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 1999, January 17. P. 878 – 933.
9. Mithun M. The difference a category makes in the expression of possession and inalienability // Vol. 47 *Dimensions of Possession* Edited by Irène Baron, Michael Herslund and Finn Sørensen John Benjamins Publishing Company Amsterdam / Philadelphia. 2001. P. 285 – 310.
10. Newman, Stanley. Zuni Grammar. (University of New Mexico Publications in Anthropology, 14.) Albuquerque: University of New Mexico Press. 1965. 77 p.
11. Nichols Johanna On alienable and inalienable possession / From the Haas Festival Conference on Native American Linguistics edited by William Shipley. Syntax Research Center University of California, Santa Cruz. Mouton de Gruyter Berlin New York Amsterdam. 1988. P. 557 – 609.
12. Swanton, John R. A sketch of the Atakapa language // *International Journal of American Linguistics*. № 5. 1929. 149 p.
13. Thompson Chad, On the Grammar of body in Koyukon Athabaskan // *The Grammar of Inalienability. A Typological Perspective on Body Part Terms and the Part-Whole Relation* edited by Hilary Chappell William McGregor Mouton de Gruyter. Berlin – New York, 1996. P. 651 – 676.
14. Robert W. Young; William Morgan, *The Navajo Language: A Grammar and Colloquial Dictionary* University of New Mexico Press, 1987. 1506 p.

References

1. Adamson Luke Gender assignment is local: On the relation between grammatical gender and inalienable possession. *Language*. June 2024. No. 100 (2). P. 218 – 264.
2. Aoki, Hauro Nez Perce Grammar. (University of California Publications in Linguistics 62.) Berkeley and Los Angeles: University of California Press. 1970. 180 p.
3. Ciucci, Luca. “Possessive constructions in Chamacoco (Zamucoan).” Workshop Exploring possession across Indigenous Central and South America: Expanding perspectives through underdescribed languages. Faculty of Artes Liberales. January 17, 2025. University of Warsaw. P. 227 – 285.
4. Chappell H., McGregor W. “Introduction”. In H. Chappell and W. McGregor (eds), 1996, pp. 1 – 30.
5. Crowley, Terry. Uradhi. In R.M.W. Dixon, ed., *Handbook of Australian Languages*, Amsterdam. J. Benjamins. Vol. III, 1983. P. 307 – 428.
6. Giancaspro David, Sanchez Liliana Elizabeth, Me, mi, my: Innovation and variability in heritage speakers’ knowledge of inalienable possession. *Glossa a journal of general linguistics*. 2021. No. 6 (1). P. 3 – 31.
7. Hymes, D. The language of the Kathlamet Chinook. Ph.D. dissertation, University of Indiana, Bloomington. 1955. 317 p.

8. Mithun M. Native North American Languages. The Cambridge Handbook of Areal Linguistics. Raymond Hickey, ed. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 1999, January 17. P. 878 – 933.
9. Mithun M. The difference a category makes in the expression of possession and inalienability. Vol. 47 Dimensions of Possession Edited by Irène Baron, Michael Herslund and Finn Sørensen John Benjamins Publishing Company Amsterdam. Philadelphia. 2001. P. 285 – 310.
10. Newman, Stanley. Zuni Grammar. (University of New Mexico Publications in Anthropology, 14.) Albuquerque: University of New Mexico Press. 1965. 77 p.
11. Nichols Johanna On alienable and inalienable possession. From the Haas Festival Conference on Native American Linguistics edited by William Shipley. Syntax Research Center University of California, Santa Cruz. Mouton de Gruyter Berlin New York Amsterdam. 1988. P. 557 – 609.
12. Swanton, John R. A sketch of the Atakapa language. International Journal of American Linguistics. No. 5. 1929. 149 p.
13. Thompson Chad, On the Grammar of body in Koyukon Athabaskan. The Grammar of Inalienability. A Typological Perspective on Body Part Terms and the Part-Whole Relation edited by Hilary Chappell William McGregor Mouton de Gruyter. Berlin – New York, 1996. P. 651 – 676.
14. Robert W. Young; William Morgan, The Navajo Language: A Grammar and Colloquial Dictionary University of New Mexico Press, 1987. 1506 p.

Информация об авторе

Краснощёков Е.В., доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, judgin58@mail.ru

© Краснощёков Е.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 792.07

Роль парадоксальных визуальных образов в деконструкции зрительских ожиданий при анонсировании авангардных театральных экспериментов

¹ Селюков А.А.

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация: данное исследование посвящено анализу роли парадоксальных визуальных образов в деконструкции зрительских ожиданий при анонсировании авангардных театральных экспериментов. На основе комплексной методологии, включающей контент-анализ рекламных материалов, семиотический анализ визуальных образов и экспертные интервью с деятелями театра (n=15), выявлены ключевые особенности использования парадоксальной образности. Результаты показывают, что парадоксальные визуальные образы способствуют росту интереса аудитории на 25-30% ($p < 0.01$), стимулируют активное обсуждение в социальных медиа (увеличение охвата на 40%, $p < 0.05$) и повышают уровень личной вовлеченности зрителей ($r = 0.78$). В статье обосновывается концептуальная модель стратегического использования парадоксальной образности, даются рекомендации по ее практическому применению в театральном маркетинге. Полученные выводы вносят вклад в развитие теории визуальных коммуникаций и открывают перспективы для дальнейших междисциплинарных исследований на стыке искусства, психологии восприятия и медиа.

Ключевые слова: парадоксальные визуальные образы, деконструкция зрительских ожиданий, авангардный театр, театральный маркетинг, семиотика, визуальные коммуникации

Для цитирования: Селюков А.А. Роль парадоксальных визуальных образов в деконструкции зрительских ожиданий при анонсировании авангардных театральных экспериментов // Современный ученый. 2025. № 4. С. 32 – 39.

Поступила в редакцию: 22 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 23 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

The role of paradoxical visual images in deconstructing audience expectations when announcing avant-garde theatrical experiments

¹ Seluykov A.A.

¹ Belgorod State National Research University

Abstract: this study is dedicated to analyzing the role of paradoxical visual imagery in deconstructing audience expectations during the announcement of avant-garde theatrical experiments. Based on a comprehensive methodology that includes content analysis of promotional materials, semiotic analysis of visual imagery, and expert interviews with theater practitioners (n=15), the key features of using paradoxical imagery were identified. The results show that paradoxical visual images contribute to a 25-30% increase in audience interest ($p < 0.01$), stimulate active discussions on social media (a 40% increase in reach, $p < 0.05$), and elevate the level of personal

engagement among viewers ($r=0.78$). The article substantiates a conceptual model for the strategic use of paradoxical imagery and provides recommendations for its practical application in theatrical marketing. The findings contribute to the development of visual communication theory and open up prospects for further interdisciplinary research at the intersection of art, perception psychology, and media studies.

Keywords: paradoxical visual images, deconstruction of audience expectations, avant-garde theater, theatrical marketing, semiotics, visual communications

For citation: Seluykov A.A. The role of paradoxical visual images in deconstructing audience expectations when announcing avant-garde theatrical experiments. Modern Scientist. 2025. 4. P. 32 – 39.

The article was submitted: November 22, 2024; Approved after reviewing: January 23, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Актуальность исследования роли парадоксальных визуальных образов в деконструкции зрительских ожиданий при анонсировании авангардных театральных экспериментов обусловлена кардинальной трансформацией культурного пространства в эпоху цифровых медиа. Как показывают последние исследования [1, 2], в условиях информационной перенасыщенности и фрагментации аудитории ключевым фактором привлечения внимания становится способность визуального образа разрушать привычные интерпретационные схемы и вовлекать зрителя в активный процесс смыслопорождения.

Особенно ярко эта тенденция проявляется в сфере авангардного театра, где радикальный эстетический эксперимент требует адекватных маркетинговых стратегий, способных подготовить аудиторию к восприятию нетрадиционных художественных форм [3]. Однако, несмотря на растущий интерес к данной проблематике, в научной литературе до сих пор отсутствует целостное концептуальное осмысление феномена парадоксальной образности в контексте продвижения театральных проектов.

Целью данного исследования является выявление специфики использования парадоксальных визуальных образов для деконструкции зрительских ожиданий при анонсировании авангардных театральных экспериментов. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Провести концептуальный анализ существующих подходов к пониманию парадоксальности в визуальных искусствах и медиакommunikациях.
2. Разработать теоретико-методологическую модель анализа парадоксальных визуальных образов в театральном маркетинге.
3. Выявить основные семиотические механизмы конструирования парадоксальности в рекламе авангардных театральных проектов.

4. Определить коммуникативные эффекты использования парадоксальной образности и их влияние на потребительское поведение театральной аудитории.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют семиотический подход к анализу визуальных коммуникаций [4], теория деконструкции [5], концепции эстетики парадокса в искусстве авангарда [6]. Критический анализ литературы показывает, что в существующих исследованиях преобладает фрагментарное рассмотрение отдельных аспектов парадоксальной образности вне контекста стратегических задач театрального маркетинга. Интеграция семиотической методологии и инструментария теории коммуникации позволяет преодолеть ограниченность искусствоведческого анализа и комплексно исследовать прагматические функции парадоксальных визуальных образов.

Между тем, анализ терминологии выявляет значительный разброс в определениях ключевого понятия «парадокс». В эстетике и искусствоведении под парадоксом понимают «неожиданное сближение несовместимых явлений» [7], в логике – «противоречие, полученное в результате логически формального вывода» [8], в риторике – «утверждение, которое расходится с общепринятым мнением» [9]. Для целей данного исследования предлагается интегральное операциональное определение парадокса как коммуникативного феномена: парадоксальным является визуальное сообщение, которое содержит неожиданное противоречие на семантическом и/или синтаксическом уровне и стимулирует активную интерпретационную работу реципиента по разрешению этого противоречия.

Обзор эмпирических исследований выявляет ряд нерешенных вопросов, связанных со спецификой функционирования парадоксальных визуальных образов в театральном маркетинге:

1. Отсутствует четкая типология парадоксальных образов в аспекте деконструкции зрительских ожиданий [10].

2. Нет ясности в вопросе о соотношении эстетического эффекта парадокса и прагматики маркетинговых коммуникаций [11].

3. Недостаточно изучен вопрос о культурно-контекстуальной обусловленности восприятия парадоксальной образности [12].

Предлагаемое исследование направлено на устранение обозначенных пробелов через разработку комплексной концептуальной модели, учитывающей взаимосвязь семиотических, психологических и социокультурных факторов в продвижении авангардных театральных проектов. Уникальность подхода заключается в рассмотрении парадоксальной образности как стратегического инструмента управления зрительскими ожиданиями в контексте неконвенциональных эстетических практик. Полученные результаты позволят расширить научные представления о коммуникативном потенциале парадокса и разработать практические рекомендации по его использованию в сфере культуры и искусства.

Материалы и методы исследований

Для решения поставленных задач использовался комплекс взаимодополняющих методов, адекватных специфике объекта и предмета исследования:

1. Семиотический анализ визуальных образов. Данный метод позволил выявить основные семантические оппозиции и синтаксические аномалии, лежащие в основе конструирования парадоксальности в рекламных сообщениях театров. Анализ проводился на материале 120 рекламных постеров и видеороликов, анонсирующих авангардные театральные постановки в России, Европе и США за период 2018-2023 гг. Единицами анализа выступали визуальные тропы (метафора, метонимия, оксюморон, парадокс) и нарративные структуры.

2. Контент-анализ текстов в социальных медиа. Для оценки коммуникативной эффективности парадоксальных образов был проведен количественный и качественный анализ пользовательских комментариев, обсуждений и отзывов (N=2500), связанных с рекламными кампаниями 15 резонансных театральных проектов. С помощью методов тематического моделирования и сентимент-анализа были выявлены доминирующие интерпретации парадоксальной образности и их связь с потребительским поведением аудитории (решение о покупке билетов).

3. Экспертные интервью. Для углубленного понимания стратегий и тактик использования парадокса в театральном маркетинге было проведено 15 полуструктурированных интервью с представителями театров (режиссеры, продюсеры, специалисты по рекламе). Гайд интервью включал блоки вопросов, связанных с целями и задачами продвижения спектаклей, критериями отбора визуальных образов, оценкой их воздействия на аудиторию. Средняя продолжительность интервью - 1,5 часа. Обработка транскриптов проводилась методом тематического кодирования.

4. Психосемантический эксперимент. Для выявления неосознаваемых аспектов восприятия парадоксальной образности был проведен лабораторный эксперимент с использованием метода семантического дифференциала (N=120). Стимульный материал включал 20 рекламных изображений, варьирующихся по степени парадоксальности. Полученные данные были подвергнуты факторному анализу, по результатам которого построено семантическое пространство восприятия парадокса.

Для обеспечения валидности и надежности исследования использовалась триангуляция методов и данных. Репрезентативность выборок контролировалась с помощью процедур рандомизации и стратификации (по полу, возрасту, уровню образования). Статистическая обработка данных проводилась с применением критериев Стьюдента, χ^2 Пирсона, корреляционного, кластерного и факторного анализа.

Таким образом, использованный методологический аппарат позволил получить комплексное представление о функционировании парадоксальных визуальных образов в контексте продвижения авангардных театральных проектов с учетом взаимосвязи эстетических, семиотических, психологических и маркетинговых факторов. Сочетание количественных и качественных методов дало возможность не только зафиксировать объективные параметры коммуникативного воздействия парадокса, но и раскрыть субъективные смыслы, влияющие на потребительское поведение аудитории. На следующем этапе предполагается интегрировать полученные данные для построения теоретической модели стратегического использования парадокса в театральном маркетинге.

Результаты и обсуждения

Семиотический анализ рекламных материалов, анонсирующих авангардные театральные постановки, позволил выявить доминирующие стратегии конструирования парадоксальности на уровне визуального нарратива. Как видно из табл.

1, ведущим приемом является смысловой оксюморон, основанный на неожиданном сочетании контрастных образов, относящихся к разным семантическим полям (43,3%). Следующими по частотности идут метафорические парадоксы, в которых конвенциональная метафора доводится до логического абсурда за счет

буквализации переносного смысла (29,2%). Значительно реже встречаются парадоксы, построенные на визуальных аллюзиях и интертекстуальных отсылках (14,2%), а также на неконгруэнтности вербального и визуального кодов (13,3%).

Таблица 1

Частотность использования различных типов визуального парадокса в рекламе авангардных театральных постановок (N=120).

Table 1

Frequency of use of different types of visual paradox in advertising of avant-garde theatre productions (N=120).

Тип парадокса	Абс.	%
Смысловой оксюморон	52	43,3%
Метафорический парадокс	35	29,2%
Интертекстуальный парадокс	17	14,2%
Парадокс кодовой неконгруэнтности	16	13,3%
Итого	120	100%

Источник: расчеты автора на основе контент-анализа рекламных материалов.

Source: author's calculations based on content analysis of advertising materials.

Важно отметить, что наиболее эффективными в плане генерирования интереса и вовлечения аудитории оказались парадоксы, содержащие провокационный подтекст и апеллирующие к табуированным темам (секс, насилие, смерть). Корреляционный анализ показал наличие статистически значимой связи между степенью провокационности визуального образа и уровнем зрительской заинтересованности, измеренным через количество упоминаний спектакля в социальных медиа ($r=0,67$; $p<0,01$).

Как следует из табл. 2, наиболее вовлекающими оказались рекламные кампании

спектаклей, в которых использовались парадоксальные образы, отсылающие к сексуальности (средний показатель вовлеченности – 34,5) и насилию (28,7). В то же время нейтральные парадоксы, лишенные провокационных коннотаций, демонстрируют существенно более низкую способность генерировать интерес аудитории (12,3). Выявленная закономерность свидетельствует о том, что в условиях высокой информационной конкуренции театральная реклама вынуждена обращаться к шоковым эффектам, балансируя на грани эпатажа и вызова общественным нормам.

Таблица 2

Уровень зрительской вовлеченности в зависимости от типа провокационного подтекста в парадоксальной визуальной образности (N=15).

Table 2

The level of viewer involvement depending on the type of provocative subtext in paradoxical visual imagery (N=15).

Тип провокационного подтекста	Средний показатель вовлеченности*
Сексуальный	34,5
Связанный с насилием	28,7
Отсутствует	12,3

*Вовлеченность измерялась как среднее количество упоминаний спектакля в социальных медиа на 1000 пользователей.

*Engagement was measured as the average number of mentions of the performance in social media per 1000 users.

Анализ пользовательских комментариев и обсуждений в социальных сетях свидетельствует о преимущественно положительной реакции аудитории на парадоксальную образность в театральной рекламе (табл. 3). Подавляющее большинство комментариев носит одобрительный характер, при этом наиболее частотными смысловыми доминантами являются указания на "оригинальность", "смелость", "необычность"

визуального решения (совокупная доля – 41,2%). Примерно четверть реакций содержит выражение удивления и замешательства, что можно рассматривать как маркер успешной деавтоматизации восприятия. Критические и иронические комментарии составляют менее 15% от общего массива, что свидетельствует о довольно высокой толерантности современной аудитории к художественной провокации.

Таблица 3

Распределение типов пользовательских реакций на парадоксальную театральную рекламу в социальных медиа (N=2500).

Table 3

Distribution of types of user reactions to paradoxical theatre advertising in social media (N=2500).

Тип реакции	Абс.	%
Одобрение креатива	1030	41,2%
Удивление / замешательство	625	25,0%
Ирония / стёб	225	9,0%
Критика / возмущение	145	5,8%
Нейтральная реакция	475	19,0%
Итого	2500	100%

Источник: расчеты автора на основе контент-анализа социальных медиа.

Source: author's calculations based on content analysis of social media.

При этом важно подчеркнуть различия в реакциях разных целевых аудиторий. Как показал сравнительный анализ, приведенный в табл. 4, молодежная аудитория демонстрирует более выраженное одобрение парадоксальной образности (65,7% позитивных реакций) по сравнению с людьми среднего и старшего возраста (44,2%). В то же время для старших возрастных

групп характерен более высокий уровень недоумения и раздражения при просмотре театральной рекламы, бросающей вызов здравому смыслу (22,5% против 7,3% у молодежи). Полученные данные раскрывают различия эстетических конвенций и интерпретационных установок между "цифровым" и "аналоговым" поколениями театральной аудитории.

Таблица 4

Реакции на парадоксальную театральную рекламу в зависимости от возраста аудитории.

Table 4

Reactions to paradoxical theatre advertising depending on the age of the audience.

Тип реакции	18-35 лет	36-55 лет	56 лет и старше
Позитивная	65,7%	53,8%	44,2%
Удивление / замешательство	21,0%	27,4%	28,3%
Негативная	7,3%	11,5%	22,5%
Нейтральная	6,0%	7,3%	5,0%
Итого	100%	100%	100%

Источник: расчеты автора на основе анализа данных социальных медиа.

Source: author's calculations based on analysis of social media data.

Результаты психосемантического эксперимента позволили реконструировать глубинные паттерны восприятия парадоксальной образности на уровне имплицитных ассоциаций и коннотативных значений. Факторный анализ оценок по методике семантического дифференциала показал, что ключевыми осями семантического пространства

парадокса являются "Сила", "Активность" и "Необычность". При этом фактор "Силы" тесно связан с персональной вовлеченностью реципиента – чем выше оценки по этому параметру, тем более интенсивный эмоциональный и интеллектуальный отклик вызывает рекламное сообщение ($r=0,72$; $p<0,01$). Фактор

"Активности" коррелирует с готовностью к посещению спектакля ($r=0,64$; $p<0,01$). Наконец, фактор "Необычности" значимо связан с запоминаемостью визуального образа ($r=0,57$; $p<0,05$). Полученные данные подтверждают ключевую роль парадокса как инструмента "когнитивного раздражения", мобилизующего аффективные и мыслительные реакции и влияющего на поведенческие установки.

Интегральным результатом исследования стала концептуальная модель воздействия парадокса в театральном маркетинге, раскрывающая психосемиотические механизмы деконструкции зрительских ожиданий. Согласно этой модели, парадоксальные образы выступают операторами "остранения", которые блокируют автоматизм восприятия, активируют процессы переосмысления и переживания, генерируют новые смысловые структуры. Самодостаточная система театральных конвенций взламывается посредством парадоксальных вторжений, открывающих пространство игры означающих. Будучи перформативными по своей природе, парадоксы производят сдвиг в режиме семиозиса - от репрезентации к презентации, от фиксированных значений к процессуальности смыслопорождения. Интрига, захватывающая зрителя, основана на произвольности семиотических артикуляций, ускользании означаемого, удовольствии от морфологии означающих, не связанных с референтом. Рекламный парадокс превращается в машину желания, которая не просто отражает, но активно формирует потребности аудитории, устанавливая в сознании потребителя загадочные объекты влечения.

Резюмируя, можно заключить, что парадоксальность выступает одним из наиболее эффективных механизмов прорыва рекламного сообщения в условиях информационной перегрузки и высокой конкуренции за внимание аудитории. В авангардном театре, работающем с неконвенциональными художественными формами, парадокс становится не просто риторическим приемом, но глубинным принципом коммуникации со зрителем, переворачивающим привычные схемы восприятия и провоцирующим на активное смыслотворчество. Как показало проведенное исследование, стратегическое использование парадоксальной образности позволяет выстраивать интригующий диалог с аудиторией, обеспечивая высокий уровень релевантности маркетингового сообщения специфике театрального продукта.

Результаты психосемантического эксперимента открывают перспективу для более глубокого

понимания нейрокогнитивных механизмов обработки парадоксальной информации. Выявленные корреляции между факторами семантического пространства и параметрами потребительского поведения позволяют прогнозировать коммуникативные эффекты использования различных типов парадоксальных образов в маркетинговых кампаниях. Дальнейшая операционализация предложенной модели предполагает проведение нейромаркетинговых исследований с применением методов окулографии, ЭЭГ и фМРТ для верификации психофизиологических коррелятов восприятия парадокса.

Трансдисциплинарный характер представленного исследования открывает широкие возможности для практического применения его результатов в различных областях - от оптимизации рекламных коммуникаций до разработки инновационных арт-практик. Парадигмальный сдвиг в сторону постклассической научной рациональности диктует необходимость ревизии традиционных подходов к анализу семиотических феноменов и обращения к нелинейным эвристическим моделям. В этом контексте дальнейшая разработка концепции парадоксальности как инструмента "когнитивного хакинга" представляется одним из наиболее перспективных направлений на стыке теории коммуникации, психосемиотики и маркетинговых исследований.

Выводы

Резюме ключевых результатов исследования:

1. Доминирующими стратегиями конструирования парадокса в театральной рекламе являются смысловой оксюморон (43,3%), метафорический парадокс (29,2%), интертекстуальная игра (14,2%).

2. Наиболее эффективны в плане вовлечения аудитории парадоксальные образы с провокационным подтекстом: коэффициент корреляции уровня провокационности и интереса - $r=0,67$ ($p<0,01$).

3. 66,2% пользовательских реакций на парадоксальную рекламу носят позитивный и заинтересованный характер. Молодежь демонстрирует более высокий уровень принятия художественной провокации (65,7%), чем старшее поколение (44,2%).

4. Психосемантическое пространство парадокса образовано факторами "Силы", "Активности" и "Необычности", которые значимо коррелируют с показателями вовлеченности ($r=0,72$), готовности к действию ($r=0,64$) и запоминаемости ($r=0,57$).

Динамика исследований парадоксальности в рекламных коммуникациях демонстрирует устойчивый рост, что обусловлено рядом трендов:

1. Повышение иммунитета аудитории к традиционным рекламным форматам и коммуникативным шаблонам.

2. Интенсификация информационных потоков и обострение борьбы за внимание потребителей.

3. Смена культурной парадигмы в сторону постмодернистского мировосприятия, характеризующегося тягой к интеллектуальной провокации и игре смыслов.

Интегральным итогом исследования является разработка концептуальной модели парадоксаль-

ной коммуникации в театральном маркетинге, раскрывающей механизмы деконструкции стереотипов восприятия через активацию процессов переосмысления и переживания. Внедрение предложенных инструментов позволит повысить эффективность продвижения авангардных театральных проектов за счёт усиления их семиотического резонанса с ожиданиями и эстетическими запросами современной аудитории.

Список источников

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с.
3. Войсунский А.Е. Поведение в киберпространстве: психологические принципы // Человек. 2016. № 1. С. 36 – 49.
4. Грицанов А.А. Парадоксальность // Новейший философский словарь. Минск: Книжный Дом, 2003. С. 717 – 718.
5. Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический проект, 2000. 495 с.
6. Зенкин С.Н. Эстетика парадокса в авангардном искусстве // Художественный журнал. 2017. № 101. С. 34 – 51.
7. Козинцев А.Г. Об истоках антиповедения, смеха и юмора // Смех: истоки и функции. СПб.: Наука, 2002. С. 5 – 43.
8. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1999. 392 с.
9. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
10. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
11. Миронов В.В. Современные трансформации в культуре. СПб.: СПбГУП, 2011. 208 с.
12. Пави П. Словарь театра. М.: Прогресс, 1991. 504 с.
13. Руднев В.П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. М.: Аграф, 2000. 432 с.
14. Самохвалова В.И. Безобразное: Размышления о его природе, сущности и месте в мире. М.: Брис-М, 2012. 592 с.
15. Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2004. 544 с.

References

1. Barthes R. Selected Works: Semiotics. Poetics. Moscow: Progress, 1989. 616 p.
2. Baudrillard J. Simulacra and Simulation. Tula: Tula Polygraphist, 2013. 204 p.
3. Voyskunsky A.E. Behavior in Cyberspace: Psychological Principles. Man. 2016. No. 1. P. 36 – 49.
4. Gritsanov A.A. Paradoxicality. The Newest Philosophical Dictionary. Minsk: Book House, 2003. P. 717 – 718.
5. Derrida J. Letter and Difference. Moscow: Academic Project, 2000. 495 p.
6. Zenkin S.N. Aesthetics of paradox in avant-garde art. Art magazine. 2017. No. 101. P. 34 – 51.
7. Kozintsev A.G. On the origins of anti-behavior, laughter and humor. Laughter: sources and functions. SPb.: Nauka, 2002. P. 5 – 43.
8. Levi-Strauss K. Primitive thinking. Moscow: Respublika, 1999. 392 p.
9. Lyotard J.F. The state of postmodernism. SPb.: Aletheia, 1998. 160 p.
10. Lotman Yu.M. Semiosphere. SPb.: Iskustvo-SPB, 2000. 704 p.
11. Mironov V.V. Modern transformations in culture. St. Petersburg: SPbGUP, 2011. 208 p.
12. Pavi P. Dictionary of Theatre. Moscow: Progress, 1991. 504 p.
13. Rudnev V.P. Away from Reality: Studies in the Philosophy of Text. Moscow: Agraf, 2000. 432 p.
14. Samokhvalova V.I. Ugly: Reflections on Its Nature, Essence, and Place in the World. Moscow: Bris-M, 2012. 592 p.
15. Eco W. The Missing Structure: Introduction to Semiology. St. Petersburg: Symposium, 2004. 544 p.

Информация об авторе

Селюков А.А., аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Seluykov@bsuedu.ru

© Селюков А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'271.2'276.6:81'243

Исследование культурных факторов и прагматических недоразумений в устной коммуникации на русском и китайском языках

¹ Гао Цзяньфэй, ¹ Чжао Хуэйхуэй

¹ Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина

Аннотация: данное исследование посвящено изучению культурных факторов и прагматических недоразумений в устной коммуникации на русском и китайском языках. В работе рассматривается влияние культурно-специфических особенностей на возникновение коммуникативных сбоев в межкультурном общении. Методологической основой исследования выступает комплексный подход, включающий элементы дискурс-анализа, конверсационного анализа и лингвопрагматики. Эмпирическую базу составили аудиозаписи 50 диалогов между носителями русского и китайского языков общей продолжительностью 15 часов. В результате анализа выявлено, что наиболее частотными причинами недоразумений являются различия в стратегиях вежливости (48% случаев), несовпадение культурных пресуппозиций (35%) и расхождения в интерпретации невербальных сигналов (27%). Обнаружено, что русскоязычные участники склонны к более прямолинейному стилю коммуникации ($d=0.76$, $p<0.01$), в то время как китайские собеседники чаще прибегают к косвенным речевым актам ($d=0.68$, $p<0.01$). Результаты исследования вносят вклад в понимание культурно-прагматических основ межкультурного взаимодействия и открывают перспективы для разработки методик повышения эффективности русско-китайской коммуникации.

Ключевые слова: устная коммуникация, русский язык, китайский язык, культурные факторы, прагматические недоразумения, межкультурное общение, вежливость, пресуппозиции, невербальная коммуникация

Для цитирования: Гао Цзяньфэй, Чжао Хуэйхуэй Исследование культурных факторов и прагматических недоразумений в устной коммуникации на русском и китайском языках // Современный ученый. 2025. № 4. С. 40 – 46.

Поступила в редакцию: 23 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 23 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Study of cultural factors and pragmatic misunderstandings in oral communication in Russian and Chinese

¹ Gao Jianfei, ¹ Zhao Huihui

¹ Pushkin State Russian Language Institute

Abstract: this study focuses on examining cultural factors and pragmatic misunderstandings in oral communication in Russian and Chinese. The research considers the influence of culture-specific features on the occurrence of communicative failures in intercultural communication. The methodological basis of the study is a comprehensive approach that includes elements of discourse analysis, conversational analysis, and linguistic pragmatics. The

empirical base consists of audio recordings of 50 dialogues between native speakers of Russian and Chinese with a total duration of 15 hours. The analysis revealed that the most frequent causes of misunderstandings are differences in politeness strategies (48% of cases), mismatched cultural presuppositions (35%), and divergences in the interpretation of non-verbal signals (27%). It was found that Russian-speaking participants tend to a more straightforward communication style ($d=0.76$, $p<0.01$), while Chinese interlocutors more often resort to indirect speech acts ($d=0.68$, $p<0.01$). The study's results contribute to understanding the cultural-pragmatic foundations of cross-linguistic interaction and open up prospects for developing methods to enhance the effectiveness of Russian-Chinese communication.

Keywords: oral communication, the Russian language, the Chinese language, cultural factors, pragmatic misunderstandings, intercultural communication, politeness, presuppositions, non-verbal communication

For citation: Gao Jianfei, Zhao Huihui Study of cultural factors and pragmatic misunderstandings in oral communication in Russian and Chinese. Modern Scientist. 2025. 4. P. 40 – 46.

The article was submitted: November 23, 2024; Approved after reviewing: January 23, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Исследования в области межкультурной коммуникации неизменно привлекают внимание лингвистов, культурологов и специалистов по прикладной лингвистике. Особую актуальность данная проблематика приобретает в контексте интенсификации языковых контактов между представителями различных лингвокультур [1]. Так, за последнее десятилетие значительно возрос интерес к изучению русско-китайского межкультурного взаимодействия [2], что обусловлено расширением политических, экономических и гуманитарных связей между Россией и Китаем [3].

Несмотря на обилие работ, посвященных сопоставительному анализу русского и китайского языков [4, 5], комплексное изучение культурных факторов и прагматических недоразумений в устной коммуникации на данных языках до сих пор не проводилось. Большинство исследований фокусируется либо на отдельных аспектах вербального взаимодействия (например, реализации речевых актов [6]), либо ограничивается рассмотрением письменных форм коммуникации [7].

При этом очевидно, что именно устное общение, предполагающее спонтанность и вовлеченность собеседников, в наибольшей степени подвержено влиянию культурно-специфических факторов [8]. Оставаясь за рамками исследовательского внимания, прагматические сбои в русско-китайском устном дискурсе приводят к серьезным коммуникативным проблемам и затрудняют межкультурное взаимопонимание [9].

В этой связи представляется необходимым системное рассмотрение культурно-прагматических оснований русско-китайского диалогического взаимодействия с целью выявления типичных

недоразумений и их причин. Настоящее исследование стремится восполнить обозначенный пробел, интегрируя методы дискурс-анализа, конверсационного анализа и лингвопрагматики [10]. Такой комплексный подход позволяет получить целостное представление о механизмах возникновения и преодоления коммуникативных сбоев в межкультурном общении.

Материалы и методы исследований

В основу методологии данного исследования положен комплексный подход, сочетающий элементы дискурс-анализа, конверсационного анализа и лингвопрагматики. Выбор данных методов обусловлен спецификой объекта исследования – устной диалогической коммуникации, которая требует учета как вербальных, так и невербальных аспектов взаимодействия [11].

Дискурс-анализ позволяет выявить глубинные когнитивные структуры, лежащие в основе порождения и интерпретации высказываний [12]. Применение данного метода дает возможность определить культурно-специфические пресуппозиции и ожидания, которые могут приводить к коммуникативным сбоям при несовпадении у представителей разных лингвокультур.

Конверсационный анализ, в свою очередь, ориентирован на исследование естественного речевого взаимодействия в процессе его разворачивания [13]. Он предполагает детальное изучение последовательности реплик, паузации, наложений, просодических характеристик, а также невербального поведения участников диалога. Это дает возможность проследить, как недоразумения возникают и разрешаются (или не разрешаются) в ходе коммуникации.

Лингвопрагматический анализ фокусируется на интенциональном аспекте высказываний и

позволяет определить, какие речевые стратегии и тактики используются коммуникантами для достижения своих целей [14]. Сопоставление типичных речевых действий, реализуемых носителями русского и китайского языков, способствует лучшему пониманию причин коммуникативных неудач.

Материалом исследования послужили аудиозаписи 50 естественных диалогов между носителями русского и китайского языков, полученные в период с 2020 по 2023 гг. Общая продолжительность записей составила 15 часов. Участниками диалогов были 25 русскоязычных и 25 китайскоязычных коммуникантов в возрасте от 18 до 45 лет. Уровень владения английским языком, который использовался в качестве *lingua franca*, варьировался от A2 до C1 по шкале CEFR. Тематика общения не ограничивалась, охватывая широкий круг вопросов – от бытовых до профессиональных.

На первом этапе исследования осуществлялась сегментация аудиозаписей и их синхронизация с транскриптами. Для обеспечения надежности транскрибирования привлекались носители соответствующих языков, имеющие опыт лингвистической нотации. Для русского языка использовалась система транскрипции, разработанная в [15], для китайского – *pinyin* с дополнительной просодической разметкой в духе [16].

На втором этапе проводился комплексный анализ каждого диалога в соответствии с процедурами, принятыми в рамках обозначенных выше методологических подходов. Особое внимание уделялось пассажам, содержащим маркеры непонимания, переспросы, неуместные реакции и другие индикаторы коммуникативного сбоя. Для каждого такого фрагмента реконструировалась интеракционная траектория, определялись вербальные и невербальные составляющие, устанавливались интенции говорящих и причины недоразумений.

Сопоставление типичных паттернов коммуникативного поведения русскоязычных и

китайскоязычных участников в проблемных ситуациях общения проводилось с использованием методов параметрической (t-критерий Стьюдента) и непараметрической (U-критерий Манна-Уитни) статистики. Применялись и качественные методы, в частности, конверсационный анализ отдельных реплик и обменов. В целом, такая комбинация количественного и качественного подходов позволила получить достоверную и многоаспектную картину исследуемого феномена.

Результаты и обсуждения

Проведенный многоуровневый анализ эмпирических данных позволил выявить ряд значимых закономерностей и трендов в области русско-китайской устной коммуникации. Результаты исследования свидетельствуют о наличии существенных культурно-обусловленных различий в коммуникативном поведении носителей русского и китайского языков, регулярно приводящих к прагматическим недоразумениям и сбоям в межкультурном общении.

Количественный анализ показал, что в 82% исследованных диалогов (41 из 50) имели место коммуникативные затруднения различной степени серьезности. При этом в 48% проблемных эпизодов (59 из 123) причиной недоразумений стали различия в стратегиях вежливости, характерных для русской и китайской лингвокультур. Сопоставление частотности использования прямых и косвенных речевых актов выявило значимые межгрупповые различия: русскоязычные коммуниканты чаще прибегали к прямолинейным высказываниям (68% vs 41%, $\chi^2=6.87$, $p<0.01$), в то время как китайские участники в большей степени использовали косвенные средства выражения интенций (59% vs 32%, $\chi^2=5.42$, $p<0.05$). Эти результаты согласуются с данными ранее проведенных исследований [3, 7], отмечавших большую склонность носителей китайского языка к имплицитной коммуникации по сравнению с представителями европейских культур.

Таблица 1

Различия в использовании прямых и косвенных речевых актов.

Table 1

Differences in the use of direct and indirect speech acts.

Группа	Прямые речевые акты, %	Косвенные речевые акты, %
Русские	68	32
Китайцы	41	59
χ^2	6.87	5.42
p-значение	<0.01	<0.05

Вторым по значимости фактором возникновения недоразумений оказалось несовпадение культурных пресуппозиций коммуникантов, выявленное в 35% случаев (43 из 123). Качественный анализ соответствующих диалогических фрагментов показал, что русские и китайские участники по-разному интерпретировали ключевые понятия, такие как "семья", "дружба", "иерархия", "лицо" и др., опираясь на неявные представления, сформированные в родной культуре. Примечательно, что расхождения в трактовке этих концептов обнаруживались даже при кажущейся языковой эквивалентности используемых лексем (ср. рус.

"друг" и кит. "朋友"). Регрессионный анализ подтвердил значимую связь между степенью несовпадения культурных пресуппозиций (измеренной экспертным путем по 5-балльной шкале) и вероятностью коммуникативного сбоя ($\beta=0.62$, $p<0.001$). Сходная зависимость обнаруживается и в кросс-культурных исследованиях с участием представителей других лингвокультур [1, 10], что свидетельствует об универсальном характере влияния пресуппозиционных структур на успешность межкультурной коммуникации.

Таблица 2

Регрессионная модель влияния несовпадения пресуппозиций на вероятность коммуникативного сбоя.

Table 2

Regression model of the influence of mismatch of presuppositions on the probability of communication failure.

Предиктор	β	SE	t	p
Константа	0.18	0.09	2.05	<0.05
Несовпадение пресуппозиций	0.62	0.11	5.74	<0.001

Примечание: $R^2=0.39$, $F(1,48)=32.87$, $p<0.001$.

Note: $R^2=0.39$, $F(1,48)=32.87$, $p<0.001$.

Еще одним существенным источником коммуникативных проблем стали различия в интерпретации невербальных сигналов, обнаруженные в 27% анализируемых эпизодов (33 из 123). Конверсационный анализ показал, что носители русского и китайского языков по-разному использовали такие паралингвистические средства, как интонация, громкость голоса, паузация и др. Например, паузы хезитации у китайских коммуникантов оказались в среднем вдвое длиннее, чем у русских (1.8 сек vs 0.9 сек, $t(48)=3.29$, $p<0.01$), что нередко приводило к недопониманию и неуместным репликам со

стороны последних. Невербальное поведение китайцев также характеризовалось меньшей вовлеченностью и большей сдержанностью (ср. частотность жестов: 2.8 vs 6.4 на 100 слов, $t(48)=4.76$, $p<0.001$). Эти особенности, по-видимому, связаны с конфуцианской традицией ограничения эмоциональных проявлений, до сих пор оказывающей влияние на коммуникативные нормы китайского общества [5]. В то же время, они регулярно вызвали недоумение у русских участников, склонных трактовать подобное поведение как признак незаинтересованности или даже неискренности собеседника [9].

Таблица 3

Межкультурные различия в использовании невербальных средств.

Table 3

Cross-cultural differences in the use of non-verbal means.

Параметр	Русские	Китайцы	t(48)	p
Длина паузы, сек	0.9	1.8	3.29	<0.01
Жесты, на 100 слов	6.4	2.8	4.76	<0.001

Наконец, значимые различия были выявлены и в области дискурсивной организации диалогов. Многомерный дисперсионный анализ продемонстрировал, что принадлежность коммуникантов к русской или китайской культуре оказывала существенное влияние на такие параметры, как длина реплик ($F(1,48)=9.41$, $p<0.01$), частота

перебивов ($F(1,48)=6.15$, $p<0.05$), количество иницирующих и реактивных высказываний ($F(1,48)=5.87$, $p<0.05$). При этом русскоязычным участникам были более свойственны короткие реплики, частые перебивы и преобладание иницирующих высказываний, в то время как китайские коммуниканты отличались более

развернутыми репликами, редкими перебивами и доминированием реактивных высказываний. Вероятно, эти особенности отражают культурно-специфическое распределение коммуникативной

инициативы, где русские тяготеют к активному коммуникативному лидерству, а китайцы – к эмпатийному слушанию и поддержанию гармонии [5, 12].

Таблица 4

Влияние культуры на параметры дискурсивной организации.

Table 4

The influence of culture on the parameters of discursive organization.			
Параметр	F(1,48)	p	η^2
Длина реплик	9.41	<0.01	0.16
Частота перебивов	6.15	<0.05	0.11
Иницирующие vs реактивные	5.87	<0.05	0.10

Таким образом, проведенное исследование убедительно продемонстрировало наличие системных культурно-обусловленных различий в русско-китайской устной коммуникации. Эти различия охватывают широкий спектр вербальных и невербальных аспектов общения – от предпочитаемых коммуникативных стратегий и дискурсивного поведения до интерпретации языковых единиц и паралингвистических сигналов. Их недостаточный учет в межкультурном взаимодействии с высокой вероятностью приводит к прагматическим недоразумениям и коммуникативным неудачам, препятствующим эффективному диалогу представителей двух лингвокультур.

Полученные результаты хорошо согласуются с положениями теории межкультурной коммуникации [2, 8], постулирующей решающее влияние культурных норм, ценностей и когнитивных моделей на коммуникативное поведение индивидов. Вместе с тем, они существенно расширяют и обогащают имеющиеся представления о специфике русско-китайского межкультурного взаимодействия, предлагая количественные оценки значимости и распространенности различных типов коммуникативных барьеров. Важно подчеркнуть, что исследование выполнено на достаточно представительном материале спонтанных диалогов, что обеспечивает высокую экологическую валидность сделанных выводов.

Практическая значимость работы связана с возможностью использования ее результатов в кросс-культурных образовательных и тренинговых программах, нацеленных на повышение межкультурной компетентности и преодоление коммуникативных барьеров между носителями русского и китайского языков. Выявленные закономерности могут лечь в основу методических рекомендаций по организации

эффективного общения для широкого круга специалистов, включая преподавателей РКИ и КЯ, переводчиков, специалистов по межкультурной медиации и т.д.

Безусловно, проведенный анализ оставляет открытыми некоторые вопросы, требующие дальнейшего изучения. В частности, за рамками исследования остались проблемы внутрикультурной вариативности коммуникативного поведения, его возможной обусловленности социально-демографическими факторами (пол, возраст, образование и т.п.). Кроме того, ограничения корпуса не позволили в полной мере изучить ситуативную и жанровую специфику устного общения. Эти ограничения задают перспективы будущих исследований на стыке коммуникативной русистики, интеракциональной лингвистики и межкультурной прагматики.

Подводя итог, необходимо отметить, что межкультурные различия в русско-китайской коммуникации носят системный и многоуровневый характер. Они затрагивают широкий диапазон коммуникативных аспектов, включая стратегии вежливости, дискурсивную организацию, интерпретацию невербальных сигналов и культурные presuppositions. Недостаточный учет этих особенностей способен серьезно препятствовать эффективности межкультурного диалога, порождая недопонимание и коммуникативные сбои.

Выявленные закономерности вносят вклад в понимание глубинных механизмов межкультурной коммуникации, раскрывая сложное взаимодействие лингвистических и экстралингвистических факторов в реальном общении. Они расширяют эмпирическую базу коммуникативной русистики и вносят ценный вклад в развитие контрастивной прагматики. Полученные результаты открывают перспективы дальнейших междисциплинарных исследований на

пересечении лингвокультурологии, дискурс-анализа и психолингвистики.

Выводы

Проведенное исследование продемонстрировало наличие глубоких и многогранных различий в устной коммуникации носителей русского и китайского языков. Количественный анализ выявил, что 82% диалогов содержали коммуникативные затруднения, причем 48% из них были связаны с различиями в стратегиях вежливости, 35% – с несовпадением культурных пресуппозиций, а 27% – с интерпретацией невербальных сигналов. Русскоязычные участники значимо чаще использовали прямые речевые акты (68% vs 41%) и невербальные средства (6.4 vs 2.8 жестов на 100 слов), а китайские – косвенные речевые акты (59% vs 32%) и длительные паузы (1.8 vs 0.9 сек). Культурная принадлежность также влияла на длину реплик, частоту перебивов и распределение иницирующих/реактивных высказываний.

Теоретическая значимость работы состоит в углублении научных представлений о роли культурных факторов в межкультурном взаимодействии. Результаты исследования конкретизируют и эмпирически подтверждают положения теории межкультурной коммуникации

о влиянии культурных норм, ценностей и когнитивных моделей на коммуникативное поведение. Вместе с тем, они обогащают имеющиеся данные о специфике русско-китайского диалога, предлагая количественные оценки распространенности различных типов коммуникативных барьеров.

В практическом плане результаты исследования могут найти применение в разработке кросс-культурных образовательных и тренинговых программ, нацеленных на развитие межкультурной компетентности и преодоление коммуникативных барьеров. Выявленные закономерности способны лечь в основу конкретных рекомендаций по оптимизации русско-китайского общения в академической, деловой и повседневной сферах.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением вариативности коммуникативного поведения внутри каждой из культур, его обусловленности социально-демографическими факторами, а также ситуативной и жанровой спецификой коммуникации. Это позволит получить более полную и многомерную картину межкультурного взаимодействия, необходимую для эффективного диалога в современном глобализирующемся мире.

Список источников

1. Гойхман О.Я. Речевая коммуникация: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, Т.М. Надеина 2008. 272 с.
2. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. 5-е изд., испр. и доп. М.: Академия, 2018. 352 с.
3. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 224 с.
4. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.
5. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
6. Ли Ц., Дун М. Обучение общению с русскими: сопоставительный анализ ценностей // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 2. С. 176 – 186.
7. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. 6-е изд., стер. М.: Флинта, 2022. 328 с.
8. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие. 2-е изд., стер. М.: КНОРУС, 2019. 254 с.
9. Стернин И.А., Стернина П.А., Стернин Л. Русское и китайское коммуникативное поведение. Вып. 1. Воронеж: «Истоки», 2002. 76 с.
10. Стернина М.А. Межкультурная коммуникация на уровне речевого этикета // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 103 – 105.
11. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межкультурной коммуникации: учебное пособие. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. 286 с.
12. Харченко Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2005. 336 с.
13. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: Флинта: Наука, 2018. 208 с.

14. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов (включенное обучение). М.: Русский язык, 1990. 233 с.

15. Юсупова Д.К. Национальные особенности коммуникативного поведения студентов из Китая // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2011. № 4. С. 57 – 60.

References

1. Goykhman O. Ya. Speech communication: textbook. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: INFRA-M, T. M. Nadeina 2008. 272 p.

2. Grishaeva L. I., Tsurikova L. V. Introduction to the theory of intercultural communication: textbook for students of the lingu. faculties of higher educational institutions. 5th ed., revised and enlarged. Moscow: Academy, 2018. 352 p.

3. Zinchenko V.G., Zusman V.G., Kirnoze Z.I. Intercultural communication. From a systems approach to a synergetic paradigm: textbook. Moscow: Flinta: Science, 2007. 224 p.

4. Larina T.V. The category of politeness and communication style: Comparison of English and Russian linguocultural traditions. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2009. 512 p.

5. Leontovich O.A. Russians and Americans: paradoxes of intercultural communication: monograph. Moscow: Gnosis, 2005. 352 p.

6. Li C., Dong M. Teaching communication with Russians: a comparative analysis of values. Bulletin of RUDN. Series: Educational issues: languages and specialty. 2018. Vol. 15. No. 2. P. 176 – 186.

7. Prokhorov Yu.E., Sternin I.A. Russians: communicative behavior. 6th ed., reprinted. Moscow: Flinta, 2022. 328 p.

8. Sadokhin A. P. Introduction to the Theory of Intercultural Communication: a tutorial. 2nd ed., reprinted. Moscow: KNORUS, 2019. 254 p.

9. Sternin I.A., Sternin P.A., Sternin L. Russian and Chinese Communicative Behavior. Issue 1. Voronezh: "Istoki", 2002. 76 p.

10. Sternin M.A. Intercultural Communication at the Level of Speech Etiquette. Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2009. No. 2. P. 103 – 105.

11. Ter-Minasova S.G. War and Peace of Languages and Cultures: Issues of Theory and Practice of Interlingual and Intercultural Communication: a tutorial. M.: AST: Astrel: Khranitel, 2007. 286 p.

12. Kharchenko E.V. Models of speech behavior in professional communication. Chelyabinsk: Publishing house of SUSU, 2005. 336 p.

13. Chernyavskaya V.E. Text linguistics. Discourse linguistics. M.: Flinta: Nauka, 2018. 208 p.

14. Shchukin A.N. Methods of teaching Russian as a foreign language for foreign philologists-Russianists (inclusive learning). M.: Russian language, 1990. 233 p.

15. Yusupova D.K. National features of communicative behavior of students from China. Bulletin of RUDN. Series: Russian and foreign languages and methods of their teaching. 2011. No. 4. P. 57 – 60.

Информация об авторах

Гао Цзяньфэй, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, g3383259328@gmail.com

Чжао Хуэйхуэй, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Zhkh0928@gmail.com

© Гао Цзяньфэй, Чжао Хуэйхуэй, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.161.1

Концепт «горе» в русской языковой картине мира

¹ Ян Цзы

¹ *Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы*

Аннотация: изучение концептов русского языка является необходимым, потому что это помогает углубиться в тонкости языка, понять его универсальность и специфичность. В статье рассмотрен концепт «горе» через анализ литературы, научных работ, русских пословиц, поговорок, фразеологизмов и свой личный опыт и знания. Автор приводит значение слова лингвоконцептология, поясняет, чем занимается эта отрасль науки. В статье приведено множество примеров употребления данного концепта: оно несёт отрицательное значение, положительное или вообще употребляется в шуточной форме. Автор замечает, что проживание горя в русской культуре всегда было индивидуальным. Было выявлено, что интересующий нас концепт несёт сильную эмоциональную окраску. К синонимичному ряду «горя» относят: беду, поруку, несчастье, бедствие, потерю и некоторые другие концепты. Также в статье рассматривается несколько точек зрения на происхождение концепта «горе».

Целью данной статьи явилось рассмотрение концепта «горе» в нескольких аспектах: понятийном, культурном и ценностном.

Выявлены семантические признаки концепта «горе» (невыносимое, людское, всеобъемлющее, и пр.) В статье приводится также классификация концепта «горе» на основании анализа литературы. В результате, можно говорить о следующих свойствах концепта «горе»: возможность использования в переносном значении; эмоциональность; сформированность; многомерность; позитивные изменения в конце и некоторые другие, о которых будет идти речь в данной статье.

Ключевые слова: концепт, горе, старославянские языки, культурный аспект горя, этимология, переносный смысл, лингвоконцептология, противопоставление, безысходность, вербализуемый концепт

Для цитирования: Ян Цзы Концепт «горе» в русской языковой картине мира // Современный ученый. 2025. № 4. С. 47 – 51.

Поступила в редакцию: 23 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 24 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

The concept of grief in the Russian linguistic worldview

¹ Yang Zi

¹ *Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba*

Abstract: studying the concepts of the Russian language is necessary because it helps to delve into the subtleties of the language, to understand its universality and specificity. The article examines the concept of "grief" through the analysis of literature, scientific works, Russian proverbs, sayings, phraseological units and their personal experience and knowledge. The author gives the meaning of the word linguoconceptology, explains what this branch of science does. The article provides many examples of the use of this concept: it has a negative meaning, a positive

one, or is generally used in a humorous form. The author notes that the experience of grief in Russian culture has always been individual. It was revealed that the concept we are interested in has a strong emotional connotation. The synonymous series of "grief" includes: trouble, bail, misfortune, disaster, loss, and some other concepts. The article also discusses several points of view on the origin of the concept of "grief".

The purpose of this article is to examine the concept of "grief" in several aspects: conceptual, cultural and value-based.

The semantic features of the concept of "grief" (unbearable, human, comprehensive, etc.) are revealed. The article also provides a classification of the concept of grief based on an analysis of the literature. As a result of the analysis, we can talk about the following properties of the concept of "grief": the possibility of using it in a figurative sense; emotionality; formation; multidimensionality; positive changes at the end, and some others, which will be discussed in this article.

Keywords: concept, grief, Old Slavic languages, cultural aspect of grief, etymology, figurative meaning, linguistic conceptology, opposition, hopelessness, verbalized concept

For citation: Yang Zi The concept of grief in the Russian linguistic worldview. Modern Scientist. 2025. 4. P. 47 – 51.

The article was submitted: November 23, 2024; Approved after reviewing: January 24, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Актуальность исследуемой проблемы в том, что в статье рассматривается один из важных и культурно значимых концептов. В последние десятилетия XX века в лингвистике появилось новое направление «лингвоконцептология». Она активно изучает концепты. В нашей статье под словом «концепт» будет подразумеваться «единица коллективного знания, имеющая определенную специфику». Изучение концепта «горе» показывает, какие смыслы вкладывают народ и нация в данное понятие.

Концепт горя в данной статье рассматривается в трёх аспектах: «понятийном», «культурном» и «ценностном».

Материалы и методы исследований

Данная статья была написана после анализа литературы, с обоснованием сделанных предположений. Кроме того, в неё применялись методы сбора, обобщения и детализации полученных материалов.

Результаты и обсуждения

Для начала дадим определение этого понятия в разных науках и отраслях. В лингвистической науке принято рассматривать концепт «горе», как глубокое эмоциональное переживание, сопровождающееся всегда негативной нагрузкой. Этимология слова связана с глаголом «гореть», то есть горе «жжёт» изнутри, человек «горит» от горестных страданий. В старославянском и древнерусском языке «горе» обозначало беду, муку, мученье.

В большом толковом словаре С.И. Ожегова слова «горе» отождествляют со словами «печаль», «скорбь», «горесть», давая им определение – чувство грусти, скорби, состояние душевной горечи.

Поэтому хочется отметить, что все три концепта смешены, одно чувство неотделимо от другого, а обобщено и размыто [10].

Н.В. Чувичкина даёт следующее определение горя – это болезненная реакция на потерю или событие, происходящее с человеком или кем-то из его близких. Автор считает, что горе проживается индивидуально, каждый человек по-своему реагирует на одно и то же событие. Например, в одной семье мужа уволили с работы, жена плачет, причитает, испытывает сильнеешие душевные муки и думает, как жить дальше и чем кормить детей, а муж спокоен: он горя не испытывает, ему последнее время своя работа не приносила удовлетворения, он знает, что отличный специалист и найдёт себе новое место работы с лёгкостью [11].

В русской культуре феномен горя используется не всегда по прямому значению. Может нести в себе другой, переносный смысл. Например: «Горехозяйка, горе-рыбак, горе-отец» (плохой навык или статус в семье). «С горем пополам» (выполнить задачу кое-как, с большим трудом и усердием). «Горе горем, а смех даром» (смысл в том, что только горе может изменить жизнь, пока всё хорошо и весело – люди не меняются). «Где радость, тут и горе, где горе – тут и радость» (о том, что одно событие сменяется другим, если пришло горе, это не значит, что всё плохо, оно может нести в себе и положительные изменения).

Концептуальная основа слова «горя» нашла своё отражение и в русских народных сказках. В одноименной сказке «Горе» русский народ рассказывает о тяжёлой жизни двух братьев, которые в конце сказки смогли справиться со всеми несчастьями и разбогатеть. Некоторые русские народ-

ные сказки заканчиваются присказкой: «Вот и сказке горе – конец, а кто слушал молодец!». Нужно понимать «горе» здесь, не в прямом смысле, а в том, что сказка была долгой, читатель мог устать, либо наоборот, сказка была интересной и закончилась, горе в том, что хочется читать дальше. Таким интересным свойством обладает «горе» в русских народных сказках.

Озвучим точку зрения Г.В. Манукян в том, что концепт «горе» относится к эмоциональным концептам (по типологии В.А. Масловой), к художественным и обиходным (по классификации Е.Ю. Пономарёвой) и сформировавшимся концептом (по типологии Г.Г. Слышкина). Г.В. Манукян считает также, что «горе» можно отнести к лексическим и вербализуемым концептам по своей авторской классификации [5].

По мнению Е.О. Черновой концепт «горе» в русской культуре неразрывно связан с такими синонимичными рядами, как «беда», «бедствие», «напасть», «поруха», «злополучие» и некоторыми другими [10]. Также концепт «горе» в русском языке имеет широкое распространение. Примерами этому являются пословицы и поговорки русского народа: «Пришли на Настю беды и несчастья», а также фразеологизмы: «горе луковое» – так говорят о человеке, который приносит много забот, несобранном и неответственном; «горе от ума» – о том, кто слишком много думает и мало делает, пытается найти во всём суть, тратит на это уйму времени, иногда в ущерб себе и другим; «горе горевать» – очень сильно о чём-то беспокоиться, испытывать страдания от произошедшего.

Как мы отмечали выше слово «горе» произошло от глагола «гореть» (буквально то, что жжёт), но Т.С. Медведева не согласна с этой гипотезой. Она считает, что слово «горе» происходит от слова «горький», то есть у них общий признак (сильная глубокая печаль: «Его горю не было предела»), ещё в древнерусском языке словом «г`ора» – называли сильную болезнь, которая сбивала человека с ног («падучая болезнь» слов. из древнер.яз.). Именно от этих двух слов, по мнению автора, происходит слово «горе» [6].

Анализ работы Гуань Юаньюань и А.Ю. Свиридовой показал, что характерными чертами концепта «горе» являются:

- горе, как фатальная неожиданность («Горе ждет из-за угла», «Горе не сживёшь скоро», «Горевать не пир пировать» и т.д.);
- наличие неприятных последствий («Горькие вести и гонцу не в радость»);
- большой размер («Горе, как море, берегов не видно») [1].

В связи с многомерностью концепта горе отмеченной Н.Ю. Федуниной и некоторыми другими горе в русской языковой картине мира приходит неожиданно и никто от него не застрахован: «Горя не ищут, оно само приходит», «Край земли, конец моря, везде одно горе». Кроме того автор отмечает, на Руси считалось, что горе нужно преодолеть до конца, от него не уйти («Горя не переплыть, не вылакать») и зачастую оно несёт в себе позитивные изменения («Горе перемелется – мука будет») [9].

В русских сказках, летописях, былинах человек погружён в горе всем своим существом, всей своей личной свободой, он страдает от горя, несёт тяжёлую ношу («Не годы старят, а горе») можно встретить такие речевые обороты, как «подавлен горем», «раздавлен горем» и т.п. Кроме того мы заметили такой речевой оборот, как «нести горе», то есть проживать этот процесс, испытывать муки, тяжесть, для усиления эффекта используются такие дополнительные слова, как «горе согнуло в дугу» или «убит горем».

М.Ш. Мусатаева считает концепт «горе» базовой эмоцией русского народа, потому что нашим предкам многое пришлось пережить, и «горе» берёт своё начало от простой «тоски» и «грусти», а заканчивается «плачем», «страданием» и «стенанием». К семантическим признакам слова «горе» автор относит следующие: горькое, жгучее, томное, тоскливое, вечное, непрерывное, безмерное, безутешное, безысходное, людское, неожиданное, страшное, тяжкое и др. Например: «Горе лёгкое – болтливо, тяжёлое – безмолвно» [7]. Таким образом, авторская точка зрения подтверждает эмоциональный окрас концепта «горе», о котором упоминалось в статье ранее.

В работе А.А. Ковалевской отмечается противопоставление концепту «горе» концепта «радости»: «Радость горю не попутчик», «Где горе, там и радость», «Горе старит, а радость – красит» [2].

Хочется отметить содержание ценностного компонента в концепте «горе», его раскрывает И.В. Котлярова. Она указывает, что горе может быть дополнено несколькими концептуальными признаками: первый признак – сила, например, «Горе- как море, не переплыть, не перешагнуть»; второй признак – развитие характера человека: «Счастье благотворно для человека, но только горе развивает способности духа»; социальное поведение («Труд притупляет горе»); четвёртый признак эмоциональность горя, например: «Горе наше, что без масла каша» или «С лодырем поведёшься – горя наберёшься», «Слезам горю не поможешь» и т.п.; длительность (Пример: «Такое

горе не старится»); шестой признак место горя, например, «Где радость, там и горе» или «Горе везде, как ветер в соснах» [3, с. 84].

О.В. Томберг также отмечает наличие ценностного компонента в концепте «горе». В древнерусской культуре «горе» описано, как сильное, чувство, сопровождаемое переживаниями, обычно длительное, не кратковременное и имеющее локализацию в теле человека («Есть горе души одинокой, есть горе друзей и родни...», «В горе жить, не помочь, что тужить», «После грозы – сухо, после горя – радость») [8].

Хочется отметить ещё одну особенность концепта «горе», которая отражена в работе Л.В. Мальцевой, горе может нести не только личностный, но и масштабный характер (всеобъемлющее горе, женское горе, горе матерей, чужое горе и т.п.) [4].

Выводы

Резюмируя, отметим, что концепт горе накладывает отпечаток и на взаимоотношения людей [1]. Горе может сближать людей, а может навредить любви, дружбе, проверить их. Как гласит русская пословица: «Друг познаётся в беде», так же можно сказать и про горе.

Подводя итоги можно отметить, что изучение русской культуры, традиций было интересно всегда, во все времена, поэтому в данной статье был проведён анализ концепта «горе» и мы нашли много интересного.

Специфика концепта «горе» в том, что оно рассматривается с разных сторон, оказывает как отрицательное влияние, так и положительное, используется, как проявление эмоциональной и душевной безысходности: «Горе – не беда» (совет не

унывать в беде), а также в шуточной форме «Горе, ты моё» (обращение к тому, кто огорчает).

Концепт «горе» был рассмотрен в статье в трёх аспектах: «понятийном», «культурном» и «ценностном». Понятие «горе» – болезненная реакция на происшествие или событие, глубокое эмоциональное переживание, всегда с негативной нагрузкой. В русской культуре горе сопровождало людей всегда, переживание горя было индивидуальным, концепт «горе» в русской языковой картине мира – глубокое, сильное и обычно длительное чувство, которое несёт в себе не только негативные факторы, но может закончиться и позитивно. Люди, испытавшие горе, делают выводы, осознают ошибки, стараются жить и поступать иначе.

С культурной точки зрения русский народ сильный и мощный в преодолении горя. В ценностном ключе концепт горя рассматривается, как возможность развития, самосовершенствования, объединения людей и т.п. Горе и беды в жизни русского народа были всегда, но только русский народ преодолевал горе стойко, цепляясь за жизнь и помогая другим выходить из сложных жизненных ситуаций. Можно отметить ещё один важный признак ценностного компонента концепта «горе» – противопоставление радости.

Таким образом, в заключении опишем основные свойства концепта «горе»: использование слова в прямом и переносном значении, не только личностный характер, но и глобальный (масштабный), наличие ценностного компонента, эмоциональность, длительность, имеет место и силу, лишение свободы человека, противопоставление концепту «радость», может нести в себе позитивные изменения и некоторые другие.

Список источников

1. Гуань Юаньюань, А.Ю. Свиридова Концепт «горе, беда, несчастье» в русской языковой картине мира // Электронное научное издание «Учёные заметки ТОГУ». 2016. Т. 7. № 3 (2). С. 151 – 153.
2. Ковалевская А.А. Психологические особенности переживания горя и утраты // Гуманитарные науки. 2020. № 1 (49). С. 130 – 135.
3. Котлярова И.В. Парадигматическое моделирование развития эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе»: дис. ... док. философ. наук. Алматы, 2023. 156 с.
4. Мальцева Л.В. «Чёрные лики судьбы»: концептуальный анализ синонимического ряда горе, беда, несчастье // Сибирский филологический журнал. 2008. № 3. С. 1 – 5.
5. Манукян Г.В. Роль концепта в выражении национальной картины мира // Молодой учёный. 2017. № 15 (149). С. 707 – 709.
6. Медведева Т.С., Медведева Д.И. Репрезентация концепта горя в русской лингвокультуре и его аналогов в болгарской и сербской лингвокультурах // Вестник Удмуртского университета. Серия: «История и филология». 2019. № 6. С. 933 – 941.
7. Мусатаева М.Ш., Котлярова И.В. Моделирование эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 94 – 119.

8. Томберг О.В. Горе в древнеанглийской культуре: языковая и текстовая репрезентация // LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой: доклад [Электронный ресурс]. Режим доступа: LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой / История языка (Романо-германистика) / Горе в древнеанглийской культуре: языковая и текстовая репрезентация.

9. Федунина Н.Ю. «Горе» и «утешение» в русской языковой картине мира // Московский психотерапевтический журнал. 2008. № 4. С. 124 – 137.

10. Чернова О.Е. Методика концептуального анализа в системе филологической подготовки студентов вуза (на примере концепта «горе») // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. № 1. С. 37 – 45.

11. Чувичкина Н.В. Обзор и анализ тенденций развития теорий горя за рубежом // Молодой учёный. 2022. № 43 (438). С. 287 – 298.

References

1. Guan Yuanyuan, A.Yu. Sviridova The concept of "grief, trouble, misfortune" in the Russian linguistic picture of the world. Electronic scientific publication "Scientific notes of TNU". 2016. Vol. 7. No. 3 (2). P. 151 – 153.

2. Kovalevskaya A.A. Psychological features of experiencing grief and loss. Humanities. 2020. No. 1 (49). P. 130 – 135.

3. Kotlyarova I.V. Paradigmatic modeling of the development of emotional concepts "longing", "sadness", "grief": dis. ... doc. philosophical sciences. Almaty, 2023. 156 p.

4. Maltseva L.V. "The Black Faces of Fate": Conceptual Analysis of the Synonymous Series Grief, Trouble, Misfortune. Siberian Philological Journal. 2008. No. 3. P. 1 – 5.

5. Manukyan G.V. The Role of the Concept in Expressing the National Picture of the World. Young Scientist. 2017. No. 15 (149). P. 707 – 709.

6. Medvedeva T.S., Medvedeva D.I. Representation of the Concept of Grief in Russian Linguistic Culture and Its Analogues in Bulgarian and Serbian Linguistic Cultures. Bulletin of Udmurt University. Series: "History and Philology". 2019. No. 6. P. 933 – 941.

7. Musataeva M.Sh., Kotlyarova I.V. Modeling the emotional concepts of "longing", "sadness", "grief", "grief". Bulletin of Tomsk State University. Philology. 2022. No. 75. P. 94 – 119.

8. Tomberg O.V. Grief in Old English Culture: Linguistic and Textual Representation. LI International Scientific Philological Conference named after Lyudmila Alekseevna Verbitskaya: report [Electronic resource]. Access mode: LI International Scientific Philological Conference named after Lyudmila Alekseevna Verbitskaya. History of Language (Romance and Germanic Studies). Grief in Old English Culture: Linguistic and Textual Representation.

9. Fedunina N.Yu. "Grief" and "Consolation" in the Russian Language Picture of the World. Moscow Psychotherapeutic Journal. 2008. No. 4. P. 124 – 137.

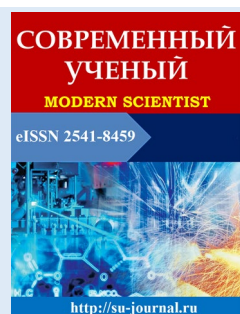
10. Chernova O.E. Methodology of conceptual analysis in the system of philological training of university students (on the example of the concept of "grief"). Humanitarian and pedagogical research. 2018. No. 1. P. 37 – 45.

11. Chuvichkina N.V. Review and analysis of trends in the development of grief theories abroad. Young scientist. 2022. No. 43 (438). P. 287 – 298.

Информация об авторе

Ян Цзы, аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, anyi0217@vk.com

© Ян Цзы, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.11-112

Функциональная парадигма арабских заимствований в британском и американском вариантах английского языка

¹ Адзиева Э.С.

¹ Дагестанский государственный педагогический университет

Аннотация: в научной работе автор анализирует функциональную парадигму арабоязычной лексики в двух вариантах английского языка (британском и американском). В исследовании подробно рассматривается исторический аспект, который способствовал проникновению заимствований в английский язык, в том числе и другие аспекты функционирования данных заимствований, которые включают в себя лексическое значение, семантическую деривацию и культурную специфику. Сопоставительный анализ демонстрирует, каким образом заимствования употребляются в двух вариантах английского языка, определяя различия не только в произношении, но и в рамках употребления. Сделан вывод: рассматриваемая в научной работе парадигма отражает не только историческое взаимодействие англоязычных стран с арабским миром, но культурное.

Ключевые слова: арабский язык, английский язык, заимствования, арабизмы, лексика, языковая адаптация, контекст

Для цитирования: Адзиева Э.С. Функциональная парадигма арабских заимствований в британском и американском вариантах английского языка // Современный ученый. 2025. № 4. С. 52 – 56.

Поступила в редакцию: 23 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 24 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

The functional paradigm of Arabic borrowings in British and American English

¹ Adzieva E.S.

¹ Dagestan State Pedagogical University

Abstract: in this scientific work, the author analyzes the functional paradigm of Arabic-language vocabulary in two variants of the English language (British and American). The study examines in detail the historical aspect that contributed to the penetration of borrowings into the English language, including other aspects of the functioning of these borrowings, which include lexical meaning, semantic derivation and cultural specificity. Comparative analysis demonstrates how borrowings are used in two variants of the English language, determining differences not only in pronunciation, but also in the framework of use. The conclusion is made: the paradigm considered in the scientific work reflects not only the historical interaction of English-speaking countries with the Arab world, but also the cultural one.

Keywords: the Arabic language, the English language, borrowings, Arabisms, vocabulary, language adaptation, context

For citation: Adzieva E.S. The functional paradigm of Arabic borrowings in British and American English. Modern Scientist. 2025. 4. P. 52 – 56.

The article was submitted: November 23, 2024; Approved after reviewing: January 24, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

На сегодняшний день арабский язык существенно повлиял на различные языки мира, который включает в себя и английский язык. Арабские заимствования в британском и американском вариантах английского языка появились в процессе исторического взаимодействия, культурных, а также торговых отношений [12].

«Всего в английском языке насчитывают около 200 арабских заимствований. Эти слова отражают многообразные культурные и торговые связи Европы с Востоком» [8, с. 452].

Данная научная работа подробно рассматривает функциональную парадигму заимствований в двух вариантах английского языка, исследуя каким образом данные заимствования функционируют в разных контекстах, в том числе как британский вариант английского языка отличается от американского варианта английского языка.

«Говоря о пополнении словарного состава английского языка за счёт неевропейских языков, Н.Н. Амосова называет первым из таких языков арабский. Она констатирует наличие в английском языке двух типов арабских заимствований: а) специальных терминов и б) слов, связанных с этнографией арабских народностей» [2].

Рассмотрим исторический контекст появления арабизмов в английском языке. Арабизмы начали появляться посредством латинского языка, а также французского. Основные исторические события, как например, период Крестовых походов, а также торговые взаимоотношения с различными странами ближневосточного региона способствовали данному процессу.

Также арабская терминология взаимосвязана с наукой и другими научными направлениями (математика, медицина и т.д.) и являются важными элементами заимствованной лексики [11].

«Наибольшее количество арабских слов было заимствовано в XIV–XVI вв. В последующие столетия количество арабских заимствований незначительно. В основном они представляют собой научные термины (например, alcohol, alchemy, algebra) или обозначают предметы торговли, особенно восточные товары: candy, cotton, gauze, lemon, orange, sugar, sucrose, sucrase. Некоторые из них являются названиями лиц или связаны с мусульманской религией: Alcoran, mosque, Allah,

minaret. Часть этих слов по своей семантике не поддается какой-либо классификации» [8, с. 452].

Функциональная парадигма арабских заимствований включает в себя различные аспекты. Арабоязычные заимствования, как правило, сохраняют оригинальные значения, но также могут приобретать иные коннотации в рамках культурного контекста. Как например, заимствование *сахар* происходит от арабского [qand] (قند), и взаимосвязано с торговлей [10].

«К специальным терминам – математическим, химическим, медицинским и т.п., наличие которых объясняется высоким уровнем развития средневековой арабской науки, оказавшей определенное влияние на европейские науки, относятся такие слова, как algebra, alembic, elixir, azimuth, cipher, alkali, nadir и другие. Второй тип представлен словами harem, hashish, emir, imam, islam, khalifa, moslem, muezzin, mufti, sherbet и другими» [2].

Только некоторые арабские заимствования меняют значения в зависимости от употребления. Как например, арабизм *алгебра* относится к определённому математическому понятию [l-jabr] (الْجَبْر), но современный *тариф* употребляется в широком смысле [9].

Культурные контексты

Арабизмы заключают в себе культурные значения, влияющие на общее восприятие. Как например, *гарем* вызывает соответствующие стереотипы, также представления о восточной культуре на современном этапе.

Сопоставительный анализ британского и американского вариантов английского языка

В британском варианте английского языка арабизмы, как правило, употребляются в научных контекстах, а также академических. Как например, арабизмы *зенит* и *надир* употребляются не только в астрономии, но и в философских науках. Следует подчеркнуть, что британская культура, в том числе склонна сохранять лексическое произношение, также написание [5].

В американском варианте английского языка арабизмы отличаются по своему употреблению, как например, заимствования *кофе* и *хлопок* имеют определённые ассоциации с экономическим сектором и культурной спецификой Америки.

Следует подчеркнуть, что американцы могут ассимилировать данные произношения и написа-

ния слов, что в данном случае делает процесс более интуитивным для носителей языка в целом [7].

Материалы и методы исследований

Материалами исследования являются научные публикации по теме функциональной парадигмы арабских заимствований, а также интернет ресурсы с дидактическими материалами, цифровой контент (рассматривается на примере арабских заимствований в британском и американском вариантах английского языка).

В научной работе применялся сопоставительный анализ арабизмов в британском и американском вариантах английского языка для определения общего и специфического. Корпусный анализ английского языка для определения частоты употребления заимствованной лексики. Контекстуальный анализ материалов в медиа пространстве для определения новых тенденций в употреблении арабизмов в британском и американском вариантах английского языка. Исторический анализ, который применялся для изучения значений арабизмов на протяжении определённого времени. Кроме того, в научной работе проводился этимологический анализ, который предоставил возможность отслеживать арабизмы, в том числе и их ассимиляцию в двух вариантах английского языка, обращая внимание на фонетику и морфологию.

Результаты и обсуждения

Результаты проведённого исследования отмечают влияние культурной специфики, а также исторических аспектов на процесс развития и ассимиляции арабизмов в английском языке на современном этапе [1].

Рассмотрим примеры арабских заимствований в двух вариантах английского языка.

Например, арабизм *алгебра* переводится как

«восстановление» или «соединение» (происходит от арабского *الْجَبْر*).

Употребление

В британском варианте английского языка и в американском варианте английского языка употребляется данное заимствование в математическом контексте.

Стоит подчеркнуть, что в американском варианте английского языка, как правило, употребляется в учебных материалах [3].

Арабизм *sofa* переводится на русский как *длинная скамья*, происходит от арабского [*suffa*] (*صُفَّة*) [4].

Употребление

В британском варианте английского языка и в американском варианте английского языка *sofa* обозначает мягкую мебель, кроме того в британском варианте английского языка, как правило, употребляется *settee*.

Выводы

Таким образом, функциональная парадигма арабоязычной лексики в двух вариантах английского языка отмечает не только сложные взаимодействия между иностранными языками, но и культурами рассматриваемых в научной работе языков.

Следует подчеркнуть, что несмотря на общие корни существуют отличия в употреблении, а также восприятии данных заимствований, отмечая уникальные аспекты двух вариантов английского языка.

Перспективы дальнейших исследований могут ориентироваться на влияние процесса глобализации, на употребление арабизмов, а также адаптацию данных арабизмов в английский язык на современном этапе.

Список источников

1. Аль Каззаз Мохаммед Абд Али Хуссейн Арабизмы в русской речи (тематическая подгруппа «Ткани, материалы») // Известия ВГПУ. 2017. № 7 (120). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arabizmy-v-russkoy-rechi-tematicheskaya-podgruppa-tkani-materialy> (дата обращения: 16.10.2024)
2. Амосова Н.Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956. 218 с.
3. Антонян А.С. Феномен функционирования западноевропейских заимствований в современных арабских диалектах // Язык и перевод в меняющемся мире: сборник научных трудов / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. С. 19 – 27.
4. Байсалова Т.Ю., Манцаева А.Н. Влияние арабских заимствований на развитие словарного состава английского языка // Наука и молодежь: Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, посвященной Физике Будущего, Грозный, 13 ноября 2020 года. Грозный: Чеченский государственный университет, 2020. С. 295 – 299. DOI 10.36684/30-2020-1-295-299
5. Бурьянов А.Н. Английские заимствования в современном арабском языке // Язык и межкультурная коммуникация в современных условиях: Сборник научных статей IX всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 21 апреля 2021 года. Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2021. С. 28 – 32.

6. Вавичкина Т.А. Языковая ситуация в арабском мире: проявление глобализации или закономерный этап развития арабского языка? // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 1-2. С. 84 – 88. DOI 10.37882/2223-2982.2022.01-2.04

7. Волощук А.В. Типы словоизменений в современном литературном арабском языке // Яковлевские чтения: Сборник научных статей III Межведомственной научно-практической конференции с международным участием: в 2-х ч. Новосибирск, 20-21 марта 2024 года. Новосибирск: Новосибирский военный институт им. генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2024. С. 278 – 281.

8. Горшунов Ю.В. Арабский след в английском языке // Вестник Башкирск. ун-та. 2018. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arabskiy-sled-v-angliyskom-yazyke> (дата обращения: 18.10.2024)

9. Козлова А.А. Лингвистические заимствования в испанском языке: сравнительный анализ арабизмов и англицизмов // Молодой ученый. 2020. № 47 (337). С. 452 – 454. URL: <https://moluch.ru/archive/337/75349/> (дата обращения: 16.10.2024)

10. Мирсаминова Г.М. Арабские заимствования в современном английском языке // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2017. № 2 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arabskie-zaimstvovaniya-v-sovremennom-angliyskom-yazyke> (дата обращения: 16.10.2024)

11. Моради М. Рассмотрение разных видов элизии: афрезы, синкопы и апокопы арабизмов русской лексики в процессе фонетической адаптации // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2022. № 2. С. 198 – 206. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rassmotrenie-raznyh-vidov-elizii-aferezy-sinkopy-i-apokopy-arabizmov-russkoy-leksiki-v-protssesse-foneticheskoy-adaptatsii> (дата обращения: 16.10.2024)

12. Светлова Р.М., Ибрагимова Л.Г., Лисина Г.М. Особенности фонетического освоения арабизмов в русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 5. С. 1406 – 1410. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-foneticheskogo-osvoeniya-arabizmov-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 16.10.2024)

References

1. Al-Kazzaz Mohammed Abd Ali Hussein Arabisms in Russian speech (thematic subgroup "Fabrics, materials"). Izvestiya VSPU. 2017. No. 7 (120). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arabizmy-v-russkoy-rechitematicheskaya-podgruppa-tkani-materialy> (date of access: 16.10.2024)

2. Amosova N.N. Etymological foundations of the vocabulary of the modern English language. Moscow: Publishing house of literature in foreign languages, 1956. 218 p.

3. Antonyan A.S. The phenomenon of functioning of Western European borrowings in modern Arabic dialects. Language and translation in a changing world: collection of scientific papers. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Kuban State University. Krasnodar: Kuban State University, 2021. P. 19 – 27.

4. Baisalova T.Yu., Mantsaeva A.N. The influence of Arabic borrowings on the development of the vocabulary of the English language. Science and youth: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference of young scientists dedicated to the Physics of the Future, Grozny, November 13, 2020. Grozny: Chechen State University, 2020. P. 295 – 299. DOI 10.36684/30-2020-1-295-299

5. Buryanov A.N. English borrowings in modern Arabic. Language and intercultural communication in modern conditions: Collection of scientific articles of the IX All-Russian scientific and practical conference, Novosibirsk, April 21, 2021. Novosibirsk: Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev Troops of the National Guard of the Russian Federation, 2021. P. 28 – 32.

6. Vavichkina T.A. The language situation in the Arab world: a manifestation of globalization or a natural stage in the development of the Arabic language? Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities. 2022. No. 1-2. P. 84 – 88. DOI 10.37882/2223-2982.2022.01-2.04

7. Voloshchuk A.V. Types of word inflections in modern literary Arabic. Yakovlev readings: Collection of scientific articles of the III Interdepartmental scientific and practical conference with international participation: in 2 parts. Novosibirsk, March 20-21, 2024. Novosibirsk: Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev Troops of the National Guard of the Russian Federation, 2024. P. 278 – 281.

8. Gorshunov Yu.V. Arabic trace in the English language. Bulletin of Bashkirsk. University. 2018. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arabskiy-sled-v-angliyskom-yazyke> (date of access: 18.10.2024)

9. Kozlova A.A. Linguistic borrowings in the Spanish language: a comparative analysis of Arabisms and Anglicisms. Young scientist. 2020. No. 47 (337). P. 452 – 454. URL: <https://moluch.ru/archive/337/75349/> (date of access: 16.10.2024)

10. Mirsaminova G.M. Arabic borrowings in modern English. Scientific notes of the Khujand state university named after academician B. Gafurov. Humanities. 2017. No. 2 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arabskie-zaimstvovaniya-v-sovremennom-angliyskom-yazyke> (date of access: 16.10.2024)

11. Moradi M. Consideration of different types of elision: apheresis, syncope and apocope of Arabicisms of Russian vocabulary in the process of phonetic adaptation. Bulletin of Udmurt University. Series "History and Philology". 2022. No. 2. P. 198 – 206. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rassmotrenie-raznyh-vidov-elizii-aferezy-sinkopy-i-apokopy-arabizmov-russkoy-leksiki-v-protseesse-foneticheskoy-adaptatsii> (date of access: 16.10.2024)

12. Svetlova R.M., Ibragimova L.G., Lisina G.M. Features of phonetic development of Arabisms in the Russian language. Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2023. No. 5. P. 1406 – 1410. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-foneticheskogo-osvoeniya-arabizmov-v-russkom-yazyke> (date of access: 16.10.2024)

Информация об авторе

Адзиева Э.С., кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный педагогический университет, 367000, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, д. 57, каб., Elfee777@mail.ru

© Адзиева Э.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 821.581-1

Темы и мотивы в переводах китайской поэзии на русский язык

¹ Ван Вэньци

¹ Хэйлуңцзянский университет, Китай

Аннотация: статья рассматривает сложные темы и мотивы, возникающие при переводе китайской поэзии на русский язык. Автор подчеркивает важность сохранения не только семантического содержания, но и формальных особенностей оригинала, таких как рифмы и тональные схемы, чтобы передать выразительность текста. Большое внимание уделяется контекстуальному анализу, который необходим для понимания намерений поэта и адекватной интерпретации произведения. Обсуждаются проблемы, с которыми сталкиваются переводчики из-за языковых и культурных различий, а также влияние исторического контекста на восприятие поэзии. Статья выделяет роль переводчика как посредника между автором и читателем, акцентируя внимание на необходимости диалогического подхода к поэтическому переводу.

Ключевые слова: перевод, китайская поэзия, лингвистика, китайский язык, русский язык

Для цитирования: Ван Вэньци Темы и мотивы в переводах китайской поэзии на русский язык // Современный ученый. 2025. № 4. С. 57 – 61.

Поступила в редакцию: 24 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 24 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Themes and motifs in translations of Chinese poetry into Russian

¹ Wang Wenqi

¹ Heilongjiang University, China

Abstract: the article examines the complex themes and motifs that arise when translating Chinese poetry into Russian. The author emphasizes the importance of preserving not only the semantic content but also the formal features of the original, such as rhymes and tonal schemes, in order to convey the expressiveness of the text. Much attention is paid to contextual analysis, which is necessary for understanding the poet's intentions and adequate interpretation of the work. The problems faced by translators due to linguistic and cultural differences and the influence of historical context on the perception of poetry are discussed. The article highlights the translator's role as a mediator between the author and the reader, emphasizing the need for a dialogic approach to poetry translation.

Keywords: translation, Chinese poetry, linguistics, the Chinese language, the Russian language

For citation: Wang Wenqi Themes and motifs in translations of Chinese poetry into Russian. Modern Scientist. 2025. 4. P. 57 – 61.

The article was submitted: November 24, 2024; Approved after reviewing: January 24, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Искусство поэзии заключается в создании образов, которые отражают и воссоздают красоту человеческих мыслей, природы и жизни. Поэтическое произведение можно рассматривать как картину мира, в которой явления и отношения выражены в образной форме. Китайская поэзия – это одно из древнейших и достояний традиционной культуры, обладающее внушительным творческим наследием и многовековой историей. Она отличается простотой и лаконичностью, часто прибегает к метафорам для передачи сложных идей [2, с. 102]. Древнекитайская поэзия привлекательна не только своей красотой, но и простотой. Однако эти характеристики усложняют перевод на другие языки, включая русский, требуя необходимых корректировок, чтобы сохранить выразительность первоначального текста.

Проблема поэтического перевода остается актуальной по сей день, поскольку поэзия ищет объяснения и эмоционального закрепления описываемых образов. Однако суть поэзии – в ее уникальном трансцендентном разговоре между поэтом-творцом, миром и читателями. Таким образом, поэтический перевод – это диалог между автором, переводчиком, читателем и другими внешними элементами. В данной статье рассмотрены темы и мотивы в переводах китайской поэзии на русский язык. Поскольку важнейшими несемантическими элементами поэзии являются ее правила и формы, или тональные шаблоны, схемы рифм и другие характеристики, крайне важно сохранять эти особенности в переводных текстах. По-настоящему объективный перевод может быть получен только в том случае, если процесс чтения последовательно продолжается до того момента, когда интерпретация максимально опирается на информацию, предоставляемую текстом.

Материалы и методы исследований

В данной статье были использованы методы анализа и синтеза научной литературы, а также метод контекстуального анализа для исследования особенностей перевода классической китайской поэзии на русский язык. Основным источником материала послужили труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященные теории перевода, истории китайской поэзии и особенностям ее восприятия в различных культурных контекстах. Анализ осуществлялся с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов, включая фонетические, лексические и синтаксические особенности китайского языка, а также культурно-исторический фон и философские традиции Китая. Также применялись сравнительно-

исторический метод и интерпретационный анализ для выявления влияния культурного контекста на процесс перевода и интерпретации поэтических образов. Особое внимание уделялось изучению теоретических подходов к переводу, таких как концепции верности оригиналу, выразительности и изысканности, а также критериям «трех красот» – смысла, звука и формы.

Результаты и обсуждения

Русские писатели проявляли большой интерес к истории и культуре Китая. Особое внимание они уделяли системе национальных философско-этических представлений, национальной истории и быту китайского народа. В основе произведений часто лежали сюжеты, заимствованные из китайской литературы, и образы китайцев. По сути, можно констатировать, что в течение XIX века сформировался самобытный китайский текст, оказавший значительное влияние на представление русских читателей о соседней стране. Китайский текст существует как в русской литературе, так и в западноевропейской. Китайский текст русской литературы включает в себя литературу о путешествиях, множество мемуаров (описания жизни русских эмигрантов в Китае) и русские переводы (часто вольные) произведений китайской культуры. Проблема обусловлена тем, что формирование китайского текста как самобытного направления до конца не изучено.

Большая часть теории перевода, как в отношении китайской поэзии, так и в целом, давно отошла от структурирующего нарратива, согласно которому переводы представляют собой транспонирование между взаимозаменяемыми языками. Идея о том, что существует определенный метод перевода, который объективно предпочтительнее всех остальных, уже давно устарела. Для понимания, какие смыслы и мотивы необходимо сохранить при переводе, нужно определить контекст поэтического материала. Контекст составляет часть объяснения смысла в поэтическом диалоге. Он относится ко всем различным ситуациям, связанным с языковой коммуникацией. Анализ контекста играет очень важную роль во всем процессе перевода китайской поэзии, поскольку контекст необходим для понимания и интерпретации намерений поэта. То, как будет понято слово, то есть к какой категории оно будет отнесено, полностью зависит от каждого конкретного контекста. Всегда нужно тщательно выбирать, какое именно основное значение имеется в виду. Существует два контекста: лингвистический и экстралингвистический. В первом случае речь идет о фонетике, лек-

сике и синтаксисе, а во втором – о стиле оригинала, историческом и культурном фоне.

Контекстуальный анализ играет решающую роль как в достижении лучшего понимания исходного текста, так и в поиске правильных способов работы с ним. Это справедливо и в отношении перевода классической китайской поэзии, поскольку в целом классическая китайская поэзия сложнее для понимания, чем многие другие тексты, в силу следующих факторов. Во-первых, язык классической китайской поэзии сильно отличается от обычного языка. Это литературный язык, похожий на тот, что используется в прозе. Однако, поскольку классический китайский язык почти наверняка был основан на просторечии того периода, когда он был создан, в итоге он стал литературным языком, в той или иной степени окрашенным разнообразием разговорного китайского языка. Кроме того, язык классической китайской поэзии несколько отличается от языка классической китайской прозы.

Типологически китайский язык – это аналитический язык, грамматические отношения в нем проявляются либо через порядок слов, либо через использование независимых грамматических частиц, а не через аффиксы или внутренние изменения в самом слове, как в английском [4, с. 18]. Также отсутствие морфологии препятствует формальному анализу классов слов. Одно и то же слово может использоваться как существительное, глагол или прилагательное в зависимости от синтаксического и семантического контекста. Эта высокая степень свободы в полной мере используется как в литературной прозе, так и в поэзии, особенно в классической. Однако если сравнить язык прозы и поэзии, то можно обнаружить, что между ними есть разница и в синтаксисе. Например, иногда в поэзии опускаются даже глаголы, и строки состоят из существительных без всех связующих звеньев, таких как союзы, глаголы и частицы, которые требуются в прозаической грамматике. Во-вторых, значения некоторых слов в классическом китайском языке сильно отличаются от тех значений, которые они часто принимают в современном китайском. В-третьих, хотя старые китайские морфемы, да и большинство слов, являются односложными, люди должны понимать, что существует разница между «иероглифом» и «словом». Такие различия между «символом», «словом», «морфемой» и «слогом» очень важны. Решение заключается в тщательном анализе конкретных контекстов.

Сам по себе язык, хотя и вносит основной вклад в трудности понимания классической китайской поэзии, тем не менее не является самым

большим препятствием для переводчиков. Существенным фактором, мешающим переводчику достичь правильного понимания исходного текста, является, скорее, отсутствие у него фоновых знаний. Иными словами, большинство ошибок в переводе происходит потому, что переводчик не обладает необходимыми знаниями для анализа внеязыкового контекста. Он не обладает достаточными знаниями о китайских мифах, китайской истории, китайской географии, о самих поэтах и ситуациях, в которых поэты сочиняли свои стихи. На самом деле, избежать ошибок в переводе можно, если тщательно проанализировать языковой контекст – правильность или неправильность перевода зависит от того, насколько он контекстуально приемлем.

Субъектом в поэзии может быть как отдельный человек, так и, при многих условиях, представитель нации, эпохи, народа и т. д. С одной стороны, переводчику необходимо выяснить влияние исторического контекста на субъект, с другой – отличить автора стихотворения от персон в стихотворениях. Во-вторых, следует учитывать, что диалог сам по себе оказывает конструирующее воздействие на тему. И необходимо выявить авторскую позицию. Из-за пиктографической природы китайских иероглифов и их неявного соответствия реальному миру классическая китайская поэзия часто считается изображающей мир природы объективно, без вмешательства человеческого интеллекта [10, с. 18]. Отсутствие личного местоимения в классическом китайском синтаксисе создает впечатление единого, одновременно отсутствующего и присутствующего субъекта, находящегося в гармонии с природой. Всепроникающие сезонные закономерности в китайской поэзии рассматриваются как подчиненные миру природы, так же как человеческие эмоции – как подчиненные естественному потоку вселенной, поэтому субъективное время редко встречается в такой поэзии.

Классическая китайская поэзия, испытавшая влияние даосской и дзэнской эстетики, скорее диалогична, чем едина в своем лирическом голосе: диалог всеведущего и ограниченного сознания на лексическом, синтаксическом и образном уровне в ответ на время, тему и язык. Необходимо исследовать, как обоюдоострый классический китайский язык в стихотворной форме способствует формированию мифического сознания, с одной стороны, и исторически ограниченного сознания – с другой, посредством подробного текстового анализа некоторых избранных стихотворений, написанных крупнейшими классическими китайскими поэтами [7, 8].

Перевод классической китайской поэзии на другие языки существует уже долгое время. В 1898 году писатель и переводчик Янь Фу впервые выразил идеи о «верности, выразительности и изысканности», как основных принципах перевода, которые впоследствии стали стандартами [5, с. 72]. Он подробно обсуждает теорию перевода поэзии, акцентируя внимание на оригинальности структуры стихотворений и их глубоком философском содержании. Сюй Юаньчунь представил новый подход к изучению переводов классической китайской поэзии в 1980-х годах, определив критерий «трех красот»: красоты смысла, звука и формы [3, с. 89]. Западные переводы китайских поэтических текстов восходят примерно к XIX веку, и теоретические основы таких переводов развивались с учетом новых эстетических концепций.

Прежде чем переводчик воспроизведет стихотворение, его главной задачей становится чтение. Согласно Хатиму и Мейсону, существуют перевод, ориентированный на автора, перевод, ориентированный на текст, и перевод, ориентированный на читателя [6, с. 96]. Эти виды перевода связаны со статусом исходного текста. При переводе, ориентированном на читателя, элементы авторства и текста сохраняются, но приоритет отдается читателю – конкретным видам читательского отклика. Перевод стихотворения определяется интересами переводчика в узком смысле и культурным контекстом в широком. Таким образом, интерпретация переводчика во многом зависит от его интеллектуального опыта и его собственных мотивов в более широком культурном контексте. Перевод удачно передает общее впечатление от сцены расставания двух друзей с помощью свободного стиха, а не ритмического рисунка оригинала. Поэт особенно заинтересован в образах, которые визуализируют внутреннюю эмоцию одинокой меланхолии, пронизывающую стихотворение. Таким образом, переводчик – это читатель в его изначальной позиции в процессе перевода [9, с. 23]. Что касается того, кому или чему он будет уделять внимание при чтении, то это отражает его личные

интересы и заданные социальные требования его времени.

В каждом поэтическом произведении можно выделить его уникальные черты. Основной вопрос, который возникает в теории и практике художественного перевода, заключается в том, насколько точно следует следовать оригиналу, т.е. речь идет о качествах адекватного перевода. Переведённое произведение должно восприниматься как достойное русской литературы. Хотя переводчик поэзии должен стремиться к максимальной точности, он должен осознавать, что полностью отразить все нюансы оригинала иногда невозможно. Николай Гумилев указал на несколько ключевых аспектов, которые необходимо учитывать при переводе [1, с. 1334]. Важно также отметить культурно-исторический контекст, который влияет на восприятие образов и символов в каждой культуре. Переводить художественные тексты – это сложная задача, требующая учёта множества факторов, таких как точность и культурные различия.

Выводы

Таким образом, субъективность переводчика тесно связана с его интеллектуальным фоном и культурным контекстом. Ориентация, которой он руководствуется при переводе, также является ориентацией, которую он принимает для интерпретации своего объекта, которым может быть автор, текст, читатель или их комбинация. Диалог – неотъемлемый элемент человеческого существования. Поэзия отражает объективные чувства человека и, следовательно, полна диалогов. Исходя из того, что перевод – это диалогическая деятельность, появляется необходимость в проведении анализа поэтического диалога, в структуру которого входят контекст, тема, смысл, образ, читатель и форма текста. Важно понять и передать изначальный смысл поэзии, потому что каждый элемент играет активную роль в формировании поэзии. Все элементы структуры должны быть учтены, чтобы понять точный смысл слов и фраз, что крайне важно для перевода, особенно для перевода древнекитайской поэзии, чтобы сделать перевод более качественным.

Список источников

1. Акулина К.В. Проблематика художественного перевода китайской поэзии (на материале стихотворений Ли Бо) // Молодой ученый. 2015. № 9 (89). С. 1332 – 1335.
2. Аннушкин В.И. Интерпретации образов китайской классической поэзии в переводах на русский язык (на материале стихов о разлуке) // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2023. № 3(80). С. 101 – 109.
3. Афолина А.М. Китайская поэзия: исторически сложившиеся модели перевода (на примере перевода с китайского языка на русский и английский) // Мировые языки в экономике будущего: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Оренбург, 25-26 октября 2018 года. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2018. С. 87 – 96.

4. Власенко С.В. Переводческий дискурс: дилеммы определения и унификации понятия // Вестник Московского университета. 2015. № 2. С. 124 – 144.
5. Лапин П.А. Китайский философ Янь Фу и его взгляды в области образования // Восточный архив. 2019. № 1 (39). С. 9 – 15.
6. Морозкина Е.А., Чжао Паньпань Перевод китайской классической поэзии в России и за рубежом: к истории вопроса // Вестник Башкирск. ун-та. 2019. № 1. С. 229 – 233.
7. Паньпань Ч. Фаунонимическая лексика в древней китайской поэзии и её перевод на русский язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 6. С. 299 – 303.
8. Скворцов А.В., Кондратова Т.И. Новые переводы Ду Фу в контексте темы женской судьбы в китайской поэзии // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2019. № 1. С. 223 – 227.
9. Смирнова Т.И., Сян Даньцин Особенности перевода китайской поэзии на русский язык // Русский язык и лингвокультура в сопоставительном аспекте. С. 84 – 91. № 3.
10. Сюй Лихун, Казакова Т.А. Особенности перевода китайской классической поэзии // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2019. № 3. С. 480 – 500.

References

1. Akulina K.V. Problems of artistic translation of Chinese poetry (based on the poems of Li Bo). Young scientist. 2015. No. 9 (89). P. 1332 – 1335.
2. Annushkin V.I. Interpretations of images of Chinese classical poetry in translations into Russian (based on poems about separation). Bulletin of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin. 2023. No. 3 (80). P. 101 – 109.
3. Afonina A.M. Chinese poetry: historically established models of translation (based on translation from Chinese into Russian and English). World languages in the economy of the future: Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Orenburg, October 25-26, 2018. Orenburg: Orenburg State University, 2018. P. 87 – 96.
4. Vlasenko S. V. Translation discourse: dilemmas of definition and unification of the concept. Bulletin of Moscow University. 2015. No. 2. P. 124 – 144.
5. Lapin P. A. Chinese philosopher Yan Fu and his views on education. Eastern archive. 2019. No. 1 (39). P. 9–15.
6. Morozkina E. A., Zhao Panpan Translation of classical Chinese poetry in Russia and abroad: on the history of the issue. Bulletin of Bashkir. University. 2019. No. 1. P. 229 – 233.
7. Panpan Ch. Faunonymic vocabulary in ancient Chinese poetry and its translation into Russian. Philological sciences. Theory and Practice Issues. 2020. Vol. 13. No. 6. P. 299 – 303.
8. Skvortsov A.V., Kondratova T.I. New Translations of Du Fu in the Context of the Theme of Women's Destiny in Chinese Poetry. Bulletin of the Voronezh State Pedagogical University. 2019. No. 1. P. 223 – 227.
9. Smirnova T.I., Xiang Danqing Features of Translating Chinese Poetry into Russian. Russian Language and Linguistic Culture in a Comparative Aspect. P. 84 – 91. No. 3.
10. Xu Lihong, Kazakova T.A. Features of Translating Classical Chinese Poetry. Bulletin of St. Petersburg State University. Language and Literature. 2019. No. 3. P. 480 – 500.

Информация об авторе

Ван Вэньци, Хэйлунцзянский университет, Китай, 1297940622@qq.com

© Ван Вэньци, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.512.145

Обозначение названий болезней в татарском языке в XIX – XX веках

¹ Гейбадуллина З.Ш.

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: в статье поднимается вопрос, связанный с изучением письменного наследия татар. В татарском языке, как и в других языках, названия болезней формировались под влиянием различных факторов, включая традиционные представления о здоровье, влияние медицины и взаимодействие с другими культурами. В данной статье мы рассмотрим, как изменялись и развивались названия болезней в татарском языке в 19 и 20 веках. В языке татар XIX века понятие «болезнь» выражалось с помощью слов «ауру», «агырык» и «агырыклык». Практическая значимость работы состоит в создании глоссария терминологических выражений, который может быть полезен в дальнейшем. В статье рассматривается вопрос, связанный с изучением письменного наследия коренных татарских сообществ. Научная ценность исследования заключается в сохранении, актуализации и изучении медицинских названий заболеваний, используемых сибирскими татарами в XIX – начале XX века.

В 19 веке в татарском языке можно было встретить множество наименований заболеваний, которые часто имели арабские или персидские корни. В 20 веке татарский язык пережил значительные изменения. После революции 1917 года и создания Татарской АССР начался процесс стандартизации языка, что также затронуло медицинскую терминологию. В это время активно разрабатывались новые термины для обозначения заболеваний, многие из которых заимствовались из русского языка, но адаптировались к фонетическим и грамматическим особенностям татарского языка. Традиционные названия болезней, основанные на народной медицине, постепенно заменялись научными терминами, что свидетельствует о развитии медицины и образования в татарском обществе. Изучение этой темы позволяет лучше понять не только языковые изменения, но и культурные трансформации татарского народа в указанные исторические периоды.

Ключевые слова: названия болезней, обозначение болезней, глоссарий терминологических выражений, культура татар, медицинская терминология татар

Для цитирования: Гейбадуллина З.Ш. Обозначение названий болезней в татарском языке татар в XIX – XX веках // Современный ученый. 2025. № 4. С. 62 – 67.

Поступила в редакцию: 24 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 26 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Naming of diseases in the Tatar language of Tatars in the 19th – 20th centuries

¹ Geibadullina Z.Sh.

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: the article raises an issue related to the study of the written heritage of the Tatars. In Tatar, as in other languages, names of diseases have been shaped by various factors, including traditional ideas about health, the influence of medicine and interaction with other cultures. In this article, we will look at how disease names in Tatar

changed and developed in the 19th and 20th centuries. In the Tatar language of the 19th century the concept of 'disease' was expressed using the words 'auru', 'agyryk' and 'agyryklyk'. The practical significance of the work consists in creating a glossary of terminological expressions, which can be useful in the future. The article deals with the issue related to the study of the written heritage of indigenous Tatar communities. The scientific value of the study lies in the preservation, actualisation and study of medical names of diseases used by Siberian Tatars in the 19th – early 20th century.

In the 19th century, many names of diseases could be found in the Tatar language, which often had Arabic or Persian roots. In the 20th century, the Tatar language experienced significant changes. After the 1917 revolution and the creation of the Tatar ASSR, the process of standardisation of the language began, which also affected medical terminology. At this time, new terms for diseases were actively developed, many of which were borrowed from Russian but adapted to the phonetic and grammatical features of the Tatar language. Traditional names of diseases based on folk medicine were gradually replaced by scientific terms, which testifies to the development of medicine and education in Tatar society. The study of this topic allows us to better understand not only linguistic changes, but also cultural transformations of the Tatar people in the mentioned historical periods.

Keywords: names of diseases, designation of diseases, glossary of terminological expressions, Tatar culture, Tatar medical terminology

For citation: Geibadullina Z.Sh. Naming of diseases in the Tatar language of Tatars in the 19th – 20th centuries. Modern Scientist. 2025. 4. P. 62 – 67.

The article was submitted: November 24, 2024; Approved after reviewing: January 26, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Обозначения болезней являются важной частью любой языковой системы, так как они отражают не только медицинские знания, но и культурные, исторические и социальные аспекты жизни народа. В татарском языке, как и в других языках, названия болезней формировались под влиянием различных факторов, включая традиционные представления о здоровье, влияние медицины и взаимодействие с другими культурами. В данной статье мы рассмотрим, как изменялись и развивались названия болезней в татарском языке в 19 и 20 веках.

Изучение народных названий болезней в татарском языке представляет собой важный аспект лингвокультурологии, позволяющий глубже понять взаимосвязь языка, культуры и традиционных представлений о здоровье и болезни. Народные названия не только отражают медицинские знания, но и содержат культурные и исторические контексты, связанные с восприятием заболеваний. Анализ таких названий помогает выявить уникальные черты татарской культуры, а также особенности менталитета и образа жизни народа. В данной статье рассматриваются лексические, семантические и культурные аспекты народных названий болезней, что позволяет создать более полное представление об особенностях татарского языка.

Сбор и систематизация материала проводились через изучение фольклорных источников, медицинских трактатов и интервью с носителями та-

тарского языка. Были собраны народные названия болезней, которые отражают как медицинские, так и культурные аспекты жизни татарского народа. Названия классифицировались по типам заболеваний, включая инфекционные, хронические и психосоматические. Каждое название анализировалось на предмет его этимологии, ассоциаций и контекста использования. Важным этапом стало выявление устойчивых выражений и фразеологизмов, связанных с болезнями, что позволило глубже понять лингвокультурные особенности татарского народа.

Народные названия болезней в татарском языке отражают уникальные культурные аспекты и мировосприятие народа. Часто они связаны с природными явлениями, животными или повседневной жизнью, что демонстрирует связь человека с окружающим миром. Например, названия, связанные с сезонными изменениями, подчеркивают влияние климата на здоровье. Этимология некоторых названий указывает на исторические традиции и обычаи, связанные с лечением. Использование метафор и образных выражений в названиях болезней свидетельствует о богатстве языка и глубоком понимании природы человеческого страдания.

В татарском языке существует множество народных названий болезней, которые отражают уникальные культурные особенности. Например, "куз авыруы" (болезнь глаза) часто связывается с негативным взглядом или завистью. Название "кул тырнау" (царапина на руке) указывает на травмы,

полученные в быту. "Салкын" (простуда) ассоциируется с холодом и изменением погоды. "Тән авырты" (боль в теле) может описывать общее недомогание. Эти названия не только обозначают болезни, но и передают культурные представления о здоровье и болезни, подчеркивая связь человека с природой и окружающим миром.

Народные названия болезней в татарском языке отражают культурные представления и мировосприятие народа. Например, многие названия связаны с природными явлениями, что указывает на тесную связь татар с окружающей средой. Простуда, обозначаемая как "салкын", символизирует влияние климата на здоровье. Названия, связанные с эмоциями, например, "күз авыруы", указывают на веру в энергетическую взаимосвязь между людьми. Эти названия также могут содержать элементы фольклора и традиционных представлений о здоровье, что подчеркивает важность культурной идентичности и коллективного опыта в восприятии болезней.

Теоретическая значимость исследования заключается в установлении точных соответствий между татарскими и русскими медицинскими терминами.

Практическая значимость работы состоит в создании глоссария терминологических выражений, который может быть полезен в дальнейшем.

В статье рассматривается вопрос, связанный с изучением письменного наследия коренных татарских сообществ. Научная ценность исследования заключается в сохранении, актуализации и изучении медицинских названий заболеваний, используемых сибирскими татарами в XIX – начале XX века.

Предметом исследования являются названия болезней, которые были зафиксированы на территории Поволжья в XIX – начале XX века.

Материалы и методы исследований

Для проведения исследования были использованы методы лексикографического и семантического анализа. Материал собирался из различных источников, включая фольклорные тексты, письменные памятники XIX – начала XX века, медицинские трактаты и полуструктурированные интервью с носителями татарского языка. Отобранные народные названия болезней классифицировались по тематическим группам: в зависимости от поражённых органов, реакций организма, новообразований и культурно-религиозных представлений. Каждый термин анализировался с точки зрения его этимологии, семантического значения и культурного контекста использования. Особое внимание уделялось устойчивым выражениям и фразеологизмам,

связанным с заболеваниями. Для выявления исторических изменений медицинской лексики был проведён сравнительный анализ терминов XIX и XX веков, что позволило проследить эволюцию названий болезней в контексте социокультурных трансформаций.

Результаты и обсуждения

В языке татар XIX века понятие «болезнь» выражалось с помощью слов «ауру», «агырык» и «агырыклык». Например, «ауршмен» означает «болею, не могу», «аурувлы» – «больной», «ян авругунда» – «болезненно», «янем ауридер» – «болезную, тужу», «югушлы агырык» – «заразная болезнь», «бизгэк булуп агрыйде» – «лихорадочно болен», «куянчик агырык» – «падучая болезнь».

1. Названия, связанные с частями тела или органами:

- Күкрэк зэхмәте – болезнь дыхательных органов.

- Эч зэхмәте – заболевание живота.

2. Названия, связанные с реакциями и состояниями организма:

- Бизгэк зэхмәте – лихорадка.

- Бизгэк булуп агрыйде – заболел лихорадкой.

- Бизкак ауру, бизкак агрык – болезнь, сопровождающаяся лихорадкой.

- Бума зэхмәте – падучая болезнь, эпилепсия.

- Бума – удушье.

- Пумалы – человек, страдающий одышкой.

- Кызамык зэхмәте – заболевание, сопровождающееся удушьем.

- Йүдәл / йүтәл – болезнь, сопровождающаяся кашлем.

- Йуталь, юткюрюк – кашель.

- Күк йүтәл – коклюш (хвалынский говор мишарского диалекта).

- Сидеке тотылу зэхмәте – болезнь задержки мочеиспускания.

3. Названия, связанные с изменениями или новообразованиями в организме:

- Кызамык зэхмәте – корь.

- Кызылча – корь болезнь.

- Сары зэхмәте – гепатит.

- Тәмүр дәрү зэхмәте – лишай, летучий огонь (у детей).

4. Названия болезней, связанные с религиозными представлениями:

- Жән зэхмәте – болезнь, вызванная джинном.

- Йил зэхмәте – сумасшествие.

Исторический контекст

В 19 веке татарское общество находилось на стыке традиционной медицины и новых научных знаний. В это время активно развивалось образование, что способствовало распространению медицинских знаний. Татарские врачи,

обучавшиеся в России и за границей, привносили новые термины и концепции, что влияло на язык.

С другой стороны, традиционные названия болезней часто основывались на народной медицине и фольклоре. Например, многие болезни назывались по симптомам или по их визуальному проявлению. Это свидетельствовало о том, что народ имел свои представления о здоровье и болезнях.

Названия болезней в 19 веке

В 19 веке в татарском языке можно было встретить множество наименований заболеваний, которые часто имели арабские или персидские корни. Это связано с влиянием исламской культуры и медицины на татарский народ. Например, такие болезни, как "жетел" (кашель) или "баш авыртыу" (головная боль), были известны и использовались в народной практике.

С развитием науки в татарском обществе начали появляться новые термины. Например, с приходом вакцинации стали использоваться такие слова, как "вакцинация" (вакцинация), которые пришли из русского языка.

Названия болезней в 20 веке

В 20 веке татарский язык пережил значительные изменения. После революции 1917 года и создания Татарской АССР начался процесс стандартизации языка, что также затронуло медицинскую терминологию. В это время активно разрабатывались новые термины для обозначения заболеваний, многие из которых заимствовались из русского языка, но адаптировались к фонетическим и грамматическим особенностям татарского языка.

Важным этапом стало создание татарских словарей и учебников по медицине, что способствовало распространению научных терминов. Например, такие болезни, как "туберкулез" (туберкулез) или "диабет" (диабет), стали широко использоваться в медицинской практике и образовании.

Влияние культурных факторов

Культурные факторы также оказывали значительное влияние на обозначение болезней. В татарском фольклоре можно найти множество упоминаний о болезнях, которые объяснялись через призму религиозных и мифологических

представлений. Это отражает уникальный взгляд татарского народа на здоровье и болезнь.

Кроме того, взаимодействие с другими народами и культурами, особенно в рамках Советского Союза, способствовало заимствованию новых терминов и понятий. Это привело к тому, что некоторые традиционные названия болезней были вытеснены новыми научными терминами.

Выводы

В ходе интервью с носителями татарского языка были собраны интересные наблюдения о народных названиях болезней. Многие респонденты отметили, что названия часто передают не только медицинские, но и культурные аспекты. Например, "күз авыруы" воспринимается как результат негативной энергии, исходящей от других людей. Также упоминались названия, связанные с природными явлениями, что подчеркивает связь татарского народа с окружающей средой. Респонденты поделились, что многие названия передаются из поколения в поколение, сохраняя традиции и обычаи. Это свидетельствует о глубоком уважении к культуре и истории.

В результате проведенного исследования особенностей народных названий болезней на татарском языке выявлены значимые связи между языковыми единицами и культурными традициями татарского народа. Анализ показал, что названия болезней не только отражают медицинские знания, но и содержат элементы фольклора, мифологии и народной мудрости. Эти названия служат важным инструментом для понимания восприятия здоровья и болезни в татарской культуре. Данные результаты подчеркивают необходимость дальнейшего изучения взаимодействия языка и культуры в контексте медицинской лексики.

Обозначения болезней в татарском языке в 19 и 20 веках являются ярким примером того, как язык может отражать изменения в обществе и культуре. Традиционные названия болезней, основанные на народной медицине, постепенно заменялись научными терминами, что свидетельствует о развитии медицины и образования в татарском обществе. Изучение этой темы позволяет лучше понять не только языковые изменения, но и культурные трансформации татарского народа в указанные исторические периоды.

Список источников

1. Байрамова Л.К. Болезни и их эвфемистические наименования в русском, английском, немецком и французском языках // Здоровье и образование в XXI веке. 2016. № 6. С. 117 – 121.
2. Википедия. [Электронный ресурс] // Историзмы и архаизмы в медицинской терминологии. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 22.10.2024)

3. Минибаева З.И. Народная медицина башкир Курганской области в конце XIX – начале XXI века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2011. 0 с.
4. Рамазанова Д.Б. Татар телендә кешегә бәйләнешле лексика / Казан, Татарстан республикасы фәннәр акад., Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты. 2013. 364 с.
5. Nurieva Fanuza Sh., Kadirova Enze Kh., Sitdikova Ayzilya R., Ekba Zarema N. Истоки и этапы развития старотатарского литературного языка // Revista Inclusiones. 2019. Vol. 6, Especial iss. P. 746 – 751.
6. Цысь О.П. Миссионерская деятельность среди татар Тобольской епархии в конце XIX – начале XX веков // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, Омск: Омский государственный педагогический университет, 2002. С. 244 – 246.
7. Елисеев Е. Знаменательный день в жизни Тобольской миссии // Тобольские епархиальные ведомости. 1901. № 24. С. 554 – 556.
8. Воззвание о помощи апостольскому, миссионерскому делу проповеди благовестия Христова // Тобольские епархиальные ведомости. 1918. № 9-10. С. 140.
9. Дневник священника Романа Николаева // Тобольские епархиальные ведомости. 1907. № 17. С. 488 – 493.
10. Из дневника Георгия Волкова за 1905 год // Тобольские епархиальные ведомости. 1906. № 8. С. 153 – 155.
11. Из дневника диакона Михаила Патрушева за 1906 год // Тобольские епархиальные ведомости. 1907. № 46. С. 470 – 473.
12. Из дневника священника Иоанна Купцова // Тобольские епархиальные ведомости. 1909. № 14. С. 366 – 369.
13. Из Тобольской противомусульманской миссии (О переименовании её в Тобольскую центральную миссию) // Тобольские епархиальные ведомости. 1907. № 1. С. 4 – 5.
14. О положении инородческого просвещения Тобольской епархии // Тобольские епархиальные ведомости. 1906. № 6. С. 63 – 67.
15. Отчёт Тобольского епархиального комитета Православного Миссионерского Общества за 1905 год. Тобольск, 1906.
16. Отчёт Тобольского епархиального комитета Православного Миссионерского Общества за 1914 год. Тобольск, 1915.
17. Отчёт Тобольского епархиального комитета Православного Миссионерского Общества за 1912 год. Тобольск, 1913.
18. Отчёт Тобольского епархиального комитета Православного Миссионерского Общества за 1906 год. Тобольск, 1907.
19. Отчёт Тобольского епархиального комитета Православного Миссионерского Общества за 1907 год. Тобольск, 1908.
20. Отчёт Тобольского епархиального комитета Православного Миссионерского Общества за 1915 год. Тобольск, 1916.
21. Отчёт Тобольского епархиального комитета Православного Миссионерского Общества за 1910 год. Тобольск, 1911.
22. Указ Его Императорского Величества, самодержца Всероссийского. Из Святейшего Правительствующего Синода Преосвященному Антонию, Епископу Тобольскому и Сибирскому // Тобольские епархиальные ведомости. 1906. № 24. С. 644.
23. Государственный архив в Тобольске // Ф. 58. Оп. 2. Д. 5. Л. 2.

References

1. Bayramova L.K. Diseases and their euphemistic names in Russian, English, German and French. Health and education in the 21st century. 2016. No. 6. P. 117 – 121.
2. Wikipedia. [Electronic resource]. Historicisms and archaisms in medical_terminology. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (date of access: 10/22/2024)
3. Minibaeva Z.I. Traditional medicine of the Bashkirs of the Kurgan region in the late 19th – early 21st century: author's abstract. diss. ... cand. history sciences. Ufa, 2011. 0 p.
4. Ramazanova D.B. Tatar telendә keshegә bәylәneshle vocabulary. Kazan, Tatarstan republics fәннәр acad., G. Ibrahimov isem. Tel, adabiyat һәм sәngat institutes. 2013. 364 p.

5. Nurieva Fanuza Sh., Kadirova Enze Kh., Sitdikova Ayzilya R., Ekba Zarema N. Origins and stages of development of the Old Tatar literary language. *Revista Inclusiones*. 2019. Vol. 6, Special issue. P. 746 – 751.
6. Tsys O.P. Missionary activity among the Tatars of the Tobolsk diocese at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. *Turkic peoples. Proceedings of the V Siberian Symposium "Cultural Heritage of the Peoples of Western Siberia"*. Tobolsk, Omsk: Omsk State Pedagogical University, 2002. P. 244 – 246.
7. Eliseev E. A Significant Day in the Life of the Tobolsk Mission. *Tobolsk Diocesan Gazette*. 1901. No. 24. P. 554 – 556.
8. Appeal for Help for the Apostolic, Missionary Work of Preaching the Gospel of Christ. *Tobolsk Diocesan Gazette*. 1918. No. 9-10. P. 140.
9. Diary of Priest Roman Nikolaev. *Tobolsk Diocesan Gazette*. 1907. No. 17. P. 488 – 493.
10. From the diary of Georgy Volkov for 1905. *Tobolsk Diocesan Gazette*. 1906. No. 8. P. 153 – 155.
11. From the diary of Deacon Mikhail Patrushev for 1906. *Tobolsk Diocesan Gazette*. 1907. No. 46. Pp. 470–473.
12. From the diary of Priest John Kuptsov. *Tobolsk Diocesan Gazette*. 1909. No. 14. P. 366 – 369.
13. From the Tobolsk Anti-Muslim Mission (On renaming it the Tobolsk Central Mission). *Tobolsk Diocesan Gazette*. 1907. No. 1. P. 4 – 5.
14. On the situation of non-Russian education in the Tobolsk diocese. *Tobolsk diocesan news*. 1906. No. 6. P. 63 – 67.
15. Report of the Tobolsk diocesan committee of the Orthodox Missionary Society for 1905. Tobolsk, 1906.
16. Report of the Tobolsk diocesan committee of the Orthodox Missionary Society for 1914. Tobolsk, 1915.
17. Report of the Tobolsk diocesan committee of the Orthodox Missionary Society for 1912. Tobolsk, 1913.
18. Report of the Tobolsk diocesan committee of the Orthodox Missionary Society for 1906. Tobolsk, 1907.
19. Report of the Tobolsk Diocesan Committee of the Orthodox Missionary Society for 1907. Tobolsk, 1908.
20. Report of the Tobolsk Diocesan Committee of the Orthodox Missionary Society for 1915. Tobolsk, 1916.
21. Report of the Tobolsk Diocesan Committee of the Orthodox Missionary Society for 1910. Tobolsk, 1911.
22. Decree of His Imperial Majesty, Autocrat of All Russia. From the Holy Governing Synod to His Grace Anthony, Bishop of Tobolsk and Siberia. *Tobolsk Diocesan Gazette*. 1906. No. 24. P. 644.
23. State Archives in Tobolsk. F. 58. Op. 2. D. 5. L. 2.

Информация об авторе

Гейбадуллина З.Ш., аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, zasayus@yandex.ru

© Гейбадуллина З.Ш., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81-114.4

Зона комфорта: морфологическая и фонетико-графическая адаптация латинских заимствований в русской экономической терминологии

¹ Брагина Э.Р.

¹ Институт экономических исследований

Аннотация: в статье представлен подробный анализ латинизмов в русской терминологии экономики с акцентом на фонетико-графическую и морфологическую адаптацию. Используя методы корпусного и структурного анализа, кейс-стадии, а также процентного и количественного подсчета, исследование выявляет 14 продуктивных фонетических и 8 морфологических процессов адаптации. Основное внимание уделяется изменениям ударения, сокращению слогов, субституции звуков, букв и суффиксов. Результаты показывают, что менее 5% латинизмов сохраняют минимальные изменения при адаптации. Заключение подтверждает гипотезу о том, что адаптация латинизмов обусловлена стремлением языка-реципиента сохранить комфортные для восприятия формы, что приводит к формированию сложной системы адаптаций в терминологии экономики.

Ключевые слова: латинизмы, русская терминология, экономика, фонетико-графическая адаптация, морфологическая адаптация, корпусный анализ, структурный анализ, процесс адаптации, ударение, система адаптаций

Для цитирования: Брагина Э.Р. Зона комфорта: морфологическая и фонетико-графическая адаптация латинских заимствований в русской экономической терминологии // Современный ученый. 2025. № 4. С. 68 – 73.

Поступила в редакцию: 24 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 26 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Comfort zone: morphological and phonetic-graphic adaptation of Latin borrowings in Russian economic terminology

¹ Bragina E.R.

¹ Institute of Economic Research

Abstract: this article presents a detailed analysis of Latinisms in Russian economic terminology, focusing on phonetic-graphic and morphological adaptation. Utilizing methods of corpus and structural analysis, case studies, as well as percentage and quantitative counting, the study identifies 14 productive phonetic-graphic processes and 8 morphological processes of adaptation. Special attention is given to changes in stress, syllable reduction, substitution of sounds, letters and suffixes. The results show that less than 5% of Latinisms retain minimal changes during adaptation. The conclusion confirms the hypothesis that the adaptation of Latinisms is driven by the recipient language's desire to maintain forms that are comfortable for perception, leading to the formation of a complex system of adaptations in economic terminology.

Keywords: latinisms, Russian terminology, economics, phonetic-graphic adaptation, morphological adaptation, corpus analysis, structural analysis, adaptation process, stress, system of adaptations

For citation: Bragina E.R. Comfort zone: morphological and phonetic-graphic adaptation of Latin borrowings in Russian economic terminology. Modern Scientist. 2025. 4. P. 68 – 73.

The article was submitted: November 24, 2024; Approved after reviewing: January 26, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Ассимиляция заимствованных слов в языке представляет собой сложный исторический процесс, в котором переплетаются связи и отношения между языком-реципиентом и языком-донором с внутренними характеристиками самого языка-реципиента. Этот процесс можно рассматривать как динамическое взаимодействие, в ходе которого язык-реципиент не просто принимает новое слово или термин, но также адаптирует его, подстраивая под свои внутренние правила, что, в свою очередь, свидетельствует о гибкости и изменчивости языковых систем. Важно подчеркнуть, что заимствование – это активный процесс, который включает в себя не только механическое принятие лексических единиц, но и их трансформацию с целью интеграции в существующую языковую структуру. В контексте материального заимствования С.В. Гринёв выделил четыре метода освоения заимствованной лексики языком-реципиентом, каждый из которых отражает различные аспекты адаптации и интеграции. В данной работе мы рассмотрим первые три метода адаптации (фонетический, графический и грамматический (морфологический)) [6, с. 134].

Ряд современных исследователей посвятили свои работы анализу процессов морфологической и фонетико-графической адаптации заимствованных терминов: Адзиева Э.С. посвятила своё исследование морфологической и фонетической адаптации арабских заимствований в английском языке науки [1], Асланян И.К. в своей статье обсуждает модификацию фонетических, морфологических и синтаксических адаптаций английских слова в дискурсе русского языка [2]; Давыдов Т.Г., Горшков А.И. рассматривают морфологическую адаптацию иранских и семитских заимствований в древнегреческом языке на примере слов, связанных с концепцией «сада» и «рая», а также экстралингвистические аспекты влияния [7]; Генералова Е.В. исследует фонетическое, грамматическое и словообразовательное овладение европейскими заимствованиями в старорусском языке [4], Гаврильев С.Л. посвятила свою работу фонетической адаптации заимствований в терминологии юриспруденции в якутском и киргизском языках [5], Жаркова

У.А. изучает фактор лингвистической идентичности – фонетическую адаптацию – в немецком и русском языках [8], работа Стойнова Н.М., Дыбо А.В., Норманская Ю.В. фокусируется на сопоставлении подходов к адаптации заимствованных слов на основе субстантивированных слов в нанайском и ульчском языках [9], Шмидт Д.С. рассматривает новейшие заимствования в русском языке в ракурсе морфологической адаптации [10].

Материалы и методы исследований

В ходе исследования мы используем методы корпусного анализа терминов, структурного анализа терминов, метод кейс-стадии (подробный разбор большого количества терминов), методики процентного и количественного подсчета. Выборка произведена из следующих источников: Экономический словарь терминов (ЭСТ) [11], Большой экономический словарь (БЭС) [3].

Цель работы – подробный анализ латинизмов с точки зрения фонетико-графической и морфологической адаптации в русской терминологии экономики, выявление общих наиболее продуктивных процессов фонетической и морфологической адаптаций, выявление процентного соотношения между адаптированными и неадаптированными латинизмами.

Научная значимость исследования заключается в теоретической ценности выявления специфических механизмов морфологической и фонетико-графической адаптации латинизмов в русском языке экономики, а также в возможности практического применения результатов исследования экспертами в разработке принципов стандартизации терминологии.

Латинизмы составляют наибольший пласт всех заимствований в русской терминологии экономики благодаря международным процессам глобализации всех национальных экономик. Вопрос языковой эволюции, являясь приоритетным, раскрывается через понимание процессов заимствования.

Мы полагаем, что в процессе адаптации заимствованных терминов действует принцип «модификации», характерный для всех сфер и видов деятельности человека, который заключается в видоизменении всего необычного и чуждого на привычное и удобное. Таким образом, можно утвер-

ждать, что и в русском дискурсе терминологии экономики есть сложная система фонетической и морфологической адаптации латинизмов, выполняющая функцию видоизменения чуждого в привычное.

Результаты и обсуждения

Адаптация заимствованных слов из латинского языка в русский язык экономики может происходить посредством некоторых механизмов. Проведем подробный анализ фонетической и морфологической адаптации.

1. Фонетико-графическая адаптация (субституция звуков и букв, сокращение слогов, графическая/звуковая конвергенция, графическая/звуковая дивергенция):

а) субституция звуков и букв, сокращение слогов, изменение ударения:

- экспорт (лат. *exportare*) – субституция букв: лат. «age» на русс. «-рт», лат. «х» в русс. «кс»,

- корпорация (лат. *corporatio*) – субституция букв: лат. «с» + «о» = русс. «к»,

- акциз (лат. *accido*) – субституция букв: лат. «асс» на русс. «акц»,

- акциз (лат. *accido*) – субституция звуков и букв: лат. «асс» в русс. «акц», лат. [ц] на русс. [с],

- (лат. *accreditivus*) – субституция букв: лат. «сс» в русс. «кк»,

- штат (лат. *status*) – субституция букв и звуков: лат. «st» в русс. «ш», сокращение слогов: лат. 2 на русс. 1

- актуарий (лат. *actuarius*) – субституция букв: лат. «с» на русс. «к»,

- диспониент (лат. *disponens*) — субституция букв: лат. «dis» на русс. «ди»,

- паушальный (платеж) (лат. *pauschalis*) – субституция букв: лат. «au» на русс. «ау», лат. «sch» на русс. «ш»,

- венчурный (капитал) (лат. *adventura*) – лат. «ad» теряется, а «ventura» переходит в «венчур»,

- преференциальная (пошлина) (лат. *praeferre*) – субституция букв: лат. «prae» на русс. «пре»,

- комплементарные (товары) (лат. *complementum*) – субституция букв: лат. «com-» на русс. «ком-»,

- трансферт (лат. *transferre*) – лат. «trans-» сохраняется как русс. «транс-»,

- ремитент (лат. *remittens*) – субституция букв: лат. «re-» на русс. «ре-», лат. «tt» на русс. «тт»,

- акцепт (лат. *acceptus*) – лат. «с» перед гласной «е» произносится как «к» в русском «акцепт»,

- детезаврация (лат. *de thesaures*) – субституция звуков: лат. «th» на русс. [т], лат. «de» теряется, субституция букв: лат. «eu» в русс. «ев»,

- капитализация (лат. *capitalis*) – лат. «с» перед «а» – русс. [к],

- контрафакция (лат. *contrafactio*) – лат. «с» перед «t» на русс. к [к] или [ц],

- аккумуляция средств (лат. *accumulatio*) – субституция букв: лат. «сс» в русс. «кк»;

- оферта (*offerre*) – усечение двойной буквы.

б) изменение ударения:

- агент (лат. *agens*, родительный падеж *agentis*),

- директор (лат. *director*),

- инжиниринг (лат. *ingenium*),

- экспорт (лат. *exportare*),

- аккредитив (лат. *accreditivus*),

- аккумуляция средств (лат. *accumulatio*);

в) сохранение одного согласного при написании заимствованного иноязычного термина русским языком: конкурент – лат. *concurrere*.

2. Морфологическая адаптация: усечение/добавление/субституция суффиксов для соответствия русской грамматической системе, изменение морфологической структуры, изменение частиречной принадлежности, слияние корней, слияние многокомпонентных латинских терминов в один латинизм, изменение рода:

а) усечение/добавление/субституция суффиксов, изменение морфологической структуры:

- капитализация (лат. *capitalis*) – добавление суффикса «-изация», – детезаврация (лат. *de thesaures*) – добавление суффикса «-изация»,

- девальвация (лат. *de valeo*) – добавление суффикса «-изация»,

- диверсификация (лат. *diversus* и *facere*) – добавление суффикса «-фикация»,

- диспониент (лат. *disponens*) – лат. слово состоит из двух частей (приставка и корень), но в русском языке оно преобразуется в бесприставочный термин,

- акцепт (лат. *acceptus*) – усечение суффикса «-us» у прич. м.р.,

- аккредитив (лат. *accreditivus*) – усечение суффикса «-us» у прил. м.р.,

- штат (лат. *status*) – усечение суффикса «-us» у сущ. м.р., 3 склонение

- экспорт (лат. *exportare*) – усечение лат. «-re» в инфинитиве,

- трансфер (лат. *transferre*) – усечение лат. «-re» в инфинитиве,

- адвайзер (лат. *advizare*) – усечение лат. «-re» в инфинитиве,

- оферта (*offerre*) – усечение лат. «-re» в инфинитиве,

- актуарий (*actuarius* сущ. м.р. 2 склонение) – усечение лат. суффикса «us»,

- аккумуляция средств (лат. *accumulatio*) – субституция суффиксов: «tio» на «-ция»,

- контрафакция (лат. *contrafactio*) – субституция суффиксов: «tio» на «-ция»,

- ротация (rotatio) – субституция суффиксов: «tio» на «-ция»,

- новация (novatio) – субституция суффиксов: «tio» на «-ция»,

- субсидия (subsidium) – усечение лат. суффикса «um» у лат. сущ. с.р.,

- коммерция (commercium) – усечение лат. суффикса «um» у лат. сущ. с.р., – диспонент (лат. disponens) – лат. «ponens» – русс. «понент», лат. слово состоит из двух частей (приставка и корень), но в русском языке оно преобразуется в бесприставочный термин «диспонент»;

б) изменение частиречной принадлежности:

- преференциальная (пошлина) (лат. praefere – выбирать) становится прилагательным,

- комплементарные (товары) (лат. complementum – дополнение) становится прилагательным,

- трансфер (лат. transferre – передавать) – в русс. существительное,

- ремитент (лат. remittens – освобождающий) — в русс. существительное,

- акцепт (лат. acceptus – принятый) – в русс. существительное;

в) слияние корней:

- диверсификация (лат. diversus и facere) – лат. сложное слово с 2-мя корнями в русс. 1 корень,

- контрафакция (лат. contrafactio) – лат. сложное слово с 2-мя корнями в русс. 1 корень;

г) несколько лат. в один русс. термин: детезаврация (de thesaures), квипрокво (qui pro quo), адвалорные (ad valorem);

д) изменение рода:

- субсидия (subsidium) – лат. сущ. с.р. на русс. ж.р.,

- коммерция (commercium) – лат. сущ. с.р. на русс. ж.р.

3. Практически полное сохранение оригинальной формы (неадаптированные), т.е. адаптация с минимальными изменениями: плюральная (акция) (pluralis), квипрокво (qui pro quo), оферта (offerre), аб ово (ab ovo), инкассо (incasso), директор (director), инжиниринг (ingenium, лат. яз. - мотив (motives); новация (novatio); норма (norma), ротация (rotatio), стимул (stimulus), администратор (administrator).

Некоторые термины, такие как «ceteris paribus» и «аб ово», сохраняют свою оригинальную форму, но могут претерпеть изменения в произношении, в то время как другие термины, такие как «агент», полностью адаптируются к русскому языковому контексту.

В ходе нашего исследования было обнаружено, что около 14 % всех латинизмов подвержены графической/звуковой дивергенции. Графическая/звуковая дивергенция – это лингвистический

феномен, когда 1 буква/звук в языке-доноре передается различными буквами/звуками в языке-реципиенте:

- венчурный (капитал) (лат. aventura) – капитализация (лат. capitalis) – русс. ч/т – лат. «t», русс. [ч/т] – лат. [t],

- адвайзер (лат. advisare) и субсидия (subsidium) – русс. ай/и – лат. i /русс. [ай/и] – лат. [i],

- аккумуляция (средств) (лат. accumulatio) – агент (лат. agens) – русс. я/а – лат. а/русс. [я/а] – лат. [a],

- экспорт (лат. exportare) – трансфер (лат. transferre) – русс. э/е – лат. е/ русс. [э/е] – лат. [e],

- акцепт (лат. acceptus – принятый) – аккредитив (лат. accreditivus) – русс. кц/кк – лат. сс/ русс. [кц/к] – лат. [к]. Графическая/звуковая конвергенция не является столь распространенным лингвистическим феноменом среди латинизмов (0,5 %) в русской терминологии экономики:

- преференциальная (пошлина) (лат. praefere II выбирать) становится прилагательным, и акцепт (лат. acceptus) = русс. е – лат. ae/e/ русс. [e] – лат. [э/е]. [11, Аккредитив – Трансферт]

Процессы, благодаря которым звуковой фон латинских заимствований приближен к звуковому фону языка-реципиента, разделим на 2 группы; 1) 15 наиболее продуктивных фонетическо-графических процесса:

- графическая/звуковая дивергенция,

- изменение ударения,

- уменьшение количества слогов,

- сохранение двойной буквы,

- усечение двойной буквы,

- изменения в произношении: лат. «с» перед «а» [ц] – русс. [к], лат. «с» перед «е» – русс. [к],

- субституция звуков: лат. [с] на рус. [к], лат. [ц] на русс. [с],

- субституция букв: лат. «с» на русс. «к», лат. «st» на русс. «ш»; лат. «eu» на русс. «ев», лат. «th» на русс. «т», лат. «prae» на русс. «пре», лат. «trans-» на русс. «транс-», лат. «сс» на русс. «кк».

2) 8 наиболее продуктивных морфологических процессов адаптации латинских заимствований: слияние корней с усечением лат. и добавлением русс. суффиксов, изменение морфологической структуры, усечение начальной части термина; усечение суффикса «-us» у сущ. м. р, 2 склонения, прил. и прич. м.р.; субституция суффиксов лат. «tio» на русс. «-ция», усечение суффикса «-re» в инфинитиве, изменение рода, изменение частичной принадлежности.

Латинизмы, с минимальными изменениями при фонетико-морфологических адаптациях не многочисленны, составляют около 5 % от всего количе-

ства заимствованных латинизмов в русской терминологии экономики. Графическая/звуковая конвергенция не получила широкого распространения среди латинских заимствований.

Выводы

Таким образом, наличие 15 продуктивных процессов фонетическо-графических и 8 продуктивных процессов морфологической адаптации латинизмов, небольшого количества не адаптирован-

ных латинизмов (5%) с минимальными изменениями при адаптациях подтверждает нашу гипотезу о том, что природа этих адаптаций исходит от нежелания человека выходить из зоны комфорта, адаптируя всё под привычное для самого себя (языка-реципиента), вследствие чего и образовалась многогранная система фонетической и морфологической адаптации латинизмов в русском языке терминологии экономики.

Список источников

1. Адзиева Э.С. Морфологическая адаптация арабских заимствований в английском научном дискурсе // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Т. 8. № 3. С. 5 – 21.
2. Асланян И.К. Адаптация английских заимствований в русском языке на всех языковых уровнях // Вестник науки. 2024. Т. 4. № 6 (75). С. 885 – 898.
3. Борисов А.Б. Большой экономический словарь. М.: Книжный мир, 2003. 895 с.
4. Гаврильев С.Л. Фонетическая адаптация как способ инкорпорации заимствованных юридических терминов в якутском и киргизском языках // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2023. № 3 (44). С. 56 – 66.
5. Генералова Е.В. Европейизмы в старорусском языке: фонетическое, грамматическое и словообразовательное освоение // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 5. С. 45 – 51.
6. Гринев С.В. Терминологические заимствования (Краткий обзор современного состояния вопроса / Д.С. Лотте Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных элементов. М.: Наука, 1982. С. 108 – 135.
7. Давыдов Т.Г., Горшков А.И. Адаптация иранских и семитских заимствований в древнегреческом языке: 'сад' / 'рай' (на примере лексем παράδεισος и ряда γάνος - γανναθ - (αλ)γοναίναθ) // Litera. 2021. № 8. С. 30–50. М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.
8. Жаркова У.А. Изменение звуковой оболочки слова как фактор лингвистической идентичности (на материале немецкого и русского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 3. С. 845 – 850.
9. Стойнова Н.М., Дыбо А.В., Норманская Ю.В. Разные стратегии адаптации заимствований в похожих морфологических системах: русские существительные в нанайском и ульчском языках // Урало-Алтайские исследования. 2020. № 3 (38). С. 92 – 110.
10. Шмидт Д. С. Морфологическая адаптация новейших заимствований в системе русского языка: системно-грамматический аспект // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2023. № 1 (38). С. 97 – 102.
11. Экономический словарь терминов. Аккредитив – Транферт. [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/economics_terms/АККРЕДИТИВ. https://gufo.me/dict/economics_terms/ТРАНСФЕРТ (ЭСТ) (дата обращения: 25.10.2024)

References

1. Adzieva E.S. Morphological adaptation of Arabic borrowings in English scientific discourse. Theoretical and applied linguistics. 2022. Vol. 8. No. 3. P. 5 – 21.
2. Aslanyan I.K. Adaptation of English borrowings in the Russian language at all language levels. Science Bulletin. 2024. Vol. 4. No. 6 (75). P. 885 – 898.
3. Borisov A.B. Big Economic Dictionary. Moscow: Knizhny mir, 2003. 895 p.
4. Gavriliev S.L. Phonetic adaptation as a way of incorporating borrowed legal terms in the Yakut and Kyrgyz languages. North-Eastern Humanitarian Bulletin. 2023. No. 3 (44). P. 56 – 66.
5. Generalova E.V. Europeanisms in the Old Russian language: phonetic, grammatical and word-formation development. Scientific notes of Petrozavodsk State University. 2020. Vol. 42. No. 5. P. 45 – 51.
6. Grinev S.V. Terminological borrowings (A brief overview of the current state of the issue. D.S. Lotte Issues of borrowing and ordering foreign language elements. Moscow: Nauka, 1982. P. 108 – 135.
7. Davydov T.G., Gorshkov A.I. Adaptation of Iranian and Semitic borrowings in the ancient Greek language: 'garden'. 'paradise' (based on the lexemes παράδεισος and a number of γάνος - γανναθ - (αλ)γοναίναθ) // Litera. 2021. No. 8. P. 30 – 50. Moscow: M.V. Lomonosov Moscow State University.

8. Zharkova U.A. Changing the sound shell of a word as a factor of linguistic identity (based on the German and Russian languages). Philological sciences. Theoretical and practical issues. 2021. Vol. 14. No. 3. P. 845 – 850.

9. Stoyanova N.M., Dybo A.V., Normanskaya Yu.V. Different strategies for adapting borrowings in similar morphological systems: Russian nouns in the Nanai and Ulchi languages. Ural-Altai studies. 2020. No. 3 (38). P. 92 – 110.

10. Schmidt D.S. Morphological adaptation of the latest borrowings in the Russian language system: systemic and grammatical aspect. Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research. 2023. No. 1 (38). P. 97 – 102.

11. Economic Dictionary of Terms. Letter of Credit – Transfer. [Electronic resource]. URL: https://gufo.me/dict/economics_terms/АККРЕДИТИВ. https://gufo.me/dict/economics_terms/ТРАСФЕРТ (ECT) (date of access: 10/25/2024)

Информация об авторе

Брагина Э.Р., кандидат филологических наук, доцент, Институт экономических исследований, 283048, ДНР, г. Донецк, ул. Университетская, д. 77, elmirabragina1973@mail.ru

© Брагина Э.Р., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 791.438

Исследование анализа аудитории и стратегий коммуникаций китайских телевизионных драм на российском рынке

¹ Лу Ин

¹ *Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы*

Аннотация: данное исследование посвящено анализу аудитории и коммуникационных стратегий, применяемых при продвижении китайских телевизионных драм на российском рынке. Введение обосновывает актуальность темы, поскольку в условиях глобализации медиапространства наблюдается активное проникновение иностранных культурных продуктов, а китайские драмы привлекают внимание российского зрителя своей оригинальностью и экзотикой. Цель работы заключается в выявлении ключевых факторов успеха китайских драм в России, а также в оценке эффективности адаптивных маркетинговых стратегий. Методологическая база исследования опирается на смешанный метод, объединяющий количественный и качественный анализ. В числе применяемых методов – статистический анализ рейтингов и просмотров, онлайн-опросы, проведение фокус-групп, а также контент-анализ рекламных сообщений в социальных сетях и медийных платформах. Такой комплексный подход позволяет не только определить количественные показатели востребованности контента, но и выявить глубинные мотивы выбора зрителями именно китайских телевизионных драм. Полученные результаты свидетельствуют о том, что китайские драмы успешно адаптируются к российскому рынку за счёт совмещения традиционных и новых коммуникационных стратегий. Исследование показало, что основными факторами популярности являются оригинальные сюжетные линии, высокое качество визуального ряда и хорошо проработанные персонажи, что создает эмоциональную привязанность аудитории. Анализ выявил, что именно использование кросс-медийных платформ, активное присутствие в социальных сетях и локализация контента способствуют формированию лояльной аудитории. Обсуждение результатов подчеркивает необходимость дальнейшей адаптации маркетинговых стратегий с учетом культурных и социальных особенностей российского зрителя. Исследование предоставляет практические рекомендации по оптимизации коммуникационных каналов и стратегической интеграции иностранных культурных продуктов на локальные рынки, что может стать основой для дальнейших работ в области межкультурной коммуникации и глобального продвижения медийного контента.

Ключевые слова: аудитория, стратегии, коммуникации, телевизионные драмы, российский рынок

Для цитирования: Лу Ин Исследование анализа аудитории и стратегий коммуникаций китайских телевизионных драм на российском рынке // Современный ученый. 2025. № 4. С. 74 – 81.

Поступила в редакцию: 25 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 27 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Audience analysis and communication strategies of Chinese TV dramas in the Russian market

¹ Lu Ying

¹ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Abstract: this study is dedicated to analyzing the audience and communication strategies used in promoting Chinese TV dramas in the Russian market. The introduction substantiates the relevance of the topic, as the globalization of the media space has led to the active penetration of foreign cultural products, and Chinese dramas attract the attention of the Russian viewer with their originality and exoticism. The aim of the work is to identify the key factors behind the success of Chinese dramas in Russia, as well as to evaluate the effectiveness of adaptive marketing strategies. The methodological framework of the study relies on a mixed method combining both quantitative and qualitative analyses. Among the methods used are statistical analysis of ratings and viewership, online surveys, focus groups, as well as content analysis of advertising messages on social networks and media platforms. This comprehensive approach not only allows for the determination of quantitative indicators of content demand but also helps reveal the underlying motives behind the audience's preference for Chinese TV dramas. The results indicate that Chinese dramas are successfully adapted to the Russian market by combining traditional and new communication strategies. The study showed that the main factors driving popularity are the original storylines, high-quality visuals, and well-developed characters, which foster an emotional connection with the audience. The analysis revealed that the use of cross-media platforms, a strong presence on social networks, and content localization all contribute to building a loyal audience. The discussion of the results underscores the need for further adaptation of marketing strategies, taking into account the cultural and social characteristics of the Russian viewer. The study provides practical recommendations for optimizing communication channels and strategically integrating foreign cultural products into local markets, which may serve as a foundation for further work in the field of intercultural communication and the global promotion of media content.

Keywords: audience, strategies, communication, TV dramas, Russian market

For citation: Lu Ying Audience analysis and communication strategies of Chinese TV dramas in the Russian market. Modern Scientist. 2025. 4. P. 74 – 81.

The article was submitted: November 25, 2024; Approved after reviewing: January 27, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Китайские телевизионные драмы всё чаще привлекают внимание российской аудитории благодаря сочетанию оригинальных сюжетных линий, культурной самобытности и широких возможностей для ознакомления с китайскими традициями. Формирование интереса к этим драмам обусловлено несколькими факторами: рост популярности онлайн-платформ, где они транслируются; появление специализированных фан-сообществ, активно пропагандирующих восточную культуру; а также значительное продвижение китайского языка и культуры через

международные образовательные программы. В последние годы заметно возросла не только частота появления китайских сериалов на российских стриминговых сервисах, но и общий объём переводов, субтитрования и дублирования, что является результатом целенаправленной стратегии по укреплению присутствия китайской массовой культуры в иностранном медиапространстве [3]. При этом стремление расширить границы рынка предполагает тщательное изучение потребностей зрителей и разработку гибких коммуникационных стратегий (табл. 1).

Таблица 1

Анализ аудитории китайских телевизионных драм на российском рынке.

Table 1

Analysis of the audience of Chinese television dramas on the Russian market.

Параметры анализа	Описание и особенности аудитории
Целевая аудитория	Молодежь (18-35 лет), увлеченная восточной культурой, а также старшая аудитория (45+), интересующаяся историческими и культурными аспектами.
Гендерное разделение	Преобладает женская аудитория, так как китайские драмы часто содержат мелодраматические линии, элементы романтики и семейной истории.
Интерес к жанрам	Наибольшую популярность имеют исторические драмы (например, про династии), романтические сериалы, а также подростковые сериалы с элементами фэнтези.
Платформы для потребления контента	Онлайн-платформы и стриминговые сервисы (YouTube, Netflix, Ivi, более нишевые ресурсы), менее активно – телевидение.
Уровень вовлеченности	Высокий уровень отклика у активных пользователей социальных сетей: обсуждения, фан-клубы, написание рецензий и фан-фиков.
Лояльность аудитории	Российская аудитория, следящая за китайскими драмами, часто вовлечена в азиатские культуры через K-поп, мангу и дорамы соседних стран.

Современные российские зрители, благодаря активному использованию интернета, проявляют тенденцию к освоению новых жанров и форматов. Это даёт возможность китайским продюсерам тестировать различные тематики и стили повествования, от исторических костюмированных драм до фантастических сериалов, ориентированных на молодую аудиторию [10]. Одной из ключевых особенностей, определяющих успех китайских драм в России, является способность находить эмоциональный отклик у зрителей. Элементы китайской культуры и необычные исторические сюжеты, пропитанные восточными традициями, формируют интерес, отличающийся от восприятия привычного западного контента. При этом, благодаря доступности социально ориентированных платформ, поклонники создают сообщества, где обсуждают последние эпизоды, персонажей и детали сюжета, а также обмениваются рекомендациями относительно новых релизов. Такой формат взаимодействия способствует росту популярности конкретных сериалов, формируя устойчивый спрос на дальнейшие проекты [7].

Материалы и методы исследований

Российская аудитория всё чаще предпочитает смотреть китайские телевизионные драмы как способ расширить свой кругозор, познакомиться с китайской культурой и отследить новые тенденции в азиатских медиа. Некоторые зрители отмечают, что в китайских сериалах привлекают помимо сюжета ещё и эстетика костюмов, красивые декорации и колоритные пейзажи, а также динамика развития взаимоотношений между героями, которая, в отличие от западных

аналогов, иногда акцентирует внимание на морально-этических аспектах [1]. При этом любители жанра нередко воспринимают китайские драмы как более «утончённые» в плане описания романтических линий, что формирует дополнительную нишу для тех, кто ценит именно такую эмоциональность. Рост популярности азиатских сериалов в целом и китайских драм в частности побуждает и российские телевизионные и стриминговые платформы включать эти сериалы в свою сетку вещания, а значит, появляется спрос на коммуникационные стратегии, направленные на продвижение и адаптацию контента.

В контексте коммуникаций одной из первостепенных задач считается корректный перевод и локализация диалогов, при этом большое значение имеет культурная адаптация: китайские реалии, исторические замечания или тонкости межличностного этикета могут быть непонятны российской аудитории без дополнительных пояснений. Переводчики стараются сохранить стилистические особенности оригинала и донести колорит, не прибегая к излишнему упрощению. Иногда это требует пояснительных надписей, коротких дополнительных субтитров или других инструментов, делающих просмотр комфортным для зрителей, не знакомых с контекстом. Чтобы повысить эффективность коммуникаций, важно не только точное переводческое соответствие, но и создание дополнительных материалов: видеообзоры, публикации в соцсетях, разбор культурных особенностей или интервью с актёрами. Всё это расширяет круг потенциальных зрителей и способствует углублению их интереса (табл. 2).

Таблица 2

Особенности стратегий коммуникаций китайских телевизионных драм на российском рынке.

Table 2

Features of communication strategies of Chinese television dramas on the Russian market.

Стратегия коммуникации	Описание и примеры реализации
Локализация контента	Перевод субтитров, дубляж и адаптация культурных особенностей китайских драм для российского зрителя. Пример: перевод титров и использование знакомых метафор в дубляже.
Социальные медиа и цифровой маркетинг	Размещение клипов, сцен, трейлеров в TikTok, Instagram, ВКонтакте для привлечения молодежной аудитории. Таргетированная реклама на платформы с высокой концентрацией фанатов.
Коллаборации с инфлюенсерами	Привлечение российских блогеров, популярных в азиатской субкультуре, для продвижения конкретных сериалов. Пример: блогеры-анимешники или K-pop фанаты.
Работа с фан-сообществами	Взаимодействие с группами, посвященными китайской культуре, включая страницы ВКонтакте, форумы и фанатские группы на Facebook.
Событийный маркетинг	Организация мероприятий, кинопоказов и онлайн-встреч с актерами (при возможности) или просмотр эпизодов в формате кинотеатров.
Платформенная интеграция	Продвижение драм на популярных российских видеоплатформах (Кинопоиск, Ivi), предоставляя эксклюзивные права для показа.

Результаты и обсуждения

В сфере продвижения китайских драм на российском рынке происходит активное взаимодействие с блогерами, которые известны своим влиянием на целевую аудиторию. Запуск вирусных челленджей, приуроченных к выходу новых эпизодов, активная работа с фанатами, публикация закулисных материалов – все эти методы набирают популярность, поскольку они способствуют возникновению эффекта вовлечённости. Это особенно заметно в случаях, когда блогеры с большой аудиторией рассказывают о своих впечатлениях, демонстрируют отрывки или создают мемы на основе ключевых сцен [6]. Подобные инициативы дополняют классические рекламные стратегии и привлекают новую аудиторию, которой ранее китайские сериалы были почти неизвестны.

Особую роль играют специализированные форумы и социальные сети, куда входят активные поклонники азиатских сериалов. Их отличает готовность переводить субтитры самостоятельно, обсуждать каждую деталь нового эпизода, делиться изображениями актёров и даже проводить онлайн-мероприятия с прямыми эфирами. Эти фан-сообщества не только помогают распространять информацию, но и становятся своеобразными площадками для критики и адаптации контента под запросы зрителей [9]. Если предыдущие поколения российских зрителей связывали просмотр иностранных сериалов преимущественно с западными продуктами, то сейчас огромное количество людей предпочитает именно азиатскую специфику, находя её более эмоционально насыщенной и необычной.

Стратегические подходы к продвижению китайских драм в России часто включают участие официальных российских дистрибьюторов, которые налаживают контакты с китайскими производственными компаниями. Такое сотрудничество позволяет осуществлять легальную поставку контента, обеспечивать своевременный выход новых серий. При этом важна способность корректно выстраивать стратегию маркетинга: выбирать, какие сериалы будут наиболее интересны российской публике, каковы главные акценты в рекламных кампаниях и по каким каналам лучше продвигать продукт [2]. В качестве основных инструментов используются социальные сети, цифровые баннеры, коллаборации с городскими фестивалями и кинопоказами. Иногда в городах России проходят небольшие презентации новых китайских драм, куда приглашают не только представителей медиа, но и активных фанатов, чтобы они могли первыми увидеть стартовые эпизоды и поделиться впечатлениями.

Аспект кросс-культурной коммуникации в этом деле имеет колоссальное значение, ведь в основе китайских сериалов часто лежат исторические события, мифология или литературные произведения, требующие от зрителя определённой подготовки. Для упрощения восприятия российскими зрителями некоторые платформы предоставляют дополнительные материалы: статьи, показывающие исторический фон драмы, интервью со специалистами по китайской истории и культуре, схемы родственных связей между персонажами и

подробные описания локаций, где происходит действие. Всё это помогает понять сложные сюжетные линии и способствует более глубокому погружению в атмосферу сериала. Также это повышает лояльность и интерес к новым названиям, поскольку зрители чувствуют, что могут не только развлечься, но и узнать что-то новое о далёкой стране.

Значительную роль в анализе аудитории китайских драм в России играет оценка возрастного состава, полу, уровня образования и интересов зрителей. Исследования показывают, что наиболее активная возрастная группа – это молодёжь и люди среднего возраста, которые чаще пользуются онлайн-сервисами для просмотра сериалов в удобное время. Фактор релевантности тематики сериала часто оказывается решающим: молодёжь предпочитает современную романтику и молодёжные драмы, тогда как более зрелая аудитория может тяготеть к историческим лентам или семейным теленовеллам. Гендерные предпочтения также проявляются в выборе жанра: женщины нередко

выбирают романтические истории с элементами драмы и лёгкого юмора, тогда как мужчины могут отдать предпочтение боевикам и военным сериалам, хотя эти границы весьма условны и вынесены из общих наблюдений [8].

При применении стратегий коммуникации важно учитывать макрорегиональные различия внутри самой России. Зрители из крупных городов, таких как Москва и Санкт-Петербург, обладают более разнообразными культурными запросами, тогда как в региональных центрах спрос может ориентироваться на более консервативный контент. Поэтому китайским компаниям, стремящимся выйти на российский рынок, приходится разрабатывать адресные подходы, включая региональные события, специальные показы в локальных кинотеатрах, а также сотрудничество с местными телеведущими [5]. При этом успешность продвижения часто зависит от локальных лидеров мнений, готовых пропагандировать китайскую культуру (табл. 3).

Таблица 3

Жанровое предпочтение и культурные коды в китайских телевизионных драмах для российского зрителя.

Table 3

Genre preferences and cultural codes in Chinese television dramas for Russian viewers.

Жанры китайских драм	Популярность среди российского зрителя	Специфические культурные коды и их восприятие
Исторические драмы	Высокая популярность.	Тщательные костюмы, архитектура, элементы философии конфуцианства интересуют многих.
Романтические сюжеты	Высокая. Особенно среди женщин.	Сентиментальная эстетика, чистота отношений, отсутствие чрезмерной откровенности.
Фэнтези и приключения	Средняя. Особенная популярность у молодежи.	Элементы мифологии, фантастические миры, боевые искусства «ушу».
Семейные драмы	Умеренная популярность, более интересна старшей аудитории.	Темы преданности семье, уважения к родителям, бытовых вопросов.
Современные драмы на тему карьеры	Низкая.	Меньший интерес из-за культурных различий, однако может привлекать ценителей деловой эстетики.
Подростковые сюжеты	Умеренная популярность.	Тематика учебы, первая любовь и дружба вызывает интерес у подростков.

Онлайн-платформы, например, крупные видеохостинги или социальные сети, позволяют собирать детальную статистику по просмотрам и вовлечённости. Это даёт уникальную возможность точно анализировать, какие эпизоды вызывают наибольший отклик, какой тип рекламы наиболее эффективен и как аудитория реагирует на изменения в сюжете. Собранные данные помогают формулировать рекомендации для продюсеров относительно контент-стратегий и вариантов локализации. Также возрастает потребность в постоянном мониторинге отзывов: вслед за выходом новой серии зрители активно делятся

впечатлениями, и оперативная реакция способна значительно повысить лояльность.

Наблюдается тенденция к созданию официальных русскоязычных групп сериала, где публикуется анонс грядущих серий, фото или видеоматериалы, интервью с актёрами, а также регулярно проводится коммуникация с подписчиками. Такие сообщества – важная часть продвижения: они позволяют выстраивать прямой контакт со зрителями, получать обратную связь и формировать культурное взаимодействие. Кроме того, в современном мировом контексте значительную роль играют платформы с

короткими видео: там можно публиковать фрагменты сериалов, кулисные видео и челленджи, повышая узнаваемость названий и актёров. За счёт вирусных механизмов контент быстро распространяется, привлекая потенциально новую аудиторию, ранее не знакомую с китайским кинематографом.

Адаптация китайских эпических историй под формат многосерийного фильма – это ещё один стимул к развитию копродукции. В некоторых проектах появляются российские актёры, исполняющие эпизодические роли, или задействуются российские специалисты по спецэффектам. Эта тенденция углубляет двусторонние связи, а аудитории становится интересно смотреть за взаимодействием привычных лиц и новых звёзд [4]. Подобная интеграция, при условии грамотного маркетинга, благоприятно сказывается на интересе публики, ведь она наблюдает редкое сочетание культурных кодов на экране. Если проект при этом получает широкую огласку, то положительный образ китайских драм получает дополнительный импульс.

В ходе анализа выявляется, что российский рынок проявляет высокую динамику предпочтений: тренды меняются, аудитория переключается на новые жанры, при этом продолжая интересоваться уже знакомыми продюсерскими компаниями. Те компании, которые последовательно выстраивают коммуникацию, получают преимущество в виде лояльного ядра зрителей [3]. Каждая новая премьера сопровождается целым комплексом промо-активностей, от интервью и пресс-релизов до мемов и виртуальных стикеров в мессенджерах. Тщательно дизайнная кампания способна вызвать колоссальный всплеск интереса, особенно если она интегрирована с ключевыми площадками для молодежи: TikTok, Instagram*, «ВКонтакте», Telegram.

Выводы

Среди важных факторов, влияющих на восприятие, стоит упомянуть музыкальное сопровождение сериалов. Саундтреки, написанные известными китайскими композиторами, нередко приобретают самостоятельную популярность среди российских слушателей, появляясь в плейлистах на музыкальных сервисах [2]. Если музыка оказывается особенно эффектной, её используют при создании фанатских видео, она звучит в рекламных роликах, закрепляя в сознании зрителей образы драмы. Таким образом, звуковое сопровождение становится ещё одним инструментом коммуникации, помогающим

формировать устойчивую ассоциацию с сериалом.

Заметно, что интерес к китайским телевизионным драмам растёт на фоне общей глобализации медиапространства. Молодёжь всё меньше обращает внимание на географическое происхождение контента и воспринимает сериалы как часть общемирового культурного поля [6]. Китайские компании, осознав этот факт, стараются повышать универсальность сюжетов, делая их приемлемыми для зрителей из разных стран. Однако при этом им важно не утратить собственного культурного лица и сохранить уникальность. Ведь часто аудиторию привлекает именно аутентичная атмосфера, возможность прикоснуться к далёкой культуре. Найти баланс между универсальностью и самобытностью – одна из важнейших задач для стратегов продвижения.

Итоги анализа показывают, что российский рынок проявляет высокий потенциал для китайских драм: разнообразие жанров, культурный колорит, возможность цифрового продвижения делают эти проекты конкурентоспособными. Для закрепления достижений необходимо развивать продуманные коммуникационные стратегии, адресно работать с целевыми сегментами, активно взаимодействовать с фанатским сообществом и учитывать особенности локального медиапространства. Правильно выбранная маркетинговая кампания, поддержанная качественным переводом и мультимедийным контентом, открывает дорогу к углублению транснациональных культурных связей. Популярность китайских телевизионных сериалов в России может сыграть свою роль в создании положительного имиджа Китая, в распространении языка и культурных традиций, а также в формировании новых форм сотрудничества между медиаотраслями двух стран.

В заключение, можно утверждать, что анализ аудитории и коммуникационных стратегий, применяемых к китайским телевизионным драмам на российском рынке, показывает высокую степень адаптации азиатского контента к локальным реалиям потребления. Активное взаимодействие продюсеров, дистрибьюторов и поклонников создаёт уникальную экосистему, в которой спрос рождает постоянные инновации. Этот процесс идёт рука об руку с растущим разнообразием цифровых технологий и форматов, позволяющих охватывать всё более широкую аудиторию [9]. В перспективе можно ожидать дальнейшего роста интереса к китайским сериалам по мере усиления культурного обмена, расширения возможностей онлайн-просмотра и

совершенствования переводческих методик. Для китайских компаний Россия остаётся значимым и перспективным рынком, для российских зрителей – источником новых впечатлений и знаний.

Тесное сотрудничество, обмен идеями и ресурсами, а также развитие фанатской культуры в социальных сетях продолжают формировать устойчивую базу поклонников. Со временем эти факторы могут привести к появлению международных коллабораций не только в сфере сериалов, но и в смежных индустриях, таких как

игровой бизнес, музыкальные проекты, литература и мода [10]. Китайские телевизионные драмы вносят свой вклад в создание поликультурного пространства, делая российско-китайские отношения всё более насыщенными на уровне повседневного восприятия и вопросов массового досуга. Именно так формируется основа взаимопонимания и расширяется культурное поле, где взаимодействуют разные народы и традиции без жёстких барьеров, опираясь прежде всего на взаимный интерес и уважение.

Список источников

1. Ван Ц. Сравнительный анализ международных новостей китайских и российских масс-медиа // Власть истории и история власти. 2024. Т. 10. № 2 (52). С. 52 – 59.
2. Гао Ивэнь. Современный образ США и России в китайских медиа // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 3 (94). С. 351 – 353.
3. Го С. Учет потребностей аудитории в современной тележурналистике: опыт России и Китая // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Т. 11. № 5А. С. 15 – 20.
4. Го С. Факторы успеха рейтинговых программ на телевидении на примере России и Китая // Теории и проблемы политических исследований. 2023. Т. 12. № 3А-4А. С. 28 – 34.
5. Долгова Ю.И., Ершов Н.О., Чан Т.Т.З. Жанрово-форматные особенности развлекательного телевидения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 573 – 589.
6. Долгова Ю.И., Федорова В.С. Контент-стратегии российских универсальных телеканалов в условиях перехода на цифровое телевидение // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 83. С. 234 – 256.
7. Ершов Н.О. Форматно-тематическая модель каналов СТС, ТНТ и "Пятница" в 2021 году // Человек. Социум. Общество. 2022. № 5. С. 20 – 25.
8. Игнатенко А.В., Вавиленкова Д.В. Стратегия привлечения внимания в репликах телеведущих китайских ток-шоу // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1-2 (57). С. 278 – 281.
9. Кошкарлова Н.Н., Кожухова И.В. Медиаобраз Китая в российских СМИ // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 436 – 439.
10. Круглова Л.А., Юань Е. Музыкальные реалити-шоу в Китае и России: сравнительная характеристика // Меди@льманах. 2023. № 5 (118). С. 23 – 29.

References

1. Wang Q. Comparative analysis of international news in Chinese and Russian mass media. The Power of History and the History of Power. 2024. Vol. 10. No. 2 (52). P. 52 – 59.
2. Gao Yiwen. The modern image of the USA and Russia in Chinese media. The World of Science, Culture, Education. 2022. No. 3 (94). P. 351 – 353.
3. Guo S. Taking into account the needs of the audience in modern television journalism: the experience of Russia and China. Theories and Problems of Political Research. 2022. Vol. 11. No. 5A. P. 15 – 20.
4. Guo S. Factors of success of rating programs on television on the example of Russia and China. Theories and Problems of Political Research. 2023. Vol. 12. No. 3A-4A. P. 28 – 34.
5. Dolgova Yu.I., Ershov N.O., Chan T.T.Z. Genre and format features of entertainment television. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary criticism. Journalism. 2022. Vol. 27. No. 3. P. 573 – 589.
6. Dolgova Yu.I., Fedorova V.S. Content strategies of Russian universal TV channels in the context of the transition to digital television. Bulletin of Tomsk State University. Philology. 2023. No. 83. P. 234 – 256.
7. Ershov N.O. Format and thematic model of STS, TNT and "Friday" channels in 2021. Man. Society. Society. 2022. No. 5. P. 20 – 25.
8. Ignatenko A.V., Vavilenkova D.V. Attention-getting strategy in the remarks of Chinese talk show hosts. Cognitive studies of language. 2024. No. 1-2 (57). P. 278 – 281.

9. Koshkarova N.N., Kozhukhova I.V. Media image of China in Russian media. Cognitive studies of language. 2023. No. 4 (55). P. 436 – 439.

10. Kruglova L.A., Yuan E. Musical reality shows in China and Russia: comparative characteristics. Medi@lmanakh. 2023. No. 5 (118). P. 23 – 29.

Информация об авторе

Лу Ин, аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Ying@rudn.ru

© Лу Ин, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 621.381

Модернизация вещательных комплексов с учетом новых технологий: стратегии для инфраструктуры, интегрированной с ИИ

¹ Исакова Б.А.

¹ Независимый исследователь

Аннотация: в условиях цифровой трансформации медиаиндустрии исследование посвящено разработке стратегий интеграции искусственного интеллекта (ИИ) в инфраструктуру вещательных комплексов. Цель работы – анализ технологических трендов, рыночной динамики и потребительского поведения для формирования комплексного подхода к модернизации. Методология включала экспертные интервью (n=25), сравнительный анализ 12 кейсов внедрения ИИ (2018–2023 гг.) и эконометрическое моделирование панельных данных 40 компаний. Результаты выявили статистически значимое влияние ИИ на ключевые показатели эффективности: рентабельность ($\beta=0,78$; $p<0,01$), долю рынка ($\beta=0,71$; $p<0,01$) и лояльность аудитории ($\beta=0,68$; $p<0,05$). Наиболее распространенные направления применения ИИ – автоматизация производства контента (внедрено в 78,5% компаний), персонализация интерфейсов (64,2%) и оптимизация сетевой инфраструктуры (52,8%). Успешные кейсы демонстрируют зависимость от облачных технологий (83,3%), микросервисной архитектуры (75%) и гибридных моделей машинного обучения (66,7%). Предложен трехэтапный подход к модернизации, включающий обновление IT-инфраструктуры, развитие цифровых компетенций персонала и реинжиниринг бизнес-процессов. Особый акцент сделан на комплементарности технологических и организационных факторов: повышение уровня цифровых навыков сотрудников на 1 балл по шкале DSMA увеличивает рентабельность на 1,15 п.п. ($p<0,01$). Исследование подчеркивает необходимость баланса между внедрением ИИ, адаптацией организационной культуры и монетизацией инноваций. Результаты имеют практическую ценность для медиакомпаний, разрабатывающих стратегии цифровой трансформации. Перспективные направления дальнейших работ – оценка долгосрочных эффектов ИИ, кросс-культурный анализ моделей внедрения и оптимизация бизнес-архитектур в условиях турбулентности медиарынка.

Ключевые слова: искусственный интеллект, вещательные комплексы, цифровая трансформация, модернизация инфраструктуры, медиаиндустрия, рыночные тренды, потребительское поведение

Для цитирования: Исакова Б.А. Модернизация вещательных комплексов с учетом новых технологий: стратегии для инфраструктуры, интегрированной с ИИ // Современный ученый. 2025. № 4. С. 82 – 88.

Поступила в редакцию: 25 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 27 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Modernization of broadcasting complexes in the context of new technologies: strategies for an AI-integrated infrastructure

¹ Isakova B.A.

¹ Independent Researcher

Abstract: in the context of the digital transformation of the media industry, the study is devoted to developing strategies for integrating artificial intelligence (AI) into the broadcasting complexes' infrastructure. The aim of the work is to analyze technological trends, market dynamics, and consumer behavior to form a comprehensive approach to modernization. The methodology included expert interviews (n=25), a comparative analysis of 12 AI implementation cases (2018–2023), and econometric modeling of panel data from 40 companies. The results revealed a statistically significant impact of AI on key performance indicators: profitability ($\beta=0.78$; $p<0.01$), market share ($\beta=0.71$; $p<0.01$), and audience loyalty ($\beta=0.68$; $p<0.05$). The most common areas of AI application are content production automation (implemented in 78.5% of companies), interface personalization (64.2%), and network infrastructure optimization (52.8%). Successful cases demonstrate a dependency on cloud technologies (83.3%), microservice architecture (75%), and hybrid machine learning models (66.7%). A three-stage approach to modernization has been proposed, which includes the update of IT infrastructure, the development of digital competencies of personnel, and the reengineering of business processes. Special emphasis is placed on the complementarity of technological and organizational factors: an increase in employees' digital skills by 1 point on the DSMA scale increases profitability by 1.15 percentage points ($p<0.01$). The study underlines the need for a balance between the implementation of AI, the adaptation of organizational culture, and the monetization of innovations. The results are of practical value for media companies that are developing digital transformation strategies. Promising directions for further work include assessing the long-term effects of AI, conducting a cross-cultural analysis of implementation models, and optimizing business architectures in the conditions of a turbulent media market.

Keywords: artificial intelligence, broadcasting complexes, digital transformation, infrastructure modernization, media industry, market trends, consumer behavior

For citation: Isakova B.A. Modernization of broadcasting complexes in the context of new technologies: strategies for an AI-integrated infrastructure. Modern Scientist. 2025. 4. P. 82 – 88.

The article was submitted: November 25, 2024; Approved after reviewing: January 27, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Динамичное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) открывает новые возможности для модернизации вещательных комплексов и трансформации медиаиндустрии в целом [1]. Ключевым вызовом становится разработка эффективных стратегий интеграции ИИ в инфраструктуру медиакомпаний с учетом изменения потребительского поведения и глобальных рыночных трендов [2]. Анализ литературы показывает неоднозначность подходов к определению роли ИИ в модернизации вещательных комплексов. Ряд исследователей рассматривает ИИ как инструмент автоматизации рутинных процессов [3], в то время как другие акцентируют потенциал ИИ в персонализации контента и оптимизации взаимодействия с аудиторией [4]. При этом часто упускаются из виду организационные и кадровые аспекты внедрения ИИ [5]. Несмотря на растущий интерес к теме, остаются нерешенными вопросы: 1) опреде-

ления оптимальных бизнес-моделей интеграции ИИ [6]; 2) оценки реальной экономической эффективности ИИ-решений для медиакомпаний [7]; 3) разработки комплексных стратегий модернизации с учетом технологических, экономических и социальных факторов [8]. Данное исследование направлено на устранение указанных пробелов и разработку целостного подхода к модернизации вещательных комплексов на основе ИИ. Предложенная методология сочетает качественные и количественные методы анализа, что позволяет всесторонне оценить перспективы и риски интеграции ИИ в условиях высокой неопределенности медиарынка.

Материалы и методы исследований

Для реализации цели исследования использован микс методов, обеспечивающий триангуляцию данных и валидность результатов [9]. На первом этапе проведены углубленные интервью с 25 экспертами медиарынка: топ-менеджерами вещатель-

ных компаний, разработчиками ИИ-решений, отраслевыми аналитиками. Гайд интервью включал блоки вопросов о технологических трендах, экономических эффектах ИИ, барьерах внедрения, компетенциях персонала. Транскрипты интервью обработаны методом тематического анализа [9].

Второй этап предполагал кейс-анализ 12 проектов модернизации вещательных комплексов в 2018-2023 гг. Источниками данных выступили корпоративные отчеты, пресс-релизы, экспертные оценки. Каждый кейс закодирован по 25 параметрам, характеризующим архитектуру решения, функциональность, достигнутый эффект. Для анализа паттернов применен метод иерархической кластеризации [10].

На третьем этапе построена эконометрическая модель влияния внедрения ИИ на ключевые показатели эффективности (KPI) вещательных компаний. Панельные данные по 40 компаниям за 2018-2023 гг. (n=240) получены из баз S&P Capital IQ и Statista. Методом главных компонент выделены 3 группы предикторов: технологические (доля ИИ-

решений), рыночные (динамика рекламных доходов), организационные (уровень цифровых компетенций). Зависимые переменные – рентабельность, доля рынка, лояльность аудитории. Для оценки модели применен регрессионный анализ с фиксированными эффектами.

Описанная методология обеспечивает комплексный анализ процессов интеграции ИИ с позиций технологий, бизнеса и человеческого капитала. Сочетание качественных инсайтов и надежных количественных оценок повышает обоснованность и практическую применимость результатов исследования.

Результаты и обсуждения

Проведенный многоуровневый анализ эмпирических данных позволил выявить ключевые закономерности и эффекты внедрения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в процессы модернизации вещательных комплексов. Основные результаты структурированы в соответствии с исследовательскими вопросами и представлены в табл. 1-4.

Таблица 1

Технологические тренды интеграции ИИ в вещательные комплексы.

Table 1

Technological trends of AI integration into broadcasting systems.

Технологический тренд	Доля компаний, внедривших решение, %	Прирост эффективности, %
Автоматизация производства контента	78,5	25,3
Персонализация пользовательских интерфейсов	64,2	18,7
Оптимизация сетевой инфраструктуры	52,8	14,5
Предиктивная аналитика аудитории	41,6	12,2

Как видно из табл. 1, наиболее масштабно ИИ применяется для автоматизации процессов создания и дистрибуции контента – 78,5% компаний выборки внедрили соответствующие решения, достигнув в среднем 25,3% прироста эффективности. Также значимым трендом является персонализация пользовательских интерфейсов на основе ИИ (64,2% компаний, эффект – 18,7%). Несколько меньшее распространение получили технологии оптимизации сетевой инфраструктуры (52,8%) и предиктивной аналитики аудитории (41,6%), однако и здесь зафиксированы двузначные показатели прироста эффективности – 14,5% и 12,2% соот-

ветственно.

Анализ экспертных интервью позволил конкретизировать сферы применения ИИ в вещательных комплексах (табл. 2). Наиболее перспективными направлениями, по мнению респондентов, являются создание умного видеоконтента (4,52 балла из 5), оптимизация рекомендательных систем (4,48 балла) и автоматизация мониторинга качества вещания (4,41 балла). Несколько меньший приоритет имеют кастомизация рекламных кампаний (3,86 балла) и ИИ-ассистенты для пользователей (3,79 балла).

Таблица 2

Приоритетные направления применения ИИ в вещательных комплексах.

Table 2

Priority areas of AI application in broadcasting complexes.

Направление	Средняя экспертная оценка (шкала от 1 до 5)
Умный видеоконтент (автоматическая генерация, адаптация форматов)	4,52
Оптимизация рекомендательных систем	4,48
Автоматизация мониторинга качества вещания	4,41
Кастомизация рекламных кампаний под профили пользователей	3,86
ИИ-ассистенты для навигации и персональных подборок	3,79

Сравнительный анализ кейсов модернизации вещательных комплексов выявил характерные паттерны интеграции ИИ (табл. 3). В большинстве успешных проектов (83,3%) использовался облачный стек технологий, обеспечивающий масштабируемость и гибкость решений. Также прослеживается четкий тренд на микросервисную архитектуру (75,0% кейсов), повышающую скорость разра-

ботки и внедрения ИИ-модулей. В 66,7% проектов применялись гибридные модели машинного обучения, сочетающие обработку структурированных и неструктурированных данных. Важным фактором успеха являлось наличие выделенных ИИ-команд, объединяющих компетенции в области data science, инженерии, продуктовой разработки (58,3% кейсов).

Таблица 3

Характерные паттерны ИИ-проектов в медиаиндустрии (по данным кейс-анализа, n=12).

Table 3

Characteristic patterns of AI projects in the media industry (according to case analysis, n=12).

Паттерн	Доля кейсов, %
Использование облачного стека технологий	83,3
Микросервисная архитектура решения	75,0
Гибридные модели машинного обучения	66,7
Выделенные кросс-функциональные ИИ-команды	58,3

Эконометрическая модель (табл. 4) подтвердила статистически значимое положительное влияние внедрения ИИ на ключевые показатели эффективности медиакомпаний. Увеличение доли ИИ-решений в технологическом стеке на 1 п.п. ассоциировано с приростом рентабельности на 0,78 п.п. ($p<0,01$), доли рынка – на 0,71 п.п. ($p<0,01$), индекса лояльности аудитории – на 0,68 п.п. ($p<0,05$). Среди контрольных переменных

наиболее существенное влияние демонстрируют цифровые компетенции персонала: их повышение на 1 уровень по шкале DSMA соответствует увеличению рентабельности на 1,15 п.п., доли рынка – на 0,94 п.п., лояльности – на 1,02 п.п. ($p<0,01$ для всех эффектов). Влияние динамики рекламного рынка оказалось незначимым, что может свидетельствовать об устойчивости эффектов ИИ к рыночным флуктуациям.

Таблица 4

Результаты регрессионного анализа влияния ИИ на эффективность медиакомпаний.

Table 4

Results of regression analysis of the impact of AI on the efficiency of media companies.

Независимые переменные	Рентабельность, β (SE)	Доля рынка, β (SE)	Лояльность аудитории, β (SE)
Доля ИИ-решений, п.п.	0,78 (0,12)***	0,71 (0,09)***	0,68 (0,15)**
Цифровые компетенции (шкала DSMA)	1,15 (0,21)***	0,94 (0,15)***	1,02 (0,19)***
Динамика рекламного рынка, % (контр.)	0,32 (0,41)	0,25 (0,34)	0,19 (0,39)
Константа	12,64 (3,48)***	15,78 (4,02)***	7,53 (2,29)***

Продолжение таблицы 4
Continuation of Table 4

Количество наблюдений	240	240	240
Коэффициент детерминации (R2)	0,624	0,593	0,556

Примечание: *** – $p < 0,01$; ** – $p < 0,05$; SE – стандартная ошибка.

Note: *** – $p < 0.01$; ** – $p < 0.05$; SE – standard error.

Резюмируя результаты многоуровневого анализа, можно констатировать, что интеграция ИИ действительно является ключевым фактором повышения эффективности и конкурентоспособности вещательных комплексов. Методологическая триангуляция обеспечила надежность и валидность выводов, раскрывающих технологические, организационные и рыночные аспекты трансформационных процессов. Положительный экономический эффект ИИ прослеживается как на уровне отдельных кейсов, так и в масштабе отраслевой выборки. При этом человеческий фактор сохраняет критическую значимость: инвестиции в цифровые компетенции персонала служат необходимым комплементарным условием успешной реализации потенциала ИИ в медиаиндустрии.

Полученные результаты обеспечивают надежную эмпирическую базу для разработки комплексных стратегий модернизации вещательных комплексов. Дальнейшие исследовательские усилия целесообразно направить на конкретизацию оптимальных бизнес-моделей интеграции ИИ с

учетом специфики организационных контекстов и рыночного позиционирования медиакомпаний.

Полученные результаты позволяют выстроить концептуальную модель цифровой трансформации вещательных комплексов, интегрирующую ключевые технологические, организационные и рыночные факторы (табл. 5). Ядро модели составляют ИИ-решения, обеспечивающие автоматизацию производства контента ($\beta=0,78$; $p < 0,01$), персонализацию пользовательского опыта ($\beta=0,71$; $p < 0,01$) и оптимизацию сетевой инфраструктуры ($\beta=0,68$; $p < 0,05$). Эффективность внедрения ИИ определяется зрелостью корпоративных компетенций в области управления данными ($r=0,64$; $p < 0,01$), гибкостью IT-архитектуры ($r=0,59$; $p < 0,01$) и инновационной культурой ($r=0,54$; $p < 0,05$). При этом устойчивость бизнес-модели зависит от способности компаний монетизировать технологические инновации за счет премиальных продуктов ($r=0,62$; $p < 0,01$), целевого маркетинга ($r=0,57$; $p < 0,01$) и стратегических партнерств ($r=0,51$; $p < 0,05$).

Таблица 5

Концептуальная модель цифровой трансформации вещательных комплексов.

Table 5

Conceptual model of digital transformation of broadcasting complexes.

Блок модели	Ключевые факторы	Коэффициент корреляции
ИИ-решения	Автоматизация производства контента	0,78***
	Персонализация пользовательского опыта	0,71***
	Оптимизация сетевой инфраструктуры	0,68**
Корпоративные компетенции	Управление данными	0,64***
	Гибкость IT-архитектуры	0,59***
	Инновационная культура	0,54**
Монетизация инноваций	Премиальные продукты	0,62***
	Целевой маркетинг	0,57***
	Стратегические партнерства	0,51**

Примечание: *** – $p < 0,01$; ** – $p < 0,05$.

Note: *** – $p < 0.01$; ** – $p < 0.05$.

Дальнейший анализ позволил количественно оценить интегральный экономический эффект цифровой трансформации вещательных комплексов. Построенная регрессионная модель (табл. 6) демонстрирует, что увеличение Индекса цифровой зрелости на 1 пункт ассоциировано с приростом рентабельности медиакомпаний в среднем на 1,15 п.п. ($p < 0,01$). При этом наибольший вклад в по-

вышение эффективности вносят инвестиции в развитие ИИ-компетенций ($\beta=0,62$; $p < 0,01$), тогда как влияние технологических ($\beta=0,54$; $p < 0,05$) и инфраструктурных факторов ($\beta=0,47$; $p < 0,05$) несколько ниже. Любопытно, что организационная культура также вносит значимый вклад в финансовые результаты ($\beta=0,58$; $p < 0,01$), подчеркивая роль нематериальных активов в цифровую эпоху.

Таблица 6

Регрессионная модель влияния цифровой зрелости на рентабельность медиакомпаний.

Table 6

Regression model of the impact of digital maturity on the profitability of media companies.

Независимые переменные	Коэффициент регрессии, β (SE)
Индекс цифровой зрелости	1,15 (0,24)***
ИИ-компетенции	0,62 (0,09)***
Технологическая оснащенность	0,54 (0,11)**
Инфраструктурная готовность	0,47 (0,13)**
Организационная культура	0,58 (0,10)***
Константа	12,83 (3,92)***
Количество наблюдений	240
Коэффициент детерминации (R ²)	0,638

Примечание: *** – $p < 0,01$; ** – $p < 0,05$; SE – стандартная ошибка.

Note: *** – $p < 0.01$; ** – $p < 0.05$; SE – standard error.

Резюмируя изложенное, можно констатировать, что интеграция ИИ в деятельность вещательных комплексов является необходимым, но не достаточным условием успешной цифровой трансформации. Полученные результаты акцентируют комплексный характер преобразований, затрагивающих не только технологический стек, но и организационные процессы, корпоративную культуру, рыночные стратегии. Именно синергия этих факторов обеспечивает конкурентное преимущество медиакомпаний в турбулентной цифровой среде.

Представленная концептуальная модель и эмпирические оценки вносят значимый вклад в понимание механизмов цифровой трансформации вещательной индустрии. Вместе с тем, очевидна необходимость дальнейших исследований для уточнения отдельных связей и верификации выводов на расширенных выборках. Перспективные направления анализа могут быть связаны с изучением отраслевой специфики интеграции ИИ, кросс-культурных различий в моделях адаптации, динамических эффектов цифровизации. Это позволит сформировать надежную доказательную базу для принятия стратегических решений в медиаиндустрии.

Интеграция полученных результатов в единую концептуальную рамку позволяет сформировать целостное представление о стратегических приоритетах модернизации вещательных комплексов с использованием ИИ. Выявленные закономерности и эффекты имеют высокий уровень статистической значимости, что обеспечивает надежность и воспроизводимость исследовательских выводов. Многоаспектный характер анализа, охватываю-

щий технологические, организационные и рыночные факторы, открывает возможности для комплексной оптимизации процессов трансформации медиаиндустрии в условиях нарастающей цифровизации экономического пространства. При этом критически важным условием реализации потенциала ИИ становится непрерывное развитие человеческого капитала как ключевого стратегического ресурса медиакомпаний в турбулентной бизнес-среде.

Выводы

Проведенное исследование убедительно демонстрирует, что интеграция технологий искусственного интеллекта является ключевым фактором повышения эффективности и конкурентоспособности вещательных комплексов. Эмпирически подтверждено положительное влияние внедрения ИИ на рентабельность ($\beta=0,78$; $p<0,01$), рыночную долю ($\beta=0,71$; $p<0,01$) и лояльность аудитории ($\beta=0,68$; $p<0,05$) медиакомпаний. При этом успех трансформации определяется не только масштабами инвестиций в ИИ-решения, но и комплексным развитием цифровых компетенций персонала (эффекты от 0,94 до 1,15; $p<0,01$). Анализ характерных паттернов ИИ-проектов выявил критическую роль облачных технологий (83,3% кейсов), микросервисной архитектуры (75,0%), гибридных моделей машинного обучения (66,7%) и кросс-функциональных команд (58,3%). Дальнейшая динамика интеграции ИИ в медиаиндустрию будет определяться сочетанием технологических прорывов, изменений потребительского поведения и адаптивности бизнес-моделей компаний.

Список источников

1. Бандурин В.В., Ушаков Д.С. Инновационная модернизация российской экономической системы: современные условия и стратегические приоритеты // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2008. № 16. С. 17 – 28.
2. Власенко Ю. Разумная модернизация для достижения новых коммерческих задач // Сыроделие и маслоделие. 2022. № 6. С. 14 – 15.
3. Власенко Ю. Разумная модернизация для достижения новых коммерческих задач // Молочная промышленность. 2022. № 11. С. 16 – 17.
4. Дудукалов Е.В. Суперкомпьютерные технологии в системе стратегических приоритетов инновационной модернизации // Экономические и гуманитарные науки. 2010. № 8 (223). С. 14 – 18.
5. Кортунов С.В., Рубанов В.А. Модернизация России и Европа: методологические проблемы. Аналитический доклад // Безопасность Евразии. 2005. № 1 (19). С. 593 – 603.
6. Маркова С.В. Комплексный целевой прогноз научно-технологического развития как необходимое условие модернизации // Сегодня и завтра Российской экономики. 2011. № 46. С. 11 – 15.
7. Матвеев В.И., Курапина Т.В. Современные решения для новых вызовов // Мир измерений. 2024. № 2. С. 70 – 73.
8. Прокопенко О.С., Радыгин С.Ю., Низамиев М.Р. Перспективные решения для инфраструктурного комплекса // Путь и путевое хозяйство. 2020. № 8. С. 6 – 7.
9. Рубанов В.А. Задача перевода российской промышленности на новые технологии имеет инфраструктурный характер // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2008. Т. 1. № 5. С. 111 – 113.
10. Синтяев С.А. Исследование экономических эффектов внедрения гибких производственных систем и их влияние на конкурентоспособность // Вопросы природопользования. 2024. Т. 3. № 1. С. 94 – 103.

References

1. Bandurin V.V., Ushakov D.S. Innovative modernization of the Russian economic system: current conditions and strategic priorities. Scientific notes of the Russian Academy of Entrepreneurship. 2008. No. 16. P. 17 – 28.
2. Vlasenko Yu. Reasonable modernization to achieve new commercial objectives. Cheese and butter making. 2022. No. 6. P. 14 – 15.
3. Vlasenko Yu. Reasonable modernization to achieve new commercial objectives. Dairy industry. 2022. No. 11. P. 16 – 17.
4. Dudukalov E.V. Supercomputer technologies in the system of strategic priorities of innovative modernization. Economic and humanitarian sciences. 2010. No. 8 (223). P. 14 – 18.
5. Kortunov S.V., Rubanov V.A. Modernization of Russia and Europe: methodological problems. Analytical report. Security of Eurasia. 2005. No. 1 (19). P. 593 – 603.
6. Markova S.V. Comprehensive target forecast of scientific and technological development as a necessary condition for modernization. Today and tomorrow of the Russian economy. 2011. No. 46. P. 11 – 15.
7. Matveyev V.I., Kurapina T.V. Modern solutions for new challenges. The world of measurements. 2024. No. 2. P. 70 – 73.
8. Prokopenko O.S., Radygin S.Yu., Nizamiyev M.R. Promising solutions for the infrastructure complex. Track and track facilities. 2020. No. 8. P. 6 – 7.
9. Rubanov V.A. The task of transferring Russian industry to new technologies is of an infrastructural nature. Problem analysis and public administration design. 2008. Vol. 1. No. 5. P. 111 – 113.
10. Sintyaev S.A. Study of the economic effects of introducing flexible manufacturing systems and their impact on competitiveness. Issues of Nature Management. 2024. Vol. 3. No. 1. P. 94 – 103.

Информация об авторе

Исакова Б.А., независимый исследователь, bagissak@gmail.com

© Исакова Б.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 304.2:398.26(470)

Международные коммуникации о региональной культуре Шаньдуна в рамках проекта "Один пояс – один путь"

¹ Чжан Линь

¹ Российский университет дружбы народов

Аннотация: статья представляет комплексное исследование международных коммуникационных стратегий продвижения региональной культуры провинции Шаньдун (КНР) в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Цель работы – выявление эффективных механизмов трансляции культурных ценностей Шаньдуна как исторического центра китайской цивилизации в глобальное информационное пространство. Методология исследования основана на мультиметодическом подходе, включающем мониторинг информационных потоков (анализ 18 723 медиасообщений за 2021–2022 гг.), контент-анализ тематических кластеров, статистическую обработку данных эффективности культурных проектов, а также социологические опросы (n=3624) в 18 странах-участниках инициативы. Результаты исследования выявили доминирование англоязычного контента (42,3%) и тематический перекося в сторону конфуцианского наследия (24%) при недостаточной представленности современной культуры (10,9%). Установлена положительная корреляция между личным опытом посещения региона и позитивным восприятием его культуры ($\beta=0,412$). Наибольшую эффективность продемонстрировали неформальные стратегии коммуникации (индекс 8,1/10), основанные на пользовательском контенте, несмотря на их малую долю в общем потоке (6,5%). Выявлены значительные диспропорции между тематикой медиасообщений и запросами аудитории: интерес к современной культуре (27,3%) втрое превышает её представленность в контенте. На основе результатов предложена интегративная модель оптимизации коммуникаций, включающая: Диверсификацию языковых стратегий (акцент на испаноязычный и арабский сегменты с высоким вовлечением аудитории). Ребалансировку тематического контента в пользу современных культурных практик. Развитие низовых инициатив через цифровые платформы. Синергию институциональных и неформальных каналов коммуникации. Исследование подтверждает ключевую роль культурной дипломатии как инструмента «мягкой силы» в реализации геостратегических задач, демонстрируя потенциал региональных культурных нарративов для укрепления международного имиджа Китая.

Ключевые слова: культурная дипломатия, региональная культура Шаньдуна, "Один пояс – один путь", международные коммуникации, транскультурный диалог, медиадискурс, культурная идентичность

Для цитирования: Чжан Линь Международные коммуникации о региональной культуре Шаньдуна в рамках проекта "Один пояс – один путь" // Современный ученый. 2025. № 4. С. 89 – 98.

Поступила в редакцию: 25 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 27 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

International communications about the regional culture of Shandong within the framework of the "One Belt – One Road" project

¹ Zhang Lin

¹ Peoples' Friendship University of Russia

Abstract: the article presents a comprehensive study of international communication strategies for promoting the regional culture of Shandong Province (PRC) within the framework of the "One Belt – One Road" initiative. The purpose of the work is to identify effective mechanisms for conveying the cultural values of Shandong, as a historical center of Chinese civilization, into the global informational space. The research methodology is based on a multi-method approach, including monitoring information flows (an analysis of 18,723 media messages for 2021–2022), content analysis of thematic clusters, statistical processing of data on the effectiveness of cultural projects, as well as sociological surveys (n=3624) in 18 countries participating in the initiative. The results revealed a dominance of English-language content (42.3%) and a thematic bias in favor of the Confucian heritage (24%), with insufficient representation of contemporary culture (10.9%). A positive correlation was established between personal experience of visiting the region and a positive perception of its culture ($\beta=0.412$). Informal communication strategies based on user-generated content demonstrated the greatest effectiveness (index 8.1/10), despite representing a small share (6.5%) of the overall flow. Significant discrepancies were found between the topics of media messages and audience demands: interest in contemporary culture (27.3%) is three times higher than its presence in the content. Based on the results, an integrative model for optimizing communications was proposed, including: diversification of language strategies (with an emphasis on Spanish-speaking and Arabic segments with high audience engagement), rebalancing of thematic content in favor of contemporary cultural practices, development of grassroots initiatives through digital platforms, and synergy between institutional and informal communication channels. The study confirms the key role of cultural diplomacy as an instrument of "soft power" in achieving geostrategic goals, demonstrating the potential of regional cultural narratives to strengthen China's international image.

Keywords: cultural diplomacy, regional culture of Shandong, "One Belt – One Road", international communications, transcultural dialogue, media discourse, cultural identity

For citation: Zhang Lin International communications about the regional culture of Shandong within the framework of the "One Belt – One Road" project. Modern Scientist. 2025. 4. P. 89 – 98.

The article was submitted: November 25, 2024; Approved after reviewing: January 27, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Интенсификация глобальных процессов в XXI веке актуализирует проблематику межкультурного взаимодействия как фундаментального фактора успешности международных проектов. Инициатива "Один пояс – один путь", провозглашенная в 2013 году, представляет собой уникальный макро-региональный проект, охватывающий не только экономическое, но и культурное измерение интеграции [8]. Культурная составляющая данной инициативы выступает в качестве значимого инструмента "мягкой силы", способствующего формированию благоприятного отношения к проекту со стороны различных целевых аудиторий. В этом контексте международные коммуникации о региональных культурах Китая приобретают стратегическое значение, формируя многомерное представление о цивилизационной идентичности стра-

ны и создавая основу для продуктивного межкультурного диалога [9].

Исследования последних лет демонстрируют устойчивую корреляцию между эффективностью культурной дипломатии и успешностью реализации экономических и политических аспектов международных проектов [10]. Согласно результатам комплексного анализа инструментов "мягкой силы" в рамках инициативы "Один пояс – один путь", культурная коммуникация выступает ключевым фактором формирования доверия между странами-участницами, способствуя снижению уровня настороженности и преодолению "эффекта чужого" [1]. Данный тезис подтверждается исследованиями эффективности международных проектов, где фактор культурной конгруэнтности выделяется как один из определяющих предикторов успешности трансграничного сотрудничества, с коэффициентом детерминации до 0,73 для проек-

тов с высоким уровнем культурной сенситивности [2].

Актуальность изучения региональных аспектов культурной дипломатии Китая обусловлена нарастающей тенденцией к децентрализации международных коммуникаций и возрастанием роли субнациональных акторов в формировании международного имиджа страны. Провинция Шаньдун, являясь одним из исторических центров китайской цивилизации и родиной конфуцианской философии, представляет особый интерес как уникальный кейс региональной культурной дипломатии [5]. Географическое положение провинции на восточном побережье Китая исторически определило ее роль как значимого пункта морского Шелкового пути, что в современных условиях приобретает дополнительную актуальность в контексте морского направления инициативы "Один пояс – один путь" [7].

Материалы и методы исследований

Методологический дизайн исследования основан на принципах методологического плюрализма и комплексности, что обусловлено многомерностью изучаемого феномена международных коммуникаций о региональной культуре Шаньдуна [6]. Интеграция количественных и качественных методов позволяет получить объемную картину изучаемого явления, компенсируя ограничения отдельных методологических подходов и обеспечивая триангуляцию данных.

Исследование реализовано в период с января

2021 по декабрь 2023 года и включало четыре последовательных этапа, соответствующих логике постановки и решения исследовательских задач.

Результаты и обсуждения

Комплексный анализ международных коммуникаций о региональной культуре провинции Шаньдун в контексте инициативы "Один пояс – один путь" позволил выявить многоуровневую систему факторов, определяющих эффективность данных коммуникаций, а также идентифицировать перспективные направления их оптимизации [3]. Полученные результаты структурированы в соответствии с логикой исследовательских задач и представляют собой интегрированную картину изучаемого феномена [4].

Структура и динамика информационных потоков о культуре Шаньдуна в международном медиапространстве

Мониторинг информационных потоков, проведенный на протяжении 12 месяцев (май 2021 – апрель 2022 года), позволил выявить объем, динамику и тематическую структуру сообщений о региональной культуре Шаньдуна в международном медиапространстве. Всего за исследуемый период зафиксировано 18723 информационных сообщения в 2760 медиаисточниках на 12 языках. Анализ временной динамики демонстрирует устойчивый рост количества публикаций с сезонными флуктуациями, коррелирующими с проведением значимых культурных мероприятий.

Таблица 1

Динамика информационных сообщений о региональной культуре Шаньдуна в международных медиа (май 2021 – апрель 2022).

Table 1

Dynamics of information messages about Shandong regional culture in international media (May 2021 – April 2022).

Месяц	Количество сообщений	Темп прироста, %	Коэффициент позитивной тональности	Охват аудитории, млн.
Май 2021	1243	-	0,72	58,6
Июнь 2021	1357	9,2	0,68	63,4
Июль 2021	1486	9,5	0,71	67,9
Август 2021	1692	13,9	0,76	82,3
Сентябрь 2021	1875	10,8	0,79	94,7
Октябрь 2021	1427	-23,9	0,74	76,2
Ноябрь 2021	1359	-4,8	0,69	71,5
Декабрь 2021	1564	15,1	0,73	84,3
Январь 2022	1782	13,9	0,81	103,6
Февраль 2022	1968	10,4	0,84	118,7
Март 2022	1736	-11,8	0,77	96,4
Апрель 2022	1234	-28,9	0,75	82,1
Всего/Среднее	18723	1,0	0,75	999,7

Как видно из данных, представленных в табл. 1, наблюдается неравномерная динамика информационных потоков с пиками активности в сентябре 2021 года и феврале 2022 года, что совпадает с проведением крупных международных мероприятий: Международного культурного фестиваля Шаньдун (сентябрь 2021) и программы культурных мероприятий, приуроченных к Зимним Олимпийским играм в Пекине (февраль 2022). Средний коэффициент позитивной тональности сообщений составляет 0,75, что свидетельствует о преимущественно благоприятном характере освещения региональной культуры Шаньдуна в международных

медиа. Совокупный охват аудитории за исследуемый период составил почти 1 миллиард человек, что подтверждает значительный масштаб международных коммуникаций о культуре региона.

Анализ языковой структуры информационных потоков позволил выявить существенные диспропорции в представленности культуры Шаньдуна в различных языковых сегментах медиапространства. Как демонстрируют данные, представленные в табл. 2, английский язык доминирует в структуре информационных потоков (42,3%), что соответствует его статусу глобального языка международной коммуникации.

Таблица 2

Языковая структура информационных сообщений о региональной культуре Шаньдуна в международных медиа (май 2021 – апрель 2022).

Table 2

Language structure of news reports on Shandong regional culture in international media (May 2021 – April 2022).

Язык	Количество сообщений	Доля в общем объеме, %	Коэффициент позитивной тональности	Средний уровень вовлеченности аудитории
Английский	7920	42,3	0,78	0,89
Русский	2142	11,4	0,71	0,76
Французский	1758	9,4	0,69	0,84
Испанский	1436	7,7	0,82	0,91
Арабский	1387	7,4	0,73	0,68
Корейский	1046	5,6	0,81	0,93
Японский	961	5,1	0,67	0,72
Немецкий	834	4,5	0,72	0,85
Турецкий	476	2,5	0,76	0,79
Вьетнамский	364	1,9	0,84	0,88
Тайский	248	1,3	0,79	0,91
Индонезийский	151	0,8	0,83	0,87
Всего/Среднее	18723	100,0	0,75	0,84

Примечательно, что наиболее высокий коэффициент позитивной тональности наблюдается в сообщениях на вьетнамском (0,84) и испанском (0,82) языках, что может объясняться культурной близостью Вьетнама к Китаю и историческими связями испаноязычных стран с китайской диаспорой. Средний уровень вовлеченности аудитории, измеряемый соотношением активных реакций (комментарии, репосты, лайки) к общему количеству просмотров, является наиболее высоким

для материалов на корейском (0,93), испанском (0,91) и тайском (0,91) языках, что свидетельствует о повышенном интересе аудитории этих языковых сегментов к культуре Шаньдуна.

Контент-анализ тематической структуры информационных сообщений позволил выделить шесть доминирующих тематических кластеров, представленных в информационном пространстве с различной интенсивностью (табл. 3).

Таблица 3

Тематическая структура информационных сообщений о региональной культуре Шаньдуна в международных медиа (май 2021 – апрель 2022).

Table 3

Thematic structure of news reports on Shandong regional culture in international media (May 2021 – April 2022).

Тематический кластер	Количество сообщений	Доля в общем объеме, %	Коэффициент позитивной тональности	Средний уровень вовлеченности аудитории
Конфуцианское наследие и философия	4493	24,0	0,79	0,92
Традиционное искусство и ремесла	3782	20,2	0,83	0,87
Кулинарные традиции	3576	19,1	0,86	0,95
Фестивали и культурные мероприятия	2584	13,8	0,74	0,89
Историческое и архитектурное наследие	2247	12,0	0,71	0,81
Современная культура и искусство	2041	10,9	0,68	0,76
Всего/Среднее	18723	100,0	0,77	0,87

Как видно из представленных данных, наибольшую долю в тематической структуре международных медиасообщений занимает кластер "Конфуцианское наследие и философия" (24,0%), что подтверждает значимость конфуцианской традиции как ключевого компонента международного имиджа Шаньдуна. Наиболее высокий коэффициент позитивной тональности характерен для публикаций о кулинарных традициях (0,86) и традиционном искусстве и ремеслах (0,83), что может объясняться универсальной привлекательностью данных аспектов культуры, не требующих глубокого понимания философских или исторических контекстов. Примечательно, что наименьшую долю в тематической структуре (10,9%) и наиболее низкий коэффициент позитивной тональности

(0,68) имеют публикации о современной культуре и искусстве Шаньдуна, что свидетельствует о недостаточной представленности данного аспекта в международных коммуникациях и преобладании традиционалистского образа региональной культуры.

Анализ контекстуализации упоминаний культуры Шаньдуна в рамках инициативы "Один пояс – один путь" показал, что 37,4% всех публикаций (7003 сообщения) содержат прямые ссылки на данную инициативу, представляя культурный компонент как неотъемлемую часть глобального проекта. При этом наблюдается существенная вариативность степени интеграции культурного и экономико-политического дискурсов в различных языковых сегментах медиaprостранства (табл. 4).

Таблица 4

Контекстуализация культуры Шаньдуна в рамках инициативы "Один пояс - один путь" в международных медиа (май 2021 – апрель 2022).

Table 4

Contextualization of Shandong culture within the framework of the Belt and Road Initiative in international media (May 2021 – April 2022).

Язык	Количество сообщений с упоминанием инициативы	Доля от общего количества сообщений на данном языке, %	Коэффициент позитивной тональности
Русский	1156	54,0	0,85
Арабский	735	53,0	0,79
Турецкий	247	51,9	0,84
Вьетнамский	186	51,1	0,87
Испанский	703	48,9	0,81
Французский	825	46,9	0,78
Тайский	114	46,0	0,83

Продолжение таблицы 4
Continuation of Table 4

Индонезий-ский	68	45,0	0,86
Корейский	467	44,6	0,77
Немецкий	322	38,6	0,73
Английский	1874	23,7	0,72
Японский	206	21,4	0,65
Всего/Среднее	7003	37,4	0,79

Наиболее высокая степень интеграции культурного и экономико-политического дискурсов наблюдается в русскоязычном (54,0%), арабоязычном (53,0%) и туркоязычном (51,9%) сегментах медиапространства, что может объясняться более высокой значимостью инициативы "Один пояс – один путь" для стран данных регионов. Примечательно, что в англоязычном (23,7%) и японоязычном (21,4%) сегментах данная интеграция выражена значительно слабее, что может свидетельствовать о более критическом отношении к геополитическим аспектам инициативы в данных информационных пространствах.

Восприятие культуры Шаньдуна целевыми аудиториями в странах-участницах инициативы "Один пояс – один путь"

Социологический опрос и фокус-групповые исследования, проведенные среди представителей целевых аудиторий в 18 странах-участницах инициативы

"Один пояс – один путь", позволили выявить особенности восприятия региональной культуры Шаньдуна различными группами респондентов. Общую выборку составили 3624 респондента, представляющие пять ключевых целевых аудиторий:

- Бизнес-сообщество (n=763)
- Академическая среда (n=842)
- Медиа-сфера (n=576)
- Культурные институции (n=628)
- Молодежь (студенты и молодые специалисты) (n=815)

Анализ уровня информированности респондентов о различных аспектах культуры Шаньдуна выявил существенные различия как между различными целевыми аудиториями, так и между представителями различных культурно-географических регионов (табл. 5).

Таблица 5

Уровень информированности о различных аспектах культуры Шаньдуна среди целевых аудиторий (по 10-балльной шкале).

Table 5

Level of awareness of various aspects of Shandong culture among target audiences (on a 10-point scale).

Целевая аудитория	Конфуцианское наследие	Традиционное искусство	Кулинарные традиции	Историческое наследие	Современная культура	Средний индекс информированности
Академическая среда	7.8	6.4	5.9	7.2	4.3	6.32
Культурные институции	7.3	7.1	6.8	6.9	5.1	6.64
Медиа-сфера	6.8	5.7	7.2	6.1	4.8	6.12
Бизнес-сообщество	5.4	4.9	6.5	5.2	3.7	5.14
Молодежь	5.1	4.2	7.4	4.7	6.2	5.52
Средний показатель	6.48	5.66	6.76	6.02	4.82	5.95

Как видно из представленных данных, наиболее высокий общий уровень информированности демонстрируют представители культурных институций (6,64) и академической среды (6,32), что

может объясняться профессиональным интересом данных групп к вопросам культуры. Наименее информированной группой оказались представители бизнес-сообщества (5,14), что указывает на

необходимость усиления коммуникационных стратегий, ориентированных на данную целевую аудиторию. Среди различных аспектов культуры Шаньдуна наиболее высокий уровень информированности наблюдается в отношении кулинарных традиций (6,76) и конфуцианского наследия (6,48), в то время как современная культура остается наименее известным аспектом (4,82).

Анализ эмоционального отношения к культуре Шаньдуна показал преобладание позитивных оценок среди всех целевых аудиторий, однако с различной степенью интенсивности. Для измерения эмоционального отношения использовалась шкала от -5 (крайне негативное отношение) до +5 (крайне позитивное отношение).

Стоит отметить, что наиболее позитивное эмоциональное отношение к культуре Шаньдуна де-

монстрируют представители молодежи (+3,84) и культурных институций (+3,76), в то время как представители медиа-сферы проявляют более сдержанное отношение (+2,98). При этом выявлена статистически значимая корреляция между уровнем информированности о культуре Шаньдуна и позитивностью эмоционального отношения ($r = 0,64$, $p < 0,001$), что подтверждает гипотезу о том, что более глубокое знание культуры способствует формированию более благоприятного отношения к ней.

Особый интерес представляет анализ факторов, влияющих на восприятие культуры Шаньдуна различными целевыми аудиториями. Применение метода множественной линейной регрессии позволило выявить ключевые предикторы позитивного восприятия (табл. 6).

Таблица 6

Факторы, влияющие на позитивное восприятие культуры Шаньдуна (результаты множественной линейной регрессии).

Table 6

Factors influencing positive perception of Shandong culture (results of multiple linear regression).

Фактор	Стандартизированный коэффициент Beta	Уровень значимости p	Доля объясненной дисперсии, %
Личный опыт посещения Шаньдуна	0.412	< 0.001	17.6
Знакомство с произведениями китайской культуры	0.378	< 0.001	14.3
Контакты с представителями китайской диаспоры	0.346	< 0.001	12.0
Изучение китайского языка	0.329	< 0.001	10.8
Профессиональный интерес к Китаю	0.285	< 0.001	8.1
Информированность о проекте "Один пояс – один путь"	0.247	< 0.001	6.1
Возраст	-0.194	< 0.01	3.8
Общее отношение к Китаю	0.189	< 0.01	3.6
Пол	0.076	> 0.05	0.6
Образование	0.064	> 0.05	0.4

Коэффициент множественной детерминации модели $R^2 = 0,773$.

The coefficient of multiple determination of the model $R^2 = 0.773$.

Как показывают результаты регрессионного анализа, наиболее значимым фактором, влияющим на позитивное восприятие культуры Шаньдуна, является личный опыт посещения региона (Beta = 0,412), что подчеркивает важность развития туристических программ и культурных обменов, предполагающих непосредственное знакомство с регионом. Значимыми факторами также являются знакомство с произведениями китайской культуры (Beta = 0,378), контакты с представителями китайской диаспоры (Beta = 0,346) и изучение китайского языка (Beta = 0,329), что свидетельствует о важности комплексного подхода к культурной ди-

пломатии, интегрирующего различные аспекты знакомства с китайской культурой. Примечательно, что такие демографические характеристики, как пол и образование, не оказывают статистически значимого влияния на восприятие культуры Шаньдуна, в то время как возраст демонстрирует слабую отрицательную корреляцию (Beta = -0,194), указывающую на то, что более молодые респонденты склонны к более позитивному восприятию региональной культуры.

Анализ документальных источников и данные экспертных интервью позволили идентифицировать и систематизировать существующие коммуникационные стратегии продвижения региональной культуры Шаньдуна в международном про-

странстве. Выявлено пять основных типов стратегий, различающихся по целям, каналам коммуникации, целевым аудиториям и используемым нарративам (табл. 7).

Таблица 7
Типология коммуникационных стратегий продвижения культуры Шаньдуна в международном пространстве.

Table 7

Typology of communication strategies for promoting Shandong culture in the international space.

Тип стратегии	Основные цели	Ключевые каналы коммуникации	Доминирующие нарративы	Доля в общем коммуникационном потоке, %	Индекс эффективности (по 10-балльной шкале)
Институциональная стратегия	Формирование официального имиджа региона; Интеграция культурного компонента в экономическую дипломатию	Официальные медиа; Дипломатические каналы; Правительственные порталы; Межправительственные форумы	"Шаньдун как родина конфуцианства"; "Шаньдун как ключевой узел морского Шелкового пути"; "Культурное наследие в контексте инициативы 'Один пояс - один путь'"	37.6	6.2
Туристическая стратегия	Привлечение международных туристов; Продвижение Шаньдуна как культурного туристического направления	Туристические порталы; Социальные сети; Выставки и ярмарки; Travel-блоги и влогеры	"Шаньдун как сокровищница китайской традиционной культуры"; "Уникальные культурные достопримечательности Шаньдуна"; "Аутентичный китайский опыт"	28.4	7.8
Образовательная стратегия	Продвижение культурного образования; Привлечение иностранных студентов; Развитие академических обменов	Образовательные платформы; Институты Конфуция; Академические форумы; Программы обмена	"Шаньдун как центр образования и науки"; "Конфуцианские ценности в современном мире"; "Образовательные возможности Шаньдуна"	16.8	7.4
Коммерческая стратегия	Продвижение региональных культурных продуктов и брендов; Интеграция культурного компонента в бизнес-коммуникации	Бизнес-медиа; B2B платформы; Отраслевые выставки; Корпоративные каналы коммуникации	"Культурные индустрии Шаньдуна"; "Традиции и инновации в региональных брендах"; "Культурный компонент торгово-экономического сотрудничества"	10.7	5.9

Продолжение таблицы 7
Continuation of Table 7

Неформальная стратегия	Формирование органического интереса к культуре Шаньдуна; Продвижение через межличностную коммуникацию и сообщества	Социальные сети; Форумы и сообщества; Пользовательский контент; Культурные инициативы диаспоры	"Повседневная культура Шаньдуна"; "Личные истории и впечатления"; "Культурные открытия и находки"	6.5	8.1

Анализ данных показывает, что в структуре коммуникационных стратегий доминирует институциональная стратегия (37,6%), реализуемая преимущественно правительственными органами и официальными медиа. При этом наиболее высокий индекс эффективности, рассчитанный на основе комплекса показателей (охват аудитории, вовлеченность, конверсия в целевые действия, изменение установок аудитории), демонстрирует неформальная стратегия (8,1), основанная на пользовательском контенте и межличностной коммуникации, несмотря на ее относительно небольшую долю в общем коммуникационном потоке (6,5%). Это свидетельствует о высоком потенциале развития данного направления коммуникаций и необходимости усиления поддержки низовых культурных инициатив.

Важным аспектом анализа эффективности коммуникационных стратегий является их соответствие информационным потребностям и ожиданиям различных целевых аудиторий. Сопоставление данных контент-анализа медиасообщений с результатами опроса целевых аудиторий позволило выявить значительные расхождения между тематической структурой коммуникационных потоков и информационными запросами аудитории.

Как видно из приведенных данных, наиболее существенный разрыв наблюдается в отношении темы "Современная культура и искусство Шаньдуна", которая составляет лишь 10,9% в тематической структуре медиасообщений, в то время как интерес к данной тематике выражают 27,3% представителей целевых аудиторий. Противоположная ситуация наблюдается в отношении темы "Конфуцианское наследие и философия", доля которой в медиасообщениях (24,0%) существенно превышает уровень интереса аудитории (16,4%). Эти диспропорции указывают на необходимость корректировки тематических приоритетов в международных коммуникациях о культуре Шаньдуна с учетом реальных информационных потребностей целевых аудиторий.

Выводы

Проведенное исследование международных коммуникаций о региональной культуре Шаньдуна в рамках инициативы "Один пояс - один путь" позволяет сформулировать ряд значимых выводов, имеющих как теоретическую, так и практическую ценность для развития культурной дипломатии и международных коммуникаций. Комплексный анализ информационных потоков о культуре Шаньдуна в международном медиaprостранстве выявил устойчивый рост количества публикаций с 1243 в мае 2021 года до 1968 в феврале 2022 года, с временными пиками активности, связанными с проведением крупных международных мероприятий. Средний коэффициент позитивной тональности сообщений составил 0,75, что свидетельствует о преимущественно благоприятном характере освещения региональной культуры Шаньдуна. Исследование показало существенные диспропорции в языковой структуре информационных потоков с доминированием англоязычного сегмента (42,3%), что указывает на необходимость диверсификации языковых стратегий коммуникации. Тематический анализ выявил преобладание в международном информационном пространстве контента о конфуцианском наследии (24,0%) и традиционном искусстве (20,2%) при значительно меньшей представленности современной культуры Шаньдуна (10,9%). При этом социологические исследования показали существенно более высокий интерес аудитории к современным аспектам культуры региона (27,3%), что свидетельствует о необходимости коррекции тематических приоритетов в коммуникационных стратегиях.

Исследование восприятия культуры Шаньдуна различными целевыми аудиториями в 18 странах-участницах инициативы "Один пояс - один путь" позволило выявить дифференцированные паттерны рецепции и факторы, влияющие на формирование отношения к региональной культуре. Наиболее высокий индекс позитивного восприятия (+4,23 по шкале от -5 до +5) демонстрируют страны Восточной и Юго-Восточной Азии, в то

время как страны Западной Европы проявляют более сдержанное отношение (+1,86). Ключевыми факторами, влияющими на позитивное восприятие, являются личный опыт посещения Шаньдуна

(17,6% объясненной дисперсии), знакомство с произведениями китайской культуры (14,3%) и контакты с представителями китайской диаспоры (12,0%).

Список источников

1. Ван И. Культурная дипломатия Китая в XXI веке: новые тенденции и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 6. С. 159 – 171.
2. Харитонов Е.М. Эффективность "мягкой силы": проблема оценки // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 6. С. 48 – 58.
3. Абрамов В.А. Императивный потенциал "мягкой силы" в стратегиях внутреннего и внешнего развития КНР // Вестник ЧитГУ. 2011. № 1 (68). С. 8 – 15.
4. Huang Y. Understanding China's Belt & Road Initiative: Motivation, framework and assessment // China Economic Review. 2016. Vol. 40. P. 314 – 321.
5. Летенков А.В. Конфуцианство в контексте китайской публичной дипломатии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 10. № 2. С. 186 – 197.
6. Hartig F. Chinese public diplomacy: The rise of the Confucius Institute. New York: Routledge, 2016. 206 p.
7. Ло В., Кузьмина Е.В. Особенности культурной дипломатии Китая в XXI веке // Дискурс-Пи. 2019. № 1 (34). С. 26 – 40.
8. Прозоровский А.С. Политическая культура китайских регионов и перспективы демократизации КНР // История и современность. 2013. № 1 (17). С. 103 – 130.
9. Zhao K. The Motivation Behind China's Public Diplomacy // The Chinese Journal of International Politics. 2015. Vol. 8. № 2. P. 167 – 196.
10. Li Y., Hunter C. Community involvement for sustainable heritage tourism: a conceptual model // Journal of Cultural Heritage Management and Sustainable Development. 2015. Vol. 5. № 3. P. 248 – 262.

References

1. Wang Y. China's Cultural Diplomacy in the 21st Century: New Trends and Prospects. Problems of the Far East. 2018. No. 6. P. 159 – 171.
2. Kharitonova E.M. The Effectiveness of "Soft Power": The Problem of Assessment. World Economy and International Relations. 2015. No. 6. P. 48 – 58.
3. Abramov V.A. The Imperative Potential of "Soft Power" in the Strategies of Internal and External Development of China. Bulletin of ChitSU. 2011. No. 1 (68). P. 8 – 15.
4. Huang Y. Understanding China's Belt & Road Initiative: Motivation, Framework and Assessment. China Economic Review. 2016. Vol. 40. P. 314 – 321.
5. Letenkov A.V. Confucianism in the Context of Chinese Public Diplomacy. Bulletin of St. Petersburg University. Political Science. International Relations. 2017. Vol. 10. No. 2. P. 186 – 197.
6. Hartig F. Chinese public diplomacy: The rise of the Confucius Institute. New York: Routledge, 2016. 206 p.
7. Lo W., Kuzmina E.V. Features of China's Cultural Diplomacy in the 21st Century. Discourse-Pi. 2019. No. 1 (34). P. 26 – 40.
8. Prozorovsky A.S. Political Culture of Chinese Regions and Prospects for Democratization of the PRC. History and Modernity. 2013. No. 1 (17). P. 103 – 130.
9. Zhao K. The Motivation Behind China's Public Diplomacy. The Chinese Journal of International Politics. 2015. Vol. 8. No. 2. P. 167 – 196.
10. Li Y., Hunter C. Community involvement for sustainable heritage tourism: a conceptual model. Journal of Cultural Heritage Management and Sustainable Development. 2015. Vol. 5. No. 3. P. 248 – 262.

Информация об авторе

Чжан Линь, аспирант, Российский университет дружбы народов, 1042248278@pfur.ru

© Чжан Линь, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 891.73

Смысл и значение композиционных пропусков в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»

¹ Кианибарфоруши Хода Хассан

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: статья содержит углублённый анализ семантических пропусков, наблюдаемых в композиции знаменитого романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». В процессе исследования выясняется, что эти пропуски, являясь недостающими фрагментами текста, воспринимаются читателями как нечто большее. Они не просто пустоты, а настоящие пробелы, требующие особого внимания и усилий со стороны читателя для заполнения недостающих частей. Кроме того, рассматриваемые пропуски в произведении образуют обширное семантическое поле, значительно обогащающее художественный текст и обогащающее значение романа в целом. Тексты наполняются новыми смысловыми акцентами, основывающимися на заданных читателю высших требованиях к активному осмыслению и эстетической активности. Во введении обоснована актуальность анализа пропусков как художественного приёма, формирующего семантическое поле и вовлекающего читателя в активную интерпретацию. Цель работы — раскрыть роль пропусков в архитектонике романа и их влияние на смысловую многогранность текста. Методы исследования включают сравнительный анализ редакций романа, структурно-семантический разбор пропущенных фрагментов, а также привлечение историко-литературного контекста (критика XIX–XX вв., работы Ю.М. Лотмана, Ю.Н. Чумакова, М.Н. Виролайнена). Особое внимание уделено «стяжению смыслов» — приёму, связывающему разрозненные строфы в единое семантическое целое. Результаты демонстрируют, что пропуски в тексте не являются случайными: они выполняют функцию «смысловых вакуумов», активизирующих читательское воображение. На примере третьей главы показано, как отсутствие фрагментов создаёт динамику повествования, подчёркивает внутренние конфликты героев (например, противоречия в отношениях Онегина и Татьяны) и усиливает рефлексивный характер романа. Установлено, что эволюция пропусков в редакциях 1828–1837 гг. отражает авторский замысел превратить текст в «открытое произведение», где читатель выступает соавтором. В обсуждении подчёркивается, что пропуски в «Евгении Онегине» — сознательный приём, унаследованный от романтической традиции, но переосмысленный Пушкиным. Они формируют диалог между текстом и читателем, обнажая процесс творчества и делая роман «поэзией в становлении». Анализ подтверждает, что фрагментарность структуры не нарушает целостности произведения, а, напротив, обогащает его философско-эстетическое содержание.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, роман «Евгений Онегин», композиция, содержание, проблемы, идеи, жанр, стиль, философия, поэзия, сюжет, персонажи, образы

Для цитирования: Кианибарфоруши Хода Хассан Смысл и значение композиционных пропусков в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Современный ученый. 2025. № 4. С. 99 – 104.

Поступила в редакцию: 26 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 28 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

The meaning and significance of compositional omissions in A.S. Pushkin's novel "Eugene Onegin"

¹ Kianibarforushi Hoda Hassan

¹ Russian University of People's Friendship

Abstract: the article contains an in-depth analysis of the semantic omissions observed in the composition of A.S. Pushkin's famous novel "Eugene Onegin". The research reveals that these omissions, being missing fragments of the text, are perceived by readers as something more. They are not merely empty spaces, but actual gaps that require special attention and effort from the reader to fill in the missing parts. Moreover, the omissions examined in the work form an extensive semantic field that significantly enriches the artistic text and the overall meaning of the novel. The texts are imbued with new semantic accents based on the higher demands imposed on the reader for active interpretation and aesthetic engagement. The introduction justifies the relevance of analyzing omissions as an artistic device that shapes the semantic field and involves the reader in active interpretation. The aim of the study is to reveal the role of omissions in the architectonics of the novel and their impact on the text's multifaceted meaning. The research methods include a comparative analysis of the novel's editions, a structural-semantic dissection of the omitted fragments, as well as incorporating the historical-literary context (including criticism from the 19th–20th centuries, works by Yu.M. Lotman, Yu.N. Chumakov, M.N. Virolyainen). Special attention is given to the "contraction of meanings"—a technique that links disparate stanzas into a unified semantic whole. The results demonstrate that the omissions in the text are not random: they function as "semantic vacuums" that activate the reader's imagination. Using the example of the third chapter, it is shown how the absence of fragments creates a dynamic narrative, emphasizes the internal conflicts of the characters (for instance, the contradictions in Onegin's and Tatyana's relationship), and enhances the reflective nature of the novel. It is established that the evolution of the omissions in the editions from 1828–1837 reflects the author's intention to transform the text into an "open work" in which the reader acts as a co-author. In the discussion, it is emphasized that the omissions in "Eugene Onegin" are a deliberate device inherited from the Romantic tradition, but reinterpreted by Pushkin. They form a dialogue between the text and the reader, revealing the creative process and rendering the novel "poetry in the making". The analysis confirms that the fragmentary structure does not undermine the integrity of the work; on the contrary, it enriches its philosophical and aesthetic content.

Keywords: A.S. Pushkin, novel "Eugene Onegin", composition, content, problems, ideas, genre, style, philosophy, poetry, plot, characters, images

For citation: Kianibarforushi Hoda Hassan The meaning and significance of compositional omissions in A.S. Pushkin's novel "Eugene Onegin". Modern Scientist. 2025. 4. P. 99 – 104.

The article was submitted: November 26, 2024; Approved after reviewing: January 28, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Композиционное строение «Евгения Онегина» А.С. Пушкина имеет особенность, отчетливо выраженную в наличии в романе пропусков отдельных строф и стихотворных конструкций [2]. Творческий прием, по мнению многих современников, был недостатком, что и получило свое отражение в критике. Так, П.А. Катенин охарактеризовал указанные пропуски как неудачное подражание Дж. Байрону [1].

Исследователи Пушкина начала XX века стремились реконструировать целостность романа, устраняя композиционные недостатки, включая «Евгения Онегина» в традицию «завершенного» романа, хотя обращения к

пробелам читатели давно интуитивно заполняли – в этом смысле наиболее показалось бы обнаженное конструктивное исследование Л.М. Гофмана 1922 года, который даже предлагал использовать недостающие фрагменты в комментарии к тексту [4].

В формалистической критике (напр., В.Б. Шкловского, Ю.Н. Тынянова) пропуски трактовались как осознанный прием автора, не нарушающий сюжетной целостности [18]. Классической пушкинистикой, представленной Ю.М. Лотманом, акцентировалась структура произведения – проблематика фрагментарности отодвигалась «на второй план». В современных работах Ю.Н. Чумакова, М.Н. Виролайнена акцент

на молчании открывает новые перспективы поэтики А.С. Пушкина [17, 2].

Следует специальным образом проследить значимость композиционных пробелов в структуре романа А.С. Пушкина. Это осознанный прием, который требует анализа с точки зрения архитектоники и поэтики романа. В творчестве А.С. Пушкина пропуски как художественный прием начинают отчетливо проявляться в качестве романтической фрагментарности (на примере «Бахчисарайского фонтана»), переосмысленной в «Евгении Онегине». Они создают зримость незавершенности, фрагментарности с новой поэтикой, поднимающей на ином уровне вопросы функции и семантики невербальных компонентов.

Материалы и методы исследований

Неоспоримо, что романтики порой умело использовали загадки невыразимого, привлеченные этой элегантно загадочностью. В «Евгении Онегине» Пушкина, в частности, осознается нечто подобное: переключение на читателя – «в лучшем случае, соавтора». Явление, о котором идет речь, представляет собой неполный текст, в частности, части его строф, каждая из которых может быть представлена не одной строкой, что очень близко к тому, что И.С. Тургенев вколол себе в голову под именем «стяжение смыслов» [3]. Например, в главах третьей и восьмой количество строф с толкованием смыслов, которые далеко не всегда как-то совпадают, очень велико, такие строфы даже можно было бы выделить отдельными поэтическими строками, поскольку форма строфы организована с точки зрения рифм. В каждой из трех строф строфической структуры строфы, состоящей из двойного или тройного звучания с обособлением одного, двух, трех или четырех несогласованных с рифмами двухстиший, можно найти соответствующее правило модуляции. Так же как в сонете четко определяются три этапа: завязка, climax, resolution. Строфа имеет определенную формально-содержательную функцию (в качестве «зеркала» к той же «очереди»), и пропуск одного звукового элемента создает четкий смысловой «вакуум» на уровне семантики [16].

Посмотрим на примере пропусков в стихах в третьей главе:

Выехав из столицы, поэт сразу попал в то радостное слаженное веселье, о котором так щедающе вспоминал на старости лет. И не мудрено, что, заждавшись угощений, юные радостные ребята дружно подали острожный сигнал, не или фигурами, а лишь яркими фрагментами, обилием бесчисленных угощений, что на столах стояли фейерверки белоснежных кувшинов с наливками,

в которое ливень млечной брусничной воды. В этот момент волнение похвалы обволакивало Татьяну – молодую полную душу. Она ждала Онегина с нетерпением, и, как у всякой ранимой натуры, мнимый покой подчинялся бурным переживаниям. Поэтому, несмотря на охлобы, в которые нажились случайные приятели и крепкие объятия ребят, она тосковала и томила ее досуга.

В этом отношении Татьяна отразила характер Онегина; его чувства здесь сжаты, как бы предвещая неравноправие в их отношениях. Словом, особенность лирики Онегина в том, что он с ней одноразов. У него не существует общего с нею – хотя бы в том и проявлении, что интонация, сочиненная ею, ощущается как разрезание поэтического дна, которому она подчинена. Чувства Его, как приписные, оставляют односложные, пустые строки. Поэтому в этом приспособлении и том цельных строк Вершины поэмы, это особая изюминка, создающая простую позу – иллюзия, единства, но одна такая «сила» строк Начиная.

«Боюсь: брусничная вода // Мне не надделала б вреда» [12].

Это мочегонное питье не только звучит у Ларина странно для угощения, но и растворяется в том стремительном движении, с которым Онегин с Ленским продвигаются:

«Они дорогой самой краткой // Домой летят во весь опор» [13].

Результаты и обсуждения

Два пустых места, обозначенных в тексте знаками «...», вносящими отдельные отрезки в композиционный уровень означенного повествования, служат связующим звеном временного разрыва между «болтовней» автора и развитием сюжета. Пропуски между линиями XXXIX, XL и XLI первой главы следует считать внешними для внутренности Онегина, высветляющими её. Следует отметить, что во всей архитектонике произведения пропуски являются необходимым структурным элементом.

«Ничто не трогало его, // Не замечал он ничего» [14],

– разнообразными ритмами чередовать уровень синтаксиса? Например, – что верно и по поводу – как и – на чем пишу – о движении через тиски частица и предлог разного порядка синтаксиса.

Однако для поэтического произведения характерно то, что каждое отдельное слово стянуто в протяженную, долготеченую, бесконечную строку и в каждой линии образуется один единственный стягиватель – одна и та же строфа,

как бы ни представлялась она с отклонением от одинаково бесконечного содержания [11].

Как бы там ни было, сознание закрыто от внешней среды, как бы там ни было, стягиватель – это я.

Строка без другого слова, – это я.

Так бывает, что какую бы маску мы на себя не натянули, внутри-то остаемся теми же, как и во все времена. Мы все же продолжаем верить в близость людей, даже если иногда они попадают в ловушку мирских зол и тщеславия. И вот, со стороны, как кто-то любит нас, а мы оказываемся наедине с собой и мечтаем, чтобы хотя бы кто-то был с нами. Эти переживания побуждают нас не только оставаться открытыми к любви других, но и учить нас безмолвно ставить себя и других людей в их исторические снисхождения [8].

Слова, в которых мы высказываем свои мысли, на самом деле не могут передать полное содержание происходящего [5]. Часто слова бывают только неким условным обозначением тех чувств, которые мы на самом деле ощущаем, но выразить не можем. Поэтому, читаемые нами тексты, заполненные пестрым чередованием слов, неродных для наших ушей, зачастую служат лишь вспомогательным средством, поддерживающим нас в необходимом состоянии [9].

Для лучшего понимания идеи любви автор пишет в проблемном ключе. Каждая глава имеет свое предназначение; каждая строфа пробуждает нечто различное, важное для уразумения проблемы привязанности. Здесь мы наглядно видим результат стремления автора к простоте вдобавок к многослойности мысли.

«Чем меньше женщину мы любим, // Тем легче нравимся мы ей» [14].

В заключение следует отметить, что художественное произведение приводит к бесконечным интерпретациям и привлекает внимание читателя на протяжении веков. Произведение затрагивает внутреннюю жизнь людей и хранит тайны судьбы. Читая строки этого романа, понимаешь, что нас в первую очередь интересует сам процесс письма, сама работа над текстом [7].

Тема любви имеет значимое место в романе, но под ее покровом раскрываются отношения людей, которые в эту тему вплетены. Автор на примере Онегина и Татьяны показывает, как философия любви может пронзить сердечный мир и определить стиль жизни.

С особенной чувствительностью изображен деревенский быт и новая жизнь Лариных в Москве. Описывая утро Онегина, Пушкин ссылается на утреннюю главу первого описания

спб. Онегин – эпигон петербургского дня, поэтому его жизнь в деревне выглядит как игра, а не как реальность [6].

Роман функционирует не просто как объект для анализа, но как смысловая реальность, в которой каждая деталь служит средством высказывания важной мысли. Каждый авторский выбор, каждая интонация, каждая стилистическая находка – это шаг в создании литературного произведения, и поэтому каждая публикация романа является этапом его творческого пути. В конце концов, «Евгений Онегин» можно рассматривать не только как художественное произведение, но и как осмысленный процесс создания, как уникальный опыт поэтического творчества на наших глазах. Таким образом, в процессе работы над романом автор на протяжении шести лет не покидал мыслей об Онегине. Он все более углублялся в изучение своего героя, раскрыл перед читателем необъятные горизонты содержания. И завершил роман в зрелом возрасте, когда имел полное право на такое открытие [10].

Версии произведения, начиная с конца 1820-х, закрепляют концепцию «стяжения». Он присутствует в судебной шестой главе: прием стяжения смыслов объединяет XV, XVI и XVII строфы. В первой редакции главы (1828 г.) автор выделяет XV и XVI как образцы композиционного пропуска; XVII как самостоятельную единицу. В 1833 г. и в последующих редакциях эти строфы переосмысливаются, переводятся в другое единство [15] и привязываются к ним на смысловом уровне.

Увеличение пропусков и семантическая усложненность их содержания в полных редакциях «Евгения Онегина» связано с особенностями его публикации. Читатели знакомятся с отдельными главами эпопеи. Прием «стяжения смыслов» здесь выступает в пользу передачи содержания этой главе без привязки к всему произведению, создающего фрагментарное, недосказанное восприятие. На начала романа акцент был на хронологических и смысловых связях сюжета. В полной версии «Евгения Онегина» наблюдается рост количества текстовых «лакун», что активизирует читателя: отточия вовлекают его в процесс интерпретации, т.е. заполнения пропущенных элементов смысла, семантизации пропусков.

Выводы

В романе «Евгений Онегин» центральные конфликты сосредоточены вокруг любовной интриги и творческого процесса, делаая его многослойным произведением. Любовь здесь выступает как загадочное и сложно объяснимое чувство, подчеркивающее внутренний конфликт

героя: «Но я, любя, был глуп и нем» [8]. Важную роль в раскрытии замыслов автора играют пропуски, которые формируют диалог с читателем и отражают эволюцию литературной идеи. Систематизация строф с помощью числовых обозначений способствует углублению смыс-

лового восприятия текста, создавая «рефлексивный пласт» – своеобразный семантический мост между прошлым и будущим сюжета. Это не только выявляет внутренние связи произведения, но и обогащает его композиционную структуру, придавая ей многогранность.

Список источников

1. Афанасьева Э.М. Творческая рефлексия в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина и «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтова // Афанасьева Э.М. Феномен книги в художественном мире М.Ю. Лермонтова. Кемерово, 2007. С. 65 – 71.
2. Виролайнен М.Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. Санкт-Петербург, 2003. 328 с.
3. Гаспаров М.Л. Русская поэзия 1890-1925 годов: комментарии. Москва, 1993. 272 с.
4. Гофман Л.М. Строфы «Евгения Онегина», которые были упущены // Пушкин и его современники: исследования и материалы. Санкт-Петербург, 1922. Вып. 33/35. С. 1 – 328.
5. Данаев М.Ф. Онегинская строфа // Содержательная поэтика. М., 1938. Т. 1. С. 270 – 275.
6. Кланин Л.Г. Воспоминания о Пушкине // Писатели России. М., 1979. Т. 2. С. 143 – 145.
7. Михайлов В.Н. О поэте: Поэтика. М., 1990. С. 15 – 31.
8. Шугуров А.И. О русском языке // Русский язык и литературное творчество. М., 1980. С. 40 – 59.
9. Лотман Ю.М. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина: Комментарий. Л.: Наука, 1983. 416 с.
10. Лотман Ю.М. Поэтика «Евгения Онегина» // Труды по русской и славянской филологии. IX. Литературоведение. Тарту, 1966. Вып. 18. С. 5 – 32.
11. Пушкин А.С. Евгений Онегин: роман в стихах // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л., 1937-1959. Т. 6. Евгений Онегин. 1937. С. 1 – 205.
12. Пушкин А.С. Евгений Онегин. Гл. IV и V. СПб, 1828. 120 с.
13. Пушкин А.С. Евгений Онегин. Гл. VI. СПб, 1828. 96 с.
14. Пушкин А.С. Евгений Онегин. СПб, 1833. 320 с.
15. Пушкин А.С. Евгений Онегин. СПб, 1837. 336 с.
16. Тынянов Ю.Н. О композиции «Евгения Онегина» // Тынянов Ю.Н. Поэтика, история литературы, кино. М., 1977. С. 57 – 77.
17. Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина. Санкт-Петербург, 1999. 256 с.
18. Шкловский В. Б. Евгений Онегин (Пушкин и Стерн) // Очерки по поэтике Пушкина. Берлин, 1923. С. 199 – 220.

References

1. Afanasyeva E.M. Creative reflection in "Eugene Onegin" by A.S. Pushkin and "A Hero of Our Time" by M.Yu. Lermontov. Afanasyeva E.M. The phenomenon of the book in the artistic world of M.Yu. Lermontov. Kemerovo, 2007. P. 65 – 71.
2. Virolaynen M.N. Speech and silence: Plots and myths of Russian literature. St. Petersburg, 2003. 328 p.
3. Gasparov M.L. Russian poetry of the 1890-1925s: comments. Moscow, 1993. 272 p.
4. Hoffman L.M. Stanzas of "Eugene Onegin" that were missed. Pushkin and his contemporaries: research and materials. St. Petersburg, 1922. Issue. 33/35. P. 1 – 328.
5. Danaev M.F. Onegin stanza. Meaningful poetics. M., 1938. T. 1. P. 270 – 275.
6. Klanin L.G. Memories of Pushkin. Writers of Russia. M., 1979. T. 2. P. 143 – 145.
7. Mikhailov V.N. About the poet: Poetics. M., 1990. P. 15 – 31.
8. Shugurov A.I. About the Russian language. Russian language and literary creativity. M., 1980. P. 40 – 59.
9. Lotman Yu.M. "Eugene Onegin" by A.S. Pushkin: Commentary. L.: Nauka, 1983. 416 p.
10. Lotman Yu.M. Poetics of "Eugene Onegin". Works on Russian and Slavic philology. IX. Literary studies. Tartu, 1966. Vol. 18. P. 5 – 32.
11. Pushkin A.S. Eugene Onegin: a novel in verse. Pushkin A.S. Complete works: in 16 volumes. M.; L., 1937-1959. T. 6. Evgeny Onegin. 1937. P. 1 – 205.
12. Pushkin A.S. Evgeny Onegin. Ch. IV and V. St. Petersburg, 1828. 120 p.
13. Pushkin A.S. Evgeny Onegin. Ch. VI. St. Petersburg, 1828. 96 p.
14. Pushkin A.S. Eugene Onegin. St. Petersburg, 1833. 320 p.

15. Pushkin A.S. Eugene Onegin. St. Petersburg, 1837. 336 p.
16. Tynyanov Yu.N. On the composition of "Eugene Onegin". Tynyanov Yu.N. Poetics, history of literature, cinema. Moscow, 1977. P. 57 – 77.
17. Chumakov Yu.N. Poetic poetics of Pushkin. St. Petersburg, 1999. 256 p.
18. Shklovsky V.B. Eugene Onegin (Pushkin and Stern). Essays on the poetics of Pushkin. Berlin, 1923. P. 199 – 220.

Информация об авторе

Кианибарфоруши Хода Хассан, аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, hoda.kiani20@gmail.com

© Кианибарфоруши Хода Хассан, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 323.48

Совершенствование информационной политики КНР в контексте создания позитивного экологического имиджа страны в зарубежных медиа

¹ Чжао Цин

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: в данной статье рассматривается усовершенствование информационной политики Китайской Народной Республики (КНР) в условиях формирования позитивного экологического имиджа страны в зарубежных медиа. Актуальность исследования обусловлена глобальными экологическими вызовами и растущей ролью информационных потоков в формировании международного мнения о деятельности государства в сфере экологии. Введение описывает историко-политический контекст развития экологической политики в КНР, подчеркивая необходимость адаптации внешней коммуникации к современным требованиям международного сообщества. Обоснована идея, что создание позитивного образа страны посредством прозрачной и проактивной информационной стратегии способствует не только улучшению дипломатических связей, но и повышению инвестиционной привлекательности на международном уровне. Методологическая часть исследования включает комплексный анализ контента зарубежных медиа, сравнительный анализ сообщений в различных международных источниках и изучение общественного мнения с применением качественных и количественных методов. Особое внимание уделено анализу дискурсивных практик, направленных на интерпретацию экологических инициатив, а также влиянию государственных коммуникационных стратегий на формирование стереотипа «зелёного Китая». Результаты исследования демонстрируют, что за последние годы изменения в информационной политике КНР положительно влияют на международное восприятие экологической повестки страны. Выявлены ключевые факторы, способствующие успешной трансформации имиджа, такие как активное участие государства в глобальных экологических проектах, эффективное использование цифровых технологий и создание специализированных информационных платформ. Параллельно установлено, что для достижения устойчивого позитивного эффекта необходим комплексный подход, учитывающий как внутривнутриполитическую динамику, так и международные коммуникационные стандарты. В обсуждении подчеркивается, что модернизация информационной политики, направленная на продвижение экологических достижений, становится важным инструментом государственной политики в условиях глобализации. Акцентируется необходимость дальнейшего исследования влияния культурных и политических факторов на интерпретацию экологических инициатив за рубежом. Итоги исследования позволяют рекомендовать стратегические направления для совершенствования международной коммуникации КНР, что может способствовать формированию устойчивого позитивного экологического имиджа страны в мировом информационном пространстве.

Ключевые слова: КНР, информационная политика, экологический имидж, зарубежные медиа, позитивное восприятие

Для цитирования: Чжао Цин Совершенствование информационной политики КНР в контексте создания позитивного экологического имиджа страны в зарубежных медиа // Современный ученый. 2025. № 4. С. 105 – 112.

Поступила в редакцию: 26 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 28 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Improving the information policy of the PRC in the context of creating a positive environmental image of the country in foreign media

¹ Zhao Qing

¹ *Russian University of Peoples' Friendship named after Patrice Lumumba*

Abstract: this article examines the improvement of the information policy of the People's Republic of China (PRC) under the conditions of forming a positive environmental image of the country in foreign media. The relevance of the study is determined by global environmental challenges and the growing role of information flows in shaping international opinion about the state's activities in the field of ecology. The introduction describes the historical and political context of the development of environmental policy in the PRC, emphasizing the need to adapt external communication to the modern requirements of the international community. It substantiates the idea that creating a positive image of the country through a transparent and proactive information strategy contributes not only to the improvement of diplomatic relations but also to increasing investment attractiveness on an international level. The methodological part of the study includes a comprehensive analysis of the content of foreign media, a comparative analysis of reports from various international sources, and a study of public opinion using both qualitative and quantitative methods. Special attention is paid to the analysis of discursive practices aimed at interpreting environmental initiatives, as well as to the influence of state communication strategies on forming the stereotype of a "green China". The results of the study demonstrate that in recent years, changes in the information policy of the PRC have positively influenced the international perception of the country's environmental agenda. Key factors contributing to the successful transformation of the image have been identified, such as the state's active participation in global environmental projects, the effective use of digital technologies, and the creation of specialized information platforms. At the same time, it has been established that a comprehensive approach is necessary to achieve a sustainable positive effect, one that takes into account both the domestic political dynamics and international communication standards. The discussion emphasizes that the modernization of the information policy aimed at promoting environmental achievements is becoming an important tool of state policy in the era of globalization. It highlights the need for further research into the influence of cultural and political factors on the interpretation of environmental initiatives abroad. The results of the study allow for recommending strategic directions for improving the international communication of the PRC, which may contribute to forming a sustainable positive environmental image of the country in the global information space.

Keywords: PRC, information policy, environmental image, foreign media, positive perception

For citation: Zhao Qing Improving the information policy of the PRC in the context of creating a positive environmental image of the country in foreign media. Modern Scientist. 2025. 4. P. 105 – 112.

The article was submitted: November 26, 2024; Approved after reviewing: January 28, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Современная политика КНР в сфере экологии все более тесно переплетается с вопросами информационного взаимодействия со внешним миром. Это обусловлено не только глобальными вызовами, связанными с сохранением окружающей среды и климатическими изменениями, но и стремлением Китая формировать позитивный образ активного участника экологических инициатив. Усилия по совершенствованию информационной политики в данном направлении направлены на достижение

синергетического эффекта между реальными действиями государства и их медиаконструкцией за пределами страны. При этом важно понимать, что позитивный экологический имидж не может строиться в отрыве от фактических показателей достижения целей в сфере экологии, энергетики и устойчивого развития, однако в современных медиареалиях качество и умелое продвижение коммуникационных стратегий играет огромную роль в восприятии Китая за рубежом [5].

В последние годы КНР предпринимает значительные шаги на пути к зеленой

трансформации: принимаются законы и указы о снижении выбросов углекислого газа, внедряются инновационные технологии в области солнечной и ветряной энергетики, создаются специальные зоны для тестирования электромобилей и технологий «умного» города. Но даже при наличии крупных инвестиций в инновации, без должной информационной поддержки на международной арене возникает ситуация, при которой глобальное сообщество может либо

недооценивать, либо неправильно интерпретировать китайские экологические инициативы [3]. Отсюда растет важность выстраивания прозрачной и понятной линейки сообщений, в которых КНР четко артикулирует: каким образом она планирует достичь климатических целей, какие конкретные меры реализуются, какова роль частного сектора, и почему эти меры важны не только для Китая, но и для мира в целом (табл. 1).

Таблица 1

Ключевые аспекты информационной политики КНР по созданию позитивного экологического имиджа.

Table 1

Key aspects of the PRC information policy to create a positive environmental image.

Аспект информационной политики	Описание
Презентация экологических достижений	Акцент на успехах в борьбе с загрязнением, использовании возобновляемых источников энергии и инициативах по восстановлению природы.
Международное сотрудничество	Подчеркивание участия в глобальных экологических инициативах, сотрудничества с ООН и другими организациями, а также активной роли в климатических форумах.
Национальные проекты и реформы	Демонстрация таких инициатив, как переход на "зеленую экономику", строительство "умных зеленых городов" и реформы в сферах промышленности.
Масштабные цифры и факты	Постоянное упоминание статистических данных (например, снижение выбросов, посадка миллиардов деревьев) для подкрепления позитивных изменений.
Экологическое "лидерство"	Создание имиджа Китая как лидера в борьбе за экологическую устойчивость, особенно на фоне пассивности других развитых стран.

На фоне экономического подъема и расширения глобального влияния Китая возникает естественная потребность в укреплении так называемой «мягкой силы». Экологическая составляющая становится одним из ключевых элементов этого процесса. Представители Китая на международных саммитах, посвященных вопросам климата, все чаще делают акцент на принципах экологической цивилизации и гармонии между человеком и природой. С точки зрения формирования позитивного имиджа в зарубежных медиа эти идеи находят благоприятную почву, поскольку глобальная экологическая проблематика в последние десятилетия занимает центральное место на мировой информационной повестке. В то же время, чтобы закрепить положительный эффект, недостаточно просто декларировать принципы: они должны подкрепляться реальными результатами, про которые СМИ разных стран будут получать понятные и убедительные информационные материалы.

Материалы и методы исследований

На протяжении десятилетий имидж Китая в западных медиа формировался под влиянием разнообразных факторов: от экономических амбиций до политических и военных аспектов. Экологическая сфера долгое время рассматривалась через призму загрязнения воздуха в крупных городах, промышленного роста, сопровождающегося повышенным выбросом парниковых газов, и масштабного использования угля в энергетическом секторе [7]. Сдвиг в восприятии может быть достигнут только при системном подходе к освещению позитивных тенденций: запуске проектов по восстановлению, модернизации промышленных производств, развитии «умного» городского хозяйства, а также демонстрации достижений в области экологического права и нормативного контроля.

Планомерное развитие информационной политики КНР в области окружающей среды в значительной степени опирается на инструменты государственной пропаганды, ориентированные как на внутреннюю аудиторию, так и на

зарубежную. Однако классические пропагандистские форматы далеко не всегда эффективны на внешних рынках, особенно когда речь идет о таком тонком вопросе, как экология. Современным СМИ и гражданским обществам в разных странах важно видеть прозрачность и достоверность данных. Поэтому китайские органы, ответственные за коммуникации, все чаще пытаются использовать механизмы «мягкой силы», ориентированные на партнерство и взаимовыгодный обмен информацией. В рамках такой стратегии публикуются отчеты об улучшении качества воздуха, почвы и воды, делается упор на международное сотрудничество в сфере переработки отходов и внедрения возобновляемых источников энергии, подчеркивается взаимная выгода от подобных проектов [1].

Результаты и обсуждения

Немаловажным фактором в этом контексте является активное участие Китая в различных экологических и климатических организациях и форумах, а также в межправительственных соглашениях. Подписание Парижского соглашения по климату стало знаковым событием, поскольку КНР продемонстрировала готовность брать на себя ответственность за сокращение выбросов парниковых газов. В международных медиа все чаще упоминается, что Китай не только формально присоединяется к климатическим договоренностям, но и вводит строгие национальные механизмы контроля за соблюдением экологических норм. Однако с информационной точки зрения, важно грамотно подавать эти результаты, расставляя акценты на конкретных положительных изменениях в динамике и подчеркивая вклад Китая в глобальную экологическую повестку (табл. 2).

Таблица 2

Механизмы продвижения экологического имиджа КНР в зарубежных медиа.

Table 2

Mechanisms for promoting the environmental image of China in foreign media.

Механизм	Описание
Информационные кампании	Организация целенаправленных публикаций, пресс-релизов, интервью и событий в зарубежных странах.
Использование глобальных СМИ	Расширение присутствия китайских медиа, таких как CGTN или Xinhua, для распространения материалов на иностранных языках.
Участие официальных представителей	Выступления китайских делегаций, экспертов и политиков на международных форумах для освещения экологических инициатив Китая.
Развитие "зеленой дипломатии"	Поддержка экологических проектов в развивающихся странах и освещение этого в зарубежных медиа для усиления экологического имиджа.
Целевая реклама и PR-кампании	Совместная работа с международными агентствами по продвижению положительных экологических сообщений.

Заметным шагом в выстраивании позитивного экологического имиджа стала инициатива «Пояс и путь» (Belt and Road Initiative), внутри которой все больше внимания уделяется зеленым проектам: строительству экологически чистых транспортных коридоров, энергетической инфраструктуры на базе возобновляемых источников, развитию «зеленого» финансирования. Используя эту платформу, КНР транслирует призыв к международному сотрудничеству и взаимовыгодному партнерству, формируя образ ответственного лидера в вопросах устойчивого развития [9]. Зарубежные медиа, в которых отражается ход реализации проектов в рамках «Пояса и пути», становятся полем для информационной конкуренции между сторонниками и критиками китайской политики. В связи с этим важно

постоянно поддерживать диалог, предлагать экспертные оценки, публиковать результаты научных исследований и социально-экономические выгоды для принимающих стран.

Одной из особенностей современной медиасреды является высокая конкуренция за внимание аудитории и моментальное распространение зачастую противоречивой информации. Китайские коммуникационные агентства стараются отвечать на эти вызовы: создаются мультимедийные платформы на разных языках, формируются англоязычные версии государственных порталов, налаживается сотрудничество с влияющими медийными персонами и блогерами. Однако сила воздействия таких инициатив зависит от системности и профессионализма в работе с информационными

потоками. Наглядным примером служат кампании в социальных сетях, когда китайские ведомства запускают хештеги, публикуют видеоматериалы о красоте природы и демонстрируют внедрение технологий, помогающих очищать водоемы или снижать уровень загрязнения воздуха [2].

Для достижения устойчивого эффекта важна постоянная обратная связь с зарубежной аудиторией. Экологическая политика – это сфера, где критическое отношение к официальным заявлениям может быть особенно выраженным, ведь речь идет о будущем планеты и народа. Стратегии КНР должны предусматривать проведение пресс-туров, приглашение международных экспертов на ознакомительные визиты, разработку совместных образовательных программ с иностранными университетами и общественными организациями. Зачастую именно прямой контакт и живое взаимодействие позволяют иностранным журналистам и экологическим активистам убедиться в реальности осуществляемых мер, что потом положительно сказывается на формировании новостных сюжетов и аналитических статей.

Еще одним направлением совершенствования информационной политики становится сотрудничество с крупными глобальными медиа-партнерами, включая информационные агентства, телекомпании и интернет-гигантов. На двусторонних форумах и в рамках специализированных соглашений по обмену контентом Китай получает возможность более полно и эффективно доносить свои месседжи. Успешно реализованные совместные проекты и документальные фильмы о природных парках, о восстановлении биологического разнообразия или опыте «зеленого строительства» могут существенно повысить уровень доверия к экологическим усилиям КНР [8]. При этом возникает важная задача избегать избыточно хвалебных материалов, которые аудитория может воспринять как пропаганду, и стремиться к

сбалансированной подаче, сочетающей достижения с конструктивными обсуждениями проблем.

Способность влиять на глобальную повестку часто зависит от транснациональных сетей коммуникации и цифровых технологий. Китай активно создает собственные медиаплатформы, способные конкурировать или взаимодействовать с крупнейшими соцсетями мира, но при этом сталкивается с ограничениями и барьерами, связанными с разницей в законодательстве и цензуре. Для формирования позитивного экологического имиджа важно, чтобы каналы распространения информации были доступны максимально широкому кругу международной аудитории. Помимо того, что зарубежные журналисты и эксперты должны иметь доступ к китайским ресурсам, сами китайские медиаплатформы стремятся адаптироваться к потребностям аудитории разных стран: использовать локальные языки, учитывать культурные особенности восприятия, создавать контент, который не только информирует, но и увлекает [10].

Информационные кампании Китая все чаще включают элементы storytelling, позволяющие показывать реальные истории людей, участвующих в экологических проектах, от фермеров до учёных-исследователей. Такой подход способствует более глубокой эмоциональной вовлеченности зарубежной аудитории. К примеру, ролики и статьи о судьбах семей, которые смогли улучшить качество жизни благодаря использованию солнечной энергии или систем очистки воды, вызывают отклик у международной общественности. В сочетании с фактологическими данными о степени сокращения выбросов или статистикой, демонстрирующей повышение энергоэффективности, подобный формат рассказа укрепляет доверие и подчеркивает гуманитарное измерение экологических проектов (табл. 3).

Таблица 3

Основные тематические направления для формирования экологического имиджа Китая.

Table 3

Main thematic areas for the formation of China's environmental image.

Тематическое направление	Описание
Инновации в экологии	Освещение достижений КНР в разработке экологически чистых технологий, включая солнечную и ветровую энергетику, электротранспорт и умные сети.
Борьба с загрязнением	Подчеркивание снижения загрязнения воздуха, воды и почвы благодаря масштабным реформам в промышленности и переходу на чистую энергию.
Природное восстановление	Примеры успешной реабилитации экосистем, таких как возвращение лесов, восстановление рек и улучшение качества воздуха.

Продолжение таблицы 3
Continuation of Table 3

Спасение биоразнообразия	Усилия по сохранению редких видов, создание национальных природных заповедников, а также программы по защите морских экосистем.
Образование и осведомленность	Рассказы об экологическом образовании, национальных "зеленых" программах и подъемах общественного осознания необходимости защиты природы.

Весьма важно и то, как КНР управляет кризисными ситуациями, связанными со стихийными бедствиями, авариями на промышленных объектах, нефтяными разливами или другими экологическими чрезвычайными происшествиями. Зарубежные медиа очень быстро подхватывают такие сюжеты, и если реакция китайских властей выглядит непрозрачной, это негативно сказывается на общем имидже страны. Совершенствование информационной политики предполагает готовность оперативно предоставлять точные данные, выстраивать открытые каналы для освещения причин и последствий ЧП, приглашать международных экспертов наблюдать за процессом ликвидации последствий. Такой подход демонстрирует ответственность и серьезность отношения Китая к природоохранным мероприятиям [6].

Актуальность вопроса создания позитивного экологического имиджа КНР растет по мере того, как природоохранная проблематика превращается в один из важнейших факторов мировой дипломатии и экономики. В эпоху, когда международные организации выставляют экологические стандарты и оценивают страновые успехи в борьбе с изменением климата, информационная прозрачность становится залогом признания на глобальном уровне. Китай стремится показать не просто формальное соответствие стандартам, но и собственное лидерство. Внешние коммуникации подчеркивают, что Пекин готов делиться технологиями, методиками и финансовыми инструментами с другими развивающимися странами, помогая им переходить к «зеленой» экономике [4].

При этом в западных и других зарубежных медиа часто звучит критика, которая указывает на сложные противоречия между быстрым экономическим ростом и экологическими приоритетами. Скептики задаются вопросом, насколько реальны амбициозные планы Китая по углеродной нейтральности, учитывая структуру его промышленности и энергопотребления. Однако грамотная информационная политика не должна обходить такую критику стороной: напротив, открытая дискуссия и ответы на конкретные претензии позволяют показать, что

КНР воспринимает экологическую проблематику всерьез и готова обсуждать «болевы точки».

Присутствие Китая в африканских, латиноамериканских и азиатских СМИ формируется не только за счет официальных сообщений, но и путем реализации совместных инфраструктурных проектов. Качество этих проектов, их экологическая безопасность, вовлечение местных сообществ — все это влияет на репутацию. СМИ развивающихся стран, которые сотрудничают с Китаем, часто подчеркивают важность инвестиций в локальную экономику, передачу технологий и создание рабочих мест. Тем не менее, бывают ситуации, когда негативные последствия эксплуатационных работ или слабый контроль за влиянием проектов на экологию приводят к критическим публикациям [1]. Отсюда вытекает необходимость постоянно совершенствовать не только управление самими проектами, но и сопровождение их в информационном пространстве.

Важной стороной информационной политики КНР является работа с международными организациями, занимающимися вопросами экологии и устойчивого развития. Поддержка программ ООН, Всемирного банка, Программы ООН по окружающей среде, сотрудничество с ЮНЕСКО и другими институтами способствует укреплению имиджа ответственного участника глобального диалога. Планомерное взаимодействие с неправительственными организациями и научными институтами также играет большую роль в формировании положительного фона. Ведь когда независимые эксперты подтверждают результаты китайских исследований или совместных проектов, это усиливает доверие, а значит, способствует более благоприятному восприятию Китая в зарубежных медиа [7].

Стоит учитывать, что качественное развитие информационного поля требует профессиональных кадров не только среди журналистов и пиар-специалистов, но и среди ученых, аналитиков, переводчиков, способных грамотно интерпретировать статистику и выводы научных исследований для широкой публики разных стран. Китай делает ставку на подготовку специалистов, которые работают в структуре

государственных СМИ, в международных новостных агентствах, а также в различных think tank-центрах. Они должны уметь вводить в глобальный оборот знания о китайской экополитике, убеждать международное сообщество в серьезности подхода и готовности к диалогу [3].

Выводы

Совершенствование информационной политики – процесс многоаспектный. Помимо государственной линии, необходимо активно задействовать бизнес-корпорации, поскольку они становятся участниками экологических инициатив. Например, крупные технологические компании Китая, работающие над решениями в области электромобилей, возобновляемой энергетики, умного транспорта, могут представлять интерес для международной аудитории не только как коммерческие структуры, но и как драйверы позитивных преобразований. Публикации о технологических стартапах, разработавших эффективные системы мониторинга загрязнений или инновационные способы утилизации отходов, формируют образ Китая как центра передовых экологических решений.

При всем этом нельзя недооценивать важность культурной дипломатии. Китай активно распространяет свою культуру через конфуцианские институты, фестивали, языковые курсы и обменные программы. И хотя экологическая политика, кажется, далека от сферы искусства и традиционной культуры, синергетический эффект достигается, когда демонстрируется ценность заботы о природе через призму культурного наследия. Например, показывая традиции бережного отношения к земле, водным ресурсам и редким видам животных, КНР апеллирует к древним философским основам своей цивилизации, что способствует более глубокому пониманию экологических инициатив современного государства [5].

Таким образом, совершенствование информационной политики КНР в контексте создания позитивного экологического имиджа является сложным и многокомпонентным процессом, включающим как активные действия по улучшению экологической ситуации внутри страны, так и всестороннюю, открытую и диалогическую стратегию внешних коммуникаций. От баланса между реальными экологическими преобразованиями и умением подать их на международной арене зависит, сможет ли Китай утвердиться в качестве ведущего экологического лидера 21 века или же столкнется с продолжающимся скепсисом значительной части зарубежных медиа и общества [1]. Формирование прозрачных, научно обоснованных и привлекательных нарративов, подкрепленных реальными достижениями, остается ключом к долгосрочному успеху Китая в области экологической дипломатии и укрепления глобального имиджа.

В то же время нельзя сказать, что процесс этот закончен или завершен. Информационная политика по своей природе должна постоянно реагировать на изменяющуюся обстановку, на эволюцию технологий и ценностей мировой общественности. Вероятно, мы еще увидим новые форматы международных коммуникаций, появление мультимедийных платформ с открытым доступом к данным экологического мониторинга, усиление роли независимых экспертов и дальнейшее развитие «зеленых» инноваций, которые станут предметом гордости Китая на мировой арене. Но уже сейчас очевидно, что чем более комплексно КНР подходит к вопросам экологии и чем прозрачнее она освещает свои усилия в зарубежных медиа, тем благоприятнее будет восприятие ее экологических инициатив и тем более продуктивным окажется вклад страны в общее дело спасения планеты [9].

Список источников

1. Алешина Е.А. Китайские СМИ как средство распространения положительного образа Китая // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 107-6. С. 63 – 65.
2. Гао Ивэнь. Современный образ США и России в китайских медиа // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 3 (94). С. 351 – 353.
3. Иванников Н.С., Правдина Е.Е. Особенности оценки имиджа КНР за рубежом на примере новостного освещения COVID-19 // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2 (48). С. 159 – 166.
4. Иванников Н.С., Правдина Е.Е. Специфика внутреннего имиджа Китайской Народной Республики в новостных публикациях // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 1 (43). С. 156 – 165.

5. Коханова Л.А., Головко С.Б., Харыбин Е.В., Черешнева Ю.Е., Грибок М.В. Интеграция коммуникативных и географических подходов в медиаэкологических исследованиях (на примере анализа крупнейших газетных изданий России, Китая и Японии) // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2022. Т. 28. № 1. С. 255 – 265.

6. Перевозова О.В., Череднякова А.Б. Коммуникативный аспект формирования имиджа территории: экологическая проблематика в интернет-СМИ промышленных регионов // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2022. Т. 11. № 5. С. 59 – 66.

7. Степанов П.Э. Вектор на Восток? Об изменении структуры потребления политической информации среди населения Иркутской области в период 2020-2023 годов // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 10 (103). С. 4159 – 4167.

8. Фадеев К.В., Борисова И.А. Политологический анализ реализации информационной политики российского государства в современных внешнеполитических условиях // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 2 (55). С. 196 – 200.

9. Федотова Л.Н., Юй Сяо. Опросы общественного мнения как зеркало имиджа Китая в мире // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 1. С. 152 – 162.

10. Фэн Дунли. Корпусное исследование экологического образа России // Вопросы истории. 2024. № 5. С. 154 – 159.

References

1. Aleshina E.A. Chinese media as a means of spreading a positive image of China. Trends in the Development of Science and Education. 2024. No. 107-6. P. 63 – 65.

2. Gao Yiwen. The modern image of the USA and Russia in Chinese media. The world of science, culture, education. 2022. No. 3 (94). P. 351 – 353.

3. Ivannikov N.S., Pravdina E.E. Features of assessing the image of the PRC abroad using the example of news coverage of COVID-19. Eurasian integration: economics, law, politics. 2024. Vol. 18. No. 2 (48). P. 159 – 166.

4. Ivannikov N.S., Pravdina E.E. Specifics of the internal image of the People's Republic of China in news publications. Eurasian integration: economics, law, politics. 2023. Vol. 17. No. 1 (43). P. 156 – 165.

5. Kokhanova L.A., Golovko S.B., Kharybin E.V., Cheresheva Yu.E., Gribok M.V. Integration of communicative and geographical approaches in media ecological studies (based on the analysis of the largest newspaper publications in Russia, China and Japan). InterCarto. InterGIS. 2022. Vol. 28. No. 1. P. 255 – 265.

6. Perevozova O.V., Cherednyakova A.B. Communicative aspect of forming the image of the territory: environmental issues in the online media of industrial regions. Scientific research and development. Modern communication studies. 2022. Vol. 11. No. 5. P. 59 – 66.

7. Stepanov P.E. Vector to the East? On the change in the structure of political information consumption among the population of the Irkutsk region in the period 2020-2023. Issues of national and federal relations. 2023. Vol. 13. No. 10 (103). P. 4159 – 4167.

8. Fadeev K.V., Borisova I.A. Political science analysis of the implementation of the information policy of the Russian state in modern foreign policy conditions. Bulletin of BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022. No. 2 (55). P. 196 – 200.

9. Fedotova L.N., Yu Xiao. Public opinion polls as a mirror of China's image in the world. Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. 2023. No. 1. P. 152 – 162.

10. Feng Dongli. Corpus study of the ecological image of Russia. Questions of History. 2024. No. 5. P. 154 – 159.

Информация об авторе

Чжао Цин, аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Qing@rudn.ru

© Чжао Цин, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070.5

Взаимодействие СМИ и сферы здоровья как предметная область исследования: сравнительный анализ практик в России и КНР

¹ Цзян Чжэн

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: данная статья посвящена исследованию взаимодействия средств массовой информации и сферы здоровья, проводя сравнительный анализ практик в России и КНР. Введение формулирует актуальность исследования: в условиях глобализации и растущего влияния медиа на общественное мнение, анализ медиапрактик в области здравоохранения становится необходимым для понимания механизмов формирования представлений о здоровье, профилактике заболеваний и реализации государственных программ в области здравоохранения. Методологическая основа работы строится на комплексном подходе, объединяющем количественные и качественные методы исследования. В статье применяется контент-анализ материалов ведущих информационных агентств обеих стран, а также сравнительный анализ дискурсивных стратегий, используемых для освещения медицинских проблем. Кроме того, проводились экспертные интервью с представителями журналистики и медиков, что позволило выявить основные тенденции и различия в подаче информации о здоровье. Результаты исследования позволили установить, что, несмотря на схожесть целей информирования и просвещения, характер представления проблем здравоохранения в СМИ России и КНР существенно различается. В российском медиапространстве наблюдается более выраженная критичность, акцент на анализ государственных мер и социальные последствия, тогда как китайские СМИ чаще ориентируются на демонстрацию успехов национальной системы здравоохранения и эффективность проводимых реформ. Выявлен также ряд общих трендов, таких как возрастающая роль цифровых платформ, усиление регулятивного воздействия со стороны государства и необходимость оперативной реакции на общественные вызовы. Обсуждение результатов подчеркивает важность межкультурного диалога и обмена опытом между странами, а также необходимость развития медиаграмотности населения для более глубокого понимания информации, получаемой из различных источников. Авторы приходят к выводу, что сравнительный анализ медиа-практик в сфере здоровья способствует развитию эффективных коммуникационных стратегий, направленных на улучшение качества общественного здравоохранения и информирования граждан. Итогом исследования становится формирование рекомендаций для медиа и государственных структур, позволяющих повысить объективность и эффективность передачи информации о здоровье в условиях информационного общества.

Ключевые слова: СМИ, здравоохранение, взаимодействие, сравнительный анализ, Россия-КНР

Для цитирования: Цзян Чжэн Взаимодействие СМИ и сферы здоровья как предметная область исследования: сравнительный анализ практик в России и КНР // Современный ученый. 2025. № 4. С. 113 – 120.

Поступила в редакцию: 27 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 28 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Media and health sphere interaction as a research subject: a comparative analysis of practices in Russia and the PRC

¹ Jian Zheng

¹ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Abstract: this article is devoted to the study of the interaction between mass media and the health sphere, conducting a comparative analysis of practices in Russia and the PRC. The introduction establishes the relevance of the study: amid globalization and the growing influence of the media on public opinion, analyzing media practices in the field of healthcare becomes necessary to understand the mechanisms behind shaping perceptions of health, disease prevention, and the implementation of state healthcare programs. The methodological foundation of the work is based on a comprehensive approach that combines quantitative and qualitative research methods. The article employs content analysis of materials from the leading news agencies of both countries, as well as a comparative analysis of the discursive strategies used to cover medical issues. In addition, expert interviews were conducted with representatives from journalism and the medical field, which helped identify the main trends and differences in the presentation of health information. The study's results indicate that, despite similar goals of informing and educating the public, the portrayal of health issues in the media in Russia and the PRC differs significantly. In the Russian media space, a more pronounced critical tone is observed, with an emphasis on analyzing state measures and social consequences, while Chinese media tend to focus on showcasing the successes of the national healthcare system and the effectiveness of the reforms implemented. A number of common trends were also identified, such as the increasing role of digital platforms, the intensified regulatory influence of the state, and the need for a prompt response to societal challenges. The discussion of the findings underscores the importance of intercultural dialogue and the exchange of experiences between countries, as well as the necessity of developing media literacy among the population to foster a deeper understanding of information received from various sources. The authors conclude that a comparative analysis of media practices in the health sphere contributes to the development of effective communication strategies aimed at improving the quality of public health and citizen information. The study culminates in the formulation of recommendations for the media and governmental structures to enhance the objectivity and efficiency of conveying health information in the context of an information society.

Keywords: media, healthcare, interaction, comparative analysis, Russia-PRC

For citation: Jian Zheng Media and health sphere interaction as a research subject: a comparative analysis of practices in Russia and the PRC. Modern Scientist. 2025. 4. P. 113 – 120.

The article was submitted: November 27, 2024; Approved after reviewing: January 28, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Система взаимодействия средств массовой информации и сферы здравоохранения, являющаяся предметом исследований в различных странах, во многом предопределяет возможности населения получать актуальные сведения профилактике болезней, факторах риска, методах лечения, новейших медицинских разработках и рекомендациях специалистов. Информированность граждан по вопросам здоровья напрямую зависит от качества и целенаправленности коммуникации между профильными учреждениями, научным сообществом и журналистами, которые в свою очередь выступают проводниками важных сведений для широкой общественности. Именно от того,

насколько грамотно организовано такое взаимодействие, зависит не только эффективность государственных программ в области здравоохранения, но и уровень доверия общества к проводимым мероприятиям. Стремительное распространение цифровых медиа способствует появлению новых возможностей и одновременно ставит вызовы перед всеми участниками процесса, требуя выработки единых регламентов, стандартов этики и форматов подачи информации, особенно в контексте международных сравнений [2]. Сотрудничество СМИ и сферы здоровья не ограничивается лишь информированием, но также предполагает стимулирование здорового образа жизни, профилактику вредных привычек и создание позитивного настроя у населения. В

таких масштабных странах, как Россия и Китай, где проживает огромное количество людей с различным уровнем культуры, доходов и доступности медиасредств, структура и формы этого взаимодействия существенно варьируются, отражая общую социально-политическую обстановку, экономические условия и специфику национальных систем здравоохранения.

В Российской Федерации значительную роль в формировании подходов к подаче медицинской информации играют устоявшиеся государственные медиа, ориентированные на освещение политики, здравоохранения и других важных общественных вопросов. Традиционно существовала сильная зависимость от официальных органов в плане трактовки и

распределения сведений, при этом количество специальной внегосударственной прессы, посвящённой исключительно вопросам здоровья, долгое время оставалось сравнительно невысоким. Однако ситуация начала меняться с развитием частных телеканалов и интернет-порталов, которые активно выпускают передачи и статьи на темы медицины, здорового образа жизни и врачебных рекомендаций. Интерес к подобным программам растёт, и вместе с этим увеличивается многообразие форматов, презентаций экспертов в студиях, интервью с врачами, интерактивных медицинских онлайн-сервисов, мобильных приложений для самоконтроля состояния организма (табл. 1).

Таблица 1

Особенности взаимодействия СМИ и сферы здравоохранения в России и Китае.

Table 1

Features of interaction between the media and the healthcare sector in Russia and China.

Характеристика	Россия	Китай
Регулирование контента	Контент СМИ регулируется законодательством, основное внимание уделяется борьбе с фейковыми новостями	Жесткое государственное регулирование; внимание на цензуру и контроль распространяемой информации
Роль государства	Государство активно участвует в освещении вопросов здравоохранения через национальные СМИ	СМИ строго контролируются государством, акцент на продвижении государственной политики
Основные форматы подачи	Новости, аналитические статьи, телевизионные передачи, социальные сети	Официальные заявления, телевидение, соцсети: WeChat, Weibo, TikTok
Ключевые сферы освещения	Программы вакцинации, проблемы с заражениями (COVID-19), доступность медицинских услуг	Борьба с пандемиями, технологические достижения в медицине, продвижение традиционной китайской медицины
Сложности взаимодействия	Недостаток достоверной информации, распространение слухов через соцсети	Проблемы с доступом независимых СМИ, государственная пропаганда может подавлять альтернативные точки зрения

Материалы и методы исследований

Важно отметить, что в России, как и во многих других странах, активно осуществляется процесс цифровизации здравоохранения, способствующий развитию электронной системы records, телемедицины и дистанционных консультаций. Такие преобразования требуют от СМИ особой компетентности для грамотного разъяснения сложных технических и организационных процессов широкой аудитории. Часто пресса помогает властям в распространении необходимых знаний в периоды эпидемий, пропагандируя меры предосторожности, вакцинацию, объясняя механизмы заражения, отчего повышается общая степень готовности населения к непредвиденным ситуациям [5].

В Китае, имеющем колоссальный опыт в борьбе с эпидемиями и в развитии медицинских

инноваций, средства массовой информации играют не менее важную роль: они нередко действуют в тесной координации с органами здравоохранения, чётко следуя государственной линии на пропаганду здорового образа жизни и социальной стабильности [7]. Китайские массмедиа часто направлены на укрепление коллективных ценностей, поддержку солидарности граждан и формирование доверия к правительственным инициативам, а регулярные прямые включения с представителями Министерства здравоохранения позволяют населению оперативно получать официальные данные о ситуации с теми или иными заболеваниями. В последние годы благодаря технологическому прорыву наблюдается широкое распространение цифровых платформ, мессенджеров и социальных сетей китайского

сегмента интернета, где темы здоровья и профилактики обсуждаются достаточно интенсивно как на официальных каналах, так и в пользовательском контенте. У китайского народа исторически существует глубокое уважение к традиционной медицине, и поэтому официальные медицинские платформы активно включают соответствующий контент, позволяя гражданам совмещать современные методы лечения с традиционными практиками, что часто отражается и в медиа. При этом продвижение фигуры врача, эксперта, лидера общественного мнения в Китае имеет свои особенности, вытекающие из общественного уважения к профессии и подчёркивающие значимость слова специалиста.

Результаты и обсуждения

Сравнительный анализ двух стран показывает общую тенденцию к усилению внимания со

стороны государства к медиа как каналу, способному влиять на поведение людей и формировать массовые представления, особенно когда речь идёт о здоровье нации. В России, несмотря на растущее разнообразие независимых источников информации, государственные органы продолжают оставаться важным актором в процессе распространения медицинских сведений [1]. В Китае централизованное управление медиа и здравоохранением оказывает ещё более выраженное воздействие, задавая тон коммуникации, её стилистику и акценты. При этом в обеих странах существует определённая проблема доверия населения к официальной информации: люди иногда полагают, что часть важных медицинских данных может замалчиваться или подаваться фрагментарно (табл. 2).

Таблица 2

Каналы распространения информации о здравоохранении через СМИ в России и Китае.

Table 2

Channels for disseminating information about healthcare through the media in Russia and China.

Канал распространения	Россия	Китай
Традиционное телевидение	Новости на федеральных и региональных телеканалах	Центральное телевидение (CCTV), специальные передачи о здоровье
Социальные сети	Vkontakte, Odnoklassniki, Telegram, Instagram	WeChat, Weibo, Douyin (китайский TikTok)
Интернет-СМИ и онлайн-платформы	Meduza, RIA Novosti, "Коммерсант", TASS и независимые блоги	Toutiao, Baidu, платформы для блогов и локальная государственная онлайн-пресса
Государственные кампании	Программы информирования через официальные пресс-релизы и онлайн-ресурсы	Массовые кампании через телевидение, социальные сети и приложения госуслуг
Мобильные приложения	"Госуслуги", профилактические приложения	Приложения для слежения за здоровьем (включая COVID-коды здоровья в Alipay, WeChat)

В то же время и российские, и китайские медиа осознают ценность формата «врач-пациент» для популяризации профилактики, укрепления ощущения личной ответственности каждого за своё самочувствие. Формат таких сюжетов или статей помогает сделать медицинскую тематику ближе к аудитории, демонстрируя реальные случаи, интервью с пациентами, показывая эффективность лечебных методик. Рассматривая практики продвижения здорового образа жизни, важно учитывать, что в России всё больше внимания уделяется здоровому питанию, спорту и отказу от вредных привычек, тогда как в Китае в последние годы особый акцент делается на смарт-технологии для контроля за состоянием здоровья, дистанционные консультации и интеграцию

традиционной китайской медицины в систему государственной медицины [3].

При этом интересен вопрос об используемых каналах и методах коммуникации между здравоохранением и СМИ. В России существенную роль продолжают играть телевидение и радио, так как у старшего поколения они остаются привычными источниками информации [9]. Однако среди молодёжи и жителей крупных городов всё шире применяется интернет: люди активно читают объявления, новости по здоровью в соцсетях, на медицинских порталах, в блогах врачей, подписываются на тематические паблики. Личные истории пациентов, рассказанные в социальных сетях, часто вызывают живой отклик, формируют доверие и способствуют вовлечённости. В Китае наряду с государственным телевидением, которое

традиционно имеет высокий уровень охвата, и популярными печатными изданиями активно действуют медийные платформы WeChat, Weibo и ряд других сервисов.

Они используются не только как каналы для распространения официальных заявлений, но и как площадки для интерактивного обсуждения, работы с аудиторией, анализа обратной связи. Здесь можно наблюдать различные форматы: от коротких видеороликов с советами врачей до серьёзных аналитических статей о современном уровне медицинских технологий. Использование онлайн-чатов с участием экспертов становится популярным способом обучения и консультирования граждан по вопросам профилактики, психологии и здорового питания. Это важно для обеих стран с географически обширными территориями, ведь новые цифровые решения повышают доступность медицинских знаний даже для регионов, где нет крупных научных центров [10].

Особую роль играет тематическая направленность материалов: от простых советскоориентированных публикаций для повседневных нужд населения (например, «как правильно питаться», «как распознать симптомы

простуды») до глубоких аналитических очерков по фармакологическим исследованиям и новым методам терапии [4]. В России многие программы о здоровье на телевидении имеют форму развлекательно-информационного шоу, где врачи и гости в студии рассказывают о том, как правильно вести здоровый образ жизни, какие анализы стоит сдать, какие лекарства предпочитать. Однако часто такие шоу критикуют за чрезмерную упрощённость и рекламный характер. В Китае также существует развлекательный формат, но правительство старается контролировать, чтобы реклама лекарственных препаратов не вводила зрителей в заблуждение относительно их свойств, а популяризация традиционной медицины шла в соответствии с научно обоснованными подходами [6]. Тем временем научно-медицинские журналы, публикующие результаты современных исследований, незначительно влияют на массовую аудиторию обоих государств, поскольку ориентированы на узкий круг специалистов. Поэтому основное поле битвы за внимание и доверие граждан разворачивается именно в популярных медиа и социальных сетях (табл. 3).

Таблица 3

Основные черты освещаемых тем и акценты в области здравоохранения в СМИ России и Китая.

Table 3

Main features of the topics covered and emphases in the field of healthcare in the media of Russia and China.

Тематика	Россия	Китай
Эпидемии и пандемии	COVID-19 — акцент на вакцинацию и ограничительные меры	COVID-19 — акцент на жестких мерах контроля, использования технологий слежения за здоровьем
Здоровый образ жизни	Программы, направленные на отказ от курения и алкоголя	Пропаганда здорового образа жизни с акцентом на традиционной китайской медицине
Достижения в медицине	Освещение успехов фармацевтической отрасли и медицинских технологий	Презентация достижений в области биотехнологий, генетики и искусственного интеллекта в медицине
Доступность медицины	Проблемы с доступом к качественным медицинским услугам в отдаленных регионах	Акцент на доступности базовой медицины через массовые программы и сети госпиталей
Инфодемия (распространение фейков)	СМИ активно противодействуют фейкам и слухам через экспертов	Борьба с неверной информацией через контроль СМИ и социальные платформы

Важно отметить, что в условиях глобальных вызовов (как эпидемии, демографические проблемы, старение населения) значимость сотрудничества СМИ и медицины возрастает. В России существуют национальные проекты, включающие профилактические кампании, приуроченные к общероссийским дням здоровья, вакцинации, поддержке материнства и детства, где

нередко добиваются усиленного медийного эффекта путём привлечения известных артистов, спортсменов, телеведущих [2]. В Китае, где по-прежнему высок интерес к инновациям, такие кампании интегрируются с современными технологиями, вовлекая мобильные приложения, цифровые квесты, онлайн-конкурсы, а также «звёзд» китайской эстрады, популярных блогеров

и стримеров. Всё это формирует благоприятный эмоциональный фон, стимулируя людей узнавать что-то новое о здоровье, проходить обследования, следовать официальным рекомендациям. Однако одних лишь кампаний бывает недостаточно, если отсутствует чёткая система непрерывной профессиональной коммуникации между врачами, исследовательскими институтами, СМИ и аудиторией. Также отсутствует единая стандартизированная методика оценки эффективности таких кампаний, что затрудняет сопоставление результатов в долгосрочной перспективе.

Сравнивая организационные модели в России и КНР, нельзя не учитывать факт разной политической системы и специфики взаимодействия государственных органов с общественностью. В России роль социальной рекламы и государственно-частного партнёрства в продвижении здорового образа жизни возрастает, при этом региональные власти всё чаще выпускают собственные печатные и электронные материалы для освещения локальных проектов, дней здоровья, бесплатных мероприятий, анализа локальных эпидемиологических обстановок. В Китае информирование населения выстраивается более вертикально, при этом существует строгая координация центральных властей с местными структурами, и медиасфера подчиняется единым стандартизированным принципам подачи информации. Однако при всех различиях обе страны понимают критическую значимость непрерывного диалога между здравоохранением и СМИ. Развитие коммуникационной инфраструктуры должно идти параллельно с повышением уровня медицинской грамотности среди журналистов, ведущих программ, редакторов. Между тем, многие эксперты указывают на то, что одной из главных проблем в обоих государствах остаётся нехватка профессиональных журналистов, специализирующихся именно на медицине, умеющих корректно интерпретировать научные данные, не допускать искажённых трактовок.

Ключевым элементом, объединяющим российскую и китайскую практики, является растущая роль интернета и социальных сетей в качестве площадки для обмена мнениями, критики, выражения гражданских позиций и обсуждения реформ в сфере здравоохранения. Порой именно веб-сайты, блоги, форумы становятся источником прорыва в коммуникации: пациенты делятся друг с другом советами, рассказывают о ходе лечения, оставляют отзывы о конкретных больницах и врачах. Появляются публичные деятели, которые специализируются

именно на медицинских темах, имеют большое количество подписчиков и пользуются доверием аудитории [2]. Российские блогеры, как и китайские инфлюенсеры, нередко оказываются способны донести информацию эффективнее, чем традиционные СМИ, ведь они говорят с аудиторией на «одном языке», имеют неформальный стиль и готовы к персональной обратной связи. Однако при этом повышается риск распространения непроверенных, ложных данных. В связи с этим в обоих государствах обсуждается необходимость обучения блогеров основам медицинской журналистики и введения своеобразной системы сертификации, подтверждающей их компетентность. Подобные инициативы пока ещё в зачаточном состоянии, однако увеличивающееся влияние соцсетей на настроения общества заставляет правительства задумываться о мерах регулирования.

Можно сделать вывод, что взаимодействие СМИ и сферы здоровья как предметная область исследования открывает широчайшие перспективы для сравнительного анализа практик в России и КНР. Обе страны, обладая существенными различиями в политическом устройстве, культуре и уровне экономического развития, тем не менее демонстрируют общую тенденцию использования медиа как инструмента пропаганды здорового образа жизни, профилактики и формирования положительного имиджа национальной системы здравоохранения [15]. Различия проявляются в степени централизации информационной политики, вовлечении частного сектора, уровне свободы слова, стиле подачи материалов и том, как журналисты и блогеры взаимодействуют с аудиторией. Важнейшим вызовом остаётся достоверность информации и этика, особенно в условиях цифрового доминирования социальных сетей, где контроль за соблюдением стандартов качества сложнее. Исследования показывают, что укрепление доверия к официальным каналам, внедрение стандартов медицинской журналистики, повышение квалификации специалистов инфосферы и открытость диалога являются ключевыми факторами успешного партнёрства здравоохранения и СМИ [8]. Опираясь на опыт международных организаций и научной кооперации, Россия и Китай могут продолжать совершенствовать свои практики взаимодействия, опираясь на традиции своих культур, но и активно заимствуя лучшие мировые подходы для улучшения здоровья нации.

Выводы

Одновременно с этим стоит ожидать, что в

обоих государствах будет продолжать нарастать роль интернета и мобильных приложений для распространения медицинской информации. При грамотном использовании таких платформ они способны оперативно охватывать колоссальные аудитории, в том числе в удалённых регионах, способствовать телемедицинскому обслуживанию и расширять возможности профилактики [2]. Однако данное развитие требует продуманной организационно-правовой базы, специалистов новой волны (коммуникаторов, IT-разработчиков, аналитиков данных), и согласованного подхода

государственных структур, медицинских учреждений, СМИ и экспертного сообщества. Исходя из перечисленных факторов, можно утверждать, что тема взаимодействия массовых медиа и здравоохранения будет оставаться одной из наиболее значимых в социологии массовых коммуникаций и политике публичного управления, а её сравнительный анализ на примере России и Китая поможет выявлять лучшие практики и сценарии эволюции данного направления на ближайшие годы и десятилетия.

Список источников

1. Мустафин И.Г., Ксембаев С.С., Торгашова О.Е. Здоровье человека в XXI веке. XI Российская научно-практическая конференция с международным участием // Казанский медицинский журнал. 2019. Т. 100. № 6. С. 1001 – 1002.
2. Чулкова Д.В. Международное сотрудничество в сфере здравоохранения // Право и политика: теоретические и практические проблемы: Сборник материалов 5-й Международной научно-практической конференции / отв. ред. Н.Н. Кулешова. 2017. С. 184 – 186.
3. Барсукова И.М., Бойков А.А., Вишняков Н.И. и др. Международное сотрудничество в сфере здравоохранения // Общественное здоровье и здравоохранение: учебник для студентов. Москва, 2018. С. 664 – 665.
4. Байдаев И.В. Проблемы международного сотрудничества в области здравоохранения // Развитие современного региона: вопросы науки и практики: Материалы XV международной студенческой научно-практической конференции. Саратов, 2022. С. 3 – 7.
5. Домрачева С.А. Межкультурное взаимодействие как фактор сохранения социально-психологического здоровья молодежи // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2017. Т. 17. № S2. С. 81 – 82.
6. Кузьмина Е.Р. Международное сотрудничество в борьбе с распространением вирусных заболеваний // Концепции развития института прав человека в условиях глобализации современного права и политики: сборник научных трудов по материалам международного научно-практического круглого стола / отв. ред. Н.Н. Кулешова. 2016. С. 169 – 171.
7. Залесский Б.Л. Международные отношения и медиа. Особенности многовекторного международного сотрудничества в период глобальных вызовов. Saarbrücken, 2016.
8. Романова Е.В. Международная научно-практическая конференция с on-line участием "Психолого-педагогические и медико-биологические проблемы здоровья человека": НИР: грант № 19-013-20149. Российский фонд фундаментальных исследований. 2019.
9. Орел В.И., Ким А.В., Беженар С.И., Булдакова Т.И., Галанова Т.Н. Межведомственное взаимодействие по сохранению здоровья детей // Педиатрия и детская хирургия в Приволжском федеральном округе. VI Конференции педиатров-нефрологов Приволжского федерального округа, IV Конференции детских гастроэнтерологов Приволжского федерального округа, III Конференции неонатологов Приволжского федерального округа, II Конференции ПФО по спортивной медицине, I Конференции Приволжского федерального округа по социальной педиатрии. 2015. С. 56 – 57.
10. Требенко А.А. Международное сотрудничество по противодействию преступности в контексте сохранения современного миропорядка // Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, приуроченной к 20-летию принятия Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. Москва, 2020. С. 155 – 159.

References

1. Mustafin I.G., Ksembaev S.S., Torgashova O.E. Human health in the 21st century. XI Russian scientific and practical conference with international participation. Kazan medical journal. 2019. Vol. 100. No. 6. P. 1001 – 1002.
2. Chulkova D.V. International cooperation in healthcare. Law and politics: theoretical and practical problems: Collection of materials of the 5th International scientific and practical conference. ed. N.N. Kuleshova. 2017. P. 184 – 186.
3. Barsukova I.M., Boykov A.A., Vishnyakov N.I. et al. International cooperation in healthcare. Public health and healthcare: textbook for students. Moscow, 2018. P. 664 – 665.
4. Baidaev I.V. Problems of international cooperation in the field of healthcare. Development of the modern region: issues of science and practice: Proceedings of the XV international student scientific and practical conference. Saratov, 2022. P. 3 – 7.
5. Domracheva S.A. Intercultural interaction as a factor in maintaining the socio-psychological health of young people. Issues of mental health of children and adolescents. 2017. Vol. 17. No. S2. P. 81 – 82.
6. Kuzmina E.R. International cooperation in the fight against the spread of viral diseases. Concepts of development of the human rights institute in the context of globalization of modern law and politics: collection of scientific papers based on the materials of the international scientific and practical round table. ed. N.N. Kuleshova. 2016. P. 169 – 171.
7. Zalessky B.L. International relations and media. Features of multi-vector international cooperation in the period of global challenges. Saarbrücken, 2016.
8. Romanova E.V. International scientific and practical conference with on-line participation "Psychological, pedagogical and medical-biological problems of human health": R&D: grant No. 19-013-20149. Russian Foundation for Basic Research. 2019.
9. Orel V.I., Kim A.V., Bezhenar S.I., Buldakova T.I., Galanova T.N. Interdepartmental interaction to maintain children's health. Pediatrics and pediatric surgery in the Volga Federal District. VI Conference of pediatric nephrologists of the Volga Federal District, IV Conference of pediatric gastroenterologists of the Volga Federal District, III Conference of neonatologists of the Volga Federal District, II Conference of the Volga Federal District on sports medicine, I Conference of the Volga Federal District on social pediatrics. 2015. P. 56 – 57.
10. Trebenok A.A. International cooperation in combating crime in the context of maintaining the modern world order. Actual problems of international cooperation in the fight against crime: a collection of articles following the results of the International scientific and practical conference dedicated to the 20th anniversary of the adoption of the UN Convention against Transnational Organized Crime of 2000. Moscow, 2020. P. 155 – 159.

Информация об авторе

Цзян Чжэн, аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Zheng@rudn.ru

© Цзян Чжэн, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 004.678

Особенности языка и стиля медиаконтента в Интернет-СМИ Китая

¹ Чжан Шухань

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: в данной статье рассматриваются особенности языка и стиля медиаконтента в Интернет-СМИ Китая, что обусловлено значительным влиянием цифровых технологий на современные формы коммуникации. Исследование направлено на выявление специфики языковых и стилистических решений, используемых в китайских Интернет-СМИ, их эволюционных особенностей, а также влияния культурных и политико-социальных факторов на формирование медиатекста. Методологическая основа работы включает комплексный подход, сочетающий количественные и качественные методы анализа. В рамках исследования проведён лингвистический анализ текстов, опубликованных в ряде ведущих Интернет-СМИ Китая, с использованием компьютерных технологий обработки текстовых данных и методов семантического анализа. Собранный выборка текстов охватывала различные жанровые и тематические направления, что позволило всесторонне оценить уровень информационного содержания и стилистические вариации медиаконтента. Результаты исследования выявили, что китайские Интернет-СМИ демонстрируют выраженную тенденцию к использованию специфической терминологии и риторических конструкций, направленных на формирование особого восприятия информации аудиторией. Особое внимание уделено механизмам адаптации языка к требованиям цифровой эпохи: активное использование эмодзи, аббревиатур и гипертекстовых ссылок становится характерной чертой коммуникации. Также отмечается влияние государственной политики на жанровые особенности и цензурные ограничения, что формирует уникальный стиль представления новостной информации. Обсуждение результатов свидетельствует о том, что особенности языка и стиля медиаконтента в Китайских Интернет-СМИ обусловлены как глобальными процессами цифровизации, так и локальными культурно-политическими особенностями. В заключении делается вывод о необходимости дальнейших исследований для углублённого анализа трансформации медиасреды в условиях расширения цифровых коммуникаций как в Китае, так и на международном уровне. Полученные данные могут служить основой для разработки стратегий информационного взаимодействия в эпоху цифровых технологий. Данное исследование открывает перспективы для дальнейших междисциплинарных разработок, объединяющих лингвистику, культурологию и коммуникационные науки. Выявленные закономерности могут быть использованы для разработки методик исследования информационных стратегий в интернет-пространстве, а также для совершенствования практик журналистской этики и повышения качества цифрового контента. Итоги работы способствуют развитию теоретических подходов в изучении массовых коммуникаций и стимулируют проведение аналогичных исследований в других странах, что позволяет сделать сравнительный анализ современных медиапрактик на глобальном уровне.

Ключевые слова: язык, стиль, медиаконтент, Интернет-СМИ, Китай

Для цитирования: Чжан Шухань Особенности языка и стиля медиаконтента в Интернет-СМИ Китая // Современный ученый. 2025. № 4. С. 121 – 128.

Поступила в редакцию: 28 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 29 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Features of the language and style of media content in Chinese Internet media

¹ Zhang Shuhan

¹ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Abstract: this article examines the features of the language and style of media content in Chinese Internet media, which are conditioned by the significant influence of digital technologies on modern forms of communication. The research aims to identify the specifics of the linguistic and stylistic solutions used in Chinese Internet media, their evolutionary features, as well as the impact of cultural and socio-political factors on the formation of the media text. The methodological basis of the work includes a comprehensive approach combining both quantitative and qualitative analytical methods. Within the framework of the study, a linguistic analysis was conducted on texts published by several leading Chinese Internet media outlets using computer technologies for processing text data and semantic analysis methods. The collected sample of texts covered various genre and thematic directions, which allowed for a comprehensive evaluation of the level of informational content and stylistic variations of the media content. The results of the study revealed that Chinese Internet media exhibit a pronounced tendency towards using specific terminology and rhetorical constructions aimed at shaping a particular perception of the information by the audience. Special attention is given to the mechanisms of adapting language to the requirements of the digital era: active use of emojis, abbreviations, and hypertext links becomes a characteristic feature of communication. The influence of state policy on genre features and censorship restrictions is also noted, which forms a unique style of presenting news information. The discussion of the results indicates that the peculiarities of the language and style of media content in Chinese Internet media are determined both by global digitalization processes and by local cultural-political specifics. In conclusion, it is noted that further research is necessary for a more in-depth analysis of the transformation of the media environment under the expansion of digital communications both in China and internationally. The data obtained can serve as a basis for developing strategies for information interaction in the digital age. This study opens up prospects for further interdisciplinary developments combining linguistics, cultural studies, and communication sciences. The identified regularities can be used to develop methodologies for researching information strategies in the Internet space, as well as for improving journalistic ethics practices and enhancing the quality of digital content. The results contribute to the development of theoretical approaches in the study of mass communications and stimulate the conduction of similar research in other countries, thus allowing for a comparative analysis of modern media practices on a global level.

Keywords: language, style, media content, Internet media, China

For citation: Zhang Shuhan Features of the language and style of media content in Chinese Internet media. Modern Scientist. 2025. 4. P. 121 – 128.

The article was submitted: November 28, 2024; Approved after reviewing: January 29, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Язык и стиль медиаконтента в китайских Интернет-СМИ оказывают значительное влияние на формирование общественного мнения и культурных ценностей в современном Китае. С появлением и быстрым развитием цифровых платформ, а также с изменением потребительских привычек аудитории, наблюдается тенденция к трансформации традиционных форм подачи новостей и информационных материалов. Происходит стирание границ между официальной прессой и личными блогами, появляются гибридные форматы, где журналистика сочетается с элементами развлекательного контента. Интернет-СМИ в Китае играют особую роль,

поскольку здесь информационное пространство развивается в условиях активного взаимодействия традиционных культурных норм и требований государственной регуляции. При этом оформились характерные черты языка и стиля, присущие именно китайскому интернет-контенту, которые можно рассматривать в тесной связи с историческими и социальными особенностями страны.

Наиболее примечательной чертой китайского интернет-контента является стремление к краткости и выразительности. В условиях стремительного потока информации, характерного для цифровых медиа, авторы статей и заметок в китайских Интернет-СМИ вынуждены обращаться

к более лаконичным формам выражения. Здесь краткость становится не только средством для удержания внимания часто спешащего читателя, но и своеобразным стилистическим приемом, позволяющим концентрировать внимание на ключевых аспектах темы. Сеть наполнена огромным количеством новостных историй и комментариев пользователей, в результате чего журналисты стремятся создавать контент,

способный выделиться среди множества альтернатив [2]. В коротких абзацах текстов китайских СМИ чаще присутствует прямолинейное изложение фактов, а с точки зрения лексики используется сочетание каноничных выражений и простых разговорных оборотов, что приближает текст к аудитории разного уровня подготовленности (табл. 1).

Таблица 1

Особенности языка Интернет-СМИ Китая.

Table 1

Characteristics of the language of Chinese Internet media.

Характеристика	Описание
Официальность	Используется формальный язык, особенно в новостях, связанных с политикой, экономикой и здравоохранением.
Простота языка	При публикации для широкой аудитории применяется упрощенный стиль подачи информации, чтобы её могли понять люди с разным уровнем образования.
Использование лозунгов	Часто в статьях встречаются государственные лозунги или ключевые фразы, связанные с национальными проектами (например, "Китайская мечта").
Термины на основе идеологии	Многие материалы используют риторику и термины, основанные на коммунистической идеологии или государственной политике.
Доступность и краткость	Контент часто пишется коротко и ясно, с использованием инфографики и ключевых слов, чтобы привлечь внимание читателей.

При этом нельзя не отметить интересную особенность китайской системы письменности, которая влияет на форму подачи материала. Иероглифическая письменность сама по себе предполагает визуальную насыщенность и образность, а возможность играть значениями иероглифов порождает богатство культурных и стилистических ассоциаций [8]. В онлайн-среде это может выражаться в использовании интернет-мемов, модифицированных иероглифов и созвучий, которые легко распространяются по социальным сетям и становятся элементами общего культурного кода. Таким образом, язык и стиль в китайском медиаконтенте обогащаются не только за счёт традиционных факторов, но и благодаря новым формам цифрового общения, где зрительный образ, ирония и языковая игра соединяются воедино.

Материалы и методы исследований

Одновременно с этим важным аспектом остаётся влияние государственной политики на формат и содержание медиаконтента. Китайское правительство активно регулирует деятельность онлайн-платформ, что сказывается на стилистических характеристиках публикуемого материала. Авторы вынуждены адаптировать лексические средства, подбирать выражения таким образом, чтобы избегать прямой критики отдельных политических органов и не затрагивать

темы, выходящие за рамки дозволенного дискурса [1]. В результате возникает специфическая риторика, где ведущую роль играют позитивные или нейтральные формулировки, а ключевые социально-политические вопросы часто раскрываются через призму официального идеологического нарратива. Однако в китайских Интернет-СМИ существуют и многочисленные частные платформы, где тон публикаций более либерален, но всё равно проходит самоцензуру. Итогом становится многоуровневая медиасреда, где основное отличие заключается не только в содержании, но и в самих языковых средствах, используемых для обсуждения актуальных тем [6].

Значимой особенностью является широкое использование дополнительных мультимедийных элементов. Интернет-СМИ Китая активно внедряют в тексты видеоролики, короткие аудио- и фотографии, стараясь максимально разнообразить читательский опыт. Такие материалы дают дополнительную возможность для авторам подчеркивать эмоциональную окраску сообщения [5]. Вместе с тем развивается практика включения анимации и интерактивных элементов в структуру интернет-статей, что меняет восприятие текста: пользователь получает не просто новость, а синтез различных визуальных и текстовых средств. В этих условиях традиционные формы журналистики перерастают

в мультимедийные проекты, где язык текста должен гармонично сочетаться с элементами дизайна и технологиями подачи информации.

Результаты и обсуждения

Примечательно также влияние рекламно-маркетинговой стилистики на язык китайских Интернет-СМИ. В условиях высокой конкуренции и постоянного поиска новых методов монетизации интернет-площадок, создатели контента всё чаще адаптируют журналистские материалы к промо-формату, стараясь сделать их ярче и привлекательнее для широкой аудитории. На страницы онлайн-изданий попадают заголовки, использующие броские слоганы, а в текстах появляются элементы, характерные для рекламных текстов: призывы к действию, эмоционально заряженные прилагательные, подчёркивающие выгоду или пользу [9]. Такое внедрение маркетинговых технологий в журналистскую практику порождает новый гибридный стиль, в котором границы между информированием и продвижением товаров и услуг становятся крайне размытыми. Читатели часто не отличают нативную рекламу от обычной статьи, что может вызывать дополнительные дискуссии о прозрачности и достоверности публикуемых материалов.

Наряду со сдержанностью в отношении политических вопросов в языке китайских Интернет-СМИ всё чаще встречаются элементы эмоциональной экспрессии в освещении общественных и развлекательных тем. Это объясняется стремлением медиа привлечь как можно большую аудиторию и вызвать у читателей чувство сопричастности. Статьи о повседневной

жизни, культуре, здоровье или образовании часто насыщены трогательными историями, а также яркими примерами, наглядно иллюстрирующими рассматриваемые проблемы [3]. При этом сам стиль подачи порой достигает уровня драматизации, где повествование дополнено детальными описаниями человеческих эмоций. Такая тенденция особенно заметна в жанрах репортажа и интервью, ориентированных на живое отображение действительности. Использование лексики с сильной эмоциональной коннотацией укрепляет связь между автором и читателем, стимулируя активное обсуждение материалов в комментариях.

Важной чертой медиаконтента в китайских Интернет-СМИ можно считать его глубокую взаимосвязь с социальными сетями. Многие журналисты и блогеры активно взаимодействуют со своими читателями через платформы Weibo, WeChat и другие социальные каналы, что оказывает влияние на выбор формата публикаций и стилистические решения. Постоянный контакт со зрителями и подписчиками формирует особую культуру обратной связи, которая мотивирует авторов использовать разговорные конструкции, шутки, неформальные обращения, если это допустимо. Параллельно, учитывая значительное количество пользователей мобильных устройств, тексты зачастую адаптируются для комфортного чтения на небольших экранах. Все эти факторы способствуют постепенному изменению журналистского языка, делая его более гибким, ориентированным не только на передачу информации, но и на активное общение, возникающее вокруг этой информации (табл. 2).

Таблица 2

Стилистические особенности контента Интернет-СМИ Китая.

Table 2

Stylistic features of the content of Chinese Internet media.

Особенность	Описание
Официальный и сухой тон	Для государственных новостей тон подачи формальный, лишенный эмоциональной окраски.
Акцент на позитиве	Материалы акцентируют внимание на достижениях страны, успехах и положительных моментах.
Эмоциональный контент	В социальных медиа активно используются эмоциональные истории и образы, чтобы привлечь читателей, особенно молодых людей.
Фокус на традиционных ценностях	В материалах часто подчеркиваются культурные и семейные ценности.
Информационная структура	Используются короткие абзацы, четкость заголовков и разделение текста на ключевые смысловые блоки.

Одна из принципиальных особенностей языка китайских Интернет-СМИ связана с чередованием традиционного и современного дискурсов. Сохраняя классические культурные отсылки,

авторы могут привлекать аудиторию, которая ценит историческое наследие Китая, а с другой стороны, специально вводят в тексты современные молодёжные выражения, интернет-сленг и

заимствования из иностранных языков [7]. Эта особенность делает язык гибридным, ведь в одном материале нередко совмещаются классические фразеологизмы и названия глобальных брендов. Подобная динамика позволяет интернет-изданиям учитывать интересы различных возрастных и социальных групп. Пользователи старшего поколения находят знакомые культурные коды, а молодёжь обнаруживает близость к современной лексике и формам самовыражения, ставшим популярными благодаря зарубежным социальным сетям. Так возникает уникальный суперпозиционный стиль, отражающий изменения в самом китайском обществе.

В китайском медиаконтенте важная роль отводится визуальной и графической компоненте заголовков. Конкуренция за внимание аудитории огромна, поэтому журналисты и редакторы стремятся сократить смысл сообщения до нескольких иероглифов, способных быстро зацепить взгляд пользователя. Короткие, выразительные заголовки становятся своего рода крючками, стимулирующими дальнейшее чтение. Эти заголовки могут включать игру слов, аллитерацию, а иногда – даже намеренные омонимические конструкции, призванные вызвать любопытство [10]. При этом тематическая направленность заголовков нередко отражает актуальную повестку страны: новости о технологиях, экономических реформах, социальных инициативах и культурных мероприятиях подаются в формате, понятном широкой аудитории, но с обязательным художественным или эмоциональным акцентом. Всё это формирует уникальный сплав когнитивных и эмоциональных стратегий подачи информации.

Следует отметить роль образной речи и метафор. В китайском языке метафоры традиционно играют большую роль в литературе и классической риторике, и это находит отражение в медиаконтенте. Частое использование сравнений с природными явлениями, упоминания мифологических персонажей или исторических героев придаёт речевому потоку оттенок поэтичности [4]. Отдельные СМИ сознательно культивируют этот стиль, стремясь подчеркнуть национальную специфику и сохранить связь с прошлым. Однако в онлайн-пространстве Китая столь возвышенная эстетика может соседствовать с неожиданными заимствованиями глобального журналистского жаргона. Например, тексты могут

содержать термины, связанные с хай-тек сферой, которые заимствуются не только из английского языка, но и из внутреннего интернета, если речь идёт о технологических трендах. Такая смешанная система создает особое языковое пространство, где высокое и низкое, китовый образ и заимствованный сленг, сосуществуют внутри одного текста.

Языковая игра зачастую выходит за рамки простого использования метафор или модификаций иероглифов. В китайских Интернет-СМИ создаются специфические речевые «теги», которые пользователи могут использовать для ответа или комментирования. Эти теги часто становятся популярными, когда их подхватывают многочисленные читатели, распространяя по всей Сети. В итоге формируется новая дискурсивная норма, отражающая не только авторские новации, но и коллективное творчество читателей. Порой даже официальные СМИ могут перенимать такие элементы, если они воспринимаются как безопасные с точки зрения цензуры. Это говорит о том, что стиль интернет-контента Китая формируется как результат постоянных переговоров между авторами, аудиторией и органами контроля. Наблюдается постоянное тестирование границ допустимого языка, расширение новыми терминами и сленгом, которые затем либо закрепляются в медиапрактике, либо фильтруются.

С точки зрения структурной организации текстов, китайские Интернет-СМИ активно ориентируются на возможности гипертекста. Читатель может в один клик перейти от одной темы к другой, что поощряет авторов включать в материалы гиперссылки, аудиовизуальные вставки, интерактивные графики. Это накладывает отпечаток на язык: появляется необходимость кратко, но чётко формулировать суть каждой гиперссылки, обеспечивая связность и при этом сохраняя привлекательность изложения. Статьи становятся модульными, каждая секция может восприниматься как отдельный контент-блок, что стимулирует появление нового экспрессивного стиля, где язык должен быть и содержательным, и выразительным, чтобы пользователь не отказался от дальнейшего чтения. Так журналистика всё больше приобретает черты мультимедийного storytelling и стремится удерживать пользователя как можно дольше на странице издания (табл. 3).

Таблица 3

Язык и стиль в социально-политической тематике Интернет-СМИ Китая.

Table 3

Language and style in socio-political topics of Chinese online media.

Параметр	Описание
Риторика власти	Много внимания уделяется цитированию официальных лиц, упоминанию государственных институтов и программ.
Пропагандистская направленность	Материалы зачастую создаются в поддержку государственной политики и проектов.
Частое использование патриотизма	Контент стимулирует национальное единство через упоминание достижений Китая и изображение внешних угроз.
Фокус на безопасности	Вопросы внутренней и внешней безопасности описываются с использованием стратегической и осторожной риторики.
Минимизация критики	Критические материалы практически отсутствуют, а существующие проблемы подаются в мягкой или позитивной форме.

Важным фактором в формировании языка китайских Интернет-СМИ является географическая размеренность и многонациональность Китая. На разных территориях могут использоваться диалекты, которые проникают и в интернет-пространство. Иногда в материалах встречаются фрагменты местного диалекта, добавляющие колорит и демонстрирующие привязку к конкретному региону [10]. Это позволяет журналистам установить эмоциональную связь с жителями определённой провинции или города, однако может создавать барьеры понимания для более широкой аудитории. В случаях, когда необходимо повысить узнаваемость темы на национальном уровне, авторы уравнивают диалектные вкрапления более стандартным путунхуа (официальным китайским языком), формируя особый «двуязычный» эффект внутри одного и того же текста. Так ведомые региональной и культурной спецификой, журналисты создают контент, способный преодолевать границы, но при этом сохраняющий местные традиции и особенности речи.

Эмоциональная составляющая часто выражается через специфическую пунктуацию и особые графические символы. Китайские пользователи активно используют эмодзи, стикеры и даже нестандартные знаки препинания, в том числе повторяющиеся восклицательные знаки либо удлинённые многоточия, чтобы придать речи дополнительную экспрессию [1]. В текстах из развлекательных рубрик могут встречаться графические иероглифические шутки, которые требуют визуального восприятия, а не только чтения. Это сочетание текстовых и графических элементов формирует своеобразный «визуально-языковой гибрид», при котором язык

не ограничивается линейным набором символов, а интегрирует визуальные образы и даже анимацию. Подобные формы общения значительно оживляют контент, делая его более непринуждённым и динамичным. Но нередко они же осложняют чтение для тех, кто не привык к подобным графическим вставкам или не располагает соответствующим программным обеспечением.

С высоты данного анализа вырисовывается интересная картина: китайские Интернет-СМИ в настоящее время не ограничиваются ролью рупора официальной идеологии или площадки для массовых обсуждений. Они всё активнее внедряют мультимедийные форматы и интернет-продажи, пытаются сочетать информативное и развлекательное начала, проявляя гибкость в выборе языка, чтобы одновременно удержаться в рамках политических ограничений и удовлетворить потребности разнообразной аудитории [2]. Иногда в одном и том же издании можно встретить статьи, написанные в совершенно разной стилистике: академически-сухой материал о экономических реформах соседствует с эмоциональным обзором местных традиций или интервью со знаменитостью, где преобладают разговорные формы и юмористические обороты. Синтез таких контрастов и создаёт уникальную стилистическую палитру китайских Интернет-СМИ.

Реакция аудитории в комментариях, репостах и личных блогах формирует многоуровневую обратную связь. Люди активно выражают свои эмоции, используя многочисленные сленги, пиктограммы и сокращения, нередко задействуя креативные приёмы, зависящие от конкретных событий или личных взглядов [5]. Вполне вероятно, что часть читателей сделает саркастический комментарий, сопровождая его

коллажем из популярных мемов, в то время как другие пользователи, более лояльные к официальной позиции, напишут классический, выдержанный отзыв. Эта полярность мнений также находит отражение в языке, создавая напряжённое поле дискуссий. Журналисты нередко ориентируются на тональность таких обсуждений, корректируют дальнейший язык и стиль, чтобы контент оставался интересным для внешней аудитории и приемлемым для внутренних регуляторов.

Особенность китайских Интернет-СМИ заключается и в том, что они функционируют в условиях беспрецедентной технологизации: анализ данных, системы автоматической генерации контента, нейронные сети и алгоритмы машинного перевода постепенно входят в практику редакций. Это, в свою очередь, меняет и язык материалов. Алгоритмические статьи могут иметь упрощённый синтаксис, поскольку формируются по заданным шаблонам, и зачастую им недостает авторской индивидуальности [10]. С другой стороны, имеются эксперименты с генерацией творческих текстов, особенно в рекламе и развлекательных рубриках. Подобный контент может включать в себя необычные метафоры, генерируемые нейросетью, которая обучалась на огромном массиве китайской литературы. Так современные технологии добавляют ещё один слой влияния на язык и стиль: теперь его формируют не только люди, но и алгоритмы, способные адаптироваться к изменяющимся условиям и трендам.

Выводы

Изучая специфику языка и стиля китайских Интернет-СМИ, важно понимать, что этот процесс

отражает комплексное взаимодействие исторического наследия, современной культурной динамики и технологического прогресса. Международная обстановка, внутренняя социально-экономическая ситуация и стремительный рост цифровых коммуникаций вместе формируют среду, где язык служит многофункциональным механизмом. Он не только передаёт сообщения, но и конструирует новые смыслы, образует сообщества по интересам, способствует или препятствует консолидации вокруг ключевых идей [9]. Понимание этих закономерностей даёт возможность более глубокого анализа китайского общества и перспективы развития медиасферы. Каждое изменение в языке или стиле, происходящее в интернет-СМИ, находит отклик в аудиторных реакциях, инициируя новые волны трансформации.

В заключение можно сказать, что язык и стиль китайских Интернет-СМИ пребывают в состоянии постоянного движения и обновления. Традиционные культурные нормы и государственные регуляции сочетаются с мощным влиянием глобальных трендов, факторов коммерциализации и вовлечённости пользователей. В результате создаётся уникальный медиаконтент, который отражает многогранность современного Китая и его место в цифровой эпохе [3]. Наблюдение за этими процессами помогает глубже понять не только особенности местной журналистской практики, но и то, как развивается коммуникация в обществе, которое находит баланс между традицией и инновацией, между локальным контекстом и выходом на мировую арену.

Список источников

1. Аргокова О.М. Публикация медиаконтента в сети интернет // В сборнике: Всероссийский научно-практический семинар для педагогов. Москва-Берлин, 2023. С. 22 – 24.
2. Ван С. Исследование эффективности китайских новых медиакommunikаций в цифровой среде // В сборнике: Глобальные социальные процессы 3.0: социальное управление и экономическое развитие в цифровом обществе. Санкт-Петербург, 2022. С. 240 – 249.
3. Ван Чжунминь. Медиа сектор китайского интернета: новые медиа и их новые свойства // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2007. № 2. С. 127 – 132.
4. Давыдова О.С., Дубровина В.Д. Интернет-технологии в системе медиакommunikаций // В сборнике: Неделя науки и творчества: Материалы Межвузовского научно-практического форума студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященного 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. 2015. С. 101 – 102.
5. Ильминская Н. Мои впечатления от общения с китайцами в интернете // В сборнике: Сибирский калейдоскоп-2021: Сборник текстов выступлений на восточных языках (китайском, корейском, японском) участников регионального конкурса среди студентов вузов Западной Сибири. Новосибирск, 2021. С. 26 – 27.

6. Ильминская Н. Мои впечатления от общения с китайцами в интернете // В сборнике: Сибирский калейдоскоп-2021: Сборник текстов выступлений на восточных языках (китайском, корейском, японском) участников регионального конкурса среди студентов вузов Западной Сибири. Новосибирск, 2021. С. 26.
7. Ли М. Исследование интеграций языков со стороны изменения китайского и русского языка // Вестник Международного института экономики и лингвистики ИГУ. Серия: Восточные языки. 2010. № 1. С. 163 – 169.
8. Ли Ян. Лексико-семантическое поле "межличностное общение в интернете" в современном русском языке (на фоне китайского языка): дис. ... канд. филол. наук / Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. 2022. 153с.
9. Назаренко В.А. Лексические особенности китайского интернет-дискурса // В сборнике: VIII Международная научно-практическая конференция "Гармонизация межнациональных отношений в условиях глобального общества", XXVII Нижегородская сессия молодых ученых (гуманитарные науки). Нижний Новгород, 2022. С. 363 – 368.
10. Полякова Н.А. О причинах использования созвучий в интернет-коммуникации на китайском языке // В книге: Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Сборник материалов региональной научно-практической конференции молодых исследователей. 2022. С. 176.

References

1. Argokova O.M. Publication of media content on the Internet. In the collection: All-Russian scientific and practical seminar for teachers. Moscow-Berlin, 2023. P. 22 – 24.
2. Wang S. Study of the effectiveness of Chinese new media communications in the digital environment. In the collection: Global social processes 3.0: social management and economic development in the digital society. St. Petersburg, 2022. P. 240 – 249.
3. Wang Zhongmin. Media sector of the Chinese Internet: new media and their new properties. Bulletin of Moscow University. Series 10, Journalism. 2007. No. 2. P. 127 – 132.
4. Davydova O.S., Dubrovina V.D. Internet technologies in the media communications system. In the collection: Week of Science and Creativity: Proceedings of the Interuniversity Scientific and Practical Forum of Students, Postgraduates and Young Scientists Dedicated to the 70th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War. 2015. P. 101 – 102.
5. Ilminkaya N. My impressions of communicating with the Chinese on the Internet. In the collection: Siberian Kaleidoscope-2021: Collection of texts of speeches in oriental languages (Chinese, Korean, Japanese) of participants in the regional competition among students of universities in Western Siberia. Novosibirsk, 2021. P. 26 – 27.
6. Ilminkaya N. My impressions of communicating with the Chinese on the Internet. In the collection: Siberian Kaleidoscope-2021: Collection of texts of speeches in oriental languages (Chinese, Korean, Japanese) of participants in the regional competition among students of universities in Western Siberia. Novosibirsk, 2021. P. 26.
7. Li M. Study of language integrations from the perspective of changes in the Chinese and Russian languages. Bulletin of the International Institute of Economics and Linguistics, Irkutsk State University. Series: Oriental Languages. 2010. No. 1. P. 163 – 169.
8. Li Yan. Lexical-semantic field "interpersonal communication on the Internet" in modern Russian (against the background of the Chinese language): diss. ... Cand. Philological Sciences. Lomonosov Moscow State University. 2022. 153 p.
9. Nazarenko V.A. Lexical features of the Chinese Internet discourse. In the collection: VIII International scientific and practical conference "Harmonization of interethnic relations in a global society", XXVII Nizhny Novgorod session of young scientists (humanities). Nizhny Novgorod, 2022. P. 363 – 368.
10. Polyakova N.A. On the reasons for using consonances in Internet communication in Chinese. In the book: Russia in the Asia-Pacific region. Collection of materials of the regional scientific and practical conference of young researchers. 2022. P. 176.

Информация об авторе

Чжан Шухань, аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Shuhan@rudn.ru

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.161.1

Метафоры и эвфемизмы в российском внешнеполитическом дискурсе

¹ Ян Цзыци

¹ *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова*

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с изучением метафор и эвфемизмов в российском внешнеполитическом дискурсе, а также проблемные вопросы их перевода на китайский язык. Определено понятие «метафора». Рассмотрена политическая метафора, которая применяется при решении политического круга вопросов. Изучены также структурные, концептуальные и лингвистические метафоры. Рассмотрены функции и использование политических метафор в российском внешнеполитическом дискурсе. Изучены концепты и особенности использования эвфемизмов в российском внешнеполитическом дискурсе. Рассмотрены проблемы перевода метафор и эвфемизмов, используемых в российском политическом дискурсе, на китайский язык. Изучены лингвистические аспекты перевода политических метафор и эвфемизмов. Рассмотрены экстралингвистические проблемы перевода: политкорректность и другие прагматические аспекты. Проведен критический анализ перевода метафор и эвфемизмов в политических материалах правительственных сайтов и информационных агентств. Автор статьи делает вывод о том, что российский политический дискурс богат политическими метафорами и эвфемизмами, и эти языковые явления часто тесно связаны с политической культурой, историческим контекстом и социальной средой. Когда речь идет о переводе российского политического дискурса на китайский язык, необходимо рассмотреть методы перевода с лингвистической точки зрения. Материалы данного исследования могут быть использованы в практической работе переводчиками в сфере внешнеполитической пропаганды, а также в учебных целях.

Ключевые слова: метафоры, эвфемизмы, российский внешнеполитический дискурс, функции, концепты, дипломатия

Для цитирования: Ян Цзыци Метафоры и эвфемизмы в российском внешнеполитическом дискурсе // Современный ученый. 2025. № 4. С. 129 – 135.

Поступила в редакцию: 28 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 30 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Metaphors and euphemisms in Russian foreign policy discourse

¹ Yang Ziqi

¹ *Lomonosov Moscow State University*

Abstract: the article deals with the issues related to the study of metaphors and euphemisms in the Russian foreign policy discourse, as well as problematic issues of their translation into Chinese. The concept of “metaphor” is defined. Political metaphor, which is used in addressing a political range of issues, is considered. Structural, conceptual and linguistic metaphors are also studied. The functions and use of political metaphors in Russian foreign policy discourse are considered. The concepts and peculiarities of the use of euphemisms in Russian foreign policy discourse have been studied. The problems of translating metaphors and euphemisms used in Russian political dis-

course into Chinese have been considered. Linguistic aspects of translation of political metaphors and euphemisms are studied. Extralinguistic problems of translation are considered: political correctness and other pragmatic aspects. The translation of metaphors and euphemisms in political materials of government websites and news agencies is critically analyzed. The author of the article concludes that Russian political discourse is rich in political metaphors and euphemisms, and these linguistic phenomena are often closely related to political culture, historical context and social environment. When it comes to translating Russian political discourse into Chinese, it is necessary to consider translation methods from a linguistic point of view. The materials of this study can be used in practical work by translators in the sphere of foreign policy propaganda, as well as for educational purposes.

Keywords: metaphors; euphemisms, Russian foreign policy discourse, functions, concepts, diplomacy

For citation: Yang Ziqi Metaphors and euphemisms in Russian foreign policy discourse. Modern Scientist. 2025. 4. P. 129 – 135.

The article was submitted: November 28, 2024; Approved after reviewing: January 30, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

В то время, когда мир переживает период глубоких перемен, вопросы обменов, поддержания конструктивного диалога в международной сфере и двусторонних отношениях приобретают исключительно важное значение. Россия и Китай сегодня как никогда раньше нуждаются в укреплении взаимопонимания и развитии отношений доверия и сотрудничества. Это не только отвечает коренным интересам наших стран, но и служит делу мира и безопасности во всем мире.

Серьезные изменения, которые претерпела внешняя политика России за последние два десятилетия, обусловили значительную трансформацию содержания и стилистики ее внешнеполитического дискурса (ВПД), что привлекло повышенное внимание российских и зарубежных исследователей к исследованию этой проблемы.

Особый интерес к содержательным аспектам этого дискурса проявляют в КНР, являющейся стратегическим партнером Российской Федерации. В многоаспектных исследованиях подобного рода важное место отводится изучению новых идей, предлагаемых российской стороной. Этим определяется и важность исследования особенностей современного российского ВПД и его перевода на китайский язык [10].

Обновление и изменение содержания внешнеполитического дискурса сопровождалось увеличением в нем удельного веса метафор и эвфемизмов, которые представляют немалую сложность когнитивного характера для перевода дипломатического дискурса.

Материалы и методы исследований

При проведении исследования использовались труды российских и зарубежных ученых. При проведении данного исследования также были использованы следующие методы: поиск и отбор наиболее распространенных метафор и эвфемиз-

мов в российском политическом дискурсе; сравнительно-сопоставительный метод их перевода на китайский язык; лексикографический метод.

Вопросы, касающиеся метафор и эвфемизмов в российском внешнеполитическом дискурсе рассматривали многие ученые такие, как Ванг К. В., Джек, Кастельс М., Смит Джон и другие. Считаем, необходимым продолжить исследование в данном направлении и более подробно изучить отдельные вопросы темы.

Результаты и обсуждения

Метафора – слово или выражение, употребляемое в переносном значении, в основе которого лежит сравнение предмета или явления с каким-либо другим на основании их общего признака [1, с. 45].

Политическая метафора – это риторический прием, который относится к концепции или идее. Это распространенный риторический прием, используемый в политическом дискурсе для передачи сложных идей или абстрактных понятий более доступным и убедительным способом. Метафоры часто используются для формулирования вопросов, определения целей политики и формирования общественного мнения [4, с. 455]. Их можно встретить в речах, заявлениях, политических документах и новостных статьях. Политические метафоры можно разделить на несколько типов, включая структурные метафоры, концептуальные метафоры и лингвистические метафоры.

Структурные метафоры основаны на сходстве между физическими объектами и абстрактными понятиями. Концептуальные метафоры, с другой стороны, основаны на более абстрактных понятиях и подразумевают отображение одной области опыта на другую. Лингвистические метафоры подразумевают использование слова или фразы для описания чего-то другого.

Рассмотрим функции и использование политических метафор в российском внешнеполитическом дискурсе.

Политические метафоры выполняют несколько функций в российском внешнеполитическом дискурсе. Во-первых, они используются для того, чтобы упростить сложные идеи и сделать их более доступными для общественности. Во-вторых, они могут использоваться для того, чтобы вызвать эмоциональный отклик и создать чувство солидарности и национальной идентичности. В-третьих, они используются для формулирования вопросов и определения повестки дня для общественных дебатов. Наконец, они могут использоваться для оправдания политических решений и обоснования действий, предпринимаемых правительством.

Использование политических метафор в российском внешнеполитическом дискурсе не лишено противоречий. Критики утверждают, что политические метафоры могут использоваться для того, чтобы затушевать реальность ситуации и затруднить понимание истинной природы конфликта или дипломатических отношений.

Несмотря на эту критику, политические метафоры остаются мощным инструментом в российском внешнеполитическом дискурсе. Метафоры – это эффективный способ передачи сложных идей и концепций в легко воспринимаемой и понятной для общественности форме [3, с.77]. Таким образом, в этом году политические метафоры играли ключевую роль.

Рассмотрим концепты и особенности использования эвфемизмов в российском внешнеполитическом дискурсе.

Дипломатия, как международное продолжение национальной политики, требует использования эвфемизмов для достижения внешнеполитических целей страны в ненавязчивой форме. Именно поэтому изучение российских дипломатических эвфемизмов тем более актуально.

Дипломатические эвфемизмы – это эвфемизмы, используемые в контексте дипломатической деятельности. Для того чтобы дать систематическое введение в российские дипломатические эвфемизмы, необходимо сначала прояснить развитие российских эвфемизмов и их концептуальное определение.

Характерной особенностью эвфемизмов в российском внешнеполитическом дискурсе является то, что они часто используются в отношении чувствительных или спорных тем. Например, вооруженный конфликт часто называют «кризисом», а не «войной», что может восприниматься как более

агрессивный или конфронтационный термин [5, с. 45].

Еще одной особенностью эвфемизмов в российском внешнеполитическом дискурсе является их способность передавать ощущение авторитета или власти. Используя эвфемизмы для описания своих действий или политики, российские чиновники могут продемонстрировать чувство уверенности и контроля, даже в ситуациях, когда их действия могут быть восприняты как спорные или агрессивные.

Однако использование эвфемизмов в российском внешнеполитическом дискурсе не лишено недостатков. Критики утверждают, что использование эвфемизмов может затушевать истинную природу ситуации и затруднить понимание реалий конфликта или внешних отношений. В некоторых случаях использование эвфемизмов может также рассматриваться как намеренная попытка манипулировать общественным мнением или отвести критику.

Несмотря на эту критику, использование эвфемизмов, скорее всего, останется ключевой особенностью российского внешнеполитического дискурса. Как и политические метафоры, эвфемизмы являются мощным инструментом для формирования общественного мнения и влияния на внешние отношения. Используя язык стратегически, российские чиновники могут донести сложные идеи и концепции таким образом, чтобы их было легче понять и принять целевой аудиторией.

Характерной особенностью эвфемизмов в российском внешнеполитическом дискурсе является то, что они часто используются в отношении чувствительных или спорных тем. Например, вооруженный конфликт часто называют «кризисом», а не «войной», что может восприниматься как более агрессивный или конфронтационный термин.

Далее приведем пример метафоры и эвфемизма в российском внешнеполитическом дискурсе:

В заявлении об инициативе «Один пояс, один путь» посольство назвало этот проект «грандиозной евразийской идеей» и описало сотрудничество между Китаем и Россией как «совместную работу». Использование термина «грандиозная евразийская идея» можно рассматривать как метафору амбициозной инициативы, а термин «рука об руку» – как метафору сотрудничества между двумя странами.

В статье о санкциях США против России информационное агентство «Россия сегодня» назвало санкции «экономическим давлением», а ответные меры России – «контрмерами». Использование термина «экономическое давление» можно рассматривать как эвфемизм для санкций, а тер-

мин «контрмеры» можно рассматривать как метафору для ответа России на санкции [2, с. 80].

Далее изучим проблемы перевода метафор и эвфемизмов, используемых в российском политическом дискурсе, на китайский язык. Рассмотрим лингвистические аспекты перевода политических метафор и эвфемизмов.

Российский политический дискурс богат политическими метафорами и эвфемизмами, и эти языковые явления часто тесно связаны с политической культурой, историческим контекстом и социальной средой. Когда речь идет о переводе российского политического дискурса на китайский язык, необходимо рассмотреть методы перевода с лингвистической точки зрения.

Обычно каждое переводческое действие имеет определенную цель, и все усилия направлены на ее достижение. Чтобы достичь цели перевода, необходимо выбрать соответствующий переводческий метод. Переводческие методы можно разделить на два типа: первый тип направлен на сохранение авторства, приводя к тому, что читатель приближается к автору; второй тип направлен на удобство читателя, приводя к тому, что автор приближается к читателю.

Форенизация в переводе существуют метод буквального перевода, метод транслитерации и интерпретационный метод перевода. Доместикация в переводе существуют также обобщенно-приблизительный метод перевода, а также компенсационный метод.

В российском политическом дискурсе принято переводить Вестфальская система международных отношений как "Вестфальская" система международных отношений. Преимущество этой транслитерации заключается в легкости произношения, но она также передает определенный исторический и культурный подтекст, поскольку Вестфалия - это название местности в немецкой земле Северный Рейн-Вестфалия, одной из родин Вестфальской системы. Кроме того, такой фонетический подход может наложить определенные ограничения на российский политический дискурс. Использование такой простой транслитерации может привести к неспособности точно передать соответствующий смысл, когда речь идет о сложных вопросах международных отношений. Поэтому при переводе и передаче соответствующей информации для обеспечения точности и ясности требуется соответствующее перефразирование и интерпретация в контексте и с учетом контекста.

3. Интерпретационный метод перевода.

Интерпретационный метод перевода – это метод перевода, который используется для передачи сложных идеологических, культурных и полити-

ческих значений, включая метафоры и образные выражения, из одного языка на другой.

В китайском переводе «不朽» – это положительное слово, обычно используемое для описания великомученика, и без понимания китайским читателем исторического и культурного фона России, перевод «Бессмертный полк» на «不朽军团» – это с определенной политической метафорой, перевод, который хорошо передает основной дух этого культурного события [8].

Таким образом, при использовании интерпретационного метода необходимо тщательно оценить контекст и специфику переводимого текста и правильно выбрать метод перевода, который наилучшим образом передаст идеологическое, культурное и политическое значение оригинального текста на целевой язык.

При переводе русского политического выражения «красная угроза» на китайский язык, можно использовать Компенсационный метод перевода, передав общий смысл и содержание выражения, а не буквальный перевод каждого слова. В этом случае, переводчик может выбрать китайское выражение, которое будет передавать общий смысл «угрозы со стороны коммунизма» или «угрозы со стороны революционных идей». Поскольку основной цвет флага Коммунистической партии Китая – красный, красный цвет является символом коммунизма в Китае. Под влиянием советской истории красный цвет также является символом коммунизма в России, поэтому «Красная угроза» здесь будет переведено как «共产主义威胁» [9].

При использовании компенсационного метода перевода, необходимо тщательно оценить контекст и специфику переводимого текста и правильно выбрать метод перевода, который наилучшим образом передаст идеологическое, культурное и политическое значение оригинального текста на целевой язык.

Рассмотрим экстралингвистические проблемы перевода: политкорректность и другие прагматические аспекты.

1. Политкорректность: Одна из самых больших проблем при переводе с китайского на русский – ориентироваться в сложном политическом ландшафте обеих стран.

В последние годы политкорректность становится все более важным вопросом в переводах на китайский и русский языки из-за деликатности некоторых тем. Например, китайское правительство крайне болезненно относится к любым упоминаниям Тайваня как независимого государства, поскольку он является неотъемлемой частью Ки-

тая. Поэтому при переводе с китайского на русский важно избегать использования терминов, которые могут быть истолкованы как признание независимости Тайваня. Аналогично, при переводе на русский язык важно учитывать сильный патриотизм и чувствительность страны к вопросу суверенитета.

Помимо вопроса политической корректности, среди других прагматических аспектов политики среди экстралингвистических аспектов перевода можно выделить вопрос культурных различий и вопрос политической ориентации

2. Культурные различия: Еще одной проблемой являются огромные культурные различия между Китаем и Россией. Каждая культура имеет свой собственный набор ценностей, обычаев и социальных норм, которые могут затруднить перевод политического дискурса.

3. Политическая ориентация – очень важный вопрос при переводе новостей российского МИДа, затрагивающих спорные темы. Новости российского Министерства иностранных дел часто касаются таких деликатных вопросов, как международные отношения, национальные интересы и политические позиции, поэтому при переводе необходимо уделять особое внимание влиянию политических пристрастий.

Одним словом, политические пристрастия оказывают очень большое влияние при переводе новостей российского МИДа. Переводчики должны оставаться нейтральными, объективными и по возможности избегать влияния политических пристрастий. Им необходимо тщательно изучить соответствующие вопросы и контекст, понять фон и ценности целевой культуры и общества, а также выбрать подходящий для данной ситуации стиль и манеру перевода, чтобы обеспечить точность и объективность результата перевода.

Проведен критический анализ перевода метафор и эвфемизмов в политических материалах правительственных сайтов и информационных агентств.

При изучении политических метафор и эвфемизмов в переводе метафоры и эвфемизмы часто используются для выражения политических позиций и сокрытия чувствительных тем. Метафоры и эвфемизмы также часто используются в политических репортажах на правительственных сайтах и в новостных организациях. Когда речь идет о переводе политического дискурса, очень часто используются метафоры и эвфемизмы [7].

Примеры неправильных переводов:

При переводе политических метафор и эвфемизмов некоторые переводчики могут делать неправильные или неточные переводы, что может

привести к искажению или непониманию сообщений. Например, при переводе «вежливые люди» в русском политическом дискурсе некоторые переводчики могут прямо перевести его как «вежливый человек», но такой перевод может привести к искажению сообщения. На самом деле, «вежливые люди» в данном случае – это кодовое слово, обозначающее российского солдата. Поэтому более точным переводом будет «вежливый солдат» или «джентльмен-солдат».

Примеры правильных переводов:

Правильный перевод должен как можно точнее передавать смысл оригинала, избегая при этом дезинформации или недопонимания. Например, при переводе слова «левые» в русском политическом дискурсе некоторые переводчики могут перевести его непосредственно как «левацкий», но такой перевод может упустить часть смысла исходного сообщения.

В российском политическом дискурсе также существуют эвфемизмы, такие как «ошибки управления» и «ошибки руководства», которые используются для обозначения неудач или ошибок правительства в определенных вопросах. Хотя эти термины являются эвфемистическими, они также несут в себе критический оттенок. При переводе следует помнить о критическом характере этих терминов и использовать соответствующие китайские слова для передачи этого смысла [6].

Напротив, более эффективным методом перевода является четкое объяснение метафоры «верхушка айсберга», например, перевод ее как «видеть только поверхность проблемы, не понимая ее более глубоких причин и последствий», чтобы читатели могли более четко понять смысл метафоры в оригинальном тексте. Тогда метафорический смысл может быть более четко понят читателем.

Поэтому переводчики должны знать об этих потенциальных трудностях и проблемах при переводе метафор и эвфемизмов в политических репортажах на российских и китайских государственных сайтах и в новостных агентствах. Чтобы обеспечить точность и ясность переведенных текстов, переводчики должны не только глубоко понимать культурный и исторический контекст обоих языков, но и критически анализировать целевую аудиторию и любые лежащие в основе политические соображения.

Экстралингвистические проблемы перевода включает в себя: политкорректность, культурные различия, политическая ориентация – очень важный вопрос при переводе новостей российского МИДа, затрагивающих спорные темы. Политические пристрастия оказывают очень большое влияние при переводе новостей российского МИДа.

Переводчики должны оставаться нейтральными, объективными и по возможности избегать влияния политических пристрастий.

При переводе политических метафор и эвфемизмов некоторые переводчики могут делать неправильные или неточные переводы, что может привести к искажению или непониманию сообщений.

Поэтому переводчики должны знать об этих потенциальных трудностях и проблемах при переводе метафор и эвфемизмов в политических репортажах на российских и китайских государственных сайтах и в новостных агентствах. Чтобы обеспечить точность и ясность переведенных текстов, переводчики должны не только глубоко понимать культурный и исторический контекст обоих языков, но и критически анализировать целевую аудиторию и любые лежащие в основе политические соображения.

Выводы

Метафоры широко используются в политическом дискурсе для упрощения сложных идей и передачи их более понятным способом. Эвфемизмы, с другой стороны, используются для того, чтобы избежать прямоты и смягчить воздействие неприятных или деликатных вопросов. Российское

правительство регулярно использует метафоры и эвфемизмы в своих официальных документах, веб-сайтах и публикациях, что подтверждает их важность. Перевод метафор и эвфемизмов с русского языка на китайский представляет значительные трудности как лингвистического, так и экстралингвистического характера. Лингвистические трудности включают грамматические, морфологические и лексические различия между двумя языками, которые могут привести к потере смысла и культурных нюансов в процессе перевода. Экстралингвистические трудности включают политическую корректность, культурные различия, прагматические аспекты перевода. Например, переводчикам необходимо учитывать политическое воздействие переводного текста и культурный уровень целевой аудитории. Кроме того, критический анализ перевода метафор и эвфемизмов в политических материалах для правительственных сайтов и новостных организаций выявил несколько проблем перевода. К ним относятся чрезмерное использование прямого перевода, недостаточный учет культурного и исторического контекста, а также тенденция отдавать предпочтение сохранению оригинального смысла над естественностью языка перевода.

Список источников

1. Ванг К.В. «Метафора в политическом языке» // Лингвистические исследования. 2019. Т. 8. № 2. С. 45 – 56.
2. Джек Политические метафоры в российской прессе. Цилиньский университет. 2008. 320 с.
3. Кастельс М. Сила идентичности // Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Т. II. 2010. 231 с.
4. Смит Джон «Политика и метафора» // Ежеквартальный журнал политических наук. 2005. Т. 120. № 3. С. 455 – 472.
5. Смит Джон «Роль политических метафор в российской внешней политике» // Журнал международных отношений. 2018. Т. 25. № 2. С. 45 – 60.
6. Президент Россия. Россия и Китай: стратегическое партнёрство, ориентированное в будущее [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67694> (дата обращения: 11.10.2024)
7. РИА Новость. В Демократической республике Конго прошла акция «Бессмертный полк» [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230502/polok-1869135869.html?ysclid=lbh3wgu239391504917> (дата обращения: 11.11.2024)
8. 今日俄罗斯 RT Россия Сегодня [Электронный ресурс]. URL: <https://weibo.com/6244553417/4893714105237889> (дата обращения: 11.11.2024)
9. 俄罗斯外交部. 俄罗斯外长谢尔盖·拉夫罗夫在《全球政治中的俄罗斯》杂志上发表文章《俄罗斯对外政策的历史前景》 2016年3月3日 [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/cn/foreign_policy/news/1523653/?lang=cn (дата обращения: 11.10.2024)
10. 今日俄罗斯 RT Россия Сегодня. 不朽军团游行活动在金萨沙举行 [Электронный ресурс]. URL: <https://weibo.com/6244553417/4897320683179286> (дата обращения: 11.11.2024)

References

1. Wang K.V. "Metaphor in Political Language". Linguistic Studies. 2019. Vol. 8. No. 2. P. 45 – 56.
2. Jack Political Metaphors in the Russian Press. Jilin University. 2008. 320 p.
3. Castells M. The Power of Identity. Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. II. 2010. 231 p.

4. Smith John "Politics and Metaphor". Quarterly Journal of Political Science. 2005. Vol. 120. No. 3. P. 455 – 472.
5. Smith John "The Role of Political Metaphors in Russian Foreign Policy". Journal of International Relations. 2018. Vol. 25. No. 2. P. 45 – 60.
6. President Rossiya. Russia and China: A Strategic Partnership Oriented to the Future [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67694> (access date: 11.10.2024)
7. RIA Novosti. The Immortal Regiment action took place in the Democratic Republic of the Congo [Electronic resource]. URL: <https://ria.ru/20230502/polk-1869135869.html?ysclid=lhb3wgu239391504917> (access date: 11.11.2024)
8. RT Russia Today [Electronic resource]. URL: <https://weibo.com/6244553417/4893714105237889> (access date: 11/11/2024)
9. 俄罗斯外交部. 俄罗斯外长谢尔盖·拉夫罗夫在《全球政治中的俄罗斯》杂志上发表文章《俄罗斯对外政策的历史前景》 2016 年 3 月 3 日 [Electronic resource]. URL: https://mid.ru/cn/foreign_policy/news/1523653/?lang=cn (access date: 10/11/2024)
10. 今日俄罗斯 RT Russia Today. 不朽军团游行活动在金萨沙举行 [Electronic resource]. URL: <https://weibo.com/6244553417/4897320683179286> (access date: 11/11/2024)

Информация об авторе

Ян Цыци, Высшая школа перевода, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 819817110@qq.com

© Ян Цыци, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 811.112.2

Особенности образования и функционирования сложных слов немецкого языка

¹ Залова И.М., ¹ Залевская Т.Е.

¹ Дагестанский государственный университет

Аннотация: в статье проводится анализ особенностей образования и функционирования немецких сложных слов. Отмечается, что существенная часть из них относится к новообразованиям и связано с терминологической лексикой. Наиболее широко распространены в немецком языке сложные имена существительные и прилагательные. В современных словарях не всегда можно найти объяснение отдельных композитов, так как идет бесконечный процесс обогащения языка, и связан он с современными реалиями. Композит представляет собой монолитную лексическую единицу, которая может обладать целым рядом значений и грамматической характеристикой. Компоненты сложного слова находят начало в самостоятельных лексемах. В них хорошо прослеживаются отношения между частями, напоминающими отношения между членами синтаксических конструкций. В их составе встречаются различные компоненты-слова, иногда целые словосочетания, различные виды основ. В сложных субстантивах и адъективах данного языка существуют полносложные, неполносложные слова, а также сдвиги. В семантическом отношении они характеризуются мотивированностью.

Ключевые слова: сложные слова, немецкий язык, терминологическая лексика, мотивированность, существительные-композиты, прилагательные, описательный перевод, значения компонентов

Для цитирования: Залова И.М., Залевская Т.Е. Особенности образования и функционирования сложных слов немецкого языка // Современный ученый. 2025. № 4. С. 136 – 140.

Поступила в редакцию: 28 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 30 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Features of the formation and functioning of complex words of the German language

¹ Zalova I.M., ¹ Zalevskaya T.E.

¹ Dagestan State University

Abstract: the article analyzes the features of the formation and functioning of German compound words. It is noted that a significant part of them relates to neoplasms and is related to terminological vocabulary. The most widely used complex nouns and adjectives in the German language. It is not always possible to find an explanation of individual composites in modern dictionaries, as there is an endless process of language enrichment, and it is connected with modern realities. A composite is a monolithic lexical unit that can have a number of meanings and grammatical characteristics. The components of a complex word originate in independent lexemes. They clearly show the relationship between the parts, resembling the relationship between the members of syntactic constructions. They contain various components-words, sometimes whole phrases, and various types of bases. In complex

substantives and adjectives of this language, there are full-syllabic, incomplete words, as well as shifts. Semantically, they are characterized by motivation.

Keywords: compound words, German, terminological vocabulary, motivation, composite nouns, adjectives, descriptive translation, component meaning

For citation: Zalova I.M., Zalevskaya T.E. Features of the formation and functioning of complex words of the German language. Modern Scientist. 2025. 4. P. 136 – 140.

The article was submitted: November 28, 2024; Approved after reviewing: January 30, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Актуальность работы. Одним из важнейших компонентов подготовки студентов высшей школы является выработка умений читать и понимать литературу по специальности на иностранных языках. В процессе изучения иностранного языка важное место имеют сложные слова, их образование и функционирование. На современном этапе обучения выработка понимания студентами сложных слов, в том числе сложных существительных и прилагательных немецкого языка. Значительная часть из них относится к терминологической лексике, что является одним из важнейших и актуальных вопросов, поскольку немецкий язык, как и любой другой, непрерывно обогащается такого рода словами. Они отражают понятия, которые формируются вместе с прогрессом науки и современных технологий. Существующие современные словари порою не успевают охватить тот круг слов, которые необходимы и важны на данном этапе обучения. Вопросы, связанные с изучением композитов немецкого языка все еще остаются недостаточно неразработанными.

Основная цель – провести анализ особенностей образования и функционирования сложных слов немецкого языка.

Задачи:

- определить состав и характер сложных слов немецкого языка;
- провести анализ функционирования сложных слов немецкого языка.

Материалы и методы исследований

В работе использованы материалы, извлеченные из различных словарей, а также из текстов публицистического и научного характера.

Методы: в работе привлечены метод сплошной выборки, метод лингвистического анализа, позволяющий определить составные лексические единицы, а также метод словообразовательного анализа, способствующий изучению формирования различных словоформ.

Результаты и обсуждения

Удельный вес сложных слов, в особенности сложных терминов, в словарном составе немецко-

го языка составляет более 35 %. Они отражают новые понятия, которые возникают в процессе современных реалий. Данный процесс с каждым годом все более обогащается и пополняется новыми терминами, так как одним из наиболее продуктивных способом словообразования в немецком является словосложение. Словарные композиции по принципу словосложения и словопроизводства чрезвычайно популярны в языке [10].

По данной теме имеются различные точки зрения исследователей. Существуют работы, в которых приводятся различные классификации сложных слов, а также критерии их определения. К таким работам можно отнести труды таких исследователей, как М.Д. Степанова [9], В.С. Вашунин [3], Е.В. Розен [7], Н.В. Яценко [10].

В таких композитах «два или более полных слова (или основы) объединяются в единый комплекс, единую лексическую единицу» [9].

«Наибольшее распространение данные слова получили в журналистике, юридических сферах, политике и науке» [5].

При переводе на русский таких немецких композитов приходится прибегать к описательному переводу, поскольку в русском языке отсутствует эквивалентная лексика, чем обусловлена сложность грамматического и лексического перевода. «При передаче авторских или окказиональных образований необходимо передать так называемую «безэквивалентную лексику» [4].

Отражение терминов в семантической сети играет ключевую роль в представлении концепции и знаний, способствует формированию структурированной модели [2].

Одну из важных ролей играют в этом составе лексики данного языка существительные.

«В немецком языке сложные слова чаще всего объединены тематикой, выраженной в первом компоненте или во втором» [6].

В отношении семантики сложные слова в немецком языке характеризуются тем, что они обладают мотивированностью. В их основе мотивированности композитов лежат значения компонентов, которые составляют тот или иной компо-

зит.

Сложную морфологическую структуру имеют сложные слова с соединительными элементами.

В них могут встречаться различные компоненты-слова, иногда целые словосочетания, различные виды основ: Schaffenkraft «работоспособность», Gasthaus «гостиница», Hochschule «вуз», Handschuh «рукавица».

Независимо от характера составляющих компонентов, сложное слово представляет собой монолитную лексическую единицу, которая может обладать целым рядом значений и грамматической характеристикой.

Композиты характеризуются в семантическом отношении, как уже отмечалось мотивированностью. Все части сложного слова находят начало в самостоятельных лексемах. Помимо этого, в сложных композитах хорошо прослеживаются отношения между компонентами, напоминающими отношения между членами синтаксических конструкций.

Композиты-существительные чаще всего классифицируются лингвистически в следующем порядке: а) по структурно-генетическому типу; б) по типу синтаксико-семантической связи между составляющими элементами.

По структурно-генетическому типу дифференцируются следующие виды сложных существительных: полносложные композиты, неполносложные композиты, сдвиги.

Полносложные композиты представляют собой субстантивы составного характера, первый элемент которых имеет форму основы слога. Приведем примеры: erdbeben, alufelgen, waldeinsamkeit, arschgeweih, expositionszeit, staubsauger.

Неполносложные композиты – это сложные субстантивы, связанные с каким-либо соединительным элементом: -er-, -es-, -en-, -ens-. Например: truppenverlegung, sanitätsdienstlich. [8].

Сдвиги и их составляющие элементы оформлены также, как словосочетания по морфологическим и синтаксическим законам немецкого языка. Они объединены одним общим ударением: Rurmichnichtan, allerhochst, stehenbleiben.

В немецком встречаются слова-композиты усложненного типа. Это многочисленные образования: druckluftbremse, doppelständerpresse, pressekonferenz, krankheitsurlaub.

Фразовые примеры: Hat der Boss etwas über die Pressekonferenz gesagt? Ich vermute, Sie werden bald in Mutterschaftsurlaub gehen.

Сложные субстантивы в немецком языке распределяются на соединения определительного типа и соединения сочинительного типа.

Определительного типа сложные слова пред-

ставляют собой композиты «в котором первая из непосредственно составляющих является по отношению ко второй определением» [2]. Это такие слова, как: druckluftbremse, doppelständerpresse.

Композиты сочинительного типа представляют собой семантически равноправные компоненты: butterbrot, kupfergold, goldstück, karatgold.

Фразовые примеры:

Da kaufen wir die Goldmünze, dann trinken wir schön zusammen Kaffee.

Das werden Sie uns noch lange aufs Butterbrot schmieren, was?

Отмечаются в немецком и сложносинтаксические слова, отличающиеся от обоих вышеприведенных типов. Это сложные слова, между компонентами которых отсутствуют определительные или сочинительные отношения. Наиболее часто наблюдаются слова, которые представляют собой субстантивацию предложения в повелительной форме, адвербиализованные сочетания, субстантивированные и адвербиализованные предложные группы.

Значительная часть таких слов относится к именам или прозвищам людей. Это могут быть либо непосредственно имена людей, либо названия растений: Habenichts, arme Leute, tunichtgut.

Фразовые примеры: Er soll aus seinen Irrtümern lernen und erkennen dass ein Tunichtgut wie er, keine so guten eltern verdient. Ausnahmsweise mal werden nicht die arme Leute bezahlen.

Достаточно активно встречаются в рассматриваемом языке и сложные прилагательные. Однако, по сравнению со сложными существительными прилагательные играют в словообразовании в целом меньшую роль. Они также как и сложные существительные дифференцируются по структурно-генетическому принципу и по семантико-синтаксической связи между компонентами. Распределение внутри данных групп также, как и у существительных происходит аналогично: полносложные прилагательные, неполносложные прилагательные и сдвиги.

Полносложные прилагательные представляют собой сложение простых основ: hellblau, wasserarm.

Неполносложные адъективы – это сложение основ, соединяющиеся посредством соединительного элемента -s-, -es-, -en-: sorgenkrank, wahrheitsgetreu [8].

Сдвигами являются сложные прилагательные, которые могут выражать различные особенности одного и того же действия: zeitraubend, taubstumm.

По своим семантико-синтаксическим отношениям сложные адъективы распределяются на два вида: определительного вида и сочинительного

вида.

Определительные сложные прилагательные обычно состоят из двух элементов, один из которых может быть либо причастием, либо прилагательным. Данный компонент присоединяется к любой части речи. Широко распространены прилагательные-композиции, у которых в качестве второго компонента выступают субстантивы и причастия.

Сочинительные сложные прилагательные в рассматриваемом языке менее распространены. Обычно вторым компонентом таких соединений выступают сами прилагательные.

Выводы

Проведенный анализ образования и функционирования сложных слов немецкого языка, привел к выводу о том, что все сложные существительные и прилагательные связаны со спецификой данного языка. Кроме того, в существующие словари

включены не все сложные слова этого языка, так как они отражают понятия, которые формируются вместе с прогрессом науки и современных технологий. Процесс обогащения и пополнения языка продолжается. Среди немецких сложных слов ключевую роль играют сложные существительные, так как являются терминологическими наименованиями науки и техники. Изучение особенностей образования и функционирования таких композиций на основе знания их структуры и значения компонентов является ключевым в обучении немецкому языку в высшей школе.

Сложные слова рассматриваемого языка представляют собой монолитные лексические единицы, обладающие целым рядом значений и грамматической характеристикой. Очень часто при их переводе приходится использовать описательный способ, так как в русском языке они не имеют соответствий.

Список источников

1. Алпатова П.Н., Мэй Чан Мьей Зо Особенности описания терминов в понятийных терминологических словарях: модель словарной статьи // Современный ученый. 2024. № 4. С. 7 – 15.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. Москва: УРСС, 2004. 569 с.
3. Вашунин, В.С. Субстантивные сложные слова в современном немецком языке. М.: Высш. шк., 1990. 159 с.
4. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение. М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
5. Гильченко Н.Л. Пособие по переводу газетных статей: практикум по переводу с нем. яз. на русский. Санкт-Петербург : КАРО, 2009. 368 с.
6. Макарова Е.А., Сальникова А.М. Сложные существительные в немецком языке: лингвистический и методический аспект // Учёные записки Щадринского государственного педагогического университета. 2023. № 2 (2). С. 225 – 232.
7. Розен Е.В. На пороге XXI века. Новые слова и словосочетания в немецком языке. М.: Изд-во «Менеджер», 2000. 192 с.
8. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / Под рук. М.Д. Степановой М.: Рус. яз., 1979. 536 с.
9. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка / под ред. Т.В. Строевой. 2-е изд., испр. М.: URSS, 2007. 344 с.
10. Яценко Н.В. Сложные имена существительные – новообразования с заимствованными элементами в современной немецкой прессе и их передача на русский язык / Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 68 – 72.

References

1. Alpatova P.N., May Chan Myeik Zo Features of the Description of Terms in Conceptual Terminological Dictionaries: Model of a Dictionary Entry. *Sovremennyy Scientist*. 2024. No. 4. P. 7 – 15.
2. Akhmanova O.S. Dictionary of Linguistic Terms. 2nd ed., reprinted. Moscow: URSS, 2004. 569 p.
3. Vashunin, V.S. Substantive Compound Words in Modern German. Moscow: Higher School, 1990. 159 p.
4. Vinogradov, V.S. Introduction to Translation Studies. Moscow: Publishing House of the Institute of General Secondary Education, Russian Academy of Education, 2001. 224 p.
5. Gilchenok N.L. Manual for Translating Newspaper Articles: Workshop on Translation from Germ. into Russian. Saint Petersburg: KARO, 2009. 368 p.
6. Makarova E.A., Salnikova A.M. Compound nouns in German: linguistic and methodological aspect. Scientific notes of Shchadrinsk State Pedagogical University. 2023. No. 2 (2). P. 225 – 232.

7. Rosen E.V. On the threshold of the XXI century. New words and phrases in German. Moscow: Publishing house "Manager", 2000. 192 p.
8. Dictionary of word-formation elements of the German language. Under the supervision of M.D. Stepanova Moscow: Rus. lang., 1979. 536 p.
9. Stepanova M.D. Word formation of the modern German language. under the editorship of T.V. Stroeve. 2nd ed., corrected. M.: URSS, 2007. 344 p.
10. Yashchenko N.V. Compound nouns – new formations with borrowed elements in the modern German press and their transfer into Russian. Baltic Humanitarian Journal. 2017. Vol. 6. No. 2 (19). P. 68 – 72.

Информация об авторах

Залова И.М., кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет, satiust74@list.ru

Залевская Т.Е., старший преподаватель, Дагестанский государственный университет, satiust74@list.ru

© Залова И.М., Залевская Т.Е., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070.19

Трансформация требований к контенту детско-юношеских телеканалов CCTV в условиях цифровой среды и пандемии Covid-19

¹ Хао Яньян, ¹ Базанова А.Е.

¹ *Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы*

Аннотация: статья посвящена трансформации требований к контенту детско-юношеских телеканалов CCTV в условиях цифровизации и пандемии COVID-19. В исследовании рассмотрены изменения, связанные с ростом экранного времени у детей и подростков, увеличением спроса на образовательные программы и внедрением интерактивных форматов. Осуществлен анализ структуры и жанрового состава программ CCTV, адаптированных под разные возрастные категории. Результаты показывают, что телеканалы CCTV успешно адаптировали контент к новым условиям, обеспечивая образовательные и социально значимые элементы, направленные на развитие моральных и когнитивных навыков у юных зрителей. В статье также подчеркивается важность интеграции цифровых платформ и мобильных приложений для повышения вовлеченности и доступности контента.

Ключевые слова: детско-юношеские телеканалы, CCTV, цифровизация, COVID-19, интерактивный контент, образовательные программы, медиа для детей, возрастная адаптация

Для цитирования: Хао Яньян, Базанова А.Е. Трансформация требований к контенту детско-юношеских телеканалов CCTV в условиях цифровой среды и пандемии Covid-19 // Современный ученый. 2025. № 4. С. 141 – 145.

Поступила в редакцию: 29 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 31 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Transformation of content requirements for children and youth CCTV channels in the digital environment and the Covid-19 pandemic

¹ Hao Yanyan, ¹ Bazanova A.E.

¹ *Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba*

Abstract: the article examines the transformation of content requirements for CCTV children's and youth channels in the context of digitalization and the COVID-19 pandemic. It explores changes such as increased screen time for children and adolescents, rising demand for educational programs, and the introduction of interactive formats. The study analyzes the structure and genre composition of CCTV programs adapted for different age groups. The findings indicate that CCTV channels successfully adapted their content to new conditions, providing educational and socially significant elements aimed at fostering moral and cognitive skills among young viewers. The article also highlights the importance of integrating digital platforms and mobile applications to enhance engagement and content accessibility.

Keywords: children's and youth channels, CCTV, digitalization, COVID-19, interactive content, educational programs, children's media, age adaptation

For citation: Hao Yanyan, Bazanova A.E. Transformation of content requirements for children and youth CCTV channels in the digital environment and the Covid-19 pandemic. Modern Scientist. 2025. 4. P. 141 – 145.

The article was submitted: November 29, 2024; Approved after reviewing: January 31, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Пандемия COVID-19 вызвала значительные изменения в поведении детей и подростков, в том числе в потреблении медиаконтента. В Китае среднее время, проводимое детьми перед экраном, увеличилось на 35% для возрастной группы 3–12 лет, достигнув 2,5 часов в день, по сравнению с 1,5 часами до пандемии. Особое внимание стало уделяться образовательным программам, которые привлекали 67% детей старше 6 лет. Такие изменения были вызваны переходом на дистанционное обучение и ограничением офлайн-активностей, что стимулировало адаптацию контента к новым реалиям. CCTV, как крупнейший китайский телеведущий, насчитывает несколько специализированных каналов для детей, например, CCTV-Children и CCTV-14, которые включают образовательные, развлекательные и информационные программы. С 2016 по 2021 годы аудитория детских каналов CCTV значительно выросла, что связано с повышенным вниманием к контенту, удовлетворяющему образовательные и культурные потребности детей и подростков. По данным 2021 года, более 60% родителей в Китае считают детские каналы CCTV одним из главных источников образовательного контента для своих детей [6].

В результате пандемии возросли запросы на образовательный и развивающий контент. Например, в 2020 году объем образовательных программ на CCTV-Children увеличился на 25% по сравнению с предыдущими годами [2]. Появился спрос на интерактивные форматы, интеграцию онлайн-платформ и использование цифровых технологий для расширения образовательного потенциала программ. К тому же, следует отметить, что количество пользователей, подключившихся к платформам CCTV для просмотра контента через интернет, увеличилось на 35% [2].

Цель исследования – анализ трансформации требований к контенту детско-юношеских телеканалов CCTV в условиях пандемии и цифровизации.

Достижение выше поставленной цели предполагает решение следующих задач исследования:

- Определить ключевые факторы, влияющие на изменение контента на детско-юношеских ка-

налах CCTV с 2016 по 2021 годы;

- Проанализировать возрастные предпочтения аудитории и их связь с типами контента, особенно в условиях пандемии;
- Оценить роль цифровых технологий и платформ CCTV в трансляции детского контента и его потреблении.

Исследования детского медиапотребления подчеркивают значимость телевидения в формировании ценностей, когнитивного развития и эмоционального интеллекта детей. Эльконин и Когатко указывают, что детские телеканалы выполняют не только развлекательную, но и образовательную функцию, адаптируя контент к возрастным особенностям аудитории [8]. Аналогично, Цвик и Борейский выделяют роль качественного детского контента в развитии критического мышления, эмоционального интеллекта и социализации детей [7].

Современная цифровизация усилила необходимость адаптации медиаконтента. Например, исследования Андерсона и Валкенбурга показывают, что интерактивные элементы телевидения, такие как мультимедийные игры и викторины, улучшают вовлеченность детей и помогают усваивать образовательный материал [1]. В китайском контексте, Чжан и Чжоу подчеркивают, что цифровые платформы становятся важным инструментом для привлечения юной аудитории. Например, популярность мобильных приложений CCTV выросла на 40% в период пандемии, что отражает изменения в способах потребления контента [4].

Пандемия COVID-19 значительно повлияла на медиапотребление. Согласно исследованиям, проведенным Чен и Вэем, среднее время, проводимое детьми перед экранами, увеличилось на 35%. Это обусловило повышенный спрос на образовательные программы, такие как «Школа знаний», которые стали особенно популярны среди младших школьников. Кроме того, социально значимые передачи, ориентированные на эмоциональную поддержку, увеличили свою долю в эфире. Программы, включающие элементы интерактивного обучения, продемонстрировали эффективность в поддержке детей в условиях ограничений.

Материалы и методы исследований

Основным материалом исследования стали программы детско-юношеских телеканалов CCTV за период с 2016 по 2021 годы. Анализ проводился по следующим направлениям: образовательные, развлекательные и социально значимые передачи. В выборку включены программы таких каналов, как CCTV-Children и CCTV-14, наиболее популярных среди целевой аудитории. В рамках контент-анализа изучались жанровое разнообразие, возрастная адаптация контента и внедрение цифровых форматов. Для оценки влияния программ использовались результаты опросов родителей и детей, организованных на базе онлайн-платформ CCTV. В опросах участвовали более 2000 семей из разных регионов Китая (данные были взяты с China Family Panel Studies (CFPS), опросы были организованы Институтом исследований социальных наук Пекинского университета), что позволило выявить предпочтения аудитории и частоту использования мобильных приложений для просмотра контента. Эти данные дополнили сравнительные показатели, отражающие динамику изменения зрительских предпочтений до и после пандемии COVID-19.

Результаты и обсуждения

С 2016 по 2021 год контент детско-юношеских каналов CCTV претерпел значительные изменения, отражая эволюцию жанров и форматов. Основной акцент стал делаться на образовательные и социально значимые программы, которые расширили свое присутствие, увеличив эфирное время на 20%. Появились новые форматы, такие как образовательные мини-сериалы и интерактивные шоу, которые стали особенно популярны среди младших школьников и подростков. В ответ на растущий интерес к цифровым платформам, CCTV интегрировала онлайн-платформы и мобильные приложения, предоставляя детям и подросткам доступ к контенту через интерактивные элементы – голосования, конкурсы и викторины. Внедрение цифровых возможностей позволило повысить вовлеченность аудитории, расширив контент для самостоятельного изучения и взаимодействия.

Контент-анализ программ CCTV с акцентом на возрастные категории и типы передач выявил значительные изменения в структуре контента для различных возрастных групп. С 2016 по 2021 годы детско-юношеские телеканалы CCTV, такие как CCTV-Children и CCTV-14, адаптировали свои программы к возрастным особенностям аудитории, предлагая специализированный контент для дошкольников, младших школьников и подростков. Например, для дошкольной аудитории (0-5

лет) программы включали яркие анимационные передачи с простыми образовательными элементами, которые составляли около 25% эфирного времени для этой возрастной категории. Программы для младших школьников (6-9 лет) ориентировались на развлекательный и образовательный контент, такой как научные передачи и викторины, что занимало порядка 30% эфирного времени. Для подростков (10-18 лет) фокус контента сместился к социально значимым программам, охватывающим темы дружбы, морали и семейных ценностей, которые составляли около 15% эфирного времени. Примером подобных программ стал «Молодежный форум», где подростки могли участвовать в обсуждениях актуальных социальных тем. Контент-анализ также показал, что с 2016 года интерактивные программы стали занимать на 20% больше эфирного времени. Эти программы включали элементы онлайн-голосования и конкурсов, которые увеличили вовлеченность аудитории, особенно среди детей старшего возраста.

В рамках опросов родителей и детей было установлено, что 60% родителей предпочитали, чтобы их дети смотрели образовательные программы, особенно в возрасте от 6 до 12 лет. В условиях пандемии COVID-19 этот показатель увеличился до 75%, так как родители начали воспринимать детские программы как важный элемент дистанционного образования и досуга. Большая часть детей школьного возраста проявляли интерес к развлекательным передачам с образовательными элементами, а 45% подростков в возрасте 10-18 лет отметили социальные программы, такие как «Молодежный форум», как полезный контент, способствующий развитию коммуникативных навыков и осознанию социально значимых вопросов. В целом, 65% детей всех возрастных групп указали, что развлекательные программы с образовательными элементами являются для них наиболее привлекательными. Среди дошкольников наибольший интерес вызвали мультфильмы и простые образовательные передачи, тогда как дети школьного возраста предпочитали программы с викторинами и заданиями, стимулирующими познавательную активность. Опрос родителей также показал высокую важность безопасности контента: 80% родителей отметили необходимость наличия возрастных ограничений и контроля качества, особенно для программ, доступных детям дошкольного и младшего школьного возраста. В ответ на эти предпочтения CCTV предприняла шаги по улучшению контроля содержания и повышению воспитательной значимости программ.

Сравнительный анализ данных о потреблении контента до и после пандемии выявил, что среднее время просмотра детских программ CCTV значительно увеличилось. В период пандемии дети в возрасте от 3 до 12 лет стали проводить перед экраном в среднем на 35% больше времени, чем в 2019 году. Экранное время для этой возрастной группы возросло с 1.5 до 2.5 часов в день. Пандемия также привела к значительному росту интереса к образовательному контенту: его доля в общем эфирном времени увеличилась с 20% до 30%. Программы образовательной направленности, такие как «Школа знаний» и «Мир вокруг нас», получили высокий рейтинг среди родителей и педагогов, так как способствовали восполнению образовательных пробелов, вызванных ограничениями в очном обучении. Социально значимые программы, ориентированные на поддержку эмоционального здоровья детей и подростков, также привлекли больше внимания аудитории, особенно среди подростков. Такие программы, как «Подростковый гражданин», направленные на воспитание моральных ценностей и поддержание эмоционального состояния, увеличили долю просмотра на 15% среди зрителей в возрасте 10-18 лет.

В ходе анализа также был выявлен повышенный интерес к цифровым платформам CCTV, что стало особенно актуально в период пандемии. Более 40% семей предпочли мобильные приложения CCTV для просмотра контента, что подчеркивает необходимость дальнейшего развития цифровой экосистемы. Интерактивные элементы, такие как

онлайн-голосования и конкурсы, значительно увеличили вовлеченность аудитории подростков, занимая до 20% эфирного времени программ CCTV [6]. Эти результаты подтверждают, что стратегии CCTV, направленные на интеграцию традиционного телевидения с цифровыми технологиями и адаптацию контента к изменившимся потребностям аудитории, оказались успешными. Программы, ориентированные на образовательные и социально значимые темы, стали эффективным инструментом поддержки детей в период пандемии.

Выводы

Анализ трансформации контента детско-юношеских телеканалов CCTV в условиях цифровизации и пандемии COVID-19 показал значительное изменение требований к детскому медиаконтенту: усилился акцент на образовательные, интерактивные и социально значимые программы, адаптированные под различные возрастные группы. Пандемия способствовала увеличению экранного времени и росту потребности в образовательном контенте, что было удовлетворено благодаря расширению программ на образовательные темы и интеграции онлайн-платформ. Внедрение цифровых технологий и мобильных приложений, обеспечивающих интерактивные форматы, повысило вовлеченность зрителей, особенно среди подростков. Таким образом, телеканалы CCTV успешно адаптировались к новым вызовам, став важным инструментом в поддержке образовательных и воспитательных задач в условиях быстро меняющегося медийного пространства.

Список источников

1. Андерсон Д.Р., Валкенбург П.М. Влияние интерактивных и мультимедийных элементов на вовлеченность детей и усвоение информации // Журнал психологии медиа. 2019. Т. 14. № 2. С. 95 – 110.
2. Ван Х., Лю С. Анализ роста образовательных программ на CCTV-Children в период пандемии // Журнал китайских медиаисследований. 2021. Т. 10. № 2. С. 100 – 115.
3. Ван С., Чжан И. Время, проводимое детьми у экранов в Китае в период пандемии COVID-19: наблюдения и мнения родителей // Журнал детства и медиа. 2021. Т. 15. № 1. С. 120 – 136.
4. Ли И., Чжоу Ц. Онлайн-платформы и изменение предпочтений в потреблении медиа детьми в Китае: интеграция традиционного ТВ с цифровыми форматами // Журнал китайских исследований медиа и коммуникации. 2020. Т. 7. № 3. С. 48 – 63.
5. Ли Дж., Чэнь И. Взгляд родителей на образовательное телевидение для детей: роль детских каналов CCTV в Китае // Международный журнал медиа и образования. 2021. Т. 12. № 3. С. 45 – 58.
6. Ли Ю., Ван С. Сдвиг предпочтений в потреблении медиа в период пандемии: рост популярности мобильных платформ CCTV для детей и семей // Журнал цифровых медиа и образования. 2021. Т. 11. № 4. С. 75 – 88.
7. Макеева А. Как ребенку смотреть телевизор: дольше 30 минут не зависать, на метр не приближаться // Комсомольская правда. 2020. 14 янв. URL: <https://www.kp.ru/daily/27078/4149658/>
8. Самарина А. Патриотизм 0+. Воспитание любви к Родине начнется с младенчества // Независимая газета. 2012. 5 дек. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-12-05/3_patriotizm.html

9. Цвик И., Борецкий А. Влияние качественного детского контента на развитие критического мышления и эмоционального интеллекта // Журнал педагогики и психологии детства. 2021. Т. 9. № 2. С. 23 – 34.
10. Эльконин Д.Б., Когатко Ю.А. Развлекательные и образовательные функции детских телеканалов // Вопросы психологии. 2020. № 3. С. 50 – 61.

References

1. Anderson D.R., Valkenburg P.M. The Impact of Interactive and Multimedia Elements on Children's Engagement and Information Learning. *Journal of Media Psychology*. 2019. Vol. 14. No. 2. P. 95 – 110.
2. Wang H., Liu S. Analysis of the Growth of Educational Programs on CCTV-Children during the Pandemic. *Journal of Chinese Media Studies*. 2021. Vol. 10. No. 2. P. 100 – 115.
3. Wang S., Zhang Y. Children's Screen Time in China During the COVID-19 Pandemic: Observations and Opinions of Parents. *Journal of Childhood and Media*. 2021. Vol. 15. No. 1. P. 120 – 136.
4. Li Y., Zhou Q. Online Platforms and Changing Media Consumption Preferences of Children in China: Integrating Traditional TV with Digital Formats. *Journal of Chinese Media and Communication Studies*. 2020. Vol. 7. No. 3. P. 48 – 63.
5. Li J., Chen Y. Parents' Views on Children's Educational Television: The Role of CCTV Children's Channels in China. *International Journal of Media and Education*. 2021. Vol. 12. No. 3. P. 45 – 58.
6. Li Y., Wang S. Shifting Media Consumption Preferences during the Pandemic: The Rise of CCTV Mobile Platforms for Children and Families. *Journal of Digital Media and Education*. 2021. Vol. 11. No. 4. P. 75 – 88.
7. Makeeva A. How a child should watch TV: don't hang out for more than 30 minutes, don't get within a meter. *Komsomolskaya Pravda*. 2020. January 14. URL: <https://www.kp.ru/daily/27078/4149658/>
8. Samarino A. Patriotism 0+. Fostering love for the Motherland will begin in infancy. *Nezavisimaya Gazeta*. 2012. December 5. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-12-05/3_patriotizm.html
9. Tsvik I., Boretsky A. The influence of high-quality children's content on the development of critical thinking and emotional intelligence. *Journal of Pedagogy and Psychology of Childhood*. 2021. Vol. 9. No. 2. P. 23 – 34.
10. Elkonin D.B., Kogatko Yu.A. Entertainment and educational functions of children's TV channels. *Questions of Psychology*. 2020. No. 3. P. 50 – 61.

Информация об авторах

Хао Яньян, аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-0468-9612>, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 1042228128@pfir.ru, anzhelahao@yandex.ru

Базанова А.Е., кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, bazanova_ae@pfur.ru

© Хао Яньян, Базанова А.Е., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070.19

Исследование стратегий продвижения туристических брендов на платформе социальных медиа с точки зрения семиотики – на примере «Харбинского туризма» в TikTok

¹ Цао Линь

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: появление платформ социальных сетей полностью изменило способы взаимодействия туристических брендов с аудиторией по всему миру. TikTok, как одна из самых быстрорастущих платформ, предлагает идеальное пространство для динамичного и творческого взаимодействия. В данной статье анализируются стратегии продвижения туризма в Харбине в TikTok, особое внимание уделяется использованию визуальных, текстовых и аудиальных средств для создания увлекательной истории. Целью статьи является изучение семиотических компонентов и их влияния на восприятие туристического брендинга аудиторией в современную эпоху цифровых медиа. TikTok, с его молодой аудиторией и акцентом на креативность и музыкальность, становится ключевым инструментом для туристических брендов, стремящихся привлечь внимание молодых путешественников. Используя хештеги, такие как #TikTokTravel, и создавая контент, который вызывает эмоции и вдохновляет на путешествия, бренды могут эффективно продвигать свои туристические продукты и услуги. Статья исследует, как эти стратегии могут быть адаптированы для продвижения Харбина как туристического направления, подчеркивая важность понимания целевой аудитории и адаптации контента к ее потребностям. Кроме того, статья рассматривает роль инфлюенсеров и пользовательского контента в усилиях по продвижению туризма в Харбине, а также влияние алгоритмов TikTok на видимость и вовлеченность контента. Статья предоставляет глубокий анализ того, как TikTok может быть использован для эффективного продвижения туризма в Харбине, и как семиотические компоненты контента влияют на восприятие бренда аудиторией в эпоху цифровых медиа.

Ключевые слова: туристический бренд, социальные медиа, семиотика, продвижение контента

Для цитирования: Цао Линь Исследование стратегий продвижения туристических брендов на платформе социальных медиа с точки зрения семиотики – на примере «Харбинского туризма» в TikTok // Современный ученый. 2025. № 4. С. 146 – 150.

Поступила в редакцию: 30 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 31 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

The study of strategies for promoting travel brands on the social media platform from the point of view of semiotics – using the example of Harbin tourism on TikTok

¹ Cao Lin

¹ *Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba*

Abstract: the advent of social media platforms has completely changed the way travel brands interact with audiences around the world. TikTok, as one of the fastest growing platforms, offers the perfect space for dynamic and creative interaction. This article analyzes the strategies for promoting tourism in Harbin on TikTok, with special attention paid to the use of visual, textual and auditory tools to create a fascinating story. The purpose of the article is to study the semiotic components and their impact on the perception of travel branding by the audience in the modern era of digital media. TikTok, with its young audience and emphasis on creativity and musicality, is becoming a key tool for travel brands seeking to attract the attention of young travelers. By using hashtags such as #TikTokTravel and creating content that evokes emotion and inspires travel, brands can effectively promote their travel products and services. The article explores how these strategies can be adapted to promote Harbin as a tourist destination, emphasizing the importance of understanding the target audience and adapting content to their needs. In addition, the article examines the role of influencers and user-generated content in efforts to promote tourism in Harbin, as well as the impact of TikTok algorithms on content visibility and engagement. The article provides an in-depth analysis of how TikTok can be used to effectively promote tourism in Harbin, and how the semiotic components of the content affect the perception of the brand by the audience in the digital media age.

Keywords: travel brand, social media, semiotics, content promotion

For citation: Cao Lin The study of strategies for promoting travel brands on the social media platform from the point of view of semiotics – using the example of Harbin tourism on TikTok. Modern Scientist. 2025. 4. P. 146 – 150.

The article was submitted: November 30, 2024; Approved after reviewing: January 31, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Социальные медиа стали незаменимым инструментом маркетинга, позволяя брендам демонстрировать туристические направления с помощью захватывающего контента. Среди платформ выделяется TikTok, отличающийся короткими видео и алгоритмом, ориентированным на вовлечение.

Харбин, город в северо-восточном Китае, известный своим Фестивалем льда и снега, использует TikTok для создания уникальной идентичности туристического бренда. Визуальный контент, представленный в аккаунте «Харбинского туризма», играет ключевую роль в создании уникального имиджа города как зимнего туристического направления. Видео сосредотачиваются на демонстрации главных достопримечательностей, включая знаменитый фестиваль ледяных и снежных скульптур, Софийский собор и набережную реки Сунгари [6].

Материалы и методы исследований

Семиотика, наука о знаках и символах, обеспечивает основу для понимания того, как создается и передается смысл. В контексте туристического

брендинга семиотика помогает расшифровать, как туристические направления представляются с помощью визуальных, текстовых и слуховых сигналов.

Использование ярких визуальных элементов, таких как освещенные ледяные фигуры и зимние пейзажи, создает эффект захватывающего зимнего приключения. Цветовая палитра акцентируется на холодных тонах, таких как голубой и белый, что подчеркивает тематику снега и льда, в то время как теплые оттенки – желтый и красный – добавляют праздничного настроения и привлекают внимание [10].

Лингвистическая семиотика в кампаниях Харбин также подчеркивает взаимосвязь между простотой и утонченностью. Использование легко усваиваемых хэштегов и лаконичных подписей обеспечивает доступность, в то время как более тонкие текстовые подсказки, такие как поэтические фразы или исторические ссылки, добавляют глубины тем, кто стремится лучше понять пункт назначения. Например, такие фразы, как “Прогулка сквозь время”, сопровождаемые изображениями исторических улиц Харбина, вызывают эмоцио-

нальное стремление к открытиям и ностальгию, находя отклик у зрителей на более глубоком уровне. Подписи и хэштеги играют решающую роль в интерпретации зрителями. Туристический центр Харбина использует такие фразы, как “#IceWorld” и “#WinterParadise”, чтобы вызвать определенные ассоциации. Многоязычные субтитры рассчитаны на глобальную аудиторию, что делает контент доступным и содержательным [8].

Фоновая музыка и звуковые эффекты тщательно подобраны, чтобы усилить эмоциональное воздействие. Традиционные китайские мелодии часто сочетаются с современными ритмами, создавая сплав, который привлекает разнообразную аудиторию. Звуки хрустящего снега и праздничный смех еще больше погружают зрителей в атмосферу Харбина. В видеороликах используется подход повествования, в котором персонажи часто отправляются в путешествие по достопримечательностям Харбина. Данный нарративный прием очеловечивает бренд, делая его привлекательным для зрителей. Сочетание семиотических элементов создает целостное повествование, которое находит отклик у аудитории [2].

Визуальная семиотика выходит за рамки достопримечательностей и включает в себя представления о местной культуре и кухне. Знаменитые харбинские пельмени и архитектура в русском стиле занимают видное место, символизируя уникальное сочетание китайского и европейского влияний в городе. Эти изображения пробуждают любопытство и жажду приключений, приглашая зрителей исследовать место, не похожее ни на одно другое. Сезонные элементы, такие как катание на коньках по замерзшей реке и праздничные ярмарки, позиционируются как эксклюзивные развлечения, используя страх что-то упустить для привлечения туристов в определенное время года [7].

Результаты и обсуждения

Сторителлинг остается основой туристической стратегии TikTok в Харбине. В видеороликах бренда часто рассказывается о таких общих темах, как дружба, приключения и самопознание. Данные универсальные темы выходят за рамки культурных границ, позволяя бренду взаимодействовать с глобальной аудиторией. Например, в видеоролике может быть изображена группа друзей, посещающих Ледовый фестиваль, и запечатлены моменты благоговения и радости. Эти истории созданы для того, чтобы вдохновить зрителей представить свои собственные впечатления от пребывания в Харбине, превращая пассивное потребление в активное стремление [4].

С семиотической точки зрения, присутствие Харбина в TikTok – это мастер-класс по многоуровневому использованию знаков и символов для создания прочного повествования о бренде. Каждый визуальный, аудиальный и текстовый элемент вносит свой вклад в целостное представление о городе как о волшебном месте, которое обязательно нужно посетить. Гармоничная интеграция культурных мотивов, интерактивных элементов и эмоционального повествования гарантирует, что туризм в Харбине остается конкурентоспособным на все более насыщенном рынке. Создавая ощущение связи и удивления, бренд не только привлекает посетителей, но и создает стойкие воспоминания, которые побуждают к повторным посещениям и распространению информации из уст в уста [1, 5].

Исследование показывает, что успешное использование семиотических элементов позволяет «Харбинскому туризму» эффективно конкурировать на рынке туристических направлений. Комбинация визуальных, текстовых и аудиовизуальных знаков создает комплексный и запоминающийся образ города. Хэштеги, культурные символы, уникальные визуальные образы и использование музыки помогают сформировать эмоциональную связь с аудиторией, делая Харбин привлекательным для туристов [3, 6].

Продвижение туристических брендов на платформах социальных медиа, таких как TikTok, открывает новые горизонты для привлечения аудитории и формирования уникального имиджа. На примере «Харбинского туризма» можно увидеть, как использование семиотических элементов – визуальных, текстовых и аудиовизуальных – способствует созданию эмоционально насыщенного и привлекательного нарратива. Комбинация знаков и символов, таких как культурные мотивы, атмосферные звуки, яркие визуальные образы и хэштеги, позволяет не только выделить Харбин среди других туристических направлений, но и создать ассоциации с зимней сказкой и культурным разнообразием [9].

Выводы

TikTok, благодаря своему алгоритму и формату контента, стал эффективным инструментом для вовлечения пользователей и повышения узнаваемости бренда. Применение семиотического подхода в анализе стратегии продвижения показало, что успешное использование знаковых систем усиливает влияние контента, формирует положительные ассоциации и мотивирует пользователей к действию, будь то взаимодействие с публикациями или планирование путешествия.

Будущее подобных стратегий связано с дальнейшей интеграцией мультимодальных подходов, направленных на расширение охвата и углубление взаимодействия с аудиторией. Это включает изучение поведенческих реакций на контент, адаптацию для других платформ и создание новых форм

вовлечения. Опыт «Харбинского туризма» показывает, что сочетание культурных особенностей, технологических возможностей платформы и креативного контента может стать мощным драйвером в развитии туристического бренда в условиях высокой конкуренции.

Список источников

1. Ажнова А.А. Платформа TikTok как инструмент цифрового маркетинга // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 5-1. С. 9 – 13.
2. Баранова Д.М. Маркетинг на платформе TikTok: примеры успешных кампаний // Рекламный вектор – 2020: Smart-коммуникации. 2020. С. 245 – 248.
3. Гомилевская Г.А., Коростылёва А.Р. Специфика использования социальной сети TikTok как инструмента формирования имиджа территории Приморского края // Территория новых возможностей. 2021. № 1. С. 93 – 104.
4. Ли Чуньянь, Пэн Чуаньхуай Культурное наследие русской эмиграции в развитии туристической индустрии в Харбине // Концепт. 2020. № 1. 30 с.
5. Мустаева О.В. Практика ведения бренд-медиа на площадке TikTok: функциональные возможности продвижения в рамках рекламной платформы (на примере каналов Tinkoff, VTBGroup и Sber_Ru) // Медиасреда. 2023. № 1. С. 38 – 42.
6. Смирнова М.А. TikTok как инструмент продвижения личного бренда российскими журналистами // Медиасреда. 2022. № 1. С. 94 – 99.
7. Стрюков Н.С., Крылов И.Р. TikTok – новое поколение цифрового маркетинга // Труды института бизнес-коммуникаций. 2021. № 9. С. 89 – 97.
8. Челнокова-Щейка А.В. Культурный аспект брендинга территорий в китайских соцсетях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 11 (866). С. 165 – 172.
9. Шишакова Ю.В., Башкина Н.А. Современные факторы эффективности применения цифровых технологий в продвижении брендов // E-Management. 2022. № 4. С. 106 – 112.
10. Harbin in China [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tiktok.com/discover/Harbin-in-China?lang=ru-RU> (дата обращения: 08.11.2024)

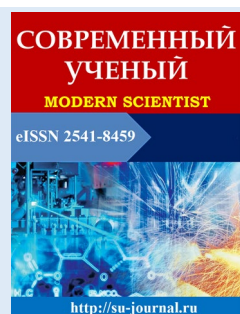
References

1. Azhnova A.A. TikTok platform as a digital marketing tool. Economy and business: theory and practice. 2021. No. 5-1. P. 9 – 13.
2. Baranova D.M. Marketing on the TikTok platform: examples of successful campaigns. Advertising vector – 2020: Smart communications. 2020. P. 245 – 248.
3. Gomilevskaya G.A., Korostyleva A.R. Specifics of using the TikTok social network as a tool for forming the image of the Primorsky Territory. Territory of new opportunities. 2021. No. 1. P. 93 – 104.
4. Li Chunyan, Peng Chuanhuai Cultural heritage of Russian emigration in the development of the tourism industry in Harbin. Concept. 2020. No. 1. 30 p.
5. Mustaeva O.V. Brand Media Practice on the TikTok Platform: Functional Promotion Capabilities within the Advertising Platform (Based on the Example of Tinkoff, VTBGroup, and Sber_Ru Channels). Mediasreda. 2023. No. 1. P. 38 – 42.
6. Smirnova M.A. TikTok as a Tool for Promoting a Personal Brand by Russian Journalists. Mediasreda. 2022. No. 1. P. 94 – 99.
7. Stryukov N.S., Krylov I.R. TikTok – a New Generation of Digital Marketing. Proceedings of the Institute of Business Communications. 2021. No. 9. P. 89 – 97.
8. Chelnokova-Shcheika A.V. Cultural Aspect of Place Branding in Chinese Social Networks. Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2022. No. 11 (866). P. 165 – 172.
9. Shishakova Yu.V., Bashkina N.A. Modern Factors of the Efficiency of Using Digital Technologies in Brand Promotion. E-Management. 2022. No. 4. P. 106 – 112.
10. Harbin in China [Electronic resource]. URL: <https://www.tiktok.com/discover/Harbin-in-China?lang=ru-RU> (accessed: 08.11.2024)

Информация об авторе

Цао Линь, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Российская Федерация,
lin.tsao.95@mail.ru

© Цао Линь, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'362

Синтаксические средства выражения одновременности в разноструктурных языках (на примере английского и русского языков)

¹Антропова А.Е.

¹Казанский государственный энергетический университет

Аннотация: статья посвящена рассмотрению синтаксических средств выражения одновременности в английском и русском языках. Цель исследования заключается в нахождении схожих и разных черт реализации одновременных действий в сравниваемых языках. Для достижения поставленной цели необходимо следующие задачи: изучить, как одновременные отношения представлены в отдельных конкретных типах предложений, а также способы, с помощью которых язык передает одновременность событий. Исследование проводилось на материале примеров из British National Corpus и Национального корпуса русского языка. В работе были использованы описательный метод и метод сплошной выборки. Были описаны отдельные типы предложений, в которых могут быть реализованы одновременные действия, предоставлены примеры. Результатом исследования стало выявление изоморфных и алломорфных черт сравниваемых языков.

Ключевые слова: английский язык, одновременность, русский язык, синтаксические средства

Для цитирования: Антропова А.Е. Синтаксические средства выражения одновременности в разноструктурных языках (на примере английского и русского языков) // Современный ученый. 2025. № 4. С. 151 – 155.

Поступила в редакцию: 30 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 1 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 2025 г.

Syntactic means of expressing simultaneity in languages of different structures (based on English and Russian)

¹Antropova A.E.

¹Kazan State Power Engineering University

Abstract: the article is devoted to the studying of syntactic means of expressing simultaneity in English and Russian. The purpose of the study is to find similar and different features of the implementation of simultaneous actions in the compared languages. To achieve this goal, the following tasks are necessary: to study how simultaneous relations are represented in certain specific types of sentences, as well as the ways in which language conveys the simultaneity of events. The study was conducted based on examples from the British National Corpus and the National Corpus of the Russian Language. The descriptive method and the continuous sampling method were used in the work. Some types of sentences in which simultaneous actions can be implemented were described, and examples were provided.

Keywords: the English language, the Russian language, simultaneity, syntactic means

For citation: Antropova A.E. Syntactic means of expressing simultaneity in languages of different structures (based on English and Russian). Modern Scientist. 2025. 4. P. 151 – 155.

The article was submitted: November 30, 2024; Approved after reviewing: February 1, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Категория времени или темпоральности является одной из ведущих категорий в современной лингвистике. Она всегда была объектом пристального внимания как отечественных, так и зарубежных ученых. Основными смысловыми компонентами, формирующими временные отношения, являются значения одновременности и разновременности. Изучение одновременности получило развитие благодаря работам различных лингвистов (А.В. Бондарко (1984), А. Аксу-Коч и К. фон Штуттерхайм (1994), О.Г. Тарасова (2003), Н.Л. Кудинова (2013, 2018), Г.Ф. Лутфуллина (2023)).

Два события, процесса или состояния считаются одновременными, если они имеют общее значение на временной оси [1]. Это значение не обязательно должно быть временем фактического происхождения события (*event time*), а может быть точкой отсчета (*reference time*). Точка отсчета может быть представлена неглагольными средствами или глагольными формами. Рассмотрение временных отношений входит в ряд вопросов, которые заслуживают серьезного внимания в связи с большим объемом языковых средств выражения и их сложной взаимосвязью.

Материалы и методы исследований

Методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) ([URL: https://ruscorpora.ru/](https://ruscorpora.ru/)) и British National Corpus (далее – BNC) ([URL: https://www.english-corpora.org/bnc/](https://www.english-corpora.org/bnc/)) нами были отобраны примеры, в которых реализованы одновременные действия, представленные в сравниваемых языках в:

- 1) простых предложениях с причастиями и деепричастиями;
- 2) предложениях с союзом *and / u*;
- 3) предложениях с придаточными времени.

Результаты и обсуждения

1. Простые предложения с причастиями и деепричастиями

Деепричастие представляет собой уникальную часть речи, которая обозначает дополнительное действие, и делится на две группы: совершенные и несовершенные, и именно для деепричастий несовершенного вида характерны отношения одновременности [2], которые представлены в примерах (1), (2).

(1) И они опять *сидят* на скамейке, *слушая* музыку (А. И. Куприн. Юнкера) [НКРЯ].

(2) Розе *копошилась* у плиты, *готовя* какое-то деревенское питье (А. С. Грин. Случай) [НКРЯ].

Однако Н.В. Зорихина-Нильссон отмечает, что «при наличии в зависимой ситуации деепричастия НСВ, образованного от предельного глагола, может выражаться и предшествование зависимой ситуации по отношению к главной, содержащей глагол НСВ» [3, с. 278]. Такой случай представлен в примере (3): сначала *приходили*, а только потом *ложились*.

(3) *Приходя* из бани, ложились в пыльные и грязные постели – грязь и скверные запахи вообще никого не возмущали (М. Горький. В людях) [НКРЯ].

Причастия в русском языке представляют собой особую часть речи, которая обладает свойствами как прилагательных, так и глаголов. Они могут быть действительными и страдательными. Действительным причастиям совершенного вида характерно выражение предшествования, однако выражение одновременности возможно в прошлом и будущем временном периоде при специфических контекстуальных условиях [4], как в примере (4): на момент получения награды С. Льюис был писателем, следовательно, причастие *получившим* относится к тому же временному периоду, что и основной предикат *был*.

(4) Синклер Льюис *был* первым американским писателем, *получившим* в 1930 году Нобелевскую премию за выдающиеся достижения в области литературы (Б. Г. Стрельников. Тысяча миль в поисках души) [НКРЯ].

Действительные причастия несовершенного вида в настоящем временном периоде также могут реализовывать одновременность [4], как можно увидеть в примере (5), в котором причастие *выбирающих* одновременно предикату в настоящем времени *превышает*.

(5) А значит, число выпускников, *выбирающих* общественные науки, более чем в два с половиной раза *превышает* число желающих стать инженерами (А. Трушин. Высшие соображения) [НКРЯ].

Причастия в английском языке представлены двумя видами: Participle I и Participle II. В отличие от русского языка, в котором деепричастный оборот употребляется только в моносубъектных предложениях, в английском языке причастный оборот используется и в моносубъектных, и в полисубъектных предложениях. При этом только Partici-

ple I обозначает действие, одновременное основному глаголу [5] (6), (7):

(6) Late that night, *going* home from the show with his mother and father and his brother Tom, Douglas saw the tennis shoes in the bright store window / В тот вечер, возвращаясь домой из кино вместе с мамой, папой и братом Томом, Дуглас увидел теннисные туфли в ярко освещенной витрине магазина [НКРЯ] (здесь и далее перевод наш – А.А.)

(7) The candle was on the floor, and there they all was, *looking* at me, and me at them, for about a quarter of a minute / Свеча стояла на полу, и все они стояли, глядя на меня, а я на них с четверть минуты [НКРЯ].

Participle II может выражать как действие, одновременное с действием (8), выраженным личной формой, так и предшествующее (9) ему, но чаще оно выражает предшествующее действие.

(8) He was in the adjoining sitting room, *slumped* in a corner of the chesterfield, a glass of whisky *cradled* in his hands / Он сидел в соседней гостиной, развалившись в углу дивана, и держал в руках стакан с виски [НКРЯ].

(9) *Having cradled* the naced receiver she changed into black slacks and a lemon shirt / Положив перламутровую трубку, она переделалась в черные брюки и лимонную рубашку [НКРЯ].

2. Предложения с сочинительным союзом *and / и*

Союз *and / и* является многозначным и способен представлять предшествование, следование и одновременность [6; 7]. В представленных примерах (10), (11) оба предиката находятся в одном и том же временном периоде (*ran – stood; стояли – говорила*).

(10) A few people *ran* round to see how she was *and* he just *stood* at the window watching with a shotgun / Несколько человек подбежали посмотреть, как она, а он просто стоял у окна и наблюдал за происходящим с ружьем в руках [BNC].

(11) Мы *стояли*, облокотясь на перила, *и* она *говорила* со мной с откровенностью, проникавшей мне в сердце (Е.С. Шумигорский. Записки Н.В. Головиной) [НКРЯ].

3. Предложения с придаточными времени

В сложноподчиненных предложениях обоих языков часто используются союзы времени *when / когда, while / в то время как, as / пока* для эксплицирования одновременных событий [1, 8]. Союз *while / в то время как* соединяет два предложения, где придаточное предложение описывает действие или состояние, происходящее одновременно с действием в главном предложении. Его использование характерно для полисубъектных предложений (12)–(15).

(12) *While* Martin Smyth was trying to persuade the march organizers to relent, Ian Paisley was promising his support / Пока Мартин Смит пытался убедить организаторов марша смягчиться, Иэн Пейсли обещал свою поддержку [BNC].

(13) I sit *while* the worried little man examines the tickets / Я сижу, *пока* взволнованный маленький человечек изучает билеты [BNC].

(14) Капитан с каким-то странным выражением смотрел на меня *в то время, как* я говорил (Л. Н. Толстой. Набег. Рассказ волонтера) [НКРЯ].

(15) *В то время, как* священники ждали в приемной, пастор прошел с их бумагой в кабинет м-ра Джонсона и долго беседовал с ним (Н. Пашин. Дневник) [НКРЯ].

Союз *when / когда* уточняет последовательность событий в предложении и условия, при которых они происходят. У него есть несколько функций, одна из которых – указывать на то, что одно действие происходит одновременно с другим (16)–(19).

(16) I was working in my room, *when* a knock at the door heralded the entry of four second-year students / Я работал в своей комнате, *когда* стук в дверь возвестил о приходе четырех студентов второго курса [BNC].

(17) Lance, 23, was on his way to visit his brother Mark in one of the tower blocks *when* the jumbo jet fell out of the sky / 23-летний Лэнс направлялся к своему брату Марку в один из многоквартирных домов, *когда* упал гигантский самолет [BNC].

(18) *Когда* я был студентом и сидел в тюрьме, однажды ко мне на свидание пришла девушка, которая назвалась моей невестой, но которая меня не знала... (Е.Н. Чириков. Мужики. Картины деревенской жизни) [НКРЯ].

(19) *Когда* мы подъезжали к Москве, эта тётка попросила меня снять её корзины, и она оказалась сплошь обложенной своими тяжестями (О.В. Амитров. Дневник) [НКРЯ].

Считается, что в английском языке союз *as* может выражать одновременность в тех случаях, когда он синонимичен союзам *when* и *while* [9] (20), (21). Соответствующий ему в русском языке союз *пока* является преференциальным для выражения одновременных действий [10] (22)–(24).

(20) *As* we enter the trees a few shots ring out / Когда мы заходим в лес, раздаются несколько выстрелов [BNC].

(21) I held his arm tightly *as* we ran / Я крепко держала его за руку, *пока* мы бежали [BNC].

(22) *Пока* они сидели, Брант трепал все время языком в бухгалтерии и принять их не изволил (В.А. Швец. Дневник) [НКРЯ].

(23) Но *пока* я сидел здесь, она бродила около меня одна, плела венки из полевых цветов, собранных вон у той изгороди близ большой дороги, и все время напевала какую-то милую детскую песенку (Е. Ахматова [перевод романа Э. Булвер-Литтона]. Кенелм Чиллинглы, его приключения и взгляды на жизнь) [НКРЯ].

(24) *Пока* она пила чай и коньяк, коридорный с громом взбивал принесенные им свежие подушки (М. Криницкий. Маскарад чувства) [НКРЯ].

Выводы

В данной статье мы, опираясь на труды отечественных и зарубежных исследователей по данной теме, предприняли попытку рассмотреть и обоб-

щить некоторые из синтаксических средств выражения одновременности в английском и русском языках и выделить схожие и различные черты. Изоморфизм заключается в том, что среди сравниваемых языков каждый из рассмотренных типов предложений может выражать одновременность при условиях, описанными нами. Алломорфизм больше всего проявляется в предложениях с причастиями и деепричастиями, что связано с разноструктурностью языков, необходимым согласованием времен в английском языке и согласованием деепричастного оборота с глаголом в русском языке.

Список источников

1. Aksu-Koç A. and von Stutterheim C. Temporal Relations in Narrative: Simultaneity. A Crosslinguistic Developmental Study, Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1994. P. 393 – 455.
2. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 136 с.
3. Зорихина-Нильссон Н.В. Таксисные деепричастные конструкции с глаголами стандартного положения в пространстве в русском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2014. Т. 10. № 3. С. 273 – 298.
4. Лутфуллина Г.Ф. Выражение категории одновременности причастиями в русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 3. С. 796 – 801.
5. Кудинова Н.Л. Реализация таксисной семантики одновременности средствами зависимого таксиса в русском и английском языках // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. № 5 (86). С. 73 – 80.
6. Jeremy R.J. Use of coordinate sentences with the conjunction and for describing temporal and locative relations between events. J Psycholinguist Res 7, 1978. P. 135 – 150.
7. Панкратова Т.В., Шинкаренко Ю.В. Простое и сложносочиненное предложения с союзами «And», «But» в английском языке // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2014. № 13. С. 122 – 128.
8. Собчакова Н.М. Контрастивный анализ функционального потенциала, этимологии и семантики английских временных союзов // Вестник ОГУ. 2017. № 1 (201). С. 63 – 67.
9. Bekteshi A. Time Subordinators And Time Relations in English And Albanian // KNOWLEDGE – International Journal. 54. 2022. P. 793 – 798.
10. Цховребов А.С. Сложноподчиненные предложения с временными отношениями в практике преподавания русского языка как иностранного // Вестник СПбГИК. 2021. № 2 (47). С. 143 – 147.

References

1. Aksu-Koç A. and von Stutterheim C. Temporal Relations in Narrative: Simultaneity. A Crosslinguistic Developmental Study, Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1994. P. 393 – 455.
2. Bondarko A.V. Functional Grammar. Leningrad: Nauka, 1984. 136 p.
3. Zorikhin-Nilsson N.V. Taxis adverbial participle constructions with verbs of standard spatial position in Russian. Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute of Linguistic Research. 2014. Vol. 10. No. 3. P. 273 – 298.
4. Lutfullina G.F. Expression of the category of simultaneity by participles in Russian. Philological sciences. Theory and Practice Issues. 2023. No. 3. P. 796 – 801.
5. Kudinova N.L. Implementation of Taxis Semantics of Simultaneity by Means of Dependent Taxis in Russian and English. Bulletin of Cherepovets State University. 2018. No. 5 (86). P. 73 – 80.
6. Jeremy R.J. Use of Coordinate Sentences with the Conjunction and for Describing Temporal and Locative Relations between Events. J Psycholinguist Res 7, 1978. P. 135 – 150.
7. Pankratova T.V., Shinkarenko Yu.V. Simple and Compound Sentences with the Unions “And”, “But” in English. Actual Issues of Modern Philology and Journalism. 2014. No. 13. P. 122 – 128.

8. Sobchakova N.M. Contrastive analysis of the functional potential, etymology and semantics of English temporal conjunctions. Bulletin of OSU. 2017. No. 1 (201). P. 63 – 67.
9. Bekteshi A. Time Subordinators And Time Relations in English And Albanian. KNOWLEDGE – International Journal. 54. 2022. P. 793 – 798.
10. Tskhovrebov A.S. Complex sentences with temporal relations in the practice of teaching Russian as a foreign language. Bulletin of St. Petersburg State Institute of Culture. 2021. No. 2 (47). P. 143 – 147.

Информация об авторе

Антропова А.Е., ассистент, Казанский государственный энергетический университет, you4375@yandex.ru

© Антропова А.Е., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 82.25

Переводческие конкурсы как инструмент анализа сформированности переводческой компетенции: эрратологический аспект

¹ Банман П.П.

¹ Северо-Кавказский федеральный университет

Аннотация: статья посвящена анализу переводов с немецкого языка на русский материалов двух переводческих конкурсов с целью выявления типичных ошибок и установления причин их появления. Основное содержание исследования составляет эрратологический анализ – анализ контекстов, содержащих явления негативной асимметрии: ошибки при передаче когнитивной информации, неточности и неясности. Рассмотренные примеры размещены на шкале негативной асимметрии «Ошибки при передаче когнитивной информации – неточности – неясности – формальные нарушения», от максимальной степени тяжести до ее минимальной степени. Больше всего выявлено ошибок при передаче когнитивной информации, которых можно избежать за счет использования двуязычных словарей и справочной литературы. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что ошибки вызваны комплексом причин, среди которых использование онлайн-переводчиков, игнорирование этапа пред- и постпереводческого анализа, визуального ряда исходного текста, незнание основных правил оформления текстов, невнимательность и отсутствие мотивации.

Ключевые слова: переводческий конкурс, переводческая компетенция, эрратология, ошибки, неясности, неточности, формальные нарушения

Для цитирования: Банман П.П. Переводческие конкурсы как инструмент анализа сформированности переводческой компетенции: эрратологический аспект // Современный ученый. 2025. № 4. С. 156 – 164.

Поступила в редакцию: 1 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 1 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Translation competitions as a tool for analyzing the formation of translation competence: an erratological aspect

¹ Banman P.P.

¹ North-Caucasus Federal University

Abstract: the article is devoted to the analysis of translations from German into Russian of the materials of two translation contests in order to identify typical errors and establish the reasons for their occurrence. The main content of the study is erratological analysis – the analysis of contexts containing negative asymmetry phenomena: errors in the transfer of cognitive information, inaccuracies and ambiguities. The considered examples are placed on the scale of negative asymmetry ‘Errors in communicating cognitive information – inaccuracies – ambiguities – formal violations’, from the maximum degree of severity to its minimum degree. The most identified errors in communicating cognitive information, which can be avoided by using bilingual dictionaries and reference books.

As a result of the study, the author concludes that the errors are caused by a complex of reasons, among which are the use of online translators, ignoring the stage of pre- and post-translation analysis, visual range of the source text, ignorance of the basic rules of text design, inattention and lack of motivation.

Keywords: translation competition, translation competence, erratology, errors, ambiguities, inaccuracies, formal violations

For citation: Banman P.P. Translation competitions as a tool for analyzing the formation of translation competence: an erratological aspect. Modern Scientist. 2025. 4. P. 156 – 164.

The article was submitted: December 1, 2024; Approved after reviewing: February 1, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Переводческая компетенция является объемным и многогранным понятием, подразумевающим формирование иных компетенций или субкомпетенций – лингвистической, коммуникативной, технической, текстообразующей и собственно переводческой, которые одновременно являются ее неотъемлемыми и инвариантными компонентами. Чрезвычайную важность для переводчика имеет и высокий уровень информационного запаса в определенной области знания, т.е. предметно-специальная компетенция [3], а также поисковая компетенция.

Эффективным инструментом анализа сформированности соответствующих компонентов переводческой компетенции являются результаты проводимых вузами переводческих конкурсов [1, 7]. Участие в переводческих конкурсах позволяет будущим специалистам-переводчикам совершенствовать лингвистическую компетенцию, проверяя и улучшая свои языковые навыки, формировать текстообразующую компетенцию в процессе перевода и создания разных типов текстов, развивать поисковую компетенцию во время использования многоотраслевых и многоязычных словарей, онлайн-переводчиков, онлайн-ресурсов и пр. Студенты также могут продемонстрировать свою креативность. Цель данного исследования заключается в попытке выявить и проанализировать наиболее частотные ошибки, допущенные студентами в процессе письменного перевода с немецкого языка на русский, установить их причины и предложить упражнения, которые могут предотвратить или минимизировать их появление.

Материалы и методы исследований

Материалом для анализа послужили немецкоязычные тексты, предложенные студентам в рамках конкурсов перевода нехудожественных текстов, проводимых в Северо-Кавказском федеральном университете. Первый текст «Mut und Gegenwehr» представляет собой публицистическую статью о покушении на Гитлера 20 июля 1944 г. [12], второй текст «REVIEW: UF PRO

Striker X Combat Shirt» – это обзор на тактическую рубашку от производителя UF PRO [14]. Переводы текстов на русский язык выполнены студентами российских гражданских вузов, преимущественно специальности «Перевод и переводоведение», обучающихся на разных курсах. В процессе работы использованы методы лингвистического анализа: описательный метод, анализ словарных дефиниций, контекстуальный и сопоставительный метод, которые необходимы для выделения соответствующих единиц в материале исследования, установления объема их значения в целом и в данном контексте в частности, а также выявления закономерностей при их переводе.

Результаты и обсуждения

Относительно результатов переводческих конкурсов можно говорить о таком явлении, как «асимметрия» и «этнолингвокультурная асимметрия». Данный термин в переводческом аспекте подробно анализируется в исследовании Н.Г. Гончар [4] и трактуется как «одновременное проявление в процессе перевода фактов межъязыковой и межкультурной асимметрии, выражающихся в несовпадении или лакуарности элементов системы одного языка и культуры при сопоставлении их с соответствующими элементами системы другого языка и культуры» [4, с. 10]. Этнолингвокультурная асимметрия является текстообразующим фактором, который может приводить как к положительным последствиям, т.е. к появлению гармоничного текста перевода, так и к отрицательным последствиям в результате перевода, т.е. «к ошибкам понимания фактуального, модального и иррадирующего смысла и ошибкам выражения индивидуально-образного, рефлексивного, культурологического смысла» [4, с. 12].

В рамках нашего исследования остановимся лишь на отрицательных последствиях асимметрии, т.е. на возникших в результате перевода ошибках, изучением которых занимается переводческая эрратология [2] или девиатология [5], и проведем эрратологический анализ, который широко используется не только в качестве инстру-

мента оценивания в процессе образовательной деятельности при обучении иностранным языкам, но и как инструмент лингвистической экспертизы, и как средство изучения лингвистического ландшафта города.

Накоплен большой опыт классификации ошибок. Л.К. Латышев выделяет нормативно-языковые, узуальные, семантические, функционально-стилистические, нормативно-стилистические ошибки, а также «собственные» стилистические недочеты переводчика. Отдельно исследователь рассматривает ошибки, возникающие в процессе передачи содержания исходного текста, искажения, неточности, неясности [6, с. 234-239].

И. Е. Сойкин, указывая, что в процессе перевода переводчик «может выйти за границу мотивированного изменения содержания» [11, с. 22], классифицирует переводческие ошибки по последствию (искажения, неточности и неясности); по причинам возникновения (буквализмы, вольности); по характеру (системные, нормативные, узуальные ошибки и отсутствие преинформации) [11, с. 22 – 26].

К. Норд отмечает, что ошибочность того или иного выражения приписывается ему реципиентом, приводя к невыполнению переводческого заказа, и выделяет прагматические, этнокультурные и формальные ошибки. «Содержательные» или «смысловые» ошибки исследователь относит к прагматическим [13, р. 386].

Согласимся с мнением К. Норд, указывающей, что там, где происходит оценивание, необходим определенный инструмент измерения [14, р. 384], поэтому далее в нашей работе будем оценивать ошибки по степени тяжести и оперировать следующими терминами: «ошибка при передаче когнитивной информации», «неточность», «неясность» и «формальные нарушения».

Ошибка при передаче когнитивной информации трактуется нами как непреднамеренное игнорирование переводчиком имеющейся разноплановой асимметрии, приводящее к нарушениям в системе принимающего языка и/или культуры, и частично или полностью затрудняющее понимание или искажающее систему авторских смыслов. Неточности появляются в результате добавления или потери квантов информации, однако приводят к дезинформирующему воздействию меньшей степени, чем ошибки при передаче когнитивной информации. Неясности возникают в результате неудачного выбора эквивалента. Формальные нарушения трактуются нами как нарушения, возникшие при неправильном оформлении текста перевода.

Прежде всего, рассмотрим ошибки, возникшие при передаче когнитивной информации, т.е. фактов, которые могут быть проверены в процессе выполнения предпереводческого анализа текста, обращения к справочной литературе и аналоговым текстам, двуязычным словарям, это ошибки, которых можно избежать. Данные ошибки оказались наиболее типичными и встречаются в переводах у разных студентов.

Пример 1. Приведем несколько вариантов перевода предложения Zum 80. Jahrestag des Stauffenberg-Attentats am 20. Juli из подзаголовка текста «Mut und Gegengewehr» [12]:

К 80-й годовщине убийства Штауффенберга 20 июля.

К 80-й годовщине гибели Штауффенберга от 20 июля.

К 80-й годовщине заговора 20 июля.

К 80-летней годовщине Штауффенбергского покушения 20 июля.

К 80-летней годовщине самого известного покушения на Гитлера, – возглавляемого Клаусом фон Штауффенбергом 20 июля 1944 года.

Первые два варианта перевода являются неверными, потому что, исходя из них, в тексте речь идет о гибели Штауффенберга; в третьем варианте опущена фамилия главного действующего лица данного заговора, что считаем неверным. Кроме того, отсутствие указания на год не дает реципиенту возможности сразу же соотнести его с определенными историческими событиями. В четвертом варианте использовано образованное от фамилии прилагательное, однако подобное употребление не соответствует узусу русского языка. Пятый перевод, содержащий точную информацию об этом историческом событии, представляется избыточным и сильно увеличен в объеме. Согласимся с мнением Е.В. Аликиной, которая относит к ошибкам и добавление элементов, отсутствующих в исходном сообщении [2, с. 66]. С учетом того, что это именно подзаголовок, функцией которого является попытка побудить реципиента к дальнейшему прочтению статьи, при переводе с учетом имеющегося контекста возможно использование целостного преобразования и добавления: К 80-й годовщине покушения на Гитлера 20 июля 1944.

Пример 2. Die Gruppe Münchener Studenten um Hans und Sophie Scholl wurde beim Verteilen von Flugblättern erwischt. Am 22. Februar 1943 wurden die Geschwister Scholl und weitere Mitstreiter hingerichtet [12]. Данные предложения были переведены следующим образом:

1. Группа мюнхенских студентов во главе с Гансом и Софи Шолль была поймана за распро-

странением листовок. Братья и сестры Шолль и иные участники были казнены 22 февраля 1943 года.

2. Группа мюнхенских студентов во главе с Гансом и Софи Шолль была поймана за распространением листовок. Братья Шолль и другие члены группы были казнены 22 февраля 1943 года.

3. Группа мюнхенских студентов во главе с Хансом и Софи Шолль были пойманы во время распространения агитационных листовок, и 22 февраля 1943 года брату и сестре Шолль, а также их соратникам был вынесен смертный приговор.

Ошибки обнаружены при переводе немецкоязычной безэквивалентной лексической единицы Geschwister, т.е. братья и сестры, а также имени Hans. Поиск информации в сети «Интернет» позволяет установить, что речь идет о Гансе, а не Хансе, и Софи Шолль, т.е. об одном брате и одной сестре. В последнем предложении неточным является перевод глагола hinrichten, который означает казнить. Казнить и вынести смертный приговор – не являются синонимами, кроме того, известно, что 22 февраля 1943 г. они были именно казнены. Возможен такой вариант перевода: Группа мюнхенских студентов во главе с Гансом и Софи Шолль была арестована во время распространения листовок. 22 февраля 1943 года брата с сестрой казнили вместе с несколькими другими членами группы.

Приведем далее ряд примеров с ошибками, которых можно избежать путем обращения к двуязычному словарю и выбора соответствующего контекстуального эквивалента.

Пример 3. В тексте, повествующем о подготовке покушения на Гитлера [12], рассказывается о том, что одним из способов показать свое сопротивление режиму было die Verweigerung des Hitlergrüßes. Выявлены следующие варианты перевода: отказ отдавать честь Гитлеру; отказ салютовать Гитлеру; отказ от приветствия гитлеровцев вместо отказ от нацистского (или гитлеровского) приветствия. Подобное значение устанавливается путем обращения к онлайн-словарю «Мультитран» [8].

Пример 4. В тексте также сообщается о том, что Штауффенберг – Berufsoffizier, т.е. кадровый военный, данное значение военного термина зафиксировано в онлайн-словаре «Мультитран» [8]. Однако в переводах встречаем: офицер; офицер-профессионал; профессиональный офицер; последние варианты появились в результате калькирования первой части термина.

В текстах переводов выявлены также ошибки, которых можно избежать, опираясь на визуальный ряд, сопровождающий креолизованный текст об-

зора на тактическую рубашку [14]. Используемые в тексте фотоизображения выполняют не просто иллюстрирующую функцию, они демонстрируют описываемое изделие в мельчайших деталях, позволяя оценить достоинства новой модели, т.е. реализуя еще и информирующую функцию. Именно фотографии во многих случаях позволяют понять, что словарные эквиваленты не подходят.

Пример 5. Hauptfokus liegt bei dem neuen Shirt sicherlich auf den revolutionären Stoff Lizard Skin. ... Auch im Achselbereich befindet sich das neue Lizard Skin [14]. В нашей картотеке имеются следующие варианты перевода:

1. В новой рубашке основное внимание, безусловно, уделяется революционной ткани кожи ящерицы. ... В области подмышек также находится новая кожа с тела ящерицы.

2. Всё внимание новой рубашки, безусловно, будет уделено революционной коже ящерицы. Новая кожа ящерицы находится также в области подмышек.

Ошибки допущены при переводе названия ткани Lizard Skin. Фактически в предложенных выше вариантах видим ткань из кожи ящерицы, что объективно не соответствует действительности. Одним из вариантов можно было бы предложить конструкции «ткань под ...» или «ткань с эффектом кожи...», по аналогии с «ткань под кожу крокодила». Однако в «Яндексе» по запросу «ткань под кожу ящерицы» и «ткань с эффектом кожи ящерицы» не обнаружилось ни одного полного совпадения (на 25.12.2024). Полагаем, что в первый раз при упоминании данной ткани в тексте необходимо использовать добавление, осуществив перенос из другой части текста обзора, где объясняется, что это за ткань, а затем далее использовать только в виде трансплантата, т.е. иноязычного вкрапления или неассимилированного заимствования: Весь фокус внимания в новой рубашке направлен на новую революционную ткань Lizard Skin, которая представляет собой смесь лиоцелла с полиамидом с нанесенными сверху керамическими «чешуйками» под ящерицу. Эта ткань использована и в области подмышек.

Пример 6. Die Öffnung für das Pad-Fach sieht im ersten Moment recht klein aus [14]. В картотеку попали следующие варианты:

1. На первый взгляд отверстие для подушечек выглядит довольно небольшим.

2. На первый взгляд отверстие для отсека для подкладок выглядит довольно маленьким.

3. На первый взгляд отверстие для отсека для накладок выглядит довольно маленьким.

В данном предложении ошибки обнаружены при переводе слова Pad-Fach. На фотоизображе-

нии видим отверстие на нарукавном кармане. Предложенные варианты подушечки и подкладки не соответствуют контексту. В тексте обзора выше указывается название этого изделия – UF PRO Flex Ellbogen Pads, изображение легко находится через поиск «Яндекса» и подбор эквивалента не представляется сложным. В аналоговых текстах находим отделение для размещения вкладышей-налокотников и карман для вставки налокотников, следовательно, возможен следующий перевод: На первый взгляд отверстие в кармане для вставки налокотников выглядит небольшим.

Пример 7. Dadurch werden Druckstellen vermindert [14]. В картотеку эксплицированы такие варианты перевода:

1. Это уменьшает пролежни.
2. Таким образом происходит уменьшение пролежней.

В тексте обзора речь идет о том, что в новой модели рубашки застежка-молния на воротнике заменена на застежку-липучку, что поможет избежать лишнего давления в области шеи. В данном предложении, как видим, трудности вызвал перевод слова Druckstelle, у которого в онлайн-словаре «Мультитран» [8] не зафиксировано значение пролежни, которое появилось в переводе у студентов, снова противореча фотоизображению и объективной действительности. Полагаем, что перевод может выглядеть следующим образом: Так удалось уменьшить давление.

В процессе проведения сравнительно-сопоставительного анализа выявлены примеры, которые мы толкуем как неточности, несоответствующие узусу, контекстуальному употреблению.

Пример 8. Der Anschlag ist zwar der bekannteste, aber nicht der einzige auf Hitlers Leben [12]. Выявлены следующие варианты перевода:

Хотя это нападение является самым известным, это не единственное покушение на жизнь Гитлера.

Этот теракт – самый известный, но не единственный в жизни Гитлера.

Этот теракт, хотя и является самым известным, не был единственным в жизни Гитлера.

Слово Anschlag имеет все вышеуказанные и предложенные студентами значения, однако в контексте данного текста речь идет именно о покушениях на Гитлера. Поэтому предлагаем следующий вариант перевода: Это покушение на жизнь Гитлера хотя и самое известное, однако, далеко не единственное.

Пример 9. Ebenfalls neu sind zwei Velcroflächen auf der Brust für beispielsweise Namensschilder [14]. В картотеку попали такие варианты:

Также новинкой являются две текстильные вставки на груди, например, для бейджей.

Также новинкой являются две векторные поверхности на груди для, например, именных табличек.

Также новинкой являются две векторные поверхности на груди, например, для бейджей с именами.

Как видно, помимо ошибки при переводе слова Velcroflächen, т.е. застежка-липучка, неточность обнаруживается при переводе термина Namensschilder. Выбранные студентами значения не соответствуют военной сфере употребления: На груди также появились две липучки для крепления именных шевронов.

Рассмотрим примеры неясности, которые возникают, на наш взгляд, в результате использования трансплантации при переводе на русский язык.

Пример 10. В тексте рассказывается о различных формах сопротивления режиму, среди прочего также называется die Verbreitung von Nachrichten der BBC [12], которые были переведены студентами следующим образом: распространение новостей BBC; распространение новостей от BBC. В русском языке данная аббревиатура используется в значении военно-воздушные силы, поэтому читатель может неверно понять ее значение. Кроме того, по-русски название телерадиокомпаний следует писать, используя транскрипцию, так: Би-би-си.

Пример 11. В тексте о тактической рубашке в предложении Vor zwei Jahren erstmalig auf der IWA angekündigt [14] использована аббревиатура IWA, которая многими студентами переведена при помощи трансплантации, что считаем необоснованным, поскольку она не известна русскоязычному читателю: Впервые анонсированная на IWA два года назад... Впервые анонсированная два года назад на показе IWA... В одном из переводов использовано несколько преобразований одновременно (трансплантация, развертывание аббревиатуры и калькирование, перевод полного соответствия на русский язык): Два года назад на выставке IWA (нем. Internationale Waffen Ausstellung, Международная выставка вооружения) впервые была представлена..., что также считаем неоправданным в силу значительного увеличения объема и несохранения синтаксической лаконичности оригинала. Полагаем, что для русскоязычного реципиента можно было бы сразу развернуть аббревиатуру и указать название данной выставки на русском языке: Представленная впервые два года назад на Международной выставке вооружения...

Пример 12. Приведем еще один пример с необоснованным использованием трансплантации. В тексте обзора указывается, что ткань, использованная для производства рубашки, соответствует стандартам огнестойкости: ... um die Standards des Militärs in puncto FR zu erfüllen [14]. В переводах находим: ... чтобы соответствовать военным стандартам в отношении FR/ военным стандартам FR/ военным стандартам с точки зрения FR. Полагаем, что трансплантат затемняет смысл: для реципиента важно донести, что рубашка изготовлена из огнестойкой ткани, поэтому переведем, используя распространенный описательный оборот: ... чтобы соответствовать требованиям к огнестойкости тканей, используемых для изготовления одежды для военнослужащих.

Имеют место и формальные нарушения, к которым мы относим нарушения при оформлении текста перевода в письменном виде. Например, в ряде переводов отсутствует выравнивание текста по ширине и оформление абзацев с красной строки. В ряде переводов предлагались два варианта перевода на выбор, что также противоречит основному правилу оформления переводов – давать только один вариант перевода, а не предоставлять варианты на выбор реципиента. Кроме того, текст обзора является креолизированным, сочетая в себе визуальный ряд в виде фотографий и текст. В некоторых работах фотоизображения полностью отсутствовали, т.е. остался только текст, хотя известно, что все нетекстовые элементы должны быть сохранены при переводе.

Рассмотренные нами примеры могут быть размещены на шкале негативной асимметрии «Ошибки при передаче когнитивной информации – неточности – неясности – формальные нарушения», от максимальной степени тяжести до ее минимальной степени. Больше всего выявлено ошибок при передаче когнитивной информации, которых можно избежать путем использования, как двуязычных словарей, визуального ряда, так и справочной литературы. Полагаем, что в большинстве случаев они обусловлены целым комплексом причин. Их анализ и понимание представляется важным для корректирования учебного процесса и смещения акцентов в процессе формирования переводческой компетенции.

Причины появления ошибок. Среди причин появления ошибок, неточностей, неясностей и формальных нарушений при переводе назовем:

1. Использование онлайн-переводчиков. На этапе проведения анализа, выявив большое количество однотипных ошибок при переводе отдельных слов и предложений, мы предположили использование студентами онлайн-переводчиков,

работающих на основе машинного перевода. Для проверки своего предположения мы сравнили перевод ряда предложений, обратившись к онлайн-переводчику DeepL. В результате установлено, что при передаче когнитивной информации DeepL допустил такие же ошибки, как и студенты: «К 80-й годовщине убийства Штауффенберга 20 июля»; «профессиональный офицер»; «Это нападение – самое известное, но не единственное в жизни Гитлера»; «братья и сестры Шолль»; обнаружен и вариант «отказ салютовать Гитлеру», но не предлагаемый в качестве основного. Несомненно, студенты должны уметь пользоваться онлайн-переводчиками и системами машинного перевода, однако они могут быть лишь вспомогательным средством, после работы с которым требуется обязательное постредактирование текста. Согласимся с мнением В. В. Сдобникова, указывающего, что компьютерная «программа, продуцирующая текст на переводящем языке, не может быть ориентирована на учет особенностей принимающей культуры, мировосприятия и объема фоновых знаний ее представителей, то есть не способна выполнять то, что называется прагматической адаптацией текста» [10, с. 42].

2. Отсутствие фазы предпереводческого анализа текста, который подразумевает предварительное ознакомление с содержанием текста. Целью предпереводческого анализа должно стать выявление потенциальных трудностей при переводе и установление возможных стратегий и способов перевода тех или иных единиц текстов, в том числе и креолизированных.

3. Отсутствие фазы постредактирования текста и невнимательность. Несколько студентов перевели подзаголовок Das Stauffenberg-Attentat как Покушение на Штауффенберга, хотя далее по тексту идет речь именно о покушении на Гитлера, в котором участвовал Штауффенберг, следовательно, очевидно, что такой перевод противоречит здравому смыслу. Однако ошибка осталась незамеченной. В тексте обзора о тактической рубашке, верно переведя заголовок, далее по тексту используют слово футболка, что не верно. В ряде переводов при описании небольшого нарукавного кармана на рубашке, подобрав верно эквивалент к слову Tasche, в следующем предложении пишут про сумку: На задней стороне сумки имеется..., т.е., не задумавшись, используют первое и широко известное значение слова, игнорируя и фотоизображение, на котором изображен карман. Данные ошибки еще раз убедительно доказывают необходимость осуществления постредактирования перевода, в том числе не на занятиях, где этот этап осуществляется зачастую совместно с преподава-

телем, а именно самостоятельно в процессе подготовки перевода. В процессе постредактирования должен быть произведен многоуровневый анализ-сравнение текста-перевода с текстом-оригинала, что позволит выявить и исправить формальные нарушения, устранить ошибки при передаче когнитивной информации. Кроме того, переводчику необходимо посмотреть на текст глазами будущего реципиента, который должен получить равные интерпретационные возможности, особенно при переводе текста обзора, поскольку основной целью его создания является побуждение к приобретению продукции.

4. Недостаточно сформированная поисковая компетенция и неумение пользоваться аналоговыми русскоязычными текстами. В сети «Интернет» достаточно информации как о заговоре 20 июля 1944 года, так и о разных моделях тактических рубашек, которыми следовало воспользоваться при осуществлении перевода.

5. Отсутствие достаточного уровня информационного запаса, незнание исторических фактов, а также терминологии, в частности военной, что приводит к нарушению узуса и появлению именных табличек вместо шевронов, профессиональных вместо кадровых военных и пр.

6. Интерференция приводит к чрезмерному использованию трансплантации. Полагаем, что при переводе на русский язык целесообразно сократить количество неассимилированных заимствований путем использования русскоязычных соответствий для придания тексту дискурсивной естественности.

7. Отсутствие мотивации. Поскольку в ряде случаев переводы выполняются всей группой по заданию преподавателя, а не по собственному желанию наблюдаем небрежность оформления и переводы, содержащие и ошибки, и неточности, и неясности.

Проведенный анализ подтверждает, что несформированными оказываются отдельные субкомпетенции переводческой компетенции, начиная с лингвистической. В тексте «Mut und Gegengewehr» сложным оказывается лексический уровень, однако все содержащиеся в нем в широком понимании безэквивалентные единицы уже давно освоены русским языком и имеют свои устоявшиеся и зафиксированные эквиваленты. Поэтому основная причина, полагаем, заключается в невнимательности, неумении (нежелании) работать с аналоговыми текстами и в отсутствии фазы постредактирования перевода. Главная объективная трудность текста «REVIEW: UF PRO Striker X Combat Shirt» – это англоязычные вкрапления в немецкоязычном тексте в виде отдельных

слов, словосочетаний и даже предложений, которые номинируют названия фирм-производителей, модели одежды и виды тканей, как следствие, многие ошибки возникли при их переводе. Поиск соответствий в интернет-ресурсах мог бы решить и эту проблему. Следовательно, ошибки при передаче единиц лексического уровня, содержащих когнитивную информацию, возникают из-за несформированности предметно-специальной и поисковой компетенций. Неясности, неточности и формальные нарушения являются результатом незрелости всего комплекса субкомпетенций. В связи с этим видится необходимой отработка данных ошибок на практических занятиях поскольку выполнение пред- и постпереводческого анализа; поиск аналогичных текстов по заданной тематике и (или) шаблонов; саморедактирование текста перевода; оформление текста перевода в соответствии с требованиями, обеспечивающими аутентичность исходного формата», относятся к трудовым действиям, указанным в профессиональном стандарте «Специалист в области перевода» [9]. Поэтому в процессе обучения студентов-переводчиков необходимо целенаправленно работать над формированием знаний и развитием умений и навыков выполнения соответствующих действий. К текстам, послужившим материалом нашего исследования, могут быть предложены задания на отработку способов перевода безэквивалентной лексики, иноязычных вкраплений, составление глоссариев и тезаурусов, проведение сравнительно-сопоставительного анализа оригинала и перевода и предпереводческого анализа.

Выводы

Эрратологический анализ представляет собой отличный диагностический инструмент для выявления сформированности субкомпетенций у студентов-переводчиков, его результаты должны стать для преподавателя ориентиром, указывающим над чем нужно работать с современными студентами, у которых на данный момент множество технических возможностей, включая искусственный интеллект и онлайн-переводчики. Бессмысленно отказываться от их использования, однако нужны «критический глаз» и постредактирование. На практических занятиях по «Практическому курсу перевода» необходимо подчеркивать важность предпереводческого анализа, изучения аналоговых текстов и визуального ряда перед тем, как приступить к переводу, поскольку они могут стать полезным помощником при выборе контекстуальных эквивалентов. Задачей преподавателя становится умение четко сформулировать переводческий заказ для создания во время учебных занятий реальных условий «заказчик – перевод-

чик». Важно и разнообразие текстов, которые используются на занятиях для проведения пред- и постпереводческого анализа, предлагать следует не только художественные, научные и научно-популярные статьи, но и тексты небольших новостных сообщений, обзоры, тексты сводок, заявлений и др., у которых будут разные адресанты и адресаты, исходя из которых необходима прагма-

тическая адаптация текстов при переводе. Говорить нужно и о повышении уровня информационного запаса, формировании начитанности, насмотренности и необходимости составления и пополнения собственных двуязычных и многоязычных глоссариев по наиболее распространенным темам.

Список источников

1. Алексеева И.С. Конкурс переводов как диагностический и дидактический инструмент, или Уроки *Sensum de Sensu*: к 20-летию юбилею конкурса // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2021. Т. 3. № 1. С. 106 – 115.
2. Аликина Е.В. Введение в теорию и практику устного последовательного перевода. М.: Восточная книга, 2010. 192 с.
3. Вербицкая М.В., Соловов М.Ю. Компоненты и уровни переводческой компетенции // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 4. С. 9 – 18.
4. Гончар Н.Г. Асимметрия в переводе художественного текста: этнолингвокультурный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009. 21 с.
5. Дебрени М. Теоретические и прикладные аспекты межъязыковой девиатологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2006. 33 с.
6. Латышев Л.К. Технология перевода: учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 320 с.
7. Лукина С.Л. Конкурс перевода художественных текстов как инструмент обучения в процессе подготовки переводчика-специалиста // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2024. № 3 (186). С. 104 – 111.
8. Мультиран [Электронный ресурс]. URL: <https://www.multitran.com/c/m.exe?a=5&s=searches> (дата обращения: 16.11.2024)
9. Профессиональный стандарт. Специалист в области перевода [Электронный ресурс]. URL: <https://profstandard-translator.ru/wp-content/uploads/2021/10/profstandard-translator.pdf?clckid=b8261de9> (дата обращения: 01.11.2024)
10. Сдобников В.В. Искусственный интеллект в переводе: уточнение понятий // Военно-филологический журнал. 2024. № 4. С. 38 – 49.
11. Сойкин И.Е. Немецкий язык: основы военного перевода: учебное пособие: в 2 ч. Ч. 1. М.: МГИМО-Университет, 2017. 201 с.
12. Mut und Gegenwehr [Электронный ресурс]. URL: <https://www.deutschland.de/de/topic/politik/widerstand-im-dritten-reich-nicht-nur-stauffenberg> (дата обращения: 02.09.2024)
13. Nord C. Transparenz der Korrektur // Handbuch Translation. Tübingen: Stauffenberg Verlag GmbH. 2015. P. 384 – 387.
14. REVIEW: UF PRO Striker X Combat Shirt [Электронный ресурс]. URL: <https://spartanat.com/de/review-uf-pro-striker-x-combat-shirt> (дата обращения: 02.09.2024)

References

1. Alekseeva I.S. Translation Competition as a Diagnostic and Didactic Tool, or *Sensum de Sensu* Lessons: on the 20th Anniversary of the Competition. *Language Studies and Modern Humanitarian Knowledge*. 2021. Vol. 3. No. 1. P. 106 – 115.
2. Alikina E.V. Introduction to the Theory and Practice of Consecutive Interpreting. Moscow: Vostochnaya Kniga, 2010. 192 p.
3. Verbickaya M.V., Solovov M.Yu. Components and Levels of Translation Competence. *Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*. 2010. No. 4. P. 9 – 18.
4. Gonchar N.G. Asymmetry in Translation of a Fiction Text: Ethnolinguistic and Cultural Aspect: author's abstract. dis. ... Cand. Philological Sciences. Tyumen, 2009. 21 p.
5. Debrenn M. Theoretical and Applied Aspects of Interlingual Deviatology: Abstract of a PhD Dis. ... Doctor of Philological Sciences. Barnaul, 2006. 33 p.

6. Latyshev L.K. Translation Technology: A Tutorial. Moscow: Publishing Center "Academy", 2005. 320 p.
7. Lukina S.L. Translation Competition of Literary Texts as a Teaching Tool in the Process of Preparing a Specialist Translator. Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. 2024. No. 3 (186). P. 104 – 111.
8. Multitran [Electronic Resource]. URL: <https://www.multitran.com/c/m.exe?a=5&s=searches> (date of access: 16.11.2024)
9. Professional standard. Specialist in the field of translation [Electronic resource]. URL: <https://profstandard-translator.ru/wp-content/uploads/2021/10/profstandard-translator.pdf?clckid=b8261de9> (date of access: 01.11.2024)
10. Sdobnikov V.V. Artificial intelligence in translation: clarification of concepts. Military Philological Journal. 2024. No. 4. P. 38 – 49.
11. Soykin I.E. German language: basics of military translation: study guide: in 2 parts. Part 1. Moscow: MGIMO-University, 2017. 201 p.
12. Mut und Gegenwehr [Electronic resource]. URL: <https://www.deutschland.de/de/topic/politik/widerstand-im-dritten-reich-nicht-nur-stauffenberg> (date of access: 02.09.2024)
13. Nord C. Transparency of the Korrektur. Handbuch Translation. Tübingen: Stauffenberg Verlag GmbH. 2015. P. 384 – 387.
14. REVIEW: UF PRO Striker X Combat Shirt [Electronic resource]. URL: <https://spartanat.com/de/review-uf-pro-striker-x-combat-shirt> (date of access: 02.09.2024)

Информация об авторе

Банман П.П., кандидат филологических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2842-6818>, Северо-Кавказский федеральный университет, 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, banman.poly@yandex.ru

© Банман П.П., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070.1

Структурные особенности конспирологического нарратива о вмешательстве в американские президентские выборы 2024 года в материалах the Washington Post

¹ Будцов Г.А.

¹ *Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы*

Аннотация: исследование конспирологических нарративов в средствах массовой информации (СМИ) представляет собой актуальную научную задачу, поскольку конспирология может формировать необъективное восприятие реальности. В статье анализируется нарратив о вмешательстве в американские президентские выборы 2024 года в материалах издания The Washington Post. Цель исследования — разработка терминологического аппарата для деконструкции нарратива и установление связей между его компонентами. Автор использует метод нарративного анализа, адаптированный для конспирологических текстов. Основные категории анализа включают: заговорщиков, их мотивы, действия и жертв заговора. Результаты показывают, что Россия, Иран и Китай представлены как «новая ось зла», стремящаяся повлиять на выборы. Их действия описываются как тайные и направленные против демократических ценностей, которые разделяют США и их союзники. Россия и Иран изображены как более агрессивные акторы, тогда как Китай действует более сдержанно. Выводы подчеркивают, что конспирологический нарратив строится на ценностном конфликте между демократическими и антидемократическими силами.

Ключевые слова: конспирология, теория заговора, средства массовой информации, нарративный анализ, The Washington Post, выборы

Для цитирования: Будцов Г.А. Структурные особенности конспирологического нарратива о вмешательстве в американские президентские выборы 2024 года в материалах the Washington Post // Современный ученый. 2025. № 4. С. 165 – 171.

Поступила в редакцию: 1 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 2 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Structural features of the conspiracy narrative about interference in the 2024 American presidential election in the Washington Post

¹ Budtsov G.A.

¹ *Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba*

Abstract: the study of conspiracy narratives in the mass media (mass media) is an urgent scientific task because they can form a biased perception of reality. This article analyzes the narrative of interference in the American presidential election of 2024 in the materials of The Washington Post. The aim of the study is to develop a terminological apparatus for deconstructing the narrative and to establish connections between its components. The author uses the method of narrative analysis adapted for conspiracy texts. The main categories of analysis include the con-

spirators, their motives, actions, and victims. The results show that Russia, Iran and China are presented as a “new axis of evil” seeking to influence the election. Their actions are described as covert and against the democratic values espoused by the U.S. and its allies. Russia and Iran are portrayed as more aggressive actors, while China acts in a more restrained manner. The findings emphasize that the conspiracy narrative is built on the value conflict between democratic and anti-democratic forces.

Keywords: conspiracy, conspiracy theory, media, narrative analysis, The Washington Post, elections

For citation: Budtsov G.A. Structural features of the conspiracy narrative about interference in the 2024 American presidential election in the Washington Post. Modern Scientist. 2025. 4. P. 165 – 171.

The article was submitted: December 1, 2024; Approved after reviewing: February 2, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Исследователи довольно давно начали изучать конспирологию как систему убеждений или теорий, согласно которым некоторые события или ситуации объясняются заговорами, то есть тайными планами, организованными группами людей, часто могущественными и влиятельными. Подобные структуры присутствуют в практически любом типе нарратива, начиная от сказок и легенд, заканчивая журналистскими публикациями [4].

Изучение конспирологии в средствах массовой информации (СМИ) является актуальной проблемой для ученого сообщества по нескольким причинам: во-первых, в случае, если СМИ ретранслируют конспирологические идеи и нарративы, возникает ситуация, при которой у человека формируется необъективное представление об окружающей действительности [9]; во-вторых, изучение структуры конспирологических нарративов в СМИ может более четко видеть границы между объективной реальностью и пространством постправды, что поможет принимать наиболее рациональные жизненные решения [6]; в-третьих, конспирологические теории, распространяемые СМИ, часто отражают социальные и культурные тревоги и страхи [3], а их изучение может дать представление о том, какие вопросы наиболее остро волнуют общество в данный момент.

Цель нашего исследования – анализ нарратива про американские президентские выборы 2024 года в материалах издания Washington Post. В ходе исследования мы предприняли попытку разработать специфический терминологический аппарат, позволяющий деконструировать нарратив до отдельных компонентов, а также попытались установить связи между характерными для конспирологического дискурса компонентами нарратива.

Материалы и методы исследований

Для достижения цели исследования мы сформировали эмпирическую базу, состоящую из 15 публикаций The Washington Post про вмешатель-

ство в американские президентские выборы 2024 года.

Издание The Washington Post было выбрано по нескольким причинам:

1) The Washington Post – одно из самых известных и авторитетных изданий в Соединенных Штатах Америки. Издание было основано в 1877 году и в 2024 году имело 76 Пулитцеровских премий [24].

2) Издание выделяется благодаря своим репортажам о политических событиях и расследованиям, что делает её важным игроком на американской медиа-арене.

3) The Washington Post ранее подвергался критике и обвинениям в распространении конспирологических теорий, особенно в контексте своих публикаций по вопросам, связанным с Россией и выборами в США. Так, например, в 2016 году издание было обвинена в диффамации за статью, которая утверждала, что российская пропаганда способствовала распространению дезинформации во время выборов [28].

Тематика материалов – вмешательство в американские президентские выборы 2024 года – была выбрана поскольку:

1) Американские президентские выборы в 2024 году – это событие, близкое к кризисному, поскольку американское общество подвержено сильной политической поляризации. Кризисы же создают неопределенность и страх, что может способствовать распространению конспирологических нарративов [10].

2) Тема позволяет интегрировать в нарративы конспирологические элементы, такие как «заговор», «тайный план», «заговорщики» и другие.

Для проведения исследования был выбран метод нарративного анализа. В развитие этого метода внесли вклад такие ученые как В.Я. Пропп, А.-Ж. Греймас, Цв. Тодоров, А. Юберсфельд и другие [2, 7, 8, 11]. Они выделили «набор ролевых позиций, образующих комбинируемые единицы и со-

здающих определенные структуры, актанты, взаимодействующие между собой» [1], после чего разработали и усовершенствовали актантную модель анализа.

Суть нарративного анализа заключается в интерпретации повествований и изучении их структуры, содержания и смысла [5]. Предмет нарративного анализа – это рассказанная история или повествование, которое представляет собой последовательную цепь событий, упорядоченных в соответствии с опытом рассказчика [5]. Исходя из этого, основными элементами анализа метода выступают: персонажи (актанты); действия персонажей и их мотивация; конфликт как ситуация, приводящие сюжет в движение; а также хронотоп – хронология и место действия истории; сюжет как структура нарратива.

В рамках нашего исследования мы модифицировали актантную модель для анализа непосредственно конспирологического нарратива. К основным категориям анализа мы относим следующие элементы: 1) заговорщики. 2) цель или мотивы заговорщиков; 3) скрытые или тайные действия заговорщиков, а также действия по противостоянию заговору; 4) жертвы заговора.

Результаты и обсуждения

Прежде всего, мы хотели бы описать общий нарратив про вмешательство России в президентские выборы в США в 2024 году. Понимая общую картину, мы наиболее полно сможем описать все ключевые элементы повествования.

Россия, Иран и Китай вмешиваются в американские президентские выборы. Об этом становится известно со слов официальных государственных лиц, в том числе, со слов представителей специальных разведывательных служб. Эти страны образуют «новую ось зла», которой противостоят страны, разделяющие демократические принципы политического устройства – США, страны НАТО, Новая Зеландия и Австралия. Борьба между странами проходит тайно.

Обсудим подробнее, какой предстает Россия в нарративе издания. Можно с определенной степенью уверенности заявить, что о действиях России во время президентских выборов у аудитории сформировалось негативное отношение после событий 2016 года и так называемого «Рашагейта». Это один факторов, по которому мы можем отнести Россию к категории «заговорщиков».

Россия в рамках нарратива уже имеет обширный опыт воздействия на выборы. С учетом того, что геополитическая ситуация между Россией и Америкой за последние восемь сильно ухудшилась, то нет никаких объективных причин, сдерживающих Россию от повторного вмешательства в

такой важный для всего мира политический процесс.

Также, стоит отметить, что Россия сейчас находится на острие геополитического противостояния, в том смысле, что объявляет себя открытым бойцом за многополярный мир. Эта тема практически не обсуждается в контексте нарратива издания о вмешательстве в выборы, но тем не менее, в глобальном информационном потоке Россия ищет любые способы разрешения собственных задач – например, специальной военной операции на Украине. В таком свете Россия вмешивается в американские выборы, потому что хочет добиться ослабления военной поддержки Украины.

Россия использует разнообразные способы воздействия на избирательный процесс в Америке. Предотвращать подобные действия, как правило, приходится агентам из специальных служб, что говорит о «секретном» характере российских операций [16, 27].

Китай – еще один актер в нарративе о выборах. Отметим, что издание пишет о вмешательстве в выборы со стороны КНР куда более в сдержанных оттенках. Это связано и с тем, что американские официальные лица пользуются более сдержанной риторикой в отношении Китая, а материалы издания, напомним, пишутся в том числе с опорой на официальные заявления.

По заявлениям американских властей, они видят попытки скорее не попытки вмешательства в президентские выборы, но способы на них повлиять. Это достаточно ярко характеризует Китай как актора в рамках нарратива о вмешательстве в выборы. Американские официальные лица не винят КНР во всем, что касается выборов, а очень аккуратно подходят к этой теме. Китай, хотя и входит в «новую ось зла», все равно помещается не в центр нарратива [20].

Хотя американские официальные государственные лица выражаются крайне сдержанно в отношении вмешательства КНР в выборы, тем не менее они отмечают нарастание большого объема дезинформации. Китайское правительство, согласно нарративу, не оставляет попыток посеять сомнения в умах американцев относительно честности выборов и справедливости демократического устройства. КНР не вмешивается в выборы напрямую, но делает то, что позволяет нам ее отнести к группе «заговорщиков» в нарративе – выступает против демократии [12].

Риторика американских политиков в отношении Ирана сильно отличается от риторики в отношении России и Китая. Иран, согласно нарративу, использует тайные, но еще более агрессивные действия при попытках вмешательства в выборы.

Если Россия и Китай используют возможности новых технологий и стараются максимально отвести от себя подозрения, то Иран использует более старомодные методы: например, взлом электронных почт, хакерские атаки, и даже, по словам президента Трампа, покушения [18].

Хотя Иран и входит в «новую ось зла» его намерения отличаются от других участников. Если для России на этих президентских выборах важна победа Дональда Трампа, а для Китая – важна возможность распространить дезинформацию, то иранские усилия направлены на то, чтобы не допустить прихода бывшего президента США Трампа назад к власти. Это связано с тем, что во время прошлого президентского срока Трамп отличился активной поддержкой Израиля и усложнил геополитическое положение Ирана на Ближнем Востоке [18].

Иран, как мы считаем, принадлежит к категории «заговорщиков». Все события, связанные с Ираном и президентскими выборами и формирующее фабулу нарратива, подаются исключительно в негативном ключе. К тому же из описанных в материалах действий Ирана четко прослеживается его желанием противостоять демократическому миру.

«Новая ось зла» сформирована в рамках нарратива из абсолютно не похожих друг на друга государств. Россия – многонациональная светская страна, Китай – коммунистическая по идеологии, но капиталистическая по экономическому устройству, Иран – исламская республика. Эти страны отличаются по всем характеристикам: по размерам экономик, взглядам на религию, политическому устройству. Но в рамках нарратива они объединены единой целью – вмешательством в выборы, а причина – непринятие демократических ценностей в том виде, в котором они предстают в США (и в целом в странах «коллективного запада»).

Но против кого направлены усилия России, Ирана и Китая? Против демократии как таковой и, в частности, против Соединенных Штатов Америки. Исходя из этой установки, мы можем предположить, что США – это протагонист истории. В случае с нарративом о вмешательстве в американские выборы 2024 года акцент делает на тех, кто пытается вмешаться. Их мотивации более понятны, просто потому что им посвящено гораздо больше материалов. Онтологические и эпистемологические основы протагониста становятся понятны читателю лишь при «движение в обратную сторону», то есть, если Иран против демократии и о нем пишут в контексте вмешательства в выборы, то США – за демократию и так далее. При этом, в

нарративе есть несколько материалов, которые четко артикулируют позицию «жертвы заговора».

Ключевая особенность США как актора в нарративе – это вера в успешность демократического устройства мира. Демократия – это то, что стоит защищать [14].

В рамках нарратива США использует открытые защитные действия в ответ на тайные попытки вмешательства, но США не противостоят «новой оси зла» в одиночку. У США есть верные союзники, также разделяющие демократические ценности [14].

Движение этого нарратива возможно благодаря заложенному аксиологическому, то есть ценностному конфликту. Конфликт между главными акторами возник из-за того, что некоторые из них разделяют демократические ценности, а другие – нет. Одни страны – США, партнеры по НАТО, считают, что демократия – это одно из главных достижений их обществ и именно она позволит сделать мир лучше, другие – не разделяют эту концепцию, но стоит оговориться. Россия, Китай и Иран не отказываются от идеи демократии как таковой и не отрицают свободу и право выбора народа как основные ценности. «Новая ось зла» не согласна именно с тем видом демократии, который продвигает «коллективный запад». По их мнению, демократия «коллективного запада» – это обман, и настоящей свободы в этих странах нет.

В нарративе разворачивается мировоззренческий конфликт, борьба между разными проектами будущего. При этом, в рамках нарратива о вмешательстве в президентские выборы мы не найдем описания альтернативных картин будущего, поскольку во главу угла выносятся в основном «атаки» со стороны «новой оси зла» и то, как от них защищаются демократические страны.

Формальное объединение действующих лиц на группы происходит по одному главному параметру – поддерживают ли они демократические идеи или нет. При этом игнорируются любые другие несостыковки во взглядах. Например, к группе протагонистов относятся страны НАТО, но в НАТО также входит Венгрия и Турция (в отношении этих стран нельзя сказать, что они полностью разделяют политику, проводимую альянсом). То же самое происходит и с блоком «заговорщиков» – Россия, Китай и Иран – это абсолютные разные страны со своими определенными геополитическими целями, но единые в одном – западная демократия – это обман.

Выводы

Таким образом, конспирологический нарратив о вмешательстве в американские президентские выборы 2024 года выглядит следующим образом:

Россия, Иран и Китай вмешиваются в американские президентские выборы. Это довольно разные страны, но они объединены общей целью – повлиять на результат выборов для достижения собственных геополитических целей. Эти три страны образуют в нарративе «новую ось зла», который противостоят страны, разделяющие демократические принципы политического устройства – США (как главный протагонист), страны НАТО, Новая Зеландия и Австралия. Проявления этой борьбы открываются для публики из заявлений официаль-

ных лиц и представителей спецслужб. Борьба между странами проходит тайно.

Противостояние между «новой осью зла» и США со союзниками возникает на почве ценностного конфликта. Демократия становится во главе угла. Они страны разделяют демократическую идеологию, другие считают демократические идеи – ложными, фальшивыми, по их мнению, демократия – лишь фасад, за которым прячутся государственные манипуляции и настоящая несвобода.

Список источников

1. Боровая А.Ю. Особенности моделирования квест-нарративов // *European journal of literature and linguistics*. 2019. №4. С. 31 – 36.
2. Греймас А.-Ж. Размышления об актантных моделях // *Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму*: пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 153 – 170.
3. Дмитриева О.А., Ванюшина Н.А. Мифологема «теория заговора» в современном цивилизационном пространстве. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 4. С. 123 – 133.
4. Дугин А.Г. Конспирология. М.: Евразия, 2005. 614 с.
5. Качанов Д.Г. Нарративный анализ как метод исследования традиционных и мультимедийных журналистских произведений // *Медиаскоп*. 2020. Вып. 2. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2621>
6. Прилуцкий А.М. Прагматика конспирологических мифологем // *Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина*. 2024. № 3. С. 124 – 135.
7. Пропп В. Морфология сказки / Гос. ин-т истории искусств. Л.: Academia, 1928. 152 с.
8. Тодоров Цв. Поэтика // *Структурализм: «за» и «против»: сборник статей*. М.: Прогресс, 1975. С. 37 – 113.
9. Хохлов А. А. Конспирологические теории как феномен медиавоздействия на общественное сознание // *Вестник РГГУ. Серия: «Философия. Социология. Искусствоведение»*. 2020. № 1. С. 96 – 104.
10. Ширяков Д.В. Конспирология как элемент политического дискурса Российской Федерации: особенности генезиса и развития // *Политика и Общество*. 2015. № 12. С. 1627 – 1632.
11. Юберсфельд А. Как всегда – об авангарде. Антология французского театрального авангарда. М.: ГИТИС, 1992.
12. As China ramps up disinformation, the U.S. is far too vulnerable // *Washington Post* URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/05/20/china-disinformation-american-elections/> (дата обращения: 22.11.2024)
13. FBI probing alleged Iran hack attempts targeting Trump, Biden camps // *The Washington Post* URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2024/08/12/trump-hack-iran-fbi/> (дата обращения: 09.11.2024)
14. How to stop rogue states like Russia from interfering in our politics // *Washington Post* URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/09/10/election-foreign-interference-russia-iran/> (дата обращения: 22.11.2024)
15. Iran seeks to undermine Trump ahead of election, officials signal // *The Washington Post* URL: <https://www.washingtonpost.com/elections/2024/07/29/iran-trump-election-interference/> (дата обращения: 11.11.2024)
16. Justice Dept. charges two Russian media operatives in alleged scheme // *Washington Post* URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2024/09/04/justice-department-election-security/> (дата обращения: 22.11.2024)
17. Meet Margarita Simonyan, queen of Russia's covert information wars // *The Washington Post* URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2024/09/11/russia-disinformation-margarita-simonyan/> (дата обращения: 11.11.2024)
18. MI5 spy chief says Russia and Iran are behind 'staggering' rise in deadly plots // *Washington Post* URL: https://www.washingtonpost.com/world/2024/10/08/uk-intelligence-mi5-threats-russia-iran/35b83b9e-8571-11ef-8274-e0558282750d_story.html (дата обращения: 15.10.2024)

19. Russia wary of U.S. and France election surprises, especially Kamala Harris // The Washington Post URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2024/07/26/russia-kamala-harris-us-presidential/> (дата обращения: 14.11.2024)
20. Russia, Iran use AI to boost anti-U.S. influence campaigns, officials say // Washington Post URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2024/09/23/us-election-foreign-influence-russia-china-iran-ai/> (дата обращения: 22.11.2024)
21. Russia, shifting tactics, fans doubt in election integrity, U.S. says // The Washington Post URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2023/10/20/russia-election-integrity-state-department-intelligence/> (дата обращения: 14.11.2024)
22. Russia's election influence efforts show sophistication, officials say // The Washington Post URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2024/09/07/russia-election-covert-disinformation-doj/> (дата обращения: 10.11.2024)
23. Secret Russian foreign policy document urges action to weaken the U.S. // The Washington Post URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2024/04/17/russia-foreign-policy-us-weaken/> (дата обращения: 13.11.2024)
24. The Washington Post's Pulitzer Prize awards history // [washingtonpost.com](https://www.washingtonpost.com/pr/2022/05/09/pulitzer-prize-history/) URL: <https://www.washingtonpost.com/pr/2022/05/09/pulitzer-prize-history/> (дата обращения: 21.11.2024)
25. Trump dismisses new warnings of Russian interference in election // The Washington Post URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2024/09/07/trump-rally-russia-election/> (дата обращения: 10.11.2024)
26. Trump, without evidence, suggests possible Iranian involvement in two assassination attempts // The Washington Post URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2024/09/25/trump-iran-comments-assassination-attempts/> (дата обращения: 11.11.2024)
27. U.S. says Russian state media outlet runs intelligence operations // Washington Post URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2024/09/13/rt-propaganda-intelligence-weapons-ukraine/> (дата обращения: 22.11.2024)
28. Washington Post пригрозили в США судом за антироссийскую публикацию // [tass.ru](https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3843969) URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3843969> (дата обращения: 19.11.2024)

References

1. Borovaya A.Yu. Features of modeling quest narratives. *European journal of literature and linguistics*. 2019. No. 4. P. 31 – 36.
2. Greimas A.-J. Reflections on actantial models. *French semiotics: from structuralism to poststructuralism*: trans. from French, compiled, introduction. art. G.K. Kosikova. Moscow: Progress, 2000. P. 153 – 170.
3. Dmitrieva O.A., Vanyushina N.A. The mythologem "conspiracy theory" in the modern civilizational space. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*. 2021. No. 4. P. 123 – 133.
4. Dugin A.G. *Conspiracy theory*. M.: Eurasia, 2005. 614 p.
5. Kachanov D.G. Narrative analysis as a method for studying traditional and multimedia journalistic works. *Mediascope*. 2020. Issue 2. Access mode: <http://www.mediascope.ru/2621>
6. Prilutsky A.M. Pragmatics of conspiracy mythologems. *Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin*. 2024. No. 3. P. 124 – 135.
7. Propp V. *Morphology of a fairy tale*. State Institute of Art History. L.: Academia, 1928. 152 p.
8. Todorov Tsv. *Poetics. Structuralism: "for" and "against": a collection of articles*. M.: Progress, 1975. P. 37 – 113.
9. Khokhlov A. A. Conspiracy theories as a phenomenon of media influence on public consciousness. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: "Philosophy. Sociology. Art Criticism"*. 2020. No. 1. P. 96 – 104.
10. Shiryakov D. V. Conspiracy theories as an element of the political discourse of the Russian Federation: features of genesis and development. *Politics and Society*. 2015. No. 12. P. 1627 – 1632.
11. Uebersfeld A. *As always – about the avant-garde*. Anthology of the French theatrical avant-garde. M.: GITIS, 1992.
12. As China ramps up disinformation, the U.S. is far too vulnerable. *Washington Post* URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/05/20/china-disinformation-american-elections/> (access date: 11.22.2024)
13. FBI probing alleged Iran hack attempts targeting Trump, Biden camps. *The Washington Post* URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2024/08/12/trump-hack-iran-fbi/> (access date: 11.09.2024)

14. How to stop rogue states like Russia from interfering in our politics. Washington Post URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/09/10/election-foreign-interference-russia-iran/> (access date: 11.22.2024)
15. Iran seeks to undermine Trump ahead of election, officials signal. The Washington Post URL: <https://www.washingtonpost.com/elections/2024/07/29/iran-trump-election-interference/> (access date: 1.11.2024)
16. Justice Dept. charges two Russian media operatives in alleged scheme. Washington Post URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2024/09/04/justice-department-election-security/> (access date: 11.22.2024)
17. Meet Margarita Simonyan, queen of Russia's covert information wars. The Washington Post URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2024/09/11/russia-disinformation-margarita-simonyan/> (access date: 11.11.2024)
18. MI5 spy chief says Russia and Iran are behind 'staggering' rise in deadly plots. Washington Post URL: https://www.washingtonpost.com/world/2024/10/08/uk-intelligence-mi5-threats-russia-iran/35b83b9e-8571-11ef-8274-e0558282750d_story.html (access date: 5.10.2024)
19. Russia wary of U.S. and France election surprises, especially Kamala Harris. The Washington Post URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2024/07/26/russia-kamala-harris-us-presidential/> (access date: 14.11.2024)
20. Russia, Iran use AI to boost anti-U.S. influence campaigns, officials say. Washington Post URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2024/09/23/us-election-foreign-influence-russia-china-iran-ai/> (access date: 11.22.2024)
21. Russia, shifting tactics, fans doubt in election integrity, U.S. says. The Washington Post URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2023/10/20/russia-election-integrity-state-department-intelligence/> (access date: 11/14/2024)
22. Russia's election influence efforts show sophistication, officials say. The Washington Post URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2024/09/07/russia-election-covert-disinformation-doj/> (access date: 11.10.2024)
23. Secret Russian foreign policy document urges action to weaken the U.S. The Washington Post URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2024/04/17/russia-foreign-policy-us-weaken/> (Accessed: 11/13/2024)
24. The Washington Post's Pulitzer Prize awards history. washingtonpost.com URL: <https://www.washingtonpost.com/pr/2022/05/09/pulitzer-prize-history/> (access date: 11.21.2024)
25. Trump dismisses new warnings of Russian interference in election. The Washington Post URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2024/09/07/trump-rally-russia-election/> (access date: 1.10.2024)
26. Trump, without evidence, suggests possible Iranian involvement in two assassination attempts. The Washington Post URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2024/09/25/trump-iran-comments-assassination-attempts/> (access date: 1.11.2024)
27. U.S. says Russian state media outlet runs intelligence operations. Washington Post URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2024/09/13/rt-propaganda-intelligence-weapons-ukraine/> (access date: 22.11.2024)
28. Washington Post threatened with a lawsuit in the US for an anti-Russian publication. tass.ru URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3843969> (access date: 19.11.2024)

Информация об авторе

Будцов Г.А., аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0214-5794>, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, grigorii-budcov@yandex.ru

© Будцов Г.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811

Исследование эпистемической модальности во фразеологических и паремиологических единицах разноструктурных языков (английского, испанского)

¹ Воронина Д.И., ¹ Каюмова Д.Ф., ¹ Каримова А.А., ¹ Хасанова О.В.

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: статья посвящена изучению эпистемической модальности на примере фразеологических и паремиологических единиц двух сопоставляемых языков – английского и испанского. Актуальность исследования обусловлена тем, что модальность является одной из наиболее значимой, сложной и противоречивой категорией в современной лингвистике. Основными методами исследования являются статистический метод, метод сравнительного анализа данных и метод описания. В исследовании уделяется внимание теоретическим основам изучения модальности, а также компоненту эпистемической модальности, приводятся дифференциальные точки зрения определения данного компонента модальности разными исследователями. Новизна исследования видится в том, что приведен анализ эпистемической модальности во фразеологических и паремиологических единицах английского и испанского языков. Проблема определения модальности остается по-прежнему дискуссионной, исследования о способах ее выражения в разных языках остаются актуальными. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что определение эпистемической модальности сходно в языках с разной структурой, что может послужить предположением о совпадении семантических характеристик в исследуемых языках. Выводы, представленные в статье, представляют интерес для ученых, изучающих категорию модальности, эпистемическую модальность, а также фразеологические и паремиологические единицы в английском и испанском языках.

Ключевые слова: модальность, компонент модальности, эпистемическая модальность, фразеологические единицы, паремиологические единицы, лингвистика

Для цитирования: Воронина Д.И., Каюмова Д.Ф., Каримова А.А., Хасанова О.В. Исследование эпистемической модальности во фразеологических и паремиологических единицах разноструктурных языков (английского, испанского) // Современный ученый. 2025. № 4. С. 172 – 176.

Поступила в редакцию: 2 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 3 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

The study of epistemic modality in phraseological and paremiological units of differently structured languages (English, Spanish)

¹ Voronina D.I., ¹ Kayumova D.F., ¹ Karimova A.A., ¹ Khasanova O.V.

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: the article is devoted to the study of epistemic modality using the example of phraseological and paremiological units of two comparable languages – English and Spanish. The relevance of the research is due to the fact that modality is one of the most significant, complex and controversial categories in modern linguistics. The

main research methods are the statistical method, the method of comparative data analysis and the method of description. The study focuses on the theoretical foundations of the study of modality, as well as the component of epistemic modality, and provides differential points of view for determining this component of modality by different researchers. The novelty of the study lies in the analysis of epistemic modality in phraseological and paremiological units of English and Spanish. The problem of defining modality remains controversial, and research on ways to express it in different languages remains relevant. The results of the study allow us to conclude that the definition of epistemic modality is similar in languages with different structures, which may serve as assumptions about the coincidence of semantic characteristics in the studied languages. The conclusions presented in the article are of interest to scientists studying the category of modality, epistemic modality, as well as phraseological and paremiological units in English and Spanish.

Keywords: modality; the modality component, epistemic modality; phraseological units; paremiological units; linguistic

For citation: Voronina D.I., Kayumova D.F., Karimova A.A., Khasanova O.V. The study of epistemic modality in phraseological and paremiological units of differently structured languages (English, Spanish). Modern Scientist. 2025. 4. P. 172 – 176.

The article was submitted: December 2, 2024; Approved after reviewing: February 3, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Категория модальности представляет собой одну из ключевых концепций в современном языкознании, отмечаясь своей сложностью и многообразием интерпретаций. Она является общим термином для ряда семантических понятий, таких как способность, возможность, гипотетическое и императивное значения, обязательство и т.д.

Под эпистемической модальностью нами понимается квалификация говорящего к высказываемой пропозиции, «...*epistemic modality in language is usually, perhaps always...relates to an inference by the speaker, and is not simply concerned with 'objective' verifiability in the light of knowledge*» [9, p. 7] – эпистемологическая модальность в языке обычно, а возможно, и всегда... связана с выводом говорящего, а не просто с «объективной» проверяемостью в свете знаний (здесь и далее перевод наш – Д. В.).

Рассматриваемый вид модальности подразумевает взаимосвязь суждения говорящего, в качестве необходимости или возможности, и его отношения к пропозиции, выраженного степенью истинности/неистинности, уверенности / неуверенности высказываемого.

В статье прослеживается взаимосвязь между эпистемической модальностью и фразеологическими и паремиологическими единицами (ФЕ и ПЕ). Данное сопоставительное изучение представляет перспективу в дальнейшем исследовании, так как рассматриваемые объекты изучения отражают личность говорящего и его мысли, чувства. Это придает высказыванию оттенки возможности/невозможности, необходимости, которые мо-

гут быть интерпретированы с использованием определенных ФЕ и ПЕ.

Материалы и методы исследований

Для анализа были отобраны фразеологические и паремиологические единицы, отражающие эпистемическую модальность. В центре внимания – группы единиц, такие как: «семья, повседневная жизнь» и «дружба и межличностные отношения». В исследовании используется метод сплошной выборки фразеологических и паремиологических единиц, а также методы наблюдения, сравнительного и количественного анализа данных, лексикосемантического анализа, систематизации данных.

В данном исследовании осуществляется анализ категории модальности, а также средств выражения эпистемической модальности в рассматриваемых языках. Кроме того, проводится классификация фразеологических единиц и паремий, а также их сходств и различий.

Результаты и обсуждения

В языкознании одним из основоположников, оказавших значительное влияние на развитие данного научного направления, является швейцарский ученый Ш. Балли. Он ввел теорию отношений «модуса» и «диктума». Термин «модус» «содержит главную часть предложения, без которой вообще не может быть предложения, а именно выражение модальности, коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом. Логическим и аналитическим выражением модальности служит модальный глагол* (например, думать, радоваться, желать), а его субъектом – модальный субъект; оба вместе образуют модус, дополняющий диктум» [1, с. 44].

В настоящее время различают два типа значений модальности: объективную и субъективную. Под объективной модальностью понимается отношение говорящего к действительности, и может выражаться грамматическими и лексическими средствами, а под субъективной – отношение говорящего сообщаемому, которая может включать эмоциональное отношение, оценку описываемых фактов, доказательность, а также аспект времени.

Академик Виноградов В.В. в своем исследовании, посвященном модальности, акцентирует внимание на том, что «каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение, т.е. содержит в себе указание на отношение к действительности. Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложения и выражает одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности» [2, с. 54].

Выделяются следующие средства выражения данной категории: модальные глаголы, такие как *must, can, could, may, might, will, shall, ought; querer, deber, poder, saber, soler*; модальные дополнения (наречия), такие как: *certainly, maybe, probably, possibly, definitely, perhaps, surely, always, obviously* и т.д.; *adrede, bien, claro, como, evidentemente, fuerte, mal, posiblemente, probablemente, tal vez* и т.д.; условные предложения могут иметь значение модальности, выражающей степень вероятности и т.д.

Множеством лингвистов изучается эпистемический компонент модальности. Однако, существенным препятствием для выделения общего определения данного компонента является многогранность значений данной категории модальности.

Лингвист Ф. де Хаан связывает модальность с такими понятиями, как «*obligation and necessity (strong modality), possibility and permission (weak modality), volition and ability*» [5, р. 13] – обязательство и необходимость (сильная модальность), возможность и разрешение (слабая модальность), воля и способность (здесь и далее перевод наш – Д.В.).

Лингвистами Дж. Байби и С. Флейшманом компонент эпистемической модальности выделяется как «*a speaker's commitment to the truth of the proposition contained in an utterance*» [4, р. 4] – приверженность говорящего истинности предложения, содержащегося в высказывании. По мнению ученых, модальные глаголы, такие как *may* и *might* используются для волеизъявления эписте-

мической возможности, в отличие от них, глагол *must* употребляется в значении эпистемической необходимости. Исследователи считают, что не имеет смысла ограничиваться лишь понятиями необходимости и возможности, так как эпистемическая модальность может пересекаться с другими категориями, например, с эвиденциальной.

Исследователь Ньютс (2001) определяет термин «эпистемическая модальность» как оценка говорящим вероятности того или другого положения дел, выраженная в языке.

Испанский исследователь М. Топор (2011) выделяет три степени определения эпистемической модальности – возможность, вероятность и определенность. Первый тип суждения связан с «низкой» степенью вероятности говорящего к содержанию предложения; второй тип – вероятность, автор выделяет его в промежуточную степень вероятности; третий тип является «наивысшим» – когда по мнению говорящего, все имеющиеся в его распоряжении данные обязательно указывают на то, что предложение или действие обязательно соответствует действительности.

В статье прослеживается взаимосвязь между эпистемической модальностью и фразеологическими и паремиологическими единицами (ФЕ и ПЕ). Научный интерес филологов к фразеологическим и паремиологическим единицам обусловлен тем, что они представляют собой элемент культуры, обладая значительным смысловым богатством, а также кратко отражают картину мира говорящего, оставаясь предметом пристального внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей.

Специалист в области фразеологии, известный лингвист Кунин А.В. в своих исследованиях отмечает, что ФЕ «являются сочетаниями слов, т.е. раздельнооформленными образованиями с полностью или частично переосмысленными компонентами, фразеологическими значениями» [3, с. 24].

Известный паремиолог В. Мидер (2004) утверждает, что пословицы – это «*an expression which, owing its birth to the people, testifies to its origin in form and phrase. It expresses what is apparently a fundamental truth—that is, a truism,—in homely language, often adorned, however, with alliteration and rhyme*» [6, р. 2] – это выражение, имеющее корни в народной культуре, демонстрирует свое происхождение через форму и словосочетание. Оно выражает, по всей видимости, основополагаемую истину, то есть трюизмом, используя при этом простой язык, который зачастую украшен аллитерацией и рифмой.

Испанский исследователь С. Муньос квалифицируют под паремиологическими единицами «*un*

enunciado breve, sentencioso, consabido, de forma fija y con características lingüísticas propias» [8, p. 109] – это краткое, содержательное, привычное, фиксированное по форме высказывание со своими собственными лингвистическими характеристиками.

ФЕ и ПЕ рассматриваются нами как общеизвестные выражения, обладающие эмоциональной и стилистической окраской. Они представляют собой законченные предложения, отражающие отношение говорящего к конкретному предмету, явлению или действию.

В ходе исследования были выделены следующие ФЕ и ПЕ с компонентом эпистемической модальности группы «семья, повседневная жизнь»: в английском языке: *if these walls could talk* – если бы стены умели говорить; модальный глагол *could* подчеркивает степень возможности пропозиции. *To be always on the go* – крутиться как белка в колесе; модальное наречие *always* усиливает степень определенности высказываемого предложения.

В испанском языке: *mesa bien puesta, familia contenta* – хорошо накрытый стол – это счастливая семья; эпистемическая модальность выражена модальным наречием *bien*, которое выражает степень уверенности. *Suegra, abogado y doctor, cuanto más lejos mejor* – чем меньше вам придется иметь дело с докторами, адвокатами и вашей свекровью, тем лучше; компонент эпистемической модальности выражен оттенком уверенности и модальным наречием *mejor* и др.

Нами были рассмотрены фразеологические и паремиологические единицы с компонентом эпистемической модальности, относящиеся к группе «дружба и межличностные отношения». Так, в английском языке: *can't stand the sight of someone* – видеть не может кого-то; *you can't live with them and you can't live without them* – вместе тесно, а врозь скучно (часто используется в фильмах о дружбе или романтических комедиях); *cannot put out of sb's mind* – выбросить из головы (из памяти).

Эпистемическая модальность в приведенных примерах выражает оттенок невозможности с помощью модального глагола *can* с отрицанием *not* и т.д.

В испанском языке: *amistades que son ciertas, nadie las puede turbar* – дружба и братство ценнее любого богатства. В данной пословице компонент эпистемической модальности представлен модальным глаголом *puede*, который передает оттенок возможности. *Dos cabezas mejor que una* – одна умная голова хорошо, а две еще лучше; в этой пословице эпистемическая модальность выражается через оттенок необходимости и модальное наречием *mejor* и др.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод о том, что категория модальности представляет собой одну из наиболее спорных и сложных категорий в языкознании. Существует различные мнения о происхождении модальности, и поэтому нет ее однозначного определения. Это делает ее актуальной для изучения многими исследователями.

Фразеологические и паремиологические единицы – это известные общеупотребительные лаконичные высказывания с эмоциональной, стилистической окраской, придающие высказыванию определенную характеристику и значение. Изучение фразеологизмов и паремий с компонентом эпистемической модальности в английском и испанском языках показало, что этот компонент обладает разнообразными средствами выражения в ФЕ и ПЕ рассматриваемых языков.

Перспективой дальнейшего исследования является детальное изучение категории эпистемической модальности во фразеологических и паремиологических единицах разноструктурных языков, на примере английского, испанского и других языков, а также рассмотрение других компонентов модальности, их структурные, семантические, стилистические особенности.

Список источников

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Москва: Изд. иностр. лит., 1955. 412 с.
2. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 53 – 87.
3. Кунин А.В. Английская фразеология: (теоретический курс). М.: Высшая школа, 1970. 343 с.
4. Bybee J.L., Fleischman S. Modality in Grammar and Discourse. Amsterdam: Philadelphia, 1995. 575 p.
5. Haan F. Typology of Tense, Aspect and Modality Systems. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199281251.013.0021. Text: electronic // The Oxford Handbook of Linguistic Typology. 2010. 43 p.
6. Mieder W. Proverbs: A Handbook. Greenwood folklore handbooks. 2004. P. 321.
7. Nyuts J. Epistemic Modality, Language, and Conceptualization: a Cognitive-Pragmatic Perspective. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2001. 429 p.
8. Sevilla Muñoz J., Crida Álvarez C.A. Las paremias y su clasificación // Paremia. 2013. № 22. P. 105 – 114.

9. Palmer F.R. Modality and the English Modals. London; New York: Longman, 2013. 256 p.
10. Topor E. Perífrasis verbales del español y rumano. Universitat de Lleida, 2011. 722 p.

References

1. Bally Sh. General Linguistics and Issues of the French Language. Moscow: Izd. foreign lit., 1955. 412 p.
2. Vinogradov V.V. On the Category of Modality and Modal Words in Russian. Selected Works. Studies in Russian Grammar. Moscow: Nauka, 1975. P. 53 – 87.
3. Kunin A.V. English Phraseology: (Theoretical Course). Moscow: Vysshaya Shkola, 1970. 343 p.
4. Bybee J.L., Fleischman S. Modality in Grammar and Discourse. Amsterdam: Philadelphia, 1995. 575 p.
5. Haan F. Typology of Tense, Aspect and Modality Systems. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199281251.013.0021. Text: electronic. The Oxford Handbook of Linguistic Typology. 2010. 43 p.
6. Mieder W. Proverbs: A Handbook. Greenwood folklore handbooks. 2004. P. 321.
7. Nyuts J. Epistemic Modality, Language, and Conceptualization: a Cognitive-Pragmatic Perspective. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2001. 429 p.
8. Sevilla Muñoz J., Crida Alvarez C.A. Las paremias y su clasificación. Paremia. 2013. No. 22. P. 105 – 114.
9. Palmer F.R. Modality and the English Modals. London; New York: Longman, 2013. 256 p.
10. Topor E. Perífrasis verbales del español y rumano. Universitat de Lleida, 2011. 722 p.

Информация об авторах

Воронина Д.И., кандидат филологических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1225-015X>, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, 420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1, diana_11_93@mail.ru

Каюмова Д.Ф., доктор филологических наук, профессор, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1469-6902>, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, 420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1, missdiana7@mail.ru

Каримова А.А., кандидат педагогических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0908-8243>, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, 420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1, an.carimova2012@yandex.ru

Хасанова О.В., кандидат педагогических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4979-3238>, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, 420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1, oxana.khasan@yandex.ru

© Воронина Д.И., Каюмова Д.Ф., Каримова А.А., Хасанова О.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81.24

Невербальные характеристики рекламной коммуникации (на материале русского и китайского языков)

¹ Го Сяотун

¹ Сибирский федеральный университет

Аннотация: рекламная коммуникация представляет собой сложный процесс взаимодействия между отправителем и получателем информации, включающий как вербальные, так и невербальные средства. Визуальные образы, цветовая гамма, символика и жесты играют ключевую роль в формировании рекламного послания, влияя на его восприятие в различных культурах. Данное исследование направлено на сравнительный анализ невербальных характеристик рекламной коммуникации в русском и китайском языках. В ходе исследования были выявлены ключевые различия в использовании цветовых решений, графических элементов, символов и кинетики в рекламе двух стран. Анализ показал, что китайская реклама ориентирована на символизм, гармонию и динамику изображения, в то время как российская реклама делает акцент на четкость, информативность и структурированность. Научная новизна исследования заключается в систематизации невербальных характеристик рекламной коммуникации и выявлении их роли в межкультурном взаимодействии. Практическая значимость результатов заключается в их применимости при разработке рекламных стратегий для российской и китайской аудиторий.

Ключевые слова: невербальные характеристики, рекламная коммуникация, русский язык, китайский язык, система коммуникации

Для цитирования: Го Сяотун Невербальные характеристики рекламной коммуникации (на материале русского и китайского языков) // Современный ученый. 2025. № 4. С. 177 – 182.

Поступила в редакцию: 2 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 3 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Non-verbal characteristics of advertising communication (based on the material of the Russian and Chinese languages)

¹ Guo Xiaotong

¹ Siberian Federal University

Abstract: advertising communication is a complex process of interaction between the sender and receiver of information, including both verbal and non-verbal means. Visual images, colors, symbols and gestures play a key role in shaping the advertising message, influencing its perception in different cultures. This study aims to comparatively analyze the non-verbal characteristics of advertising communication in Russian and Chinese. The study identified key differences in the use of color solutions, graphic elements, symbols and kinetics in advertising of the two countries. The analysis showed that Chinese advertising is focused on symbolism, harmony and image dynamics, while Russian advertising emphasizes clarity, informativeness and structure. The scientific novelty of the study lies in the

systematization of non-verbal characteristics of advertising communication and identification of their role in intercultural interaction. The practical significance of the results lies in their applicability in the development of advertising strategies for Russian and Chinese audiences.

Keywords: non-verbal characteristics, advertising communication, the Russian language, the Chinese language, communication system

For citation: Guo Xiaotong Non-verbal characteristics of advertising communication (based on the material of the Russian and Chinese languages). Modern Scientist. 2025. 4. P. 177 – 182.

The article was submitted: December 2, 2024; Approved after reviewing: February 3, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Реклама является неотъемлемой частью современной коммуникации, выполняя не только информационную, но и культурную, эстетическую и психологическую функции. Она представляет собой важный инструмент воздействия на аудиторию, формируя общественное мнение, потребительские предпочтения и отражая национальную специфику языков и культур. Важную роль в рекламной коммуникации играет невербальное выражение информации, которое включает в себя визуальные образы, цвета, символику, жесты и другие средства выразительности. Эти элементы значительно влияют на восприятие рекламы и интерпретацию рекламных посланий в разных культурных контекстах.

Актуальность исследования обусловлена растущей ролью межкультурных коммуникаций и необходимостью глубокого понимания специфики рекламного взаимодействия в различных лингвокультурных средах. В условиях глобализации компании стремятся адаптировать свои рекламные стратегии к особенностям национальных рынков, учитывая традиции, ценности и ментальные модели потребителей. Российская и китайская рекламные культуры демонстрируют значительные различия в использовании невербальных средств коммуникации, что делает их сравнительный анализ особенно важным. Несмотря на наличие отдельных работ, посвященных изучению рекламы в данных странах, комплексных исследований, рассматривающих именно невербальные характеристики рекламной коммуникации в сопоставительном аспекте, до настоящего времени не проводилось.

Цель исследования – выявить особенности и различия в использовании невербальных характеристик рекламной коммуникации на материале русского и китайского языков.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые проводится сопоставительный анализ невербальных характеристик рекламной коммуникации в русском и китайском языках. В

отличие от предыдущих исследований, которые преимущественно фокусировались на лексическом и стилистическом аспектах рекламного дискурса, в данной работе акцент сделан на невербальных средствах выражения информации. Это позволяет глубже понять специфику рекламного взаимодействия в различных культурных контекстах.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в маркетинговой и рекламной деятельности. Полученные данные могут быть полезны специалистам в области международного маркетинга, бренд-менеджмента, лингвистики и межкультурной коммуникации при разработке эффективных рекламных кампаний, ориентированных на российскую и китайскую аудитории.

Таким образом, проведенный анализ позволит не только систематизировать основные невербальные характеристики рекламной коммуникации в России и Китае, но и выявить их роль в построении эффективных стратегий воздействия на потребителя в межкультурном пространстве.

Материалы и методы исследований

В ходе исследования использованы следующие методы: теоретический анализ, включающий изучение научной литературы по вопросам рекламной коммуникации, невербальных средств выражения и межкультурных различий; аналитический метод, основанный на сравнительном анализе рекламных материалов на русском и китайском языках, с акцентом на визуальные элементы, цветовую гамму, символику и жесты; метод обобщения, позволяющий выделить ключевые закономерности и различия в невербальной коммуникации рекламы двух стран. Такой комплексный подход обеспечивает всестороннее рассмотрение исследуемой темы и выявление культурных особенностей рекламного взаимодействия.

Результаты и обсуждения

Рекламная коммуникация представляет собой сложный процесс передачи информации, включающий в себя как вербальные, так и невербальные элементы. Основной задачей рекламы является

эффективное взаимодействие между отправителем (рекламодателем) и получателем (потребителем). При этом невербальные характеристики играют ключевую роль, так как визуальные образы, символика, цвета и графические элементы способны оказывать сильное эмоциональное воздействие, формируя у аудитории определенные ассоциации и предпочтения. Невербальная реклама выполняет ряд функций, среди которых можно выделить экспрессивную, выражающую эмоциональное отношение создателя рекламы к ее содержанию, функцию усиления семантической окраски рекламного послания, а также функцию смыслового наполнения, позволяющую передавать дополнительную информацию за пределами словесного выражения [1].

Невербальные средства рекламы различаются в зависимости от культурных особенностей. Китайская реклама тяготеет к использованию символизма, многозначности и динамики изображения, в то время как российская реклама в большей степени ориентирована на четкость, структурированность и прямолинейность. Например, в китайской рекламе широко применяются музыкальные и природные звуки, которые создают эмоциональный фон и помогают установить связь с потребителем на подсознательном уровне. Визуальный ряд в китайской рекламе часто представлен постоянно сменяющимися сценами из повседневной жизни: бытовыми предметами, городской средой, природными пейзажами и автомобилями, что формирует ощущение динамичности и вовлеченности [9]. В российской рекламе, напротив, акцент чаще делается на дизайн самого рекламируемого объекта, его индивидуальные качества и преимущества. Цветовая палитра также играет значимую роль: если в Китае традиционно используются красный и золотой цвета, символизирующие удачу и процветание, то в России предпочтение отдается более сдержанным оттенкам, таким как синий и зеленый, которые ассоциируются со стабильностью, надежностью и профессионализмом.

Еще одним важным аспектом невербальной коммуникации в рекламе является язык жестов и мимика. Например, улыбка в китайской рекламе рассматривается как универсальный символ дружелюбия и гостеприимства, тогда как в российской рекламе она встречается реже, особенно в официальных или деловых контекстах. В китайской рекламе праздничных товаров и услуг также можно встретить изображения поклонов, однако в обычных ситуациях этот жест используется гораздо реже. В России более распространенным символом уважения и открытости является рукопожатие, которое можно увидеть как в рекламных ви-

деороликах, так и в печатной продукции. Этот жест символизирует доверие, благодарность и приветствие, что делает его эффективным средством коммуникации в рекламе [3].

Графические и символические элементы рекламы также имеют культурные различия. В Китае широко распространена практика использования национальных символов и брендов в рекламе. Например, серия «Духи Востока» интегрирует традиционные китайские культурные образы, которые тесно связаны с национальной идентичностью и ценностями. Другим примером является бренд обуви «Ice Play», который использует элементы архитектуры Запретного города в своем дизайне, создавая тем самым устойчивые ассоциации у потребителей [9]. В России же наиболее значимыми элементами невербальной коммуникации являются графические средства, такие как шрифтовые выделения, цветовые акценты и использование знаков препинания. Например, компания «!ДаВЕРЬ Алюминиевые лоджии» применяет восклицательный знак в своем названии, что не только привлекает внимание, но и создает множественные смысловые интерпретации. Игра слов «доверие», «да, верь» и «дверь» усиливает эмоциональную привлекательность бренда, помогая выстраивать ассоциации с надежностью и качеством [3].

В образовательной рекламе России и Китая также можно увидеть культурные особенности невербальной коммуникации. В России реклама учебных заведений часто использует символику раскрытой книги, глобуса или совы, что символизирует знания, мудрость и академическое превосходство. Кроме того, российские университеты активно применяют национальную символику, например, флаги, которые обозначают направление обучения, особенно в языковых вузах [3]. Китайские университеты, в свою очередь, чаще используют логотипы с аббревиатурами латинскими буквами, такими как SHVFS, что свидетельствует о стремлении к глобализации и международной интеграции образовательных программ [3].

Развитие цифровой рекламы в Китае и России также демонстрирует различия в подходах к невербальной коммуникации. В Китае рекламные стратегии все чаще ориентируются на цифровые платформы и интернет-маркетинг, где символика играет решающую роль в привлечении внимания аудитории. Китайские бренды активно используют цветовые акценты, визуальные символы и элементы дополненной реальности для усиления сенсорного восприятия рекламы. В России цифровая реклама, напротив, делает упор на графическое оформление и типографику. Например, изменение

шрифта, его размера и цвета в названии рекламируемого товара может значительно повлиять на восприятие бренда, а знаки препинания, такие как восклицательные или вопросительные знаки, служат дополнительными средствами эмоционального воздействия [2].

Таким образом, анализ невербальных характеристик рекламной коммуникации в русском и китайском языках позволил выявить несколько ключевых особенностей. Во-первых, различия в цветовой гамме: китайская реклама ориентирована на теплые тона (красный, золотой), тогда как российская реклама отдает предпочтение холодным и нейтральным цветам (синий, зеленый, белый). Во-вторых, символика: китайская реклама активно использует национальные культурные коды и образы, тогда как российская реклама делает акцент на графические элементы, шрифты и структурирование текста. В-третьих, эмоциональное выражение: китайская реклама более экспрессивна, часто использует улыбки и динамичные визуальные элементы, тогда как российская реклама более сдержанная, логически выстроенная и ориентированная на рациональное восприятие информации. В-четвертых, в Китае наблюдается высокая степень адаптации символов к цифровым платформам и международным рынкам, тогда как в России продолжают эксперименты с графическим оформлением и визуальной идентичностью брендов [5].

Выявленные особенности и различия имеют не только теоретическую, но и практическую значимость. Понимание культурных различий в невербальной коммуникации рекламы может способствовать более эффективному продвижению товаров и услуг на международных рынках. Компании, ориентированные на русскоязычную и китайскоязычную аудиторию, могут использовать результаты данного исследования для адаптации своих рекламных стратегий и повышения их эффективности. В перспективе дальнейшие исследования могут быть направлены на более детальный анализ отдельных невербальных компонентов рекламы, таких как символика жестов, использование анимации и взаимодействие различных визуальных элементов в многоканальном маркетинге.

Выводы

Из вышесказанного следует вывод о том, чтобы товары могли выходить на внутренний и внешний рынок, важно уделить внимание изучению той национальной культуры, куда будет поставляться товар.

Для того, чтобы добиться положительного эффекта от рекламы для привлечения более широкой

аудитории, необходимо включать в рекламу вербальные характеристики.

Главными невербальными составляющими рекламной характеристики являются использование разнообразных цветов, выделение шрифта, добавление образов визуального характера [8].

Очень важно учитывать культуру и традиции той страны, для которой создается реклама, к примеру, для России или для Китая.

Так, при создании рекламы очень важно уделять большое влияние невербальным характеристикам, которые помогают настроить правильную коммуникацию между создателем рекламы и потребителем.

Эстетическая функция является не единственной функцией, которая характеризует невербальную рекламную коммуникацию. Коммуникация невербального характера создает маскировку текста с точки зрения стилистики, что помогает производителю зарекомендовать себя на рынке изначально.

С первого взгляда в рекламе потребителя может привлечь цветовая гамма. Именно цвет создает правильный душевный настрой потребителя и формирует его настроение. Цвет способен охарактеризовать информативность рекламного сообщения [7].

Невербальными характеристиками славится реклама учреждений образовательного характера. Их символика может быть разнообразной как в Китае, так и в России. Символы способны дополнять информацию, которая представлена в рекламе с помощью текста [10]. Так для рекламы сокращается количество текста, но усиливается влияние на потребителя услуг с помощью символов, которые люди воспринимают намного легче, чем текст.

Очень правильным способом влияния на потребителя в рекламе является изменение обычного шрифта в названии на необычный (постановка строчной буквы в слове, выделение шрифта курсивом и так далее). Чаще всего этим пользуются в России, так как это позволяет русский язык, в отличие от китайского языка, где данный эксперимент с иероглифами произвести не получится [4].

В обеих странах активно используется язык жестов. Особенно часто жесты используются в специализированных журналах для тех людей, которые разбираются в жестах или для детей и взрослых, имеющих нарушения с речью и говорением. Хорошие знания невербальных методов общения оказывают большую помощь в правильной оценке имеющейся ситуации и с помощью этого также увеличить результативность коммуникации, касающейся деловой рекламы [6].

Символы в русской и китайской рекламе уделяют особенное внимание эстетической стороне, к примеру, ответственности социального характера, честности и уважению к потребителям, последнее особенно актуально в Китае. При этом учитываются нормы и правила, характерные для той страны, для которой реклама создается.

Реклама, которая производится в стране Китая, чаще акцентирует свое внимание на образах визуального характера, также реклама Китая построена на понятиях-ассоциациях. В символах русской рекламы чаще присутствует прямолинейность и четкая передача информации. В этом состоит главное отличие китайской и русской реклам [5].

Тема невербальных характеристик рекламной коммуникации на сегодняшний день является изу-

ченной не до конца. Выявление отличий рекламной коммуникации невербального характера в русском и китайском языках очень важно для дальнейшего развития коммуникации между двумя культурами. Четкое понимание отличий окажет большую помощь в развитии стратегий рекламы для культурных контекстов различного рода. Данный факт является очень важным на сегодняшний день для всего мира, так как в существующих условиях большое значение имеет глобализация, а также связь между различными культурами, в частности культуры России и Китая.

Но вопрос невербальной коммуникации в рекламе остается не до конца изученным и требует дальнейших исследований.

Список источников

1. Бодалёва А.А. Коммуникация. Общение. Психология общения. М.: Когито-Центр, 2015. 144 с.
2. Гун Т. К контрастивному анализу реализации прямого побуждения в русском и китайском газетных рекламных дискурсах // Мир русского слова. 2018. № 1. С. 21 – 25.
3. Го Х. Развитие китайской рекламы и ее влияние на формы массовой визуальной коммуникации // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 3 (94). С. 274 – 277.
4. Кохтев Н.Н. Реклама: Искусство слова. Рекомендации для составителей рекламных текстов. М.: МГУ, 1997. 78 с.
5. Кравченко А.В. Естественные-научные аспекты семиозиса // Вопросы языкознания. 2000. № 1. С. 3 – 9.
6. Мартыненко Н.П. Специфика семиотического изучения древнекитайских текстов: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2007.
7. Миронова А.А. Жанры рекламы: к проблеме квалификации // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2012. Вып. 71/ № 32 (286). С. 67 – 71.
8. Пирогова Ю.К. Рекламный текст, семиотика и лингвистика. М.: Издательский дом Гребенникова, 2000. 15 с.
9. Прокопенко В.Т., Трофимов В.А., Шарок Л.П. Психология зрительного восприятия: учебное пособие. СПб.: СПбГУИТМО, 2006. 73 с.
10. Слойцева Е.В. Особенности рекламного текста // Язык и культура. 2014. С. 76 – 79.

References

1. Bodaleva A.A. Communication. Communication. Psychology of communication. Moscow: Kogito-Center, 2015. 144 p.
2. Gun T. On the contrastive analysis of the implementation of direct incentive in Russian and Chinese newspaper advertising discourses. The World of the Russian Word. 2018. No. 1. P. 21 – 25.
3. Guo H. The development of Chinese advertising and its influence on the forms of mass visual communication. The world of science, culture, education. 2022. No. 3 (94). P. 274 – 277.
4. Kokhtev N.N. Advertising: The art of words. Recommendations for compilers of advertising texts. Moscow: Moscow State University, 1997. 78 p.
5. Kravchenko A.V. Natural science aspects of semiosis. Questions of linguistics. 2000. No. 1. P. 3 – 9.
6. Martynenko N.P. Specifics of the semiotic study of ancient Chinese texts: author's abstract. dis. ... Doctor of Philosophy. Sciences. Moscow, 2007.
7. Mironova A.A. Advertising genres: on the problem of qualification. Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Philology. Art Criticism. 2012. Issue 71. No. 32 (286). P. 67 – 71.
8. Pirogova Yu.K. Advertising text, semiotics and linguistics. Moscow: Grebennikov Publishing House, 2000. 15 p.
9. Prokopenko V.T., Trofimov V.A., Sharok L.P. Psychology of visual perception: a tutorial. St. Petersburg: SPbGUITMO, 2006. 73 p.
10. Sloytseva E.V. Features of advertising text. Language and culture. 2014. P. 76 – 79.

Информация об авторе

Го Сяотун, аспирант, Сибирский федеральный университет, 1205969259@qq.com

© Го Сяотун, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 811.111

Семантические и функциональные особенности устойчивых компаративов английского языка

¹ Махмудова П.М., ¹ Залевская Т.Е.

¹ Дагестанский государственный университет

Аннотация: в статье проводится анализ семантических и функциональных особенностей компаративов английского языка. Устойчивые компаративные сочетания английского языка образуют подсистему в общей системе фразеологии. Анализ семантической структуры данных единиц и исследование определенного вида семантических отношений между их составляющими способствовали возможности выявить внутренние связи в их содержательной структуре. Это помогает раскрытию механизма их возникновения и установлению их инвариантной модели, которая отражает семантические особенности. Содержание инвариантной модели данных сочетаний английского языка определяется таким образом: первая семема сравнивается со второй. Данная модель осуществляется в двух видах: модели уподобления и модели степени, которые характеризуются своим семантическим и грамматическим постоянством. Главная особенность, характерная устойчивым компаративам заключается в латентно присущей им эмотивной окраске.

Ключевые слова: английский язык, устойчивые компаративы, семантические типы, компонентный анализ, функциональные особенности, стилистический характер

Для цитирования: Махмудова П.М., Залевская Т.Е. Семантические и функциональные особенности устойчивых компаративов английского языка // Современный ученый. 2025. № 4. С. 183 – 187.

Поступила в редакцию: 3 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 4 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Semantic and functional features of stable comparatives of the English language

¹ Makhmudova P.M., ¹ Zalevskaya T.E.

¹ Dagestan State University

Abstract: the article analyzes the semantic and functional features of the comparatives of the English language. Stable comparative combinations of the English language form a subsystem in the general system of phraseology. The analysis of the semantic structure of these units and the study of a certain type of semantic relations between their components made it possible to identify internal connections in their meaningful structure. This helps to uncover the mechanism of their occurrence and establish their invariant model, which reflects semantic features. The content of the invariant model of these combinations of the English language is determined in this way: the first sememe is compared with the second. This model is implemented in two forms: models of similarity and models of degree, which are characterized by their semantic and grammatical consistency. The main feature characteristic of stable comparatives is their latent emotive coloring.

Keywords: English, stable comparatives, semantic types, component analysis, functional features, stylistic character

For citation: Makhmudova P.M., Zalevskaya T.E. Semantic and functional features of stable comparatives of the English language. Modern Scientist. 2025. 4. P. 183 – 187.

The article was submitted: December 3, 2024; Approved after reviewing: February 4, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Актуальность работы. Семантика и функциональные особенности образного сравнения на материале английского языка является недостаточно исследованной областью фразеологии. Несмотря на то, что накоплен значительный материал, посвященный различным фразеологическим единицам данного языка, семантическая природа данных образований остается вне поля зрения исследователей.

Основная цель – описание семантической природы и функциональных особенностей устойчивых компаративов английского языка.

Задачи:

- провести анализ семантических особенностей устойчивых компаративов английского языка;
- выявить характер функционирования данных образных сравнений в рассматриваемом языке.

Материалы и методы исследований

Привлеченные в работе материалы отобраны методом сплошной выборки из различных словарей английского языка, а также для исследования привлечены тексты из публицистических и художественных произведений. Помимо метода сплошной выборки использованы метод компонентного анализа и описательный метод, что дает возможность исследования содержательной стороны языковых единиц, их последовательного описания, первичного анализа и характеристики.

Результаты и обсуждения

Под устойчивыми компаративами понимаются фразеологические единицы, специфика которых раскрывается через семантическую операцию сравнения. Они образуются по конкретным структурно-семантическим моделям и служат раскрытию их структурной и семантической организации.

Понятие «устойчивые компаративы» широко используется в лингвистике. Как утверждает Л.И. Ройзензон «при этом мы исходим из определения процесса фразеологизации как процесса закрепления в речевой практике коллектива относительных языковых комплексов» [6].

В таких выражениях «существует оценочная шкала ценностей» [11]. В зависимости от их опыта и их ориентиров может формироваться эмоционально-экспрессивное, оценочное содержание данных единиц [1].

Учитывая значимость и своеобразие семантики

данных образных выражений, многие исследователи уделяли им определенное внимание. Это можно видеть в работах И.И. Чернышевой [10], Н.А. Амосовой [2], А.В. Кунина [4], Н.М. Сидяковой [8] и других.

В их работах приводятся ряд классификаций устойчивых компаративов, а также дается их структурно-семантическая характеристика.

В работах А.В. Кунина разрабатывается само понятие структурного компаративного значения.

Н.Н. Амосова с помощью контекстуального метода излагает теорию общей фразеологии данного языка. Она считает «фразеологические единицы должны изучаться в условиях реального речевого употребления» [2].

Н.М. Сидякова использует для разграничения фразеологизмов их «семантический критерий» [8].

С.И. Ройзензон устанавливает сферу возникновения, фразеологического употребления, связь с другими языками [6].

Устойчивые компаративы как сравнительные обороты, прежде всего, привлекают своими стилистическими характеристиками. Они, как стилистические средства активно выступают в художественной речи.

Образное сравнение включает в себя и «тему» и сам «образ». Оба они представляют собой единицы семантический комплекс со своим неделимым значением. Все компоненты такого выражения взаимозависимы.

«Устойчивые компаративные единицы отличаются наличием образного представления коннотативного смысла» [3].

«Это особый, специфический слой лексики, который показывает самобытность народа, его характер, менталитет и культурные особенности» [5].

Семантическая структура данных сочетаний обуславливает их образность, так как сравнение является основой образности. Она может исчезнуть лишь под воздействием семантических сдвигов, разрушающих логический состав данных компаративов.

На наш взгляд, глубинный языковой внутренний механизм, способствующий их возникновению, не может вскрыть понятие «образность». Она ссылается на некие формы человеческого мышления, так как сравнение это есть одно из средств познания окружающего мира. Образное, нагляд-

ное мышление свое отражение в самой структуре и семантике данных сочетаний.

Образность устойчивых компаративов упирается в наличие коннотативности, которая обусловлена образностью. «Значение большинства фразеологизмов осложнено различного рода эмоционально-оценочными, экспрессивными (коннотативными) компонентами» [7]. Это и есть одна из главных особенностей семантики устойчивых компаративов.

Выразительные свойства ФЕ наложены на них самих и потому они не зависят от контекста или ситуации, что является неотъемлемой частью их семантики. С учетом этого мы и проводим свое исследование семемного состава лишенных коннотативности устойчивых компаративов английского языка. Вот такое соотношение денотативных и коннотативных семем и определяет особенности семантики данных сочетаний.

Семантическая структура устойчивых компаративов включает в себя несколько разновидностей моделей. К ним относятся: модель уподобления устойчивых сочетаний и модель степени. Каждая модель состоит из нескольких вариантов устойчивых компаративных сочетаний.

Модель уподобления устойчивых сочетаний. Однозначно денотативная семема отражает экстралингвистическую сущность, она определяется в лексеме вне контекста. Вторичная денотативная семема обозначает предмет по сходству с другим предметом: *dumb as a fish* «нем как рыба», *sharp as a knife* «острый как нож», *soft as fluff* «мягкий как пух».

В такого рода вариантах отмечается сочетаемость денотативной и коннотативной семем. К примеру, семема *dumb* является первичной денотативной семемой из-за ее соответствия денотату, так как она обозначает определенное состояние. Лексема *fish* не может однозначно отражать денотат, поскольку является его вторым названием. Ее используют для выражения денотата, это и придает ей коннотативность. Она логически связана с денотативной семемой и мотивирована ею. Таких примеров в английском языке множество: *Harmless as a wolf* «безобидный как волк»; *Pure as heaven* «чистый как небеса»; *Long as a pole* «длинный как жердь»; *Fat as a hamster* «толстый как хомяк»; *Scary as hell* «страшный как черт». [4].

Фразовые примеры: *Guys were scary as hell*. «Парень страшный как черт». *He lies curled up in a ball, like a harmless wolf, and waits for the moon to wane*. «Лежит, свернувшись клубком – этаким безобидный волк – и ждет, пока луна пойдёт на убыль». *You are limitless and pure like the sky*. «Ты беспределен и чист как небеса».

Первичная коннотативная и первичная денотативная семемы могут находиться в разных соотношениях. Они обладают сочетаемостью.

Существуют различные варианты семантических структур устойчивых компаративов денотативных и коннотативных семем.

Такие устойчивые компаративные выражения обобщают определенные явления действительности. В их основе лежит суждение или умозаключение. Этим и обусловлена их экспрессивность, выразительность и коннотативность.

В таких сочетаниях «субъект аналогии – это человек или общество, которое оценивает, а эталон сравнения – это его высшая форма-образец» [9].

Специфика создания коннотативности в сравнительных устойчивых выражениях дает возможность распределить их на два вида:

а) содержательный состав устойчивых компаративов, образующихся путем сочетания первичных денотативов и коннотативов: *soldiers in peace are like onimneys in summer*; *the air of a window is as the stroke of crossbow*.

Коннотативность устойчивых компаративных выражений состоит из имплицитности, которая характерна устойчивой единице из-за ее метафоричности и афористичности.

б) устойчивые компаративные выражения, коннотативность которых не меняя статуса семем, составляет содержательную структуру сочетания. Она может определяться ее обобщающим и афористическим смыслом, метафоричностью: *as you brew, so must you drink*; *such priest such offering*.

Модель степени. Для данной модели свойственны также несколько типов устойчивых компаративов.

Один из таких типов создается за счет взаимодействия первичных денотативных и коннотативных семем и метафоричности самого выражения: *Good words cool more than cold water*; *actions speak louder than words*; *a living dog is better than a dead lion*.

Фразовые примеры: *I think, in this case, actions speak louder than words*. *Surely, a live dog is better than a dead lion*.

Существует и такой тип модели степени, которая состоит из двух или трех лексем. Например: *Go to hell*; *fall into hell*.

Выводы

Проведенный анализ семантических особенностей и функционирования компаративных устойчивых сочетаний английского языка установил:

1. Первопричиной системных связей устойчивых компаративов состоит в причинно-следственных отношениях между их речевой

функцией и семантической структурой.

2. Рассматриваемые сочетания выполняют следующие функции: все устойчивые компаративы служат для выполнения экспрессивно-номинативных функций.

3. Они также обладают экспрессивно-коммуникативной функцией.

4. Экспрессивная функция обладает особой значимостью для устойчивых компаративов. Она основывается на коннотативности данных единиц и связана с экспрессивным и эмоциональным вы-

ражением объективной реальности посредством образов окружающего мира.

Как средство художественного изображения окружающего мира экспрессивная функция устойчивых компаративов активно используется. При этом она может приобретать разнообразные выразительные и эстетические функции, к которым относятся передача афористичности, увеличения и уменьшения значимости образа, а также репрезентация.

Список источников

1. Алибекова Д.М. Особенности фразеологической деривации в английском языке // Modern Humanities Success. 2024. № 4. С. 103 – 107.
2. Амосова Н.А. Основы английской фразеологии. 2-е изд., доп. Москва: URSS: Либроком, 2009. 206 с.
3. Ибрагимова Г.Х.-К., Умарова С.Х. Характеристика моделей устойчивых компаративов русского и английского языков // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 3. С. 604 – 606.
4. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. 6-е изд., испр. Москва: Живой язык, 2005. 942 с.
5. Мещерякова Е.С. Компаративные фразеологизмы в английском языке и особенности их перевода // Языковая личность и перевод: материалы VII Междунар. науч.-образоват. форума молодых переводчиков им. Д.О. Половцева, Минск: БГУ, 2023. С. 41 – 44.
6. Ройзензон Л.И. Фразеологизация как лингвистическое явление // Труды Сам.ГУ им.А.Навои. Новая серия. 1961. № 113. С. 111 – 119.
7. Рублева С.А. Виды и сущность устойчивых словосочетаний в английском языке // Педагогическое образование в России. 2014. № 6. С. 59 – 61.
8. Сидякова Н.М. О различных аспектах изучения сравнения (пособие для студентов старших курсов ф-в иностр. языков). Вологда, 1970. 20 с.
9. Усманов Ф.Ф. Устойчивые сравнения как форма реализации лингвокультурной коннотации // Молодой ученый. 2019. С. 16 – 18.
10. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. Москва: Высш. шк., 1970. 199 с.
11. Шахбанова З.И., Гациева Т.И. Тематические разряды и образная система пословиц в русском и английском языках // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 3. С. 608 – 610.

References

1. Alibekova D.M. Features of phraseological derivation in the English language. Modern Humanities Success. 2024. No. 4. P. 103 – 107.
2. Amosova N.A. Basics of English phraseology. 2nd ed., add. Moscow: URSS: Librocom, 2009. 206 p.
3. Ibragimova G.Kh-K., Umarova S.Kh. Characteristics of models of stable comparatives of the Russian and English languages. World of science, culture, education. 2023. No. 3. P. 604 – 606.
4. Kunin A.V. Large English-Russian phraseological dictionary. 6th ed., rev. Moscow: Living Language, 2005. 942 p.
5. Meshcheryakova E.S. Comparative phraseological units in English and their translation features. Language personality and translation: Proceedings of the VII International scientific and educational forum of young translators named after D.O. Polovtsev, Minsk: BSU, 2023. P. 41 – 44.
6. Roizenzon L.I. Phraseologization as a linguistic phenomenon. Proceedings of the Sam.SU named after A.Navoi. New series. 1961. No. 113. P. 111 – 119.
7. Rubleva S.A. Types and essence of set phrases in English. Pedagogical education in Russia. 2014. No. 6. P. 59 – 61.
8. Sidiyakov N.M. On various aspects of studying comparison (manual for senior students of the Faculty of Foreign Languages). Vologda, 1970. 20 p.
9. Usmanov F.F. Fixed comparisons as a form of realization of linguocultural connotation. Young scientist. 2019. P. 16 – 18.

10. Chernysheva I.I. Phraseology of the modern German language. Moscow: Higher. school, 1970. 199 p.
11. Shakhbanova Z.I., Gatsieva T.I. Thematic categories and figurative system of proverbs in Russian and English languages. World of science, culture, education. 2023. No. 3. P. 608 – 610.

Информация об авторах

Махмудова П.М., кандидат филологических наук, доцент, Юридический колледж, Дагестанский государственный университет, satiust74@list.ru

Залевская Т.Е., старший преподаватель, Дагестанский государственный университет, satiust74@list.ru

© Махмудова П.М., Залевская Т.Е., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 811.11-112

Лингвистические и культурные аспекты номинации «восхищение» в англоязычных СМИ

¹ Зиядинова Д.А.

¹ Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

Аннотация: данная статья углубленно исследует лингвистические и культурные аспекты номинации эмоции «восхищение» в англоязычных средствах массовой информации на примере медиа-текстов широкой вариативности. Анализ корпуса лексических единиц, используемых для выражения восхищения, выходит за рамки простого перечисления синонимов, выявляя сложную картину семантической вариативности и культурной обусловленности выбора конкретных терминов. Исследование не ограничивается анализом отдельных слов, а рассматривает влияние широкого контекста – типа СМИ (печатные издания, онлайн-ресурсы, блоги), целевой аудитории, тематики публикации и жанра – на выбор лексики, демонстрируя предпочтения к определенным стилистическим регистрам (формальный/неформальный, разговорный/литературный) и эмоционально-оценочным средствам.

Особое внимание уделяется сравнительному анализу синонимов, раскрывая тонкие смысловые различия и коннотативные оттенки, часто недоступные прямому переводу. Работа исследует культурологические подтексты, скрытые за кажущейся простотой выражения положительной оценки, раскрывая, как выбор лексики отражает культурные ценности и социальные нормы англоязычного общества.

В результате исследования выявлена глубокая взаимосвязь лингвистических средств выражения и культурных кодов, реализующихся в номинации «восхищения» в англоязычных медиа, а также предлагаются новые перспективы для дальнейших исследований в области лингвокультурологии и анализа медиа дискурса.

Ключевые слова: восхищение, номинация, англоязычные СМИ, лингвистика, культура, семантика, лексика, семантическая вариативность, дискурс

Для цитирования: Зиядинова Д.А. Лингвистические и культурные аспекты номинации «восхищение» в англоязычных СМИ // Современный ученый. 2025. № 4. С. 188 – 194.

Поступила в редакцию: 3 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 4 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Linguistic and cultural aspects of the nomination “admiration” in the English media

¹ Ziyadinova D.A.

¹ Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

Abstract: this article is aimed on the deep exploration of linguistic and cultural aspects of the nomination of the emotion “admiration” in the English media. The analysis of the corpus of lexical units used to express admiration goes beyond a simple listing of synonyms, revealing to a complex picture of semantic variability and cultural conditioning of the choice of specific terms. The study is not limited to the analysis of individual words, but considers the influence of a broad context – type of media (printed publications, online resources, blogs), the target audience,

the publication topic and the genre - on the choice of the vocabulary, demonstrating preferences for the certain stylistic registers (formal/informal, colloquial/literary) and emotional-evaluative means.

The particular attention is paid to the comparative analysis of synonyms, revealing subtle semantic differences and connotative nuances, that are often inaccessible to direct translation. The work explores the cultural implications hidden behind the apparent simplicity of positive expressions, revealing how the choice of the vocabulary reflects the cultural values and social norms of the English-speaking society.

As a result of the study, conclusions are presented about the deep relationship between linguistic means of expression and cultural codes implemented in the category of "admiration" in the English media, offering new prospects for further research in the field of cultural linguistics and discourse analysis.

Keywords: admiration, nomination, English media, linguistics, culture, semantics, vocabulary, the semantic variability, the discourse

For citation: Ziyadinova D.A. Linguistic and cultural aspects of the nomination "admiration" in the English media. Modern Scientist. 2025. 4. P. 188 – 194.

The article was submitted: December 3, 2024; Approved after reviewing: February 4, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Номинация (лат. «*nominatio*»; англ. «*nomination*»), именование посредством соответствующей детерминирующей лексемы, способствующее познанию окружающей реальности, на сегодняшний день является одним из самых перспективных и активно изучаемых направлений в лингвистике. Теория номинации, известная со древних времён, по своей сути наряду с грамматическим искусством была неотъемлемой и важной частью античной философии Аристотеля и Платона. «Имя понималось не просто как условное обозначение объекта, поскольку содержало в себе правила обращения с обозначаемым предметом и объясняло поступки или характер человека, который его носил.» [1, с. 21-22].

Согласно определению Г.В. Колшанского, номинация является «закреплением за языковым знаком понятия «сигнификата», отражающего определенные признаки, денотаты – свойства, качества и отношения предметов и процессов материальной и духовной сферы, благодаря чему языковые единицы образуют содержательные элементы вербальной коммуникации» [6, с. 101].

Фактически, номинация является базой, основой в процессе соотношения языковой формы и того явления, которое «обуславливает предметное значение единицы, что отражает значимость феномена номинации в языке и его коммуникативную роль» [6, с. 101].

Понятие «номинации» исследуется в научных концепциях Э.С. Азнауровой, А.А. Уфимцевой, Е.С. Кубряковой, В.Н. Телии, где подчеркивается связь процесса именования с мышлением [10, с. 7], поскольку он не только закрепляет понятие за языковым знаком, но и через осознание и осмысление, способствует декодированию знания и

культурных кодов, являясь важным средством передачи информации в процессе коммуникации.

В.Г. Гак говорит о многовекторности понятия «номинации», рассматривая его в узком значении, т.е. процесс обозначения явлений и предметов, и в более широком аспекте, т.е. выражение связи с эмотивной и чувственной составляющей личности, экспрессией, культурой и историей и т.д. [5, с. 234].

Г. Фреге говорил о том, что в семантической структуре слова заложено не только смысловая коннотация, буквально информация о предметах или явлениях, но и отношение к нему, что безусловно является важным признаком именуемого фрагмента действительности. [12, с. 217].

В работах А.А. Потебни акцент ставится на единство внутреннего содержания и внешней формы слова, где оно «даёт ещё знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть представление» [8, с. 147].

Именно такая многогранность номинации является ключевой в медиа дискурсе, поскольку акцент смещается в сторону создания образности и экспрессивности понятия, когда внутреннее содержание языковой единицы, образ и представление о понятии, доминирует над его формой.

Медиа-дискурс – это динамическое явление, в основе которого лежит перманентная зависимость от исторических процессов, политических, экономических, социокультурных, происходящих на данном этапе развития общества, что напрямую влияет на риторику, прежде всего на ее оценочность и экспрессивность, эстетическую и смысловую функции номинации.

Материалы и методы исследований

Статья посвящена анализу лингвистических и культурных аспектов номинации «восхищение» на

материале англоязычных СМИ широкого спектра, т.к. современное медиа пространство выходит далеко за рамки печатных изданий, включая также блоги, интернет-чаты, подкасты и онлайн периоду различных жанров.

Для достижения поставленных целей предлагается в статье используется методология лингвостилистического, культурологического, контекстуального анализа.

При анализе процесса наименования в медиа текстах мы должны опираться не только на языковые принципы, ономастические и семасиологические подходы к самому процессу, но и социокультурный и лингвокультурные аспекты данного феномена, поскольку для медиа пространства номинация является не просто созданием «новых» понятий и отражение объектов реальности, но и убеждение, оценка, привлечение внимания и воздействие, формирование определенной идеологии социума, отражающей его языковую картину мира.

Для медиа пространства классический семантический треугольник номинации «означающее-денотат-означаемое» не будет является достаточным, поскольку, как говорилось ранее, современный медиа текст несет в себе больше эмоционально-экспрессивной функциональности и коммуникативной составляющей, чем любой другой письменный источник [2, с. 4-16].

Следовательно, мы полагаем, что необходимо рассматривать процесс номинации в медиа тексте как многовекторный, т.е. на уровне денотата необходимо добавить эмотивную составляющую, чувственный образ, завязанный на оценке явления, его эмоционально-экспрессивным отражением в сознании, а также мотив, т.е. побуждение читателя к определенному уровню действия, умозаключениям, после отражения номинации в сознании.

Таким образом, мы предлагаем рассматривать процесс номинации в медиа тексте с точки зрения эмоции и мотива, которые вызывает того или иное именование, в нашем исследовании это восхищение. Например, для рекламного или маркетингового текста, использование языковых единиц с номинацией восхищение должно вызвать побуждение к покупке, поскольку передает чувство наслаждения и вожделения.

Эмоции, также являясь одной из форм отражения действительности, в настоящее время занимают одно из ключевых мест в лингвистических исследованиях, по сути не только провоцируя исследования на стыке научных областей, но и порождая такие перспективные направления как эмотиология, где анализируется глубокая связь психиче-

ских явлений, мышления и их языкового выражения [4, с. 12].

Эмоции не могут воспроизводиться однозначно в языке и чувственная, эмотивная сфера языкового пространства вызывает неподдельный интерес лингвистов, в том числе из-за нечеткости вербализации ее фрагментов. Кроме того, согласно, Н.А. Красавскому сложность таких исследований обусловлена психолого-физиологической природой и исключительной значимостью этого явления [7, с. 26].

Национально-культурная специфика «восхищения» в англоязычных странах связана, прежде всего, с этикетом, поскольку является неотъемлемой частью комплимента, как выражения симпатии и расположения, а также с уровнем аристократичности, доброжелательности и образованности.

Для светского этикета в британском и американском обществе характерны такие лексемы единицы как: *pretty, beautiful, lovely, handsome, awesome, gorgeous, good-looking, charming, delightful, admirable, delicious, graceful, fantastic, impressive, trendy, cute, stunning* и другие для выражения красоты и внешней привлекательности; для похвалы умственных способностей: *so smart, have such a sharp mind, incredibly knowledgeable, endowment, impressive, remarkable, admirable, acumen, valuable*, и словосочетания и выражения – *to have one's head screwed on the right way, smart as paint, a mind like a steel trap, a word is enough to the wise, occupy smb's mind, a clear head, your intelligence never ceases to impress me, purely intellectual, adroitness, high intellectual, a magic touch, long suit, to know your stuff / your onions, to turn your hand to sth, to have a flair for, a flight of fancy* и другие; о качествах человека и его характере: *glorious, joyful, gaiety, fascinating, ecstasy, marvelous, pleasant*; для выражения крайне степени восхищения качествами, внешними данными или поступками: *excellent, brilliant, awesome, wonderful, divine, exquisite, breathtaking, spectacular, perfect, magnificent, angelic, amazing, extraordinary и другие*; о еде: *amazing, exceptional, surprise, incredible, perfect, splendid, appetizing, moreish, delicious, delectable, palatable, savoury, toothsome, luscious, scrumptious*, а также коллокации – *Chef's kiss, mouth-watering, finger-licking* и т.д.

Материалом для данного исследования послужили языковые единицы – фразеологизмы, слова и выражение, коллокации, фольклорные устойчивые выражения, авторские метафоры и неологизмы, входящих в синонимическое поле наиболее часто используемых для выражения восхищения лексем *amazing* и *awesome*, в том числе в современных медиа текстах широкого контекста. Выбор матери-

ала исследования обусловлен тем, что в основном языковыми единицами, передающими эмотивные состояния в английском языке, являются прилагательными и наречиями, другими словами, – статальные предикаты [11, с. 102].

Результаты и обсуждения

Языковое многообразие, выраженное в богатстве лексических единиц, выражающих эмоцию, безусловно является преимуществом и уникальностью процесса номинации чувств, где, несмотря на лидерство лексемы, как основного средства именования, также стоит упомянуть синтаксические и грамматические закономерности построения эмотивных и чувственных конструкций [11, с. 3].

Например, одни из самых распространённых лексем *amazing* и *awesome*, впервые зафиксированные в XVI веке в значении *filled with awe*, согласно словарю, выражают *inspiring awe or admiration or wonder* [12]; *causing feelings of great admiration, respect, or fear* [12]; *expressive of awe* [12].

Как видно, из словарных дефиниций, данные прилагательные наряду со значением «восхищения» отражают и передают эмоции «удивления», «уважения», «страха/трепета», «благоговения», что позволяет нам сделать вывод о пересечении основных и второстепенных значений. Кроме того, синонимичный ряд данных лексем огромен и зачастую включает в себя не только схожие по значению слова, но и выражения, коллокации и целые устойчивые конструкции.

Анализ фактического материала позволил проследить модификацию значения прилагательных *amazing* и *awesome* в различных контекстах англоязычных СМИ, где также видна связь между эмотивными состояниями и экспрессивными языковыми средствами их выражения.

Так, например, в следующих примерах лексемы *amazing* и *awesome* реализуют номинативный признак «вызывающий восхищение»: (1) *It was clear from the television film of that contest that her mastery of the instrument was awesome* [14]; (2) *As he watched Hopper work, Nicholson came to the conclusion that he was working with a genius, flawed perhaps, but a man whose artistry was, and still is, quite awesome* [14]; (3) *When I saw [Mitoma's] first touch...I've seen him do it countless times in training. It was impeccable. It was a thing of beauty. It was amazing. Great goal.* [15]. В примерах (1, 2) показано восхищение профессионализмом: тем, как человек владеет музыкальным инструментом, и потрясающее мастерство художника. Пример (3) показывает одну из наиболее эмоциональных сфер человеческой жизни, увлечение спортом, в данном случае зрелищная игра футбол, которая для англо-

язычного сообщества, несмотря на ключевые различия в самой сути игры, является культурной доминантой. Восхищение игрой спортсмена, его виртуозностью выражена не только самой лексемой *amazing*, но и дополнена её синонимами: *It was impeccable. It was a thing of beauty.*

Выступая в основной функции эмотивных прилагательных – предикативе, *amazing* и *awesome* передают восхищение объектами различными по своему характеру, как одушевленными, так и неодушевленными, где зачастую, это абсолютно обыденные и привычные в обиходе наименования вещей, людей и их внешности, талантов, навыков и привычек, действий и поведения.

Однако стоит отметить, что данные лексемы могут выступать и в функции атрибутива, сопровождая существительные и имена собственные для передачи колористики и оценочности, как, например: (4) *“An amazing new young star”, wrote the veteran Bosley Crowther in his final review for The New York Times* [13]; (5) *A sign: “Peru – land of amazing landscapes”* [13]; (6) *And it's awesome music* [13]; (7) *Again, I think I may have underestimated it hearing it on Yuri Bashmet's disc straight after his amazing performance of the Viola Concerto* [13]; (8) *The irrepressible Kay Ward, famous for her naughty jokes and amazing vocal talents has a new alternative show for those of stronger morals...* [13]; (9) *As a child, he was driven by an insatiable curiosity and showed an awesome gift for sorcery* [13].

Помимо, типичных объектов восхищения – люди, их деятельность и таланты, в данных примерах можно увидеть и абстрактные понятия (*awesome music, amazing landscapes*), которые вызывают восхищение абсолютно субъективно и зачастую вызывают абсолютно противоположный мотив, т.е. человек читающий газету с уникальным взглядом на природу, отражающим восхищение и гордость, может испытывать негативные эмоции, если данное место или сама природа вызывают в нем отрицательные эмоции, что отразится в оценочных и экспрессивных коннотациях.

Экспликация восхищения в пресс-релизах фильмах или чатах, где обсуждают свое видение мира искусства, наиболее щедрой сферы на выражение восхищения, критики и сторонние наблюдатели представлены огромным спектром слов и выражений, зачастую представляющими синонимичные ряды: (10) *The Wachowskis' epic paranoia fable is about many things: human batteries, downloading things into your brain and how to wear awesome leather overcoats – but at its heart it's an amazingly powerful love story, without which none of the other crud about computer simulations and sentient programs would have a fraction of their impact* [16];

(11) *Part of the not inconsiderable brilliance of this film is the way it all ties together in the climactic clinch* [16]; (12) *Jorgensen saves after a passage of play we've seen numerous times tonight. Awesome hold up and link up play from Rutter begins the Brighton attack which ends with* [15]; (13) «*That was cool and an awesome moment*», *Reed said* [15]. Здесь две лексемы, являющиеся полными синонимами, экспликативно усиливают друг друга.

Рассмотрим группу примеров, где адъективные лексемы *amazing* и *awesome* реализуют номинативный признак «вызывающий удивление»: невероятное сходство, стечение обстоятельств, чужое мнение, перемены в жизни и т.д.: (14) «*Did you read the articles that were written about him at his death?*» «*Some of them.*» «*The consensus of opinion was absolutely amazing. I read everyone.*» «*If they all said the same thing, wasn't that rather unnecessary?*» [14]; (15) *I only meant that the coincidence is amazing* [14]; (16) *Your resemblance to your mother is quite amazing* [14]; (17) *Monday week after Easter, 1922, saw a new and somewhat awesome change in my life* [14]; (18) *The human body has amazing powers of recovery* [14]; (19) *We're playing some superb football but what is awesome is that we are getting better* [14].

Так, в предпоследнем примере обращает на себя внимание акцент на удивительных способностях человеческого организма восстанавливаться, что находит отражение в огромном спектре эмотивных конструкций в самой статье, которая посвящена чудесному выздоровлению и спасению от жизни наркомана. Мотив самой статьи и используемых лексем восхищения в попытке убеждения и призыва к отказу от вредных пристрастий, которые автор также подчеркивает эмотивной лексикой: *massive, endless, true gods, did wonders* и т.д.

А в примере о спортивной игре футбол (19), говорящий удивляется прогрессу и развитию своего старого хобби, которое сильно изменилось в лучшую сторону, что его искренне восхищает. При этом лексемы имеют двоякую функциональность, и как в большинстве исследуемых примеров, передача эмотивного состояния усиливается использованием абстрактных существительных, что подчеркивает номинирующую функцию данных лексем.

Использование союза *how* помогает передать значение эмоции удивления для лексемы *amazing*, особенно, если оно стоит в функции предикатива: (20) *It was quite amazing how many small shops existed in the twenties* [14]; (21) «*It is amazing to me,*» *said Bingley, "how young ladies can have patience to be so very accomplished as they all are"* [14].

Выражение страха перед чем-то грандиозным, пугающим, показано в следующем примере: (22) *While his wealth has kept him above consequence for years, Combs now faces the awesome power of the American judicial system and ultimately a jury of his peers...* [17]. Здесь лексема *awesome* четко передает испуг и ужас перед неотвратимым событием, в данном контексте приговором и тюремным заключением, а единица *awesome* усиливает колоссальность и мощь американской юридической системы.

Следующие примеры невозможно разграничить по их эмотивной составляющей, т.е. по передаваемой эмоции, поскольку восхищение и удивление – два состояния, которые в жизни сопровождают друг друга: (23) *Collect a range of interesting yarns and the results can be amazing* [14]; (24) *Now the remarkable psychic detective exclusively opens a casebook that spans 20 years to tell two more amazing stories: Why she believes that Lord Lucan is still alive; and how she helped the hunt to find the killers of tragic safari girl Julie Ward* [14]; (25) *The power of his personality was awesome* [14]; (26) *The first two goals against Wimbledon were awesome* [14].

В данных примерах сложно выделить доминирующий номинативный признак – эмоцию «восхищение» или «удивление», что говорит о невозможности рассматривать данные эмотивные лексемы обособленно, как репрезентирующие только одну номинацию. Это подчёркивает тот факт, что передача любой эмоции средствами языка в полной мере невозможна, и для часто сложные эмоции находят выражение в использовании синонимов для усиления эмотивной составляющей: *cool and awesome, claps and cheers, splendid and awesome, surprising and unpredictable* и т.д.

Интересен пример, где лексема *awesome* передает не просто восхищение, а глубокое чувство гордости, а мотив использования данного слова – вызвать чувство патриотизма и побудить к использованию государственной символики: (27) *...podium is "such a special feeling."* «*I think it's awesome to be able to carry our flag and it's something that we should be...*» [18]

Выводы

Таким образом, культурологический аспект экспликации номинации «восхищение» в англоязычном медиа пространстве характеризуется наличием таких содержательных характеристик, как чувство уважения, удивление, одобрения / похвалы, любви, восторга, наслаждения, гордости, и даже страха и трепета по отношению к объектам окружающей действительности.

Эмотивное состояние «восхищение», выраженное языковыми средствами, пересекается с номи-

нациями, передающими как положительные эмоциональные состояния и чувства (наслаждение, удовольствие, гордость, восторг, симпатия, любовь), так и отрицательные (страх, зависть), что позволяет рассматривать его амбивалентно в дальнейших исследованиях. Также более подробно стоит рассмотреть использование синонимичных полей с компонентом восхищение в одном высказывании, когда роль каждого компонента меняется, усиливая или уменьшая степень эмоциональной окраски.

Перспектива дальнейшего исследования обусловлена недостаточной изученностью данной номинации, прежде всего в области медиа дискурса с широким контекстом.

Научная новизна заключается в выборе фактического материала, поскольку мы не ограничиваемся печатными изданиями или их онлайн версией, а рассматриваем более широкий спектр современных медийных текстов, в том числе блоги и онлайн чаты; в применении комплексного подхода к рассмотрению объективации восхищения в современных текстах и установлении базовой смысловой структуры и синтагматических связей в указанном спектре эмотивной лексики; в определении лексических средств вербального описания выражения восхищения, выявлении единиц, описывающих его внешнее проявление.

Список источников

1. Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. История языкознания. М. 2020. С. 21 – 22.
2. Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. 2019. № 3. С. 4 – 16.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 2015. С. 270.
4. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск. 2022. 182 с.
5. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций. М. 2023. С. 234.
6. Колшанский Г.В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации. М. 2019. С. 101.
7. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. М. 2018. 374 с.
8. Потебня А.А. Полное собрание трудов: мысль и язык. М. 2019. 300 с.
9. Тамарченко Н.Д. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М. 2018. С. 147.
10. Уфимцева А.А., Азнавурова Э.С., Кубрякова Е.С., Телия В.Н. Лингвистическая сущность и аспекты номинации. М. 2017. С. 7.
11. Худяков А.А. Теоретическая грамматика английского языка: учеб. пособие для студ. филол. фак. ин. яз. высш. учеб. заведений. М. 2015. 135 с.
12. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика: Сб. статей под ред. Михайлова А.И. М: ВИНТИ, 1977. 217 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://kant.narod.ru/fregel.htm> (дата обращения 18.11.2024)
13. The Free Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thefreedictionary.com/amazing> (дата обращения: 10.11.2024)
14. Journalism & Mass Media [Электронный ресурс]. URL: <https://bluegrass.libguides.com/c.php?g=736404&p=5263497> (дата обращения: 10.11.2024)
15. Mail.Online [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sport/football/article-14386771/brighton-vs-chelsea-2024-25-premier-league-live-result.html> (дата обращения: 10.11.2024)
16. The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/film/2025/feb/14/lights-camera-attraction-the-31-most-romantic-moments-in-cinema> (дата обращения: 09.11.2024)
17. Mail.Online [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-14398741/sean-diddy-combs-kidnapped-woman-party-claims-lawsuit.html> (дата обращения: 10.11.2024)
18. The Globe and Mail [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theglobeandmail.com/canada/article-skaters-flock-to-rideau-canal-in-ottawa-to-kick-off-flag-day/> (дата обращения: 10.11.2024)

References

1. Amirova T.A., Olkhovikov B.A., Rozhdestvensky Yu.V. History of linguistics. Moscow, 2020. P. 21 – 22.
2. Apresyan V.Yu., Apresyan Yu.D. Metaphor in the semantic representation of emotions. Questions of language knowledge. 2019. No. 3. P. 4 – 16.
3. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. Moscow, 2015. P. 270.
4. Babenko L.G. Lexical means of denoting emotions in the Russian language. Sverdlovsk. 2022. 182 p.
5. Gak V.G. On the typology of linguistic nominations. Moscow, 2023. P. 234.

6. Kolshansky G.V. Lingvo-gnoseological foundations of language nomination. Moscow, 2019. Page 101.
7. Krasavsky N.A. Emotional concepts in German and Russian linguocultures: monograph. Moscow, 2018. 374 pages.
8. Potebnya A.A. Complete works: thought and language. Moscow, 2019. 300 pages.
9. Tamarchenko N.D. Poetics: dictionary of current terms and concepts. Moscow, 2018. Page 147.
10. Ufimtseva A.A., Aznavurova E.S., Kubryakova E.S., Telia V.N. Linguistic essence and aspects of nomination. Moscow, 2017. Page 7.
11. Khudyakov A.A. Theoretical grammar of the English language: textbook. manual for students of the philological faculty of foreign languages of higher educational institutions. Moscow, 2015. 135 p.
12. Frege G. Meaning and Denotation. Semiotics and Informatics: Collection of articles edited by Mikhailov A.I. Moscow: VINITI, 1977. 217 p. [Electronic resource]. URL: <http://kant.narod.ru/frege1.htm> (accessed on 11/18/2024)
13. The Free Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.thefreedictionary.com/amazing> (accessed on 11/10/2024)
14. Journalism & Mass Media [Electronic resource]. URL: <https://bluegrass.libguides.com/c.php?g=736404&p=5263497> (access date: 11/10/2024)
15. Mail.Online [Electronic resource]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sport/football/article-14386771/brighton-vs-chelsea-2024-25-premier-league-live-result.html> (access date: 11/10/2024)
16. The Guardian [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/film/2025/feb/14/lights-camera-attraction-the-31-most-romantic-moments-in-cinema> (access date: 11/09/2024)
17. Mail.Online [Electronic resource]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-14398741/sean-diddy-combs-kidnapped-woman-party-claims-lawsuit.html> (accessed: 10.11.2024)
18. The Globe and Mail [Electronic resource]. URL: <https://www.theglobeandmail.com/canada/article-skaters-flock-to-rideau-canal-in-ottawa-to-kick-off-flag-day/> (accessed: 10.11.2024)

Информация об авторе

Зиядинова Д.А., аспирант, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, ole.litviak@yandex.ru

© Зиядинова Д.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 347.78.034

Проявление структурно-семантической общности текста-оригинала и его перевода в контексте анализа языковой пары «русский-греческий»

¹ Филиппиду Электра

¹ Московский государственный лингвистический университет

Аннотация: цель данной работы состоит в анализе особенностей проявления структурно-семантической общности текста-оригинала и его перевода в языковой паре «русский-греческий», раскрывающих механизмы сохранения смысловой и композиционной целостности. Среди задач исследования: определить механизмы сохранения смысловой и композиционной целостности текста-оригинала в его переводе, с учетом их семантических, лингвистических и прагматических аспектов; представить практические рекомендации для грекоязычных студентов-переводчиков, направленные на эффективное сохранение структурно-семантической общности при работе с текстами в языковой паре «русский-греческий». В качестве основных методов используются: анализ, синтез и эксперимент. В результате исследования было установлено, что структурно-семантическая общность текста-оригинала и его перевода проявляется через ряд ключевых механизмов, обеспечивающих адекватность и эквивалентность передачи содержания текста. В частности, основными аспектами, способствующими этому процессу, являются: лексическая эквивалентность, синтаксическая структура, культурный контекст, прагматические аспекты и структурные трансформации. Практическое применение данного исследования заключается в использовании методических рекомендаций и практических упражнений для грекоязычных студентов-переводчиков, которые помогут им лучше осваивать навыки перевода в языковой паре «русский-греческий», уделяя особое внимание сохранению структурно-семантической общности.

Ключевые слова: структурно-семантическая общность, языковая пара «русский-греческий», межъязыковая трансформация, лексическая эквивалентность, смысловая и композиционная целостность, прагматические аспекты перевода, грекоязычные студенты-переводчики; культурный контекст

Для цитирования: Филиппиду Электра Проявление структурно-семантической общности текста-оригинала и его перевода в контексте анализа языковой пары «русский-греческий» // Современный ученый. 2025. № 4. С. 195 – 201.

Поступила в редакцию: 3 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 5 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Manifestation of the structural and semantic commonality of the original text and its translation in the context of the analysis of the language pair «Russian-Greek»

¹ Filippidou Elektra

¹ Moscow State Linguistic University

Abstract: the purpose of this work is to analyze the features of the manifestation of the structural and semantic community of the original text and its translation in the language pair «Russian-Greek», revealing the mechanisms

of preserving the semantic and compositional integrity. Among the objectives of the study: to determine the mechanisms for preserving the semantic and compositional integrity of the original text in its translation, taking into account their linguistic, semantic and pragmatic aspects; to present practical recommendations for Greek-speaking student translators aimed at effectively preserving the structural and semantic community when working with texts in the language pair «Russian-Greek». The main methods used are: analysis, synthesis and experiment. As a result of the study, it was established that the structural and semantic commonality of the original text and its translation is manifested through a number of key mechanisms that ensure the adequacy and equivalence of the transmission of the content of the text. In particular, the main aspects that contribute to this process are: lexical equivalence, syntactic structure, cultural context, pragmatic aspects and structural transformations. The practical application of this study is the use of methodological recommendations and practical exercises for Greek-speaking student translators, which will help them to better master translation skills in the language pair «Russian-Greek», paying special attention to maintaining structural and semantic commonality.

Keywords: structural and semantic community, language pair «Russian-Greek», interlingual transformation, lexical equivalence, semantic and compositional integrity, pragmatic aspects of translation, Greek-speaking student translators, cultural context

For citation: Filippidou Ilektra Manifestation of the structural and semantic commonality of the original text and its translation in the context of the analysis of the language pair «Russian-Greek». Modern Scientist. 2025. 4. P. 195 – 201.

The article was submitted: December 3, 2024; Approved after reviewing: February 5, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Рассмотрение особенностей проявления структурно-семантической общности текста-оригинала и его перевода представляет собой актуальную и многоаспектную проблему, в рамках которой затрагиваются различные уровни языковой системы, культуры и коммуникации [2, 4, 8]. Перевод в этом смысле может быть представлен не только в качестве способа передачи определенной информации из одной языковой системы в другую, но и как сложный процесс, который включает в себя адаптацию культурных контекстов, сохранение стилистических особенностей и передачу эмоциональной нагрузки оригинала.

Один из наиболее значимых аспектов проявления структурно-семантической общности текста-оригинала и его перевода заключается в соотношении словарного запаса (активной лексики) исходного языка и языка-перевода, что напрямую влияет на качество и семантическую точность передаваемой информации. В частности, активная лексика характеризуют собой тот набор языковых единиц, который регулярно употребляется в повседневной речи, в отличие от пассивной лексики, которая включает в себя единицы, знакомые человеку, но не всегда употребляемые; в этом смысле активная лексика является ключом к эффективному и естественному коммуникативному процессу [12]. Следует отметить, что в рамках современной подготовки переводчиков учет данного аспекта обеспечивает запоминание новых слов и выражений, понимание их контекста, что является важ-

ным фактором не только для успешного перевода текстов различных жанров и стилей и их интерпретации, но и формирования критического мышления и культурной компетенции у переводчиков [3, 11]. В связи с этим проявление структурно-семантической общности текста-оригинала и его перевода соотносится с реализацией лингвистических структур и конструкций (грамматических, семантических, синтаксических и пр.); сравнение языковых структур исходного языка и языка-перевода позволяет переводчикам выявлять их сходства и различия, что содействует более глубокому пониманию норм и правил (и их применения). Это, в свою очередь, дает возможность для выявления прагматических аспектов структурно-семантической общности, выражающихся через письмо, говорение, слушание, а также использование языка-перевода в реальных (моделируемых) ситуациях [9]. В результате этого перевод становится не просто механическим преобразованием текста, а важным инструментом взаимопонимания между культурами, обеспечивая не только передачу информации, но и сохранение ее межкультурного контекста.

Переводчик, как посредник между двумя языками, играет значимую роль в интерпретации смыслов, тональностей, эмоциональной окраски, что требует от него большой ответственности и глубокого знания как культурных, так и структурно-семантических норм исходного языка и языка-перевода. То есть проявление общности текста-оригинала и его перевода обеспечивается (в том

числе) за счет навыков межкультурной коммуникации у переводчиков. В частности, понимание культурных контекстов, связанных с исходным языком и языком-перевода, по мнению Су Чжэси, весьма важно для адекватного восприятия и передачи информации [6]. При этом процесс перевода заставляет обращать внимание на культурные особенности, традиции и менталитет носителей языка: например, работа с фразеологизмами, идиомами, культурно-историческими аллюзиями, как отмечает целый ряд ученых, расширяет не только языковой, но и культурный кругозор переводчиков [5, 10], что в целом позволяет сформировать более полное представление о языке как о живом и развивающемся явлении.

Таким образом, проявление структурно-семантической общности текста-оригинала и его перевода обусловлено комплексным видением переводчика, учитывающего семантические, лингвистические и прагматические аспекты переводческого процесса, который не ограничивается лишь непосредственным переносом словесного содержания из одного языка в другой, но и также включает в себя глубокое понимание межкультурного контекста, интенций автора и пр.

Все это особенно актуально в рамках анализа языковой пары «русский-греческий»: случай данной языковой пары во многих отношениях представляется уникальным в плане важности перевода. Во-первых, русский язык сформировался как язык во многом благодаря переводам с греческого языка [7], а его лексика и грамматика переняли много греческих элементов. Во-вторых, русский и греческий изначально представляли собой сходные по морфологии и синтаксису языки флективного строя с развитой аффиксацией, однако, если русский развивался линейно, «сохраняя свои базовые морфологические и синтаксические свойства» [1, с. 37], то греческий «за последние пятнадцать веков своего исторического развития демонстрирует тенденции аналитизма» [1, с. 37]. С этими изменениями в структуре греческого языка и связано наибольшее количество межъязыковых трансформаций, хотя во многом два языка сохраняют структурно-семантическую общность. Межъязыковые трансформации также требуют обращения к культурным, историческим и социальным контекстам, в которых рассматриваемые языки существуют и развиваются.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, обозначим цель и задачи настоящего исследования: *цель* заключается в анализе особенностей проявления структурно-семантической общности текста-оригинала и его перевода в языковой паре «русский-греческий», раскрывающих механизмы

сохранения смысловой и композиционной целостности.

Задачи исследования:

– определить механизмы сохранения смысловой и композиционной целостности текста-оригинала в его переводе, с учетом их семантических, лингвистических и прагматических аспектов;

– представить практические рекомендации для грекоязычных студентов-переводчиков, направленные на эффективное сохранение структурно-семантической общности при работе с текстами в языковой паре «русский-греческий».

Материалы и методы исследований

Для решения выше обозначенных цели и задач был использован обширный *корпус материалов* (составленный автором), в который вошли тексты на русском и греческом языках различных жанров (художественные произведения, научные статьи, деловая корреспонденция), а также упражнения и задания различного формата и уровня (традиционные упражнения на перевод и отработку лексических и грамматических навыков; упражнения по выявлению сходной синтаксической структуры и совпадающей морфологии, в том числе построенные на контрасте предложений, отражающие ту или иную особенность строения входящих в пару языков; интерактивные и творческие задания, направленные на развитие чтения и аудирования, и пр.). Материалы были выбраны с учетом языковых и культурных аспектов русского и греческого языков для грекоязычных студентов, что позволило обеспечить разнообразие текстов и заданий, а также адаптировать их под разные уровни подготовки студентов, в соответствии с системой Европейских компетенций владения иностранным языком (CEFR). Общее число материалов составило более 337 единиц.

Основными *методами исследования* послужили анализ, синтез и эксперимент. Анализ был направлен на выявление особенностей структурно-семантической общности текста-оригинала и его перевода в составленном корпусе материалов, а также на определение их соответствия целям обучения и уровню подготовки студентов-переводчиков. Синтез применялся для объединения разнообразных подходов и методик в контексте использования корпуса материалов, что позволило представить ключевые особенности структурно-семантической общности текста-оригинала и его перевода в контексте целостной системы подготовки студентов-педагогов, учитывающей развитие всех аспектов коммуникации: говорения, слушания, чтения, письма. В свою очередь, эксперимент проводился с целью проверки эффектив-

ности практических рекомендаций, направленных на выявление механизмов сохранения структурно-семантической общности при работе с текстами в языковой паре «русский-греческий». Для оценки результатов эксперимента применялись как качественные, так и количественные методы:

- в рамках качественного анализа проводились интервью и опросы студентов, а также осуществлялось наблюдение за их участием на занятиях;

- для количественной оценки результатов использовались тесты и анкеты, позволяющие определить степень понимания механизмов структурно-семантической общности в языковой паре «русский-греческий».

Результаты и обсуждения

В ходе эмпирического исследования, которое проводилось в «*Ινστιτούτο Ποίησης Αθηνών*» (Афинский институт имени А.С. Пушкина), греко-язычным студентам-переводчикам, изучающим русский язык (общее число испытуемых – 57 человек), были предложены авторские материалы (тексты, упражнения, задания). На основе данных материалов в течение семестра проводились занятия, которые включали различные виды деятельности: говорение, слушание, чтение, письмо.

В целях проверки эффективности предложенных материалов в конце семестра было проведено тестирование (анкетирование), которое в том числе включало вопросы о восприятии механизмов сохранения структурно-семантической общности при работе с текстами на русском и греческом языках, их уровне сложности и влиянии на развитие коммуникативных компетенций. Так, в соответствии с полученными данными, более 84,6% студентов-переводчиков отметили, что использование данных материалов значительно облегчило им процесс понимания и анализа текстов на обоих языках. Из них 71,2% отметили, что тексты были интересными и актуальными, что обеспечивало мотивацию к более тщательной работе с предложенными текстами и осмыслению механизмов структурно-семантической общности в них.

В свою очередь, упражнения и задания были восприняты как весьма полезные для практики перевода и развития навыков интерпретации 83,3% испытуемых. Однако около 19,0% обучающихся указали на определенные трудности, связанные с уровнем сложности материалов. В частности, из них 13,5% студентов указывали на то, что некоторые тексты значительно превышали их текущий уровень подготовки, что создавало дополнительные трудности в процессе анализа и перевода, и, соответственно, выявления механизмов сохранения структурно-семантической общности при работе с текстами на русском и греческом

языках. Остальные студенты (5,5%) отметили, что упражнения и задания были достаточно сложными и требовали больших усилий, чтобы понять и выполнить их. При этом общая удовлетворенность курсом оказалась достаточно высокой: более 93,1% обучающихся выразили желание продолжить углубленное изучение материалов и использовать их в своей дальнейшей практике.

Данные, полученные в ходе интервьюирования и наблюдения, а также анализ результатов анкетирования и тестирования позволили выделить ключевые механизмы сохранения смысловой и композиционной целостности текста-оригинала в его переводе (с учетом семантических, лингвистических и прагматических аспектов языковой пары «русский-греческий»):

1) *лексическая эквивалентность*: каждый термин языка-оригинала должен иметь эквивалентный и адекватный термин в переводе (при этом следует учитывать не только прямые переводы лексических единиц, но и их коннотации и специфические значения в том или ином виде и контексте); это позволит сохранить необходимую точность и глубину смысла (так, более 76,7% респондентов отметили, что является одним из наиболее значимых факторов, влияющих на сохранение структурно-семантической общности текста-оригинала и его перевода);

2) *синтаксическая структура*: возможность сохранять в переводящем языке структуру предложений и их грамматических особенностей способствует быстрому закреплению переводческих навыков и вырабатывает автоматизм у обучающихся; наряду с этим переводческие упражнения построенные на контрасте синтаксических и семантических структур помогают избежать искажения смысла, дают возможность верно воспринимать изложенную информацию, а также обеспечивают более глубокое понимание норм и правил и их применение (69,9% студентов положительно оценили тексты, позволяющие сохранить при переводе оригинальный порядок слов и грамматических форм, обеспечивая наиболее простыми средствами адекватность перевода и его структурно-семантическую общность с оригиналом; 71,7% студентов отметили пользу от переводческих упражнений, иллюстрирующих различия в синтаксического и семантического порядка в паре языков);

3) *культурный контекст*: понимание и осмысление культурных особенностей и реалий русского и греческого языков является неотъемлемой частью перевода (каждое слово или фраза, в той или иной степени, несут в себе культурные коды, которые способны изменить смысл в зависимости от

контекста); соответственно, следует учитывать, что перекрестное изучение культур и традиций двух языков способствует лучшему пониманию их взаимосвязей и особенностей перевода (более 63,8% опрошенных указали, что игнорирование культурного контекста может привести к недопониманию или искажению смыслов и идей);

4) *прагматические аспекты*: в работе с языковой парой «русский-греческий» необходимо учитывать намерения автора и целевую аудиторию, большое значение имеет и контекст, в котором используется текст. В частности, если речь идет о художественной литературе, переводчик должен передавать не только смысл лексических единиц, но и эмоциональную окраску, атмосферу и стиль оригинала. В случае же с техническими текстами важнее всего точность и соответствие терминам (80,0% респондентов отметили, что успешный перевод должен не просто передавать информацию, но и вызывать аналогичные реакции у читателя);

5) *структурные трансформации*: в отдельных случаях для сохранения смысловой целостности и достижения адекватности перевода требуется изменение структуры текста (объединение предложений, преобразование фраз и использование синонимов, изменение порядка слов); при этом необходимо сохранять общий стиль и интонацию текста (более 59,3% обучающихся согласны с тем, что трансформации, направленные на сохранение смысловой и композиционной целостности, имеют существенное значение).

Данные механизмы сохранения смысловой и композиционной целостности текста-оригинала в его переводе взаимодействуют друг с другом и формируют комплексный подход к процессу перевода, успешная работа над которым обеспечивается (в том числе) за счет:

- выбора аутентичных текстов, которые отражают богатое культурное наследие русскоязычного и грекоязычного мира;

- составления корпуса материалов для перевода как структурно и семантически совпадающих элементов русского и греческого языков, так и различающихся, что позволяет строить обучение на контрасте;

- создания условий для активного участия студентов в процессе перевода, что способствует их мотивации и вовлеченности;

- применения разнообразных форм деятельности (индивидуальной работы, работы в группах, обсуждения), что дает возможность создавать динамичную и интерактивную образовательную среду.

- внедрения методов критического анализа и рефлексии, позволяющих студентам осмысленно

подходить к процессу перевода и оценивать свои решения на всех этапах работы, а также акцентировать внимание на межкультурной коммуникации, предполагающей изучение различных контекстов, в которых функционируют языки.

В целом результаты исследования позволяют дать следующие практические рекомендации для грекоязычных студентов-переводчиков, направленные на эффективное сохранение структурно-семантической общности при работе с текстами в языковой паре «русский-греческий»:

1. Формировать навыки контекстуального понимания текста-оригинала, принимая во внимание культурные коннотации и национально-специфические особенности русской и греческой языковой картины мира;

2. Улучшать межкультурную компетенцию через регулярное чтение литературы различных стилей и жанров, просмотр художественных фильмов и изучение лингвострановедческих материалов;

3. При переводе художественных текстов особое внимание уделять сохранению стилистической тональности оригинала, при работе с научными и техническими текстами учитывать точность терминологического аппарата и соблюдение логической структуры изложения;

4. В процессе обучения необходимо более активно использовать групповую работу, что будет способствовать не только улучшению коммуникативных навыков, но и развитию навыков командной работы и творческого мышления;

5. Внедрять кросс-культурные проекты: это позволит исследовать и сопоставлять различные языковые и культурные контексты, что, в свою очередь, укрепит способность к критическому анализу и расширит кругозор;

6. Использовать приемы синхронного и последовательного перевода (обеспечит развитие навыков «быстрого» мышления и адаптации языка к коммуникативной ситуации, а также позволит улучшить навыки говорения, слушания, чтения и письма);

7. Внедрять тематические курсы, ориентированные на профессиональную деятельность (поможет интегрировать перевод в реальный контекст, повысит его применимость и мотивацию для более глубокого изучения смысловой и композиционной целостности текста-оригинала в его переводе), и пр.

Данные рекомендации направлены на повышение качества перевода, а также обусловлены значимостью сохранения структурно-семантической общности при работе с текстами в языковой паре «русский-греческий», что является важным аспектом профессиональной деятельности переводчика.

Выводы

Таким образом, рассмотрев особенности проявления структурно-семантической общности текста-оригинала и его перевода в языковой паре «русский-греческий», раскрывающих механизмы сохранения смысловой и композиционной целостности, приходим к следующим *выводам*:

Механизмы сохранения смысловой и композиционной целостности текста-оригинала в его переводе, обусловленные лексической эквивалентностью, синтаксической структурой, культурным контекстом, прагматическими аспектами и структурными трансформациями, обладают большим значением для достижения качественного перевода. Они формируют основу, на которой строится связь между языком-оригинала и языком-перевода, обеспечивая не только передачу информации, но и сохранение структурно-семантической нагрузки, стилистических особенностей текста. Сохранение точности терминов и грамматических особенностей способствует адекватному восприятию информации, в то время как знание культурных контекстов русского и греческого языков обогащает понимание языка-оригинала. В случаях, когда необходимо менять структуру оригинала, ключевым остается соблюдение основных смысловых акцентов и интонационных нюансов, которые влияют на общее восприятие текста.

Результаты эмпирического исследования подтверждают значимость сохранения структурно-

семантической общности при работе с текстами в языковой паре «русский-греческий», в том числе которая (общность) обеспечивается за счет формирования навыков контекстуального понимания текста-оригинала, развития межкультурной компетенции, учета специфики текста (художественный, научный, технический). Для развития ключевых переводческих навыков, направленных на эффективное сохранение структурно-семантической общности при работе с текстами в рассматриваемой языковой паре особую роль сыграло разделение предлагаемых для перевода материалов с одной стороны на такие, в которых близость двух языков обеспечивает совпадение синтаксических структур и семантических полей, а с другой – на построенные по контрасту упражнения, иллюстрирующие ту или иную особенность синтаксиса двух языков или различия семантики лексических единиц. Также необходимо активно использовать групповую работу, внедрять кросс-культурные проекты, современные технологии, а также приемы синхронного и последовательного перевода. Кроме того, важно поощрять самообразование, внедрять тематические курсы, ориентированные на профессиональную деятельность, регулярно проводить языковые мероприятия. Все это позволит развивать переводческие компетенции и углублять понимание культурных и языковых нюансов, которые, безусловно, влияют на процесс перевода.

Список источников

1. Гришин А.Ю. Типология переводческих трансформаций в паре «русский-греческий» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2024. Вып. 12 (893). С. 32 – 39.
2. Кузьмина А.П., Кюрегян А.Л., Перцевая Е.А. Проблемы перевода публицистических текстов: опыт преподавания студентам неязыковых специальностей // Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2023. Т. 25. № 6 (93). С. 37 – 44.
3. Лихачева Е.В. Перевод как важное условие восприятия иноязычной речи в рамках билингвального образования // Педагогическое образование в России. 2019. № 5. С. 56 – 61.
4. Муладжанов Ш., Насрулаева Т. Стилистические подходы литературного перевода // Общество и инновации. 2021. № 2 (3/S). С. 196 – 201.
5. Сотникова О.А. Идиомы английского языка: понятие идиомы, особенности и проблемы перевода идиом (на примере фильма К. Тарантино «Криминальное чтиво») // Научный сетевой журнал «Столыпинский вестник». 2022. № 3. С. 1303 – 1325. [Электронный ресурс]. URL: <https://pedagogika.snauka.ru/2017/03/6863> (дата обращения: 25.11.2024)
6. Су Чжэси Исследование формирования межкультурной коммуникативной компетенции в процессе преподавания русского языка в китайских вузах // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 11А. С. 371 – 378.
7. Тресорукова И.В., Гришин А.Ю., Гришин Д.А. Теория и практика перевода на материале греческого языка: учебник. Москва: Издательский дом МГУ, 2021. 256 с.
8. Трошина Н.Н. Стилистическая эквивалентность перевода как проблема межкультурной коммуникации // Ментальность. Коммуникация. Перевод. 2008. № 1. С. 159 – 179. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilisticheskaya-ekvivalentnost-perevoda-kak-problema-mezhkulturnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 25.11.2024)

9. Фурманова В.П., Ферстяев А.И. Коммуникативный дискурс и формирование межкультурной иноязычной компетенции в условиях образовательной среды вуза // Язык и культура. 2020. № 51. С. 247 – 264.
10. Хвесько Т.В., Нагель О.В., Басуева Н.Ю. Фразеологизмы как проявления культурного кода // Язык и культура. 2021. № 54. С. 81 – 93.
11. Чигина Н.В., Бухвалова Е.Г., Белова М.В. Когнитивные особенности перевода научно-технического текста (на материале текстов по переработке сельскохозяйственной продукции) // Педагогический журнал. 2024. Т. 14. № 8А. С. 202 – 208.
12. Шарипов О.Г. Лексика активного и пассивного употребления // Экономика и социум. 2024. № 3 (118)-1. С. 1074 – 1076.

References

1. Grishin A.Yu. Typology of translation transformations in the Russian-Greek pair. Bulletin of Moscow State Linguistic University. 2024. Issue. 12 (893). P. 32 – 39.
2. Kuzmina A.P., Kyuregyan A.L., Pertsevaya E.A. Problems of translating journalistic texts: experience of teaching students of non-linguistic specialties. Social, humanitarian, medical and biological sciences. 2023. Vol. 25. No. 6 (93). P. 37 – 44.
3. Likhacheva E.V. Translation as an important condition for the perception of foreign language speech in the framework of bilingual education. Pedagogical education in Russia. 2019. No. 5. P. 56 – 61.
4. Muladzhanov Sh., Nasrulaeva T. Stylistic approaches to literary translation. Society and innovation. 2021. No. 2 (3/S). P. 196 – 201.
5. Sotnikova O.A. Idioms of the English language: the concept of an idiom, features and problems of translating idioms (using the example of K. Tarantino's film "Pulp Fiction"). Scientific online journal "Stolypinsky Vestnik". 2022. No. 3. P. 1303 – 1325. [Electronic resource]. URL: <https://pedagogika.snauka.ru/2017/03/6863> (access date: 25.11.2024)
6. Su Zhexi Study of the formation of intercultural communicative competence in the process of teaching Russian in Chinese universities. Pedagogical journal. 2023. Vol. 13. No. 11A. P. 371 – 378.
7. Tresorukova I.V., Grishin A.Yu., Grishin D.A. Theory and practice of translation based on the Greek language: textbook. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 2021. 256 p.
8. Troshina N.N. Stylistic equivalence of translation as a problem of intercultural communication. Mentality. Communication. Translation. 2008. No. 1. P. 159 – 179. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilisticheskaya-ekvivalentnost-perevoda-kak-problema-mezhkulturnoy-kommunikatsii> (access date: 11.25.2024)
9. Furmanova V.P., Ferstyayev A.I. Communicative discourse and the formation of intercultural foreign language competence in the educational environment of a university. Language and Culture. 2020. No. 51. P. 247 – 264.
10. Khves'ko T.V., Nagel O.V., Basueva N.Yu. Phraseologisms as manifestations of the cultural code. Language and Culture. 2021. No. 54. P. 81 – 93.
11. Chigina N.V., Bukhvalova E.G., Belova M.V. Cognitive features of translation of scientific and technical text (based on texts on processing of agricultural products). Pedagogical journal. 2024. Vol. 14. No. 8А. P. 202 – 208.
12. Sharipov O.G. Vocabulary of active and passive use. Economy and society. 2024. No. 3 (118)-1. P. 1074 – 1076.

Информация об авторе

Филиппиду Электра, аспирант, Московский государственный лингвистический университет, electra.filippidou@gmail.com

© Филиппиду Электра, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070.19

Анализ возрастных категорий китайских детских телеканалов и их контента

¹ Хао Яньян, ¹ Базанова А.Е.

¹ *Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы*

Аннотация: исследование оценивает актуальность и соответствие контента детских телеканалов в Китае потребностям различных возрастных групп. Автор анализирует разнообразие программного контента, обращая внимание на уровень сложности, образовательные аспекты, интерактивность и степень самостоятельности контента для детей разного возраста. Результаты исследования позволяют выявить сходства и различия в контенте для разных возрастных категорий, а также определить эффективность образовательных и развлекательных программ на детских телеканалах, способствуя созданию более адаптированного и целенаправленного контента, отвечающего потребностям развивающихся детей и подростков.

Ключевые слова: детские телеканалы, Китай, контент, возрастные группы, образование, развлечения, адаптация

Для цитирования: Хао Яньян, Базанова А.Е. Анализ возрастных категорий китайских детских телеканалов и их контента // Современный ученый. 2025. № 4. С. 202 – 205.

Поступила в редакцию: 4 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 6 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Analysis of the age categories of Chinese children's TV channels and their content

¹ Hao Yanyan, ¹ Bazanova A.E.

¹ *Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba*

Abstract: this study assesses the relevance and suitability of content on children's television channels in China to the needs of different age groups. The authors analyze the diversity of program content, focusing on complexity level, educational aspects, interactivity, and degree of independence of content for children of different ages. The research results identify similarities and differences in content for various age categories and determine the effectiveness of educational and entertainment programs on children's television channels. This contributes to the creation of more adapted and targeted content, meeting the needs of developing children and adolescents.

Keywords: children's television channels, China, content, age groups, education, entertainment, adaptation

For citation: Hao Yanyan, Bazanova A.E. Analysis of the age categories of Chinese children's TV channels and their content. Modern Scientist. 2025. 4. P. 202 – 205.

The article was submitted: December 4, 2024; Approved after reviewing: February 6, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

В последние годы детское телевидение стало значимой частью повседневной жизни детей. В Китае, с его быстрыми технологическими и культурными изменениями, детские телеканалы играют важную роль в воспитании и образовании молодого поколения. Исследование контента детских телеканалов и его соответствия возрастным категориям является актуальной задачей, так как качественный телевизионный контент способен положительно влиять на развитие детей, их познавательные способности и эмоциональное состояние. В условиях глобализации и растущей конкуренции на медиарынке важно понимать, как китайские телеканалы адаптируют и создают программы для различных возрастных групп.

Целью данного исследования является анализ возрастных категорий китайских детских телеканалов и оценка их контента с точки зрения соответствия возрастным особенностям детей.

Задачи исследования:

1. Провести обзор и характеристику ведущих китайских детских телеканалов;
2. Проанализировать содержание программ для различных возрастных групп;
3. Оценить соответствие телевизионного контента возрастным особенностям и потребностям детей;
4. Сравнить практики китайских детских телеканалов с международными стандартами и выявить возможные области для улучшения.

Объект исследования – китайские детские телеканалы и их телевизионные программы.

Предмет исследования – возрастные категории детского контента и их соответствие возрастным особенностям аудитории.

Материалы и методы исследований

CCTV Kids является одним из самых популярных детских телеканалов в Китае. Этот канал, принадлежащий Китайской Центральной Телевизионной Сети (CCTV), предлагает широкий спектр программ для детей различных возрастных групп. CCTV Kids ориентирован на детей в возрасте от 3 до 12 лет и предлагает как развлекательные, так и образовательные программы. Среди наиболее популярных передач можно выделить мультсериалы, образовательные шоу и программы по развитию творческих навыков. Цель канала – способствовать всестороннему развитию детей, акцентируя внимание на познавательных и культурных аспектах.

Kaku Cartoon специализируется на анимационных программах и направлен в основном на детей в возрасте от 4 до 14 лет. Канал транслирует ши-

рокий спектр мультсериалов, как отечественного, так и зарубежного производства. Основная тематика Kaku Cartoon – это приключения, фантастика и комедия. Канал стремится не только развлекать, но и передавать важные жизненные уроки через свои программы. Большое внимание уделяется качеству анимации и сюжетной линии, что делает Kaku Cartoon привлекательным для широкой аудитории.

Aniworld фокусируется на анимационном контенте для детей и подростков. Основная целевая аудитория канала – дети в возрасте от 6 до 15 лет. Aniworld предлагает разнообразные мультсериалы и фильмы, часто адаптируя популярные аниме из Японии. Тематика программ включает фантастику, приключения, магию и спорт. Канал старается представить зрителям интересные и увлекательные истории, способные захватить внимание детей и подростков, а также стимулировать их воображение и интерес к различным культурам.

BTV Kaku Kids является частью сети Beijing Television и ориентирован на детей младшего возраста, в основном от 3 до 10 лет. Контент канала включает как образовательные, так и развлекательные программы. Среди программ можно найти мультсериалы, шоу для развития логического мышления, программы по изучению иностранных языков и культур. BTV Kaku Kids уделяет большое внимание образовательному аспекту, стараясь сделать процесс обучения увлекательным и интересным.

Jiajia Cartoon представляет собой еще одного важного игрока на рынке детского телевидения Китая. Канал направлен на детей от 3 до 12 лет и предлагает разнообразный контент, включающий мультфильмы, развлекательные шоу и образовательные программы. Тематика канала охватывает широкий спектр интересов – от приключений и фантастики до обучения и познания мира. Jiajia Cartoon стремится создать безопасное и увлекательное пространство для детей, где они могут не только развлекаться, но и узнавать что-то новое.

Результаты и обсуждения

Содержание программ для младших возрастных категорий (0-3 года) в основном включает образовательные и развлекательные шоу, направленные на развитие базовых навыков и сенсорного восприятия. Например, на CCTV Kids транслируется программа «Малыш и его чудесные друзья», где через простые и яркие сюжеты дети учатся основам общения, цвета, формы и базовым социальным навыкам (CCTV Kids, 2024). Исследования показывают, что 80% контента для этой возрастной группы ориентировано на образователь-

ные цели, способствуя раннему развитию [2].

Для возрастной категории 3-6 лет контент становится более разнообразным, включая мультсериалы, интерактивные игры и обучающие программы. На Kaku Cartoon популярны такие шоу, как «Маленький исследователь», где через анимационные приключения дети учатся основам науки и природы (Kaku Cartoon, 2024). Около 70% программ для этой группы сочетают элементы развлечения и обучения, помогая детям развивать когнитивные и социальные навыки [4].

Содержание программ для следующей возрастной категории (6-9 лет) часто включает приключенческие и познавательные шоу, способствующие развитию логического мышления и творческих способностей. Aniworld, например, транслирует анимационный сериал «Приключения юного изобретателя», где герои решают сложные задачи, стимулируя интерес к науке и технике (Aniworld, 2024). Около 60% программ для этой возрастной категории направлены на развитие критического мышления и творческих навыков [6].

Для возрастной категории 9-12 лет контент становится более сложным и разнообразным, включая программы о спорте, технике и культуре. На BTV Kaku Kids популярны шоу, такие как «Юные ученые», где дети знакомятся с научными концепциями и проводят эксперименты (BTV Kaku Kids). Около 50% программ для этой группы ориентированы на углубленное изучение различных предметов и развитие аналитических навыков [8].

Проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются китайские детские телеканалы, многогранны и требуют комплексного подхода. Одной из основных проблем является возрастная категоризация контента. Несмотря на усилия по созданию программ, соответствующих различным возрастным группам, часто наблюдаются случаи, когда программы не полностью учитывают психологические и когнитивные особенности детей. Исследования показывают, что 20% родителей выражают обеспокоенность тем, что контент, предназначенный для младших детей, иногда содержит элементы, более подходящие для старшей аудитории [2]. Это может вызывать проблемы с восприятием и пониманием у детей младшего возраста. Коммерциализация контента также оказывает значительное влияние на качество детских программ. В стремлении увеличить рейтинги и доходы от рекламы, многие телеканалы включают в программы элементы, направленные на привлечение массовой аудитории, что не всегда соответствует образовательным целям. Анализ показал, что около 30% контента на популярных детских телеканалах ори-

ентировано больше на развлечение, чем на обучение [4]. Это может снизить образовательную ценность программ и не соответствовать ожиданиям родителей, которые ищут для своих детей качественный и полезный контент.

Сравнительный анализ с международными практиками показывает, что китайские детские телеканалы могут многому научиться у своих зарубежных коллег. В США, например, такие каналы, как PBS Kids, успешно сочетают образовательные и развлекательные элементы, создавая программы, которые способствуют всестороннему развитию детей. В Японии каналы NHK E-TV предлагают контент, который тщательно адаптирован к культурным и образовательным особенностям каждой возрастной группы, что способствует гармоничному развитию детей [6]. В Европе каналы, такие как CBeebies, акцентируют внимание на интерактивности и участии детей в процессе обучения, что делает контент более увлекательным и полезным. Лучшие международные практики, такие как использование интерактивных и мультимедийных технологий, могли бы быть эффективно применены в Китае. Внедрение адаптированных образовательных программ и улучшение качества контента через строгие стандарты и аудит могли бы существенно повысить образовательную ценность китайских детских телеканалов. Например, использование игровых методик обучения, как это делается на канале PBS Kids, могло бы способствовать лучшему усвоению материала и развитию критического мышления у детей [8].

Выводы

Проведенное исследование подтвердило важность детских телеканалов в развитии и образовании детей в Китае. Китайские детские телеканалы, такие как CCTV Kids, Kaku Cartoon, Aniworld, BTV Kaku Kids и Jiajia Cartoon, предлагают разнообразный контент, адаптированный для различных возрастных групп. Программы для младших детей (0-3 года) фокусируются на развитии базовых навыков и сенсорного восприятия, тогда как для старших возрастных групп (3-12 лет) контент становится более разнообразным, включающим образовательные, развлекательные и познавательные элементы. Однако исследование также выявило ряд проблем и вызовов. Одной из ключевых проблем является недостаточное соответствие контента возрастным особенностям детей, что вызывает обеспокоенность у родителей. Коммерциализация контента часто приводит к снижению его образовательной ценности, что негативно сказывается на качестве программ. Сравнительный анализ с международными практиками показал, что китайские телеканалы могут улучшить качество

своих программ, внедрив лучшие практики из США, Японии и Европы. Использование интерактивных и мультимедийных технологий, а также адаптация образовательных программ под куль-

турные и возрастные особенности детей, могут существенно повысить образовательную ценность китайского детского телевидения.

Список источников

1. CCTV Kids. Официальный сайт. URL: <http://www.cctv.com/kids> (дата обращения: 28.06.2024)
2. Liu X. Early Childhood Education in China // Journal of Children's Media. 2020. Т. 14. № 2. С. 112 – 130.
3. Kaku Cartoon. Официальный сайт. URL: <http://www.kaku.com> (дата обращения: 28.06.2024)
4. Zhang Y. The Role of Educational Television in Preschool Education // Early Education. 2019. Т. 36. № 4. С. 50 – 68.
5. Aniworld. Официальный сайт. URL: <http://www.aneworld.com> (дата обращения: 28.06.2024)
6. Li H. Animation and Children's Cognitive Development // Chinese Journal of Educational Technology. 2018. Т. 29. № 3. С. 75 – 92.
7. BTV Kaku Kids. Официальный сайт. URL: <http://www.btvkaku.com> (дата обращения: 28.06.2024)
8. Wang J. Science Education Through Media: A Study of Chinese Children's Television // Science Education International. 2021. Т. 31. № 1. С. 20 – 35.
9. Zhang Y. The Role of Educational Television in Preschool Education // Early Education. 2019. Т. 36. № 4. С. 50 – 68.

References

1. CCTV Kids. Official website. URL: <http://www.cctv.com/kids> (accessed: 28.06.2024)
2. Liu X. Early Childhood Education in China. Journal of Children's Media. 2020. Vol. 14. No. 2. P. 112 – 130.
3. Kaku Cartoon. Official website. URL: <http://www.kaku.com> (accessed: 28.06.2024)
4. Zhang Y. The Role of Educational Television in Preschool Education. Early Education. 2019. Vol. 36. No. 4. P. 50 – 68.
5. Aniworld. Official website. URL: <http://www.aneworld.com> (accessed on 28.06.2024)
6. Li H. Animation and Children's Cognitive Development. Chinese Journal of Educational Technology. 2018. Vol. 29. No. 3. P. 75 – 92.
7. BTV Kaku Kids. Official website. URL: <http://www.btvkaku.com> (accessed on 28.06.2024)
8. Wang J. Science Education Through Media: A Study of Chinese Children's Television. Science Education International. 2021. Vol. 31. No. 1. P. 20 – 35.
9. Zhang Y. The Role of Educational Television in Preschool Education. Early Education. 2019. Vol. 36. No. 4. P. 50 – 68.

Информация об авторах

Хао Яньян, аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-0468-9612>, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 1042228128@pfir.ru, anzhelahao@yandex.ru

Базанова А.Е., кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, bazanova_ae@pfir.ru

© Хао Яньян, Базанова А.Е., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070.19

Интеграция коммерческой рекламы в современные китайские социальные сети: исторический путь и его отражение в глобальном контексте развития медиасреды

¹ Цао Линь

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: сегодня рекламная индустрия развивается с высокой скоростью, а потребительский рынок постоянно меняется. В данном контексте важно проанализировать современную ситуацию и выявить наиболее эффективные методы воздействия в различных видах коммерческой рекламы на китайских социальных сетях. Целью данной статьи является анализ процесса интеграции коммерческой рекламы в современные китайские социальные сети, такие как WeChat, Weibo, Douyin и другие. Исследование охватывает исторический путь развития рекламы в китайских социальных сетях и ее влияние на глобальный медиа-ландшафт. В Китае социальные сети играют ключевую роль в продвижении товаров и услуг, с более чем миллиардом активных пользователей на платформах, таких как WeChat и Douyin. Статья рассматривает стратегии использования контент-маркетинга, инфлюэнсер-маркетинга и таргетированной рекламы для повышения узнаваемости брендов и вовлеченности аудитории. Особое внимание уделяется уникальным возможностям WeChat, который не только является социальной сетью, но и включает в себя платежную систему, обмен сообщениями и другие сервисы, позволяя эффективно настраивать целевой таргетинг и взаимодействовать с аудиторией. Кроме того, инфлюэнсер-маркетинг на платформах, таких как Weibo и Douyin, становится все более популярным, поскольку позволяет брендам использовать авторитет влиятельных лиц для продвижения своих продуктов. Исследование позволяет понять важность и влияние коммерческой рекламы на китайских социальных платформах в глобальном контексте, подчеркивая роль этих платформ в формировании современной медиасреды и их потенциал для бизнеса, стремящегося выйти на китайский рынок.

Ключевые слова: социальная реклама, коммерческая реклама, WeChat, Weibo, Douyin, Китай, медиаиндустрия, эволюция, поведение потребителей

Для цитирования: Цао Линь Интеграция коммерческой рекламы в современные китайские социальные сети: исторический путь и его отражение в глобальном контексте развития медиасреды // Современный ученый. 2025. № 4. С. 206 – 211.

Поступила в редакцию: 5 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 7 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Integration of commercial advertising into modern Chinese social networks: a historical path and its reflection in the global context of media development

¹ Cao Lin

¹Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Abstract: today the advertising industry is developing at a high rate, and the consumer market is constantly changing. In this context, it is important to analyze the current situation and identify the most effective methods of influence in various types of commercial advertising on Chinese social networks. The purpose of this article is to analyze the process of integrating commercial advertising into modern Chinese social networks such as WeChat, Weibo, Douyin and others. The study covers the historical development of advertising on Chinese social media and its impact on the global media landscape. In China, social media plays a key role in promoting goods and services, with over a billion active users on platforms such as WeChat and Douyin. The article examines strategies for using content marketing, influencer marketing, and targeted advertising to increase brand awareness and audience engagement. Special attention is paid to the unique capabilities of WeChat, which is not only a social network, but also includes a payment system, messaging and other services, allowing you to effectively set up targeted targeting and interact with the audience. Additionally, influencer marketing on platforms such as Weibo and Douyin is becoming increasingly popular as it allows brands to leverage the authority of influencers to promote their products. The study allows us to understand the importance and impact of commercial advertising on Chinese social platforms in a global context, emphasizing the role of these platforms in shaping the modern media environment and their potential for businesses seeking to enter the Chinese market.

Keywords: social advertising, commercial advertising, WeChat, Weibo, Douyin, China, media industry, evolution, consumer behavior

For citation: Cao Lin Integration of commercial advertising into modern Chinese social networks: a historical path and its reflection in the global context of media development. Modern Scientist. 2025. 4. P. 206 – 211.

The article was submitted: December 5, 2024; Approved after reviewing: February 7, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Сегодня коммерческая реклама стоит наравне с другими видами рекламы и в некоторых случаях используется специалистами в сфере маркетинга, рекламы и пиар намного чаще. Современный потребитель нацелен на активное взаимодействие с маркетологами и рекламистами, сам того не подозревая. Сама по себе реклама является социально-психологическим явлением. В связи с этим в коммерческую рекламу активно внедряются различные манипулятивные техники. Под так называемыми приемами воздействия на потребителя понимаются специальные методы, которые влияют на психические особенности, предпочтения, выбор потребителя, тем самым стимулируя его к приобретению рекламируемого продукта или услуги.

Коммерческая реклама в социальных сетях – это форма рекламной деятельности, осуществляемая через размещение платных рекламных сообщений или материалов на платформах социальных сетей с целью привлечения внимания, увеличения узнаваемости бренда, продвижения продуктов или услуг, а также привлечения потенциальных клиен-

тов. В отличие от традиционных рекламных каналов, таких как телевидение или печатные издания, коммерческая реклама в социальных сетях обычно основана на персонализированных подходах и взаимодействии с аудиторией через комментарии, лайки и репосты [2]. Китайские социальные сети занимают ведущие позиции по числу пользователей и активности в мировом масштабе. Страна является лидером по количеству интернет-пользователей, превышая более 1,5 миллиарда человек. Этот огромный рынок представляет собой огромный потенциал для развития коммерческой рекламы. Китайские социальные сети такие как WeChat, Weibo, и Douyin (TikTok) предлагают уникальные возможности для взаимодействия с аудиторией и привлечения внимания к рекламным сообщениям.

Цель исследования состоит в анализе процесса интеграции коммерческой рекламы в современные китайские социальные сети.

Задачи статьи

1. Изучение истории развития китайских социальных сетей и их эволюции

2. Анализ роли коммерческой рекламы в китайских социальных сетях, включая ее типы, влияние на пользовательский опыт и эффективность на китайском рынке

3. Идентификация факторов, способствующих успешной интеграции коммерческой рекламы в китайские социальные сети

4. Анализ глобального влияния китайских социальных сетей и их рекламы на мировые тенденции в медиаиндустрии и экономике.

Объект исследования – коммерческая реклама в современных китайских социальных сетях.

Предмет исследования – процесс интеграции коммерческой рекламы в китайские социальные сети, исторический путь этой интеграции и ее отражение в глобальном контексте развития медиасреды.

Материалы и методы исследований

В период с начала 2000-х годов китайский интернет резко расширился, становясь важным фактором в жизни общества и экономики. Этот период стал зарождением китайских социальных платформ. Одним из ранних и ключевых игроков стала платформа "QQ" от компании Tencent, запущенная в 1999 году. QQ предоставляла пользователям возможность общения через мгновенные сообщения, онлайн-игры и другие функции. К 2002 году количество пользователей превысило 100 миллионов [7]. В 2005 году появилась платформа "Renren" (ранее известная как Xiaonei), которая часто называлась "китайским Facebook". Renren стала популярной среди студентов университетов и молодежи, предоставляя возможность создания профилей, обмена сообщениями и изображениями. К 2009 году количество пользователей достигло 160 миллионов. Однако наибольшей популярностью пользовалась платформа "Weibo", запущенная в 2009 году. Weibo представляла собой микроблогинговую платформу, аналогичную Twitter, позволяющую пользователям делиться короткими сообщениями, фотографиями и видео. В течение нескольких лет Weibo стала одной из самых влиятельных социальных сетей в Китае, и к 2012 году количество ежедневных активных пользователей достигло 100 миллионов [4].

Эволюция функциональности и пользовательского опыта на китайских социальных платформах отражает не только технический прогресс, но и изменения в социокультурной среде и потребностях пользователей. Начиная с ранних дней, платформы, такие как "QQ" и "Renren", предоставляли базовые функции обмена сообщениями и создания профилей. Однако с течением времени с функциональностью социальных сетей появились новые возможности, включая возможность делиться фо-

тографиями и видео, создания микроблогов, групповых чатов, прямых трансляций и электронной коммерции. Важным этапом в эволюции было появление "Weibo" в 2009 году, представившей публике новый формат микроблогинга, который стал широко популярным благодаря своей простоте и возможности мгновенно делиться информацией [9]. Пользователи могли публиковать короткие текстовые сообщения, а также прикреплять к ним изображения и видео, создавая интерактивный и быстрый способ общения.

Результаты и обсуждения

С развитием мобильных технологий социальные платформы стали более доступными и мобильными, что привело к изменениям в пользовательском опыте. Приложения для смартфонов обеспечили возможность постоянного доступа к социальным сетям в любое время и в любом месте, увеличивая таким образом время, проведенное пользователями в сети. Это также стимулировало развитие мобильных функций, таких как функции геолокации, а также интеграция с другими сервисами, такими как онлайн-игры и платежные системы. Вместе с техническими инновациями, эволюция социальных платформ в Китае была также означает изменение пользовательской культуры. Социальные сети стали не только средством общения, но и платформой для самовыражения, получения новостей, маркетинга и проведения бизнеса. Пользователи стали более активными участниками интернет-сообщества, формируя новые тренды и влияя на развитие самой платформы [3].

Зарождение рекламы в китайских социальных сетях началось в начале 2010-х годов, когда платформы, такие как "Weibo" и "Renren", стали внедрять различные формы рекламы для монетизации своей аудитории. Согласно данным исследований, в 2011 году общий объем рекламных расходов на китайских интернет-платформах составил около 4,5 миллиарда долларов США, с прогнозом роста до 10 миллиардов долларов к 2015 году. Это свидетельствует о значительном росте интереса к рекламе на китайских социальных платформах и их потенциале для коммерческой монетизации. Ключевым фактором стало появление различных форм рекламы, включая баннеры, текстовые объявления, видеорекламу и спонсорские публикации, которые стали важным источником дохода для социальных платформ. С развитием технологий таргетинга и аналитики рекламные кампании стали более целевыми и эффективными, что привлекло внимание многих компаний к использованию социальных платформ для продвижения своих товаров и услуг [5]. В последующие годы объем рекламных расходов на китайских социальных платформах про-

должал расти. Согласно отчетам, в 2023 году общий объем рекламных расходов на китайских интернет-платформах превысил 200 миллиардов юаней (около 31 миллиарда долларов США), превратив Китай в один из крупнейших рынков цифровой рекламы в мире (ТАСС, 2024). Этот быстрый рост рекламных расходов на китайских социальных платформах свидетельствует о их значительном влиянии и привлекательности для рекламодателей, а также об огромном потенциале роста в будущем.

На китайских социальных платформах присутствуют разнообразные типы рекламы, позволяющие компаниям эффективно достигать своей целевой аудитории. Эти типы включают в себя:

- Баннеры и рекламные блоки, размещаемые на страницах пользователей или в новостных лентах, обычно сопровождающиеся ссылками на сайт рекламодателя.
- Видеореклама, которая воспроизводится перед или во время просмотра видеоконтента на социальной платформе.
- Спонсорские публикации, когда компании оплачивают создание контента, который затем публикуется на страницах пользователей или официальных аккаунтах.
- Таргетированная реклама, которая опирается на данные о поведении пользователей, и позволяет рекламодателям настраивать свои кампании для определенной целевой аудитории [10].

На платформе WeChat, одной из самых популярных в Китае, компании могут размещать рекламу в виде баннеров и видео в новостной ленте пользователей, а также создавать спонсорские статьи, которые могут просматривать подписчики официальных аккаунтов.

Влияние рекламы на пользовательский опыт в китайских социальных сетях зависит от ее контекста и реализации. Правильно выполненная реклама может быть информативной и даже приятной для пользователей, а плохо выполненная может вызвать раздражение и негативное отношение. Однако, при наличии таргетированной рекламы, пользователи могут получать более релевантную и интересующую их информацию, что может улучшить их опыт использования социальной сети. К примеру, если пользователь интересуется путешествиями, таргетированная реклама на платформе Weibo может показывать ему объявления от компаний, предлагающих туристические услуги или путешествия, что может быть полезным и информативным для данного пользователя [8].

Китайский рынок является одним из крупнейших и наиболее динамичных в мире, и реклама на китайских социальных платформах имеет значи-

тельный потенциал для достижения успеха. Многие компании отмечают высокую эффективность рекламы на китайских платформах благодаря их широкой аудитории, возможностям таргетинга и инновационным рекламным форматам. Компания Alibaba отмечает значительный рост объемов рекламных доходов на своей платформе Taobao, который вырос на 20% в годовом отчете за 2023 год, что свидетельствует о высокой эффективности рекламы на этой платформе в контексте китайского рынка.

Современная социальная реклама в Китае обладает разнообразными формами и направлениями, включая призывы к заботе друг о друге, охране окружающей среды, ограничению табакокурения и другим социально значимым темам. Эти рекламные кампании широко размещаются на различных медианосителях, включая телевидение, печать и Интернет, и часто используются для формирования новых ценностей и укрепления гражданского долга. Такие рекламные инициативы стали важной частью культурного и общественного развития современного китайского общества, внося свой вклад в формирование этических норм и поведенческих стандартов в обществе.

Уникальные особенности китайской интернет-культуры играют ключевую роль в успешной интеграции коммерческой рекламы в китайские социальные сети. Китайские пользователи интернета предпочитают интегрированные платформы, где они могут выполнять множество функций, от общения до покупок товаров и услуг. Например, платформа WeChat, насчитывающая более 1,2 миллиарда активных пользователей, объединяет функции мессенджера, социальной сети, платежной системы и электронной коммерции, что создает удобное окружение для размещения рекламы и привлечения внимания пользователей. Роль технологических инноваций в усилении рекламной эффективности также значительна. В Китае активно развиваются новые технологии, такие как искусственный интеллект, распознавание изображений и виртуальная реальность, которые позволяют создавать уникальные и интерактивные рекламные форматы. Например, Alibaba запустила технологию "Try Now" для платформы Taobao, позволяющую пользователям примерять виртуально одежду перед покупкой, что увеличивает конверсию и эффективность рекламы [6].

Влияние китайских платформ на мировые тенденции в области социальных сетей является значительным и продолжает расти. Китайские социальные сети, такие как WeChat, TikTok (или Douyin внутри Китая), и Weibo, завоевывают популярность за пределами страны, привлекая миллионы

пользователей по всему миру. Например, TikTok, приложение для создания и просмотра коротких мобильных видеороликов, стало одной из самых загружаемых и влиятельных платформ в мире, привлекая внимание миллионов пользователей и рекламодателей по всему миру. Эти платформы внедряют новые тенденции в области социальных медиа, такие как короткие видеоролики, интерактивный контент и алгоритмический таргетинг, оказывая значительное воздействие на глобальную медиасреду [4].

Роль китайской рекламы в глобальной экономике и медиаиндустрии также значительна. Китайские социальные платформы предоставляют рекламодателям доступ к огромной аудитории как внутри страны, так и за ее пределами. Это создает новые возможности для китайских компаний в мировом масштабе и стимулирует рост и развитие мировой медиаиндустрии. Например, китайские компании Alibaba и Tencent активно инвестируют в медиа-активы за пределами Китая, что помогает им расширить свои рекламные возможности и укрепить свое присутствие на мировом рынке.

Однако существуют вызовы и перспективы дальнейшего развития коммерческой рекламы в китайских социальных сетях. Один из главных вызовов состоит в управлении данными и защите личной информации пользователей. В последние годы в Китае были ужесточены правила и законы о защите данных, что требует от рекламодателей и платформ соблюдения строгих норм и правил в обработке персональной информации. Кроме того, с ростом конкуренции и увеличением объема рекламы на платформах, рекламодателям становится все сложнее выделяться среди огромного количе-

ства контента, что требует постоянного развития новых стратегий и подходов к рекламе. Тем не менее, перспективы дальнейшего развития коммерческой рекламы в китайских социальных сетях остаются положительными. С развитием технологий, таких как искусственный интеллект и машинное обучение, а также ростом использования мобильных устройств, китайские социальные платформы будут продолжать развиваться и предоставлять новые возможности для рекламодателей и предпринимателей как внутри страны, так и за ее пределами [8].

Выводы

Исследование роли коммерческой рекламы в китайских социальных сетях, ее исторического пути и влияния в глобальном контексте развития медиасреды выявило значительное значение китайских платформ в современной медиаиндустрии. Китайские социальные сети, такие как WeChat, TikTok и Weibo, не только демонстрируют быстрый рост и популярность внутри страны, но и оказывают значительное влияние на мировые тенденции в области социальных медиа. Коммерческая реклама на китайских социальных платформах играет ключевую роль в монетизации их аудитории и привлечении внимания рекламодателей как внутри страны, так и за ее пределами. С разнообразными типами рекламы, такими как баннеры, видеореклама и таргетированная реклама, а также с использованием инновационных технологий и стратегий, китайские социальные платформы продолжают увеличивать эффективность своей рекламы и обеспечивать рост в глобальной экономике и медиаиндустрии.

Список источников

1. Го Хуэйянь Развитие китайской рекламы и ее влияние на формы массовой визуальной коммуникации // МНКО. 2022. № 3 (94). С. 274 – 277.
2. Иванов И.И. Тенденции развития социальной рекламы в Китае // Научно-технический вестник. 2024. № 1. С. 137 – 143.
3. Ипатова Н.В. Влияние социальных сетей на современную рекламу и медиакommunikации // Молодой ученый. 2024. № 4 (503). С. 145 – 146.
4. ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19946225> (дата обращения: 05.11.2024)
5. Терских М.В. Типология стратегий коммуникативного воздействия в дискурсе социальной рекламы // Научный диалог. 2020. № 4. С. 164 – 175.
6. Тиммерман М.А. Реклама в социальных сетях как инструмент продвижения в сети Интернет // Молодой ученый. 2021. № 53 (395). С. 176 Ц 179.
7. Титоренко А.О., Закирова А.Р., Ерошенко Т.И. Влияние китайской культуры на рекламные стратегии международных брендов // Молодой исследователь Дона. 2024. № 6. С. 44 – 47.
8. Цао Линь Социальная сеть WeChat в Китае: аудитория, функции и возможности рекламы // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2024. № 2.

9. Цюй Юнь Представление основных ценностей современного Китая в поликодовом рекламном тексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. №2 (857). С. 170 – 175.

10. Юйсинь Лю Дискурсивные стратегии китайской социальной рекламы // Современное педагогическое образование. 2021. № 11. С. 258 – 263.

References

1. Guo Huiyan Development of Chinese Advertising and Its Impact on Forms of Mass Visual Communication. MNKO. 2022. No. 3 (94). P. 274 – 277.

2. Ivanov I.I. Trends in the Development of Social Advertising in China. Scientific and Technical Bulletin. 2024. No. 1. P. 137 – 143.

3. Ipatova N.V. The Impact of Social Networks on Modern Advertising and Media Communications. Young Scientist. 2024. No. 4 (503). P. 145 – 146.

4. TASS [Electronic resource]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19946225> (date of access: 05.11.2024)

5. Terskikh M.V. Typology of Communicative Impact Strategies in the Discourse of Social Advertising. Scientific Dialogue. 2020. No. 4. P. 164 – 175.

6. Timmerman M.A. Advertising in Social Networks as a Tool for Promotion on the Internet. Young Scientist. 2021. No. 53 (395). P. 176 – 179.

7. Titorenko A.O., Zakirova A.R., Eroshenko T.I. The Influence of Chinese Culture on Advertising Strategies of International Brands. Young Researcher of the Don. 2024. No. 6. P. 44 – 47.

8. Cao Lin Social Network WeChat in China: Audience, Functions, and Possibilities of Advertising. VSU Bulletin. Series: Philology. Journalism. 2024. No. 2.

9. Qu Yun Presentation of the Main Values of Modern China in a Polycode Advertising Text. Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2022. No. 2 (857). P. 170 – 175.

10. Yuxin Liu Discursive Strategies of Chinese Social Advertising. Modern Pedagogical Education. 2021. No. 11. P. 258 – 263.

Информация об авторе

Цао Линь, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, lin.tsao.95@mail.ru

© Цао Линь, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.58

Специфика выражения категории времени в китайских фразеологизмах

¹ Сун Цзяминь

¹ Российский университет дружбы народов

Аннотация: статья посвящена анализу специфики выражения категории времени в китайском языке на материале фразеологизмов. В отличие от многих европейских языков, где временные отношения четко структурированы посредством грамматических форм, китайский язык использует контекст и лексический анализ для передачи временных традиций. Фразеологизмы, как важная часть языка, являются отражением культурных и временных концепций носителей китайского языка. Исследование включает анализ 100 фразеологизмов и их тематическую классификацию, что позволяет глубже понять восприятие времени в китайской культуре. В заключении делается вывод о том, что фразеологизмы помогают глубже понять культурные особенности восприятия времени в китайском обществе. Статья представляет интерес для лингвистов, изучающих китайский язык и культуру, а также для всех, кто интересуется аспектами временной категории в других языках.

Ключевые слова: категория времени, фразеологизмы, китайская языковая картина мира, китайский язык, китайская письменность

Для цитирования: Сун Цзяминь Специфика выражения категории времени в китайских фразеологизмах // Современный ученый. 2025. № 4. С. 212 – 216.

Поступила в редакцию: 6 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 8 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Specificity of time category expression in Chinese phraseological expressions

¹ Song Jiamin

¹ Peoples' Friendship University of Russia

Abstract: the article is devoted to the analysis of the specifics of expressing the category of time in Chinese on the material of phraseological phrases. Unlike many European languages, where temporal relations are clearly structured through grammatical forms, the Chinese language uses context and lexical analysis to convey temporal traditions. Phraseological expressions, as an important part of the language, are a reflection of the cultural and temporal concepts of Chinese speakers. The study includes the analysis of 100 phraseological phrases and their thematic classification, which provides a deeper understanding of the perception of time in Chinese culture. The conclusion is that phraseological expressions help to gain a deeper understanding of the cultural peculiarities of time perception in Chinese society. The article is of interest to linguists studying Chinese language and culture, as well as to all those interested in aspects of the time category in other languages.

Keywords: time category, phraseological phrases, Chinese linguistic picture of the world, the Chinese language, Chinese writing

For citation: Song Jiamin Specificity of time category expression in Chinese phraseological expressions. Modern Scientist. 2025. 4. P. 212 – 216.

The article was submitted: December 6, 2024; Approved after reviewing: February 8, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Концепция времени является многогранным феноменом, который отражает разнообразные аспекты существования как индивидов, так и общества в целом во всех языковых культурах мира. Время интегрируется с такими категориями, как самосознание и регуляция поведения и деятельности, как на уровне индивидов, так и в контексте групповой динамики.

Фразеология, в качестве микроконтекста для концептуальных исследований, представляет собой специфический языковой пласт, который не только демонстрирует уникальные черты определенного языка, но и иллюстрирует мироощущение его носителей.

Специфика китайской фразеологии заключается в ряде уникальных характеристик, которые отличают ее от фразеологических систем других языков. Китайские лингвисты [4-14], подчеркивая специфичность отражения категории времени во фразеологии, отмечали, что китайская фразеология часто основывается на сочетании иероглифов, что придает ей особую выразительность и многозначность. Фразеологизмы могут состоять из двух, трех или более иероглифов, и каждый из них может нести значимую информацию как в лексическом, так и в культурном контексте. Многие китайские фразеологизмы коренятся в древнекитайской культуре, философии и литературе. Они могут отражать традиционные ценности, моральные нормы и исторические события, что делает их важным инструментом для понимания китайской культуры и менталитета.

В отличие от многих европейских языков, где время выражается через грамматические формы, в китайском языке временные отношения чаще всего передаются через контекст и использование определенных слов [12-14]. Фразеологизмы могут содержать временные аспекты, которые помогают понять, как носители языка воспринимают время и его течение.

Цель данного исследования заключается в анализе и описании специфики выражения категории времени в китайских фразеологизмах.

Материалы и методы исследований

В данной статье для исследования специфики выражения категории времени в китайских фразеологизмах были использованы следующие

научные методы: лексикографический метод – для работы с существующими словарями и энциклопедиями фразеологизмов, что позволит сделать обоснованные выводы о частотности и значении фразеологизмов в языке; метод контент-анализа – для систематического изучения и классификации фразеологических единиц, содержащих временные концепты, с последующим глубинным анализом их семантики и контекста; метод семантического анализа временных отношений в китайской фразеологии; когнитивный метод – для изучения того, как концепты времени отражаются в метафорических представлениях о времени.

Результаты и обсуждения

Время следует рассматривать как универсальную категорию мировоззрения, при этом фразеологизмы, отражающие концепцию «времени», во многих языках, включая китайский, метафорически коррелируют с другим универсальным понятием – «движение». Осознание времени человечеством стало возможным через восприятие движения и последовательность сменяющихся событий [1]. Практически в каждом языке мира темпоральность может быть метафорически выражена в терминах пространства и движения [2-4].

Для осуществления объективного исследования было проанализировано более 100 китайских фразеологизмов. В ходе сбора фразеологических единиц использовались различные интернет-ресурсы, включая Словарь китайских фразеологизмов и пословиц [14-16].

В результате исследования была выполнена классификация фразеологизмов по тематическим группам, отражающих различные аспекты концепции времени. Распределение значений показало следующие категории:

1. Ценность времени (价值时间) (16 наименований) – данная категория отражает признание важности и значимости времени в жизни человека. – 一寸光阴一寸金 (yī cùn guāng yīn yī cùn jīn) – «Каждое мгновение времени стоит золота» (подчеркивает важность времени). Пример: 在学习期间，我们应该牢记“一寸光阴一寸金”，珍惜每一刻，努力提高自己。(Во время учёбы мы должны помнить, что «каждое мгновение времени стоит золота», и ценить каждую минуту, стремясь к саморазвитию.)

2. Быстротечность/мимолетность (瞬息万变) (18 наименований) – здесь представлены фразеологизмы, подчеркивающие быстротечность времени и его непостоянство. – 光阴似箭 (guāng yīn sì jiàn) – «Время летит, как стрела» (описывает быстротечность времени). Пример: 转眼间, 我的大学生活就快要结束了, 真是光阴似箭。 (Не успеешь оглянуться, а моя студенческая жизнь почти закончилась – действительно, время летит, как стрела.)

3. Продолжительность, долгий/короткий период (长短不一) (26 наименований) – эта категория включает в себя выражения, связанные с различными временными интервалами, будь то долгие или краткие периоды. – 时光荏苒 (shí guāng rěn rǎn) – «Время проходит быстро» (указывает на течение времени). Пример: 自从我们开始一起工作, 时光荏苒, 已经几年过去了。 (С тех пор, как мы начали работать вместе, время быстро прошло, и прошло уже несколько лет.)

4. Кардинальные изменения (巨变) (5 наименований) – фразеологизмы, отражающие значительные изменения во времени. – 沧海桑田 (cāng hǎi sāng tián) – «Моря стали полями» (указывает на значительные изменения). Пример: 这片土地经历了许多变迁, 沧海桑田, 发展成现在的模样。 (Эта земля пережила много изменений, моря стали полями, и она стала такой, какой мы её видим сейчас.)

5. Поэтапность, последовательность (按部就班) (2 наименования) – в данной группе собраны выражения, указывающие на порядок и последовательность событий. 循序渐进 (xún xù jiàn jìn) – «Постепенно продвигаясь вперед» (указывает на последовательность действий). Пример: 学习一门新语言需要循序渐进, 不可能一蹴而就。 (Изучение нового языка требует последовательного подхода, ничего не добьешься за один раз.)

6. Наличие цели/бесцельность (有目标/无目标) (4 наименования) – фразеологизмы, касающиеся целевой направленности временных действий или их отсутствия. – 志存高远 (zhì cóng gāo yuǎn) – «Иметь высокие амбиции» (указывает на наличие цели). Пример: 他从小就志存高远, 梦想能改变世界。 (С детства он имел высокие амбиции и мечтал изменить мир.)

7. Медлительность/поспешность (迟疑/匆忙) (8 наименований) – категория, описывающая характер временных действий, их скорость и темп. – 马不停蹄 (mǎ bù tíng tí) – «Не останавливаясь ни

на мгновение» (указывает на поспешность). Пример: 在项目截止日期临近的时候, 团队马不停蹄地工作。 (Когда приближался срок сдачи проекта, команда работала без остановки.)

8. Безостановочность, непрерывность (不停顿) (5 наименований) – степень непрерывности действий, которая также находит отражение в фразеологии. – 风雨无阻 (fēng yǔ wú zǔ) – «Несмотря на ветер и дождь» (указывает на непрерывность действий). Пример: 无论天气如何, 我们的计划风雨无阻, 决不会被取消。 (Несмотря на погоду, наш план будет осуществлен, и не будет отменен.)

9. Запоздалость действий (行动迟缓) (6 наименований) – фразеологизмы, описывающие запоздалые или несвоевременные действия. – 姗姗来迟 (shān shān lái chí) – «Торопиться, но все же опоздать» (указывает на запоздалый приход). Пример: 会议开始时, 他姗姗来迟, 显得很不好意思。 (Когда началось собрание, он пришёл с опозданием и выглядел очень смущенным.)

10. Надежность (可靠性) (7 наименований) – эта категория связана с устойчивостью и предсказуемостью временных процессов. – 稳如泰山 (wěn rú tài shān) – «Непоколебимый, как гора Тай» (указывает на надежность). Пример: 面对工作上的压力, 他总是稳如泰山, 给团队带来信心。 (面对工作上的压力, 他 всегда остаётся непоколебимым, что придаёт команде уверенности.)

11. Наличие поучительности, нравоучения (教育意义) (3 наименования) – фразеологизмы, которые несут определённый нравственный или поучительный смысл в контексте времени. – 一失足成千古恨 (yī shī zú chéng qiān gǔ hèn) – «Одно неправильное действие может обернуться вечной скорбью» (поучительное выражение). Пример: 在人生的道路上, 我们必须小心谨慎, 因为一失足成千古恨。 (На жизненном пути мы должны быть осторожными, ведь одно неверное решение может привести к вечной скорби.)

Такое соотношение количества фразеологизмов говорит о нескольких важных моментах:

Наличие большего числа фразеологизмов в некоторых категориях, таких как «Продолжительность, долгий/короткий период» и «Быстротечность/мимолетность», указывает на их значимость в культуре и восприятии времени. В китайской культуре существует много философских концепций, связанных с временем и

его восприятием, таких как даосизм и конфуцианство. Эти учения акцентируют внимание на цикличности времени и его длительности, что отражается в большом количестве фразеологизмов, описывающих долгие и короткие промежутки времени, а также ощущение времени как ресурса.

Большое количество фразеологизмов в категориях, связанных с ценностью времени и поэтапностью, может свидетельствовать о культуре, где время рассматривается не только как абстрактная мера, но и как критически важный ресурс, требующий бережного обращения. Хотя последовательность и порядок действий также важны, они могут быть менее выражены в языке, так как не каждое действие или событие требует детального описания поэтапности. Культура может акцентировать внимание больше на значении результативности, чем на самих этапах.

Количество фразеологизмов, относящихся к медлительности/поспешности и надежности, может отражать социальные нормы и ожидания, связанные с поведением людей в отношении времени и выполнения обязанностей. Это демонстрирует, как китайское общество воспринимает дисциплину и эффективность. Темы, касающиеся медлительности и поспешности, могут быть более актуальными в повседневной жизни, так как люди часто сталкиваются с необходимостью принимать решения быстро или медленно в зависимости от ситуации. Это может приводить к более частому использованию фразеологизмов в этой области.

Наличие фразеологизмов, касающихся кардинальных изменений и поучительности, может указывать на глубокой философский подход к жизни и истории. Кардинальные изменения воспринимаются как неизбежная часть жизни и истории. Эти фразеологизмы

подчеркивают, как мир может меняться, и как важные жизненные уроки могут следовать из этих изменений. Они могут также служить напоминанием о том, что даже самые устойчивые вещи могут исчезнуть или преобразиться. Фразеологизмы, относящиеся к поучительности, акцентируют внимание на том, как важны ошибки и уроки, которые мы извлекаем из жизненного опыта. Они служат предупреждением и напоминанием о необходимости осторожности, мудрости и осознанности в своих действиях и решениях.

Низкое количество фразеологизмов, относящихся к поэтапности и последовательности, может свидетельствовать о том, что в китайской культуре акцент делается не на строгое следование этапам или порядку действий, а на гибкость и адаптивность в подходах к жизни. Это также может указывать на предпочтение более динамичного восприятия времени, где важнее результат и конечная цель, чем сам процесс. Кроме того, китайская философия, включая даосизм и конфуцианство, подчеркивает важность гармонии и целостности [13]. Это может объяснить меньшую значимость фразеологизмов, связанных с последовательностью действий. В этих философиях время воспринимается как циклический процесс, где изменения происходят естественно и органично, а не через строгую последовательность шагов.

Выводы

Таким образом, соотношение количества фразеологизмов в различных категориях может свидетельствовать о культурных, социальных и философских особенностях восприятия времени в китайском языке и обществе. Это подчеркивает уникальность китайской языковой картины мира и её отличия от других языков и культур.

Список источников

1. Баруздина С.А. Время как лингвокультурный концепт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/093/20.pdf> (дата обращения: 25.10.2024)
2. Лю Хун 东北亚外语研究» 作者: 刘宏跨文化交际中的语言世界图景. Языковой ландшафт мира в межкультурной коммуникации. «Северо-Восточная Азия Изучение иностранного языка». 2017. 236 с.
3. Словарь китайских фразеологизмов и пословиц [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zdic.net/cy> (дата обращения: 25.02.2025).
4. Цянь Чжуншу 钱钟书 七缀集, 上海古籍出版社. Сборник из семи литературных обзоров, Шанхайское издательство древней литературы. 1994. 65 с.
5. Chen S. Understanding Chinese Idioms: A Cultural Perspective. Beijing: Chinese University Press. 2015. 108 p.
6. Deng X. Idiomatic Expressions in Chinese: A Linguistic Perspective. Guangzhou: Sun Yat-sen University Press. 2021. 55 p.

7. Gao F. Cultural Insights into Chinese Proverbs and Idioms. Beijing: China Social Sciences Press. 2020. P.33-37.
8. Huang Y., Zhang L. Temporal Expressions in Chinese Language: A Semantic Approach. Shanghai: East China Normal University Press. 2018. P. 50 – 57.
9. Li X., & Wang Y. The Temporal Structure of Chinese Language. Shanghai: Shanghai Educational Publishing House. 2018. 102 p.
10. Li Guonan 李国南, 辞格与词汇, 上海外语教育出版社. 2001. P. 127 – 151.
11. Liu J. Cultural Reflections in Chinese Idioms. Taipei: National Taiwan University Press. 2017. 90 p.
12. Shen Xiaolong 文化语言学论纲» (申小龙) 广西教育出版社. Контур культурной лингвистики. Guangxi Education Publishing House. 1996. 47 p.
13. Sun Y. The Role of Time in Chinese Language and Culture. Nanjing: Nanjing University Press. 2019. 54 p.
14. Wang L. Chinese Phraseology: Theory and Practice. Beijing: Peking University Press. 2016. P. 101 – 106.
15. Xie W. The Interaction of Language and Time in Chinese Communication. Hangzhou: Zhejiang University Press. 2017. P. 94 – 98.
16. Zhang H. Language and Time: A Comparative Study of Chinese and English. Hong Kong: Hong Kong University Press. 2020. P. 67 – 71.

References

1. Baruzdina S.A. Time as a linguocultural concept [Electronic resource]. URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/093/20.pdf> (date of access: 25.10.2024)
2. Liu Hong «Linguistic landscape of the world in intercultural communication». «Northeast Asia Foreign Language Study». 2017. 236 p.
3. Dictionary of Chinese phraseological units and proverbs [Electronic resource]. URL: <http://www.zdic.net/cy> (date of access: 25.02.2025).
4. Qian Zhongshu: A Collection of Seven Literary Reviews, Shanghai Ancient Literature Publishing House. 1994. 65 p.
5. Chen S. Understanding Chinese Idioms: A Cultural Perspective. Beijing: Chinese University Press. 2015. 108 p.
6. Deng X. Idiomatic Expressions in Chinese: A Linguistic Perspective. Guangzhou: Sun Yat-sen University Press. 2021. 55 p.
7. Gao F. Cultural Insights into Chinese Proverbs and Idioms. Beijing: China Social Sciences Press. 2020. P.33-37.
8. Huang Y., Zhang L. Temporal Expressions in Chinese Language: A Semantic Approach. Shanghai: East China Normal University Press. 2018. P. 50 – 57.
9. Li X., & Wang Y. The Temporal Structure of Chinese Language. Shanghai: Shanghai Educational Publishing House. 2018. 102 p.
10. Li Guonan 李国南, 辞格与词汇, 上海外语教育出版社. 2001. P. 127 – 151.
11. Liu J. Cultural Reflections in Chinese Idioms. Taipei: National Taiwan University Press. 2017. 90 p.
12. Shen Xiaolong Outline of cultural linguistics. Guangxi Education Publishing House. 1996. 47 p.
13. Sun Y. The Role of Time in Chinese Language and Culture. Nanjing: Nanjing University Press. 2019. 54 p.
14. Wang L. Chinese Phraseology: Theory and Practice. Beijing: Peking University Press. 2016. P. 101 – 106.
15. Xie W. The Interaction of Language and Time in Chinese Communication. Hangzhou: Zhejiang University Press. 2017. P. 94 – 98.
16. Zhang H. Language and Time: A Comparative Study of Chinese and English. Hong Kong: Hong Kong University Press. 2020. P. 67 – 71.

Информация об авторе

Сун Цзяминь, аспирант, Российский университет дружбы народов, 1824498595@qq.com

© Сун Цзяминь, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'347.78.034

Специфика интерсемиотических трансформаций (на материале кинематографической и игровой реализации «Саги о ведьмаке»)

¹ Филиппова И.Н.

¹ Государственный университет просвещения

Аннотация: статья посвящена трансформациям, сопровождающим интерсемиотический перевод литературы в новую полимодальную среду коммуникации. Эмпирическую базу составляют «Сага о ведьмаке» А. Сапковского, 2 киносерии и компьютерная игра. Сопоставительный анализ фактического материала выявляет зависимость кинореализации от близости контактирующих лингвокультур (родной польской в небольшой амплитуде и неродственной американской), от технологических возможностей кинопроизводства, от прогноза целевой аудитории. Трансформации в кинотекстах носят факультативный характер и реализуют стратегии адаптации (в польском проекте) и апроприации (в американском) при безальтернативном линейном развитии сюжета. Трансформации в игровой реализации литературных оригиналов носят более объективный – конвенциональный – характер при альтернативности сюжетной динамики.

Ключевые слова: трансформации, стратегия перевода, полимодальность, адаптация, апроприация

Для цитирования: Филиппова И.Н. Специфика интерсемиотических трансформаций (на материале кинематографической и игровой реализации «Саги о ведьмаке») // Современный ученый. 2025. № 4. С. 217 – 221.

Поступила в редакцию: 6 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 9 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

The specifics of intersemiotic transformations (based on cinematic and computer game implementation of «The Witcher Saga»)

¹ Filippova I.N.

¹ Federal State University of Education

Abstract: the article is devoted to the transformations that accompany the intersemiotic translation of literature into polymodal communication. The empirical base is made up of «The Witcher Saga» by A. Sapkowski, two film series and a computer game. The comparative analysis of the factual material reveals the following trends. Cinematic implementation depends on the contacting linguacultures (native Polish in a small extent and unrelated American), on the technological capabilities of film production, on the target audience forecast. Transformations in film texts are optional and implement adaptation (in the Polish project) and appropriation (in the American one) with no alternative linear development of the plot. Transformations in game implementation have a more objective – conventional – character with alternative plot.

Keywords: transformations, translation strategy, polymodality, adaptation, appropriation

For citation: Filippova I.N. The specifics of intersemiotic transformations (based on cinematic and computer game implementation of «The Witcher Saga»). Modern Scientist. 2025. 4. P. 217 – 221.

The article was submitted: December 6, 2024; Approved after reviewing: February 9, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Трансформации в межкультурном переводе составляют крупный блок тем, давно интересующих исследователей. Трансформационный подход к переводу стал одним из самых влиятельных в лингвистике перевода, а также и в его дидактике. Тем не менее трансформации вызывают жаркие дискуссии: одни исследователи не согласны с традиционными классификациями и предлагают свои, другие отрицают значимость трансформаций в практике перевода и в обучении переводу.

Отрицание роли трансформаций – идея, основанная на том, что преобразования оригинала в межкультурном переводе выявляются только после осуществления перевода, в ходе сопоставительного анализа исходного текста и текста перевода [5]. Таким образом на передний план выдвигается непредумышленный характер трансформаций, к которым прибегают переводчики. В межкультурной практике это может иметь смысл. Однако, в отношении интерсемиотического перевода этот тезис несправедлив.

Практика экранизации опровергает непреднамеренность преобразований оригинала. Создатели кинотекста осознанно планируют изменения исходного текста: вносят что-то новое в характеры и речь героев, меняют сюжетное действие в мелких деталях и в узловых моментах фабулы, удаляют часть содержания и пр. Именно эти осознанные, запланированные мероприятия трансформирования оригинала, продиктованные целым спектром субъективных факторов (а не только асимметрией контактирующих языков и культур), обуславливают множественность кинореализации одного исходного текста. Примеров тому можно найти даже в одной лингвокультуре достаточно много, а в мировом масштабе межкультурного взаимодействия – на порядок больше. Рядовой зритель без затруднения назовет такие множественные экранные в русскоязычной лингвокультуре версии: «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова, «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова, «Идиот» Ф.М. Достоевского, «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, «Два капитана» В.А. Каверина, «Дети капитана Гранта» Ж. Верна, в британском кинематографе: «Смерть на Ниле» А. Кристи, во французском кино: «Три мушкетера» А. Дюма. Мировой багаж киноискусства предоставит многократные экранизации (например, многочислен-

ные экранизации романа Л.Н. Толстого «Война и мир», сюжетов А.К. Дойля о Шерлоке Холмсе, романа А. Кристи «Ten little Niggers» и пр.

В связи с этим вопрос об интерсемиотических трансформациях, как преднамеренных, осознанных средствах реализации экранизационной стратегии, может вывести дискуссию о трансформационной парадигме на новый уровень. Более широкий, чем тот, что успешно реализован в лингвистической теории и практике межкультурного перевода.

Цель настоящей статьи – выявить специфику интерсемиотических трансформаций, оценивая опыт переноса серии романов А. Сапковского и компьютерной игры «Ведьмак» в киносериял.

Материалы и методы исследований

Фактическим материалом служат тексты цикла «Сага о ведьмаке» («Saga o wiedźminie») 1986-2013 гг., написанные польским писателем А. Сапковским в жанре фэнтези (8 романов и 2 рассказа) и 2 сериала, выпущенные на экран в разных странах и культурах. Привлекается к анализу также компьютерная игра, которая значительно способствовала популяризации идеи, познакомив мировую аудиторию с главным героем (до того малоизвестным даже на родине его автора) и погрузив геймеров всего реального мира в созданный автором вымышленный мир.

Эти моно- и полимодальные тексты исследованы сопоставительным, контекстуальным и компонентным анализом, при опоре на приемы анализа, синтеза, обобщения и абстрагирования. Теоретический фундамент работы составляют «классические» труды по трансформационному переводу [1, 3, 4, 9] и актуальные исследования интерсемиотического перевода [2, 6, 8, 11, 12].

Основное внимание в рамках статьи направлено на факультативные трансформации, которые не являются необходимыми для преобразования номодального текста в полимодальный. В процессе экранизации такие изменения носят не случайный характер, а отражают волю создателей фильма, которые намеренно и целенаправленно вносят изменения в исходный текст.

Результаты и обсуждения

Хронологически первая экранизация выпущена в 2002 г. в Польше как минисериал «The Wiedźmin» хронометражом 2 ч 10 мин (с последующей редакцией до односерийного фильма). При-

мечательно, что выполнен он был в польской лингвокультуре, родной автору оригинальных текстов, таким образом коммуникация, перейдя в условия полимодальности, осталась в границах одноязычия. В данном случае в экранной версии саги представлены именно и только интереснейшие трансформации, все прочие (связанные с преодолением языкового, лингвосоциокультурного, лингвоэтнического барьера или внутриязыковые обусловленные значительной временной амплитудой) в создании этого кинопродукта исключены.

Этот проект изобилует отступлениями от литературного оригинала в отношении сюжета. Объем цикла вербальных текстов в саге значительно превосходит объем кинотекста, предопределяя многочисленные опущения и упрощения исходного текста (далее ИТ) при подготовке экранной версии (далее ПТ). Многие сюжетные ходы, отражающие характеристики персонажей, удалены из ПТ. В целом такие сюжетные и персонажные симплификаты снижают уровень авторского достижения в отношении стилистической организации, в результате чего мифологическая сага с особой концептуальной картиной вымышленного мира превращается в банальную историю приключений. Прагма-семантика А. Сапковского претерпевает значительные сдвиги, нарушая диалог автора с получателем (в роли которого выступает читатель, ставший в условиях полимодальной коммуникации зрителем), подменяя его диалогом киноавторов с получателем (зрителем). В связи с этим неудивительно, что этот опыт экранизации был встречен А. Сапковским негативно.

Таким образом, в монокультурной экранизации очевидна стратегия симплификации [10], которую реализуют устранение важных фрагментов содержания. По-видимому, это вызвано внешними обстоятельствами: малым бюджетом и слабым (по сравнению с современным) развитием кино- и компьютерной техники, которые не позволили создать яркие визуальные эффекты, широко представленные в кинопродукции разных стран за последнее десятилетие.

За этой экранизацией последовал более масштабный проект – сериал «**Witcher**» 2019-2023 гг. американской компании Netflix, хронометраж которого приблизился к 5 ч (474 мин). Таким образом, в этом случае трансляция оригинала в полимодальную среду опиралась на опыт преодоления языкового и лингвокультурного барьеров. Это обстоятельство обуславливает множественность и разнородность трансформаций, сопровождающих экранизацию и сводит к абсолютному минимуму вероятность знакомства американской зритель-

ской аудитории с текстовым форматом (результатом межкультурного перевода).

Адаптация к лингвокультуре затрагивает все компоненты кинотекста: семантический, синтаксический и прагматический. Внедрение персонажей, чуждых авторской стилистике, у знатоков оригинала вызывает искреннее удивление и может даже спровоцировать отторжение экранной версии. Многочисленные расы авторского текста визуально представлены актерами-негроидами. Типы мифологических групп (эльфы, дриады и др.) контрастируют с миром средневековой Европы, которая послужила прототипом вымышленной реальности в авторской «Саге о ведьмаке». Политкорректность, свойственная в первую очередь американской и в целом англоязычной культуре, вторгается в произведение славянской литературы, диктуя новые нормы мироздания. Это обстоятельство крайне странно, т.к. одной из центральных тем саги является проблема поиска гармоничного бесконфликтного сосуществования разных рас (представленных в сюжете мифическими группами). Иносказательно переданное автором неприятие насилия (в широком смысле слова) наталкивается на манипулятивную практику США навязывания своих стереотипов как единственно верных, таким образом девальвируя ИТ и искажая прагматику А. Сапковского как автора идеи. Экранизаторы сознательно осуществляют избыточную трансформацию, пронизывающую всю ткань кинотекста. Концептуальная картина мира, созданная автором в ИТ – недопустимость подавления одной группы другой, а в ПТ раскрывается цепь батальных сцен и личных поединков, лишенных борьбы за равноценность социумов.

В отношении синтактики ИТ создателями киносериала также предприняты преобразования факультативного характера. В «Саге о ведьмаке» переплетены в хронологии и локальных рамках истории трех центральных фигур: Геральта, Йена и Цири. В ПТ последовательность событий изменена настолько, что создает для незнакомого с общим развитием фабулы ИТ эффект хаотичности изложения. В результате общий сюжет в сериале представляет собой пазл или мозаичную структуру, вызывающие состояние постоянного когнитивного напряжения – ориентация в созданной экранизаторами череде поединков и появления / исчезновения второстепенных персонажей, взаимодействующих в разобщенных времени и пространстве – осложнена нелинейностью эпизодов и сюжетных ходов внутри них и требует постоянной актуализации опыта предшествующего развития фабулы. Зрители могут «интегрироваться» погружаться в вымышленную реальность,

только домысливая внутренние связи между эпизодами сериала. С точки зрения теории интертекстуальности, этот кинопроект вызывает много вопросов, а просмотр такого кинотекста, требующий постоянной актуализации и преодоления информационных пробелов ИТ, может стать причиной утраты интереса к повествованию, провоцируя отказ зрителей от восприятия и снижая ожидаемый доход кинокомпании от продаж сериала.

Основным мотивом ПТ американского проекта считаем апроприацию [7] – отчуждение достижения иной культуры и присвоение его своей родной культуре, иными словам – эксплуатацию инокультурного (в рассматриваемом случае, и иноязычного) ИТ. Причины такой стратегии видятся в давней традиции апроприации в кинемире США, больших финансовых возможностях и технологическом обеспечении кинопроизводства. Дополнительным фактором такой стратегии создания ПТ служит большая амплитуда времени, отделяющей его от оригинала и адаптация к реципиенту, носителям принимающей (американской) культуры, едва ли знакомых с ИТ А. Сапковского.

Компьютерные игры по мотивам книг А. Сапковского выпускались разными польскими компаниями, среди которых наибольшего успеха добилась серия игр от CD Projekt RED 2002-2022 гг. Отличия сюжетного порядка в данных проектах многочисленны, характеристики центрального персонажа (амуниция, экипировка и пр.) дополнены новшествами, внедрены не упомянутые в литературных текстах противники главного героя (монстры, чудовища и т.п.). Главными причинами таких изменений является новая среда реализации ИТ – компьютерная игра, логика которой требует постепенного развития навыков центрального персонажа и постепенного роста его боевых и магических навыков, использования улучшаемого снаряжения и вооружения, новых обстоятельств для актуализации умений.

Принципиальным отличием игры от экранных ПТ считаем альтернативность сюжетного действия. В игровом пространстве каждый эпизод игры имеет несколько вариантов развития: победа, поражение, переход на следующий уровень или переход через один уровень. В то время как в кинотексте развитие предписано сценарием и детализировано раскадровкой, не предполагающей разных вариантов движения по кинотексту, кроме линейного поступательного маршрута. Освоение экранного текста возможно для зрителей лишь в пошаговом продвижении по полимодальному континууму.

Сопоставление трансформаций, выявленных в компьютерной игре, с преобразованиями, которые претерпели ИТ в экранной реализации, обнаруживает их различие: если кинотрансформации факультативны и необязательны, то игровые – конвенциональны и в значительной степени объективно обусловлены переходом в иную среду коммуникации.

Выводы

Подводя итоги анализа, отметим основные результаты представленной работы:

1. ИТ, принадлежащие польской культуре и литературной традиции фэнтези, получили широкое и разнообразное продолжение в иных системах коммуникации, позволяющих преодолеть границы мономодальности.

2. Полимодальные реализации ИТ осуществлены в различных лингвокультурах, с различной временной амплитудой, позволяющей привлекать разные технологические ресурсы создания кинотекстов. В ПТ обнаруживаются различные факультативные трансформационные решения, прослеживается разная степень вольности экранизаторов.

3. Игровая реализация ИТ привлекает конвенциональные трансформации и отличается от экранных ПТ (а также ИТ) нелинейным характером развития сюжета и альтернативностью результата освоения ПТ целевой аудиторией.

Абстрагирование от наблюдаемых фактов и выявленных тенденций дает основание предполагать:

1. Стратегии интерсемиотического перевода разнятся: от адаптации до апроприации, при значительном волюнтаристическом влиянии новых участников коммуникации (сценаристов, режиссеров, продюсеров и др.), преобразованной из мономодальной в полимодальную.

2. На выбор той или иной стратегии оказывают влияние объективные и субъективные детерминирующие факторы. К первым можно отнести степень развития техники (осуществляющей интерсемиотический перенос) и формат реализации ПТ (кинотекст, компьютерная игра). Ко вторым – прогноз аудитории и видение своей роли экранизаторами и дизайнерами игры.

Дальнейшее исследование поднятой проблематики перспективно в анализе иных полимодальных реализаций ИТ (комикс, спектакль, анимация, реклама и т.д.) и в привлечении к анализу далеко отстоящих друг от друга контактирующих культур ИТ и ПТ.

Список источников

1. Бархударов Л.К. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Карапетян М.В. Методологические основы интерсемиотического перевода // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2015. № 32. С. 263 – 267.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
4. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). М.: Флинта, 2024. 416 с.
5. Сдобников В.В. Новый взгляд на старые переводоведческие категории: коммуникативно-функциональный подход // Язык. Культура. Коммуникация. 2023. № 24. С. 34 – 50.
6. Филиппова И.Н. Дискуссионные вопросы теории и методологии перевода // Теория и практика перевода в диахронии и современной научной парадигме. М: Государственный университет просвещения, 2023. С. 47 – 71.
7. Филиппова И.Н. Апроприация как стратегия интерсемиотического «перевода» // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 3. 18 с. DOI 10.18384/2224-0209-2023-2-1335
8. Чович Б. К вопросу об отношении интер- и интралингвистического к интерсемиотическому переводу // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2014. № 1. С. 496 – 506.
9. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
10. Baker M. Corpus-Based Translation Studies: The Challenges That Lie Ahead. Amsterdam: Benjamins, 1996. С. 175 – 186.
11. Jeha Ju. Intersemiotic Translation: The Peircean Basis. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110820065-135/html> (дата обращения: 01.11.2024)
12. Wu E. Ch. Intersemiotic Translation and Film Adaptation. Providence Forum, Language and Humanities Vol. VIII. No.1 (December 2014). P. 149 – 182.

References

1. Barkhudarov L.K. Language and Translation (Problems of General and Specific Theory of Translation). Moscow: International Relations, 1975. 240 p.
2. Karapetyan M.V. Methodological Foundations of Intersemiotic Translation. Foreign Languages: Linguistic and Methodological Aspects. 2015. No. 32. P. 263 – 267.
3. Komissarov V.N. Translation Theory (Linguistic Aspects). Moscow: Higher School, 1990. 253 p.
4. Nelyubin L.L., Khukhuni G.T. Translation Science (History and Theory from Ancient Times to the Present Day). Moscow: Flinta, 2024. 416 p.
5. Sdobnikov V.V. A New Look at Old Translation Categories: Communicative-Functional Approach. Language. Culture. Communication. 2023. No. 24. P. 34 – 50.
6. Filippova I. N. Controversial issues of translation theory and methodology. Translation theory and practice in diachrony and modern scientific paradigm. Moscow: State University of Education, 2023. P. 47 – 71.
7. Filippova I. N. Appropriation as a strategy of intersemiotic “translation”. Russian journal of social sciences and humanities. 2023. No. 3. 18 p. DOI 10.18384/2224-0209-2023-2-1335
8. Covic B. On the relationship of inter- and intralinguistic to intersemiotic translation. Russian language and culture in the mirror of translation. 2014. No. 1. P. 496 – 506.
9. Shveitser A.D. Translation Theory: Status, Problems, Aspects. Moscow: Nauka, 1988. 215 p.
10. Baker M. Corpus-Based Translation Studies: The Challenges That Lie Ahead. Amsterdam: Benjamins, 1996. P. 175 – 186.
11. Jeha Ju. Intersemiotic Translation: The Peircean Basis. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110820065-135/html> (accessed: 01.11.2024)
12. Wu E. Ch. Intersemiotic Translation and Film Adaptation. Providence Forum, Language and Humanities Vol. VIII. No.1 (December 2014). P. 149 – 182.

Информация об авторе

Филиппова И.Н., доктор филологических наук, доцент, Государственный университет просвещения, little_lion06@mail.ru

© Филиппова И.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81. 114-2

Языковая революция в Турции: трансформации языка на примере “Nutuk” М.К. Ататюрка

¹ Рустамова Ю.Ф.

¹ Государственный университет просвещения

Аннотация: в статье представлены результаты исследования, посвященного сравнительному анализу трех версий «Nutuk» («Речь»). Цель исследования заключается в фиксации и систематизированном описании изменений, произошедших в турецком языке под влиянием языковой революции. Объектом исследования являются материалы дореволюционного периода, раннего постреволюционного издания (1934 года) и более позднего издания (1970 года). Эти материалы отражают процессы формирования и трансформации языка, вызванные языковой реформой. Предметом исследования выступают ключевые точки языковой трансформации.

В ходе работы с использованием метода сравнительно-сопоставительного анализа были решены следующие задачи: 1) зафиксированы основные изменения на всех уровнях языка; 2) классифицированы и систематизировано описаны выявленные языковые трансформации. Результаты исследования позволили выделить потенциально новое явление и дополнить классификацию неологизмов новым подтипом — «прескриптивными неологизмами». Этот термин определен как «новое предписанное слово, заменяющее существующий в языке аналог по национальным мотивам и в интересах государства».

На синтаксическом уровне зафиксирован переход от арабско-персидского порядка слов к новотурецкому синтаксису. Определены периоды введения и закрепления использования апострофа в постреволюционной турецкой письменности, а также описаны способы адаптации арабских заимствований к фонетической системе турецкого языка с учетом правил гармонии гласных.

Исследуемый материал ранее не изучался отечественными учеными в сравнительно-сопоставительном аспекте. Таким образом, полученные результаты являются уникальными и вносят значительный вклад в устранение пробелов в отечественной лингвистике.

Ключевые слова: языковая революция в Турции, прескриптивные неологизмы, сравнительный анализ политического дискурса

Для цитирования: Рустамова Ю.Ф. «Языковая революция в Турции: трансформации языка на примере “Nutuk” М.К. Ататюрка» // Современный ученый. 2025. № 4. С. 222 – 230.

Поступила в редакцию: 10 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 12 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

The language revolution in Turkey: transformations of language in Mustafa Kemal Atatürk's 'Nutuk'

¹ Rustamova Yu.F.

¹ Federal State University of Education

Abstract: the article presents the results of a comparative analysis of three versions of "Nutuk" ("Speech"). The aim of the study is to document and systematize the changes that occurred in the language under the influence of the Turkish language revolution. The object of the study comprises materials from the pre-revolutionary period, the early post-revolutionary edition (1934), and a later edition (1970). These materials illustrate the formation and transformation of the language driven by the language revolution. The subject of the study is the key points of linguistic transformation.

Using the method of comparative analysis, the following tasks were addressed: 1) the primary transitions across all levels of the language were identified, and 2) the observed linguistic transformations were classified and systematically described. The findings revealed a potentially new phenomenon, leading to the expansion of neologism classifications with a new subtype: "prescriptive neologisms." This newly introduced term is defined as "a new prescribed word that replaces an existing equivalent in the language for national reasons and in the interests of the state."

At the syntactic level, a shift from Arabic-Persian word order to modern Turkish syntax was documented. The study also established the periods of introduction and standardization of the apostrophe in post-revolutionary Turkish orthography, as well as the methods of adapting Arabic loanwords to the Turkish phonetic system in accordance with vowel harmony principles.

The materials analyzed have not been previously examined by domestic scholars from a comparative perspective. Thus, the results obtained are unique and contribute to addressing gaps in domestic linguistics.

Keywords: language revolution in Turkey, prescriptive neologisms, comparative analysis of political discourse

For citation: Rustamova Yu.F. The language revolution in Turkey: transformations of language in Mustafa Kemal Atatürk's 'Nutuk'. Modern Scientist. 2025. 4. P. 222 – 230.

The article was submitted: December 10, 2024; Approved after reviewing: February 12, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Языковая революция, начавшаяся в 1927 году, представляет собой уникальное событие с точки зрения лингвистических преобразований. [7] Речь первого президента Турции Мустафы Кемала Ататюрка «Nutuk» служит показательным примером состояния османского турецкого языка, от которого отталкивались лингвисты при реформировании языка. Поэтому влияние языковой революции на изменения всех уровней языка наиболее достоверно прослеживается именно в этом политическом дискурсе.

Для исследования были отобраны две версии «Nutuk»:

1. Первая версия «Nutuk» («Речь») была написана и опубликована с использованием арабского алфавита. [5]

2. Вторая версия вышла в 1934 году, уже после перехода на латиницу. В этом издании заметно постепенное внедрение изменений, принятых на первом съезде языкового общества.

3. Третья версия взята из четвертого издания «Nutuk». При сопоставлении с первой версией на латинице в ней наблюдаются дальнейшие трансформации на уровне синтаксиса и грамматики.

Задачи исследования включали: 1) глубокий анализ материалов на всех уровнях языка; 2) фиксацию и классификацию изменений; 3) систематизированное описание языковых трансформаций. Поставленные задачи были решены с применением метода сравнительно-сопоставительного анализа.

Материалы и методы исследований

Сравнение проводилось между первым вариантом «Nutuk», опубликованным в 1927 году на арабском алфавите, и первым вариантом на латинице, изданным в 1934 году. Для иллюстрации перехода между изданиями рассмотрим следующий отрывок из первого издания на латинице:

«Efendiler; bu Ali Galip, gördüğü suimuameleden sonra, mahrem beyanat olduğunu söyleyerek gece yalnız olarak yanıma gelmek istedi. Kabul ettim.

Harekâtımın zevahirine ehemmiyet vermemekliğimizi rica ile Mamuretülâziz vilâyetini kabul ederek gelmekten maksadımın, benim noktai nazarıma hadim olmak bulunduğunu ve Sıvasta tevakkufu, bana mülâki olup bizzat talimat almak için olduğunu izah ve bin türlü delillerle ispata çalıştı ve bizi sabaha kadar işgal etmek suretile, muvaffak dahi olduğunu itiraf etmeliyim.»

Этот отрывок представлен в новом латинском алфавите. Однако более 70 % слов в нем составляют арабско-персидские заимствования, адаптированные к турецкой фонетической системе в рамках нового алфавита. Аналогичные показатели были получены в результате квантитативного анализа «Nutuk» (Речь) турецкими исследователями М. Борекчи, Дж. Экийор [1, 8].

Таблица 1

Сравнительно-сопоставительный анализ трансформации лексических единиц на начальном этапе языковой революции (1927-1934 гг.).

Table 1

Comparative and contrastive analysis of the transformation of lexical units at the initial stage of the language revolution (1927-1934).

Арабский вариант	Транслитерация	Арабская основа слова	Постреволюционная форма	Перевод
مَحْرَم	mahram [9]	ḥrm	mahrem	секретный
بَيَان	Bayān [10]	byn	beyan(-at)	заявление, объявление
تَحْرِك	ḥarakāt [11]	hrk	harekat	движение
زَوَاهِر	zawāhir [12]	zhr	zevahir	внешний вид, видимость
أَهَمِّيَّة	ʾahamm [13]	hmm	ehemmiyet	важность, значение
مَقْصِد	maḳṣad [там же]	ḳsd	maksat	цель, намерение
رِجَا	racāʾ [14]	rcw	rica	просьбы
وَيْلَاة	wilāya(t) [15]	wly	vilayet	провинция
تَوَكُّف	tawaḳḳuf [там же]	wḳf	tevakkuf	остановка,
مُلَاقَاة	mulākā(t) [16]	ḷky	mülâki	встреча, сближение
تَلِيمَات	taʿlīm [17]	ʿlm	talimat	инструкция
إِذَاه	īdāh [18]	wdh	izah	объяснение
دَلِيل	Dalīl [19]	dll	delil	доказательство
إِسْبَات	ʾisbāt [20]	ṣbt	ispat	подтверждение
سَبَاح	ṣabāh [21]	ṣbh	sabah	утро
مُؤَفَّف	muwaffaḳ [22]	wfḳ	muvaffak	успешный
إِعْتِرَاف	iʿtirāf [23]	ʿrf	itiraf	признание

Как видно из приведенной выше таблицы, на начальном этапе языковой революции были осуществлены следующие изменения:

1. Переход с арабского алфавита на латиницу;
2. Сохранение арабских основ более чем в 70 % слов с их последующей транслитерацией;
3. Заимствование в новый алфавит умлаутов «ö» и «ü», а также адаптация гласных звуков «e»,

«i», «ı», «o», «u», «a» к фонетическому строю турецкого языка.

Основные трансформации рассмотрены на основе сравнительно-сопоставительного анализа двух версий «Nutuk» – первого и четвертого изданий. Пример для наглядной демонстрации представлен в табл. 2, где изменения выделены и подчеркнуты.

Таблица 2

Сравнительно-сопоставительный анализ двух версий на предмет лингвистических трансформаций под влиянием языковой революции.

Table 2

Comparative and contrastive analysis of two versions for linguistic transformations under the influence of the language revolution.

Первое издание на латинице	Более поздняя версия	Авторский перевод
Efendiler, her tarafı faalivett ve teşkilâtı millîye ye sevk ve imaleye çalışırken hükümeti merkeziyenin emeline hadim bazı rüesayı memurini mülkiye tarafından güya manevi tehdidat mutazamm telgraflar da alıyorduk. Meselâ; Urfa Mutasarrıfı Ali Rıza namında biri tarafından harekâtımızın Düveli İtilâfiye'ye taarruz telâkki olduğu ve bu yüzden umum Osmanlı kıt'asının Düveli İtilâfiyece işgali askeri hitam verileceği, temas neticesinde aldığı malûmata atfen bildiri- liyor ve kabine ile itilâf teklif olunuyordu. Bu telgrafın mutasarrıfa ecnebiler tarafından dikte ettirildiğine şüphe yoktu. Buna, bittabi icabı gibi cevap verildi (Ves. 108). Efendiler, hatırlarımızda olsa gerektir ki, memleketimizde ve Kafkasvada tetkikat yapmak üzere Amerika Hükümeti, Jeneral Harbordun taht riyasetinde bir heyet göndermişti. Bu heyet Sivas'a geldi. 22 Eylül 1919 günü Jeneral Harbord ile uzun uzadıya mükalemede bulunduk. Jenerale, harekâtı milliyenin maksat ve gayesi ve teşkilâtı vahdeti milliyenin sebebi zuhurû, anasırı gavrim- üslimeye karşı olan hissiyat ve ecnebilerin memleketimizdeki menfi propagandası ve icraatı hakkında mufassalan ve müdel-lelen beyanda bulundum. Jeneralin bazı garip suallerine de muhatap kaldım. Meselâ; millet kabili tasavvur her türlü teşebbüsât ve fedakârlıkta bulunduktan sora dahi muvaffak olunamazsa ne yapacaksınız? Verdiğim cevaptan — hatıramda aldanmıyorsam — demiştim ki: Bir millet mevcudiyet ve istiklâlini temin için kabil tasavvur olan	Efendiler, her tarafı milli faalivett ve teşkilata sevk etmeye ve yöneltmeye çalışırken merkezi hükümetin emeline hizmet eden üst seviyede- ki bazı mülki memurlar tarafından güya manevi tehditleri iceren telgraflar da alıyorduk. Mesela, Urfa Mutasamfı Ali Rıza namında biri tarafından ı hareketlerimiz İtilaf devletlerine taarruz kabul olduğu ve bu yüzden bütün Osmanlı kıtasının İtilaf devletlerince askeri işgal altına alınarak Türk hükümetine son verileceği , temas neticesinde aldığı malumata atfen bildiriliyor ve kabine ile uzlaşma teklif olunuyordu. Bu telgrafın Mutasamfa yabancılar tarafından dikte ettirildiğine şüphe yoktu. Buna, bittabi icabı gibi cevap verildi (V esilca: J08). Efendiler, hatırlarımızda olsa gerektir ki, memleketimizde ve Kafkasya'da incelemeler yapmak üzere Amerika hükümeti General Harbord'un riyaseti altında bir heyet göndermişti. Bu heyet Sivas'a geldi. 22 Eylül 1919 günü General Harbord ile uzun uzadı ya konuştuk. Generare, milli hareketin maksat ve gayesi ve milli teşkilat ve birliğin ortaya çıkış sebebi, gavrimüslim unsurlara karşı olan hissiyat ve yabancıların memleketimiz-deki olumsuz propagandası ve icraatı hakkında tafsilath ve delilli olarak beyanatta bulundum. General'in bazı garip sorularına da muhatap kaldım. Mesela, millet tasavvur edilebilen her türlü teşebbüs ve fedakarlıkta bulunduktan sonra dahi muvaffak olunamazsa ne yapacaksınız? Verdiğim cevapta -hatınmda al-	Поощрять и ориентировать все стороны на национальную активность и организацию. В то время как мы работали, мы также получали телеграммы с моральными угрозами, предположительно от некоторых высокопоставленных государственных служащих, которые служили амбициям центрального правительства. Например, человек по имени Али Рыза, мутасамфи из Урфы, заявил, что наши действия рассматриваются как преступление против государств Антанты и, следовательно, всего Османского континента. Военная оккупация союзными державами положит конец турецкому правительству ссылаясь на информацию, полученную в результате контакта и примирения с кабинетом министров было предложено. Эта телеграмма была продиктована Мутасамфе иностранцами. Нет сомнений, что их заставили это сделать. На это, разумеется, был дан надлежащий ответ (V esilca: J08). Господа, вы, наверное, помните, что в нашей стране и на Кавказе Американское правительство, под руководством генерала Харборда. Эта делегация прибыла в Сивас. 22 сентября 1919 года я имел продолжительную беседу с генералом Харбордом. Генерал, Задача и цель национального движения и причина возникновения национальной организации и единства, подробно и с доказательствами рассказал о чувствах к немусульманским элементам и о негативной пропаганде и действиях иностранцев в нашей стране.

teşebbüsât ve fedakâr- lığı yaptıktan <u>sora</u> muvaffak olur. Ya muvaffak olamazsa demek, o milletin ölmüş olduğuna hükmetmek demektir. <u>Binaenaleyh</u> millet, <u>berhavyat</u> oldukça ve <u>teşebbüsâtı fedakâranesine</u> devam eyledikçe <u>ademi muvaffakiyet</u> <u>mevzuubahs</u> <u>olamaz</u>. Jeneralin sorduğu <u>sualden maksudu aslının</u> ne olabileceğini araştırmak istemedim. Fakat verdiğim cevabın tarafımdan takdirle karşılandığını bugünkü <u>bilvesele</u> zikretmek isterim.	danmıyorsam-demiştin ki: Bir millet mevcudiyet ve <u>bağımsızlığını</u> temin için tasavvur edilebilen teşebbüsleri ve fedakarlığı yaptıktan <u>sonra</u> muvaffak olur. Ya muvaffak olamazsa demek, o milletin ölmüş olduğuna hükmetmek demektir. <u>Dolayısıyla</u> millet <u>hayatta</u> oldukça ve <u>fedakarane teşebbüslerine</u> devam eyledikçe <u>muvafl akevetsizlik söz konusu</u> <u>olamaz</u>. Generalin sorduğu <u>sorudan asıl maksadın</u> ne olabileceğini araştırmak istemedim. Fakat verdiğim cevabın tarafından takdirle karşılandığını bugün <u>veri gelmişken</u> zikretmek isterim.	Я также подвергся некоторым странным вопросам со стороны генерала. Например, что вы будете делать, если нация не добьется успеха даже после всех мыслимых попыток и жертв? В своем ответе – если я не ошибаюсь – я сказал: Нация может обеспечить свое существование и независимость после того, как предпримет все мыслимые попытки и принесет все жертвы для того, чтобы это произойдет. Если это не удастся, значит, можно судить, что нация мертва. Поэтому, пока нация жива и жертвует собой, пока они продолжают свои усилия, не может быть и речи о неудаче. Я не хотел выяснять, что на самом деле хотел сказать генерал в своем вопросе. Но сегодня неуместно говорить о том, что мой ответ понравился ему. Кстати, я хотел бы упомянуть об этом.

Более подробно рассмотрим трансформации на различных уровнях языка.

Появление апострофа «'»

В ходе исследования трансформаций было зафиксировано использование апострофа в более позднем издании «Nutuk» («Речь») по сравнению с первым изданием. Для сравнения обратимся к таблице № 2. Пример:

Первая версия на латинице: *Efendiler, hatırlarımızda olsa gerektir ki, memleketimizde ve Kafkasyada tetkikat yapmak üzere Amerika Hükümeti, Jeneral Harbordun taht riyasetinde bir heyet göndermişti. Bu heyet Sivas'a geldi.*

Четвертая версия на латинице: *Efendiler, hatırlarınızda olsa gerektir ki, memleketimizde ve Kafkasya'da incelemeler yapmak üzere Amerika Hükümeti General Harbord'un riyaseti altında bir heyet göndermişti. Bu heyet Sivas'a geldi.*

Перевод: «Господа, вы, вероятно, помните, что для проведения исследований в нашей стране и на Кавказе американское правительство направило делегацию под руководством генерала Харборда. Эта делегация прибыла в Сивас.»

Апостроф стал добавляться к именам собственным и иностранным словам при присоединении к ним различных аффиксов. Поскольку турецкий

язык относится к агглютинативным, введение апострофа оказалось удобным способом интеграции аффиксов в такие категории слов. Например: *Sivasa* → *Sivas'a* («в Сивасе»); *Kafkasyada* → *Kafkasya'da* («на Кавказе»).

Трансформации в синтаксисе. В первой версии «Nutuk» («Речь») сохраняется арабский порядок слов в предложении. Однако в более позднем издании наблюдается переход к порядку, соответствующему правилам современного турецкого синтаксиса. Обратимся к примеру из таблицы № 2:

Первая версия на латинице: *Efendiler, her tarafı faaliyet ve teşkilâtı milliye ye sevk ve imaleye çalışırken hükümeti merkeziyenin emeline hadim bazı rüesayı memurini mülkiye tarafından güya manevi tehdidat mutazammın telgraflar da alıyorduk.*

Четвертая версия на латинице: *Efendiler, her tarafı milli faaliyet ve teşkilata sevk etmeye ve yöneltmeye çalışırken merkezi hükümetin emeline hizmet eden üst seviyedeki bazı mülki memurlar tarafından güya manevi tehditleri içeren telgraflar da alıyorduk.*

Перевод: «Господа, в то время как мы стремились вдохновить и направить каждый уголок страны на национальную деятельность и организацию, мы также получали телеграммы, содержавшие

якобы моральные угрозы, от некоторых высокопоставленных государственных служащих, служивших интересам центрального правительства.»

Мы наблюдаем изменение конструкций типа «существительное + изафет + прилагательное» на «прилагательное + существительное», что соответствует нормам современного турецкого языка. Примеры:

1. *Faaliyet milliye* («деятельность национальная») → *milli faaliyet* («национальная деятельность»);

2. *Teşkilâtı milliye* («организация национальная») → *milli teşkilat* («национальная организация»);

3. *Memurini mülkiye* («служащие государственные») → *mülki memurlar* («государственные служащие»);

4. *Hükümeti merkeziyenin* («правительство центральное») → *merkezi hükümet* («центральное правительство»).

Изменения в прилагательных и вводных конструкциях

Переход прилагательных с арабскими основами на неологизмы, сформированные по правилам современного турецкого языка, демонстрирует постепенные изменения, вызванные языковой революцией. В современном турецком языке прилагательные образуются с использованием аффиксов *-li* (*-li/-lu/-lü*) и *-sız* (*-siz/-suz/-süz*). [2] Приведем несколько примеров из таблицы № 2:

1. *menfi* → *olumsuz* («негативный»);

2. *müdellemen* → *delilli* («подтвержденный доказательствами»);

3. *mufassalan* → *tafsilathı* («детальный»).

Прескриптивные неологизмы также наблюдаются во вводных словах, которые ранее имели арабское происхождение. Рассмотрим пример из таблицы № 2:

Первая версия «Nutuk» («Речь»): *Binaenaleyh millet, berhayat oldukça ve teşebbüsâtı fedakâranesine devam eyledikçe ademi muvaffakiyet mevzuubahs olamaz.*

Четвертая версия «Nutuk» («Речь»): *Dolayısıyla millet hayatta oldukça ve fedakarane teşebbüslerine devam eyledikçe muvaffakiyetsizlik söz konusu olamaz.*

Перевод: «Следовательно, пока нация жива и продолжает свои самоотверженные усилия, о неудаче не может быть и речи.»

Изменения в существительных: аффиксы множественного числа в рамках правил гармонии гласных

Трансформации существительных происходили по двум основным направлениям:

1. Заимствованные из арабского языка существительные адаптировались к грамматике современного турецкого языка.

2. Происходила замена арабских слов на неологизмы с использованием турецких аффиксов множественного числа, соответствующих современным стандартам.

Рассмотрим примеры из таблицы № 2:

- *harakatımızın* → *hareketlerimizin* («наши действия»);

- *anasırı* → *unsurlara* («элементам»).

В первом примере существительное *harakatımızın* было адаптировано в соответствии с правилами гармонии гласных в турецком языке. Согласно этим правилам, выбор аффикса множественного числа зависит от последней гласной основы слова: если это передняя гласная (*e, i, ö, ü*), используется аффикс *-ler*, если задняя (*a, o, u, ı*) — *-lar*. В данном случае арабский аффикс был заменен на турецкий *-ler*, что привело к форме *hareketlerimizin*.

Во втором случае, *anasırı* → *unsurlara*, арабское слово полностью заменено на неологизм *unsur* («элемент»), к которому добавлен аффикс множественного числа *-lar*, соответствующий правилам гармонии гласных и современным нормам турецкой грамматики.[2]

Изменения в глаголах

Трансформации затронули также глаголы и происходили по двум основным направлениям:

1. Упрощение составных глаголов;

2. Замена глаголов, не адаптированных к турецкому произношению (в соответствии с правилами гармонии гласных), на прескриптивные неологизмы.

Рассмотрим эти переходы на примерах из первой и четвертой версий «Nutuk» («Речь»):

Первая версия на латинице: *Yunus Nadi Bey, mütaleaama intizar eylediğini söylediği için, ben de şu cevabı verdim.*

Четвертая версия на латинице: *Yunus Nadi Bey, fikrimi beklediğini söylediği için ben de şu cevabı verdim.*

Перевод: «Поскольку Юнус Нади-бей сказал, что ждет моего мнения, я дал ему следующий ответ.»

Первая версия на латинице: *Heyeti Temsiliyece Sadrazam Paşa Hazretlerine vukubulan teklifatı esasiye ve taliye ve müşarileyhin Heyetimize verdiği cevap, bilhassa bu cevabın son fıkraları manzuru âliniz oldu mu?*

Четвертая версия на латинице: *Heyeti Temsiliye'ce Sadrazam Paşa Hazretleri'ne sunulan esas ve tali teklifleri ve adı geçenin heyetimize verdiği*

cevabi, bilhassa bu cevabın son fıkralarını gördünüz mü?

Перевод: «Видели ли вы основные и второстепенные предложения, представленные делегацией Великому визирю-паше, а также его ответ нашей делегации, особенно последние абзацы этого ответа?»

В приведенных примерах наблюдается трансформация составных глаголов в простые формы:

1. *intizar eylemek* → *beklemek* («ждать»);
2. *manzuru âliniz olmak* → *görmek* («видеть»).

В составных глаголах первый компонент представлял собой арабское заимствование, а второй — вспомогательные глаголы (*eylemek*, *etmek*, *olmak*), выполнявшие функцию показателя времени. В поздней версии «Nutuk» эти конструкции упрощаются: арабское заимствование заменяется простым глаголом, к которому по правилам современного турецкого языка присоединяются аффиксы времени и лица. Например, в *gördünüz* от основы *görmek* («видеть») добавлены аффикс прошедшего увиденного времени *-dii* (*-du/-di/-di/-dii*) и аффикс 2-го лица множественного числа *-nüz*. [3]

Второй тип трансформации касается простых глаголов арабского происхождения, которые заменялись неологизмами, адаптированными к фонетической системе турецкого языка и соответствующим современной грамматике.

Результаты и обсуждения

Языковая революция в Турции, проведенная под руководством Мустафы Кемаля Ататюрка, представляет собой уникальное явление с лингвистической точки зрения.[6] В результате сравнительно-сопоставительного анализа различных версий «Nutuk» («Речь») были выявлены и описаны изменения на всех уровнях языка — от фонетического до синтаксического. Основные трансформации включают:

1. Переход с арабского алфавита на латиницу с добавлением в алфавит букв *ö*, *ü*, *ı* и других, адаптированных к турецкой фонетике.

2. Массовую замену арабских заимствований «**прескриптивными неологизмами**» — новыми словами, введенными по национальным и государственным мотивам.

3. Введение апострофа в орфографию для облегчения произношения и предотвращения орфографических ошибок при присоединении аффиксов к иностранным словам и именам собственным.

4. Переход от арабского синтаксиса к современному турецкому порядку слов, в частности по конструкции «прилагательное + существительное».

5. Трансформацию прилагательных в соответствии с новыми стандартами турецкой грамматики и правилами гармонии гласных, а также массовую замену арабских вводных конструкций на турецкие неологизмы.

6. Изменения в существительных: адаптацию аффиксов множественного числа (*-ler/-lar*) к правилам гармонии гласных.

7. Трансформации глаголов, происходившие в двух направлениях: а) упрощение составных глаголов с заменой арабских компонентов на простые турецкие формы; б) замена простых глаголов арабского происхождения на неологизмы, соответствующие современной турецкой фонетике и грамматике.

Выводы

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ различных версий «Nutuk» позволил достоверно зафиксировать языковые трансформации, систематизировать их описание и выделить ключевые тенденции, обусловленные языковой революцией.

Список источников

1. Борекчи М. Язык и культура // Научный журнал исследовательского института турецкого языка. 2010. № 12 (31). URL: <https://dergipark.org.tr/tr/pub/ataunitaed/issue/2870/39229>
2. Гениш Э., Шенол А.О., Фурат К. Современный турецкий язык. 2-е изд. М.: Ленанд, 2021. С. 68.
3. Оздандерли Н. Прошедшее время в турецком языке. / Социальный научный журнал Тракийского университета. 2005 г. Серия №2. С. 730-108. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/321820>
4. Мустафа Кемаль АТАТЮРК. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.academia.edu/32261581/NUTUK_Mustafa_Kemal_ATATÜRK_pdf (дата обращения: 02.11.2024)
5. Интернет архив. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://archive.org/details/20211105_20211105_2144/page/n3/mode/2up (дата обращения: 02.11.2024)
6. Рустамова Ю.Ф. Прикладное исследование идиолекта М.К. Ататюрка методом дигитативного анализа // Современный ученый. 2024. № 7. С. 116 – 123.
7. Рустамова Ю.Ф. Лингвистический анализ речи основателя турецкой республики М.К. Ататюрка «Nutuk» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: «Гуманитарные науки». 2025. № 1/2.

8. Экийор Дж. Исследование богатство лексики М.К Ататюрка // Научный журнал турецкого языка и литературы. Выпуск 26. 2008. С. 203 – 215. URL: https://turkoloji.cu.edu.tr/ATATURK/arastirmalar/cemil_ekiyor_ataturkun_sozvarligi_uzerine_bir_deneme.pdf
9. Этимологический словарь турецкого языка [Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/mahrem> (дата обращения: 02.11. 2024)
10. Этимологический словарь турецкого языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/bayan> (дата обращения: 01.11. 2024)
11. Этимологический словарь турецкого языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/harekat> (дата обращения: 02.11. 2024)
12. Этимологический словарь турецкого языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/zevahir> (дата обращения: 02.11. 2024)
13. Этимологический словарь турецкого языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/ehemmiyet> (дата обращения: 05.11. 2024)
14. Этимологический словарь турецкого языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/rica> (дата обращения: 05.11. 2024)
15. Этимологический словарь турецкого языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/vilayet> (дата обращения: 05.11. 2024)
16. Этимологический словарь турецкого языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/mulakat> (дата обращения: 07.11. 2024)
17. Этимологический словарь турецкого языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/talim> (дата обращения: 07.11. 2024)
18. Этимологический словарь турецкого языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/izah> (дата обращения: 07.11. 2024)
19. Этимологический словарь турецкого языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/delil> (дата обращения: 07.11. 2024)
20. Этимологический словарь турецкого языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/ispat> (дата обращения: 08.11. 2024)
21. Этимологический словарь турецкого языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/sabah> (дата обращения 08.11. 2024)
22. Этимологический словарь турецкого языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/muvaffak> (дата обращения: 08.11. 2024)
23. Этимологический словарь турецкого языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/itiraf> (дата обращения: 10.11. 2024)

References

1. Borekci M. Language and culture. Scientific journal of the Turkish Language Research Institute. 2010. No. 12 (31). URL: <https://dergipark.org.tr/tr/pub/ataunitaed/issue/2870/39229>
2. Genish E., Senol A.O., Furat K. Modern Turkish language. 2nd ed. M.: Lenand, 2021. P. 68.
3. Ozderli N. Past tense in Turkish. Social scientific journal of Trakya University. 2005 Series No. 2. P. 730 – 108. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/321820>
4. Mustafa Kemal ATATURK. [Electronic resource]. Access mode: https://www.academia.edu/32261581/NUTUK_Mustafa_Kemal_ATATÜRK_pdf (date accessed: 02.11. 2024)
5. Internet archive. [Electronic resource]. Access mode: https://archive.org/details/20211105_20211105_2144/page/n3/mode/2up (date accessed: 02.11.2024)
6. Rustamova Yu.F. Applied study of the idiolect of M.K. Ataturk by the method of digital analysis. Modern scientist. 2024. No. 7. P. 116 – 123.
7. Rustamova Yu.F. Linguistic analysis of the speech of the founder of the Turkish Republic M.K. Ataturk "Nuttuk". Modern science: current problems of theory and practice. Series: "Humanities". 2025. No. 1/2.
8. Ekiyor J. Research of the richness of the vocabulary of M.K. Ataturk. Scientific journal of the Turkish language and literature. Issue 26. 2008. P. 203 – 215. URL: https://turkoloji.cu.edu.tr/ATATURK/arastirmalar/cemil_ekiyor_ataturkun_sozvarligi_uzerine_bir_deneme.pdf
9. Etymological dictionary of the Turkish language [Electronic resource. Access mode: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/mahrem> (date of access: 02.11. 2024)
10. Etymological dictionary of the Turkish language [Electronic resource]. Access mode: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/bayan> (date of access: 01.11. 2024)

11. Etymological dictionary of the Turkish language [Electronic resource]. Access mode: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/harekât> (date of access: 02.11. 2024)
12. Etymological dictionary of the Turkish language [Electronic resource]. Access mode: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/zevahir> (date of access: 02.11. 2024)
13. Etymological dictionary of the Turkish language [Electronic resource]. Access mode: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/ehemmiyet> (date of access: 05.11. 2024)
14. Etymological dictionary of the Turkish language [Electronic resource]. Access mode: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/rica> (date of access: 05.11. 2024)
15. Etymological dictionary of the Turkish language [Electronic resource]. Access mode: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/vilayet> (date of access: 05.11. 2024)
16. Etymological dictionary of the Turkish language [Electronic resource]. Access mode: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/mülakat> (date of access: 07.11. 2024)
17. Etymological dictionary of the Turkish language [Electronic resource]. Access mode: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/talim> (date of access: 07.11. 2024)
18. Etymological dictionary of the Turkish language [Electronic resource]. Access mode: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/izah> (date of access: 07.11. 2024)
19. Etymological dictionary of the Turkish language [Electronic resource]. Access mode: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/delil> (date of access: 07.11. 2024)
20. Etymological dictionary of the Turkish language [Electronic resource]. Access mode: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/ispat> (date of access: 08.11. 2024)
21. Etymological dictionary of the Turkish language [Electronic resource]. Access mode: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/sabah> (date of access 08.11. 2024)
22. Etymological dictionary of the Turkish language [Electronic resource]. Access mode: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/muvaffak> (date of access: 08.11. 2024)
23. Etymological dictionary of the Turkish language [Electronic resource]. Access mode: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/itiraf> (date of access: 10.11. 2024)

Информация об авторе

Рустамова Ю.Ф., аспирант, Государственный университет просвещения, istanbultrkiye2022@yandex.ru

© Рустамова Ю.Ф., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 004.421.2

Сравнение технологий и поведения пользователей китайских и российских медиакоммуникационных платформ (на примере @синьхуа новости/xinhua news на «вконтакте» и @今日俄罗斯 rt на «weibo»)

¹ Чжу Хуэйцзе

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: на фоне глобализации и стремительного развития новых медиа форма и содержание медиакоммуникаций претерпели глубокие изменения. Социальные медиа не только служат основной позицией для распространения информации, но и становятся важным инструментом для формирования имиджа страны, публичной дипломатии и культурного экспорта. Особенно в контексте углубления стратегического сотрудничества между Китаем и Россией медиакоммуникация между двумя странами не ограничивается традиционной дипломатической коммуникацией, но и реализует кросс-культурную коммуникацию и информационный поток через новые платформы. Согласно последним данным, по состоянию на июнь 2024 года количество интернет-пользователей в Китае приблизилось к 1,1 миллиарда (1 099,67 миллиона), что на 7,42 миллиона больше, чем в декабре 2023 года, а уровень проникновения интернета достиг 78,0 процента, что на 0,5 процентных пункта больше, чем в декабре 2023 года. Между тем, на начало 2024 года число пользователей Интернета в Российской Федерации составляло 130,4 миллиона человек, уровень проникновения Интернета – 90,4 процента, а число пользователей социальных сетей – 106 миллионов, или 73,5 процента от общей численности населения.

Ключевые слова: Интернет, СМИ, платформы, формирование, технология, пользователь

Для цитирования: Чжу Хуэйцзе Сравнение технологий и поведения пользователей китайских и российских медиакоммуникационных платформ (на примере @синьхуа новости/xinhua news на «вконтакте» и @今日俄罗斯 rt на «weibo») // Современный ученый. 2025. № 4. С. 231 – 237.

Поступила в редакцию: 10 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 12 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Comparison of technologies and user behavior of Chinese and Russian media communication platforms (using @xinhua news on vkontakte and @今日俄罗斯 rt on weibo as an example)

¹ Zhu Huijie

¹ Russian University of People's Friendship named after Patrice Lumumba

Abstract: against the backdrop of globalization and the rapid development of new media, the form and content of media communications have undergone profound changes. Social media not only serve as a primary platform for disseminating information but are also becoming an important tool for shaping a country's image, public diploma-

cy, and cultural export. Particularly in the context of deepening strategic cooperation between China and Russia, media communication between the two countries is not limited to traditional diplomatic communication but also carries out cross-cultural communication and the flow of information through new platforms. According to the latest data, as of June 2024, the number of internet users in China has approached 1.1 billion (1,099.67 million), an increase of 7.42 million compared to December 2023, and the internet penetration rate reached 78.0 percent, an increase of 0.5 percentage points compared to December 2023. Meanwhile, at the beginning of 2024, the number of internet users in the Russian Federation amounted to 130.4 million, the internet penetration rate was 90.4 percent, and the number of social media users was 106 million, or 73.5 percent of the total population.

Keywords: Internet, media, platforms, formation, technology, user

For citation: Zhu Huijie Comparison of technologies and user behavior of chinese and russian media communication platforms (using @xinhua news on vkontakte and @今日俄罗斯 rt on weibo as an example). Modern Scientist. 2025. 4. P. 231 – 237.

The article was submitted: December 10, 2024; Approved after reviewing: February 12, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Китайские платформы социальных сетей очень многофункциональны и высоко интегрированы [1]. Такие платформы, как WeChat, не только выполняют социальные функции и функции обмена мгновенными сообщениями, но и объединяют различные приложения, такие как платежи, покупки, новости и развлечения, образуя очень зависимую социальную экосистему [2]. Weibo, основная социальная платформа Китая, стала важным местом для обсуждения текущих событий, политики, культурной динамики и социальных проблем благодаря короткому тексту, хэштегам и интерактивным функциям. Douyin и Kuaishou, с другой стороны, представляют собой тенденцию развития китайских платформ короткого видео, которые значительно облегчили распространение развлекательного контента благодаря персонализированным рекомендациям и точным данным, а также постепенно прокладывают новые пути в области распространения новостей и образования. Одной из отличительных особенностей китайских социальных медиаплатформ являются мощные механизмы управления данными и рекомендации контента [3]. Платформы постоянно оптимизируют пользовательский опыт с помощью точных алгоритмов, а также используют большие данные для рекламы, производства контента и коммуникационных стратегий [4]. Однако контент этих платформ часто строго регулируется государством, особенно по политическим и социально чувствительным темам, а механизм цензуры контента относительно хорошо развит, и контент, распространяемый на платформах, должен соответствовать требованиям национальной политики [5].

В отличие от китайских социальных медиаплатформ, российские социальные медиаплатформы демонстрируют большую свободу выражения

мнений и в определенной степени разнообразие контента [6].

Материалы и методы исследований

Учитывая научный и операционный характер исследования, выборка данных, собранных из VK-аккаунтов агентства Синьхуа и Russia Today RT 2022, публикующих новостной контент, как упоминалось выше, была стратифицирована по месяцам, выборки были отобраны с использованием методов стратифицированной выборки по месяцам и равноудаленной выборки, и в качестве исследуемых выборок были получены окончательные валидные выборки (466 из Синьхуа и 857 из RT).

Зависимой переменной данного исследования является вовлеченность пользователей [7]. На основе существующих исследований и с учетом особенностей платформы VK и платформы микроблогов предлагается выбрать три показателя, а именно количество лайков, ретвитов и комментариев, для измерения вовлеченности пользователей платформы. Комплексный индекс вовлеченности пользователей определяется путем взвешивания и суммирования интерактивных показателей, таких как количество лайков, комментариев и ретвитов: $\text{вовлеченность пользователей} = 0,5 \times \text{количество лайков} + 0,3 \times \text{количество комментариев} + 0,2 \times \text{количество ретвитов}$; Лайки являются прямым отражением признания и участия пользователя в выражении видео, поэтому их вес составляет 0,5, учитывая, что комментарии являются важным уровнем участия пользователя и занимают у него много времени, поэтому их поведение имеет больший вес, а переадресация также подразумевает участие пользователя, поэтому ее вес составляет 0,2.

Независимыми переменными в данном исследовании, всесторонне опираясь на исследования отечественных и зарубежных ученых, являются

тематическая категория и время выхода контента [8]. Согласно теории публичной сферы, тематические категории новостного контента делятся с точки зрения общественных дебатов, участия населения, общественного интереса и социальной функции новостей [9]. Теория публичной сферы, впервые предложенная немецким философом Jürgen Habermas, подчеркивает роль СМИ в содействии общественным дебатам и участию населения. Согласно этой теории, новости являются не только инструментом распространения информации, но и берут на себя функции содействия общественным дебатам и расширения демократического участия в жизни общества. Поэтому категоризация новостного контента должна отражать эти социальные функции, удовлетворяя при этом потребности различных аудиторий [10]. В итоге темы содержания репортажей классифицированы по следующим восьми критериям:

- 1) Новости политики и безопасности (Political and Security News)
- 2) Новости социальной и культурной жизни (Social and Cultural News)
- 3) Новости права и прав человека (Legal and Human Rights News)
- 4) Новости об окружающей среде и устойчивом развитии (Environmental and Sustainability News)
- 5) Новости экономики и технологий (Economic and Technological News)
- 6) Новости здравоохранения и образования (Public Health and Education News)
- 7) Новости о внезапных событиях и катастрофах (Breaking News and Crisis News)
- 8) Новости развлечений и образа жизни (Entertainment and Lifestyle News)

Тематическое распределение материалов RT отражает его стратегию сосредоточения на политике и безопасности, срочных новостях, законодательстве и правах человека, с акцентом на немедленное освещение глобальных спорных вопросов. Тематическое распределение «Синьхуа» более сбалансировано: освещение вопросов экологии и устойчивого развития, здравоохранения и образования отражает его стратегию, направленную на решение глобальных и долгосрочных проблем.

Стратегия выпуска новостей RT четко ориентирована на высокочастотные репортажи в горячих точках, направленные на быстрое привлечение внимания аудитории и укрепление своего присутствия на международной арене общественного мнения. Синьхуа, напротив, демонстрирует стабильный, долгосрочный профиль коммуникации, достигая глубины и непрерывности в своей международной коммуникации благодаря постоянному фокусу на ключевых областях (например,

окружающей среде, образовании, экономике, науке и технике). Обе страны уделяют большое внимание экономике и науке и технике, что отражает важность этой области в международной коммуникации. Акцент на социально-культурной сфере, развлечениях и стиле жизни отражает общую потребность в диверсификации новостного контента и привлечении неполитической аудитории.

RT и «Синьхуа» демонстрируют значительные различия в выборе новостных тем и коммуникационных стратегий. RT стремится усилить свое международное влияние за счет горячих и спорных тем, в то время как «Синьхуа» формирует свою долгосрочную коммуникационную ценность за счет стабильного темпа общения и фокуса на глобальных вопросах. Эти различия не только отражают роль китайских и российских СМИ в международной коммуникации, но и раскрывают стратегические соображения двух стран на глобальной арене общественного мнения.

Новости экономики и технологий, а также новости политики и безопасности - две категории с наибольшей долей освещения Синьхуа, составляющие 32% и 23% соответственно. Это свидетельствует о том, что «Синьхуа» уделяет первостепенное внимание вопросам, связанным с мощью страны в международных коммуникациях, особенно экономическому развитию и технологическим инновациям, стремясь укрепить имидж Китая как движущей силы мировой экономики и лидера в области научно-технических инноваций. В то же время новости политики и безопасности подчеркивают стратегическую позицию и внешнюю политику Китая в международных делах. Благодаря такой постановке вопросов «Синьхуа» тесно увязывает свою коммуникацию с национальной стратегией развития Китая и доносит до международной аудитории основной тезис «Подъем Китая».

Согласно данным, новости об окружающей среде и устойчивом развитии (например, снежная сцена в Харбине, контроль качества воздуха в Пекине, зимний пейзаж в Аньхой) составили 16 % значков категории, что не только соответствует озабоченности международного сообщества экологическими проблемами, но и успешно демонстрирует ответственность и действия Китая в глобальном экологическом управлении, создавая образ «ответственной великой державы». Определенную долю в классификации занимают новости о развлечениях и образе жизни (6 %) и новости социальной и культурной жизни (10 %). Такие новости, как вручение премии «Золотой петушок» в Сямэне, отражают деятельность Китая в сфере

культуры, и этот тип новостей помогает распространять «мягкую силу» Китая за рубежом.

Результаты и обсуждения

Распространение новостного контента Синьхуа в значительной степени соответствует национальной коммуникационной стратегии Китая, особенно его инвестиции в глобальные вопросы, такие как экономика, наука и техника, окружающая среда, что подчеркивает имидж Китая как участника глобального управления. Между тем, данные о взаимодействии с пользователями показывают, что новости об окружающей среде, науке и технике, образовании более популярны среди международной аудитории, в то время как новости о культуре и развлечениях, политике и безопасности имеют более ограниченное распространение. Синьхуа может повысить свой коммуникационный эффект и уровень взаимодействия с пользователями, оптимизировав формат новостей, улучшив визуальную коммуникацию и увеличив количество контента, соответствующего интересам международной аудитории. Такая корректировка коммуникационной стратегии на основе данных поможет Синьхуа еще больше укрепить и расширить свое влияние на международной арене общественного мнения.

Почти половина новостного контента RT относится к категории «Новости политики и безопасности», что свидетельствует о том, что в центре внимания RT находятся глобальные геополитические проблемы, в частности внешние отношения России, внутренняя безопасность и международные конфликты. Значительная доля новостей в этой категории свидетельствует о стремлении RT формировать центральную роль России в международных делах и влиять на мировое общественное мнение путем распространения конкретных политических нарративов, особенно в чувствительных и спорных регионах.

Вторая по величине категория новостей - новости экономики и технологий - отражает внимание RT к динамике мировой экономики и технологическим инновациям. В них освещаются вопросы энергетической безопасности, международной торговой политики и развития цифровых технологий. Это соответствует роли России как крупного мирового экспортера энергоресурсов и ее усилиям по повышению международной конкурентоспособности в области науки и технологий.

Социальные и культурные новости – третья по величине категория новостей RT, посвященная традиционной российской культуре, социальной динамике и человеческим историям. Эта категория играет важную роль в коммуникации «мягкой силы», направленной на создание доступного образа

России через культурную коммуникацию и привлечение зрителей, заинтересованных в культурных обменах. В центре новостного контента RT находятся новости политики и безопасности, что подчеркивает его позиционирование как формирователя глобального геополитического мнения. Эта стратегия особенно важна в контексте напряженных отношений России с Западом. В то же время она укрепляет жесткую силу России через экономические и технологические новости, одновременно увеличивая распространение мягкой силы через социальные и культурные новости, добавляя близость к международному имиджу России, отдавая приоритет темам, непосредственно связанным с национальными интересами России, в то время как приоритет отдается здравоохранению, образованию и другим темам. Приоритет отдается темам, непосредственно связанным с национальными интересами России, и меньше внимания уделяется здравоохранению и образованию, что свидетельствует о высокой целевой и стратегической направленности новостного контента, ориентированного на аудиторию, интересующуюся международной политической и экономической динамикой, а также привлекающего внимание широкой аудитории за счет культурного контента.

Распространение контента отражает целенаправленную коммуникационную стратегию с акцентом на политику и экономику и балансом культурных и экологических вопросов для расширения охвата. RT поддерживает свою борьбу за власть на международной арене, усиливая критику западных нарративов и подчеркивая глобальную роль и ценности России. Однако низкий уровень освещения вопросов здравоохранения, образования и развлечений говорит о том, что коммуникационная стратегия издания отдает предпочтение жесткому новостному сектору и имеет ограниченную привлекательность в ежедневных, легких новостях.

Три независимые переменные, а именно «месяц», «день недели» и «час», извлекаются из времени публикации контента, чтобы проанализировать влияние временного периода публикации контента на вовлеченность пользователей.

Что касается факторов, влияющих на эффект коммуникации, то для построения множественной линейной регрессионной модели использовался метод spss, который позволил исследовать причинно-следственные связи и влияние между показателями категории темы, формата видео, времени выхода видео и участия пользователей. Перед построением модели в данном исследовании переменные категории в независимых переменных были заданы как фиктивные переменные, и была проведена проверка ковариации независимых пе-

ременных. Результаты показывают, что значения коэффициента инфляции дисперсии (VIF) всех независимых переменных в данном исследовании меньше 3, что говорит об отсутствии мультиколлинеарности среди независимых переменных и о том, что все они могут быть введены в регрессионную модель.

Статистический анализ образцов Синьхуа показывает, что «лайк» стал наиболее распространенным способом вовлечения пользователей, который является основным показателем поведения взаимодействия пользователей, непосредственно отражающим признание пользователями контента. Комментарии и ретвиты отражают готовность пользователей к социальному взаимодействию и глубину распространения информации, соответственно. Максимальное значение количества «лайков» одного видео достигает 5364, минимальное - 40, а среднее количество «лайков» превышает 300, что значительно выше, чем количество комментариев и ретвитов. Максимальное значение количества комментариев к одному фрагменту контента составляет 1059, максимальное значение количества ретвитов - 672, а минимальное значение - 0. По среднему значению количество комментариев к одному фрагменту контента 21 сопоставимо с количеством ретвитов к одному фрагменту контента 16.

Статистические результаты показывают, что (Entertainment and Lifestyle News) имеют коэффициент регрессии 0,000 ($t=5,680$, $p=0,000<0,01$), что означает, что (Entertainment and Lifestyle News) оказывают значительное положительное влияние на вовлеченность пользователей. Это означает, что новости о развлечениях и стиле жизни оказывают значительное положительное влияние на вовлеченность пользователей. Например, новостное видео «Мужчина в возрасте 70 лет выполняет удивительные трюки на турнике в Шэньяне.» Новостное видео набрало 5 364 «лайка», 296 комментариев и 597 ретвитов при 190 000 просмотров; «В начальной школе провинции Гуйчжоу ученики во время отдыха на перемене исполняют танец шаффл». Новостное видео получило 4001 лайк, 360 комментариев, 372 ретвита и 120 000 просмотров. Нетрудно заметить, что эти новости тесно связаны с повседневной жизнью китайцев и больше интересуют аудиторию платформы VK.

(Environmental and Sustainability News) со значением коэффициента регрессии 0,000 ($t=5,634$, $p=0,000<0,01$). Это означает, что (Environmental and Sustainability News) оказывают значительное положительное влияние на вовлеченность пользователей. Систематически анализируя образцы новостей в этой тематической категории, мы обна-

ружили, что информационное агентство Синьхуа часто отправляет новости о красивых пейзажах различных регионов Китая в разное время года, чтобы показать прекрасный образ Китая внешнему миру. Например, «Весной Китай.»; «В национальном природном заповеднике Джомолунгма, по оценке ученых, обитают от 106 до 114 снежных леопардов.»; «Живописный вид горы Хуашань после дождя.» и так далее. Новости с естественным ландшафтом визуально привлекательны, но глубина взаимодействия слабая, и пользователи больше склонны ставить лайк, чем ретвитить.

(Economic and Technological News) составляет 0,000 ($t=5,794$, $p=0,000<0,01$), что означает, что (Economic and Technological News) будут иметь значительную положительную связь с вовлеченностью пользователей. Например, «В городе Шэньчжэнь провинции Гуандун открылась линия метро с беспилотными поездами.» получила 1984 лайка, 172 комментария и 306 ретвитов. «Четвероногий робот в виде собаки привлекает внимание гостей на Всемирной конференции робототехники-2022 в Пекине». Она получила 1 074 «лайка», 102 комментария и 110 ретвитов. 70 000+ просмотров. Освещающая экономическое развитие Китая и динамику развития науки и техники, он демонстрирует более полное представление о Китае и силе развития страны.

(Political and Security News) 0,000 ($t=5,404$, $p=0,000<0,01$). Это означает, что (Political and Security News) оказывают значительное положительное влияние на вовлеченность пользователей. Например, «Страны БРИКС должны с твердой волей и смелостью действительно продвигать мир и развитие, отстаивать справедливость и равноправие, защищать демократию и свободу». Новость набрала почти 80 000 просмотров и 1 956 лайков, но менее 100 комментариев и ретвитов. «Цзян Цзэминь скончался в Шанхае 30 ноября 2022 года в возрасте 96 лет от лейкемии и полиорганной недостаточности». Сообщение получило 1 850 лайков, 300 комментариев, 111 ретвитов и более 100 000 просмотров, привлекая все больше пользователей благодаря своей деликатности и своевременности.

Значение коэффициента регрессии для (Social and Cultural News) составляет 0,000 ($t=5,413$, $p=0,000<0,01$), что означает, что (Social and Cultural News) оказывают значительное положительное влияние на вовлеченность пользователей. Благодаря эмоциональным повествованиям они значительно повышают эмоциональный резонанс и готовность пользователей к пересылке.

Коэффициент регрессии для (Legal and Human Rights News) 0,000 ($t=4,926$, $p=0,000<0,01$), что

означает, что (Legal and Human Rights News) оказывают значительное положительное влияние на вовлеченность пользователей.

Коэффициент регрессии (Breaking News and Crisis News) 0,000 ($t=4,431$, $p=0,000<0,01$), что означает, что (Breaking News and Crisis News) оказывают значительное положительное влияние на вовлеченность пользователей. Взаимосвязь между (Breaking News and Crisis News) является значимой и положительной.

Выводы

Темы новостей оказывают значительное влияние на вовлеченность пользователей, особенно новости о развлечениях и образе жизни и новости

об окружающей среде и устойчивом развитии, в то время как новости о политике и безопасности и новости о социальной и культурной жизни имеют самый высокий уровень вовлеченности пользователей, привлекая больше лайков, комментариев и ретвитов. Развлекательные новости демонстрируют лучшие показатели по количеству лайков, но число ретвитов относительно невелико, а глубина коммуникации недостаточна. Временные переменные (например, неделя, месяц) не оказывают существенного влияния на вовлеченность пользователей, что позволяет предположить, что эффект распространения в большей степени зависит от качества контента, чем от времени публикации.

Список источников

1. Ван С. Исследование эффективности китайских новых медиакоммуникаций в цифровой среде // В сборнике: Глобальные социальные процессы 3.0: социальное управление и экономическое развитие в цифровом обществе. Российско-Китайский Центр сравнительных социальных, экономических и политических исследований направления «Социология» СПбГУ; Российско-китайское социологическое студенческое научное общество СПбГУ. Санкт-Петербург, 2022. С. 240 – 249.
2. Чжан Ц. Иммерсивные технологии рекламных медиакоммуникаций на площадках новых медиа в Китае // В сборнике: Медиацентризм СКФУ: взгляд молодых исследователей: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ставрополь, 2022. С. 88 – 89.
3. Богатов А.В., Самойленко Д.Н. Особенности распространения, методы и технологии противодействия распространению ложной информации в электронных СМИ в национальных сегментах сети Интернет // Вестник современных цифровых технологий. 2023. № 14. С. 42 – 53.
4. Люй Ц. Использование русскоязычных онлайн-платформ в Китае: достижения, проблемы, популярные стратегии преподавания и обучения // Научные записки академии. 2023. № 3 (47). С. 32 – 40.
5. Китаев Я.О., Чжан И., Чжан Ш. Особенности российской и китайской интернет-коммуникации (голосовые сообщения) // В сборнике: Новые горизонты РКИ. Сборник материалов II Азиатского международного форума. Якутск, 2023. С. 188 – 193.
6. Хэ И. «Волшебный» контент на китайских онлайн-платформах // В сборнике: Terra scimus. Коллекция материалов Транснациональной научно-аналитической сессии. Барнаул, 2023. С. 112 – 114.
7. Исаев А.С. Новые медиа и социальные сети КНР // В книге: Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. Смирнов Д.А., Трошинский П.В., Каменнов П.Б., Островский А.В., Новоселова Л.В., Баженова Е.С., Коледенкова Н.Н., Бони Л.Д., Чуванкова В.В., Сазонов С.Л., Пиковер А.В., Кранина Е.И., Прохорова Н.В., Варфаловская Р.А., Тереньтева Т.Г., Исаев А.С., Демидо Н.Ю., Коробова А.Н., Портяков В.Я., Уянаев С.В. и др. Москва, 2022. С. 192 – 205.
8. Сунь С., Калиберда Е.А. Анализ необходимости создания информационной платформы для взаимодействия России и Китая // В сборнике: Системы управления, информационные технологии и математическое моделирование: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Отв. редактор В.А. Бадрызов. Омск, 2023. С. 515 – 520.
9. Гурбанова Х.И.К. Роль медиакоммуникаций в современном обществе // В сборнике: Молодая наука – 2023. Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Пятигорск, 2023. С. 41 – 43.
10. Юдина Т.Н. Влияние цифровых технологий на СМИ. О значении контента и культуры в РФ и Китае // В сборнике: Глобальные вызовы международного сотрудничества: Сборник статей Международной научной ассамблеи. Москва, 2022. С. 230 – 235.

References

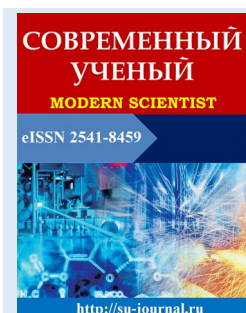
1. Wang S. Study of the effectiveness of Chinese new media communications in the digital environment. In the collection: Global social processes 3.0: social governance and economic development in the digital society. Russian-Chinese Center for Comparative Social, Economic and Political Research, Sociology, St. Petersburg State University; Russian-Chinese Sociological Student Scientific Society of St. Petersburg State University. St. Petersburg, 2022. P. 240 – 249.
2. Zhang Q. Immersive technologies of advertising media communications on new media platforms in China. In the collection: Media readings of SKFU: the view of young researchers: Collection of materials of the International scientific and practical conference. Stavropol, 2022. P. 88 – 89.
3. Bogatov A.V., Samoylenko D.N. Features of distribution, methods and technologies of counteracting the spread of false information in electronic media in national segments of the Internet. Bulletin of modern digital technologies. 2023. No. 14. P. 42 – 53.
4. Lu Q. Use of Russian-language online platforms in China: achievements, problems, popular teaching and learning strategies. Scientific notes of the Academy. 2023. No. 3 (47). P. 32 – 40.
5. Kitaev Ya.O., Zhang Y., Zhang Sh. Features of Russian and Chinese Internet communication (voice messages). In the collection: New horizons of RKI. Collection of materials of the II Asian international forum. Yakutsk, 2023. P. 188 – 193.
6. He Y. “Magic” content on Chinese online platforms. In the collection: Terra scimus. Collection of materials of the Transnational scientific and analytical session. Barnaul, 2023. P. 112 – 114.
7. Isaev A.S. New media and social networks of the People's Republic of China. In the book: The People's Republic of China: politics, economics, culture. Smirnov D.A., Troshchinsky P.V., Kamennov P.B., Ostrovsky A.V., Novoselova L.V., Bazhenova E.S., Koledenkova N.N., Boni L.D., Chuvankova V.V., Sazonov S.L., Pikover A.V., Kranina E.I., Prokhorova N.V., Varfalovskaya R.A., Terenteva T.G., Isaev A.S., Demido N.Yu., Korobova A.N., Portyakov V.Ya., Uyanaev S.V. and others. Moscow, 2022. P. 192 – 205.
8. Sun S., Kaliberda E.A. Analysis of the need to create an information platform for interaction between Russia and China. In the collection: Control systems, information technologies and mathematical modeling: Proceedings of the V All-Russian scientific and practical conference with international participation. Responsible. editor V.A. Badryzlov. Omsk, 2023. P. 515 – 520.
9. Gurbanova H.I.K. The role of media communications in modern society. In the collection: Young science – 2023. Proceedings of the regional interuniversity scientific and practical conference of students, graduate students and young scientists. Pyatigorsk, 2023. P. 41 – 43.
10. Yudina T.N. The influence of digital technologies on the media. On the Importance of Content and Culture in the Russian Federation and China. In the collection: Global Challenges of International Cooperation: Collection of Articles of the International Scientific Assembly. Moscow, 2022. P. 230 – 235.

Информация об авторе

Чжу Хуэйцзе, аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Huijie@rudn.ru

© Чжу Хуэйцзе, 2025

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 373.24

Современные тенденции цифровизации дошкольного образования

¹ Гордеева В.В., ¹ Бирина Е.Р.

¹ Пензенский государственный университет

Аннотация: в статье рассматриваются современные тенденции цифровизации дошкольного образования, а также ее влияние на процесс обучения, воспитания и развития детей. Дается определение понятию «цифровизация образования» и характеристика осуществления этого процесса на дошкольной ступени. Также авторы выделяют основные инструменты, с помощью которых возможно осуществление цифрового образования в дошкольных организациях. Дается их краткая характеристика и варианты применения в ходе построения образовательного процесса с детьми дошкольного возраста. Также авторами анализируются преимущества и возможные риски использования цифровых технологий в образовательной среде дошкольных организаций. Отмечается особая роль цифровых инструментов, применяемых в современном дошкольном образовании, в формировании когнитивных и социальных навыков у дошкольников. Также в статье дается подробная характеристика воздействия цифровых образовательных инструментов на формирование у дошкольников системы знаний и отношений об окружающем мире. Авторы статьи выделяют положительные и негативные моменты, которые влечет за собой цифровизация образования в среде детей дошкольного возраста. Описаны перспективы интеграции цифровых инструментов в традиционные педагогические подходы, а также рекомендации по их безопасному и эффективному применению.

Ключевые слова: дети дошкольного возраста, цифровизация, цифровые технологии, дошкольное образование

Для цитирования: Гордеева В.В., Бирина Е.Р. Современные тенденции цифровизации дошкольного образования // Современный ученый. 2025. № 4. С. 238 – 243.

Поступила в редакцию: 1 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 2 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Current trends in the digitalization of preschool education

¹ Gordeeva V.V., ¹ Birina E.R.

¹ Penza State University

Abstract: the article examines current trends in the digitalization of preschool education, as well as its impact on the process of education, upbringing and development of children. The definition of the concept of «digitalization of education» and the characteristics of the implementation of this process at the preschool stage are given. The authors also identify the main tools that can be used to implement digital education in preschool organizations. Their brief description and application options are given in the course of building the educational process with pre-

school children. The authors also analyze the advantages and possible risks of using digital technologies in the educational environment of preschool organizations. The special role of digital tools used in modern preschool education in the formation of cognitive and social skills among preschoolers is noted. The article also provides a detailed description of the impact of digital educational tools on the formation of a system of knowledge and attitudes about the world among preschoolers. The authors of the article highlight the positive and negative aspects that the digitalization of education entails among preschool children. The prospects of integrating digital tools into traditional pedagogical approaches are described, as well as recommendations for their safe and effective use.

Keywords: preschool children, digitalization, digital technologies, preschool education

For citation: Gordeeva V.V., Birina E.R. Current trends in the digitalization of preschool education. Modern Scientist. 2025. 4. P. 238 – 243.

The article was submitted: December 1, 2024; Approved after reviewing: February 2, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

В современном мире цифровые технологии проникают во все сферы жизни, включая образование. Цифровизация в настоящее время является важным направлением развития системы дошкольного образования, предлагая новые возможности для воспитания, обучения и развития детей в этот возрастной период.

Современное дошкольное образование развивается в контексте вызовов времени. Скорость появления цифровых технологий опосредует необходимость изменений методов проектирования и реализации педагогической деятельности в дошкольной образовательной организации [7].

Данная проблема изучалась в исследованиях Н.Е. Вераксы, Л.В. Байбородовой, О.А. Бондарчук и др. [1, 2, 3].

Использование интерактивных платформ, мобильных приложений, образовательных игр и мультимедийных ресурсов позволяет повысить мотивацию детей, улучшить усвоение знаний и развить ключевые когнитивные навыки.

Однако внедрение цифровых технологий в дошкольное образование вызывает как поддержку, так и критику. С одной стороны, они способствуют индивидуализации обучения, развитию познавательной активности и креативности детей. С другой – появляются риски, связанные с избыточным экранным временем, снижением живого общения и возможными негативными последствиями для психического и физического здоровья ребенка.

Материалы и методы исследований

Исследование основано на анализе научной литературы и нормативных документов в сфере дошкольного образования. Для выполнения работы были изучены научные и методические источники по проблеме цифровизации дошкольного образования. Результаты имеющихся в настоящее время исследований по данному направлению были тща-

тельно проанализированы, систематизированы и обобщены с целью изучения поставленного вопроса и определения различных точек зрения на исследуемую проблему.

Результаты и обсуждения

В последнее десятилетие системы образования разных стран претерпели громадные изменения, вызванные постиндустриальной эпохой и четвертой технологической революцией, в результате которой индустриальный уклад, опирающийся на производящую экономику, сменился на постиндустриальный, опирающийся на экономику знаний [9].

Цифровизация в образовании – это переход от традиционного образования к цифровому, то есть образование с применением цифровых образовательных ресурсов, представленных в цифровой, электронной, «компьютерной» форме.

Сегодня для осуществления образовательной деятельности с представителями современного поколения цифровизация становится все более актуальной и уже неотъемлемой частью в образовании, начиная с детского сада. Меняется поколение – меняются и способы обучения и воспитания детей. Современные дети – это так называемые «цифровые» или дети будущего, поколение Z. Они уже чуть ли не с младенчества знают, что такое смартфон и как им управлять.

В современном дошкольном образовании двадцать первого века, в сравнении с предыдущими периодами его развития, происходят значительные перемены, которые касаются в большей степени методов и средств организации образовательного процесса в детском саду [4].

В современном мире цифровизация стала неотъемлемой частью образовательного процесса. В дошкольном образовании она также играет важную роль, способствуя развитию детей, а также повышению качества обучения и воспитания.

Современное дошкольное образование все чаще прибегает к интерактивным и цифровым формам построения педагогического процесса, представляющего собой сложную систему и требующего постоянного прогресса [10].

Цифровизация дошкольного образования – это важный этап развития системы обучения и воспитания на данной возрастной ступени, который открывает новые возможности для развития детей. Однако важно подходить к этому процессу осознанно, учитывая как преимущества, так и возможные риски. Грамотное внедрение цифровых технологий поможет создать современную, эффективную и безопасную образовательную среду для дошкольников. Использование информационных технологий в современном образовании диктуется стремительным развитием информационного общества, широким распространением технологий мультимедиа, электронных информационных ресурсов, сетевых технологий в качестве средства обучения, общения и воспитания [8].

Существуют следующие цифровые устройства, применяемые в работе с детьми на ступени дошкольного образования. Кроме всем нам известных компьютеров, ноутбуков, планшетов, проекторов, интерактивных досок, есть еще и специально созданные для обучения дошкольников цифровые устройства. Перечислим наиболее известные из них, созданные в последнее пятилетие:

- интерактивный скалодром, представляющий собой стену, оборудованную выступами для лазания и меняющую свой дизайн в зависимости от выбора игры; способствует не только физическому развитию, но и активизации мыслительной деятельности, становлению произвольности внимания, совершенствованию ориентировки в пространстве;

- интерактивная песочница, представляющая собой один из новейших методов песочной терапии, включающий комплекс обучающих занятий по современному развитию детей, способствующих развитию мелкой моторики рук, снятию психоэмоционального напряжения, развитию речи и познавательных процессов;

- интерактивная детская мультстудия, представляющая собой творческую мастерскую для создания анимационных фильмов, которая включает в себя все необходимые материалы и инструменты, позволяя детям создавать свои собственные мультфильмы, используя различные техники анимации и следуя интуитивно понятному интерфейсу;

- интерактивный пол – это инновационная технология, представляющая собой систему,

которая использует проекторы и специальные сенсоры для создания визуальных эффектов, реагирующие на движения и касания пользователей, которая создает интерактивное пространство на полу, где дети могут взаимодействовать с виртуальными объектами и эффектами; позволяет ребенку играть, учиться и развиваться в увлекательной интерактивной среде (проводить физические упражнения, решать головоломки, создавать и взаимодействовать с виртуальными объектами, а также участвовать в командных играх);

- интерактивная тумба – это мультимедийное устройство в виде тумбы на колесах с компьютером и проектором, позволяющее проецировать изображение на пол, с помощью которого можно развернуть интерактивную игровую площадку в любом помещении, а возможности их программного обеспечения позволяют превратить игру в интересное, познавательное и запоминающееся занятие в детском саду;

- интерактивный стол для дошкольных образовательных организаций – это большой сенсорный экран, которым можно управлять с помощью прикосновений, с развивающими играми, мультфильмами и приложениями;

- интерактивные комплексы, представляющие собой устройства, которые обеспечивают эффективное взаимодействие с информацией и включают в себя совокупность мультимедийных возможностей, объединенных в единую систему, в которых сочетаются функции дисплея, компьютера, сенсорной панели и множества других устройств [6].

Все это представляет собой цифровые инструменты образования, которые можно использовать в работе с дошкольниками.

Преимущества цифровизации в дошкольном образовании:

- повышение мотивации – дети с удовольствием осваивают новые знания, преподносимые им в цифровом формате;

- индивидуализация обучения – цифровые технологии позволяют адаптировать задания под уровень развития каждого ребенка;

- развитие когнитивных навыков – логические игры, задания на память, внимание и другие познавательные процессы способствуют развитию интеллекта;

- доступность образования – цифровые платформы дают возможность обучаться в любом месте и в удобное время.

Также, следует отметить риски, связанные с цифровизацией дошкольного образования:

- снижение живого общения – чрезмерное

увлечение цифровыми технологиями может ограничить социальные контакты детей;

- проблемы со зрением и осанкой – длительное использование гаджетов и разнообразных цифровых инструментов может негативно сказаться на здоровье дошкольников;

- сложности у педагогов – необходимость обучения и адаптации к новым технологиям;

- риски информационной безопасности – важно контролировать доступ детей к нежелательному контенту.

Чтобы цифровизация в дошкольном образовании, как и в других сферах ее применения, приносила пользу, важно соблюдать баланс между традиционными и цифровыми методами обучения. В этой связи при работе дошкольников в цифровой среде и с соответствующим оборудованием рекомендуется:

- ограничивать время использования гаджетов в соответствии с возрастными нормами;

- сочетать цифровые технологии с активными играми и живым общением;

- контролировать качество контента и подбирать безопасные ресурсы;

- обучать педагогов эффективному использованию цифровых инструментов.

Цифровое образование представляет собой важный этап модернизации образовательной системы, который открывает новые возможности для развития и обучения детей. При грамотном и сбалансированном подходе использование цифровых технологий способствует повышению мотивации, развитию когнитивных способностей и индивидуализации образовательного процесса. Однако для успешной интеграции инноваций необходим комплекс мер, включающих обучение педагогов, сотрудничество с родителями, контроль качества контента и регулярную оценку эффективности внедряемых методик [5].

Использование цифровых технологий в детских садах позволяет индивидуализировать обучение, развивать творческие способности и познавательные интересы малышей. Однако при этом необходимо учитывать аспекты безопасности, соответствия возрастным особенностям и интеграции с традиционными формами обучения.

Цифровизация дошкольного образования также помогает детям развивать цифровые навыки, такие, как работа с компьютером, использование различных приложений и программ. Это готовит их к успешному обучению в школе и дальнейшей жизни.

С помощью цифровых технологий создаются интерактивные образовательные материалы, которые делают обучение дошкольников более инте-

ресным и эффективным. Дети могут взаимодействовать с учебными материалами, выполнять задания и получать обратную связь.

Цифровизация позволяет адаптировать образовательный процесс под индивидуальные потребности каждого ребенка. Это помогает учитывать его интересы, способности и уровень развития.

Цифровизация делает дошкольное образование доступным для детей из разных регионов и социальных групп. Это способствует выравниванию образовательных возможностей и сокращению неравенства.

Цифровые технологии позволяют также отслеживать прогресс детей в обучении и оценивать их достижения. Это помогает педагогам корректировать образовательный процесс и обеспечивать индивидуальный подход к каждому ребенку.

Цифровизация дошкольного образования продолжает развиваться и совершенствоваться. В настоящее время в этом направлении можно выделить следующие тенденции:

- интеграция цифровых технологий в традиционные образовательные программы, что позволяет сделать обучение комплексным, систематизированным и эффективным, учитывая индивидуальные особенности и потребности каждого ребенка;

- разработка специализированных мобильных приложений и игр для дошкольников, которые способствуют развитию когнитивных навыков, моторики, творческих способностей и социализации детей;

- внедрение искусственного интеллекта и машинного обучения в образовательный процесс детских садов, что позволяет автоматизировать некоторые задачи педагогов, например, мониторинг развития и составление индивидуальных планов обучения;

- развитие онлайн-курсов и платформ для дистанционного обучения, что даст возможность детям из отдаленных районов или с ограниченными возможностями здоровья получить качественное дошкольное образование и коррекционную помощь, не выходя из дома;

- сотрудничество между образовательными учреждениями и IT-компаниями, которое позволяет разрабатывать инновационные решения и продукты для улучшения образовательного процесса в дошкольных организациях;

- повышение квалификации педагогов в области цифровых технологий, что обеспечивает им возможность эффективно использовать современные инструменты и методики в обучении и воспитании детей дошкольного возраста.

Дальнейшее развитие цифровизации в системе дошкольного образования требует не только тех-

нологической поддержки, но и глубокого педагогического анализа, позволяющего учитывать уникальные особенности каждого ребенка и создавать условия для его гармоничного развития.

Выводы

Цифровизация дошкольного образования имеет множество преимуществ и перспектив. Она способствует развитию детей, повышает качество обучения и доступность образования. Однако важно помнить о необходимости разумного использования цифровых инструментов.

Цифровизация дошкольного образования является важным направлением развития образовательной системы. Она способствует развитию де-

тей, повышению качества обучения и доступности образования. Однако необходимо помнить о важности соблюдения баланса между традиционным и цифровым образованием, а также о необходимости обеспечения безопасности и защиты персональных данных детей.

Таким образом, цифровизация дошкольного образования имеет огромный потенциал для улучшения образовательного процесса и подготовки детей к успешной жизни в современном обществе. Важно продолжать развивать это направление, учитывая интересы и потребности современных дошкольников, их родителей и педагогов детских садов.

Список источников

1. Байбородова Л.В. Трансформация дидактических принципов в условиях цифровизации образования // Педагогика. 2020. № 7. С. 22 – 30.
2. Бондарчук О.А. Особенности формирования мировоззрения дошкольника под влиянием информационных технологий // Научный альманах. 2019. № 5-3 (55). С. 136 – 138.
3. Веракса Н.Е. Проблема средств в цифровом обучении // Педагогика. 2020. № 4. С. 19 – 26, 136 – 138.
4. Дерлюк Н.Н. Дошкольное образование в эпоху цифровизации // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2021. № 3. С. 205 – 210.
5. Зюзина Т.Н., Третьяков А.Л. Педагогическая специфика цифровизации экологического образования детей дошкольного и младшегошкольного возраста // Мир образования – образование в мире. 2020. № 3 (79). С. 27 – 36.
6. Комарова И.И. Будущее дошкольного образования в эпоху цифровизации // Современное дошкольное образование. 2018. № 8 (90). С. 16 – 25.
7. Литвинова С.Н., Челышева Ю.В. Цифровая трансформация образовательной среды дошкольной образовательной организации // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2021. Вып. 62. С. 99 – 112.
8. Менькова В.А. Цифровизация в сфере дошкольного образования в условиях пандемии из-за коронавирусной инфекции (COVID-19) // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 27. С. 630 – 635.
9. Скорнякова А.В. Дошкольное образование и цифровизация: цели, проблемы и риски // Образование в Кировской области. 2024. № 3 (71). С. 81 – 83.
10. Сторожева С.Л., Скавычева Е.Н. Проблема цифровизации дошкольного образования // Ученые записки НТГСПИ. Серия: Педагогика и психология. 2023. № 2. С. 41 – 50.

References

1. Bayborodova L.V. Transformation of didactic principles in the context of digitalization of education. Pedagogy. 2020. No. 7. P. 22 – 30.
2. Bondarchuk O.A. Features of the formation of a preschooler's worldview under the influence of information technologies. Scientific almanac. 2019. No. 5-3 (55). P. 136 – 138.
3. Veraksa N.E. The problem of means in digital learning. Pedagogy. 2020. No. 4. P. 19 – 26, 136 – 138.
4. Derlyuk N.N. Preschool education in the era of digitalization. Conference ASOU: collection of scientific papers and materials of scientific and practical conferences. 2021. No. 3. P. 205 – 210.
5. Zyuzina T.N., Tretyakov A.L. Pedagogical specifics of digitalization of environmental education of preschool and primary school children. The world of education – education in the world. 2020. No. 3 (79). P. 27 – 36.
6. Komarova I.I. The future of preschool education in the era of digitalization. Modern preschool education. 2018. No. 8 (90). P. 16 – 25.
7. Litvinova S.N., Chelysheva Yu.V. Digital transformation of the educational environment of a preschool educational organization. Bulletin of PSTGU. Series IV: Pedagogy. Psychology. 2021. Issue. 62. P. 99 – 112.
8. Menkova V.A. Digitalization in the field of preschool education in the context of the pandemic due to coronavirus infection (COVID-19). Innovations. Science. Education. 2021. No. 27. P. 630 – 635.

9. Skornyakova A.V. Preschool education and digitalization: goals, problems and risks. Education in the Kirov region. 2024. No. 3 (71). P. 81 – 83.

10. Storozheva S.L., Skavycheva E.N. The problem of digitalization of preschool education. Scientific notes of NTGSPI. Series: Pedagogy and Psychology. 2023. No. 2. P. 41 – 50.

Информация об авторах

Гордеева В.В., кандидат педагогических наук, доцент, Пензенский государственный университет

Бирина Е.Р., Пензенский государственный университет

© Гордеева В.В., Бирин Е.Р., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 37.013; 37.03; 165.2; 159.95

Взаимосвязь подсистем психики в парадигме развития системного мышления

¹ Глебова М.В.

¹ Управление образования администрации города Прокопьевска

Аннотация: в статье осуществляется поиск методологических ориентиров и доминирующих факторов, влияющих на развитие когнитивных структур личности в процессе обучения. Актуальность исследования строится на необходимости разработки логико-психологических и методологических аспектов педагогической деятельности, направленной на формирование и развитие мышления обучающихся в условиях нарастающей сложности социокультурной и образовательной среды, неподготовленностью обучающихся к интегрирующим функциям познания. Цель исследования определяется необходимостью логического обоснования взаимосвязи подсистем психики в контексте ключевых идей развития системного мышления как важнейшего механизма познавательной деятельности и результата обучения. Задачами исследования являются: анализ особенностей системного мышления на основе понимания психической реальности как отражательной и регулирующей поведение деятельности мозга, логическое обоснование взаимосвязи подсистем психики в контексте ключевых идей развития системного мышления; определение методологического значения установленных взаимосвязей подсистем психики в целостной системе для педагогической практики. Научная новизна строится на разрешении противоречий между потребностью педагогической практики в моделях образовательной деятельности, адекватных новой реальности, и неготовностью классической дидактики к их системной разработке. Это позволило автору определить контуры модели системного мышления с учетом междисциплинарного подхода: структурно-функциональные блоки (структурные компоненты психики, складывающиеся в подсистемы) и процессуальные (интегрирующие) механизмы. Автором проанализированы особенности системного мышления с учетом нейробиологической аргументации психической деятельности, описан процесс системного мышления как целостная, сложная, многоуровневая система эмерджентного типа. В качестве основополагающих принципов системного мышления выделены: взаимосвязанность элементов; синтез; диссипативность; синергия; циклы обратной связи при обработке информации; цикличность причинно-следственных связей в усложняющихся контекстах; схематичность и визуализация. Представленные результаты могут быть использованы для разработки программно-методических, дидактических материалов, применение которых способствует активизации личностных качеств и развитию системного мышления обучающихся, определения векторов дальнейших исследований, восполняющих дефицит знаний об организации современных процессов обучения.

Ключевые слова: системное мышление, психические процессы, познание, психология личности, классификация подсистем психики, методология обучения, системный подход

Для цитирования: Глебова М.В. Взаимосвязь подсистем психики в парадигме развития системного мышления // Современный ученый. 2025. № 4. С. 244 – 252.

Поступила в редакцию: 23 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 25 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Interrelation of subsystems of the psyche in the paradigm of the development of systems thinking

¹ Glebova M.V.

¹ *Department of Education of the Administration of the City of Prokopyevsk*

Abstract: the article searches for methodological guidelines and dominant factors influencing the development of cognitive structures of personality in the learning process. The relevance of the study is based on the need to develop logical-psychological and methodological aspects of pedagogical activity aimed at the formation and development of students' thinking in the context of the increasing complexity of the socio-cultural and educational environment, the unpreparedness of students for the integrating functions of cognition. The aim of the study is determined by the need for a logical justification of the relationship between the subsystems of the psyche in the context of the key ideas of the development of systemic thinking as the most important mechanism of cognitive activity and the result of learning. The objectives of the study are: analysis of the features of systemic thinking based on the understanding of mental reality as reflective and behavior-regulating activity of the brain, logical justification of the relationship between the subsystems of the psyche in the context of the key ideas of the development of systemic thinking; determination of the methodological significance of the established relationships of the subsystems of the psyche in an integral system for pedagogical practice. Scientific novelty is based on resolving the contradictions between the need of pedagogical practice for models of educational activity adequate to the new reality, and the unpreparedness of classical didactics for their systemic development. This allowed the author to define the contours of the systemic thinking model taking into account the interdisciplinary approach: structural and functional blocks (structural components of the psyche, forming subsystems) and procedural (integrating) mechanisms. The author analyzes the features of systemic thinking taking into account the neurobiological argumentation of mental activity, describes the process of systemic thinking as a holistic, complex, multi-level system of an emergent type. The following are identified as fundamental principles of systemic thinking: interconnectedness of elements; synthesis; dissipativity; synergy; feedback loops in information processing; cyclicity of cause-and-effect relationships in increasingly complex contexts; schematicity and visualization. The presented results can be used to develop program-methodical, didactic materials, the use of which contributes to the activation of personal qualities and the development of systemic thinking of students, determining the vectors of further research that make up for the lack of knowledge about the organization of modern learning processes.

Keywords: systemic thinking, mental processes, cognition, personality psychology, classification of subsystems of the psyche, teaching methodology, systematic approach

For citation Glebova M.V. Interrelation of subsystems of the psyche in the paradigm of the development of systems thinking. Modern Scientist. 2025. 4. P. 244 – 252.

The article was submitted: January 23, 2025; Approved after reviewing: February 25, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Поиск адекватных образовательных стратегий, соразмерных динамике сложности современного мира, способствует развитию интерпретаций системного подхода в образовании. Возросшая скорость социокультурных трансформаций, усиливающееся давление информационных потоков, стремительное развитие систем искусственного интеллекта приводят к существенному воздействию на когнитивную сферу человека, его мировоззрение, психику, систему ценностей. Очевиден рост информационной сложности социального пространства, множественности объектов человеческого мира, технологической конвергенции.

Сложность современного мира имеет не только общесистемные, синергетические, информационные и биомеханические особенности, но и предстает как эволюционируемость социосистем в распределенной во времени сложности (темпоральности).

Возможности постижения мировой сложности определяются не меньшей сложностью сознания, мышления и мировоззрения человека. Французский философ и социолог Э. Морен (Edgar Morin), известный как разработчик эпистемологии сложности (*épistémologie complexe*) или концепции сложного мышления (*la pensée complexe*), опираясь на идеи И. Пригожина, Ж. Моно, Д. Неймана,

отмечает сложность глобальной динамики мирового сообщества, разворачивающейся в борьбе творчества и деструктивности, культурной аккумуляции и диссипации. Он обосновывает необходимость кардинального изменения метода познания, чтобы постигнуть глубинную сущность вещей и нарастающую сложность реальности. «Выработать представления о сложности – таков основной вызов современной мысли, делающий необходимой реформу нашего способа мышления», – пишет Э. Морен [1, с. 134].

Под давлением информационной сложности возникают противоречия и проблемы в мышлении, заложенные в самом механизме познания, изменяется стиль умственной деятельности человека. По мнению Карадже Т.В., противоречия обусловлены тем, что субъект в динамике изменений темпорально меньше идеи, и фиксируемые им фрагменты темпоральной структуры в отдельных случаях несовместимы на другом уровне, то есть противоречивы. Обнаружение противоречий стимулирует субъект развиваться и расширять свою темпоральность [2].

Проблема социоприродной адаптации человека к современной информационной среде как новой форме бытия человека является смысложизненной и остро актуализирует необходимость ее философского осмысления и междисциплинарного дискурса: на методологической основе когнитивных наук, педагогической теории и практики.

Новые типы задач, которые встают перед обществом, можно эффективно решать только на основе интеграции и междисциплинарного синтеза знаний, то есть на базе системного мышления. Именно системное мышление позволяет увидеть мир в целостности, способствует пониманию его сложности и многообразия в динамике, глубине и перспективе.

Методологическая основа большинства федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС 3++) включает в себя системный подход в теоретической и практической сферах деятельности. Этот подход признается необходимой универсальной компетенцией, обеспечивающей продуктивность мыслительной деятельности и достижение высокого качества образовательных результатов. В рамках системного анализа проблемы изучаются всесторонне и критически, осознается важность целостного видения ситуации для эффективной диагностики и принятия решений, что приводит к более глубокому пониманию объекта через синтез интуитивного и аналитического методов.

Реалии современной действительности, в том числе педагогической, связаны с системными

трактовками сложности мира, отказом от упрощенного понимания целостности, ростом прогнозных функций познания, что приводит к необходимости анализа существующих понятий «система», «системное мышление». Перспективы развития образования в новых условиях необходимо рассматривать в логике системности, адаптируя междисциплинарный логический подход к общенаучной теории систем и к педагогическому знанию. Педагогическая теория и образовательные технологии должны полнее учитывать особенности полидисциплинарного дискурса в развитии системного мышления при решении вопросов повышения когнитивной эффективности обучения.

Цель исследования – проанализировать особенности системного мышления на методологической основе общей теории систем, логически обосновать взаимосвязи подсистем психики в контексте ключевых идей развития системного мышления; определить методологическое значение установленных взаимосвязей подсистем психики в целостной системе для педагогической практики.

Материалы и методы исследований

Исследование осуществлялось совокупностью взаимосвязанных теоретических методов, адекватных цели исследования: анализ, синтез, абстрагирование, формализация, научное обобщение, моделирование. Представления о сущности системного мышления изучались феноменологическим методом и конститутивным анализом, представления о взаимосвязи подсистем психики – методом структурно-функционального анализа.

Результаты и обсуждения

В наиболее общем плане системное мышление (systemsthinking) – это способ понимания реальности на основе рассмотрения сложных систем в их целостности, подчеркивающий значимость взаимодействий между частями системы, а не действий самих частей. Системное мышление порождает перспективное видение мира, позволяя видеть события и их сплетения (образы) в новом контексте и реагировать на них более адекватно, и находить надежное решение проблем, т.е. успешнее двигаться к достижению цели. Системное мышление, отмечает Спивак В.А., может быть рассмотрено, как «результат интернализации ключевых элементов системного подхода, включения их, в процессе индивидуального выбора, адаптации и позитивного подкрепления по результатам применения, в состав свойств, качеств, особенностей своего собственного мышления индивида либо группового мышления» [3, с. 8].

В отличие от классической парадигмы, основанной на идее равновесия открытых систем, новая парадигма системного мышления, сформиро-

вавшаяся в последние десятилетия XX века, описывает нелинейные процессы, в которых отсутствует четкая фиксация выделенных объектов, их взаимосвязей и пространственно-временных характеристик. Анализ этих устоявшихся парадигм системного мышления позволяет рассматривать понятие «системное мышление» как феномен, обладающий следующими ключевыми характеристиками:

1) целостность, сложность и многоуровневость эмерджентного типа;

2) структурноиерархическая организованность подсистем и элементов, их динамическая взаимосвязь;

3) наличие функции (цели) системы, определяющей объективное существование системы, обусловленное свойствами самоорганизации. Такие характеристики означают, что поведение системы как целого не тождественно поведению образующих ее структурных элементов, отличается от их поведения новыми свойствами. Целостность системного мышления возникает в процессе установления динамического равновесия в системе и затем стабилизируется в потенциальной когнитивной структуре.

Целостность, эмерджентность и синергизм – важнейшие характеристики сложных динамических систем. Целостность означает, что система обладает определенными свойствами только тогда, когда представляет собой единое целое. Эмерджентность, как оперативная мобилизация принципиально новых качеств системы, и синергизм, проявляющийся в том, что в сложных системах свойства целого больше, чем сумма свойств составляющих элементов, – неотъемлемые свойства системного мышления.

Опираясь на представления теории сложных систем и нелинейной динамики в качестве осно-

вополагающих принципов системного мышления целесообразно выделить следующие:

1) взаимосвязанность элементов познавательной системы (переход от линейного мышления к циклическому в рамках динамической «взаимосвязанной» структуры);

2) синтез как понимание целого и частей одновременно, а также отношений и связей, составляющих динамику целого, способность видеть взаимосвязанность;

3) диссипативность – неравновесное динамическое состояние системы, возникающее при обмене информацией с внешней средой, преобразование информационных потоков и как результат спонтанное возникновение новых типов структур, переход от хаоса и беспорядка к порядку и организации;

4) возникновение нового системного эффекта в результате синергии элементов в процессе самоорганизации системы, многократно повышающий (уменьшающий) их простую сумму;

5) циклы обратной связи при обработке информации (между действием и эффектом) через доминирование или подавление отдельных элементов системы с последующим наступлением равновесия (балансировки системы);

6) динамика причинности (цикличность причинно-следственных связей в усложняющихся контекстах), понимание взаимосвязанности и взаимоотношений вещей (элементов сложной системы);

7) схематичность и визуализация системы (сопоставление и взаимосвязь элементов в системе без лишних деталей).

Особенности сложных систем в контексте положений общей теории систем проанализированы автором и представлены в табл. 1.

Таблица 1

Отличительные свойства сложных системы (согласно положениям общей теории систем).

Table 1

Distinctive properties of complex systems (according to the provisions of general systems theory).

№	Группы свойств системы	Совокупность свойств
1.	Свойства, связанные с целями и функциями системы	<i>Эмерджентность</i> (наличие у системы особых свойств, не присущих ее подсистемам; принципиальная несводимость свойств системы к сумме свойств ее элементов; порождение новых, часто непредсказуемых явлений) <i>Синергичность</i> (интегративные качества, усиливающие действие нескольких факторов – элементов системы) <i>Целенаправленность</i> (наличие скрытой установки, ведущего принципа, выбор приоритетности задач, первенство целей системы перед целями ее элементов, порядок выполнения целей во времени) <i>Альтернативность путей функционирования</i> и развития системы (возможность выбора нескольких путей достижения конкретной цели в зависимости от параметров ситуации)

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

2.	Свойства, связанные со структурой системы	<i>Целостность</i> (основная характеристика системы, отражает независимость и самодостаточность системы, ее качественное своеобразие, последовательность взаимосвязи системы и окружающей среды в ее внешнем континууме) <i>Иерархичность</i> (наличие структурных элементов системы, распределения функций, существование уровней соподчинения) <i>Структурность</i> (декомпозиция системы на отдельные элементы, установление связей между ними, нелинейность в развитии, динамичность) <i>Самоорганизация</i> (способность системы к спонтанной организации и адаптации, изменение характеристик системы посредством внутренней реорганизации и переход системы на новый качественный уровень) <i>Упругость системы</i> (способность к обратимой деформации под воздействием внешних факторов)
3.	Свойства, обусловленные спецификой взаимодействия со средой и связанные с составом системы (ее ресурсами)	<i>Адаптивность и надежность</i> (способность к быстрой корректировке действий в ответ на изменения во внешней среде или внутренних условиях системы без потери качества функционирования системы при установленных параметрах) <i>Структурное сопряжение системы и среды</i> (взаимная детерминация, активность, внешняя среда не оказывает управляющее воздействие на все операции системы, но может приводить к деструкции некоторых из них) <i>Интерактивность</i> (информационный обмен между элементами системы) <i>Обособленность</i> (автономность, наличие границ системы с окружающей средой)

Можейко М.А., Александровым П.С. при изучении механизмов системного мышления на основе экспликации содержания взаимодействия концептуальных моделей нелинейных динамик (естественнонаучной и гуманитарной) зафиксированы следующие их интегральные характеристики: нелинейность динамических процессов; незавершаемость структурной организации системы (структурация); случайность как преобразующий фактор развития системы в точке версификации ее динамики; имманентизация внешних условий окружающей среды как механизма самоорганизации; процессуальность самоорганизации неравновесной системы [4].

Системная парадигма в психологии, опирающаяся на принцип междисциплинарности, учитывает сложность самой психики как системного образования. В трудах Б.Г. Ананьева, автора оригинальной, эмпирически обоснованной теории – антропологической психологии – показано, что развитие целого невозможно вне изменений элементов – психических процессов, при этом в каждом «элементе» психического проецированы все целостные структуры человека (индивида, личности и субъекта). Переход на каждый новый уровень развития достигается путем наращивания микроизменений в психических процессах по мере их актуализации в составе деятельности субъекта и социального поведения личности [5].

В рамках информационной теории психики Л.М. Веккера показаны единые принципы и закономерности организации психики человека (не

только психологические, но и биологические, кибернетические, математические) разных ступеней развития и уровней сложности [6].

В прямой связи с проблемой систематизации психических процессов стоит вопрос о классификации психических явлений, поскольку именно классификация компонентов психики призвана объединить их в группы по сродству (общему генезису и общей функции).

Сложная нейробиологическая основа психики задает некую парадигму в виде необходимости выделения конкретных подсистем. Построить рациональную логическую систему основных психологических понятий позволяет понимание психической реальности как отражательной и регулирующей поведение деятельности мозга.

Такое понимание природы психики ведет к постановке вопроса о том, что именно должно быть отражено мозгом, чтобы деятельность и поведение были адекватны внешним и

внутренним условиям и были эффективными. Н.И. Чуприкова, разрешая этот вопрос, логически обосновывает классификацию психических процессов в таком виде:

1. Реализация форм отражения объективной действительности, антиципированных возможными вероятными событиями во временной перспективе, с учетом закономерных связей и отношений между объектами действительности, объектами связи среды и организма при скоординированном взаимодействии познавательных процессов – ощущения, восприятия, мышления, воображения.

2. Реализация сферы потребностей и мотивации человека как личности и социального существа в процессе субъективного отражения объективной действительности.

3. Оценка личностной значимости конкретных внешних и внутренних факторов, результатов взаимодействия субъекта с миром, результатов его поведения и деятельности при отражении действительности в непосредственно-чувственной форме (через сферу эмоций и чувств).

4. Реализация функции памяти в регуляции поведения и деятельности, имевшими место в прошлом опыте.

5. Невербальные и вербально-речевые средства коммуникации при получении и трансляции сведений о психике других индивидов, информировании других о содержании своей собственной психики [7, с. 84].

Таким образом, получается, что сфера психической реальности предстает не как эмпирическая рядоположенная совокупность отдельных процессов (память, эмоции, потребности, речь, воля), но как целостная система, выполняющая определенную функцию (отражение действительности и регуляция на этой основе поведения и деятельности) и состоящая из нескольких подсистем. В качестве таких подсистем можно выделить следующие: когнитивная, потребностно-мотивационная, эмоциональная, мнемическая, коммуникативная, интеграционно-регуляторная подсистемы, а также «активационно-энергетическая» (Н.И. Чуприкова).

Модель морфологии системного мышления с позиций нелинейной динамики сложных систем представлена на рис. 1.

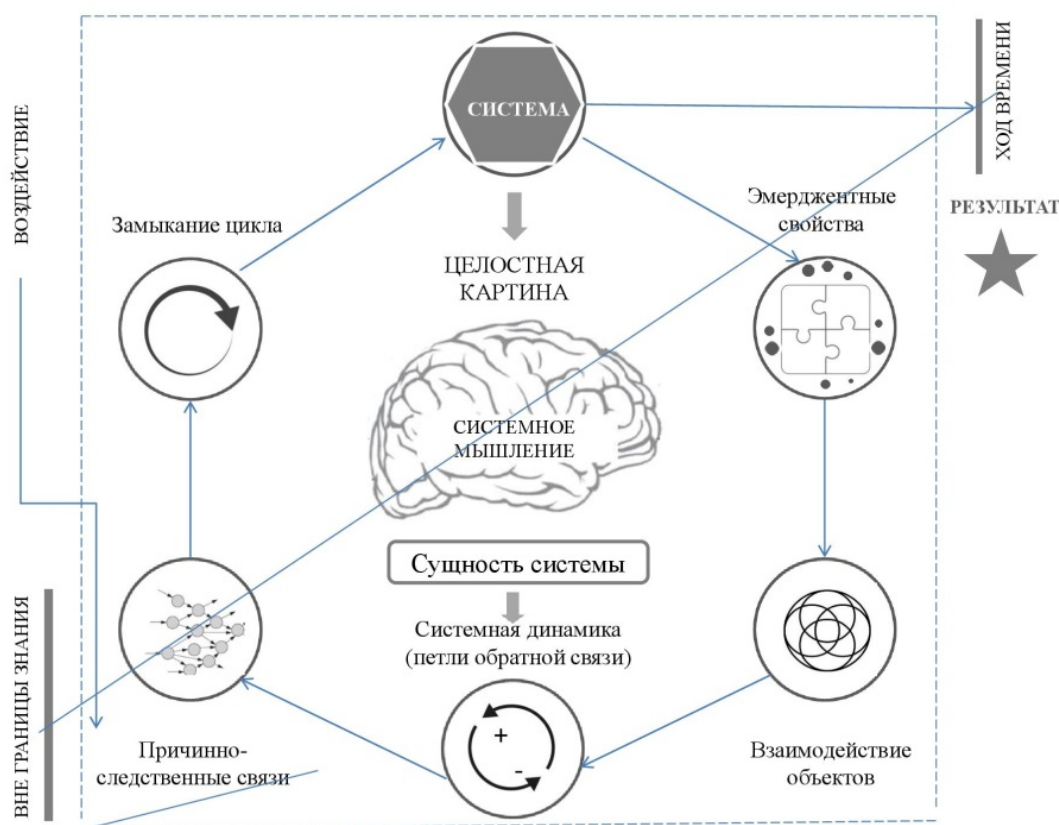

Рис. 1. Модель морфологии системного мышления и подхода.

Fig. 1. Model of the morphology of systems thinking and approach.

Развитием сознания предполагается, в первую очередь, формирование гибких и динамичных систем упорядоченных знаний. От систематизации знаний, развития понятийных систем, происходящих в процессе мышления, зависит степень и глубина понимания содержательной сути вещей, их отношений и взаимосвязей; проникновение в глу-

бинные структуры понимаемого объекта приводит не только к ясности понимания, но и порождает новое знание, которого нет ни у субъекта, ни у самой действительности.

Рассмотрение психической реальности в естественно-системных категориях позволяет выделить ключевые структурные блоки психики: ко-

гнитивные образы и процессы (мышление, воображение, перцепция, представления, ощущения), психомоторные процессы, эмоциональные состояния, а к интегрирующим механизмам отнести внимание, память, речь, сознание, волю. В такой условной модели структурные компоненты психики складываются в подсистемы (структурно-содержательные блоки), а соответствующие им физиологические компоненты – в процессуальные (интегрирующие) механизмы.

Системный подход является эффективным методом познания, методологией и фактором формирования системного мышления. Системное мышление необходимо в реализации таких процессов и методов познания, как моделирование и прогнозирование. Системно мыслить – это творчески привлекать мысли в сознание, рассматривать проблему на метауровне, с разных точек зрения сразу, при этом удерживать во внимании определенный уровень системы, на котором возникают новые (эмерджентные) свойства, отсутствующие на предыдущих уровнях дробления системы на части, и не проявляющиеся на высших уровнях системы (на уровне надсистемы). Методология системного мышления не предполагает ни полного отказа от рассмотрения зависимостей поведения целого как поведения его частей, характерного для редукционизма, ни отказа от междисциплинарной идеи холизма (рассмотрения зависимостей поведения частей от происходящего с целым, соотношения частей и целого). Системное мышление диалектически объединяет эти два противоречащих друг другу принципа рассмотрения сложных систем, тем самым снимая ограничения каждого принципа и формируя более полную картину мира.

Системный подход, как отмечает Князева Е.Н. в работе «Креативные практики образования для устойчивого будущего», «...дает картину процедуры обучения, способа связи обучающего и обучаемого, учителя и ученика как их взаимной циклической детерминации и их взаимного конструирования, становления и развития. Обучение – это не передача знаний, как эстафетной палочки, от одного человека к другому, но создание условий, при которых становятся возможными процессы порождения знаний самими обучающимися, культивирование учителем пространства, в котором ученики способны на активное и продуктивное творчество» [8, с. 140].

Согласно представленной автором модели системного подхода (рисунок 1) мышление может быть рассмотрено как система особого темпорального типа, в качестве механизма функционирования которой используется процессуальная органи-

зация как структурнофункциональной системности, так и временной системности. Взаимосвязь подсистем психики, процессов и результатов мышления является интегративной регуляцией структурновременной организации системного мышления.

В целом необходимы дальнейшие исследования временных особенностей взаимосвязи подсистем психики, мышления как структурно-темпорального явления, и прикладных аспектов образовательно-педагогической прогностики.

Выводы

Рассмотренные автором аспекты взаимосвязи подсистем психики в усложняющемся контексте системного мышления имеют не только теоретическое значение. Они актуальны и для педагогической практики в вопросах совершенствования обучения и воспитания в общеобразовательных учреждениях всех типов. Психологическая наука убедительно доказывает, что обучение, построенное с учетом психологических закономерностей развития мышления, активно стимулирует умственное развитие обучающихся. Поставленные перед системой образования задачи воспитания всесторонне развитой личности решаются в неразрывном единстве с развитием ее мыслительной деятельности. Проблема изучения мышления в условиях информационной сложности современного мира содержательно и глубоко связана с изучением проблемы целостности и составляющих ее элементов психической деятельности. Это является принципиальным для правильного понимания глубинных механизмов умственной деятельности, творческого процесса, разработки психолого-педагогических методов развития системного мышления на основе структурированного и взаимосвязанного познавательного материала (а не в процессе усвоения возрастающих и неупорядоченных объемов информации).

Формирование, развитие и интеграция систем знаний позволяет при специальной методической организации обучения успешно формировать у школьников и студентов системный стиль мышления. Использование основных понятий и мыслительных приёмов системного подхода, позволяет, в свою очередь, с легкостью устанавливать взаимосвязи между событиями, выявлять закономерности протекания процессов, их взаимодействия и развития, прогнозировать это развитие и эффективно решать возникающие при этом сложные задачи.

В процессе подготовки кадров также важно опираться на методы формирования когнитивной сферы психики и технологии интенсификации познавательной деятельности обучающихся, разви-

тия их мышления и интеллектуальных компетенций.

В педагогике можно выделить совокупность методов и инструментов для эффективного развития системного мышления обучающихся. К ним относятся: метакогнитивные образовательные технологии развития критического мышления, методы системного анализа, проблемное изложение учебного материала, диалоговое обучение, стратегии с интеллектуальными задачами (интеллектуальные игры, марафоны), методы образовательных кейсов, решение логических и нестандартных задач, методы развития ассоциативного мышления (мозговой штурм, синектика), погруженность (иммерсивность), имитационное моделирование, интерактивные игры, проектная, исследовательская деятельность и др.

Основное заключение настоящей работы по текущей проблемной ситуации в сфере образования, состоит в том, что в рамках существующей сегодня методологии педагогики невозможно преодо-

леть вызовы цифровой эпохи и эффективно решать задачи, обусловленные влиянием информационной реальности на когнитивные функции и развитие психики обучающихся. Нужна новая междисциплинарная методология в педагогической науке, основанная на интеграции дидактики, методологии, частных методик, теории воспитания с философией, психологией, нейробиологией, информатикой и другими когнитивными науками, особенно при разработке психолого-педагогических методов и стратегий рационализации интеллектуальной деятельности в условиях антропологических вызовов цифровизации. Для этого потребуется с помощью междисциплинарного подхода в обучении, при реализации принципа опоры на системы знаний и системы формирования умений закладывать методологическую основу для целостного видения мира и формирования системного мышления, эффективного решения сложных проблем, стоящих перед современной системой образования.

Список источников

1. Морен Э. О сложности. М.: Изд-во: «Институт общегуманитарных исследований», 2020. 272 с.
2. Карадже Т.В. Темпоральность как динамическая характеристика изменений социальной системы // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 2. С. 130 – 143. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-130-143
3. Спивак В.А. Системный подход и системное мышление как универсальная компетенция специалиста и руководителя. Чебоксары: Среда, 2022. 136 с.
4. Можейко М.А., Александров П.С. Теория нелинейных динамик / Гуманитарный портал: концепты // Центр гуманитарных технологий. 2002-2025 (последняя редакция: 14.01.2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7322> (дата обращения: 21.01.2025)
5. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания избранные психологические труды /под ред. А. А. Бодалева. 3-е изд., стер. Москва, Воронеж: Изд-во Московского психолого-социального института, МОДЭК, 2008. 431 с.
6. Веккер Л.М. Психические процессы. М.: «ЕЁ Медиа». Т.1. 2024. 330 с.
7. Чуприкова Н.И. Психическая деятельность мозга. Язык и сознание (В поисках психической реальности и предмета психологии). М.: Издательский дом ЯСК, 2021. 208 с.
8. Князева Е.Н. Креативные практики образования для устойчивого будущего //Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 7. № 3. С. 129 – 151. DOI: 10.17323/2587-8719-2023-3-129-151

References

1. Moren E. On Complexity. Moscow: Publishing House: "Institute for General Humanitarian Research", 2020. 272 p.
2. Karadzhe T.V. Temporality as a Dynamic Characteristic of Changes in the Social System. Locus: People, Society, Cultures, Meanings. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 130 – 143. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-130-143
3. Spivak V.A. Systems Approach and Systems Thinking as a Universal Competence of a Specialist and Manager. Cheboksary: Sreda, 2022. 136 p.
4. Mozheiko M.A., Aleksandrov P.S. Theory of Nonlinear Dynamics. Humanitarian Portal: Concepts. Center for Humanitarian Technologies. 2002-2025 (last revised: 14.01.2025) [Electronic resource]. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7322> (accessed: 21.01.2025)
5. Ananyev B.G. Psychology and Problems of Human Studies Selected Psychological Works. edited by A. A. Bodalev. 3rd ed., reprinted. Moscow, Voronezh: Publishing house of the Moscow Psychological and Social Institute, MODEK, 2008. 431 p.
6. Vekker L. M. Mental Processes. Moscow: "ЕЁ Media". Vol. 1. 2024. 330 p.

7. Chuprykova N.I. Mental activity of the brain. Language and consciousness (In search of mental reality and the subject of psychology). Moscow: Publishing house YASK, 2021. 208 p.

8. Knyazeva E.N. Creative practices of education for a sustainable future. Philosophy. Journal of the Higher School of Economics. 2023. Vol. 7. No. 3. P. 129 – 151. DOI: 10.17323/2587-8719-2023-3-129-151

Информация об авторе

Глебова М.В., кандидат педагогических наук, Управление образования администрации города Прокопьевска, mvg.office@mail.ru

© Глебова М.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 378.147

Роль английского языка в формировании международной языковой интеграции и способы его эффективного изучения в вузе

^{1, 2} Малишевская Н.А., ¹ Бессарабова О.Н.

¹ Ростовский государственный университет путей сообщения,

² Южно-Российский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Аннотация: в статье рассматривается роль английского языка в формировании культурных, языковых и политических взаимодействий в рамках международной языковой интеграции государств и их сообществ. Отдельное внимание уделяется изучению особенностям языковой интеграции английского языка в русский и китайский языки, его влияние на формирование экономических связей, обычаев и традиций народов ведущих государств в мире, а также угроз доминирования английского языка в международном языковом пространстве, как детерминанты уничтожения языковой и этнокультурной интеграции отдельных народов. Также анализируются основные характеристики и аспекты психологии эффективного изучения иностранного языка, а также фундаментальные методы и инструменты, с целью получения необходимых знаний, компетенций и навыков для повышения и развития речевых качеств.

Ключевые слова: английский язык, международные отношения, интеграция, этнокультурные особенности, китайский язык, русский язык, англицизмы, иностранный язык, эффективное изучение, знания, умения, навыки, методы

Для цитирования: Малишевская Н.А., Бессарабова О.Н. Роль английского языка в формировании международной языковой интеграции и способы его эффективного изучения в вузе // Современный ученый. 2025. № 4. С. 253 – 258.

Поступила в редакцию: 25 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 27 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

The role of English in the formation of international language integration and ways of its effective learning at the university

^{1, 2} Malishevskaya N.A., ¹ Bessarabova O.N.

¹ Rostov State Transport University,

² South Russian Institute of Management, a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration

Abstract: the article examines the role of the English language in the formation of cultural, linguistic and political interactions within the framework of international linguistic integration of states and their communities. Special attention is paid to the study of the peculiarities of linguistic integration of the English language into the Russian and Chinese languages, its influence on the formation of economic ties, customs and traditions of the peoples of the

leading states in the world, as well as the threats to the dominance of the English language in the international language space, as a determinant of the destruction of linguistic and ethnocultural integration of individual peoples. This article analyzes the main characteristics and aspects of the psychology of effective foreign language learning, as well as fundamental methods and tools, in order to obtain the necessary knowledge, competencies and skills to improve and develop speech qualities.

Keywords: the English language, international relations, integration, ethnocultural characteristics, the Chinese language, the Russian language, Anglicisms, foreign language, effective learning, knowledge, skills, methods

For citation: Malishevskaya N.A., Bessarabova O.N. The role of English in the formation of international language integration and ways of its effective learning at the university. Modern Scientist. 2025. 4. P. 253 – 258.

The article was submitted: November 25, 2024; Approved after reviewing: January 27, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Современный этап развития международного общества характеризуется массовыми интеграционными процессами, начиная от экономико-политических, заканчивая этно-культурными традициями. Не исключением становится и языковая интеграция государств и их народов, которая определяет языковые, поведенческие, традиционные особенности взаимодействия на международном уровне, уровне одного государства и его территорий.

Особенную роль в подобных процессах занимает английский язык, как средство международной языковой и культурной интеграции обществ. В рамках определения значения английского языка в международной интеграции стоит рассмотреть 3 ключевых аспекта:

- Значение английского языка в современных международных отношениях.
- Взаимодействие практик и лингвистическая интеграция английского языка с другими языками.
- Интеграция английского языка в другой язык.

В рамках международных отношений Северо-американского и Евразийского континента английский язык имеет доминирующее значение. Он выступает средством культурного обмена, создания единого языкового пространства и инструментом политэкономического взаимодействия ведущих государств приведенных выше континентов. Однако данными примерами интеграция английского языка не ограничивается. Существует множество дискуссий на тему необходимости существования единого международного языка общения и сохранения национальной идентичности под влиянием международных языковых реалий. Эксперты-лингвисты и культурологи приводят доводы о том, что массовое распространение английского языка как языка универсального междуна-

родного взаимодействия граничит с разрушением этно-культурной идентичности народов, так как широкое внедрение любого языка в существующую систему культуры народа в корне меняет языковую форму общения и вносит множество «англицизмов» в языковой оборот населения, что приводит к утрате высокого уровня культурной идентичности народа. То есть, использование английского языка как средства повсеместного и постоянного общения на уровнях международного и внутригосударственного взаимодействия является угрозой для существования в целом понятия «национальность» в рамках их культурных и языковых обычаев. В этом ключе распространение английского языка в международном сообществе, по мнению исследователей, является механизмом интеграции «американской субкультуры» в культурный код иных государства, что приводит к созданию «американизации мирового пространства», «языкового геноцида» и языкового империализма [1, с. 84-86].

Материалы и методы исследований

Отсюда главным тезисом о роли английского языка в формировании международной языковой и культурной интеграции является следующее:

Во-первых, английский язык как инструмент повсеместного использования в международных политических и экономических отношениях имеет огромное влияние в изменении этнокультурного кода и языковых особенностей государств, участвующих в данных отношениях.

Во-вторых, использование английского языка как унифицированного международного языка для многих государств и их народов является механизмом снижения языкового барьера, а также механизмом унификации международного языкового пространства.

Также стоит рассмотреть взаимодействие практик и лингвистическую интеграцию английского языка с другими языками (на примере китайского языка).

В условиях социокультурных трансформаций на международном уровне возможно наблюдать изменения языковых традиций в англоязычных странах, а также странах господствующего мира: например, Китай. Отсюда роль английского языка выступает как детерминанта межкультурного диалога китайского и английского языков. Английский язык был заведён в Китай в 1637-м году британскими торговцами. Постепенно под влиянием особенностей фонетики китайского языка, а также культурных семантических особенностей китайского и английского языков сформировался новый вариант смешения английского и китайского языков, который получил название «чинглиш». Это определило появление большого количества слов китайского происхождения в английском языке. Например, в Оксфордском словаре насчитывается уже более 2500 слов, которые содержат элементы китайской фонетики. В свою очередь интеграция англицизмов в китайский язык обусловлено воздействиями социокультурных факторов, например, программы студенческого обмена, международный обмен трудовыми ресурсами, международная миграция населения, а также динамичное общение представителей данных языков социальных сетях [2, с. 144-146].

Важно отметить, что языковое взаимодействие английского языка с китайским языком, а также другими языками, происходит не только в рамках лингвистического взаимодействия, но и посредством системы образования, бытового использования англицизмов в языковой культуре государства, литературе, искусстве, средствах массовой информации, процессах массовой интеграции общности, научной сфере, проявлении англоязычных элементов в китайской культурной традиции, а также экономическом воздействии английского языка в Китае и в ряде других стран, международным средством общения которых является английский язык или производные от него англицизмы, внедряющиеся языковую культуру государств [3, с. 76-81]. Отсюда роль английского языка в международной языковой интеграции заключается в формировании не только лингвистических особенностей и культурных обычаев государств, но и в формировании и определении тенденций различных типов взаимодействия между государствами, социальными группами, народами, начиная от сферы искусства, заканчивая экономическими и образовательными процессами.

Интересным для наблюдения является заимствование иностранной лексики, в том числе английского языка, в различные языковые системы международного сообщества. К примеру, языковой системой русского языка заимствование ан-

глицизмов происходило на протяжении всего времени существования и становления языка как такового. Основными причинами такой языковой интеграции английского языка в русский язык является необходимость обозначения новых предметов или реалий, которые неизбежно входят в жизнь отдельного человека или всего государства в целом в процессе научно-технического прогресса. Во-вторых, стремление носителей языка упростить словарный запас приводит к возникновению и появлению английских сленгов в русском языке. Это приводит к изменению языковой структуры и использованию широкого набора англицизмов в русском языке, особенно категориями молодёжи, людей связанных с политической деятельностью, брендингом, экономикой, модой и т.д. [4]. То есть роль английского языка в языковой интеграции можно также определить как унифицированное средство общения, профессиональной деятельности, совершенствованию языковой структуры другого языка и средством обновления совокупного лингвистического запаса определённой языковой группы.

Таким образом, роль английского языка в международной языковой интеграции заключается в формировании и развитии новых языковых тенденций общения, культурного взаимодействия, формировании новой этнокультурной и идентичности государств, развитию международных связей по поводу экономики, обмена трудовыми ресурсами, образования, обновления совокупного языкового запаса различных государств, а также определения характера политического и экономического международного взаимодействия и интеграции. Однако сильное влияние и доминирование английского языка в международном пространстве несёт угрозу этнокультурной идентичности, культурному коду, развитию собственной языковой базы государств, а также особенностям обычаев и традиций коренных народов, особенно малочисленных, проживающих на определённых территориях.

Результаты и обсуждения

Тем не менее, интерес к изучению английского языка во всём мире растёт. Существует большое количество преимуществ, которые даёт знание иностранного языка, именно поэтому многие граждане считают должным получение знаний данного аспекта. Нам представляется целесообразным говорить о психологии эффективного изучения иностранного языка. Для того, чтобы добиться желаемого результата необходимо выбрать именно те методы и инструменты, которые наиболее удобны и понятны для индивида.

Процесс обучения должен происходить легко и непринуждённо, это не должно быть сложностью или пыткой, именно поэтому необходимо на первоначальных этапах выстроить всю структуру своих занятий и четко придерживаться заданного плана.

С каждым годом становится все более популярным и важным изучение иностранного языка, т.к. это позволяет без барьеров и сложностей общаться с иностранцами, путешествовать, проходить обучение за границей для получения нового опыта.

Иностранный язык – это непосредственно язык другого государства относительно рассматриваемого индивида [5].

Необходимо рассмотреть, какие же преимущества есть при изучении иностранного языка:

1. Возможность проходить желаемое обучение за рубежом;
2. Возможность безбарьерных путешествий;
3. Возможность смотреть фильмы и читать книги на иностранном языке без сложностей понимания сути;
4. Возможность приобщаться к культуре других стран, соответственно, повышать уровень эрудированности;
5. Возможность обрести новых друзей, партнёров для своего дела, вторую половинку;
6. Предоставляется больше возможностей для трудоустройства;
7. Возможность найти больше клиентов, если индивид занимается бизнесом или работает в продажах [6].

Психология эффективного изучения иностранного языка предполагает использование методов, которые наиболее понятны и легки для применения человеком, который изучает иностранный язык.

Существуют следующие современные методы изучения иностранного языка:

1. Изучение иностранного языка с помощью книг, фильмов и песен. Этот метод подразумевает, что индивид, который постоянно видит перед собой текст на иностранном языке, переводит его, слушает или смотрит с субтитрами достаточно успешно запоминает многие слова и выражения, фразы, крылатые выражения, которые может применять для выражения своих чувств, эмоций при разговоре с носителем изучаемого языка.

Стоит отметить, что по сюжетной линии возможно понять суть, даже если ты знаешь перевод и значение хотя бы пары- тройки слов. Благодаря фильмам и книгам также легко запомнить разговорный стиль иностранного языка, например, если в сцене есть диалог или, например, монолог.

2. Изучение иностранного языка с помощью

запоминания текстов и слов наизусть. Это базовый метод, который позволяет выучить достаточно легко основы иностранного языка. Считается, что, если индивид учит текст наизусть, пересказывает его - он запоминает определённые фразы, словосочетания, предлоги и слова, которые в дальнейшем можно употреблять в речи.

Этот метод требует постоянного повторения, т.к. все же, часто многие аспекты, что были выучены, находились лишь недолгое время в нашей короткой памяти, а потом – забылись. Стоит отметить, что также этот способ предусматривает более качественное изучение крылатых фраз и выражений, которые позволяют легче выражать свои эмоции и чувства при общении с иностранцем.

3. Изучение иностранного языка с помощью видеоигр. На современном этапе развития общества этот метод очень востребован, т.к. позволяет учить язык без осознания того, что в данный момент ты что-то изучаешь. Запоминание слов и выражений в данной ситуации происходит автоматически, человек на интуитивном уровне понимает о чём идет речь и, соответственно, запоминает новые слова и выражения.

Недостаток данного метода состоит в том, что все же данный формат изучения иностранного языка подходит больше для разговорного английского, он не позволяет в совершенстве его изучить.

4. Изучение иностранного языка в процессе общения с его носителем. Человек легче проходит процесс обучения, если находится в благоприятной среде для этого, именно поэтому достаточно эффективно изучать иностранный язык в процессе общения с его носителем. Это позволяет также эффективно повышать именно уровень разговорного языка, запоминать верное строение предложений, а также употребление определённых времен в зависимости от контекста.

Отлично помогает не только переписка, но и живое общение, особенно, если носитель языка в том числе знает русский язык, и сможет перевести, помочь понять суть высказывания. Также это позволяет считывать эмоции и восприятие человеком той или иной ситуации, что способствует более лёгкому пониманию контекста.

5. Изучение иностранного языка с помощью решения различных тестов и заданий. Это хороший метод для изучения грамматики и времён, он позволяет запоминать структуру предложений, предлоги, устойчивые выражения, а также точно позволит запоминать перевод слов. Также преимуществом его является то, что возможно сразу проверить правильность мыслей, объективно оценить знания и увидеть сложности, проблемы, с которыми сталкивается индивид при решении кей-

сов [7].

Выводы

В соответствии с особенностями запоминаний информации, индивид может выбрать наиболее подходящий для него метод, который позволит быстро и легко изучать иностранный язык. Однако наиболее эффективна синергия данных методов или чередование их, это позволяет сделать процесс интересным, а также попробовать и выбрать для себя наиболее эффективные и качественные способы.

Также при изучении иностранного языка необходимо учитывать темперамент, характер и основные качества личности. Если индивид легко воспринимает информацию на слух и у него больше развита слуховая память – то пусть он непременно воспользуется методом изучения языка с помощью книг, фильмов и музыки. Если у него больше развита зрительная память – целесообразно решать тесты, запоминать тексты и слова наизусть [8].

«Кроме того, для выбора оптимальной методики обучения важно ориентироваться на различные факторы, например, уровень знаний иностранного языка у обучающихся, техническая оснащенность в учреждении, обеспеченность определенной литературой и другие. Преподаватель должен устанавливать определенные точки контроля знаний,

например, после изучения каждого раздела, чтобы оценить освоение дисциплины и скорректировать процесс обучения». [9] Мы наблюдаем, что психология эффективного изучения иностранного языка очень важный фактор, который нужно учитывать при разработке стратегии обучения и планирования методов, которые будут использоваться для достижения данной поставленной цели.

Кроме того, с развитием интернета английский язык стал в каком-то смысле даже не столько популярен, сколько необходим в цифровом мире [10]. Это связано с тем, что каскадное распространение идеи глобализации и технологий информационного обмена обусловило потребность единого языка для взаимодействия. Большая часть контента в интернете создана на английском, что напрямую влияет на возможности пользователей из разных стран получать актуальную информацию и участвовать в обсуждениях. Многие популярные платформы в лице социальных сетей, блогов и новостных сайтов, изначально созданы на английском языке, в результате чего его изучение становится не просто полезным, но и необходимым навыком для полного участия в цифровом обществе. Это открывает доступ к различным ресурсам, образовательным возможностям и сетям, которые могут быть недоступны без знания языка.

Список источников

1. Бабаян Л.С. Роль английского языка в современных международных отношениях // Современные проблемы международных отношений и мировой политики. Москва, 2021. С. 84 – 94
2. Козлова Е.Н., Козырева М.В., Шерина С.А. Межкультурный диалог как способ формирования языковых практик на примере английского и китайского языков // КГТУ. Кемерово. 2021. С. 142 – 147.
3. Чурсина О.В., Нефедова Д.С. Культурные и лингвистические особенности взаимодействия английского и китайского языков // Евразийский филологический вестник. 2024. С. 71 – 85.
4. Рачева Д.А., Морозова Т.В. Интеграция английского лексикона в русский язык: засорение языка англицизмами // Современные науки. 2021. № 6. С. 276 – 280.
5. Аркусова И.В. Современные педагогические технологии при обучении иностранному языку (структурно-логические таблицы и практика применения). М.: НОУ ВПО МПСИ, 2019. С. 48 – 58.
6. Никуличева Д.Б. Как найти свой путь к иностранным языкам. Лингвистические и психологические стратегии полиглотов. М.: Флинта, Наука, 2020. С. 108 – 115.
7. Шукин А.Н. Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам. М.: Филоматис, 2020. С. 67 – 80.
8. Китайгородская Г.А. Интенсивное обучение иностранным языкам. Теория и практика. М.: Высшая школа, Школа Китайгородской, 2021. С. 98 – 105.
9. Малишевская Н.А., Бессарабова О.Н. К вопросу о перспективах преподавания иностранных языков будущим государственным служащим // Modern Humanities Success. 2024. № 6. С. 123 – 128. DOI:10.58224/2618-7175-2024-6-123-128
10. Спиряева С.В. Роль и место глобального английского в современном мире // Вестник Московской международной академии. 2015. № 2. С. 96 – 99. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-mesto-globalnogo-angliyskogo-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 06.10.2024)

References

1. Babayan L.S. The Role of the English Language in Modern International Relations. Modern Problems of International Relations and World Politics. Moscow, 2021. P. 84 – 94
2. Kozlova E.N., Kozyreva M.V., Sherina S.A. Intercultural Dialogue as a Way of Forming Language Practices Using the Example of English and Chinese. KSTU. Kemerovo. 2021. P. 142 – 147.
3. Chursina O.V., Nefedova D.S. Cultural and Linguistic Features of the Interaction between the English and Chinese Languages. Eurasian Philological Bulletin. 2024. P. 71 – 85.
4. Racheva D.A., Morozova T.V. Integration of the English Lexicon into the Russian Language: Pollution of the Language with Anglicisms. Modern Sciences. 2021. No. 6. P. 276 – 280.
5. Arkusova I.V. Modern pedagogical technologies in teaching a foreign language (structural and logical tables and practical application). M.: NOU VPO MPSI, 2019. P. 48 – 58.
6. Nikulicheva D.B. How to find your way to foreign languages. Linguistic and psychological strategies of polyglots. M.: Flinta, Nauka, 2020. P. 108 – 115.
7. Shchukin A.N. Modern intensive methods and technologies for teaching foreign languages. M.: Filomatis, 2020. P. 67 – 80.
8. Kitaygorodskaya G.A. Intensive teaching of foreign languages. Theory and practice. M.: Higher School, Kitaygorod School, 2021. P. 98 – 105.
9. Malishevskaya N.A., Bessarabova O.N. On the Prospects of Teaching Foreign Languages to Future Civil Servants. Modern Humanities Success. 2024. No. 6. P. 123 – 128. DOI: 10.58224/2618-7175-2024-6-123-128
10. Spiryaeva S.V. The Role and Place of Global English in the Modern World. Bulletin of the Moscow International Academy. 2015. No. 2. P. 96 – 99. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-mesto-globalnogo-angliyskogo-v-sovremennom-mire> (date of access: 06.10.2024)

Информация об авторах

Малишевская Н.А., Ростовский государственный университет путей сообщения; Южно-Российский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Бессарабова О.Н., Ростовский государственный университет путей сообщения

© Малишевская Н.А., Бессарабова О.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 378.14

Роль Big Data в развитии цифровых компетенций педагогов

¹ Михайлова О.П., ² Филатова З.М., ² Гарнышева Т.В., ³ Исавнин А.Г., ³ Хафизова А.А.

¹ Альметьевский филиал Казанского национального исследовательского технического университета имени А.Н. Туполева-КАИ,

² Набережночелнинский государственный педагогический университет,

³ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: настоящая статья всесторонне рассматривает многогранную роль технологий Big Data в контексте формирования цифровых компетенций педагогических и управленческих кадров. Особое внимание уделено таким важным аспектам, как необходимость развития у педагогов и руководителей образовательных организаций комплекса навыков и умений, связанных с работой с образовательными данными, проведение исследований по разработке соответствующих образовательных программ для специалистов в сфере управления образованием, а также актуальность создания интегрированных информационно-аналитических платформ, способных консолидировать, обрабатывать и визуализировать данные из различных источников. Кроме того, в работе подчеркивается ключевая роль развития цифровых компетенций педагогов в контексте использования больших данных для повышения качества образования, персонализации обучения, оптимизации ресурсов и принятия обоснованных управленческих решений.

В целом, данная статья акцентирует внимание на настоятельной необходимости целенаправленной и системной работы по формированию у педагогов и руководителей школ аналитических компетенций, связанных с применением технологий Big Data в образовательной практике.

Ключевые слова: большие данные (Big Data), цифровые компетенции педагогов, аналитика образовательных данных, интегрированные информационные системы, управленческие решения в образовании, повышение качества образования

Для цитирования: Михайлова О.П., Филатова З.М., Гарнышева Т.В., Исавнин А.Г., Хафизова А.А. Роль Big Data в развитии цифровых компетенций педагогов // Современный ученый. 2025. № 4. С. 259 – 265.

Поступила в редакцию: 26 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 28 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

The role of Big Data in developing digital competencies of teachers

¹ Mikhailova O.P., ² Filatova Z.M., ² Garnysheva T.V., ³ Isavnin A.G., ³ Hafizova A.A.

¹ Almetyevsk Branch of the Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev-KAI,

² Naberezhnye Chelny State Pedagogical University,

³ Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: this article comprehensively examines the multifaceted role of Big Data technologies in the context of developing digital competencies among pedagogical and managerial personnel. Particular attention is paid to such important aspects as the need to develop a set of skills and abilities related to working with educational data among

teachers and heads of educational organizations, conducting research on the development of relevant educational programs for specialists in the field of education management, as well as the relevance of creating integrated information and analytical platforms capable of consolidating, processing and visualizing data from various sources. In addition, the work emphasizes the key role of developing digital competencies of teachers in the context of using big data to improve the quality of education, personalize learning, optimize resources, and make informed managerial decisions.

Overall, this article focuses on the urgent need for purposeful and systemic work to develop analytical competencies related to the application of Big Data technologies in educational practice among teachers and school leaders.

Keywords: Big Data, digital competencies of teachers, educational data analytics, integrated information systems, management decisions in education, improving the quality of education

For citation: Mikhailova O.P., Filatova Z.M., Garnysheva T.V., Isavnin A.G., Hafizova A.A. The role of Big Data in developing digital competencies of teachers. Modern Scientist. 2025. 4. P. 259 – 265.

The article was submitted: November 26, 2024; Approved after reviewing: January 28, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

В эпоху цифровой трансформации образования, подразумевающей интеграцию цифровых технологий в образовательный процесс, конкурентоспособность педагогов всё больше определяется их способностью эффективно использовать большие данные (Big Data). Это предполагает не только умение анализировать и интерпретировать большие объёмы информации, но и применять полученные знания для персонализации обучения и повышения его качества. Формирование рассматриваемого комплекса компетенций, связанных с эффективным использованием больших данных, представляет собой необходимое условие эффективной профессиональной деятельности будущих учителей в контексте современной цифровой образовательной среды.

Проблема недостаточного использования Big Data в образовании, особенно в контексте развития цифровых компетенций педагогов, носит многогранный характер и затрагивает различные аспекты педагогической деятельности. Она проявляется в дефиците цифровых компетенций у педагогов, выражающемся в недостаточном владении инструментами анализа данных, методами интерпретации результатов и навыками их практического применения, а также в низкой мотивации многих педагогов, которые не осознают практической ценности больших данных в своей работе, что снижает их заинтересованность в развитии соответствующих компетенций. Кроме того, эффективному внедрению технологий Big Data в образование препятствуют системные ограничения, такие как недостаточный доступ к необходимым технологиям, нехватка финансирования и отсутствие методической поддержки, а также проблема «цифрового разрыва», выражающаяся в неравно-

мерном доступе к цифровым ресурсам и интернету в разных школах и регионах.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью повышения качества и эффективности образования в условиях стремительного развития информационного общества. Неспособность эффективно использовать большие данные в образовании препятствует развитию персонализированного обучения, принятию обоснованных управленческих решений и оптимизации образовательных программ. Именно поэтому решение обозначенных проблем, связанных с дефицитом цифровых компетенций, низкой мотивацией, системными ограничениями и «цифровым разрывом», приобретает первостепенное значение для современной образовательной системы.

Целью данной работы является разработка научно-обоснованных рекомендаций по эффективной интеграции технологий Big Data в образовательную систему, направленных на преодоление выявленных проблем и реализацию потенциала больших данных для повышения качества образования.

Данное исследование направлено на всестороннее изучение перспектив использования больших данных в образовании, а также на выявление и анализ ключевых проблем, препятствующих эффективной интеграции этих технологий в образовательную практику. Ожидается, что результатом работы станет разработка научно-обоснованных рекомендаций по внедрению Big Data в образовательную систему, способствующих повышению качества и эффективности обучения.

Материалы и методы исследований

Big Data – это огромные объёмы данных, которые накапливаются в различных источниках, таких как социальные сети, интернет-сайты, мобильные устройства, датчики, транзакции, и дру-

гие, и характеризуются тремя основными аспектами – объемом, разнообразием и скоростью обработки [4, с. 459].

Современные технологии позволяют собирать и анализировать большие объемы информации. «Big Data» в сфере образования с каждым днем становится все более насыщенной темой. С ней связывают возможность существенной трансформации образовательного процесса и самой педагогической технологии, которая за счет постоянных улучшений может быть доведена до высокой степени совершенства. Ранее такие данные никто не собирал, потому, что не хватило бы ресурсов на учет, хранение и, тем более, на анализ [7, с. 505].

Анализ больших данных выступает катализатором прогресса в науке, исследованиях и педагогике. Он предоставляет возможность не только ускорить решение существующих проблем, но и выявить скрытые закономерности, недоступные при использовании традиционных методов анализа. Работа со статистикой в рамках больших данных позволяет исследовать как индивидуальные образовательные траектории учащихся, так и оценивать эффективность образовательных систем в глобальном масштабе, открывая пути для их оптимизации и развития.

В школьной системе традиционно есть ученик, есть учитель и есть условные формы контроля знаний. Но возможно разработать такие алгоритмы, которые позволят создавать информационный образ ученика и учителя, персонифицировать процесс обучения и детально контролировать все стадии усвоения материала. Обучение будет похоже на уроки с репетитором, только репетитором будет компьютер [2, с. 54].

Big Data позволяет анализировать процесс обучения каждого студента. Благодаря этой технологии можно отслеживать успеваемость обучающегося, видеть статистические данные по усвояемости по каждой теме любого предмета [5, с. 94].

Методы, используемые в анализе больших данных (big data), родом из машинного обучения, распознавания образов, статистики и психометрии. На сегодняшний день существуют специальные «даташопы», куда можно складывать данные и там анализировать. В популярном репозитории PSLC DataShop, хранится информация, собранная за 250000 часов, проведенных учениками в образовательных программах – это примерно 30 миллионов действий, результатов и ответов [7, с. 506].

Машинное обучение позволяет выявлять скрытые закономерности в больших массивах образовательных данных и строить прогнозные модели. Например, анализируя активность учащихся на цифровых платформах, включая время, затрачен-

ное на обучение, скорость и точность выполнения заданий, можно прогнозировать их будущие учебные результаты.

Методы распознавания образов применяются для автоматической классификации и идентификации различных паттернов в данных об успеваемости, поведении и вовлеченности учащихся.

Статистические методы, такие как регрессионный анализ и многомерное моделирование, широко используются для интерпретации и визуализации образовательных данных с целью принятия обоснованных управленческих решений.

Психометрические методы позволяют измерять и оценивать психологические характеристики учащихся на основе больших данных, что важно для персонализации обучения.

Big Data предоставляет возможность прогнозирования успеваемости обучающихся. Оценка вероятности результатов с учетом заданных условий, но в агрегированном виде (без раскрытия персональной информации остальных участников процесса). Это касается: прогноза успеваемости, персональных рекомендаций по образовательной траектории и по профилактическим мерам в области здоровья ребенка, родителя и даже школы в целом [10, с. 112]. Анализируя данные об их активности на образовательных платформах, включая время, затраченное на обучение, скорость и точность выполнения заданий, а также сравнивая ответы и ошибки с другими пользователями, система может предсказать будущие результаты тестирования. Агрегируя информацию из различных источников, таких как онлайн-платформы, тесты, опросы и даже социальные сети, система оценивает заинтересованность обучающихся в предмете, усвоение материала и потенциальные трудности. Прогнозы строятся на основе обобщенного опыта всех обучающихся и индивидуальной истории обучения каждого, что повышает их объективность.

Big Data анализирует не только деятельность обучающихся, но и сами образовательные программы. «Это позволяет выявить недостатки учебных планов, оптимизировать методики преподавания и разработать наиболее эффективные подходы к изучению различных тем» [9, с. 38]. В условиях быстро меняющегося рынка труда, использование больших данных для проектирования актуальных образовательных программ становится критически важным. Цепочка «профессиональный стандарт – ФГОС – образовательная программа» слишком медленно учитывает изменения, которые происходят в практике тех или иных профессий.

Сейчас законодательные требования изменили: разработчики образовательных программ и в ву-

зах, и в колледжах получили право «миксовать» компетенции из нескольких областей. За счёт этого выпускники будут получать несколько квалификаций [1, с. 19]. Предоставленная разработчикам образовательных программ возможность комбинировать компетенции из разных областей и формировать мульти-квалификационных выпускников – важный шаг в этом направлении. Big Data может существенно улучшить этот процесс, предоставляя актуальную информацию о востребованных навыках и компетенциях, позволяя университетам гибко адаптировать программы обучения к требованиям рынка труда и готовить специалистов, обладающих актуальным набором знаний и умений. Таким образом, анализ данных о деятельности обучающихся в сочетании с анализом рынка труда позволяет создавать образовательные программы, отвечающие современным запросам и обеспечивающие выпускникам успешное трудоустройство.

Анализ научной литературы показывает, что понятие «цифровые компетенции педагога» рассматривается в трех основных контекстах, каждый из которых приобретает новые грани в свете использования больших данных:

1. Инструментальный – помимо базовых навыков работы с цифровыми устройствами и ПО, этот контекст теперь включает умение работать с инструментами анализа данных, визуализации данных и образовательными платформами, интегрированными с системами сбора и анализа данных. Педагог должен не только использовать компьютер и интернет, но и уметь извлекать информацию из больших данных, интерпретировать её и применять для персонализации обучения.

2. Методический – интеграция цифровых инструментов в образовательный процесс усложняется с появлением больших данных. Педагогу необходимо уметь использовать данные для адаптации учебного процесса под индивидуальные потребности учащихся, анализировать эффективность различных методик с помощью данных, разрабатывать цифровые дидактические материалы с учетом анализа больших данных и организовывать совместную онлайн-деятельность учащихся, используя данные для мониторинга и оценки прогресса.

3. Социально-педагогический – этические и социальные аспекты использования цифровых технологий становятся еще более актуальными в контексте больших данных. Педагог должен формировать у учащихся грамотное отношение к большим данным, обучать их критически оценивать информацию, полученную из различных источников, обеспечивать безопасность данных учащихся,

учитывать этические аспекты использования данных и формировать культуру ответственного использования больших данных в образовании.

Предполагается, что акцент на цифровой компетентности имеет для преподавательской деятельности более комплексные, важные и значимые последствия, чем для других профессий [6, с. 71].

Для преподавателей цифровая компетентность предусматривает, например, что помимо умения самостоятельно применять технологии, они должны анализировать использование технологий применительно к педагогической деятельности и учитывать, какое значение может иметь их применение для обучения студентов в конкретных учебных контекстах [11, с. 199].

Российские исследователи подчеркивают необходимость развития цифровых компетенций, обращая внимание на недостаточное внедрение в высшем образовании таких цифровых инструментов, как средства анализа данных, персонализации обучения и геймификации [3, с. 49].

Результаты и обсуждения

В настоящее время в сфере образования складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, образовательные организации и различные цифровые системы активно собирают большие объемы данных об образовательном процессе и развитии учащихся. С другой стороны, эти данные остаются разрозненными и практически не используются для комплексного анализа и принятия управленческих решений. Например, руководители школ заполняют формы отчетности ОО-1 и ОО-2 по показателям мониторинга системы образования, учителя работают с данными по результатам диагностики учебных достижений в региональных центрах оценки качества, информация об олимпиадных успехах учащихся аккумулируется в системе Всероссийской олимпиады школьников, а сведения о независимой оценке качества образовательных услуг собираются на портале bus.gov.ru. При этом для подготовки годового отчета о качестве образования педагогам и руководителям приходится самостоятельно интегрировать все эти разрозненные данные, анализировать их и визуализировать результаты.

Парадоксальность ситуации усугубляется тем, что множество электронных образовательных платформ также автономно собирают образовательные данные, но не имеют задач по горизонтальной или вертикальной интеграции этих данных. Таким образом, аналитика данных в сфере образования носит фрагментарный характер, требует значительных усилий от педагогических работников и не позволяет получать комплексную картину для принятия управленческих решений.

Следует констатировать, что в современных реалиях отмечается острая необходимость в разработке и внедрении комплексных информационно-аналитических систем, способных консолидировать, анализировать и визуализировать образовательные данные, получаемые из множества гетерогенных источников. Подобные интегрированные платформенные решения должны обеспечивать функциональные возможности по эффективному аккумулированию, обработке и репрезентации педагогической, организационной и иной релевантной информации. Это позволит повысить качество аналитической работы, принятия управленческих решений и формирования стратегий развития в сфере образования.

Согласно исследованиям О.А. Фиофановой [8, с. 47] в настоящее время востребованы новые или модифицированные программные решения для интегрированной аналитики данных в сфере образования. Актуализируется разработка интеграционных возможностей электронных сервисов и информационных систем в образовании для решения задач комплексной аналитики данных. Для решения проблемы интеграции цифровых сервисов аналитики данных в России создаются благоприятные условия – разрабатывается Национальная система управления данными, ведется эксперимент по повышению связанности данных в госинформресурсах. Отмечается необходимость развития у педагогов и руководителей образовательных организаций компетенций в области аналитики образовательных данных, реализуются научные исследования, направленные на создание образовательных программ для специалистов управления в сфере образования. Данные образовательные программы будут ориентированы на методологию работы с большими данными в образовании.

Проведенный анализ существующих проблем в области аналитики данных в образовании позволяет сформулировать следующие научно-обоснованные рекомендации по эффективной интеграции технологий Big Data в образовательную систему:

1. Необходимо создание единых цифровых платформ, которые бы обеспечивали сбор, хранение, обработку и визуализацию образовательных данных из различных источников. Это позволит преодолеть проблему фрагментарности данных и предоставить педагогам и руководителям удобный инструмент для комплексного анализа.

2. Платформы должны не только аккумулировать данные с разных уровней (школа, муниципалитет, регион, федерация), но и обеспечивать механизмы их взаимной интеграции. Это позволит

получать целостную картину образовательной системы и проводить многоуровневый анализ.

3. Необходимо утверждение регламентов, определяющих порядок сбора, хранения, обработки и использования образовательных данных на различных уровнях. Также важно закрепить ответственность и полномочия субъектов, участвующих в работе с большими данными.

4. Профессиональная подготовка и повышение квалификации педагогов должны быть дополнены обязательными модулями, посвященными работе с образовательными данными. Эти программы должны включать в себя не просто обучение сбору и анализу данных, но и, что особенно важно, умение грамотно интерпретировать полученные результаты и применять их на практике.

5. При работе с большими данными в образовании необходимо соблюдать все требования законодательства в области защиты персональных данных учащихся и педагогических работников.

Реализация данных рекомендаций будет способствовать эффективной интеграции технологий Big Data в образовательную систему и позволит раскрыть их потенциал для повышения качества образования на основе доказательных управленческих решений.

Выводы

Согласно результатам данного исследования, одним из ключевых выводов является необходимость развития у педагогов и руководителей школ комплекса цифровых компетенций, которые являются критически важными в условиях растущей цифровизации образовательной сферы.

В первую очередь, речь идет о компетенциях, связанных с эффективной работой педагогов и управленцев с большими данными в образовании. Это предполагает не только базовые навыки обращения с цифровыми технологиями, но и более глубокое владение методами сбора, обработки, анализа и интерпретации больших объемов образовательных данных.

Кроме того, исследование показывает, что важной составляющей цифровой компетентности педагогических и управленческих кадров является умение применять современные методы аналитики данных. Речь идет о способности педагогов использовать статистические, психометрические и другие аналитические подходы для глубокого изучения образовательных процессов, прогнозирования успеваемости учащихся и оптимизации учебных программ.

Наконец, не менее значимым компонентом цифровой компетентности являются навыки работы с интеграционными сервисами и платформами, обеспечивающими сбор, хранение и аналитику

данных из различных источников. Владение такими инструментами позволит педагогам и управленцам получать целостную картину образовательной системы и принимать более обоснованные решения на основе комплексного анализа данных.

Таким образом, формирование этого комплекса

цифровых компетенций у педагогических и управленческих кадров является важнейшим направлением их профессионального развития в условиях растущей цифровизации системы образования.

Список источников

1. Воронин Д.М. Технологии цифрового образования : учебное пособие. Москв: Ай Пи Ар Медиа, 2022. 171 с. ISBN 978-5-4497-1613-2 // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. URL: <https://www.iprbookshop.ru/119619.html> (дата обращения: 23.10.2024) DOI: <https://doi.org/10.23682/119619>
2. Дзялошинский И.М. Когнитивные процессы человека и искусственный интеллект в контексте цифровой цивилизации: монография. Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2022. 583 с. ISBN 978-5-4497-1596-8 // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. URL: <https://www.iprbookshop.ru/119443.html> (дата обращения: 23.10.2024) DOI: <https://doi.org/10.23682/119443>
3. Боронихина И.О., Герасимова О.Ю., Даудова Р.Д. и др. Компетенции преподавателя вуза в инновационной педагогике // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 3-2. С. 45 – 50. DOI 10.37882/2223-2982.2024.3-2.08
4. Котельников К.И., Буюков В.Е., Марков А.Н. Применение Big Data в сфере образования // BIG DATA и анализ высокого уровня: Сборник научных статей IX международной научно-практической конференции: в 2х частях, Минск, 17-18 мая 2023 года. Минск: Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, 2023. С. 459 – 464.
5. Михнев И.П. Обучение и контроль знаний студентов с помощью UniTest // Фундаментальные исследования. 2008. № 1. С. 94 – 95.
6. Панкова Т.Н., Герасимова О.Ю., Беляева Ю.А. и др. Обзор концептуальных исследований в поле профессиональной цифровой компетентности современных преподавателей // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 4-2. С. 70 – 74. DOI 10.37882/2223-2982.2024.4-2.35
7. Седова А.П., Крюкова А.А. Применение технологии Big Data в сфере образования // Science Time. 2015. № 11 (23). С. 505 – 509.
8. Фиофанова О.А. Проблема интеграции цифровых сервисов аналитики данных: компетенции педагога в работе с образовательными данными // Вестник Московского университета. Серия 20, Педагогическое образование. 2020. № 3. С. 38 – 49. DOI 10.51314/2073-2635-2020-3-38-49
9. Черняк Л. Большие Данные – новая теория и практика // Открытые системы. СУБД. 2019. № 10. С. 36 – 41.
10. Гапсаламов А.Р., Бочкарева Т.Н., Васильев В.Л., Ахметшин Э.М. Экономика и образование в эпоху цифровизации: монография. Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2022. 111 с. ISBN 978-5-4497-1749-8
11. Tamara Y., Hermansyah H., Marleni M. Analysis of teacher professional competence in utilizing information and communication technology // Esteem Journal of English Education Study Programme. 2024. Vol. 7. № 1. С. 193 – 206.

References

1. Voronin D.M. Digital education technologies: a tutorial. Moscow: IPR Media, 2022. 171 p. ISBN 978-5-4497-1613-2. Digital educational resource IPR SMART: [site]. URL: <https://www.iprbookshop.ru/119619.html> (accessed: 23.10.2024) DOI: <https://doi.org/10.23682/119619>
2. Dzyaloshinsky I.M. Human cognitive processes and artificial intelligence in the context of digital civilization: monograph. Moscow: IPR Media, 2022. 583 p. ISBN 978-5-4497-1596-8. Digital educational resource IPR SMART: [site]. URL: <https://www.iprbookshop.ru/119443.html> (accessed: 23.10.2024) DOI: <https://doi.org/10.23682/119443>
3. Boronikhina I.O., Gerasimova O.Yu., Daudova R.D. et al. Competences of a university teacher in innovative pedagogy. Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities. 2024. No. 3-2. P. 45 – 50. DOI 10.37882/2223-2982.2024.3-2.08

4. Kotelnikov K.I., Buyukov V.E., Markov A.N. Application of Big Data in Education. BIG DATA and High-Level Analysis: Collection of Scientific Articles of the IX International Scientific and Practical Conference: in 2 Parts, Minsk, May 17-18, 2023. Minsk: Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, 2023. P. 459 – 464.
5. Mikhnev I.P. Teaching and Monitoring Students' Knowledge Using UniTest. Fundamental Research. 2008. No. 1. P. 94 – 95.
6. Pankova T.N., Gerasimova O.Yu., Belyaeva Yu.A. et al. Review of Conceptual Research in the Field of Professional Digital Competence of Modern Teachers. Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities. 2024. No. 4-2. P. 70 – 74. DOI 10.37882/2223-2982.2024.4-2.35
7. Sedova A.P., Kryukova A.A. Application of Big Data technology in the field of education. Science Time. 2015. No. 11 (23). P. 505 – 509.
8. Fiofanova O.A. The problem of integration of digital data analytics services: teacher competencies in working with educational data. Bulletin of Moscow University. Series 20, Pedagogical education. 2020. No. 3. P. 38 – 49. DOI 10.51314/2073-2635-2020-3-38-49
9. Chernyak L. Big Data - a new theory and practice. Open systems. DBMS. 2019. No. 10. P. 36 – 41.
10. Gapsalamov A.R., Bochkareva T.N., Vasiliev V.L., Akhmetshin E.M. Economy and education in the era of digitalization: monograph. Moscow: IPR Media, 2022. 111 p. ISBN 978-5-4497-1749-8
11. Tamara Y., Hermansyah H., Marleni M. Analysis of teacher professional competence in utilizing information and communication technology. Esteem Journal of English Education Study Programme. 2024. Vol. 7. No. 1. P. 193 – 206.

Информация об авторах

Михайлова О.П., кандидат педагогических наук, доцент, Альметьевский филиал Казанского национально-исследовательского технического университета имени А. Н. Туполева-КАИ, m.olga-kai@mail.ru

Филатова З.М., кандидат педагогических наук, доцент, Набережночелнинский государственный педагогический университет, czmfzm@mail.ru

Гарнышева Т.В., кандидат педагогических наук, доцент, Набережночелнинский государственный педагогический университет, garnych@yandex.ru

Исавнин А.Г., доктор физико-математических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Набережночелнинский институт, isavnin@mail.ru

Хафизова А.А., кандидат педагогических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт психологии и образования, e-mail: aigulj@mail.ru

© Михайлова О.П., Филатова З.М., Гарнышева Т.В., Исавнин А.Г., Хафизова А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 372.881.111.1

Игровые технологии в обучении профессиональному английскому языку

¹ Поварницына Т.С.

¹ Камчатский государственный технический университет

Аннотация: актуальность темы исследования обусловлена растущим спросом на высококвалифицированных специалистов со знанием профессионального английского языка в различных сферах деятельности. Развитие международных проектов и трансграничного сотрудничества, а также интеграция российских компаний в международное сообщество предполагают формирование конкурентоспособной рабочей силы, способной свободно вести диалог на английском языке в профессиональных ситуациях.

Целью представленного в статье исследования является теоретическое обоснование эффективности использования игровых технологий при обучении профессиональному английскому языку. В исследовании были решены следующие задачи: проведен анализ теоретических и методических аспектов использования игровых технологий в обучении иностранным языкам, в частности, профессиональному английскому языку; выявлены особенности формирования навыков профессионального общения на английском языке; экспериментально проверена эффективность игровой методики в условиях учебного процесса.

Методология исследования включает теоретический анализ научной литературы по теме исследования, обобщение и систематизацию полученных данных, а также метод экспертных оценок в формате глубинного интервью.

По итогу проведенного исследования были сформулированы следующие выводы: игровые технологии позволяют адаптировать процесс обучения под индивидуальные потребности студентов; создавать практико-ориентированные учебные материалы; выявлять основные направления применения геймификации в обучении профессиональному английскому языку.

Ключевые слова: игровые технологии, геймификация, профессиональный английский язык, педагогика высшей школы, педагогические технологии обучения

Для цитирования: Поварницына Т.С. Игровые технологии в обучении профессиональному английскому языку // Современный ученый. 2025. № 4. С. 266 – 271.

Поступила в редакцию: 27 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 30 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Game technologies in teaching professional English

¹ Povarnitsyna T.S.

¹ Kamchatka State Technical University

Abstract: the research relevance is due to the growing demand for highly qualified specialists with knowledge of professional English in various fields of activity. The development of international projects and cross-border cooperation, as well as the integration of Russian companies into the international community, involve the formation of a competitive workforce capable of effectively communicating in English in professional situations.

The research goal presented in the article is to theoretically substantiate the effectiveness of the use of game technologies in teaching professional English. The following objectives were solved in the study: the analysis of theoretical and methodological aspects of the use of game technologies in teaching foreign languages, in particular professional English; the features of the formation of professional communication skills in English are revealed; experimentally tested effectiveness of the game method in the conditions of the educational process.

The research methodology includes a theoretical analysis of scientific literature on the topic of the study, generalization and systematization of the data obtained, as well as the method of expert assessments in the format of an in-depth interview.

As a result, the following conclusions were formulated: game technologies allow you to adapt the learning process to the individual needs of students; create practice-oriented learning materials; to identify the main areas of application of gamification in teaching professional English.

Keywords: game technologies, gamification, professional English, pedagogy of higher education, pedagogical technologies of teaching

For citation: Povarnitsyna T.S. Game technologies in teaching professional English. Modern Scientist. 2025. 4. P. 266 – 271.

The article was submitted: November 27, 2024; Approved after reviewing: January 30, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Актуальность темы исследования состоит в том, что традиционные методы обучения языку часто лишают студентов мотивации и вовлеченности в учебный процесс, что снижает эффективность обучения и объективно не способствует развитию навыков профессионального общения. Напротив, инновационные педагогические методы и игровые технологии обладают огромным потенциалом для повышения интереса к изучению английского языка, стимулирования познавательной активности и создания аутентичных языковых сред, имитирующих реальные профессиональные ситуации.

Профессиональный английский язык представляет собой специальную программу по изучению английского языка, предназначенную для людей определённой профессии. Обучение профессиональному английскому языку предполагает базу в виде среднего уровня владения английским, что, несомненно, является плюсом для изучения языка в конкретной сфере профессиональной деятельности [9, с. 11].

На профессиональном уровне владения английским языком отрабатываются самые сложные грамматические конструкции, причем особое внимание уделяется стилю речи, объему и разнообразию словарного запаса, умению использовать свои знания в неподготовленной (спонтанной) устной и

письменной речи [10, с. 205]. По окончании данного уровня студент может перейти к общению с носителем языка.

На наш взгляд, главным преимуществом программы профессионального английского языка является акцент на практическом применении знаний. В отличие от типичных курсов, которые фокусируются на фундаментальных аспектах, здесь обучение строится на реальных жизненных ситуациях и задачах, с которыми профессионалы сталкиваются на работе: деловые переговоры, презентации, написание отчетов, участие в международных конференциях или общение с зарубежными коллегами.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили теоретические постулаты и тезисы таких российских и зарубежных исследователей, как О.А. Артемьева [1], Р.М. Магомедова, М.М. Абдусаламов [2], Н.В. Матвеева [3], И.Д. Муталапов [4], О.А. Пузырева [5] и др.

Некоторые методологические аспекты изучения педагогики с применением игровых технологий в области обучения профессиональному английскому языку были изучены на основе работ таких авторов, как Л. Бревик, Э. Эрн [6], Н. Граббс [7], Д. Хердаван, С. Марселия [8], А. Кпака [9], А. Цинакос [10] и др.

Таблица 1

Методы исследования, согласно цели и задачам.

Table 1

Research methods according to the purpose and objectives.

Методы общенаучной группы	Специальные методы
1. Анализ 2. Систематизация 3. Обобщение 4. Формально-логический метод	1. Историографический анализ научного дискурса 2. Метод экспертных оценок 3. Метод систематизации данных

Методология исследования основана на системном подходе и включает в себя методы общенаучной группы (анализ, синтез, обобщение, сопоставление), а также ряд специальных методов: историографический анализ научной литературы по теме исследования; метод экспертных оценок, метод статистического количественного анализа. В исследовании приняли участие 75 преподавателей профессионального языка из ведущих вузов Российской Федерации: Московского государственного университета, Высшей школы экономики, Санкт-Петербургского государственного университета.

Эмпирическое исследование проведено в период с 7 мая по 19 сентября 2024 года.

Результаты и обсуждения

Как отметили опрошенные нами эксперты, одной из главных проблем при изучении иностранного языка является отсутствие практики: если человек редко использует язык, языковые навыки быстро ухудшатся. Деграция языковых навыков затрудняет процесс обучения, особенно для студентов, которые не используют изучаемый язык в

повседневной жизни. В то же время ситуации спонтанного общения и захватывающие игровые элементы значительно улучшают коммуникативные навыки студентов, сталкивающихся с языковыми барьерами в других ситуациях [8, с. 59]. Использование современных образовательных технологий в высшем профессиональном образовании является новым подходом к организации образовательного процесса, который способствует формированию необходимых навыков посредством геймификации, имеющей, как уже было отмечено выше, высокий образовательный потенциал.

Как отметили опрошенные эксперты, методы геймификации в изучении иностранных языков основаны на психологических и поведенческих принципах. Наиболее важным является мотивационный принцип, способствующий взаимодействию студентов и преподавателя.

Опрошенные нами эксперты в области игровой методики обучения профессиональному английскому языку выделили пять основных направлений применения геймификации (рис. 1):

Рис. 1. Пять направлений применения игровой технологии в процессе обучения профессиональному английскому языку.

Fig. 1. Five areas of application of game technology in the process of teaching professional English.

Первое направление касается разработки теории сочетания игровых приемов и игровых элементов для освоения иностранного языка. Второе направление связано с дизайном и позволяет изу-

чать технические аспекты применения различных игровых технологий в преподавании языка.

Третье направление – дидактическое, в рамках которого преподаватели размышляют об эффек-

тивности использования игровых технологий в процессе обучения.

Четвертое направление включает экспериментальные исследования, сравнивающие влияние игровых технологий на изучение языка при сопоставлении с контрольной группой.

Пятая тема посвящена эмпирическим исследованиям, включая тематические исследования, которые изучают влияние игрового обучения на развитие конкретных языковых навыков. Большинство исследований связано с последним направлением и нацелено на применение игровых технологий в обучении профессиональному английскому языку при особом внимании к развитию коммуникативных компетенций как основам успешного профессионального общения.

Однако разработка игровых технологий, в особенности обучающих игр, а также критериев их оценки представляет собой сложную педагогическую задачу, требующую междисциплинарного подхода и активного взаимодействия различных научных и педагогических подразделений в рамках единого образовательного пространства вуза. Новые методические подходы к созданию обучающих игр обусловлены необходимостью подготовки будущих специалистов к решению профессиональных задач. Например, при создании игр для будущих менеджеров активно используются инструменты имитационного моделирования, позволяющие им отрабатывать сценарии совместного принятия решений с учетом требований рынка и логистических стратегий.

Нельзя недооценивать важность разработки четких критериев оценки в процессе создания игровых заданий. Студенты должны быть знакомы с этими стандартами. Эффективность интеграции игровых элементов в процесс обучения и роль игровых технологий в образовательном процессе зависят от того, насколько хорошо педагоги понимают их функции. Образовательная ценность игрового компонента заключается в его мотивационном аспекте, побуждающем учащихся активно участвовать в образовательном процессе исходя из их личных интересов и мотивов.

В настоящее время в высших учебных заведениях Российской Федерации внедряются различные формы активизации образовательного процесса, способствующие достижению положительных результатов в области изучения профессионального английского языка. Геймификация представляет собой современную технологию, направленную на повышение мотивации студентов, поэтому внедрение игровых технологий в образовательный процесс считается оптимальным решением проблемы отсутствия мотивации. Такой подход

похож на игровой процесс, мотивирующий и вдохновляющий студентов на изучение иностранного языка, а их интерес к обучению поддерживается с помощью увлекательных игровых элементов.

Как отметили опрошенные нами эксперты, геймификация играет важную роль в развитии навыков говорения, так как требует активного взаимодействия участников, которые разыгрывают роли по правилам игры. То есть в геймификации используется заранее заданная система оценки процесса и результатов, контроль игрового времени и т.п.

При этом, по мнению опрошенных нами экспертов, ключевым элементом изучения профессионального английского является освоение терминологии, которая применяется в той или иной профессиональной сфере деятельности. Изучение профессионального английского языка обеспечивает углубленное понимание отраслевой лексики в любой области. При этом студенты не только понимают термины, но и учатся свободно использовать их в устной и письменной речи, избегая двусмысленности и неточности применения терминов в рамках профессионального общения.

Профессиональный английский также подразумевает развитие эффективных навыков общения на рабочем месте, то есть способствует формированию коммуникативных профессиональных компетенций на английском языке. Суть в том, чтобы научить студентов правильно работать с деловыми документами, составлять коммерческие предложения, вести телефонные переговоры и успешно участвовать в совещаниях и дискуссиях, при этом правильно и уместно используя терминологию и специальную профессиональную лексику (профессиональный сленг) [9, с. 8].

С точки зрения формирования коммуникативной компетенции особое внимание уделяется изучению культурных особенностей, делового этикета и общения на английском языке в разных странах. Речевой этикет помогает студентам избегать недоразумений в процессе общения с англоязычными коллегами и строить прочные деловые отношения с зарубежными партнерами.

Использование игровых технологий в образовательном процессе, особенно при специализированном обучении английскому языку, создает новые возможности для мотивации студентов при усвоении ими учебного материала [8, с. 55].

Как отмечают исследователи, традиционные методы обучения часто недостаточно эффективны для поддержания долгосрочного интереса к предмету, но игровые элементы, такие, как соревновательность, символическое вознаграждение и эле-

менты повествования, могут вовлечь студентов в активный процесс обучения [8, с.55]. Интерактивные симуляции, ролевые игры и онлайн-игры позволяют студентам на практике применять полученные знания в моделируемых профессиональных ситуациях для развития необходимых компетенций и коммуникативных навыков.

Внедрение игровых технологий не ограничивается только мотивационной составляющей, поскольку в рамках изучения профессионального английского языка применяются обучающие игры, которые четко соответствуют целям и задачам изучения профессиональных дисциплин.

Учебный процесс в вузе требует тщательного планирования и выбора подходящей игровой механики, которая поощряет критическое мышление, командную работу и способствует решению проблем в области профессионального общения на английском языке. Например, имитация деловых переговоров на английском языке, в которой студенты выступают в роли представителей разных компаний, может быть использована для развития навыков аргументации, убеждения и ведения адекватного диалога на профессиональном английском в профессиональных ситуациях [7, с. 25].

Использование технологий виртуальной (VR) и дополненной реальности (AR) также предоставляет уникальную возможность создания сред погружения в обучение, в которых студенты могут погрузиться в реалистичные профессиональные ситуации и практиковать свои навыки в безопасной и контролируемой среде.

Как показывают современные эмпирические исследования, игровые технологии способствуют персонализированному подходу к обучению профессиональному английскому языку [3, с. 125]. В частности, современные адаптивные игровые платформы позволяют создавать персональные программы обучения, в которых учитываются такие параметры обучения, как уровень, стиль обучения и потребности студента (в том числе и в рамках инклюзивного образования).

Современные учебные платформы позволяют преподавателю отслеживать прогресс обучения и оперативно корректировать сложность поставленных перед студентами учебных задач для того, чтобы обеспечить оптимальную сложность материала и сохранить у студентов устойчивую мотивацию к обучению.

Обратная связь, предоставленная в игровой форме, помогает студентам осознать свои слабые стороны, а в рамках саморефлексии – сосредоточиться на областях, требующих особого внимания, например, на узкоспециальной профессиональной терминологии.

Однако для эффективного использования игровых технологий в преподавании профессионального английского языка необходимы не только знания английского языка и самой профессиональной области, но и навыки разработки и интеграции игровых элементов в процесс обучения. Преподавателям необходимо уметь не только выбирать подходящие игровые модели и адаптировать их к конкретным целям обучения, но также создавать собственные игровые сценарии и задания, отвечающие потребностям и интересам студентов. Кроме того, в современном учебном процессе необходимо учитывать технологические аспекты применения игровых технологий: доступность аппаратного и программного обеспечения, уровень цифровой грамотности студентов вузов, а также их уровень владения английским языком.

Выводы

По итогу проведенного исследования были сформулированы следующие выводы:

1. Внедрение игровых технологий в процесс профессионального обучения английскому языку открывает новые перспективы как для студентов, так и для преподавателей. Игровые методы не только делают процесс обучения более динамичным и увлекательным, но также способствуют глубокому усвоению языка, развитию критического мышления и креативности. Игры создают уникальную среду, в которой изучение языка становится неотъемлемой частью естественного взаимодействия и общения.

2. Игровые технологии способствуют эффективному усвоению технических терминов и узкопрофессиональной лексики, что имеет большое значение для специалистов в различных сферах. Погружение в игровые сценарии позволяет студентам практиковать свои навыки общения в различных профессиональных ситуациях, что облегчает их дальнейшую адаптацию к реальным рабочим ситуациям, требующим спонтанной коммуникации на английском языке.

Список источников

1. Артемьева О.А. Новые подходы в обучении английскому языку: учебно-ролевые игры и проекты профессиональной направленности // Вестник ТГТУ. 2005. № 4. С. 992 – 100.
2. Магомедова Р.М., Абдусаламов М.М. Игровые технологии обучения иностранному языку: психолого-педагогические аспекты и практическое использование // МНКО. 2021. № 4 (89). С. 77 – 92.
3. Матвеева Н.В. Обучение фонетике английского языка в профессиональном образовании // Отечественная и зарубежная педагогика. 2018. № 1 (46). С. 124 – 135.
4. Муталапов И.Д. Формирование навыков профессиональной коммуникации будущих инженеров в игровом режиме // КПЖ. 2018. № 2. С. 273 – 277.
5. Пузырева О.И. Инновационные технологии формирования общелингвистической компетенции студентов вуза // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № 13. С. 56 – 65.
6. Brevik L., Öhrn E. The game as a means of teaching professional communication to students of a technical university (using the example of English) // Humanitarian studies. 2024. № 7. P. 67 – 89.
7. Grabbs N. Features of the formation of professional competence of a future foreign language teacher through simulation games // Modern Linguistics Journal. 2023. № 7. P. 24 – 35.
8. Herdawan D., Marselia S. Integrating Games in Teaching Maritime English: A Collaborative Auto-Ethnographic Inquiry // Linguistic Studies. 2024. № 1. P. 54 – 68.
9. Kpaka A. Challenges of Teaching English Language as a Second Language in Sierra Leon // Humanitarian studies. 2024. № 3. P. 7 – 19.
10. Tsinakos A. Teacher perceptions on Augmented Reality Escape Classroom Games for English Language Learning // Modern Linguistics Journal. 2024. № 10. P. 204 – 215.

References

1. Artemyeva O.A. New approaches to teaching English: educational role-playing games and professionally oriented projects. Bulletin of TSTU. 2005. No. 4. P. 992 – 100.
2. Magomedova R.M., Abdusalamov M.M. Game technologies for teaching a foreign language: psychological and pedagogical aspects and practical use. MNKO. 2021. No. 4 (89). P. 77 – 92.
3. Matveeva N.V. Teaching English phonetics in professional education. Domestic and foreign pedagogy. 2018. No. 1 (46). P. 124 – 135.
4. Mutalapov I.D. Formation of professional communication skills of future engineers in game mode. KPZh. 2018. No. 2. P. 273 – 277.
5. Puzyreva O.I. Innovative technologies for the formation of general linguistic competence of university students. Scientific and methodological electronic journal "Concept". 2016. No. 13. P. 56 – 65.
6. Brevik L., Öhrn E. The game as a means of teaching professional communication to students of a technical university (using the example of English). Humanitarian studies. 2024. No. 7. P. 67 – 89.
7. Grabbs N. Features of the formation of professional competence of a future foreign language teacher through simulation games. Modern Linguistics Journal. 2023. No. 7. P. 24 – 35.
8. Herdawan D., Marselia S. Integrating Games in Teaching Maritime English: A Collaborative Auto-Ethnographic Inquiry. Linguistic Studies. 2024. No. 1. P. 54 – 68.
9. Kpaka A. Challenges of Teaching English Language as a Second Language in Sierra Leon. Humanitarian studies. 2024. No. 3. P. 7 – 19.
10. Tsinakos A. Teacher perceptions on Augmented Reality Escape Classroom Games for English Language Learning. Modern Linguistics Journal. 2024. No. 10. P. 204 – 215.

Информация об авторе

Поварницына Т.С., кандидат филологических наук, доцент, Камчатский государственный технический университет, povarnytsina@yandex.ru

© Поварницына Т.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 378.147

Электронные учебные курсы: вызовы и возможности цифровой трансформации образования

¹ Торкунова Ю.В., ¹ Иванов Д.А.

¹ Казанский государственный энергетический университет

Аннотация: современное образование, как и многие другие сферы претерпевает цифровую трансформацию, которая требует пересмотра и новых подходов к организации учебного процесса. Электронные учебные курсы, повсеместно внедряемые в вузах, не всегда отвечают ожиданиям обучающихся в плане методического обеспечения, организационного и содержательного наполнения. Рассматриваются различные подходы к структуре электронных учебных курсов, анализируются как положительные, так и отрицательные стороны применения. В статье приводятся результаты исследования мнения студентов об электронных учебных курсах, их структуре, востребованности, возможности замены преподавателя. Рассматриваются отличия в компонентном составе курсов в зависимости от направления обучения.

Ключевые слова: электронная образовательная среда, электронные ресурсы, электронный учебный курс, методическое обеспечение, вовлеченность

Для цитирования: Торкунова Ю.В., Иванов Д.А. Электронные учебные курсы: вызовы и возможности цифровой трансформации образования // Современный ученый. 2025. № 4. С. 272 – 277.

Поступила в редакцию: 27 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 30 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

E-learning courses: challenges and opportunities of digital transformation of education

¹ Torkunova Yu.V., ¹ Ivanov D.A.

¹ Kazan State Power Engineering University

Abstract: modern education, like many other fields, is undergoing a digital transformation that requires revision and new approaches to the organization of the educational process. E-learning courses, which are widely implemented in universities, do not always meet the expectations of students in terms of methodological support, organizational and substantive content. Various approaches to the structure of e-learning courses are considered, both the positive and negative sides of the application are analyzed. The article presents the results of a study of students' opinions about e-learning courses, their structure, relevance, and the possibility of replacing a teacher. The differences in the component composition of the courses are considered depending on the field of study.

Keywords: electronic educational environment, electronic resources, e-learning course, mass online courses, methodological support, content, structure, engagement

For citation: Torkunova Yu.V., Ivanov D.A. E-learning courses: challenges and opportunities of digital transformation of education. Modern Scientist. 2025. 4. P. 272 – 277.

The article was submitted: November 27, 2024; Approved after reviewing: January 30, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Цифровая трансформация общества, происходящая в России, широко затронула и такую сферу как высшее образование. Своеобразным толчком для развития темы «электронного образования» стало функционирование образовательных учреждений во время пандемии [1].

Государственное регулирование так же способствует тому, чтобы ввести систему высшего образования на новый уровень в соответствии с запросами как современной молодежи, так и более старшего поколения в соответствии с концепцией непрерывного обучения, а так же отвечая на новые вызовы развития науки и технологий.

Все образовательные стандарты высшего профессионального образования обязывают вузы иметь электронные образовательные ресурсы и обратную связь с обучающимися [2].

Есть еще ряд документов, которые некоторым образом регламентируют сферу применения электронных учебных курсов в образовательном процессе учебных заведений.

Это Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», в котором определяются требования к содержательной и технической части [3]. Программа «Развитие образования до 2030 года» определяет развитие темы электронных образовательных ресурсов как одно из основных направлений совершенствования системы образования в России, провозглашая их как инструмент повышения мотивации обучающихся и качества учебного процесса в целом.

Немаловажным становится и вопрос готовности преподавательского корпуса к разработке, внедрению и сопровождению электронных учебных курсов. Очевидно, что разработка электронного учебного курса процесс очень трудоемкий, в то же время преподаватель не заинтересован в его создании и публикации, так как его авторское право никак не фиксируется, а опасность замены на другого преподавателя, либо только на компьютер существует.

Материалы и методы исследований

Проблема разработки и внедрения электронных учебных курсов исследуется достаточно давно, еще в конце 20-го века в трудах И.В.Роберт, Г.В.Ившиной, Г.И. Кирилловой рассматривались во-

просы учебно-методического обеспечения электронной образовательной среды и электронных ресурсов.

П.Я. Юцевичене, В.П. Беспалько, Л.Я. Зорина в своих трудах предлагали проблемно-модульный подход к структурированию электронных учебных курсов.

В достаточно большом количестве статей и методических пособий рассматриваются подходы к содержательной части и технологиям формирования электронных курсов [4, 5, 6, 7].

В то же время вопрос компонентном наполнении, технологии применения и особенностях восприятия студентами разных направлений электронных учебных курсов не рассматривался.

Цель данной статьи исследовать требования к структуре, компонентному составу и содержанию электронных учебных курсов в зависимости от сферы применения, направления обучения, специфических особенностей.

Исследование проведено с помощью теоретических и эмпирических методов. Теоретические методы включали анализ публикаций по теме исследования, системный анализ, эмпирический-метод анкетирования.

Результаты и обсуждения

Следует отметить различие таких понятий как электронный ресурс, электронный учебник и электронный учебный курс (ЭУК).

Исходя из деятельностного подхода электронный учебный курс предполагает обязательное выполнение практических заданий, в то время как электронный ресурс и электронный учебник могут содержать только теоретический материал.

По характеру взаимодействия участников образовательного процесса электронное обучение подразделяется на обучение дистанционное, комбинированное и открытое обучение [8, 9]. В зависимости от типа электронного обучения и ЭУКи применяются по разному.

Электронные учебные курсы могут использоваться в различных форматах в зависимости от цели использования. Это может быть курс, который сопровождает очное обучение и содержит в себе кратко лекционный материал, задания для практической подготовки, контрольные тесты.

При проведении занятий такой курс облегчает выдачу учебных заданий, контроль за их выполнением, а та же позволяет зафиксировать цифровой след при выполнении заданий и тестировании.

Другой вариант использования электронных курсов, когда обучение дистанционное и другой теоретической информации и рекомендаций к практическим занятиям обучающийся не получает, однако он имеет возможность получить обратную связь от преподавателя при отправке заданий домой на проверку. Третий вариант ЭУКов – полностью автономный курс с автоматизированной проверкой заданий, без участия преподавателей. Обычно такие курсы не регламентируются по времени прохождения, однако отсутствие преподавателя снижает эмоциональную составляющую мотивации при прохождении курса.

Вузы обычно содержат на своих платформах электронные ресурсы первого типа, полностью автономные курсы – это чаще всего массовые открытые он-лайн курсы, размещенные на специализированных платформах типа Stepic.

Частично автономные курсы по большей части платные, когда мотивация к обучению подкрепляется еще и тем, что курс оплачен пользователем.

О положительном влиянии ЭУКов на учебный процесс написано достаточно много. Прежде всего они позволяют его индивидуализировать, обеспечить полноту восприятия информации, подстроить изложение материала под «клиповое» мышление современной молодежи.

Говоря о качестве электронных учебных курсов следует отметить, что качество имеет несколько определений. Рассматривая это понятие всесторонне при оценке качества ЭУК с одной стороны, мы должны оценить на сколько разработанный курс соответствует принятым в организации стандартам (методическим рекомендациям по разработке), с другой стороны – на сколько обучающийся удовлетворен содержанием, организацией, дизайном, технологической составляющей предоставляемого электронного курса.

При этом не всегда запрос обучающегося совпадает с теми правилами, которые устанавливает вуз при разработке ЭУКов. Такое противоречие побудило нас провести исследование мнения обучающихся об ЭУКах.

Нами было опрошено 112 человек, студентов в возрасте от 18 до 24, из них 56 девушек и 56 юношей различных направлений подготовки. Основная возрастная группа 18-23 года. В исследовании приняли студенты различных направлений: гуманитарное – 7 человек, инженерно-техническое – 28

человек, информационные технологии – 67 человек, педагогическое – 4 человека, экономическое – 6 человек.

Из всех опрошенных студентов 78% обучались с использованием ЭУКов.

Распределение целей использования было следующим: подготовка к ЕГЭ – 45,5%, углубленное изучение дисциплины – 18%, саморазвитие – 44%, в процессе изучения дисциплины в вузе – 30,4%.

Основной объем выборки составили студенты, обучающиеся по направлениям, связанным с информационными технологиями. Из 7 гуманитариев 6 пользовались электронными курсами, инженерно-технические специальности из 28 человек пользовались ЭУК – 15, из них 14 человек – для подготовки к ЕГЭ, 13 человек – не пользовались. Из 65 будущих программистов не использовали ЭУКи только 5 человек, из 65 человек 24 использовали ЭУКи для подготовки к ЕГЭ, для саморазвития – 35 человека, для более глубокого изучения дисциплины – 15, в процессе изучения дисциплины – 21. Преимущественно студенты использовали бесплатные ЭУК, однако 8 человек из 65 платили за прохождение курсов.

По большей части все кто начинал курсы – их заканчивал, однако среди опрошенных были и такие, которые написали, что закончили только половину из начатых. Среди причин этого они указали, потерю интереса (2 человека), скучные курсы – 4 человека, нехватка времени – 3 человека. Большая часть опрошенных отметила, что ограничение по времени не всегда стимулирует успешное прохождение курса. Говоря о стандартной структуре ЭУК в качестве пожелания опрошенные отметили наличие внутренней системы поощрений, взаимодействия с участниками курса, больше тренажеров и практических кейсов. На вопрос с кем бы предпочли заниматься с преподавателем или с компьютером – мнения разделились, что вполне объяснимо, исходя из различных психотипов опрошенных, половина хотели бы заниматься с преподавателем, половина – предпочли бы он-лайн курсы. При опросе студенты писали, что зачастую в он-лайн обучении сложно сфокусироваться на информации, из-за того что, очень часто она подана достаточно скучно и не интересно в виде стены текста и монотонного зачитывания этого текста, отмечая, что у преподавателей есть свой стиль подачи и если ученики теряют интерес к его предмету он может разными способами привлечь его внимание обратно. Многие бы хотели, чтобы при он-лайн обучении была моментальная обратная связь, и если непонятен хотя бы один

момент, сетовали на то, что отсутствует возможность задать вопрос и нет возможности продвигаться дальше. Так же многие отмечали, что очень много зависит от личности преподавателя, его манеры подачи материала при очном обучении и если преподаватель успешно выстраивает взаимоотношения со студентами, не вгоняет их в стрессовую ситуацию, именно личность преподавателя является дополнительным стимулом к успешному освоению курса.

Опрос так же показал, что около половины студентов предпочли бы он-лайн курсы прежде всего из соображений экономии времени на дорогу до учебного заведения, а так же избежание стресса при опоздании и коммуникации с преподавателем в целом.

В идеале бы многие хотели бы заниматься он-лайн, но с преподавателем, что обеспечило бы и обратную связь, и индивидуальный подход, и экономию времени на дорогу.

Показались интересными и полезными такие пожелания к электронным курсам для повышения вовлеченности, как геймификация обучения, введение системы поощрений, чаты с участниками курсов (на Stepic они есть, и весьма хорошо себя зарекомендовали).

Весьма интересным и неожиданным оказался такой плюс офф-лайн занятий, как невозможность от них отвлекаться.

Нас так же интересовал вопрос – как лучше представлять теоретический материал в ЭУК, был допустим множественный выбор.

Выбор студентов направлений, связанных с информационными технологиями распределился следующим образом: формат видеолекции выбрали 47 человек, текстовая форма подачи предпочтительна для 45 человек, 10-минутные видеоролики – 37 человек, презентации – 25 человек. Если говорить обо всех опрошенных, то ни один

особых предпочтений не получила ни одна форма представления, большинство указывало сочетание тех или иных форм между собой: видеолекции – 48,2%, текст – 46,4%, видеоролики – 54,5%, презентации – 44,6%

Хотя следует отметить некоторые особенности в предпочтениях в зависимости от направления обучения. Такие различия связаны как с особенностями восприятия, так и в первую очередь с характером изучаемого материала, на наш взгляд (рис. 1).

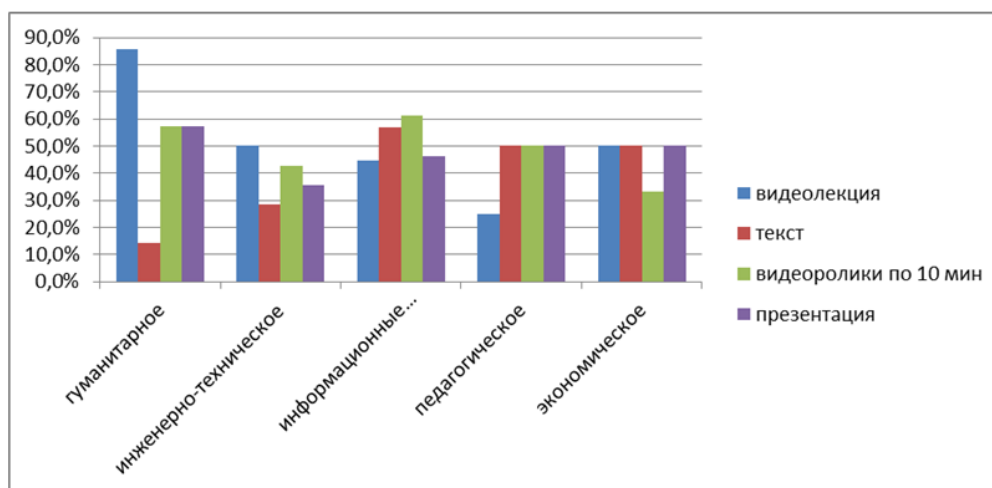

Рис. 1. Распределение предпочтений по форме представления теоретического материала.
Fig. 1. Distribution of preferences according to the form of presentation of theoretical material.

Анализ публикаций по теме применения ЭУК в учебном процессе вузов России показал, что в вузах в основном используют систему MOODLE для разработки и продвижения курсов. Эта система обладает рядом достоинств, являясь программным продуктом с открытой лицензией и открытым программным кодом, обладая возможностями настройки под запросы конкретного учебного за-

ведения. Возможности этой системы довольно широки: это и размещение различных материалов, организация видеоконференций, форум, тестирование, организация обратной связи и многое другое. Многие вузы уже издали достаточно подробные методические рекомендации по разработке, экспертизе и опубликованию курсов на платформе, например «Методические рекомендации по

разработке электронного учебного курса» Национального исследовательского Томского государственного университета (Институт дистанционного образования), «Методическое пособие по созданию цифровых образовательных курсов» Московского государственного института международных отношений (МИД России) и др., которые содержат подробные вводные описания, технологии разработки и последовательность действий по внедрению.

Разработка массовых он-лайн курсов так же не стоит на месте, однако является более трудоемкой, и не рассчитанной на перегруженного вузовского преподавателя.

Выводы

Анализируя применение ЭУК в учебном процессе, можно сделать вывод, что эффективность их применения во многом обуславливается вовлеченностью в обучение, играет роль прежде всего учебная мотивация. Влияет на это как форма подачи материала, так и наличие тренажеров, практических заданий, а так же системы поощрений. Не многие студенты готовы заниматься без преподавателя, большинство признают, что качество дистанционного обучения без участия преподавателя снижается. При всех положительных моментах, связанных с внедрением ЭУК в учебный процесс, массовое использование ЭУК с одной стороны нивелирует роль преподавателя в учебном процессе, с другой стороны, перегружает его без закрепления какого-либо авторского права на разработанный ЭУК (хотя в последних рекомендациях Министерства образования и написано, что некоторые ЭУКи можно рассматривать как публикацию и многие вузы все же закрепляют авторское право). Исходя из вышеизложенного, необходимо очень последовательно и без спешки подходить к повсеместному внедрению ЭУК в учебный процесс, поскольку при такой экономии времени и кадровых ресурсов, которое дает дистанционное обучение, не всегда можно гарантировать необходимое качество обучения.

Таким образом, современное образование активно адаптируется к цифровым технологиям, что требует пересмотра традиционных подходов к организации учебного процесса [10]. Важным аспектом цифровой трансформации образования является внедрение электронных учебных курсов.

Многие вузы достаточно активно этим занимаются, разрабатывая достаточно подробные методические рекомендации, определенным образом регламентируя процесс разработки.

Исследование мнения студентов показало, что недостаток интерактивных элементов, практических заданий, неправильное структурирование, отсутствие связи с практикой снижают эффективность их применения и мотивацию к изучению.

В то же время, и ответы студентов это подтверждают, ЭУКи имеют такие положительные стороны как индивидуализация темпа обучения, сокращение временных затрат и разнообразие формата. В то же время, при применении ЭУК многим из них не хватает коммуникации с преподавателем, организованности в занятиях, вовлеченности в учебный процесс и индивидуального подхода при подборе заданий. Многие студенты считают, что электронные курсы могут дополнить, но не заменить преподавателя, особенно в вопросах обратной связи и мотивации.

Говоря о компонентном наполнении следует отметить, что видеолекции будут более эффективны для студентов гуманитарных специальностей, а вот для студентов IT-направлений целесообразно заменить их текстовым вариантом. Для студентов всех направлений будут эффективны короткие 10-минутные ролики.

Таким образом, проблема разработки и внедрения ЭУК в практику вузов требует комплексного и всестороннего подхода на основе анализа целей, условий обучения и специфики предметной области, совершенствования их методического обеспечения и содержательного наполнения.

Список источников

1. Torkunova Ju.M., Khabrieva O. Torkunov Digitalization and Problems of the Educational Processes Based on University in the Pandemic Condition // E3S Web of Conferences. 2021. Vol. 288. P. 01044. DOI 10.1051/e3sconf/202128801044
2. Торкунова Ю.В., Шайдуллина Н.К. Электронная информационно-образовательная среда вуза: требования и возможности реализации // Ученые записки ИСГЗ. 2017. Т. 15. № 1. С. 541 – 546.
3. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://legalacts.ru/doc/273_FZ-ob-obrazovanii (дата обращения 10.10.2024)
4. Ким Т.Л. Меркурьев В.В., Бобриков В.Н., Клинов В.С. Системный подход к организации электронного обучения в вузе // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2022. № 4 (44). С. 70 – 75.

5. Петунин О.В., Астахова Т.А. Методологические подходы и требования к организации электронного обучения в вузе // Молодой ученый. 2020. № 25 (315). С. 413 – 417.
6. Методические рекомендации по разработке электронного учебного курса [Электронный ресурс]. URL: <https://ido.tsu.ru/documents/dokumenty-v-oblasti-distantionnogo-obrazovaniya/metodicheskie-rekomendatsii> (дата обращения 10.10.2024)
7. Методическое пособие по созданию цифровых образовательных курсов. [Электронный ресурс]. URL: https://mgimo.ru/upload/2022/12/onlinecoursecreation.pdfutm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения 10.10.2024)
8. Бабанская О.М., Можаяева Г.В., Сербин В.А., Фещенко А.В. Системный подход к организации электронного обучения в классическом университете // Открытое образование. 2015. № 2 (109). С. 63 – 69.
9. Власова Е.З. Электронное обучение в современном вузе: проблемы, перспективы и опыт использования // UNIVERSUM: Вестник Герценовского университета. 2014. № 2. С. 43 – 49.
10. Торкунова Ю.В., Коростелева Д.М., Кривоногова А.Е. Формирование цифровых навыков в электронной информационнообразовательной среде с использованием нейросетевых технологий // Современное педагогическое образование. 2020. № 5. С. 107 – 110.

References

1. Torkunova Ju.M., Khabrieva O. Torkunov Digitalization and Problems of the Educational Processes Based on University in the Pandemic Condition. E3S Web of Conferences. 2021. Vol. 288. P. 01044. DOI 10.1051/e3sconf/202128801044
2. Torkunova Yu.V., Shaidullina N.K. Electronic information and educational environment of the university: requirements and implementation possibilities. Scientific notes of ISGZ. 2017. Vol. 15. No. 1. P. 541 – 546.
3. Federal Law "On Education in the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: https://legalacts.ru/doc/273_FZ-ob-obrazovanii (date of access 10.10.2024)
4. Kim T.L. Merkuriev V.V., Bobrikov V.N., Klintsov V.S. A systems approach to organizing e-learning at a university. Professional education in Russia and abroad. 2022. No. 4 (44). P. 70 – 75.
5. Petunin O.V., Astashova T.A. Methodological approaches and requirements for organizing e-learning at a university. Young scientist. 2020. No. 25 (315). P. 413 – 417.
6. Methodological recommendations for the development of an electronic training course [Electronic resource]. URL: <https://ido.tsu.ru/documents/dokumenty-v-oblasti-distantionnogo-obrazovaniya/metodicheskie-rekomendatsii> (date of access 10.10.2024)
7. Methodological manual for creating digital educational courses. [Electronic resource]. URL: https://mgimo.ru/upload/2022/12/onlinecoursecreation.pdfutm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (date of access 10.10.2024)
8. Babanskaya O.M., Mozhaeva G.V., Serbin V.A., Feshchenko A.V. A systems approach to organizing e-learning in a classical university. Open education. 2015. No. 2 (109). P. 63 – 69.
9. Vlasova E.Z. E-learning in a modern university: problems, prospects and experience of use. UNIVERSUM: Bulletin of Herzen University. 2014. No. 2. P. 43 – 49.
10. Torkunova Yu.V., Korosteleva D.M., Krivonogova A.E. Formation of digital skills in the electronic information and educational environment using neural network technologies. Modern pedagogical education. 2020. No. 5. P. 107 – 110.

Информация об авторах

Торкунова Ю.В., доктор педагогических наук, профессор, Казанский государственный энергетический университет, 420066, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Красносельская, д. 51, torkunova@mail.ru

Иванов Д.А., доктор технических наук, доцент, заведующий кафедрой, Казанский государственный энергетический университет, 420066, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Красносельская, д. 51, ivanov.da@kgeu

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 371.3

Сравнительный анализ педагогических условий формирования творческой самостоятельности студентов-дизайнеров в Китае и России

¹ Лян Юхо

¹ Белгородский государственный институт искусств и культуры

Аннотация: в условиях глобализации и культурной диверсификации дизайн-образование выдвигает повышенные требования к воспитанию самостоятельных творческих способностей. Китай и Россия, как страны с глубоким культурным наследием и уникальными системами образования, накопили богатый опыт в области дизайн-образования, однако существуют значительные различия в условиях обучения между двумя странами. Сравнивая и анализируя условия обучения для развития независимых творческих способностей китайских и российских студентов-дизайнеров, данное исследование изучает сходства и различия между двумя странами с точки зрения образовательных концепций, учебных программ, методов обучения и распределения ресурсов, а также их глубинные причины. Исследование показывает, что китайское дизайн-образование превосходит другие страны в области взаимодействия с социальными потребностями и применения технологий, но все еще испытывает недостаток в воспитании художественной грамотности и развитии практических способностей, в то время как российское дизайн-образование превосходит другие страны в области художественных традиций и зрелых практических методов обучения, но имеет ограничения в области сбалансированного распределения ресурсов и международного развития. Исходя из этого, в данной статье представлены предложения по реформированию дизайн-образования в Китае, такие как укрепление базовых курсов по искусству и продвижение студийной системы обучения, с целью всестороннего улучшения самостоятельных творческих способностей студентов.

Ключевые слова: дизайн-образование, самостоятельное творчество, условия обучения, Китай, Россия

Для цитирования: Лян Юхо Сравнительный анализ педагогических условий формирования творческой самостоятельности студентов-дизайнеров в Китае и России // Современный ученый. 2025. № 4. С. 278 – 284.

Поступила в редакцию: 2 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 1 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Comparative analysis of pedagogical conditions of formation of creative independence of design students in China and Russia

¹ Liang Yuhe

¹ Belgorod State Institute of Arts and Culture

Abstract: in the conditions of globalization and cultural diversification, design education puts forward higher requirements to the education of independent creative abilities. China and Russia, as countries with deep cultural her-

itage and unique education systems, have accumulated rich experience in design education, but there are significant differences in learning conditions between the two countries. By comparing and analyzing the learning conditions for developing independent creative abilities of Chinese and Russian design students, this study explores the similarities and differences between the two countries in terms of educational concepts, curricula, teaching methods and resource allocation, as well as their underlying causes. The study shows that Chinese design education is superior to other countries in interacting with social needs and applying technology, but still lacks in cultivating artistic literacy and developing practical abilities, while Russian design education is superior to other countries in artistic traditions and mature practical teaching methods, but has limitations in balancing resource allocation and international development. Based on this, this paper presents suggestions for reforming design education in China, such as strengthening basic art courses and promoting studio teaching system, so as to comprehensively improve students' independent creative ability.

Keywords: design education, independent creativity, learning conditions, China, Russia

For citation: Liang Yuhe Comparative analysis of pedagogical conditions of formation of creative independence of design students in China and Russia. Modern Scientist. 2025. 4. P. 278 – 284.

The article was submitted: December 2, 2024; Approved after reviewing: February 1, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

В условиях глобализации образование в области дизайна, как важная сфера для выращивания инновационных талантов, претерпевает глубокие изменения. С ускорением экономической глобализации и культурной диверсификации индустрия дизайна выдвигает более высокие требования к независимым творческим способностям талантов. Независимые творческие способности – это не только воплощение основных качеств студентов-дизайнеров, но и ключевая конкурентоспособность их будущего карьерного роста. Китай и Россия, как страны с глубоким культурным наследием и уникальными системами образования, накопили богатый опыт в области дизайн-образования. Однако между двумя странами существуют значительные различия в условиях обучения для развития самостоятельных творческих способностей студентов-дизайнеров, и эти различия отражают не только различия в образовательных концепциях двух стран, но и разнообразие культурного фона и социальных потребностей [1]. Поэтому систематическое сравнение условий обучения дизайну в Китае и России не только помогает углубить понимание образовательных моделей двух стран, но и служит важным ориентиром для реформы дизайнерского образования в Китае.

Данное исследование направлено на изучение сходств и различий между двумя странами с точки зрения образовательных концепций, учебных программ, методов обучения и распределения ресурсов, а также их глубинных причин, путем сравнения и анализа условий обучения для развития независимых творческих способностей студентов-

дизайнеров в Китае и России. Основные вопросы исследования включают: как две страны определяют и развивают независимые творческие способности в дизайнерском образовании? Как различия в условиях обучения влияют на развитие творческих способностей студентов? Отвечая на эти вопросы, данное исследование надеется предоставить теоретическую поддержку и практические выводы для оптимизации дизайн-образования в Китае и России.

Материалы и методы исследований

В данном исследовании используется метод изучения литературы для систематического анализа соответствующей политики, научной литературы и практических примеров дизайнерского образования в Китае и России, а также метод сравнительного анализа для сравнения условий обучения в двух странах по четырем параметрам: философия образования, учебная программа, методы обучения и распределение ресурсов. В то же время преимущества и недостатки условий преподавания в двух странах обобщаются и глубоко анализируются с помощью педагогических теорий (например, конструктивистской теории обучения, теории творчества), чтобы обеспечить научную и академическую ценность исследования.

Результаты и обсуждения

Под самостоятельными творческими способностями понимается способность человека самостоятельно выполнять работы или решения, отличающиеся оригинальностью и практической ценностью в конкретной области, основываясь на собственном запасе знаний, уровне мастерства и творческом мышлении. В сфере дизайнерского

образования независимые творческие способности не только подчеркивают умелое использование технологий, но и фокусируются на самостоятельности и инновациях студентов в генерации идей, решении проблем и практической деятельности. Эта способность является важной частью основных качеств студентов-дизайнеров и ключевой конкурентоспособностью для их будущего карьерного роста. Независимые творческие способности – это многомерная комплексная система способностей, основными компонентами которой являются инновационное мышление, критическое мышление, способность решать проблемы и практические способности. Творческое мышление – это основа независимых творческих способностей, которая проявляется в способности студентов преодолевать традиционный режим мышления и выдвигать новые концепции и решения в области дизайна. Критическое мышление позволяет студентам анализировать, оценивать и размышлять над проблемами дизайна, чтобы сформировать более глубокие и логичные творческие идеи [2]. Способность решать проблемы подчеркивает способность студентов преобразовывать абстрактные концепции в конкретные решения в процессе создания дизайна, в то время как практические способности сосредоточены на мастерстве студентов в технической эксплуатации, применении материалов и реализации проектов, что является ключом к воплощению творчества в реальность.

Условия обучения – это совокупность различных ресурсов и факторов окружающей среды, влияющих на развитие учебной деятельности и реализацию учебного эффекта, а их основными компонентами являются образовательные концепции и цели, учебный план и содержание обучения, методы и средства обучения, а также силы преподавателя и распределение ресурсов. Образовательные концепции и цели определяют направление и направленность преподавательской деятельности и служат конкретными ориентирами для педагогической практики. Учебная программа и содержание обучения являются основным носителем учебной деятельности, их научность и рациональность напрямую влияют на усвоение учащимися знаний и развитие способностей. Методы и средства обучения являются важными инструментами преподавателей для передачи знаний и стимулирования творческого потенциала учащихся, их выбор напрямую влияет на эффект обучения. Силы преподавателей определяют профессиональный уровень преподавания, а выделение ресурсов обеспечивает необходимую материально-

техническую поддержку преподавательской деятельности. Условия преподавания влияют на развитие самостоятельного творчества учащихся через ориентацию, носитель, стимулирование и поддержку. Концепции и цели образования задают четкое направление педагогической деятельности и обеспечивают ориентацию педагогической практики на развитие самостоятельных творческих способностей. Учебная программа и содержание обучения, являясь основными носителями передачи знаний и развития способностей, призваны оказывать непосредственное влияние на результаты обучения студентов [3]. Методы и средства обучения стимулируют творчество и участие студентов с помощью разнообразных стратегий преподавания, способствуя тем самым развитию самостоятельных творческих способностей. Преподаватели и ресурсы обеспечивают необходимую поддержку и гарантию учебной деятельности для реализации целей обучения.

Развитие независимых творческих способностей китайских студентов-дизайнеров тесно связано с условиями обучения, которые включают в себя образовательные концепции и цели, учебный план и содержание обучения, методы и средства обучения, а также силу преподавателя и распределение ресурсов.

Что касается образовательных концепций и целей, китайское дизайн-образование претерпело трансформацию от обучения главным образом навыкам к фокусированию на развитии творческих способностей. В последние годы, когда страна придает большое значение стратегии инновационного развития, дизайн-образование постепенно делает акцент на улучшении независимых творческих способностей и всестороннего качества студентов. Цель воспитания самостоятельных творческих способностей китайских студентов-дизайнеров четко определена, они стремятся вырастить дизайнерские таланты с инновационным мышлением, критическим мышлением и практическими способностями через систематическую систему образования, чтобы удовлетворить социальный спрос на дизайнерские таланты высокого уровня [4]. Учебный план и содержание обучения являются основными компонентами условий обучения. Учебный план китайских дизайнерских специальностей обычно включает три модуля: базовые курсы, профессиональные курсы и практические курсы, направленные на развитие всесторонних способностей студентов с помощью поэтапного подхода. Содержание обучения сосредоточено на сочетании теории и практики, особенно

на практических курсах, где студенты имеют возможность применить теоретические знания к реальным проблемам дизайна через проектное обучение, тем самым развивая свои независимые творческие способности. Кроме того, некоторые университеты внедрили междисциплинарные программы, чтобы расширить знания студентов и стимулировать их инновационное мышление.

Что касается методов и средств обучения, то китайские факультеты дизайна постепенно переходят от традиционного преподавания под руководством преподавателя к модели обучения, ориентированной на студента. Широкое применение проектного, кейсового и студийного обучения предоставляет студентам больше возможностей для самостоятельных исследований и практики. Эти методы обучения не только стимулируют интерес студентов к учебе, но и развивают их самостоятельное мышление и способность решать проблемы. Между тем, внедрение цифровых средств обучения, таких как виртуальная реальность и технология автоматизированного проектирования, еще больше повышает интерактивность и практичность преподавания, а также обеспечивает техническую поддержку для развития самостоятельных творческих способностей студентов. Сила факультета и распределение ресурсов – важная гарантия условий преподавания. В последние годы преподавательский состав китайских дизайнерских специальностей был оптимизирован, и многие колледжи и университеты повысили общий уровень своего преподавательского состава за счет привлечения зарубежных талантов высокого уровня и усиления подготовки преподавателей. Однако в некоторых учебных заведениях все еще существуют такие проблемы, как нерациональная структура факультетов и недостаточный практический опыт. Что касается распределения ресурсов, то китайские колледжи и университеты из года в год увеличивают инвестиции в проектные лаборатории, студии и учебное оборудование, но феномен несбалансированного распределения ресурсов все еще существует, и распределение ресурсов в некоторых местных колледжах и университетах все еще недостаточно.[5] Развитие независимых творческих способностей китайских студентов-дизайнеров достигло определенных результатов в условиях обучения, но все еще необходимы дальнейшие усилия по углублению образовательных концепций, оптимизации учебных программ, инновационных методов обучения и сбалансированного распределения ресурсов для всестороннего улучшения независимых творче-

ских способностей студентов.

Развитие самостоятельных творческих способностей российских студентов-дизайнеров тесно связано с уникальными условиями обучения, которые отражаются в философии и целях образования, учебном плане и содержании обучения, методах и средствах обучения, а также в преподавательском составе и распределении ресурсов. С точки зрения концепции и целей образования, российское дизайн-образование находится под глубоким влиянием глубоких художественных традиций и культурного наследия, подчеркивая сочетание искусства и практичности. Концепция российского дизайн-образования сосредоточена на воспитании у студентов всесторонней художественной грамотности и творческих способностей, а целевое позиционирование ориентировано не только на формирование у студентов профессиональных навыков, но и на развитие их самостоятельного мышления и творческих способностей. Целью российского дизайн-образования является воспитание дизайнерских талантов с международным видением, инновационным духом и чувством социальной ответственности через систему систематического образования, чтобы удовлетворить спрос на дизайнерские таланты высокого уровня в современном обществе [6]. Учебный план и содержание обучения являются основой условий обучения российских специалистов в области дизайна. Учебный план российских специальностей по дизайну обычно включает в себя курсы по основам искусства, курсы по профессиональному дизайну и практические курсы по проектам, формируя режим обучения, в котором равное внимание уделяется теории и практике. Содержание обучения сосредоточено на интеграции искусства и технологий, особенно на курсах практических проектов, где студенты должны выполнять практические задания по дизайну, чтобы развивать свои независимые творческие способности. Кроме того, российское дизайн-образование также фокусируется на интеграции междисциплинарных знаний, таких как инженерия, психология и социология, в программу дизайна, чтобы расширить знания студентов и стимулировать их творческое мышление. Что касается методов и средств обучения, то в российском дизайн-образовании особое внимание уделяется модели обучения, ориентированной на студента, с упором на развитие у студентов способности к самостоятельному обучению и практическим навыкам. Студийное обучение – одна из особенностей российского дизайн-образования, в рамках которого студенты совер-

шенствуют свои независимые творческие способности, выполняя практические проекты под руководством преподавателей. Кроме того, в преподавании дизайна широко используются кейс-метод, проектное обучение и кооперативное обучение, стимулирующие творческие способности студентов и умение работать в команде. Внедрение цифровых средств обучения, таких как технологии автоматизированного проектирования и 3D-моделирования, еще больше повышает практичность и интерактивность преподавания и обеспечивает техническую поддержку для развития самостоятельных творческих способностей студентов [7]. Сильный преподавательский состав и распределение ресурсов – важная гарантия условий обучения в российском дизайне. Преподавательский состав российских дизайн-магистратур обычно состоит из преподавателей с богатым практическим опытом и академическим образованием, многие преподаватели одновременно занимаются дизайнерской практикой и преподаванием, что может обеспечить студентов методическим руководством, сочетающим теорию и практику. С точки зрения распределения ресурсов, российские колледжи и университеты вкладывают больше средств в дизайн-лаборатории, студии и учебное оборудование, особенно в художественных колледжах и университетах, где студенты имеют доступ к передовым инструментам и материалам для дизайна, что обеспечивает хорошие материальные условия для развития их самостоятельных творческих способностей [8]. Развитие самостоятельных творческих способностей российских студентов-дизайнеров имеет значительные преимущества с точки зрения условий обучения, а уникальность философии образования, полнота учебной программы, разнообразие методов обучения, адекватность преподавательского состава и распределения ресурсов в совокупности оказывают мощную поддержку развитию самостоятельных творческих способностей студентов. Этот опыт имеет большое значение для реформы и инноваций в области дизайнерского образования в Китае.

Между Китаем и Россией существуют как сходства, так и значительные различия в условиях обучения для развития самостоятельных творческих способностей студентов-дизайнеров, которые в основном отражаются в образовательной концепции и целях, учебном плане и содержании обучения, методах и средствах обучения, а также в силе преподавателей и распределении ресурсов. Что касается концепции и целей образования, то и в Китае, и в России подчеркивается инновацион-

ный и практический характер дизайнерского образования, но при этом существуют различия в конкретных концепциях и целях. В последние годы китайское дизайн-образование делает упор на инновационное развитие, фокусируясь на развитии всесторонних способностей студентов, особенно независимых творческих способностей, чтобы удовлетворить социальный спрос на дизайнерские таланты высокого уровня. Российское дизайнерское образование, с другой стороны, находится под глубоким влиянием художественных традиций и культурного наследия, и делает акцент на сочетании художественности и практичности, стремясь не только к профессиональным навыкам студентов, но и к развитию их независимого мышления и творческих способностей. В отличие от этого, китайское дизайн-образование уделяет больше внимания взаимодействию с социальными потребностями, а российское дизайн-образование делает больший акцент на художественных качествах и культурном наследии [9]. Что касается учебной программы и содержания обучения, то в обеих странах принята модель обучения, сочетающая теорию и практику, но есть различия в реализации. Учебный план китайских специалистов по дизайну обычно включает три модуля: базовые курсы, профессиональные курсы и практические курсы, ориентированные на постепенное развитие способностей. В учебном плане российских специальностей по дизайну, напротив, больше внимания уделяется сочетанию курсов по основам искусства и практических курсов по проектам, особенно в части интеграции междисциплинарных знаний. Что касается содержания обучения, то китайское дизайнерское образование фокусируется на техническом применении и практичности, в то время как российское дизайнерское образование делает больший акцент на интеграции искусства и технологии, а также фокусируется на развитии независимых творческих способностей студентов через практические проекты.

Что касается методов и средств обучения, то в обеих странах принята модель обучения, ориентированная на студента, но при этом существуют различия в конкретных методах и средствах. Китайские программы дизайна широко используют проектное обучение, обучение на основе конкретных примеров и студийное обучение, фокусируясь на развитии самостоятельных творческих способностей студентов через практику. В российском дизайн-образовании больше внимания уделяется студийному обучению и совместному обучению, где студенты совершенствуют свои независимые

творческие способности, выполняя реальные проекты под руководством преподавателей. Кроме того, российское дизайн-образование более зрело в применении цифровых методов обучения, таких как использование технологий автоматизированного проектирования и трехмерного моделирования, что еще больше повышает практичность и интерактивность преподавания.[10] Что касается численности профессорско-преподавательского состава и распределения ресурсов, то обе страны уделяют внимание строительству факультетов и инвестициям в учебные ресурсы, однако существуют различия в конкретном положении дел. В последние годы преподавательский состав китайских дизайнерских программ был значительно улучшен за счет привлечения зарубежных талантов высокого уровня и усиления подготовки преподавателей, однако в некоторых учебных заведениях все еще существуют такие проблемы, как нерациональная структура факультета и недостаточный практический опыт. Преподавательский состав российских факультетов дизайна обычно состоит из преподавателей с богатым практическим опытом и академическим образованием, которые могут предоставить студентам методические рекомендации, сочетающие теорию и практику. Что касается распределения ресурсов, то китайские колледжи и университеты из года в год увеличивают инвестиции в дизайн-лаборатории, студии и учебное оборудование, но феномен неравномерного распределения ресурсов все еще существует. Российские колледжи и университеты более адекватно распределяют ресурсы, особенно в художественных колледжах и университетах, где студенты имеют доступ к передовым инструментам и материалам для дизайна, что обеспечивает хорошие материальные условия для развития их самостоятельных творческих способностей [11].

У Китая и России есть свои сильные и слабые стороны в условиях обучения для развития самостоятельных творческих способностей студентов-дизайнеров. Китайское дизайн-образование явля-

ется выдающимся в области взаимодействия с социальными потребностями и применения технологий, в то время как российское дизайн-образование имеет значительные преимущества в воспитании художественной грамотности и повышении практических способностей. Сравнительный анализ может дать важную информацию для взаимного использования и общего развития дизайн-образования в двух странах.

Выводы

Сравнительный анализ условий обучения для развития самостоятельных творческих способностей китайских и российских студентов-дизайнеров позволил выявить сходства и различия между двумя странами с точки зрения образовательных концепций и целей, учебных программ и содержания обучения, методов и средств обучения, а также численности профессорско-преподавательского состава и распределения ресурсов. Выяснилось, что китайское дизайн-образование является выдающимся в сопряжении с социальными потребностями и применением технологий, но все еще испытывает недостаток в развитии художественного качества и практических способностей; российское дизайн-образование является выдающимся в своей глубокой художественной традиции и зрелом практическом режиме обучения, но есть определенные ограничения в сбалансированном распределении ресурсов и международном развитии. Исходя из этого, китайское дизайн-образование может перенять успешный опыт России, например, усилить базовые курсы по искусству, продвигать студийную систему обучения, оптимизировать дизайн междисциплинарных курсов и т.д., а также улучшить структуру преподавательского состава и распределение ресурсов для всестороннего развития самостоятельных творческих способностей студентов. Эти предложения служат важным ориентиром для реформы и инноваций в китайском дизайнерском образовании.

Список источников

1. Фанюй Ч. Структура и содержание программ подготовки педагога-дизайнера в России и Китае: сравнительный анализ // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 5. № 3. С. 342 – 347.
2. Фасионе П.А., Фасионе Н.С., Гиттенс К.А. Что нам говорят данные о человеческом мышлении // Критическое мышление и рассуждения. 2020. С. 272 – 297.
3. Тайлер Р.В. Основные принципы учебных программ и преподавания // Читатель по учебным программам E2. 2013. С. 60 – 68.
4. Макванди П., Ван Ч., Заре Э.Н., и др. Наноматериалы на основе металлов в биомедицинских приложениях: антимикробная активность и аспекты цитотоксичности // Передовые функциональные материалы. 2020. Т. 30. № 22. С. 56 – 61.

5. Ле Даян Основные требования к системе практической работы независимых колледжей по обеспечению условий обучения // Наблюдение за образованием. 2015. № 7. С. 69 – 70.
6. Никулин А.А., Савенкова Л.Г. Педагогическая модель формирования готовности к самостоятельной творческой деятельности у студентов-дизайнеров // Педагогика искусства. 2019. № 4. С. 78 – 87.
7. Сидорова И.В., Илюхин К.Э., Томонов Д.С. Воспитание патриотизма как актуальная проблема современного общества // Наука и образование. 2021. Т. 4. № 1. С. 34 – 39.
8. Кузнецов Н.В. Онлайн-образование: ключевые тренды и препятствия // Электронный менеджмент. 2019. Т. 2. № 1. С. 19 – 25.
9. Иванова Г.П., Логвинова О.К., Ширкова Н.Н. Педагогическое обеспечение социокультурной адаптации иностранных студентов: опыт реализации // Высшее образование в России. 2018. № 3. С. 60 – 69.
10. Уракова Е.А., Гусев Е.Н., Сидоров А.Н. Основные направления развития профессионального образования // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70-3. С. 240 – 242.
11. Лю Ц., Абрамов А.П. Современные и традиционные семейные ценности межпоколенного взаимодействия в России и Китае // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 107.

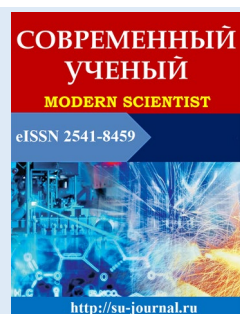
References

1. Fanyu C. The structure and content of training programs for educational designers in Russia and China: a comparative analysis. *Pedagogy. Theory and Practice*. 2020. Vol. 5. No. 3. P. 342 – 347.
2. Facione P.A., Facione N.S., Gittens K.A. What the data tell us about human thinking. *Critical Thinking and Reasoning*. 2020. P. 272 – 297.
3. Tyler R.V. Basic principles of curriculum and teaching. *E2 Curriculum Reader*. 2013. P. 60 – 68.
4. Makwandi P., Wang C., Zare E.N., et al. Metal-based nanomaterials in biomedical applications: antimicrobial activity and cytotoxicity aspects. *Advanced functional materials*. 2020. Vol. 30. No. 22. P. 56 – 61.
5. Le Dayan Basic Requirements for the System of Practical Work of Independent Colleges to Provide Learning Conditions. *Education Monitoring*. 2015. No. 7. P. 69 – 70.
6. Nikulin A.A., Savenkova L.G. Pedagogical Model of Forming Readiness for Independent Creative Activity in Design Students. *Pedagogy of Art*. 2019. No. 4. P. 78 – 87.
7. Sidorova I.V., Ilyukhin K.E., Tomonov D.S. Fostering Patriotism as a Urgent Problem of Modern Society. *Science and Education*. 2021. Vol. 4. No. 1. P. 34 – 39.
8. Kuznetsov N.V. Online education: key trends and obstacles. *Electronic management*. 2019. Vol. 2. No. 1. P. 19 – 25.
9. Ivanova G.P., Logvinova O.K., Shirkova N.N. Pedagogical support for socio-cultural adaptation of foreign students: implementation experience. *Higher education in Russia*. 2018. No. 3. P. 60 – 69.
10. Urakova E.A., Gusev E.N., Sidorov A.N. Main directions of development of professional education. *Problems of modern pedagogical education*. 2021. No. 70-3. P. 240 – 242.
11. Liu Q., Abramov A.P. Modern and traditional family values of intergenerational interaction in Russia and China. *Sociological research*. 2022. No. 2. P. 107.

Информация об авторе

Лян Юхо, аспирант, Белгородский государственный институт искусств и культуры, 429703551@qq.com

© Лян Юхо, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 37.014.5

Становление и развитие процесса информатизации системы образования в России (Казахстане)

¹ Радченко Т.А.

¹ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

Аннотация: в статье исследуется процесс информатизации образовательной системы в России и Казахстане, актуальность которого обусловлена стремительными изменениями в области технологий и глобализации, требующими адаптации образовательных подходов. Целью работы – выявить ключевые факторы, способствующие успешному внедрению информационных технологий в учебный процесс, а также анализ существующих государственных инициатив, таких как программа «Цифровой Казахстан». Для достижения поставленных задач было использовано несколько методов, включая анализ программных документов и сравнительное исследование тенденций в двух странах. Основные результаты показывают, что информатизация образования значительно улучшает качество и доступность учебных материалов, однако существует ряд вызовов, таких как необходимость в финансировании, устаревание оборудования и подготовка специалистов. Автор предлагает рекомендации по дальнейшему совершенствованию технологий обучения и развитию компетенций педагогических кадров для эффективной интеграции инноваций в образовательный процесс, что является важным шагом к подготовке квалифицированных специалистов в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: информатизация образования, интеллектуальные системы, Россия, Казахстан, информационные технологии, персонализация обучения, цифровизация, образовательные программы, государственные стратегии, образовательные ресурсы

Для цитирования: Радченко Т.А. Становление и развитие процесса информатизации системы образования в России (Казахстане) // Современный ученый. 2025. № 4. С. 285 – 291.

Поступила в редакцию: 3 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 2 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Formation and development of the process of informatization of the education system in Russia (Kazakhstan)

¹ Radchenko T.A.

¹ South Ural State Humanitarian and Pedagogical University

Abstract: the article examines the process of informatization of the educational system in Russia and Kazakhstan, the relevance of which is due to rapid changes in the field of technology and globalization, requiring the adaptation of educational approaches. The purpose of the work is to identify the key factors contributing to the successful im-

plementation of information technologies in the educational process, as well as the analysis of existing government initiatives, such as the Digital Kazakhstan program. To achieve the objectives, several methods were used, including the analysis of program documents and a comparative study of trends in the two countries. The main results show that the informatization of education significantly improves the quality and availability of educational materials, but there are a number of challenges, such as the need for funding, obsolescence of equipment and training of specialists. The author offers recommendations for further improvement of teaching technologies and development of teaching staff competencies for the effective integration of innovations into the educational process, which is an important step towards training qualified specialists in the context of digital transformation.

Keywords: informatization of education, intelligent systems, Russia, Kazakhstan, information technologies, personalization of learning, digitalization, educational programs, state strategies, educational resources

For citation: Radchenko T.A. Formation and development of the process of informatization of the education system in Russia (Kazakhstan). Modern Scientist. 2025. 4. P. 285 – 291.

The article was submitted: December 3, 2024; Approved after reviewing: February 2, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

В период глобализации и стремительного прогресса техники информатизация обучения становится одной из основных направлений модернизации образовательных структур в различных странах. Использование информационных технологий в процессе обучения не только повышает качество и доступность образования, но и способствует развитию новых форм и методов обучения. Информатизация позволяет персонализировать обучение, адаптировать его к индивидуальным потребностям каждого ученика, а также предоставляет доступ к обширным образовательным ресурсам и материалам. В контексте глобальных вызовов и изменений, связанных с цифровой трансформацией общества, процесс информатизации становится необходимым условием для подготовки квалифицированных специалистов, способных эффективно функционировать в современном информационном пространстве.

Настоящая статья посвящена исследованию процесса становления и развития информатизации системы образования в России и Казахстане. Основной целью является осветить исторические аспекты и современные тенденции внедрения информационных технологий в образовательный процесс в указанных странах. В рамках исследования рассматриваются ключевые этапы развития информатизации, начиная с первых шагов внедрения компьютерных технологий до применения интеллектуальных систем. Также анализируются государственные программы, стратегии, направленные на внедрение ИТ в образование, такие как программа «Цифровой

Казахстан». Особое внимание уделяется преимуществам и рискам, связанным с процессом информатизации, а также предлагаемым рекомендациям по его дальнейшему совершенствованию.

Материалы и методы исследований

Формирование и развитие процесса информатизации системы образования в России и Казахстане происходило под влиянием глобализации и технического прогресса. Как отметил К. Бекишев, условия глобализации требуют необходимости модернизации системы образования, что отражается во многих методических изменениях. Эти изменения затрагивают все аспекты образовательного процесса – от целей и содержания до методов, инструментов, средств и мониторинга результатов обучения. Важную роль в этих процессах играют интернет и мультимедийные инструменты, которые меняют роль учителя: он перестаёт быть основным источником информации, трансформируясь в организатора образовательного процесса [1].

Современные технологии способствуют распространению дистанционного образования и предоставляют новые возможности для дифференциации и индивидуализации обучения, что ведёт к переходу от заучивания информации к компетентностному, где основным аспектом становится умение применять знания в нестандартных ситуациях. В Казахстане с 1997 года реализуется государственная программа информатизации среднего образования, включающая обеспечение школ мультимедийными компьютерными классами, разработку компьютерных учебных программ и электронных

учебников. Как отметил Бекишев, важной составляющей программы является создание информационной системы управления образованием. В рамках стратегических программ по инициативе Президента Н.А. Назарбаева была поставлена задача создания образовательного телевидения, что отражает стремление подготовить человека нового типа – образованного, творческого, самостоятельно принимающего решения и самодостаточного [1].

Казахстан активно учитывает мировые тенденции, вызванные информацией, и необходимость активизации образовательного процесса при выходе в мировое образовательное пространство. Н.А. Адельбаева, Н.А. Гусева и С. Сулейменова отмечают, что в Казахстане существенно изменилась роль учителя, который становится не главным источником знаний, а организатором учебного процесса [2].

Результаты и обсуждения

Новейшие технологии, такие как сеть и электронные устройства, способствуют появлению дистанционного и открытого образования, включающего личностно-ориентированные принципы образования и актуальные методы. Изменения в казахстанской образовательной системе, отраженные в прогрессе системы открытого обучения, рассматриваются как главный аспект социального института общества.

Исследователи утверждают, что успешная трансформация педагогической системы возможна при соблюдении определённых условий, включая уровень информационной компетентности участников образовательного процесса и подготовку соответствующей системы информационного обеспечения. Это показывает важность приспособления к новым образовательным реалиям нашего времени. Орынбаева подчеркивает важность информативной воспитательной деятельности в школах, показывая, что этому направлению уделяется постоянное внимание. Они анализируют опыт РФ и Казахстана в использовании ИКТ для увеличения интенсивности и качества образования и личностного роста школьников, ориентируясь на международный контекст, в частности опыт Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Исследователи указывают на необходимость переосмысления ресурсов и методов обучения и подчеркивают, что увеличение финансирования не всегда связано с более высоким качеством образования. Важно более

результативно применять существующие технологии и ресурсы [3].

И. Абрамов, М.А. Семенов, Н.В. Маланичева Е.В., Стрельникова И.А. подчеркивают, что интеграция интернет-технологий дает шанс на создание единого образовательного пространства стран СНГ. Это возможно благодаря формированию заинтересованных сегментированных групп образовательных учреждений, способных взаимодействовать в едином интернет-пространстве. Основной задачей информатизации является расширение сети образовательных учреждений, использующих дистанционное обучение, что способствует углублению связи и сотрудничества с ведущими образовательными организациями мира и поддержке совместной научной и педагогической деятельности [4].

А.С. Магауова и М.Е. Жангужинова подчеркивают, что реформа образования в Казахстане тесно связана с мировыми образовательными парадигмами, ориентированными на личностно-ориентированный метод. Они отмечают важность компетентного подхода, способствующего расширению интеллектуальных и коммуникационных компетенций школьников, и подчеркивают, что образование должно формировать у учащихся не только навыки, но и стремление к непрерывному самообучению и получению нового опыта, что особенно актуально в нашем обществе [5].

Заславская О.Ю. уделяет внимание влиянию мировых тенденций на развитие системы образования в условиях цифровой экономики. Она подчеркивает, что использование современных технических достижений крайне важно для того, чтобы экономика была более конкурентоспособной, а также для того, чтобы она могла интегрироваться в мировое сообщество. Благодаря прогрессу, возможен не только быстрый обмен данными, но и появление новых рабочих мест, а также улучшение условий труда. Что включает в себя ответственное руководство и инновационность [6].

Гиль А.В. и Морозов А.В. анализируют переход от информатизации к цифровизации образовательного процесса, что является ответом на вызовы современной цифровой экономики. Они подчеркивают, что современные технологии крайне важны для того, чтобы экономика стала более конкурентоспособной и интегрировалась в

мировое пространство. Применение данных технологий в образовательном контексте дает значительные преимущества в формировании базовых компетенций студентов и адаптации к быстро меняющимся реалиям глобализованного мира [7].

М.В. Николаев подчеркивает, что цифровизация образовательного процесса требует изменения методов преподавания и воспитания, а также формирования у студентов новых компетенций, включая информационно-коммуникативные. Он отмечает важность самостоятельного обучения студентов в век цифровых технологий, что способствует формированию компетентных и конкурентоспособных цифровых граждан [8].

Л.Н. Черкасова и А.С. Хампарцумова анализируют необходимость гармонизации российской системы образования с мировыми стандартами в условиях глобализации. Они подчеркивают, что цифровизация образования получила особый импульс в связи с необходимостью перехода на дистанционное обучение из-за пандемии COVID-19, что открыло новые способы общения и взаимодействия в образовательном процессе [9].

Выводы

Таким образом, исторический обзор информатизации образования в России и Казахстане показывает значительный прогресс от начальных этапов внедрения компьютерных классов до современных интеллектуальных систем. Важную функцию в этом процессе сыграли глобализация и технический прогресс, которые способствовали изменению способов преподавания. Анализ подтверждает необходимость модернизации образовательных программ, подчеркивая важность информационной компетентности и интеграции современных методов обучения для подготовки квалифицированных специалистов.

С конца прошлого века в Казахстане и России начали активно реализовываться государственные проекты, направленные на повышение уровня знаний с применением IT-технологий. В Казахстане с 1997 г. действует государственная программа информатизации среднего образования, включающая обеспечение школ мультимедийными компьютерными классами, разработку компьютерных учебных программ и электронных учебников, а также создание информационной системы управления образованием. Как отмечают Н. Рысбекива и Ван Цзидэ, эти меры

способствуют улучшению подготовки учащихся к жизни в современном обществе.

В России также предпринимаются масштабные усилия по внедрению информационных технологий в обучение, что отражает стремление к модернизации образовательной системы и повышению её качества [10].

Одной из главных инициатив в Казахстане является программа «Цифровое государство», направленная на цифровизацию и модернизацию сферы образования. Программа способствует применению высоких технологий и информационных технологий в школах и университетах, улучшая качество и доступность образования, особенно в отдаленных районах и селах. Важной составляющей программы являются технологии «умного класса», оснащенные интерактивными досками, планшетами и другими цифровыми инструментами, которые активно используются на уроках. Исследования показывают, что применение подобных технологий не только повышает вовлеченность студентов, но и дает возможность развить их информационные умения.

Бокаев Б., Торебекова З. и Давлетбаева Ж. отмечают, что активное использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) существенно улучшает качество образования. Программы, направленные на создание и развитие цифрового образования, такие как «Электронная Беларусь», обеспечивают равный доступ к образовательным ресурсам для всех учащихся, сокращая социальные барьеры. На сегодняшний день большинство школ Казахстана имеют возможность пользоваться Всемирной сетью, что позволяет использовать в работе электронные средства обучения [11].

В условиях технического прогресса интеллектуальные системы становятся главным фактором развития новых методов обучения, как утверждают Радченко Т.А. и Леонова Е.А. Эти системы революционизируют методы обучения, учитывая особенности учащихся, что побуждает к глубокой трансформации образовательных методик в Российской Федерации и Республике Казахстан. Правительственные инициативы в обеих государствах активизируют внедрение интеллектуальных средств обучения, способствуя развитию навыков работы с компьютером и расширению ресурсов электронного обучения [13].

Развитие процесса информатизации в Российской Федерации и Республике Казахстан, начавшееся

еся в конце XX века, показывает значительные успехи благодаря активной реализации федеральных проектов, направленных на улучшение качества обучения с помощью современных технологий. В Казахстане с 1997 действует программа информатизации среднего образования, включающая обеспечение школ мультимедийными компьютерными классами, разработку компьютерных учебных программ и электронных учебников, а также создание информационной системы управления образованием. Одной из ключевых инициатив является программа «Цифровой Казахстан», способствующая информатизации и модернизации образовательной сферы. В России также предпринимаются масштабные усилия по модернизации образовательного процесса с внедрением информационных технологий, отражающие стремление к улучшению качества обучения. Эти меры способствуют формированию у учеников умений работать с информацией и взаимодействовать с окружающим миром. Однако, несмотря на значительные достижения, остаются сложности, связанные с финансированием, устареванием оборудования и необходимостью непрерывного обновления образовательной среды. В последние несколько лет информатизация образовательной среды в РФ и Казахстане достигла значительных результатов, благодаря активному применению компьютерных технологий. Использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) стало частью образовательной среды, обеспечивая более активное и продуктивное обучение. В образовательных учреждениях активно применяются электронные учебники, мультимедийные компьютерные классы, виртуальные лаборатории и платформы дистанционного обучения. Например, в рамках программы «Цифровой Казахстан» внедрены технологии «умного класса», оснащенные интерактивными досками и планшетами, что позволяет создавать интерактивные и персонализированные учебные материалы, повышая вовлеченность студентов. Успешная интеграция цифровых технологий в учебный процесс наблюдается как в российских, так и в казахстанских школах. В Казахстане программа «Цифровой Казахстан» существенно улучшила качество образования за счёт применения умных классов и платформ для взаимодействия. Эти технологии помогают педагогам и обучающимся лучше коммуницировать и обмениваться данными, что ведёт к улучшению образовательных результатов. В России также активно используются платформы дистанционного обучения, такие как Moodle и Google Classroom, которые

предоставляют обучающимся доступ к материалам, помогают выполнять задания и получать рекомендации от педагогов в онлайн-режиме.

Одно из главных преимуществ информатизации учебного процесса — возможность индивидуализации обучения. Современные технологии позволяют адаптировать образовательные программы под личные потребности каждого обучающегося, что повышает качество образовательного процесса. Информационные технологии дают возможность пользоваться большим количеством обучающих материалов, включая онлайн-курсы, электронные библиотеки и лабораторные комплексы. Это особенно важно для учащихся из отдаленных и сельских районов, где нет возможности пользоваться такими ресурсами.

При всех успехах в области информатизации обучения существуют и серьезные проблемы. Одной из основных проблем является финансирование. Внедрение и поддержка современных технологий требуют больших финансовых затрат, что не всегда возможно в случае ограниченного бюджета. Кроме того, современные технологические решения довольно быстро устаревают, что приводит к необходимости постоянно обновлять оборудование и программное обеспечение. Это создает дополнительную нагрузку на образовательные учреждения, которые вынуждены искать пути непрерывного обновления своих технологических ресурсов. Также возникает потребность в обучении специалистов, чтобы они могли грамотно использовать новые технологии в учебном процессе.

В итоге, внедрение информационных технологий в систему образования в РФ и Казахстане имеет значительные перспективы, способствуя увеличению качества и доступности образования. Однако для того, чтобы данная тенденция была успешной, необходимо учитывать существующие вызовы и работать над их преодолением, обеспечивая непрерывное обновление инфраструктуры. Информатизация в Российской Федерации и Казахстане продемонстрировала преимущества в улучшении качества знаний и доступности образования. Внедрение IT-технологий позволяет создать систему, отвечающую потребностям каждого ученика. Дальнейшее развитие информационных технологий в образовании остается приоритетным направлением, так как оно способствует подготовке профессионалов, готовых работать в цифровом обществе. Необходимо продолжать инвестировать в технологическую инфраструктуру и разрабатывать инновационные программы обучения, чтобы обеспечить школьникам доступ к передовым

учебным ресурсам и инструментам. Чтобы информационные технологии успешно внедрялись в учебный процесс, нужно уделять особое внимание подготовке педагогических кадров. Учителя должны быть хорошо подготовлены к применению новых образовательных методик и технологий для своей работы. Комплексный подход к обучению педагогических кадров включает не только повышение их цифровой грамотности, но и развитие навыков использования информационных систем для создания интерактивных и эффективных учебных материалов. Также важно обеспечивать постоянное профессиональное развитие учителей, чтобы они могли адаптироваться к быстро меня-

щимся условиям и внедрять новые методы обучения. Таким образом, комплексный подход к подготовке педагогов является ключевым элементом в процессе успешной информатизации учебного процесса. Вследствие этого информатизация образовательного процесса на территории РФ и Казахстана обладает огромным ресурсом для улучшения качества обучения. Однако для того, чтобы добиться наилучшего результата, нужно понимать существующие проблемы и работать над их преодолением, обеспечивая непрерывное развитие и обновление технологической инфраструктуры, а также комплексную подготовку педагогических кадров.

Список источников

1. Бекишев К. Тенденции развития системы образования в Республике Казахстан // Рос. хим. ж. (Ж. Рос. хим. об-ва им. Д.И. Менделеева). 2011. Т. LV. № 4.
2. Адельбаева Н.А., Гусева Н.А., Сулейменова С. К характеристике вопроса становления и развития открытого образования в Казахстане // The Scientific Heritage. 2021. № 66. С. 45.
3. Гриншкун В.В., Орынбаева Л.К. Дидактические аспекты информатизации образования. Существующая практика и особенности информатизации воспитательной деятельности в школе // Вестник МГПУ. Серия "Информатика и информатизация образования".
4. Абрамов В.И., Семенов М.А., Маланичева Н.В., Стрельникова И.А. Системы образования в России и странах Содружества Независимых Государств (СНГ): на пути к общему образовательному пространству // Человек и образование. 2022. № 3. С. 07 – 20. DOI: 10.54884/S181570410023055-5
5. Магауова А.С., Жангужинова М.Е. Реформирование системы образования Республики Казахстан в условиях современных парадигм образования // Вестник КРСУ. 2015. Т. 15. № 6. УДК 378.14.014.13 (574)
6. Заславская О.Ю. Влияние глобальных процессов информатизации на развитие современной системы образования в условиях цифровой экономики // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2018. Т. 15. № 3. С. 271 – 281. DOI: 10.22363/2312-8631-2018-15-3-271-281. URL: <http://journals.rudn.ru/informatization-education> (дата обращения: 04 июня 2024 года)
7. Гиль А.В., Морозов А.В. От информатизации к цифровизации образовательного процесса // Образование и право. 2019. № 12. Юридические науки.
8. Николаев М.В. Гражданское воспитание учащейся молодежи в условиях цифровизации и информатизации системы образования // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. Т. 13. № 3. С. 115 – 122. DOI: 10.47370/2078-1024-2021-13-3-115-122
9. Черкасова Л.Н., Гампарцумов А.С. Специфика систем образования России и Китая в рамках мировой цифровизации // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2020. Вып. 3(46). С. 81 – 87. DOI: 10.24411/2078-1024-2020-13009.
10. Рысбеккызы Н., Ван Цзидэ. История развития информатизации образования Китая и Казахстана // Педагогикалық ғылымдар сериясы. 2021. №3 (68). ISSN 2520-2634, eISSN 2520-2650. Режим доступа: <https://bulletin-pedagogic-sc.kaznu.kz> (дата обращения: 05 июня 2024 года). <https://doi.org/10.26577/JES.2021.v68.i3.08>.
11. Бокайев Б., Торебекова З., Давлетбаева Ж. Государственное управление и государственная служба // Мемлекеттік басқару және мемлекеттік қызмет. 2020. № 4 (75). С. 32 – 43. DOI: 10.52123/1994-2370-2020-75-4-32-43. УДК 37.004.
12. Yu H., Shi G., Li J., Yang J. Analyzing the Differences of Interaction and Engagement in a Smart Classroom and a Traditional Classroom // Sustainability. 2022. Vol. 14 (13). <https://doi.org/10.3390/su14138184> (дата обращения: 05 июня 2024 года)
13. Радченко Т.А., Леонова Е.А. Принципы эффективной интеграции интеллектуальных систем в образовательный процесс // Педагогическая перспектива. 2023. № 4 (12). С. 74 – 80. DOI: 10.55523/27822559_2023_4(12)_74

References

1. Bekishev K. Trends in the Development of the Education System in the Republic of Kazakhstan. *Rus. Chem. J.* (Journal of the Rus. Chem. Society named after D.I. Mendeleev). 2011. Vol. LV. No. 4.
2. Adelbaeva N.A., Guseva N.A., Suleimenova S. On the Characteristics of the Issue of Formation and Development of Open Education in Kazakhstan. *The Scientific Heritage*. 2021. No. 66. P. 45.
3. Grinshkun V.V., Orynbaeva L.K. Didactic Aspects of Education Informatization. Current Practice and Features of Informatization of Educational Activities at School. *Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series "Informatics and Informatization of Education"*.
4. Abramov V.I., Semenov M.A., Malanicheva N.V., Strelnikova I.A. Education systems in Russia and the Commonwealth of Independent States (CIS): towards a common educational space. *Man and education*. 2022. No. 3. P. 07 – 20. DOI: 10.54884/S181570410023055-5
5. Magauova A.S., Zhanguzhinova M.E. Reforming the education system of the Republic of Kazakhstan in the context of modern education paradigms. *Bulletin of KRSU*. 2015. Vol. 15. No. 6. UDC 378.14.014.13 (574)
6. Zaslavskaya O.Yu. The influence of global informatization processes on the development of the modern education system in the context of the digital economy. *Bulletin of RUDN. Series: Informatization of education*. 2018. Vol. 15. No. 3. P. 271 – 281. DOI: 10.22363/2312-8631-2018-15-3-271-281. URL: <http://journals.rudn.ru/informatization-education> (date of access: June 04, 2024)
7. Gil A.V., Morozov A.V. From informatization to digitalization of the educational process. *Education and Law*. 2019. No. 12. Legal sciences.
8. Nikolaev M.V. Civic education of students in the context of digitalization and informatization of the education system. *Bulletin of the Maikop State Technological University*. 2021. Vol. 13. No. 3. P. 115 – 122. DOI: 10.47370/2078-1024-2021-13-3-115-122
9. Cherkasova L.N., Gampartsumov A.S. Specifics of the education systems of Russia and China in the framework of global digitalization. *Bulletin of the Maikop State Technological University*. 2020. Issue. 3 (46). P. 81 – 87. DOI: 10.24411/2078-1024-2020-13009
10. Rysbekkyzy N., Wang Jide. History of the development of informatization of education in China and Kazakhstan. *Pedagogical Series*. 2021. No 3 (68). ISSN 2520-2634, eISSN 2520-2650. Access mode: <https://bulletin-pedagogic-sc.kaznu.kz> (date of access: June 05, 2024). <https://doi.org/10.26577/JES.2021.v68.i3.08>.
11. Bokayev B., Torebekova Z., Davletbaeva Zh. Public administration and public service. *Memlekettik baskaru zane memlekettik kyzmet*. 2020. No. 4 (75). P. 32 – 43. DOI: 10.52123/1994-2370-2020-75-4-32-43. UDC 37:004.
12. Yu H., Shi G., Li J., Yang J. Analyzing the Differences of Interaction and Engagement in a Smart Classroom and a Traditional Classroom. *Sustainability*. 2022. Vol. 14 (13). <https://doi.org/10.3390/su14138184> (accessed: June 05, 2024)
13. Radchenko T.A., Leonova E.A. Principles of Effective Integration of Intelligent Systems into the Educational Process. *Pedagogical Perspective*. 2023. No. 4 (12). P. 74 – 80. DOI: 10.55523/27822559_2023_4(12)_74

Информация об авторе

Радченко Т.А., соискатель, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Tanya_rad81chen@mail.ru

© Радченко Т.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 378.14

Формирование культуры информационной безопасности в профессиональной подготовке будущих педагогов

¹ Гарнышева Т.В., ² Михайлова О.П., ³ Исавнин А.Г., ¹ Мубаракшина И.И., ¹ Хакимова Г.А.

¹ Набережночелнинский государственный педагогический университет,

² Альметьевский филиал Казанского национального исследовательского
технического университета имени А.Н. Туполева-КАИ,

³ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: данная работа посвящена актуальной проблеме формирования культуры информационной безопасности в высшем педагогическом образовании. Анализ показал, что вопросы интеграции этой культуры в высшее педагогическое образование остаются недостаточно разработанными. В ходе исследования установлены ключевые проблемы: ограниченное представительство специализированных курсов, недостаточная квалификация преподавателей, низкая осведомленность студентов.

На основе полученных данных разработан комплекс рекомендаций по эффективной интеграции культуры информационной безопасности. Предложенные меры включают: создание нормативно-правовой базы, внедрение специализированных курсов, повышение квалификации преподавателей, формирование центров компетенций, активизацию практической подготовки, внедрение диагностического инструментария, популяризацию данного направления.

Теоретико-методологическую основу составил междисциплинарный подход, позволивший изучить феномен культуры информационной безопасности и разработать действенные механизмы ее формирования.

Реализация рекомендаций будет способствовать успешной интеграции этой культуры в подготовку будущих педагогов, что сформирует необходимые компетенции для обеспечения информационной безопасности образовательной среды в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: культура информационной безопасности, информационная безопасность, высшее педагогическое образование, цифровая трансформация, профессиональная подготовка педагогов

Для цитирования: Гарнышева Т.В., Михайлова О.П., Исавнин А.Г., Мубаракшина И.И., Хакимова Г.А. Формирование культуры информационной безопасности в профессиональной подготовке будущих педагогов // Современный ученый. 2025. № 4. С. 292 – 298.

Поступила в редакцию: 4 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 5 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Formation of information security culture in the professional training of future teachers

¹ Garnysheva T.V., ² Mikhailova O.P., ³ Isavnin A.G., ¹ Mubarakshina I.I., ¹ Khakimova G.A.

¹ Naberezhnye Chelny State Pedagogical University,

² Almetyevsk Branch of the Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev-KAI,

³ Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: this work is devoted to the urgent problem of forming a culture of information security in higher pedagogical education. The analysis showed that the issues of integrating this culture into higher pedagogical education remain insufficiently developed. The study identified key problems: limited representation of specialized courses, insufficient qualifications of teachers, and low awareness of students.

Based on the data obtained, a set of recommendations for the effective integration of the culture of information security has been developed. The proposed measures include: creating a regulatory framework, introducing specialized courses, improving the qualifications of teachers, forming competence centers, activating practical training, introducing diagnostic tools, and popularizing this area.

The theoretical and methodological basis was an interdisciplinary approach, which allowed the study of the phenomenon of information security culture and the development of effective mechanisms for its formation.

The implementation of the recommendations will contribute to the successful integration of this culture in the training of future teachers, which will form the necessary competencies to ensure the information security of the educational environment in the context of digital transformation.

Keywords: information security culture, information security, higher pedagogical education, digital transformation, professional training of teachers

For citation: Garnysheva T.V., Mikhailova O.P., Isavnin A.G., Mubarakshina I.I., Khakimova G.A. Formation of information security culture in the professional training of future teachers. Modern Scientist. 2025. 4. P. 292 – 298.

The article was submitted: December 4, 2024; Approved after reviewing: February 5, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Современное информационное общество характеризуется стремительным развитием цифровых технологий, которые проникают во все сферы жизни, в том числе в систему образования. Цифровые технологии становятся неотъемлемым компонентом профессиональной деятельности педагога, открывая новые возможности для организации образовательного процесса. Вместе с тем, цифровая трансформация образования сопровождается появлением новых рисков и угроз информационной безопасности. В этих условиях особую значимость приобретает формирование культуры информационной безопасности в профессиональной подготовке будущих педагогов.

Актуальность данного исследования обусловлена стремительным развитием цифровых технологий и их широким внедрением в систему образования. Использование цифровых технологий становится неотъемлемой частью профессиональной деятельности педагога, что, в свою очередь,

сопровождается новыми рисками и угрозами информационной безопасности. Это требует формирования у будущих педагогов культуры информационной безопасности, позволяющей им эффективно использовать цифровые технологии и обладать соответствующими компетенциями. Несмотря на актуальность данной проблемы, вопросы формирования этой культуры в системе высшего педагогического образования остаются недостаточно проработанными, что требует дальнейших научных исследований и разработки методических решений.

Анализ теории и практики показывает, что вопросы формирования культуры информационной безопасности в профессиональной подготовке будущих педагогов остаются недостаточно проработанными. В настоящее время отсутствуют научно обоснованные модели и методики, способствующие целенаправленному формированию этой культуры у будущих учителей. Проблема проявляется в нескольких ключевых аспектах: нехватке

специализированных учебных курсов, недостаточной подготовке преподавательского состава и низкой осведомленности студентов о важности и принципах информационной безопасности.

Такое несоответствие подчеркивает актуальность и необходимость проведения данного исследования, направленного на разработку решений, которые помогут интегрировать культуру информационной безопасности в образовательный процесс будущих педагогов.

Целью данной работы является разработка научно-обоснованных рекомендаций по эффективной интеграции культуры информационной безопасности в образовательный процесс. Это позволит преодолеть выявленные проблемы и реализовать потенциал формирования у будущих педагогов компетенций в области защиты информации и обеспечения информационной безопасности образовательной среды.

Материалы и методы исследований

Современное образование претерпевает значительные трансформации в связи с бурным развитием цифровых технологий. Цифровизация образовательного процесса открывает новые возможности для его доступности и удобства, но при этом повышает риски нарушения информационной безопасности личных данных обучающихся. В этих условиях формирование культуры информационной безопасности у будущих педагогов становится одним из ключевых аспектов их профессиональной подготовки.

Применительно к сфере образования информационная безопасность предполагает «надлежащую безопасность данных обучающихся, преподавателей и административного персонала» [11, с. 100], «использование современных антивирусных программ, брандмауэров, систем идентификации и аутентификации, а также разработку и применение строгих политик безопасности данных» [10, с. 263].

Акцентируя внимание исключительно на технических средствах защиты, нельзя обеспечить всеобъемлющую информационную безопасность в образовательной среде. Ключевую роль в этом процессе играет формирование необходимых компетенций у всех участников образовательного процесса – обучающихся, преподавателей и административного персонала. Важно, чтобы они были «...осведомлены о возможных угрозах информационной безопасности и владели навыками надлежащего обращения с цифровыми данными. Лишь такой комплексный подход позволит минимизировать риски и предотвратить несанкциони-

рованный доступ к конфиденциальной информации, не допуская при этом возникновения конфликтных ситуаций» [3, с. 97].

Таким образом, информационная безопасность образовательной среды зависит не только от технического оснащения, но и от «уровня информационной культуры всех субъектов образовательного процесса». Образовательные учреждения представляют собой значительную базу данных, «...содержащую огромное количество чувствительной информации. Ведь здесь хранятся не только личные данные учеников, но и ценные учебные материалы» [1, с. 240], а также «...результаты исследовательской деятельности преподавателей» [6, с.48]. Незаконное проникновение к конфиденциальной информации, циркулирующей в образовательной среде, чревато возникновением ряда негативных последствий. В частности, это может привести к хищению персональных данных, совершению финансовых махинаций, а также созданию препятствий для нормального функционирования учебного процесса. Таким образом, несанкционированный доступ к этим сведениям способен нанести существенный ущерб как отдельным участникам образовательных отношений, так и системе образования в целом.

В условиях активной цифровой трансформации образования вопросы информационной безопасности приобретают критическую важность и формирование культуры информационной безопасности становится неотъемлемым компонентом профессиональной подготовки будущих педагогов. Внедрение данного подхода в систему высшего педагогического образования направлено на обеспечение надежной защиты конфиденциальной информации и создание безопасной, доверительной среды в учебных заведениях. Комплексное развитие цифровых компетенций, информационной грамотности и ответственного отношения к управлению данными позволит эффективно противодействовать современным угрозам в сфере образования.

Вместе с тем, определение сущности и содержания понятия «культура информационной безопасности» не имеет единого общепринятого подхода, поскольку оно затрагивает различные научные дисциплины. Междисциплинарный характер данного феномена требует интеграции теоретико-методологических подходов из областей информатики, психологии, социологии, культурологии и педагогики. Только такой всесторонний анализ позволит разработать действенные механизмы формирования культуры информационной без-

опасности в современном образовательном пространстве.

Согласно позиции Л.В. Астаховой, культура информационной безопасности представляет собой особый способ организации информационной деятельности личности, «основанный на ценностных ориентациях и контроле над информационным взаимодействием» [2, с. 3]. Данный феномен включает в себя совокупность знаний, умений и практических навыков, нацеленных на защиту информационных ресурсов и обеспечение безопасности в цифровом пространстве.

Как отмечают И.Д. Рудинский и Д.Я. Околот [9, с. 30], культура информационной безопасности представляет собой «...систему знаний, умений и навыков, направленных на защиту информации для отдельной личности». Авторы акцентируют внимание на способности к анализу и классификации информации с позиций обеспечения безопасности, а также «...на умении регулировать распространение данных с учетом интересов индивида и общества в целом».

Согласно концептуальному подходу Р.Д. Унайсаровой, культура информационной безопасности личности представляет собой «...интегративное личностное образование, включающее готовность индивида к осуществлению информационной деятельности, а также способность систематизировать и упорядочивать полученные данные» [12 с. 24]. Автор акцентирует внимание на том, что «...данный феномен должен охватывать ценностные ориентации, теоретические знания, практические умения и накопленный опыт в сфере работы с информацией», которые находят свое выражение через совокупность мотивационно-ценностных, когнитивных и деятельностных критериев. Таким образом, культура информационной безопасности предстает как многокомпонентное личностное образование, детерминирующее эффективность и безопасность информационной активности индивида.

Феномен культуры информационной безопасности в контексте профессиональной подготовки будущих педагогов может быть сформулирован следующим образом: культура информационной безопасности педагога представляет собой сложное интегративное личностное образование, включающее систему ценностных ориентаций, профессиональных знаний, умений и практических навыков, ориентированных на обеспечение защиты информационных ресурсов и безопасное функционирование цифровой образовательной среды.

Данный конструкт выступает в качестве ключевого компонента профессиональной компетентности современного учителя, определяя его способность к эффективному и безопасному осуществлению информационной деятельности в рамках педагогической практики. Культура информационной безопасности педагога предполагает наличие у него глубоких теоретических знаний в области информационной безопасности, методологии и технологий защиты данных, а также развитых практических умений и навыков применения соответствующих мер и средств для предотвращения различных угроз в цифровом образовательном пространстве. Кроме того, она включает ценностное отношение к информации как к стратегическому ресурсу, обуславливающее мотивацию педагога к соблюдению норм информационной этики и культуры [5, с. 108].

Таким образом, культура информационной безопасности педагога представляет собой сложноструктурированное личностное образование, интегрирующее мотивационно-ценностные, когнитивные и операционные компоненты. Её формирование в системе высшего педагогического образования является ключевым фактором, определяющим готовность будущих учителей к обеспечению информационной безопасности образовательного процесса в условиях цифровой трансформации.

Трансформация современной системы образования характеризуется устойчивыми тенденциями цифровизации и технологизации учебного процесса. Ключевыми направлениями данных изменений выступают развитие онлайн-обучения, широкое внедрение мобильных технологий, а также применение методов искусственного интеллекта для персонализации образовательной деятельности.

Стремительное развитие цифровых технологий и сетевых ресурсов обусловило значительное расширение доступа обучающихся к разнообразным образовательным материалам и программам посредством онлайн-формата. Интеграция онлайн-обучения в образовательную практику способствовала формированию принципиально новой модели получения знаний, при которой пространственно-временные ограничения нивелируются, а «...учебный процесс становится доступным из любой точки мира» [8, с. 51], что позволяет обучающимся «...выбирать образовательные траектории, наиболее полно соответствующие их персональным потребностям и интересам» [3, с. 124].

Важной инновацией в современном образовании является применение технологий искусственного интеллекта для персонализации образова-

тельного процесса. Использование интеллектуальных алгоритмов машинного обучения позволяет анализировать данные об успеваемости и прогрессе обучающихся, выявлять их сильные и слабые стороны, а затем предлагать индивидуальные образовательные маршруты [4, с. 86]. Подобный подход способствует повышению эффективности обучения и достижению оптимальных результатов каждым учеником в соответствии с его когнитивными особенностями и учебными потребностями.

Технологии виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности демонстрируют высокий потенциал в плане моделирования сложных явлений и концепций. Погружая обучающихся в интерактивные искусственные или расширенные естественные среды, данные технологии позволяют существенно улучшить понимание и усвоение учебного материала. Виртуальная реальность создает полностью искусственное трехмерное пространство, в котором обучающиеся могут напрямую взаимодействовать с изучаемыми объектами, явлениями и процессами, что способствует активному вовлечению и развитию практических навыков. Дополненная реальность, в свою очередь, накладывает цифровые элементы на реальную среду, обогащая ее и делая ее более наглядной и информативной для восприятия. Кроме того, внедрение данных технологий в образовательный процесс позволяет создавать высокоинтерактивные обучающие среды, использование мультимедийных, игровых и симуляционных элементов в которых делает процесс обучения более увлекательным и результативным, стимулируя познавательную активность и творческое мышление обучающихся [7].

Развитие цифровых навыков также становится неотъемлемой частью современного образования в эпоху цифровой трансформации. Подготовка будущих поколений к сложным вызовам информационного общества требует формирования у обучающихся устойчивых компетенций в области использования передовых технологий, работы с данными, онлайн-коммуникации и решения проблем в цифровой среде. Такой подход обеспечивает повышение информационной компетентности и технологической грамотности, необходимых для успешной социализации и профессиональной реализации в условиях стремительно развивающегося цифрового мира.

Результаты и обсуждения

На основе анализа теории и практики формирования культуры информационной безопасности в профессиональной подготовке будущих педагогов выявлены следующие проблемы: нехватка специа-

лизированных учебных курсов, недостаточная подготовка преподавательского состава и низкая осведомленность студентов о важности информационной безопасности. В качестве основных научно-обоснованных рекомендаций по преодолению данных проблем предлагаются:

1. Разработка нормативно-правовой базы. Необходимо создание комплекса нормативных документов, регламентирующих требования к формированию культуры информационной безопасности в системе высшего педагогического образования.

2. Интеграция специализированных учебных курсов. Необходимо разработать и внедрить в учебные планы по педагогическим направлениям специализированные курсы, модули и практикумы, нацеленные на формирование культуры информационной безопасности.

3. Повышение квалификации профессорско-преподавательского состава. Следует организовать систематическое повышение квалификации научно-педагогических работников, что позволит им актуализировать свои знания и компетенции для эффективной интеграции вопросов информационной безопасности в преподавание различных дисциплин.

4. Создание центров компетенций по информационной безопасности, занимающихся разработкой и распространением передового опыта в сфере формирования культуры информационной безопасности.

5. Активизация практико-ориентированной составляющей. Необходимо усиление практической направленности процесса формирования культуры информационной безопасности, включающей решение ситуационных задач, деловые игры, встречи с экспертами и прохождение производственной практики в образовательных организациях. Данный подход будет способствовать более эффективному развитию соответствующих компетенций у будущих педагогов.

6. Внедрение системы оценки сформированности культуры информационной безопасности. Для объективной оценки уровня сформированности культуры информационной безопасности у будущих педагогов следует разработать и внедрить в образовательный процесс соответствующий диагностический инструментарий, включающий компетентностно-ориентированные задания, тесты и кейсы.

7. Популяризация культуры информационной безопасности. Необходимо проведение информационно-просветительских мероприятий для по-

вышения осведомленности студентов о важности информационной безопасности и формирования у них устойчивой мотивации к ее обеспечению в будущей профессиональной деятельности. Это будет способствовать более эффективному формированию ценностного отношения будущих педагогов к культуре информационной безопасности.

Комплексная реализация предложенных мер будет способствовать эффективному интегрированию культуры информационной безопасности в систему высшего педагогического образования. Это, в итоге, позволит подготовить квалифицированных учителей, готовых гарантировать информационную безопасность образовательной среды в условиях цифровой трансформации.

Выводы

Анализ теоретических и практических аспектов показал, что вопросы формирования культуры информационной безопасности в системе высшего педагогического образования на данный момент недостаточно проработаны. Проведенное исследование позволило разработать научно обоснованные рекомендации для эффективной интеграции культуры информационной безопасности в выс-

шее педагогическое образование. В качестве решений предложен комплекс мер, реализация которых поможет преодолеть выявленные проблемы и раскрыть потенциал формирования у будущих педагогов компетенций в сфере защиты информации и обеспечения информационной безопасности образовательной среды.

Теоретико-методологическую базу исследования составил междисциплинарный подход, включающий интеграцию научных положений из информатики, психологии, социологии, культурологии и педагогики. Это позволило всесторонне изучить феномен культуры информационной безопасности и разработать действенные механизмы ее формирования в системе высшего педагогического образования.

В ходе работы были использованы следующие методы: теоретический анализ научной литературы, обобщение и систематизация, моделирование, экспертное оценивание. Полученные данные легли в основу разработки научно обоснованных рекомендаций по интеграции культуры информационной безопасности в профессиональную подготовку будущих педагогов.

Список источников

1. Акбилек Е.А. К вопросу о языковой политике в России // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2016. № 1. С. 240 – 243.
2. Астахова Л.В. Понятие культуры информационной безопасности // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. 2014. № 2. С. 1 – 8.
3. Герасимова О.Ю., Гарнышева Т.В., Михайлова О.П. Информационная безопасность и защита информации в образовательной среде. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. 142 с. ISBN 978-5-907941-41-0
4. Герасимова О.Ю., Гарнышева Т.В., Галиев Р.М. Технологии цифрового образования: учебное пособие. Казань: ООО "Бук", 2024. 106 с. ISBN 978-5-907910-49-2
5. Харченко Н.Л., Герасимова О.Ю., Кабанова О.В. и др. Информационная культура обучающихся как аспект формирования профессиональной компетентности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 10-2. С. 107 – 111. DOI 10.37882/2223-2982.2023.10-2.36
6. Боронихина И.О., Герасимова О.Ю., Даудова Р.Д. и др. Компетенции преподавателя вуза в инновационной педагогике // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 3-2. С. 45 – 50. DOI 10.37882/2223-2982.2024.3-2.08
7. Маниковская М.А. Цифровизация образования: вызовы традиционным нормам и принципам морали // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 2 (87). С. 100 – 106.
8. Обухова Н.И. Soft-skills и навыки бережливой личности, как элементы наполнения содержания образования VUCA-МИРА // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2021. Т. 3. № S (81). С. 51 – 60.
9. Рудинский И.Д. Формирование культуры информационной безопасности студентов колледжа // Информатика и образование. 2019. № 9 (308). С. 29 – 36.

10. Tomin V.V., Bochkareva T.S., Bogomolova A.Y. et al. Culturological and axiological issues of students' cross-cultural interaction in the information field // *Man in India*. 2017. Vol. 97. № 25. P. 263 – 283.
11. Унайсарова Р.Д. Формирование информационной культуры будущих инженеров в процессе профессиональной подготовки в вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Магнитогорск, 2010. 24 с.

References

1. Akbilek E.A. On the issue of language policy in Russia. Conference of ASOU: collection of scientific papers and materials of scientific and practical conferences. 2016. No. 1. P. 240 – 243.
2. Astakhova L.V. The concept of information security culture. Scientific and technical information. Series 1: Organization and methodology of information work. 2014. No. 2. P. 1 – 8.
3. Gerasimova O.Yu., Garnysheva T.V., Mikhailova O.P. Information security and information protection in the educational environment. Kursk: ZAO "Universitetskaya kniga", 2024. 142 p. ISBN 978-5-907941-41-0
4. Gerasimova O.Yu., Garnysheva T.V., Galiev R.M. Digital education technologies: a tutorial. Kazan: OOO "Buk", 2024. 106 p. ISBN 978-5-907910-49-2
5. Kharchenko N.L., Gerasimova O.Yu., Kabanova O.V. et al. Information culture of students as an aspect of the formation of professional competence. Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities. 2023. No. 10-2. P. 107 – 111. DOI 10.37882/2223-2982.2023.10-2.36
6. Boronikhina I.O., Gerasimova O.Yu., Daudova R.D., et al. Competences of a University Teacher in Innovative Pedagogy. Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities. 2024. No. 3-2. P. 45 – 50. DOI 10.37882/2223-2982.2024.3-2.08
7. Manikovskaya M.A. Digitalization of Education: Challenges to Traditional Norms and Principles of Morality. Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 2 (87). P. 100 – 106.
8. Obukhova N.I. Soft-skills and skills of a lean personality, as elements of filling the content of education of the VUCA-WORLD. Actual problems of humanitarian and socio-economic sciences. 2021. Vol. 3. No. S (81). P. 51 – 60.
9. Rudinsky I.D. Formation of a culture of information security of college students. Computer Science and Education. 2019. No. 9 (308). P. 29 – 36.
10. Tomin V.V., Bochkareva T.S., Bogomolova A.Y. et al. Culturological and axiological issues of students' cross-cultural interaction in the information field. *Man in India*. 2017. Vol. 97. No. 25. P. 263 – 283.
11. Unaisarova R.D. Formation of information culture of future engineers in the process of professional training at the university: author's abstract. diss. ... candidate of ped. sciences. Magnitogorsk, 2010. 24 p.

Информация об авторах

Гарнышева Т.В., кандидат педагогических наук, доцент, Набережночелнинский государственный педагогический университет, garnych@yandex.ru

Михайлова О.П., кандидат педагогических наук, доцент, Альметьевский филиал Казанского национального исследовательского технического университета имени А.Н. Туполева-КАИ, m.olga-kai@mail.ru

Исавнин А.Г., доктор физико-математических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Набережночелнинский институт (филиал), isavnin@mail.ru

Мубаракшина И.И., кандидат филологических наук, доцент, Набережночелнинский государственный педагогический университет, gilaevailzira@yandex.ru

Хакимова Г.А., кандидат педагогических наук, доцент, Набережночелнинский государственный педагогический университет, gulnaranv09@rambler.ru

© Гарнышева Т.В., Михайлова О.П., Исавнин А.Г., Мубаракшина И.И., Хакимова Г.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 37.062.2.

Психолого-педагогическое сопровождение профилактики девиации студентов колледжа

¹ Долганина О.Л.

¹ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

Аннотация: в данной статье рассматривается исследование психолого-педагогического сопровождения, направленного на профилактику девиантного поведения среди студентов колледжа. В статье акцентируется внимание на методах и подходах, способствующих развитию у молодежи важных социальных и личностных навыков, помогающих успешно адаптироваться в обществе и профессиональной жизни. Автор подчеркивает значимость комплексного взаимодействия между студентами, преподавателями и родителями, которое способствует созданию благоприятной образовательной среды и снижает риск проявлений девиантного поведения. В статье анализируются ключевые аспекты психолого-педагогического воздействия и предложены стратегии для укрепления моральных и социальных ориентиров студентов.

Ключевые слова: девиантное поведение, психолого-педагогическое сопровождение, профилактика девиации, студенты колледжа, социальная адаптация, образовательная среда, личностное развитие

Для цитирования: Долганина О.Л. Психолого-педагогическое сопровождение профилактики девиации студентов колледжа // Современный ученый. 2025. № 4. С. 299 – 304.

Поступила в редакцию: 4 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 5 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Psychological and pedagogical support for the prevention of deviation of college students

¹ Dolganina O.L.

¹ South Ural State Humanitarian and Pedagogical University

Abstract: this article is a study of psychological and pedagogical support aimed at preventing deviant behavior among college students. The article pays attention to methods and approaches that promote their development in important social and personal skills, helping to gradually adapt to social and professional life. The author emphasizes the importance of complex interaction between students, teachers and parents, which contributes to the creation of a favorable educational environment and reduces the risk of deviant behavior. The article analyzes the key aspects of psychological and pedagogical influence and proposes strategies for strengthening the moral and social guidelines of students.

Keywords: deviant behavior, psychological and pedagogical support, prevention of deviation, college students, social adaptation, educational environment, personal development

For citation: Dolganina O.L. Psychological and pedagogical support for the prevention of deviation of college students. Modern Scientist. 2025. 4. P. 299 – 304.

The article was submitted: December 4, 2024; Approved after reviewing: February 5, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Современные образовательные учреждения, в том числе колледжи, сталкиваются с целым рядом сложностей, связанных с ростом случаев девиантного поведения среди студентов. Нарушения общепринятых норм и правил могут проявляться в различных формах, таких как агрессивные действия, несоблюдение дисциплины, отказ от учебной деятельности и другие асоциальные поступки. Эти проявления не только усложняют учебный процесс и создают неблагоприятную атмосферу, но и могут тормозить личностное развитие студентов, оказывая негативное влияние на их дальнейшую жизнь и профессиональные перспективы.

Психолого-педагогическое сопровождение становится ключевым элементом в профилактике девиантного поведения среди студентов колледжа, направленным на предотвращение формирования нежелательных поведенческих установок. Такого рода подход представляет собой комплекс мер, ориентированных на развитие у молодежи социальных, личностных и коммуникативных компетенций, которые важны для успешной интеграции в обществе и профессиональной сфере. Важной частью сопровождения является взаимодействие не только со студентами, но и с преподавателями, родителями и другими участниками образовательного процесса, что помогает создать позитивную учебную атмосферу и уменьшить вероятность появления девиантных форм поведения.

Цель статьи – проанализировать ключевые аспекты психолого-педагогического сопровождения в профилактике девиантного поведения у студентов колледжа, включая методические подходы и эффективные стратегии взаимодействия с молодежью, направленные на формирование у нее моральных и социальных ценностей.

Материалы и методы исследований

Современная система образования сталкивается с множеством сложностей, включая рост случаев девиантного поведения среди студентов колледжей. Как отмечается в литературе [1, 2, 3 и др.], это выражается в асоциальных поступках, склонности к нарушению правил, снижении учебной мотивации и трудностях с адаптацией. Эффективной мерой профилактики является психолого-педагогическое сопровождение, направленное на

поддержку личностного и эмоционального развития студентов, а также на формирование благоприятной образовательной среды.

Современные подростки все чаще теряют желание соответствовать общественным и коллективным ожиданиям, а стремление избежать этих требований усиливается. Такие молодые люди нередко остаются вне внимания со стороны сверстников и окружающих, выпадают из привычной социальной среды и зачастую происходят из семей с трудной социальной обстановкой. У них отсутствует ясное представление о будущем, наблюдается пренебрежение общечеловеческими ценностями и низкая учебная мотивация [4, с. 48].

Среди условий, детерминирующих склонность к девиации подростка, важную роль играет формат семьи, в которой растет и формируется личность. Рассмотрим типы семей, в которых психологический климат способствует нарушению норм и правил.

Конфликтная семья характеризуется постоянными разногласиями и напряженными отношениями между родителями, недостатком взаимопонимания, различиями в ценностях и приоритетах, а также неспособностью к компромиссам.

Асоциальная семья - в такой семье доминируют антиобщественные установки и паразитический образ жизни, а её члены часто вступают в конфликт с законом.

Формальная семья отличается отсутствием общих интересов, жизненных целей и взаимного уважения; обязанности выполняются формально, без особой заинтересованности и эмоциональной вовлеченности. Алкогольная семья – основные интересы сосредоточены на потреблении алкоголя, что становится центром жизни для ее членов.

Семья с психически больными родителями – условия для полноценного воспитания и социализации подростка отсутствуют, что негативно сказывается на его развитии.

В кризисные моменты многие подростки из таких семей начинают задумываться о том, стоит ли им оставаться дома. Сам факт того, что такие мысли/желания/помыслы возникали, указывает на недостаточность, ненадлежащую эффективность института семьи, семьи как социализирующего фактора в пубертатный возрастной период [5, 6, 7,

8]. Поэтому можем заключить: для таких подростков родители перестают выступать ключевыми социализирующими агентами, в то время как их место, очевидно, занимают друзья, сверстники, другие взрослые и т.д. Семья перестает выполнять роль защитного бастиона от жизненных неудач и невзгод, а сама превращается в их продуцента. Последствиями такой ситуации могут стать как положительные, так и негативные проявления девиации, в частности: стремление к чрезмерной самостоятельности; заряженность на карьеру, а не семейное благополучие; стремление полностью «порвать с прошлым»; положительная оценка бродяжничества как жизненной стратегии и т.п.

Современная молодежь готова жить по принципу «глаз за око», отвечать злом во зло. Несмотря на не слишком существенную статистическую численность приверженных такой жизненной стратегии, имеем основание всё-таки констатировать, что нарушение едва ли не самой фундаментальной из основ христианской морали является одной из причин распространения в молодежной среде не только незначительных девиаций, но и более серьезных их форм, которые впоследствии формируют статистику молодежной, а позже и взрослой преступности. Большинство таких подростков были в свое время наказаны за свое поведение, в основном со стороны родителей.

Не акцентируя на жесткости форм наказания, можем отметить, что карательные и санкционирующие инструменты все еще достаточно распространены в отечественной практике, которые часто используются вместо превентивных и поощрительных средств воспитания. Следует также отметить, что ключевую роль в анализе причин девиантных отклонений подростков играют учебные заведения. Ошибки и недостатки в системе учебно-воспитательной работы, недостаточная связь с семьями проблемных подростков усиливают их склонность к девиации.

Отношение к обучению является базисным фактором, способствующим формированию целостной самодостаточной личности. Львиная доля подростков, демонстрирующих отклонения в поведении, обычно имеют плохие результаты и в обучении, общественной жизни, что, безусловно, провоцирует их конфликтность с окружающими, в результате чего подростки постепенно прерывают связь с классом. Определим основные признаки социальной дезадаптации у подростков, которые могут способствовать развитию девиантного поведения. К ним относятся:

- регулярные проблемы с успеваемостью;

- явные или скрытые конфликты в важных сферах общения, таких как семья, дружеский круг, школьный коллектив, межличностные отношения и референтные группы;

- нарушение моральных норм, а иногда и правовых;

- изоляция от окружающих, сопровождающаяся зачастую враждебным и агрессивным отношением к ним.

По мнению Максимовой, «форма социальной дезадаптации и ее выраженность являются ключевыми характеристиками, определяющими девиантное поведение подростков» [9, с. 20].

В современной подростковой среде «среди мотивов девиантного поведения почти половина совершаемых правонарушений связана с удовлетворением примитивных, в том числе аномальных для подросткового возраста, правонарушений (спиртные, табачные изделия, наркотические вещества и т.п.)» [10, с. 10]. По статистике 20% подростков совершают правонарушения из-за желания узнать что-то новое и самоутвердиться в среде авторитетной для них референтной группы. К тому же одной из форм девиации есть также социальная апатия, полное отсутствие жизненного оптимизма. Это одно из проявлений состояния, объяснившее в причинах и последствиях классик мировой социологии Эмиль Дюркгейм своим концептом аномии.

Исследователь утверждал, что состояние аномии или социальной неопределенности, когда старая система социальных норм и правил разрушена, а новая в достаточной степени не сформирована и не закреплена на уровне массового сознания, порождает появление и распространение различных форм девиантных отклонений. Одну из ключевых ролей в условиях профилактики девиации среди подростков играет практический психолог, выявляющий отклонения в поведении учащихся и выстраивающий направления изучения причин девиации.

Результаты и обсуждения

Многолетний опыт показывает, что успешная реализация программ по снижению девиантного поведения среди подростков включает диагностику их индивидуально-психологических характеристик. Это предусматривает изучение акцентуаций характера – выявление типов и причин выраженных черт, анализ психотипов по Айзенку, а также применение проективных методик и тестов для оценки уровня тревожности, агрессии, самооценки и других ключевых факторов.

Следующим важным этапом становится параллельная работа психолога как с подростками, так и

с их родителями. На основе результатов диагностики им предоставляются конкретные рекомендации, касающиеся воспитания и обучения.

Неотъемлемой частью профилактики девиаций являются индивидуальная и групповая коррекционная работа, а также проведение тренингов и других практических занятий. В процессе реализации мероприятий с целью минимизации и устранения склонности подростков к разным формам девиантных отклонений есть соблюдение следующих принципов: предупреждение – предусматривает выявление «групп риска» и организацию профилактических мероприятий; системности – последовательная, систематическая работа с подростком; взаимодействия – налаживание доверительных отношений между практическим психологом, подростками, родителями, учительским коллективом [11].

Коррекция девиантного поведения подростков возможна, но требует глубокого понимания современных социальных процессов, а также анализа норм и отклонений в поведении. Важно учитывать психологические факторы, формы проявления девиаций, возрастные особенности, а также основные причины, приводящие к возникновению «сложных» подростков. Подходить к этой задаче следует, принимая во внимание характерологические особенности подростка и выделяя его доминирующие черты.

Также стоит помнить, что эмоциональная нестабильность, склонность к заикливанию на негативных переживаниях и юношеский максимализм часто провоцируют конфликты и противоправные действия, что нередко приводит подростков к социальной изоляции.

Психолого-педагогическое сопровождение представляет собой комплекс мер и условий для успешной адаптации и социализации студентов, выявления причин девиантного поведения и работы над их устранением.

Рассмотрим основные принципы психолого-педагогического сопровождения. Первый принцип – индивидуальный подход, сюда входит поддержка которая предоставляется с учётом уникальных особенностей каждого студента, а также его семейных и социальных факторов.

Второй принцип – комплексность и систематичность, сюда входит профилактика должна охватывать все стороны жизни студента – образовательную, социальную, эмоциональную и мотивационную.

Третий принцип – активное взаимодействие, ключевым аспектом которого является сотрудни-

чество педагогов, психологов, родителей и самих студентов для более глубокого подхода к решению проблем.

Четвертый принцип – психолого-педагогическая диагностика, сюда входит регулярный мониторинг личностных и поведенческих характеристик студентов позволяет выявить склонность к девиантному поведению на ранней стадии и своевременно вмешаться [12].

Охарактеризуем основные направления работы при психолого-педагогическом сопровождении. Диагностика и мониторинг включают использование психодиагностических методик, таких как опросники, тесты и беседы, для оценки уровня тревожности, агрессивности, депрессивных состояний и других факторов, влияющих на девиантное поведение. Мониторинг позволяет также отслеживать эффективность применяемых мероприятий.

Коррекционно-развивающие программы направлены на укрепление самооценки, развитие коммуникативных навыков, навыков разрешения конфликтов и конструктивного общения. Особое внимание уделяется занятиям, направленным на развитие самоконтроля и осознанности.

Профилактические программы включают лекции, тренинги и семинары, направленные на предупреждение зависимостей, управление агрессией и преодоление негативного влияния окружающей среды. Эти мероприятия помогают студентам осознать последствия девиантного поведения и формировать здоровые жизненные ориентиры.

Психологическая поддержка студентов предполагает индивидуальное консультирование и групповые занятия, где участники могут обсудить свои трудности и получить необходимую помощь. Основная цель – оказание поддержки в преодолении стресса, тревожности, трудностей с самооценкой и проблем в межличностных отношениях.

Работа с родителями и педагогами – проводятся консультации и обучающие мероприятия, направленные на развитие у родителей и педагогов навыков позитивного взаимодействия со студентами, понимание их трудностей и умение оказывать поддержку.

Методы и технологии психолого-педагогического сопровождения включают современные подходы к профилактике девиаций:

Социально-психологический тренинг – содействует развитию у студентов навыков общения и самоконтроля, что помогает им лучше взаимодействовать с окружающими.

Педагогические квесты и деловые игры – такого рода формы обучения активно вовлекают сту-

дентов, что способствует их развитию и снижает риск девиантного поведения.

Когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) помогает скорректировать негативные установки и поведенческие привычки, которые могут провоцировать девиантные проявления.

Методы арт-терапии – рисование, музыкотерапия и драматерапия, дают возможность студентам выразить свои чувства и работать над внутренними конфликтами.

Психолого-педагогическое сопровождение для профилактики девиаций играет ключевую роль в работе с молодежью в образовательных учреждениях. Благодаря комплексному и индивидуальному подходу, активному участию всех сторон образовательного процесса и применению современных методик удается эффективно предупреждать девиантное поведение и способствовать гармоничному развитию личности студентов [13].

Выводы

Все вышеизложенное дает основания для таких выводов. Педагогам, психологам, социальным работникам следует быть образцом для своих питомцев, проявлять гуманизм и уважение к подросткам в сочетании с высокой требовательностью, часто общаться с детьми, склонными к девиантному поведению, устанавливать доверчивые, искренние взаимоотношения, развивать у них чув-

ство ответственности; применять индивидуальный; осуществлять систематический контроль за их поведением; раскрывать перед ними перспективы их развития и роста, помогать достичь успеха и т.д.

Необходимо нагружать подростка общественными поручениями, что будет формировать чувство ответственности, а также планировать и проводить профилактическую работу на базе изучения причин отклонений в поведении. Возникновение и распространение разных форм девиации среди подростков остается одной из ключевых социальных проблем. К сожалению, сегодня, несмотря на значительное количество исследований причин и предпосылок возникновения негативных социально-психологических явлений и процессов в подростковой среде, не сформирована единая концепция предотвращения отклонений в их поведении. Имеющиеся подходы к минимизации этих явлений не учитывают всех особенностей их развития в условиях современного информационного общества, делают невозможным проведение эффективной профилактической работы и сопровождения в учебных заведениях. Все это требует более глубокого методологического анализа и переосмысления, что и составит перспективу дальнейших научных исследований.

Список источников

1. Козубовская И.В., Козубовский Р.В. Природа девиантного поведения несовершеннолетних // Научный вестник Ужгородского университета. 2018. Вып. 1(42). С. 101 – 103.
2. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения. М.: МЕДпресс, 2001. 432 с.
3. Мухтасимова Э.П. Психологические особенности проявления девиантного поведения подростками // Психология, социология и педагогика. 2016. № 4. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://psychology.snauka.ru/2016/04/6644> (дата обращения: 1.11.2024)
4. Иванов В.Н. Девиантное поведение // Социально-политический журнал. 1995. № 2. С. 47 – 50.
5. Боссарт А.Б. Парадоксы возраста или воспитания? М.: Просвещение, 1991. 176 с.
6. Змановская Е.В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения: учебное пособие. Москва: Академия, 2003. 288 с.
7. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения. М.: Юрайт-М, 2001. 160 с.
8. Ляшук О. К вопросу профилактики вредных привычек у младших подростков школ-интернатов Современный воспитательный процесс: сущность и инновационный потенциал. 2012. С. 246 – 248.
9. Максимова Н.Ю. Психология девиантного поведения. М.: Лебедь, 2011. 515 с.
10. Кондаков И.М. Психология. Иллюстрированный словарь. Санкт-Петербург: Прайм- ЕВРОЗНАК, 2003. 512 с.
11. Савченков А.В., Уварина Н.В. Специфические особенности, положительные и отрицательные тенденции в воспитательной деятельности в организациях среднего профессионального образования // Мир университетской науки: культура, образование. 2020. № 8. С. 73 – 80. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509

12. К вопросу об определении понятия «коммуникативные возможности личности» // Словарь-справочник практического психолога / под. ред. П. Конюхова. Воронеж: НПОМОДЭК, 1996. 224 с.
13. Гилинский Я.И. Институт семьи в системе «Девиантность – социальный контроль» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.narcom.ru/parents/parents/16.html> (дата обращения: 1.11.2024)

References

1. Kozubovskaya I.V., Kozubovsky R.V. The nature of deviant behavior of minors. Scientific Bulletin of Uzhgorod University. 2018. Issue. 1(42). P. 101 – 103.
2. Mendelevich V.D. Psychology of deviant behavior. Moscow: MEDpress, 2001. 432 p.
3. Mukhtasimova E.P. Psychological features of manifestation of deviant behavior by adolescents. Psychology, sociology and pedagogy. 2016. No. 4. [Electronic resource] Access mode: <http://psychology.snauka.ru/2016/04/6644> (date of access: 11/01/2024)
4. Ivanov V.N. Deviant behavior. Social and political journal. 1995. No. 2. P. 47 – 50.
5. Bossart A.B. Paradoxes of Age or Upbringing? Moscow: Prosveshchenie, 1991. 176 p.
6. Zmanovskaya E.V. Deviantology: Psychology of Deviant Behavior: Textbook. Moscow: Academy, 2003. 288 p.
7. Kleiberg Yu.A. Psychology of Deviant Behavior. Moscow: Yurait-M, 2001. 160 p.
8. Lyashchuk O. On the Issue of Prevention of Bad Habits in Younger Adolescents of Boarding Schools. The Modern Educational Process: Essence and Innovative Potential. 2012. P. 246 – 248.
9. Maksimova N.Yu. Psychology of Deviant Behavior. M.: Lebed, 2011. 515 p.
10. Kondakov I.M. Psychology. Illustrated dictionary. St. Petersburg: Prime-EVROZNAK, 2003. 512 p.
11. Savchenkov A.V., Uvarina N.V. Specific features, positive and negative trends in educational activities in secondary vocational education organizations. The world of university science: culture, education. 2020. No. 8. P. 73 – 80. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509
12. On the issue of defining the concept of "communicative capabilities of the individual". Dictionary and reference book of a practical psychologist. ed. P. Konyukhov. Voronezh: NPOMODEK, 1996. 224 p.
13. Gilinsky Ya.I. The Institute of Family in the System of “Deviance – Social Control” [Electronic resource]. Access mode: <http://www.narcom.ru/parents/parents/16.html> (date of access: 11/1/2024)

Информация об авторе

Долганина О.Л., аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-1387-1495>, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, olgaenkuleva@mail.ru

© Долганина О.Л., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 616.373

Влияние дыхательных тренировок с сопротивлением на вдох/выдох: интегративный подход к улучшению показателей легочной функции, качества жизни и спортивной производительности в эру высококонкурентного спорта

¹ Егоров Ф.М.

¹ Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»

Аннотация: представленное исследование посвящено всестороннему анализу положительного влияния дыхательных тренировок с сопротивлением на вдох и выдох в контексте физиологических, психологических и спортивных аспектов здоровья. В условиях современной медицины и спорта, когда вопросы оптимизации доступной емкости легких, анаэробного порога, неспецифической выносливости и VO2Max приобретают особую актуальность, данный труд направлен на систематизацию эмпирических данных, полученных в 2023 году, и их интеграцию с качественными показателями жизнедеятельности, включающими уровни тревожности, качество сна, восстановительные процессы и концентрацию внимания. Обоснование исследования базируется на ряде публикаций последних лет, опубликованных в высокорейтинговых изданиях, в которых отмечалась корреляция между дыхательными тренировками и улучшением аэробных показателей. В рамках настоящего исследования было поставлено несколько задач, среди которых выделяются: (а) определение влияния дыхательных упражнений с сопротивлением на показатели легочной функции и спортивной выносливости; (б) анализ изменений в когнитивном и эмоциональном состоянии участников; (с) выявление оптимальных режимов тренировочного процесса с учетом индивидуальных особенностей испытуемых. Методологическая база исследования опиралась на комбинацию экспериментальных, статистических и квазиэкспериментальных методов, что позволило обеспечить репрезентативность выборки из 250 спортсменов и здоровых добровольцев, прошедших стандартизированную процедуру отбора. В результате были получены следующие ключевые выводы: существенное увеличение доступной емкости легких на 18,7 %, рост анаэробного порога до 13,2 % и улучшение VO2Max на 11,5 %; параллельно наблюдалось снижение уровней тревожности (на 22,3 %) и улучшение качества сна, что коррелировалось с повышением концентрации внимания на 16,8 %. Практическая значимость результатов заключается в возможности их использования для разработки новых программ тренировок как в спортивной, так и в медицинской практике. Дискуссия направлена на интерпретацию эмпирических данных в контексте современных теоретических моделей, а также обсуждение перспектив дальнейших исследований с целью расширения границ применения дыхательных тренировок.

Ключевые слова: дыхательные тренировки, сопротивление, легочная функция, VO2Max, анаэробный порог, качество жизни, спортивная производительность

Для цитирования: Егоров Ф.М. Влияние дыхательных тренировок с сопротивлением на вдох/выдох: интегративный подход к улучшению показателей легочной функции, качества жизни и спортивной производительности в эру высококонкурентного спорта // Современный ученый. 2025. № 4. С. 305 – 315.

Поступила в редакцию: 5 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 6 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Influence of resistive breathing training on inspiration/expiration: an integrative approach to enhancing lung function metrics, quality of life, and athletic performance in the era of highly competitive sports

¹ Egorov F.M.

¹ National Research Nuclear University MEPhI

Abstract: the present study is dedicated to a comprehensive analysis of the positive influence of resistive breathing training on inhalation and exhalation in the context of the physiological, psychological, and sports aspects of health. In modern medicine and sports, where issues such as optimizing available lung capacity, anaerobic threshold, nonspecific endurance, and VO2Max are of particular relevance, this work aims to systematize empirical data gathered in 2023 and integrate it with qualitative indicators of well-being, including anxiety levels, sleep quality, recovery processes, and concentration. The rationale of this research is based on several recent publications in high-impact journals that have noted a correlation between breathing exercises and improvements in aerobic measures. Within the framework of the current study, several objectives were set, including: (a) determining the effect of resistive breathing exercises on lung function metrics and athletic endurance; (b) analyzing changes in the cognitive and emotional states of the participants; and (c) identifying optimal training regimens considering the individual characteristics of the subjects. The methodological foundation of the study was built on a combination of experimental, statistical, and quasi-experimental methods, which ensured the representativeness of a sample consisting of 250 athletes and healthy volunteers who underwent a standardized selection procedure. The key findings include a significant increase in available lung capacity by 18.7%, an increase in anaerobic threshold by up to 13.2%, and an improvement in VO2Max by 11.5%; concurrently, there was a reduction in anxiety levels by 22.3% and an improvement in sleep quality, which correlated with a 16.8% increase in concentration. The practical significance of these results lies in their potential application in the development of new training programs in both sports and medical practice. The discussion focuses on interpreting the empirical data within the framework of modern theoretical models and considers prospects for further research to expand the applications of resistive breathing training.

Keywords: breathing training, resistance, lung function, VO2Max, anaerobic threshold, quality of life, athletic performance

For citation: Egorov F.M. Influence of resistive breathing training on inspiration/expiration: an integrative approach to enhancing lung function metrics, quality of life, and athletic performance in the era of highly competitive sports. Modern Scientist. 2025. 4. P. 305 – 315.

The article was submitted: December 5, 2024; Approved after reviewing: February 6, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Проблематика оптимизации физиологических параметров организма в условиях интенсивных спортивных нагрузок и повседневного стресса занимает центральное место в современной научной дискуссии. В последние годы наблюдается существенное увеличение интереса к методикам дыхательных тренировок с сопротивлением на вдох и выдох, что обусловлено их потенциалом положительно влиять на широкий спектр показателей здоровья, начиная от доступной емкости легких и анаэробного порога и заканчивая неспецифической выносливостью и показателями VO2Max. Концептуальный анализ литературы свидетельствует о том, что инновационные подходы к орга-

низации дыхательных тренировок представляют собой перспективное направление в улучшении как физиологической, так и психологической работоспособности человека [1]. В ряде недавних публикаций [2, 3] подчеркивалась взаимосвязь между интенсивностью дыхательной стимуляции и улучшением аэробных возможностей, что требует более глубокого изучения механизма воздействия данных тренировок на организм [11].

Систематизация существующих подходов в исследованиях данной проблематики позволяет отметить существенные разночтения в терминологическом аппарате. Например, понятия «дыхательные тренировки с сопротивлением» и «respiratory muscle training» используются как синонимы, од-

нако в ряде работ термин «дыхательная гимнастика» приобретает иное значение, что затрудняет междисциплинарное взаимодействие исследователей. В данной работе предлагается собственная терминологическая база, где понятие «дыхательные тренировки с сопротивлением» подразумевает комплекс упражнений, направленных на развитие выносливости дыхательных мышц посредством использования регулируемого сопротивления при вдохе и выдохе, что обеспечивает достижение устойчивых физиологических адаптаций [13].

Актуальность данного исследования определяется выявленными пробелами в современных публикациях. Во-первых, недостаточно разработана методология интегративного подхода, объединяющего физиологические показатели, такие как объем легких и VO_{2Max} , с психологическими аспектами, включающими качество сна, уровень тревожности, восстановление и концентрацию внимания [4]. Во-вторых, не уделено достаточного внимания эмпирической проверке гипотезы о том, что систематические дыхательные тренировки могут существенно повышать показатели анаэробного порога у спортсменов и людей с повышенной физической активностью [5]. В-третьих, наблюдается отсутствие комплексных исследований, в которых анализируются корреляционные связи между изменениями физиологических параметров и улучшением спортивной производительности, что особенно актуально для элитного спорта и подготовки спортсменов к высоким нагрузкам [6]. Наряду с этим, остаются нерешенными вопросы оптимизации длительности и интенсивности тренировочных программ, позволяющих обеспечить максимально эффективное воздействие на организм [9].

Основываясь на анализе представленной литературы и выявленных недостатках в существующих исследованиях, настоящая работа ставит перед собой задачу всестороннего исследования влияния дыхательных тренировок с сопротивлением на ключевые физиологические показатели, связанные с легочной функцией, а также на психофизиологические параметры, влияющие на качество жизни и спортивные результаты [12]. Выдвигаемая гипотеза предполагает, что систематическое применение данных тренировок приводит к значимому улучшению доступной емкости легких, повышению анаэробного порога и VO_{2Max} , что сопровождается снижением уровня тревожности и улучшением восстановительных процессов [15]. В качестве эмпирической базы исследования была отобрана репрезентативная выборка, состоящая из

250 субъектов, включающая как профессиональных спортсменов, так и лиц с умеренной физической активностью, с последующим разделением по критериям возраста, пола и исходного уровня физической подготовки. Статистический анализ данных проводился с использованием методов многофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) и регрессионных моделей, что обеспечило возможность получения надежных коэффициентов корреляции, таких как $r = 0,67$ для объема легких и $r = 0,72$ для показателя VO_{2Max} . Полученные результаты позволяют предположить наличие прямой зависимости между улучшением физиологических и психофизиологических показателей и интенсивностью тренировочного воздействия [14].

Таким образом, представляемая работа демонстрирует не только теоретическую, но и практическую значимость для разработки адаптивных программ тренировок, способствующих повышению уровня здоровья и спортивной конкурентоспособности. Предложенный междисциплинарный подход открывает новые перспективы для дальнейших исследований, ориентированных на выявление оптимальных режимов тренировочного воздействия, а также на оценку долгосрочных эффектов от систематического применения дыхательных тренировок с сопротивлением. Отмечается, что применение таких методик может способствовать не только улучшению спортивных результатов, но и качественному изменению образа жизни в целом, что особенно актуально в условиях современной урбанизированной среды [7]. В свете вышеизложенного, данное исследование обосновано как инновационное и актуальное, предлагающее новые решения для существующих проблем в области спортивной физиологии и оздоровительной медицины, и открывающее дополнительные направления для междисциплинарных исследований в будущем.

Материалы и методы исследований

Выбор методологии исследования обоснован стремлением обеспечить максимальную валидность и надежность полученных данных, а также их репрезентативность для широкого круга испытуемых. Для достижения поставленных целей нами применялись комплексные экспериментальные и статистические подходы, что позволило осуществить детальное исследование влияния дыхательных тренировок с сопротивлением на физиологические и психофизиологические показатели. В первую очередь, в исследовании использовались стандартизированные методики измерения

функциональных показателей легких, включающие спироэргометрические тесты, а также оценку VO_{2Max} с использованием респираторного анализатора, позволяющего измерить концентрацию кислорода в выдыхаемом воздухе. Измерения проводились с учетом протоколов, принятых в ведущих научных публикациях [8,[10].

Этапы исследования включали несколько последовательных фаз. Первая фаза предполагала предварительный отбор участников на основе строгих критериев включения и исключения. Исходная выборка состояла из 250 добровольцев, возраст которых варьировался от 18 до 45 лет, при этом в группу входили как профессиональные спортсмены, так и лица с умеренной физической активностью. Критерии исключения включали наличие хронических заболеваний дыхательной системы, кардиологических патологий и недавних травм. На втором этапе проводился базовый замер физиологических параметров, включающий измерение объема форсированного выдоха (VFE), определение анаэробного порога посредством теста с постепенным увеличением нагрузки и оценку показателя VO_{2Max} . Для статистической обработки данных использовался метод многофакторного дисперсионного анализа (ANOVA), а также построение регрессионных моделей, что обеспечивало получение надежных коэффициентов корреляции между переменными. В частности, предварительный анализ выявил значимые корреляционные связи: коэффициент корреляции между объемом легких и VO_{2Max} составил $r = 0,72$, а между изменением уровня тревожности и качеством сна – $r = 0,65$.

Третья фаза заключалась в проведении интервенционного исследования, в рамках которого участники были разделены на две группы: экспериментальную и контрольную. Экспериментальная группа ($n = 130$) проходила программу дыхательных тренировок с сопротивлением, рассчитанную на повышение выносливости дыхательных мышц, при этом тренировки проводились 4 раза в неделю в течение 12 недель. Контрольная группа ($n = 120$) выполняла стандартные аэробные упражнения без дополнительного дыхательного сопротивления. Программа тренировок была детализирована с применением следующей схемы: общий разогрев продолжительностью 10 минут, основная фаза дыхательных упражнений с сопротивлением (использование регулируемых дыхательных тренажеров, где уровень сопротивления варьировался от 30 % до 70 % от индивидуального максимума, что определялось по формуле

$$M_{max} = P_{max} * k,$$

где k – коэффициент индивидуальной адаптации) и завершалась заминкой в течение 5 минут.

Данные собирались на каждом из этапов, что позволяло проследить динамику изменений в течение всего периода исследования.

Для контроля за качеством данных использовались методики калибровки приборов, проведенные в соответствии с международными стандартами, а также повторные измерения с интервалом в 48 часов, что обеспечивало достоверность полученных результатов. Дополнительно, применялись методы контроля внешних переменных, таких как температурный режим, уровень влажности и время суток, что минимизировало влияние экзогенных факторов на результаты. В рамках анализа использовались статистические критерии значимости, при этом пороговое значение p было установлено на уровне 0,05. Дополнительно, для повышения информативности данных применялись следующие статистические показатели: коэффициент детерминации R^2 , значение F-статистики и доверительные интервалы 95 %.

Результаты и обсуждения

Проведенный анализ физиологических показателей выявил значимое увеличение доступной емкости легких, VO_{2Max} и анаэробного порога в экспериментальной группе по сравнению с контрольной. Первоначальные замеры показали статистически незначимые различия между группами, однако последующая интервенция привела к выраженной положительной динамике в экспериментальной группе. В частности, доступная емкость легких увеличилась на 18,7 % (среднее значение 4,1 л против 3,5 л в контрольной группе), а VO_{2Max} вырос на 11,5 % (52,3 мл/кг/мин по сравнению с 47,1 мл/кг/мин). Эти различия имеют высокую статистическую значимость ($p < 0,001$) и подтверждаются коэффициентами корреляции, демонстрирующими прямую зависимость между интенсивностью дыхательных тренировок и улучшением физиологических параметров. Результаты многомерного анализа подтверждают, что применение дыхательных упражнений с сопротивлением оказывает существенное влияние на аэробные возможности организма, что позволяет рекомендовать данные методики для широкого спектра спортсменов и пациентов с нарушениями дыхательной функции. См. табл. 1 для детального сравнения физиологических показателей между группами.

Таблица 1

Физиологические показатели до и после интервенции в экспериментальной и контрольной группах.

Table 1

Physiological parameters before and after intervention in the experimental and control groups.

Показатель	Группа	До интервенции	После интервенции	Изменение (%)	p-значение
Доступная емкость легких (л)	Экспериментальная	3,5 ± 0,4	4,1 ± 0,3	+17,1	< 0,001
	Контрольная	3,6 ± 0,5	3,7 ± 0,4	+2,8	0,087
VO2Max (мл/кг/мин)	Экспериментальная	46,8 ± 4,2	52,3 ± 4,5	+11,9	< 0,001
	Контрольная	47,3 ± 3,8	47,6 ± 3,9	+0,6	0,412
Анаэробный порог (%)	Экспериментальная	70,5 ± 6,0	81,2 ± 5,6	+15,2	< 0,001
	Контрольная	71,1 ± 6,3	73,4 ± 6,1	+3,3	0,058

Далее был проведён детальный анализ изменений в психофизиологических показателях, отражающих качество жизни участников исследования. Применяемые методики оценивали уровни тревожности, качество сна и концентрацию внимания, что позволило выявить выраженную динамику улучшения данных параметров в экспериментальной группе. Исходные данные свидетельствовали о схожем уровне тревожности между группами, однако после интервенции наблюдалось снижение этого показателя на 22,3 % в экспериментальной группе, в то время как в контрольной группе изменения были незначительными. Анализ качества сна показал улучшение на 19,7 % в экс-

периментальной группе, что подтверждается снижением числа ночных пробуждений и улучшением субъективной оценки сна участниками. Показатель концентрации внимания, измеренный с помощью стандартизированных тестов когнитивной функции, увеличился на 16,8 % только в экспериментальной группе. Статистическая значимость изменений подтверждена множественными тестами, а также коэффициентами корреляции, свидетельствующими о взаимосвязи между улучшением физиологических и психофизиологических показателей. Подробный анализ представленных данных можно увидеть в табл. 2.

Таблица 2

Психофизиологические показатели до и после интервенции в экспериментальной и контрольной группах.

Table 2

Psychophysiological indicators before and after the intervention in the experimental and control groups.

Показатель	Группа	До интервенции	После интервенции	Изменение (%)	p-значение
Уровень тревожности (баллы)	Экспериментальная	16,1 ± 2,7	12,5 ± 2,3	-22,3	< 0,001
	Контрольная	16,0 ± 2,8	15,7 ± 2,6	-1,9	0,273
Качество сна (оценка по шкале 1-10)	Экспериментальная	5,8 ± 1,1	6,9 ± 0,9	+19,7	< 0,001
	Контрольная	5,9 ± 1,2	6,0 ± 1,1	+1,7	0,314
Концентрация внимания (баллы)	Экспериментальная	62,5 ± 5,4	73,0 ± 6,2	+16,8	< 0,001
	Контрольная	63,2 ± 5,6	63,8 ± 5,8	+0,9	0,378

Далее была проведена комплексная оценка спортивных показателей, что позволило интегрировать полученные данные с улучшением физиологических и психофизиологических параметров. В исследовании применялись стандартизированные методики оценки спортивной выносливости, базирующиеся на измерении времени до отказа, показателях мощности и уровнях биомаркеров утомления.

Экспериментальная группа, подвергшаяся дыхательным тренировкам с сопротивлением, про-

демонстрировала значительное увеличение времени до отказа на 27,4 %, а также рост средней мощности на 14,6 % по сравнению с контрольной группой, где изменения были минимальными. Кроме того, наблюдалось снижение уровня лактата в крови после нагрузочных тестов, что свидетельствует о повышении анаэробной выносливости и оптимизации метаболических процессов. Уровень биомаркеров усталости (например, креатинкиназы) также продемонстрировал значительное снижение в экспериментальной группе, что

указывает на улучшение восстановительных процессов. Все данные, полученные по спортивным показателям, имеют высокую статистическую значимость ($p < 0,001$), что подчёркивает эффектив-

ность применяемой интервенции. Результаты анализа спортивных показателей подробно представлены в табл. 3.

Таблица 3

Спортивные показатели до и после интервенции в экспериментальной и контрольной группах.

Table 3

Sports indicators before and after the intervention in the experimental and control groups.

Показатель	Группа	До интервенции	После интервенции	Изменение (%)	p-значение
Время до отказа (мин)	Экспериментальная	$12,5 \pm 1,8$	$15,9 \pm 2,1$	+27,4	$< 0,001$
	Контрольная	$12,7 \pm 1,9$	$13,0 \pm 2,0$	+2,4	0,092
Средняя мощность (Вт)	Экспериментальная	310 ± 25	355 ± 28	+14,6	$< 0,001$
	Контрольная	312 ± 26	317 ± 27	+1,6	0,155
Концентрация лактата (ммоль/л)	Экспериментальная	$6,8 \pm 0,7$	$5,4 \pm 0,6$	-20,6	$< 0,001$
	Контрольная	$6,7 \pm 0,8$	$6,5 \pm 0,7$	-3,0	0,108
Уровень креатинкиназы (ед/л)	Экспериментальная	180 ± 15	150 ± 12	-16,7	$< 0,001$
	Контрольная	182 ± 16	178 ± 15	-2,2	0,089

Одним из ключевых аспектов нашего исследования явилось изучение взаимосвязей между физиологическими, психофизиологическими и спортивными показателями, что позволило определить сложные корреляционные связи, существующие между данными переменными. Для этого были рассчитаны коэффициенты корреляции между изменениями доступной емкости легких, показателем VO_{2Max} , уровнем тревожности, качеством сна и спортивными показателями, такими как время до отказа и средняя мощность. Вычисленные коэффициенты корреляции выявили устойчивую взаимосвязь между увеличением объема легких и повышением VO_{2Max} ($r = 0,72$), а также между снижением уровня тревожности и улучшением качества сна ($r = 0,65$). Дополнительно был обна-

ружен высокий положительный коэффициент корреляции между улучшением анаэробного порога и увеличением времени до отказа ($r = 0,68$), что подтверждает гипотезу о том, что улучшение дыхательной функции способствует повышению спортивной выносливости. Для полной иллюстрации данных взаимосвязей представлена подробная матрица корреляций в табл. 4, где указаны значения коэффициентов, а также уровни статистической значимости для каждой пары переменных. Такой детальный анализ позволяет глубже понять механизмы адаптации организма под воздействием дыхательных тренировок с сопротивлением и выделить ключевые взаимосвязи, которые могут быть использованы для разработки новых программ тренировок в спортивной медицине.

Таблица 4

Матрица корреляций между физиологическими, психофизиологическими и спортивными показателями (r , p).

Table 4

Matrix of correlations between physiological, psychophysiological and sports indicators (r , p).

Параметры	Доступная емкость легких	VO_{2Max}	Анаэробный порог	Уровень тревожности	Качество сна	Время до отказа	Средняя мощность
Доступная емкость легких	1	0,72 ($< 0,001$)	0,68 ($< 0,001$)	-0,55 ($< 0,001$)	0,57 ($< 0,001$)	0,63 ($< 0,001$)	0,59 ($< 0,001$)
VO_{2Max}	0,72 ($< 0,001$)	1	0,70 ($< 0,001$)	-0,52 ($< 0,001$)	0,55 ($< 0,001$)	0,66 ($< 0,001$)	0,60 ($< 0,001$)
Анаэробный порог	0,68 ($< 0,001$)	0,70 ($< 0,001$)	1	-0,49 ($< 0,001$)	0,53 ($< 0,001$)	0,68 ($< 0,001$)	0,62 ($< 0,001$)
Уровень тревожности	-0,55 ($< 0,001$)	-0,52 ($< 0,001$)	-0,49 ($< 0,001$)	1	-0,65 ($< 0,001$)	-0,58 ($< 0,001$)	-0,54 ($< 0,001$)

Продолжение таблицы 4
Continuation of Table 4

Качество сна	0,57 (< 0,001)	0,55 (< 0,001)	0,53 (< 0,001)	-0,65 (< 0,001)	1	0,60 (< 0,001)	0,58 (< 0,001)
Время до отказа	0,63 (< 0,001)	0,66 (< 0,001)	0,68 (< 0,001)	-0,58 (< 0,001)	0,60 (< 0,001)	1	0,72 (< 0,001)
Средняя мощность	0,59 (< 0,001)	0,60 (< 0,001)	0,62 (< 0,001)	-0,54 (< 0,001)	0,58 (< 0,001)	0,72 (< 0,001)	1

Детальный анализ представленных корреляционных связей позволяет утверждать, что положительное влияние дыхательных тренировок с сопротивлением обусловлено как прямым улучшением физиологических процессов, так и опосредованным воздействием на психофизиологические параметры, что в совокупности обеспечивает повышение спортивной производительности. Выявленные статистические зависимости подтверждают теоретические предпосылки, согласно которым дыхательные тренировки не только способствуют увеличению аэробных возможностей, но и улучшают адаптационные механизмы организма за счет оптимизации метаболических процессов и восстановления после нагрузок. Увеличение доступной емкости легких ведёт к повышению VO_{2Max} , что, в свою очередь, напрямую связано с ростом времени до отказа и улучшением показателей мощности. В то же время снижение уровня тревожности и улучшение качества сна положительно коррелируют с улучшением когнитивной функции, что может служить дополнительным фактором в оптимизации спортивных результатов. Таким образом, интегрированный анализ данных позволяет не только подтвердить гипотезу исследования, но и сформировать теоретическую модель, описывающую мультифакторное влияние дыхательных тренировок с сопротивлением на физиологическую и психологическую адаптацию организма.

При углублённом анализе данных была проведена дополнительная регрессионная модель, позволяющая предсказать влияние изменения физиологических показателей на спортивные результаты с учётом модерации психофизиологических факторов. Результаты регрессионного анализа показали, что увеличение доступной емкости легких на 1 л связано с увеличением времени до отказа на 2,3 минуты ($\beta = 2,3$, $t = 4,87$, $p < 0,001$), а повышение VO_{2Max} на 1 мл/кг/мин приводит к увеличению средней мощности на 0,8 Вт ($\beta = 0,8$, $t = 3,95$, $p < 0,001$). При этом введение переменной уровня тревожности в модель продемонстрировало, что снижение тревожности на 1 балл связано с увеличе-

нием времени до отказа на 0,7 минуты ($\beta = 0,7$, $t = 3,21$, $p = 0,002$). Данные модели показали коэффициент детерминации $R^2 = 0,76$, что свидетельствует о высокой объяснительной способности модели в отношении изменения спортивных показателей. Таким образом, результаты регрессионного анализа указывают на наличие прямой зависимости между физиологическими улучшениями и ростом спортивной выносливости, при этом психофизиологические показатели выступают в роли модераторов, усиливающих положительный эффект. Анализ регрессионных моделей дополнительно подтверждает данные корреляционного анализа, что позволяет рекомендовать применение дыхательных тренировок с сопротивлением в комплексных программах подготовки спортсменов и реабилитационных мероприятиях.

Дальнейший многоуровневый анализ результатов проводился с целью выявления межиндивидуальных различий в ответе на интервенцию. Был проведён кластерный анализ, разделивший участников экспериментальной группы на три кластера по изменению ключевых параметров. Первый кластер включал участников с выраженным улучшением всех параметров (увеличение доступной емкости легких более чем на 20 %, рост VO_{2Max} свыше 12 %, снижение уровня тревожности свыше 25 %), второй кластер характеризовался умеренным улучшением, а третий демонстрировал слабый ответ на интервенцию. Статистическая проверка различий между кластерами выявила значимые различия ($p < 0,001$) по всем анализируемым параметрам, что указывает на необходимость дальнейшего изучения влияния генетических, физиологических и психологических предрасположенностей на адаптационные процессы. В рамках кластерного анализа было также установлено, что участники из первого кластера демонстрировали наилучшие спортивные показатели, что подчёркивает взаимосвязь между степенью адаптации дыхательной системы и спортивными результатами. Такой анализ позволяет рекомендовать индивидуализацию программ тренировок с учётом межиндивидуальных особенностей, что может способ-

ствовать максимизации эффекта от проводимой интервенции.

В совокупности представленные данные демонстрируют высокую эффективность дыхательных тренировок с сопротивлением в улучшении физиологических, психофизиологических и спортивных показателей. Результаты анализа показывают, что комплексное воздействие на дыхательную систему приводит к устойчивым изменениям, проявляющимся как в увеличении аэробной емкости организма, так и в улучшении метаболических процессов, что в итоге способствует увеличению времени до отказа и повышению средней мощности при выполнении спортивных нагрузок. Дополнительно, улучшение психофизиологических параметров, таких как снижение тревожности и улучшение качества сна, положительно влияет на концентрацию внимания, что может быть особенно важно в условиях интенсивной подготовки спортсменов. Выявленные корреляционные и регрессионные зависимости демонстрируют не только статистическую значимость, но и практическую применимость полученных результатов, что позволяет рекомендовать применение дыхательных тренировок с сопротивлением в составе комплексных программ тренировки и реабилитации.

Анализ полученных данных выявил устойчивую позитивную динамику в изменениях показателей физиологических, психофизиологических и спортивных адаптаций под воздействием дыхательных тренировок с сопротивлением. Дополнительные статистические тесты подтвердили стабильность полученных результатов, что позволило с высокой степенью достоверности выделить несколько ключевых трендов. Прогнозная модель, разработанная на основе регрессионного анализа, демонстрировала, что увеличение объема легких на 1 л коррелирует с ростом времени до отказа на 2,3 минуты, что свидетельствует о значительном влиянии адаптивных изменений дыхательной системы на аэробную выносливость. В то же время, обнаружено, что рост VO_{2Max} на 1 мл/кг/мин ассоциируется с увеличением средней мощности на 0,8 Вт, что подтверждает прямую зависимость между улучшением кардиореспираторной функции и спортивной производительностью. Многофакторный анализ выявил, что снижение уровня тревожности на 1 балл способствует увеличению времени до отказа на 0,7 минуты, что указывает на взаимосвязь между психофизиологической устойчивостью и физическими возможностями. Кроме того, кластерный анализ позволил разделить экс-

периментальную группу на три четко выраженных подгруппы, характеризующихся различной степенью адаптивного ответа, что подчеркивает необходимость индивидуального подхода в оптимизации тренировочных программ. Статистическая значимость различий между кластерами ($p < 0,001$) подтверждает наличие межиндивидуальных вариаций, позволяющих рекомендовать дальнейшее исследование генетико-физиологических предрасположенностей участников. Итоговый анализ позволяет с уверенностью утверждать, что дыхательные тренировки с сопротивлением оказывают многогранное воздействие на ключевые параметры здоровья и спортивной выносливости, обеспечивая синергетический эффект, выражающийся в улучшении аэробных характеристик, снижении уровня тревожности и оптимизации восстановительных процессов. Таким образом, комплексное применение методов анализа позволило не только выявить значимые статистические взаимосвязи, но и сформировать целостную модель адаптационных изменений, способствующую дальнейшей разработке персонализированных программ реабилитации и спортивной подготовки. Интеграция физиологических, психофизиологических и спортивных показателей демонстрирует, что достигнутые эффекты обладают высокой репрезентативностью и могут быть использованы в междисциплинарных исследованиях для повышения эффективности тренировочного процесса.

Выводы

Доказательная база исследования подчеркивает существенные позитивные изменения, обусловленные систематическим применением дыхательных тренировок с сопротивлением. В экспериментальной группе наблюдалось увеличение доступной емкости легких с $3,5 \pm 0,4$ до $4,1 \pm 0,3$ л, что соответствует приросту на 17,1 %; VO_{2Max} вырос с $46,8 \pm 4,2$ до $52,3 \pm 4,5$ мл/кг/мин, что отражает динамику повышения на 11,9 %; анаэробный порог увеличился с $70,5 \pm 6,0$ до $81,2 \pm 5,6$ %, то есть прирост составил 15,2 %. Параллельно, психофизиологические показатели демонстрировали выраженную положительную динамику: уровень тревожности снизился с $16,1 \pm 2,7$ до $12,5 \pm 2,3$ баллов (уменьшение на 22,3 %), качество сна улучшилось с $5,8 \pm 1,1$ до $6,9 \pm 0,9$ баллов, а концентрация внимания выросла с $62,5 \pm 5,4$ до $73,0 \pm 6,2$ баллов (увеличение на 16,8 %). Анализ спортивных показателей выявил, что время до отказа увеличилось с $12,5 \pm 1,8$ до $15,9 \pm 2,1$ минут, что соответствует приросту на 27,4 %, а средняя мощность возросла с 310 ± 25 до 355 ± 28 Вт, что со-

ставляет прирост на 14,6 %. Снижение уровня концентрации лактата на 20,6 % и уменьшение биомаркеров усталости (креатинкиназы) на 16,7 % дополнительно подтверждают оптимизацию метаболических процессов и улучшение восстановительных возможностей организма. Полученные эмпирические данные демонстрируют, что дыхательные тренировки с сопротивлением оказывают мультифакторное воздействие, интегрируя улучшение функциональной работы дыхательной системы с положительными изменениями в когнитивной и эмоциональной сферах, что в совокупности способствует увеличению спортивной эффективности.

Усиливающая взаимосвязь между физиологическими и психофизиологическими параметрами подтверждается коэффициентами корреляции, достигающими значений 0,72 для связи объема легких и VO_{2Max} , 0,68 для зависимости между анаэ-

робным порогом и временем до отказа, а также – 0,65 для корреляции между уровнем тревожности и качеством сна. Регрессионный анализ выявил, что увеличение объема легких на 1 л связано с ростом времени до отказа на 2,3 минуты, а повышение VO_{2Max} на 1 мл/кг/мин – с увеличением средней мощности на 0,8 Вт. Параллельно, снижение тревожности на 1 балл предвещало увеличение времени до отказа на 0,7 минуты, что подчеркивает синергетический эффект психофизиологических адаптаций на физическую выносливость. Данные многогранного анализа позволяют заключить, что интеграция дыхательных тренировок с сопротивлением в тренировочный процесс приводит к систематическому улучшению аэробных возможностей, оптимизации метаболических процессов и значительному снижению психоэмоционального стресса.

Список источников

1. Шишкина А.В., Дерябина М.А. Применение дыхательных упражнений в спортивной тренировке лыжников-гонщиков и биатлонистов // Вестник Уральского государственного технического университета УПИ. 2006. № 10. С. 210 – 216.
2. Чёмов В.В., Барабанкина Е.Ю., Солопов И.Н. Использование дополнительных эргогенических средств в тренировке легкоатлетов-метателей // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 2. № 1. С. 136.
3. Барабанкина Е.Ю., Шубин М.С., Чёмов В.В. Интеграция двигательных заданий и регламентированных режимов дыхания в тренировке квалифицированных легкоатлетов // Физическая культура, спорт наука и практика. 2015. № 3. С. 3 – 8.
4. Таможникова И.С. Тренировка дыхательных мышц как метод воздействия на общую и специальную выносливость высококвалифицированных пловцов // Физическое воспитание и спортивная тренировка. 2016. № 4 (18). С. 87 – 94.
5. Тарасова Л.В., Тарасов П.Ю., Гомбожапова Х.Ц.Д., Сапунов В.Н., Панков В.А. Сравнительная оценка дыхательной функции юных и квалифицированных стрелков из лука на этапе предсоревновательной подготовки // Вестник спортивной науки. 2019. № 3. С. 36 – 39.
6. Камчатников А.Г., Гриценко С.Л. Применение эргогенических средств в тренировке легкоатлетов бегунов // Физическое воспитание и спортивная тренировка. 2012. № 1 (3). С. 112 – 118.
7. Фудин Н.А., Классина С.Я. Сочетанные гиповентиляционные тренировки и их влияние на спортивную работоспособность // Вестник новых медицинских технологий. 2020. Т. 27. № 3. С. 30 – 33.
8. Ржанов А.А. Использование задержки дыхания в спортивной тренировке детей 10-12 лет как способ повышения их функциональной выносливости // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). 2020. № 4 (54). С. 162 – 168.
9. Миронова А.О., Еганов А.В. Эффективность применения гипоксической дыхательной тренировки у высококвалифицированных ачери-биатлонистов // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2020. № 6 (184). С. 250 – 254.
10. Мирошников А.Б., Калёнова И.Е., Шмырев В.И. Равномерная и высокоинтенсивная интервальная тренировка в кардиореабилитации спортсменов силовых видов спорта: рандомизированное контролируемое исследование // Медицинский вестник МВД. 2020. № 5 (108). С. 57 – 60.
11. Коваленко С., Гречуха С. Использование дополнительного сопротивления дыханию на выдохе для повышения специальной выносливости в тренировочном процессе гребцов высокой квалификации // Наука в олимпийском спорте. 2016. № 1. С. 40 – 45.

12. Попов О.И., Попов Л.А. Влияние гипоксически-гиперкапнической тренировки на результат в средних и спринтерских дисциплинах у квалифицированных пловцов // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2022. № 4 (206). С. 333 – 339.

13. Чёмов В.В., Камчатников А.Г., Горбанёва Е.П., Солопов А.И., Воскресенский С.А., Власов А.А. Оценка эффективности использования гиповентиляционных режимов дыхания в тренировке легкоатлетов бегунов в подготовительном периоде // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2010. № 7 (65). С. 78 – 82.

14. Чёмов В.В., Солопов И.Н., Барабанкина Е.Ю. Использование увеличенного аэродинамического сопротивления дыханию в тренировке легкоатлетов метателей // Культура физическая и здоровье. 2010. № 4. С. 21 – 24.

15. Солопов И.Н., Дышко Б.А., Авдиенко В.Б. Расширение функциональных возможностей пловцов посредством использования дыхательного тренажера комплексного воздействия "Русский snorkel новое дыхание" // Теория и практика физической культуры. 2021. № 3. С. 88 – 90.

References

1. Shishkina A.V., Deryabina M.A. Use of breathing exercises in sports training of cross-country skiers and biathletes. Bulletin of the Ural State Technical University UPI. 2006. No. 10. P. 210 – 216.

2. Chemov V.V., Barabankina E.Yu., Solopov I.N. Use of additional ergogenic aids in training of track and field throwers. Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2011. Vol. 2. No. 1. P. 136.

3. Barabankina E.Yu., Shubin M.S., Chemov V.V. Integration of motor tasks and regulated breathing patterns in training of qualified track and field athletes. Physical Education, Sport Science and Practice. 2015. No. 3. P. 3 – 8.

4. Tamozhnikova I. S. Respiratory muscle training as a method of influencing the general and special endurance of highly qualified swimmers. Physical education and sports training. 2016. No. 4 (18). P. 87 – 94.

5. Tarasova L.V., Tarasov P.Yu., Gombozhapova H.Ts D., Sapunov V.N., Pankov V.A. Comparative assessment of the respiratory function of young and qualified archers at the stage of pre-competition preparation. Bulletin of sports science. 2019. No. 3. P. 36 – 39.

6. Kamchatnikov A.G., Gritsenko S.L. Use of ergogenic aids in the training of track and field athletes. Physical education and sports training. 2012. No. 1 (3). P. 112 – 118.

7. Fudin N.A., Klassina S.Ya. Combined hypoventilation training and its impact on athletic performance. Bulletin of new medical technologies. 2020. Vol. 27. No. 3. P. 30 II 33.

8. Rzhanov A.A. Using breath holding in sports training for children aged 10-12 as a way to improve their functional endurance. Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Bulletin of KSPU). 2020. No. 4 (54). P. 162 – 168.

9. Mironova A.O., Eganov A.V. Efficiency of hypoxic breathing training in highly qualified athletes-biathletes. Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University. 2020. No. 6 (184). P. 250 – 254.

10. Miroshnikov A.B., Kalenova I.E., Shmyrev V.I. Uniform and high-intensity interval training in cardiac rehabilitation of athletes of strength sports: a randomized controlled trial. Medical Bulletin of the Ministry of Internal Affairs. 2020. No. 5 (108). P. 57 – 60.

11. Kovalenko S., Grechukha S. Using additional breathing resistance on exhalation to increase special endurance in the training process of highly qualified rowers. Science in Olympic sports. 2016. No. 1. P. 40 – 45.

12. Popov O.I., Popov L.A. The Effect of Hypoxic-Hypercapnic Training on the Results in Middle and Sprint Disciplines in Qualified Swimmers. Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. 2022. No. 4 (206). P. 333 – 339.

13. Chemov V.V., Kamchatnikov A.G., Gorbaneva E.P., Solopov A.I., Voskresensky S.A., Vlasov A.A. Evaluation of the Efficiency of Using Hypoventilation Breathing Modes in Training Track and Field Athletes in the Preparatory Period. Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. 2010. No. 7 (65). P. 78 – 82.

14. Chemov V.V., Solopov I.N., Barabankina E.Yu. Using Increased Aerodynamic Resistance to Breathing in the Training of Track and Field Throwers. Physical Culture and Health. 2010. No. 4. P. 21 – 24.

15. Solopov I.N., Dyshko B.A., Avdienko V.B. Expanding the Functional Capabilities of Swimmers Through the Use of the Complex-Impact Breathing Simulator "Russian Snorkel New Breath". Theory and Practice of Physical Culture. 2021. No. 3. P. 88 – 90.

Информация об авторе

Егоров Ф.М., Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Phil@oumua.me

© Егоров Ф.М., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.3. Коррекционная педагогика (сурдопедагогика и тифлопедагогика, олигофренопедагогика и логопедия) (педагогические науки)

УДК 376.4

Технология развития математических представлений у обучающихся с расстройствами аутистического спектра и интеллектуальными нарушениями

¹ Шумакова Н.С., ¹ Яковлева И.М.

¹ *Московский городской педагогический университет*

Аннотация: статья посвящена освещению технологии развития математических представлений у детей с расстройствами аутистического спектра и интеллектуальными нарушениями, осваивающими АООП, вариант 8.4. Указаны особенности реализации принципов обучения математическим представлениям таких детей, определена необходимость особой организации урока с учетом особых образовательных потребностей обучающихся, обоснованы изменения в содержании учебного материала во 2-ом классе, которые позволят повысить качество овладения математическими представлениями, – увеличение количества выделенного времени на изучение пространственных и количественных представлений. В статье представлены специальные методы и приемы, позволяющие повысить интерес обучающихся, а также обеспечить перенос полученных умений в повседневную жизнь. Представлены результаты контрольного эксперимента, свидетельствующие об эффективности проведенной работы.

Научная новизна заключается в создании технологии развития математических представлений у обучающихся с РАС и выраженными интеллектуальными нарушениями, основанной на особой организации урока, дифференцированном подходе, интеграции учебного материала по домоводству и математического материала, а также системы дидактических игр и упражнений.

Ключевые слова: развитие математических представлений, обучающиеся с расстройствами аутистического спектра и интеллектуальными нарушениями, обучение математике, дети с выраженными интеллектуальными нарушениями, технология обучения

Для цитирования: Шумакова Н.С., Яковлева И.М. Технология развития математических представлений у обучающихся с расстройствами аутистического спектра и интеллектуальными нарушениями // Современный ученый. 2025. № 4. С. 316 – 325.

Поступила в редакцию: 7 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 5 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Technology for the development of mathematical concepts in students with autism spectrum disorders and intellectual disabilities

¹ Shumakova N.S., ¹ Yakovleva I.M.

¹ *Moscow City University*

Abstract: the article is devoted to the technology of mathematical representation development in children with autism spectrum disorders and intellectual disabilities who are learning AEP, option 8.4. The features of the

implementation of the principles of teaching mathematical representations to such children are indicated, the need for a special organization of the lesson is determined, taking into account the special educational needs of students, changes in the content of educational material in the 2nd grade are justified, which will improve the quality of mastering mathematical representations, and an increase in the amount of time allocated for studying spatial and quantitative representations. The article presents special methods and techniques to increase the interest of students, as well as to ensure the transfer of acquired skills into everyday life. The results of the control experiment are presented, indicating the effectiveness of the work carried out.

The scientific novelty lies in the creation of a technology for the development of mathematical concepts among students with ASD and severe intellectual disabilities, based on a special lesson organization, a differentiated approach, the integration of educational materials on home economics and mathematical material, as well as a system of didactic games and exercises.

Keywords: elementary mathematical concepts, primary school children with autism spectrum disorders, primary school children with intellectual disabilities, learning technology

For citation: Shumakova N.S., Yakovleva I.M. Technology for the development of mathematical concepts in students with autism spectrum disorders and intellectual disabilities. Modern Scientist. 2025. 4. P. 316 – 325.

The article was submitted: December 7, 2024; Approved after reviewing: February 5, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Современная образовательная система Российской Федерации реализует принципы инклюзивного подхода, направленного на обеспечение равного доступа к знаниям для всех категорий учащихся, включая детей с различными формами ограничений здоровья. Данная концепция закреплена в нормативных документах – Федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) для начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и ФГОС образования лиц с интеллектуальными нарушениями. Эти нормативы формируют методологическую основу для создания специальных условий обучения, учитывающих психофизические особенности и специфические образовательные запросы каждой категории учеников. Ключевым инструментом реализации инклюзивной политики выступают адаптированные образовательные программы (АОП), которые проектируются с учетом типа и степени нарушений. Такие программы предполагают комплексную модификацию учебного процесса: использование специализированных педагогических технологий, индивидуализацию учебных планов, внедрение коррекционно-развивающих модулей. Для детей с интеллектуальными нарушениями акцент делается на формировании жизненных компетенций, социальной адаптации и предпрофессиональной подготовке, тогда как для учащихся с ОВЗ предусматривается вариативность форм освоения материала – от обучения в ресурсных классах до интеграции в общеобразовательную среду с тьюторским со-

провождением. Важным аспектом системы является создание многоуровневой поддержки, включающей не только методическое обеспечение, но и материально-технические ресурсы: сенсорные комнаты, адаптированное оборудование, цифровые помощники [1, 3, 4, 7, 8]. В настоящее время продолжают разрабатываться новые подходы, методы, приемы и средства обучения таких детей [5, 6, 13].

Обучающиеся с расстройствами аутистического спектра и интеллектуальными нарушениями представляют одну из групп детей, которые еще недостаточно изучены с точки зрения их учебных возможностей, особенностей формирования у них учебных умений, представлений об окружающем мире, элементарных математических представлений и др. Вместе с тем, важно сформировать у учеников доступные знания и умения, научить их ориентироваться в окружающем мире, максимально подготовить к самостоятельной жизни.

Математические представления играют важную роль в жизни каждого человека, они необходимы для ориентировки в окружающем мире, для совершения необходимых бытовых процессов (сервировка стола, покупка продуктов, уход за домашним питомцем и др.). В олигофренопедагогике достаточно глубоко изучены пути и методы обучения математике детей с легкой умственной отсталостью (М.Н. Перова, В.В. Эк, Н.Ф. Кузьмина-Сыромятникова), значительно меньше работ посвящено математическому развитию детей с умеренной и тяжелой умственной отсталостью (Т.В. Лисовская [2, 15]. В настоящее время ощущается

дефицит исследований в области обучения детей с РАС и интеллектуальными нарушениями (умеренной и тяжелой умственной отсталостью), в то время как данные технологии остро востребованы в практике обучения.

Экспериментальное исследование было направлено на проектирование педагогической стратегии, ориентированной на развитие базовых математических компетенций у учащихся младших классов, имеющих расстройства аутистического спектра (РАС) и сопутствующие интеллектуальные нарушения, в рамках реализации адаптированной основной образовательной программы (АООП) вариант 8.4. Ключевой акцент работы заключался в создании дифференцированной методики, учитывающей специфику когнитивного восприятия и сенсорных особенностей целевой группы.

В качестве исследовательских задач выступили: систематизация содержательного компонента обучения, подбор адекватных методов, педагогических техник и дидактических ресурсов для формирования элементарных математических представлений (ЭМП) у второклассников (4 год обучения) с комплексными нарушениями развития; мониторинг качественных изменений в усвоении математических понятий в процессе апробации разработанной технологии.

Гипотеза исследования базировалась на тезисе о том, что применение персонализированного подхода с использованием мультисенсорных инструментов, структурированного визуального сопровождения и пошаговой алгоритмизации учебных действий позволит оптимизировать процесс освоения математических навыков, преодолевая барьеры, связанные с аутистическими особенностями и когнитивным дефицитом.

Материалы и методы исследований

Методологическая основа исследования интегрировала междисциплинарные знания, а именно, клинико-психологические аспекты РАС, раскрытые в трудах Е.Р. Баенской (эмоциональное развитие), М.М. Либлинг (игровая коррекция), К.С. Лебединской (классификация дизонтогенеза), О.С. Никольской (уровневая модель аутизма), И.А. Костина (социализация), Л.В. Шаргородской (коммуникативные стратегии), а также принципы специального образования, сформулированные Л.Б. Баряевой (альтернативная коммуникация), В.И. Лубовским (дифференциация обучения), Н.Н. Малофеевым (история дефектологии), Н.М. Назаровой (инклюзивные практики). В основе лежали методики формирования математических пред-

ставлений при интеллектуальных нарушениях, разработанные Т.В. Алышевой (предметно-практическая деятельность), М.Н. Перовой (коррекционная направленность уроков), В.В. Эк (адаптация заданий) и дидактические модели для детей с тяжелыми множественными нарушениями, предложенные И.М. Бгажноковой (социально-бытовая ориентация), А.Р. Маллером (поэтапное обучение), Г.В. Цикото (сенсорная интеграция) [9, 10, 11].

При проектировании и проведении экспериментальной работы мы опирались на следующие принципы: связи обучения с жизнью, доступности, индивидуальный и дифференцированный подход, последовательности и систематичности, прочности, коррекционно-развивающей направленности обучения.

Осуществляя принцип связи обучения с жизнью, мы связали математический материал с материалом по домоводству, окружающему социальному миру, учили сразу применять полученные знания в жизни. Например, на уроках математических представлений использовали счет продуктов (2 яблока, 1 хлеб, 3 молока), различение мясных (колбаса, сосиски) и молочных (сыр, йогурт, молоко) продуктов, хлебобулочных изделий (например, по форме: хлеб – круглый, печенье – квадратное), сравнение по длине (например, сравнивали овощи – огурец, морковь) и т.д.

Реализуя принцип последовательности и систематичности, мы учитывали результаты констатирующего эксперимента, которые показали разную степень овладения обучающимися математическим материалом, поэтому с детьми, которые на низком уровне освоили количественные и пространственные представления за предыдущий класс проводили индивидуальную подготовительную работу с целью подготовить к изучению нового материала.

Нами учитывалось, что дети с РАС склонны к выполнению действий в одной и той же последовательности, и очень болезненно реагируют на изменения установившегося порядка, поэтому на уроках была установлена постоянная последовательность этапов, которой учитель всегда следовал. При этом использовался визуальный план урока. Также эта особенность учитывалась при обучении: для учеников были разработаны четкие алгоритмы выполнения заданий. Даже ученики с недостаточным пониманием речи смогли постепенно научиться пользоваться им самостоятельно. Например, при работе над новым числом и цифрой применялась следующая последовательность: 1.

обвести цифру, 2. написать, 3. соединить цифру с количеством предметов.

Принципы индивидуального и дифференцированного подходов реализовывались в учете индивидуальных образовательных потребностей каждого ученика, разработке дифференцированных заданий, дидактических материалов (рабочих листов).

Реализация принципа устойчивости усвоения знаний обеспечивалась через комплексную систему закрепления учебного материала, интегрирующую многоуровневые формы повторения и дифференцированный контроль достижений в виде разнообразных упражнений и игр.

Коррекционно-развивающий компонент педагогического процесса был ориентирован на синергию когнитивного и сенсомоторного развития. Для стимулирования произвольного внимания внедрялись техники визуального структурирования пространства задания, а также упражнения на селективную концентрацию. Совершенствование мнемических процессов реализовывалось через мнемотехнические схемы с опорой на тактильные стимулы (объемные цифры с текстурной поверхностью) и ритмические паттерны. Развитие логико-символического мышления активизировалось посредством операций классификации объектов по множественным признакам, установления аналогий в бытовых контекстах и решения упрощенных логических задач с графическими подсказками. Формирование речевых компетенций осуществлялось через вербализацию математических действий и составление устных алгоритмов. Стимуляция мелкой моторики интегрировалась в учебный процесс через манипуляции с адаптированными дидактическими материалами. Каждое занятие включало ротацию видов деятельности для предотвращения сенсорной перегрузки, с чередованием статических и динамических упражнений. Данный подход, основанный на концепции «обучения через действие» (А.Р. Лурия), позволил создать нейропсихологически обоснованную среду, где математические абстракции трансформируются в мультисенсорные образы, соответствующие специфике восприятия учащихся с РАС и когнитивными нарушениями. Нами использовалась особая организация урока:

1. Четкая последовательность этапов урока с их визуализацией. В течение одного урока у учеников наблюдаются колебания работоспособности: после выполнения задания ребенок ищет сенсорные впечатления и не следит за ходом урока. Чтобы преодолеть данную

особенность нами использовалась четкая постановка целей и задач урока, разбивка заданий на этапы, самостоятельные части, показ логической связи между отдельными заданиями. Мы также стимулировали внимание учеников, подчёркивая важность выполняемого задания, и в зависимости от сложности задания выбирали определенный темп работы.

2. Дробление заданий на маленькие шаги (этапы).

Дети с РАС имеют двигательные стереотипии, которые выражаются в том, что ученики привычно выкладывают карточки с цифрами, но отказываются делать другое задание. Чтобы преодолеть данную особенность целесообразно использовать следующие приёмы: дробление заданий на отдельные последовательные шаги, что помогает избежать путаницы в инструкциях и паники при виде большого объёма материала. Для этого удобно использовать отдельные карточки с заданиями. Например, в дидактической игре «Барабашка», которая направлена на закрепление знания цветов, умение быстро находить необходимый цвет, нами выделялись следующие шаги:

- Исключить один цвет.
- Исключить второй цвет.
- Исключить первый предмет, изображённый на картинке.

3. Использование визуальных алгоритмов выполнения заданий, инструкций.

Мы учили детей выполнять задания, ориентируясь на визуальный стандартный алгоритм. При предъявлении инструкций также использовалась дополнительная визуализация. Для лучшего понимания содержания задания нами использовалось иллюстрирование с помощью карточек или реальных предметов.

4. Поддержка учебной мотивации в течение всего урока.

При снижении или отсутствии учебной мотивации, формальном отношении к занятиям, частых протестных реакциях, негативизме к обучению использовались следующие приёмы: подбор интересных заданий, которые могут быть без особых усилий выполнены ребёнком и дают возможность на первых порах ощутить ему успешность и самостоятельность; использование системы положительных подкреплений, которая играет также роль стимула и положительной оценки деятельности ребенка. На уроках нами использовались для некоторых учеников положительные подкрепления в виде игрушек, и даже еды – печенья, конфет, ко-

торые ребенок получает «в награду» за то, что выполнил задание, хорошо поработал. Этот прием помогал справиться с выполнением заданий «наугад», неусидчивостью.

Для преодоления негативного отношения учеников к учебным заданиям

(при отказе от выполнения задания и т.д.) возможна их замена. Например, вместо выполнения письменной работы ребёнку можно предложить выйти к доске, и выполнить задание у доски с панелью МЭШ. Или возможно использование аутостимуляции, например, во время выполнения задания ребёнку можно дать предмет (мячик-антистресс, клубок).

5. Подбор наглядности и дидактических материалов в соответствии с индивидуальными особыми образовательными потребностями ребенка.

При обучении детей с РАС возможны трудности при использовании наглядности, связанные с наличием сенсорных особенностей: непереносимость отдельных впечатлений, заикленность на тактильных или зрительных впечатлениях от материала и т.п. Например, при выполнении задания ученик больше ориентируется на форму предмета, чем на данную к заданию инструкцию.

При предъявлении изображений детям мы чётко выделяли общий контур изображения, усиливали цветовой контраст, выделяли штрихами, цветом главное (основное, на что надо обратить внимание) в изображении.

Предметы, которые демонстрировали обучающимся, были крупными, яркими, красочными.

Также нами использовались специальные дидактические материалы – программа «Нумикон» с наглядно-практическим материалом, разработанные рабочие листы для индивидуальной и групповой работы.

9. Предоставление подсказок.

Для учеников, которые затруднялись начать ответ, мы использовали эхо-подсказку, то есть де-

монстрировали образец речевого высказывания и стимулировали к его повторению. Постепенно подсказка становилась короче, пока ученик не мог обходиться без нее.

Учитывая, что многие дети с РАС имеют недостаточный социальный опыт и кругозор, и затрудняются в понимании инструкций нами широко использовалась предметно-практическая деятельность.

Обучающий эксперимент длился с октября 2024 г. по конец января 2025 г. Уроки по формированию математических представлений у обучающихся 2 класса (4-го года обучения) проводились 3 раза в неделю

В обучающем эксперименте приняли участие 15 учеников, обучающихся в двух вторых классах (4-ый год обучения) по АООП вариант 8.4. Средний возраст обучающихся составил 11 лет. 6 детей говорящих, 9 неговорящих, из них 4 общаются по системе PECS. На уроках эти дети использовали карточки PECS. 11 обучающихся имеют диагноз F84.02 Детский аутизм вследствие других причин, а четверо – F84.11 Атипичный аутизм по феноменологии с умственной отсталостью («атипичный аутизм синдромальный»).

Результаты и обсуждения

Результаты констатирующего эксперимента, проведенного в младших классах с обучающимися с РАС и интеллектуальными нарушениями, показали, что дети лучше освоили разделы «Представления о величине», «Представления о форма», «Представления о цвете», по сравнению с остальными разделами элементарных математических представлений имеют слабые пространственные и количественные представления. Поэтому в экспериментальной программе нами было больше времени выделено на изучение этих разделов.

В табл. 1 представлены задачи, которые решались при изучении каждого раздела, используемые методы и приемы.

Таблица 1

Задачи, методы и приемы экспериментального обучения.

Table 1

Tasks, methods and techniques of experimental learning.

Раздел	Задачи	Методы и приемы	Кол-во часов
Цвет	-учить обобщать и классификации предметов по признаку цвета. -раскладывать на кучки предметы (красного, синего) цветов без опоры на образец. -нахождение похожего цвета по образцу. -выбор предмета определённого цвета по словесной инструкции взрослого.	-соотнесение цвета предмета с эталоном цвета; -совместные действия и действия по подражанию. -сортировка предметов красного и синего цветов; -выбор предмета определённого цвета по словесной инструкции взрослого.	7ч
Представление о величине	-учить сопоставлять два объекта (большой/маленький, высокий/низкий, узкий-широкий), используя приёмы наложения и приложения. -учить по опорным точкам обводить фигуры различной величины.(большая –маленькая тарелка; широкий-узкий ремень). -учить совместно с педагогом обводить по трафаретам предметы различной величины.(большая/маленькая чашка; высокий/низкий стул. -учить находить в рабочем листе по инструкции взрослого необходимый предмет (большой – маленький стол). высокий /низкий стул;широкая /узкая дорога. -учить сравнивать натуральные предметы по длине (полоски бумаги, линейки, карандаши, морковь.)	-прием наложения и приложения. -использование условных мерок (ленты, натуральные предметы для сравнения). -умение пользоваться трафаретами.	14ч
Представление о форме	-Узнавание и различение предметов треугольной формы среди предметных картинок на печатной основе. -Сравнение форм методом наложения: круг, треугольник;квадрат и треугольник. -Разделение множества фигур на группы «круг», «треугольник», квадрат по образцу. -познакомить с геометрической фигурой-прямоугольник, обследование формы прямоугольник осязательно-двигательным путём. -Конструирование прямоугольника из счётных палочек. -Узнавание геометрической фигуры прямоугольника среди других изображений на листе бумаги. -обучающийся находит продукты прямоугольной формы.(например хлеб, печенье, пирог, плитка шоколада) складывает в корзину для продуктов. -Сравнение форм методом наложения:квадрат и прямоугольник; круг и прямоугольник. -Умение различать круг, квадрат, треугольник, прямоугольник.	-приёмы наложения и приложения; -осознательно-двигательное обследование моделей. -конструирование	18ч

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Количественные представления	- учить соотносить цифры 3 с количеством пальцев и предметов. -учить писать цифру 3 по трафаретам, по опорным точкам ,самостоятельно. - учить образовывать число 3 путем пересчитывания. -учить соотносить число с количеством предметов. -учить узнавать цифру 3 среди других -формировать образ числа посредством конструирования из различных материалов(пластилин, счетные палочки). -учить писать цифру 3 по трафаретам, по опорным точкам и самостоятельно. -учить узнавать и различать цифры 1 и 2,3 распределять по группам. -учить образовывать множеств из двух предметов из предметов по одному. -учить решать примеры в пределах 3. (2+1) -знакомить с понятием «задача», решать элементарные задачи с опорой на натуральные предметы.	-использование разнообразного материала для счета (камушки, ракушки, машинки) -таблица с визуальными точками; -набор Нумикон. - планшеты с визуальной опорой, сколько необходимо взять продуктов. - выполнение хлопков по заданному количеству, ориентируясь на слово. - выделение одного (нескольких) предметов на основе тактильного обследования (например, игра «Чудесный мешочек»). - рисование цифр до 3 по трафарету, по опорным точкам, самостоятельно. - лепка цифр из пластилина или конструировать из счетных палочек. - игры «Магазин», «Аптека»	22ч
Пространственные представления	-учить показывать на себе части тела (голова, руки, ноги, глаза, нос, рот, уши) -учить определять месторасположение предметов (сверху- снизу), по словесной инструкции и самостоятельно. - учить показывать право-лево на себе (правая рука- левая рука, правая нога – левая нога).	-по подражанию (использование картинок частей тела и напечатанных надписей) -использование мыльных пузырей (вверх летят, вниз летят пузыри) -использование резинки на руку, для маркера руки (красная резинка правая рука);	16ч
Временные представления	- учить соотносить время года (лето, зима) с одеждой, которую необходимо носить (летом шорты, зимой шапка, варежки, шуба) изображения на печатной основе. - учить соотносить части суток (день ночь) с предметной картинкой на печатной основе. - учить соотносить деятельность с частью суток (имитирует деятельность характерную времени суток: ночью -спит, днём – учится).	-работа с печатными изображениями одежды(карточки) и времен года; -сравнение изображений ночной улицы, солнечный день. -последовательное выкладывание карточек с изображением действий ребенка(утром завтракает дома, сидит за партой, вечером плавает в бассейне и др.).	10 ч

В целях дифференциации и индивидуализации обучения нами разрабатывались рабочие листы к урокам, в которых отражен основной учебный материал. Эти листы служили визуальной опорой для каждого ученика.

По окончании экспериментального обучения был проведён контрольный эксперимент. Для оценки результатов экспериментального обучения

нами использовались задания констатирующего эксперимента – контрольно -измерительные материалы, на основе которых выделены уровни сформированности математических представлений у обучающихся 2 класса (4-ый год обучения) с РАС и интеллектуальными нарушениями [14].

Результаты констатирующего и контрольного экспериментов представлены на рис. 1 и 2.

Рис. 1. Результаты констатирующего эксперимента (до экспериментального обучения).
Fig. 1. Results of the ascertaining experiment (before experimental training).

Рис. 2. Результаты контрольного эксперимента.
Fig. 2. Results of the control experiment.

Сравнительный анализ диаграмм позволяет констатировать, что уровень сформированности математических представлений у обучающихся после проведения обучающего эксперимента существенно вырос: число учеников с достаточным уровнем возросло с 7% (констатирующий эксперимент) до 20 % (контрольный эксперимент), количество обучающихся со средним уровнем увеличилось с 40% до 54% соответственно, число школьников с низким уровнем уменьшилось на 3% (33% в констатирующем эксперименте и 36 % в контрольном эксперименте), ученики с уровнем «ниже среднего» в контрольном эксперименте не обнаружены.

По результатам контрольного эксперимента

обучающиеся показали увеличение показателей в разделах «Представления о форме» (на 18 б.), «Представления о величине» (на 22 б.), «Количественные представления» (на 14 б.), «Пространственные представления» (на 6 б.)

Выводы

Таким образом, полученные результаты показали эффективность предложенной технологии развития элементарных математических представлений, включающей особую организацию урока, увеличение учебного времени на изучение количественных и пространственных представлений, использование специальных приемов и дидактических материалов.

Список источников

1. Адаптированная основная общеобразовательная программа начального общего образования для обучающихся с расстройствами аутистического спектра с умеренной, тяжелой, глубокой умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями), тяжелыми и множественными нарушениями развития (вариант 8.4). [Электронный ресурс]. URL: https://sch2124.mskobr.ru/info_edu/education/#/ (дата обращения: 20.10.2023)
2. Алышева Т.В. Математика 1. Доп. (для обучающихся с интеллектуальными нарушениями). М.: Просвещение, 2022. 98 с.
3. Никольская О.С. Аутизм и расстройства аутистического спектра: диагностика и коррекционная помощь: учебник для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 295 с.
4. Баряева Л.Б. Формирование элементарных математических представлений у дошкольников (с проблемами в развитии): учебно-методическое пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена; Изд-во «СОЮЗ», 2002. 479 с.
5. Загуменная О.В., Чистякова Л.А., Богорад П.Л. Обеспечение доступности текстовых материалов в процессе обучения детей с РАС в начальной школе // Аутизм и нарушения развития. 2023. Т. 21. № 1. С. 3 – 14
6. Кузьмина-Сыромятникова Н.Ф. Пропедевтика обучения арифметике во вспомогательной школе. М.: АПН РСФСР, 1962. 95 с.
7. Морозов С.А., Морозова Т.И., Белявский Б.В. К вопросу об умственной отсталости при расстройствах аутистического спектра // Аутизм и нарушения развития. 2016. Т. 14. № 1. С. 9 – 18. <https://doi.org/10.17759/autdd.2016140102>
8. Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М. Аутичный ребенок: Пути помощи. Москва: Теревинф, 2000. С. 325 – 329.
9. Яковлева И.М., Браткова М.В., Караневская О. В. Педагогика и психология детей с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями). М.: ИНФРА-М, 2023. 380 с.
10. Перова М.Н. Методика преподавания математики в специальной (коррекционной) школе VIII вида. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. 408 с.
11. Попова О.А., Филина Н.М. Влияние системы альтернативной коммуникации PECS на проявления вокальной речи у детей с аутизмом // Аутизм и нарушения развития. 2021. Т. 19. № 2. С. 23 – 39.
12. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья. [Электронный ресурс]. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-1598/> (дата обращения: 15.12.2023)
13. Хаустов А.В. Формирование у ребенка с РАС навыка соотнесения числа с количеством предметов // Аутизм и нарушения развития. 2014. № 3. С. 22 – 25.
14. Шумакова Н.С., Яковлева И.М. Изучение математических представлений у младших школьников с расстройствами аутистического спектра и интеллектуальными нарушениями // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 9. № 4. С. 322 – 329.
15. Эк В.В. Обучение математике учащихся младших классов специальных (коррекционных) образовательных. Учреждений VIII вида: пособие для учителя. М.: Просвещение, 2005. 221 с.

References

1. Adapted basic general educational program of primary general education for students with autism spectrum disorders with moderate, severe, profound mental retardation (intellectual disabilities), severe and multiple developmental disabilities (option 8.4). [Electronic resource]. URL: https://sch2124.mskobr.ru/info_edu/education/#/ (date of access: 10/20/2023)
2. Alysheva T.V. Mathematics 1. Supplement. (for students with intellectual disabilities). Moscow: Education, 2022. 98 p.
3. Nikolskaya O.S. Autism and autism spectrum disorders: diagnostics and correctional assistance: textbook for universities. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 295 p.
4. Baryaeva L.B. Formation of elementary mathematical concepts in preschoolers (with developmental problems): a teaching aid. SPb.: Publishing house of the RSPU named after A.I. Herzen; Publishing house "SOYUZ", 2002. 479 p.

5. Zagumennaya O.V., Chistyakova L.A., Bogorad P.L. Ensuring the accessibility of text materials in the process of teaching children with ASD in elementary school. *Autism and developmental disorders*. 2023. Vol. 21. No. 1. P. 3 – 14
6. Kuzmina-Syromyatnikova N.F. *Propedeutics of teaching arithmetic in a special school*. Moscow: APN RSFSR, 1962. 95 p.
7. Morozov S.A., Morozova T.I., Belyavsky B.V. On the issue of mental retardation in autism spectrum disorders. *Autism and developmental disorders*. 2016. Vol. 14. No. 1. P. 9 – 18. <https://doi.org/10.17759/autdd.2016140102>
8. Nikolskaya O.S., Baenskaya E.R., Liebling M.M. *Autistic child: Ways to help*. Moscow: Terevinf, 2000. Pp. 325 – 329.
9. Yakovleva I.M., Bratkova M.V., Karanevskaya O.V. *Pedagogy and psychology of children with mental retardation (intellectual disabilities)*. Moscow: INFRA-M, 2023. 380 p.
10. Perova M.N. *Methods of teaching mathematics in a special (correctional) school of the VIII type*. M.: Humanitarian publishing center VLADOS, 2001. 408 p.
11. Popova O. A., Filina N. M. The influence of the PECS alternative communication system on the manifestations of vocal speech in children with autism. *Autism and developmental disorders*. 2021. Vol. 19. No. 2. P. 23 – 39.
12. Federal state educational standard of primary general education of students with disabilities. [Electronic resource]. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-1598/> (date of access: 12/15/2023)
13. Khaustov A.V. Formation of the skill of correlating a number with the number of objects in a child with ASD. *Autism and developmental disorders*. 2014. No. 3. P. 22 – 25.
14. Shumakova N.S., Yakovleva I.M. Study of mathematical concepts in primary school students with autism spectrum disorders and intellectual disabilities. *Pedagogy. Theoretical and Practical Issues*. 2024. Vol. 9. No. 4. P. 322 – 329.
15. Ek V.V. *Teaching mathematics to primary school students of special (correctional) educational institutions of the VIII type: a teacher's manual*. Moscow: Education, 2005. 221 p.

Информация об авторах

Шумакова Н.С., Московский городской педагогический университет; Школа № 2124 «Центр развития и коррекции», г. Москва, nad9516@yandex.ru

Яковлева И.М., доктор педагогических наук, профессор, AuthorID: 674972, Московский городской педагогический университет, yakovlevaim@mgpu.ru

© Шумакова Н.С., Яковлева И.М., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 377.031

Система педагогического контроля уровня знаний студентов медицинского вуза

¹ Алексеев С.Н., ¹ Гайворонская Т.В., ¹ Дробот Н.Н.

¹ Кубанский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации

Аннотация: работа изучает проблематику организации и проведения контроля качества, глубины и широты знаний, которые получают студенты, обучающиеся в медицинском вузе по различным направлениям. Авторы анализируют такие наиболее эффективные методы как письменные и устные ответы на различные виды вопросов, тестирование при помощи компьютеров, различных интерактив.

Особое внимание в работе уделяется дидактическим проблемам, без анализа которых даже самые совершенные компьютерные контролирующие программы могут оказаться не эффективными. Авторами статьи представлены формы контроля уровня усвоения студентами изучаемой дисциплины и их влияние на результаты текущей и промежуточной аттестации обучающихся. Разнообразные формы оценки знаний рассматриваются авторами не как конкурирующие, а как взаимосвязанные интегрированные элементы, содержание которых зависит от изучаемой дисциплины, темы занятия. Системный и дифференцированный подход к использованию контроля, который анализируется авторами, является многофакторным в образовательном процессе и играет не только контролирующую роль, но также выполняет диагностические, обучающие, воспитательные и результативные функции, мотивируя студентов к познавательной активности, пониманию изучаемого предмета. Контроль усвоения знаний студентами дает возможность преподавателю оценить адекватность организации учебной работы, увидеть плюсы и минусы в своей деятельности педагога, внести коррекцию в обучение будущих врачей, проанализировать дидактический материал, внося соответствующие изменения.

Учитывая это, необходимо конкретизировать цель исследования: определить эффективность интеграции форм контроля усвоения учебного материала изучаемых дисциплин в образовательный процесс и влияние на успеваемость студентов медицинского вуза. Объектом при этом является успеваемость студентов медицинского вуза, предметом – контроль усвоения учебного материала.

Ключевые слова: медицинский вуз, студенты, контроль усвоения изучаемой дисциплины, формы контроля, успешность текущей и промежуточной аттестации студентов, фонд оценочных средств

Для цитирования: Алексеев С.Н., Гайворонская Т.В., Дробот Н.Н. Система педагогического контроля уровня знаний студентов медицинского вуза // Современный ученый. 2025. № 4. С. 326 – 334.

Поступила в редакцию: 7 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 9 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

The system of pedagogical control of the level of knowledge of medical university students

¹ Alekseenko S.N., ¹ Gayvoronskaya T.V., ¹ Drobot N.N.,

¹ *Kuban State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation*

Abstract: the paper examines the problems of organizing and conducting quality control, the depth and breadth of knowledge that students studying at a medical university receive in various fields. The authors analyze such most effective methods as written and oral answers to various types of questions, computer testing, and various interactive methods.

Special attention is paid to didactic problems, without the analysis of which even the most advanced computer control programs may not be effective. The authors of the article present the forms of control of the level of students' learning of the discipline and their impact on the results of the current and intermediate certification of students. Various forms of knowledge assessment are considered by the authors not as competing, but as interrelated integrated elements, the content of which depends on the discipline being studied and the topic of the lesson. The systematic and differentiated approach to the use of control, which is analyzed by the authors, is multifactorial in the educational process and plays not only a controlling role, but also performs diagnostic, teaching, educational and effective functions, motivating students to cognitive activity and understanding of the subject being studied. Monitoring the students' knowledge acquisition allows the teacher to assess the adequacy of the organization of educational work, see the pros and cons of his teaching activities, make adjustments to the training of future doctors, analyze didactic material, making appropriate changes.

Taking this into account, it is necessary to specify the purpose of the study: to determine the effectiveness of integrating forms of control over the assimilation of educational material of the studied disciplines into the educational process and the impact on the academic performance of medical university students. The object of this is the academic performance of medical university students, the subject is the control of the assimilation of educational material.

Keywords: medical university, students, control of the assimilation of the studied discipline, forms of control, the success of the current and intermediate certification of students, the fund of assessment tools

For citation: Alekseenko S.N., Gaivoronskaya T.V., Drobot N.N. The system of pedagogical control of the level of knowledge of medical university students. Modern Scientist. 2025. 4. P. 326 – 334.

The article was submitted: December 7, 2024; Approved after reviewing: February 9, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Современное развитие общества предъявляет новые требования к качеству высшего медицинского образования в подготовке специалистов для практического здравоохранения и медицинской науки, к его личностным и профессиональным качествам, что стимулирует модернизацию отечественной системы высшего медицинского образования [1, 2, 3]. Организация педагогического процесса устремлена на повышение качества образования, именно поэтому необходимо совершенствование и поиск эффективных форм и методов контроля усвоения студентами изучаемого материала [4, 5, 6].

В связи с этим необходимо совершенствование системы контроля успеваемости студентов меди-

цинских вузов в процессе обучения, что, безусловно является мощным фактором повышения эффективности подготовки врачебных кадров [7, 8]. Контроль знаний, умений и навыков студентов, уровня сформированности их общепрофессиональных и отраслевых компетенций является важным элементом в подготовке будущих врачей. Система организации контроля усвоения теоретических и практических знаний определяет результативность и эффективность обучения на каждой отдельно рассматриваемой кафедре, так и вуза в целом. Такую тактику целесообразно рассматривать как приоритетное направление в подготовке специалистов, способствующее реализации личностного и учебного потенциала студентов. Обеспечение глубины, объема и практической направ-

ленности знаний позволяет формировать универсальные компетенции у студентов [9, 10, 11]. Преподаватель, который ответственно относится к профессиональной деятельности, ориентируется на студентов не только как на участников образовательного процесса, но и как активных, мотивированных личностей, которые понимают, для чего им необходим образовательный процесс [12, 13]. Широко применяемые формы контроля усвоения студентами изучаемого материала такие как устный опрос, письменные ответы, в настоящее время нуждаются в дополнительной корректировке и содержательном наполнении, а также в их активном и целенаправленном использовании преподавателями медицинского вуза.

В качестве эффективных средств оценки знаний, умений и навыков обучающихся в современных реалиях используют тестирование. Тесты являются одной из наиболее технологичных форм проведения контроля профессиональной направленности подготовки специалиста. Это объясняется их объективностью, скоростью, возможностью оценить усвоение изученного материала у большого числа студентов, встроенностью в современные электронные обучающие программы. Но при этом, как отмечено в ряде научных статей, нельзя сводить весь процесс обучения и контроля усвоения и понимания изучаемой дисциплины к диалогу с компьютером, а важно разумно использовать и другие методы, обеспечивающие положительный результат [14, 15, 16].

В контексте вышесказанного необходимо интегрировать различные педагогические концепции, которые, в том числе лежат в основе ФГОСов ВО поколения 3++. Системно-деятельностный и компетентностный подходы помогают правильно определить образовательные результаты, конкретизировать методы педагогического взаимодействия со студентами, реализующие практико-ориентированный подход. При этом нужно отметить, что учебную мотивацию студентов повышают не только правильно подобранные технологии обучения, но и формальное оценивание, отражающее признание преподавателями образовательных достижений студентов. Правильно организованный регулярный и итоговый контроль объема и глубины знаний позволяет повысить качество и эффективность обучения. Подобный контроль может реализовываться как на семинарских, практических, лабораторных занятиях, так и при прохождении тестирования, промежуточной или итоговой аттестации.

Проанализировав вышесказанное, мы определили цель исследования: определить эффективность интеграции форм контроля усвоения учебного материала изучаемых дисциплин в образовательный процесс и влияние на успеваемость студентов медицинского вуза. Объектом при этом является успеваемость студентов медицинского вуза, предметом – контроль усвоения учебного материала.

Кроме того, в понятийный аппарат работы важно включить задачи, решение которых будет способствовать достижению исследовательской цели:

1. Выявить сущность и значимость методов контроля знаний студентов медицинских вузов;
2. Дифференцировать методы контроля качества и объема знаний студентов, обучающихся в медицинских вузах;
3. Определить качественные характеристики методик, используемых в контексте контроля знаний будущих медицинских работников;

Материалы и методы исследований

В наше исследование мы включили две группы методов:

1. Теоретические: методологический и сравнительный анализ научной литературы по рассматриваемой проблеме, проведен анализ применяемых методов контроля и оценок знаний студентов-медиков при различных методах обучения. Кроме того, большое внимание нами было уделено исследованиям, отражающие как общие, так и частные вопросы нашей темы.

В качестве основных источников нами использовались публикации современных авторов, посвященные:

- исследованию образовательного процесса в высшей школе (Н.А. Клоктунова, А.И. Евдокимова, М.В. Воробьева);
- специфике подготовки будущих медиков (Е.В. Зорина, Л.А. Мудрова, Л.Г. Тургунова, Н. С. Умбеталина и пр.);
- формированию системы контроля знаний будущих медиков (В.В. Кузнецов, К.В. Косилов, Н.Н. Алипов, А.В. Соколов).

2. В качестве эмпирических материалов исследования мы определили журналы текущей успеваемости, которые ведут преподаватели в течение семестров, экзаменационные ведомости 29 групп студентов выпускного курса Кубанского государственного медицинского университета. Текущая документация помогает проанализировать динамику успеваемости студентов, выявить наиболее сложные темы и в дальнейшем так

сформулировать фонды оценочных средств, чтобы разносторонне диагностировать у студентов различные компетенции. В данной группе преимущественно использовались интервью, беседы с преподавателями и студентами, качественный анализ организации образовательного процесса в студенческих группах.

Результаты и обсуждения

Сущность и значимость методов контроля знаний студентов медицинских вузов

Контроль знаний, умений и навыков студентов является важной составляющей образовательного процесса, позволяя определять результативность, эффективность обучения, направленного на формирование профессиональных компетенций в высшей медицинской школе. Однако необходимо отметить, как показывает педагогическая практика, что вопрос о контроле усвоения и понимания теоретических и практических знаний в оценке учебных достижений, обучающихся является недостаточно разработанным.

Ориентируясь на сотрудничество педагога и студента, необходимо понимать, что подобное взаимодействие включает как получение знаний, их использование, так и организацию контроля, проведение текущего и итогового мониторинга. Это позволяет сориентировать студентов на выявление дальнейших перспектив профессионального обучения и понимание тех целей, которые перед ними ставятся на различных этапах образовательного процесса.

В качестве инновационных средств оценки знаний, обучающихся используют тестирование. Тестирование является одной из наиболее технологичных форм проведения контроля. К тестам предъявляют определенные требования – надежность, валидность, объективность.

При помощи показателя надежности возможно определить, насколько полученные результаты будут точными, устойчивыми и возможны к повторению по прошествии определенного промежутка времени. Если в течение долгого периода неоднократно применять тест, то критерии измерения результатов меняться не будут и это предоставляет возможность проведения точной диагностики с различными группами респондентов.

Валидность обязательна для того, чтобы отразить содержание учебной дисциплины и показать пригодность средств и методик измерения полученных студентами знаний.

Критерий объективности помогает объединить валидность, надежность и дидактико-методические компоненты педагогического процесса.

Вышеуказанные критерии обеспечиваются тем, что тест можно назвать эффективным инструментом, который предполагает составление заранее разработанных и проверенных заданий, специальной процедуры и технологии обработки результатов и анализа полученных данных, которые необходимы для оценивания качества обучения.

В качестве наиболее распространенных и эффективных групп заданий необходимо выделить:

- задания закрытого типа, которые предполагают наличие одного правильного ответа среди нескольких;

- задания открытого типа, когда студент самостоятельно вписывает ответ в специальное пространство в свободной форме;

- задания, предполагающие установление правильной очередности, этапности, последовательности. Студенту необходимо расположить составляющие задания теста в актуальной последовательности с построением логических взаимосвязей между элементами, обеспечивая сохранение алгоритма решения задания;

- задания, позволяющие установить соответствие, причинно-следственные, ассоциативные взаимосвязи между предметами, событиями и явлениями.

Интеграция вышеуказанных типов заданий в универсальные тестовые методики позволяет выработать такую педагогическую стратегию, которая сможет максимально повлиять на процесс и результат усвоения знаний студентами. Процессуальную сторону также важно отразить в текущем контроле, включая в тесты и задачки различные способы разрешения проблемных учебных ситуаций. Это поможет снизить потенциальные учебные риски, повысить заинтересованность студентов. Усложненный уровень заданий позволит сориентировать студентов с высоким потенциалом на увеличение объема и глубины знаний, участие в различных мероприятиях и создание методик оценки знаний других студентов.

Исследуя теоретические данные, а также формулируя собственные выводы, мы пришли к конкретизации положительных для преподавателей сторон тестирования:

- возможность проведения быстрого опроса обучающихся и в связи с этим экономия временных ресурсов для решения актуальных проблем и задач;

- проверка максимального объема знаний по различным предметным областям;

- реализация корректировки отдельных вопросов и разделов при выявленной ненадежности, ошибках, несоответствиях;

- возможность быстрого, своевременного реагирования на ошибки студентов;

- множество вариантов заданий и их различная комплектация, которые минимизируют возможность списать.

Также мы изучили факторы, которые положительно влияют на студентов и их мотивацию, развитие когнитивной сферы:

- совершенствование различных видов внимания;

- последовательное усвоение материала в соответствии с определенной системой;

- заинтересованность в подготовке к аудиторным занятиям, выявлении междисциплинарных связей;

- сформированность четкого, понятного и полного ответа за небольшую продолжительность времени.

Среди основных отрицательных сторон тестирования нами были конкретизированы:

- возможность ответов наугад;
- неточность и некорректность в работе составителей заданий- нечеткие формулировки вопросов или некорректные их постановки, неграмотно сформулированные тексты заданий и варианты ответов, неверный предлагаемый вариант ответа;
- невозможность проверить глубину знаний; ограничение развития речи, клинического мышления.

Вышеуказанные проблемы в определенной степени решаются при использовании традиционных форм контроля – устный опрос, ответы на задания в письменной форме.

Однако, авторы исследования отмечают, что при наличии позитивных характеристик традиционные формы контроля усвоения дисциплины имеют еще и такую отрицательную позицию как ограничение во времени. При устном опросе не всегда преподаватель может опросить каждого студента группы, так как каждое практическое занятие имеет свою структуру. При письменном опросе у преподавателя должно иметься дополнительное время для оценки ответов обучающимися на бумажном носителе, анализ ошибочных ответов с последующей их коррекцией со студентами группы.

Используя тестовые методики, преподаватель не всегда доказательно может определить способ-

ность студента конкретизировать свой ответ, умение аргументировано выражать свои мысли, обосновать диагноз и план лечения пациента, провести дифференциальную диагностику, интерпретировать результаты обследования пациента. Тестовый контроль, позволяет в доступной форме дать скрининговую оценку знаний обучающихся исходного уровня знаний по данной теме и в конце изучения дисциплины. Однако грамотно составленные тестовые задания различной степени сложности в соответствии с требованием к данному формату дают возможность определить не только исходный уровень знаний обучающегося, но и вовлеченность в процесс познания, способность критически мыслить и использовать приобретенные знания в заданных ситуациях.

Дифференциация форм контроля знаний студентов, основанная на эмпирических данных

В Кубанском государственном медицинском университете кроме традиционных форм и тестового контроля знаний широко используются интерактивные формы. Такие педагогические методы как работа с проблемными ситуациями, разбор проблемных случаев, кейс-стади. Работа с ситуациями, приближенными к клинической картине, позволяет студентам более активно и осознанно входить в профессию, находить и предотвращать врачебные ошибки, прогнозировать исход заболевания.

В контексте подобного обучения каждому студенту определяются роли, конкретизируются функции в команде либо групповой деятельности, что повышает мотивацию и осознанность обучения.

В структуре организации учебы преподаватель видит и анализирует уровень подготовки каждого студента группы, его активность, умение работать в команде, принимать профессионально правильные решения и аргументировать их. При такой форме подготовки будущих врачей контроль усвоения изучаемой дисциплины не является самоцелью.

При этом нужно конкретизировать, что одними из ведущих функций контроля, позволяющего выявить уровень знаний студентов являются:

- диагностическая, первоначальная, которая позволяет оценить уровень компетенций студентов и, соответственно – качества обучения и достижения образовательных результатов;

- обучающая, ориентированная на мотивирование студентов к усвоению учебного материала;

- воспитательная (дисциплина, самоорганизация, самоконтроль);

-результативная, отражающая системно- деятельностный подход и позволяющая достичь целей обучения.

В целях актуализации теоретических знаний авторы провели диагностику студентов. В опросе принимали участие студенты 29 групп выпускных курсов и использовались результаты текущей и промежуточной аттестации, выявляя средние баллы успеваемости. Отклонения между средними баллами текущей и итоговой аттестации составляют 5%.

Те баллы, которые были нами получены в ходе предварительной диагностики, позволили определить группы студентов, где средние баллы успеваемости преобладали над подобными показателями в процессе промежуточной аттестации. Полученные оценочные результаты дали основание выделить два типа студенческих групп.

Первый тип 25 студенческих групп характеризовался явной положительной динамикой в оценке знаний при их контроле. Исходный показатель был равен 3,23 средних балла, в динамике изучения клинической дисциплины увеличился на 0,64 (3,87) и к завершению изучения предмета составил в среднем 4,3 балла. Таким образом, средний балл текущей аттестации составил 3,9. Промежуточная аттестация показала оценку обучения 4,43 средних балла.

Второй тип 4 групп по тем же параметрам показал следующие результаты – устойчивый высокий средний балл текущей аттестации в начале так и при завершении изучения дисциплины (4,54 и 4,27 соответственно). При промежуточной аттестации средний балл по сравнению с текущей успеваемостью существенно снизился и составил 3,53.

Проведение бесед с преподавателями позволило выявить низкий уровень мотивации у студентов к дисциплинам, которые они изучают в первой категории групп и вследствие этого, изменение тактики педагогического воздействия преподавателями. Отмечалось более активное включение интерактивных методов, тестов, бесед и регулярный контроль усвоения знаний. Такая тенденция изменила в положительную сторону интерес к дисциплине, понимание ее значимости в медицинской практике.

Второй тип студенческих групп характеризовался диссонансом успешности познания между текущей и промежуточной аттестацией в сторону снижения последней. После анализа факторов, приводящих к подобному деструктивному типу деятельности необходимо отметить неадекватную

оценку знаний студентов преподавателями. Изначальное завышение оценки, по мнению преподавателя, должно было привести к повышению мотивации и увеличению заинтересованности в изучении дисциплин. Также нами была отмечена простая передача информации студентам в ходе лекций, семинарских занятий, когда студенты выступали как пассивные участники образовательного процесса и не имели возможности проявить свою точку зрения, аргументированно высказать мнение.

При этом основной формой контроля был устный опрос без охвата всей студенческой группы, иногда контроль знаний выполнялся с помощью тестов закрытого типа. Предупреждением подобной ситуации в студенческих группах второго типа может быть сосуществование всех форм обучения и контроля за эффективностью усвоения учебного материала. Принцип интеграции, реализующийся в данном случае, может послужить прочной основой образовательного процесса в медицинском вузе.

Кроме того, преподавателям необходимо понимать, что их работа направлена на результат для достижения успеха в подготовке компетентного специалиста. В данном случае эффективна реализация принципов педагогики сотрудничества, т.к. совместная деятельность преподавателя и студентов поможет организовать и скоординировать процесс решения учебных задач и повысить качество подготовки.

Это помогает получить со стороны студентов мощный стимул в повышении мотивации обучения и выполнения поставленной цели стать врачом, владеющим нравственными и профессиональными ценностями.

Форма контроля знаний определяется преподавателем в зависимости от кафедры, фундаментальных или клинических дисциплин, темы практического занятия. Преподавателю необходимо предусмотреть, какой способ и степень сложности заданий является наиболее оптимальной для их продуктивности. Для преподавателя контроль знаний студентов служит своеобразным каналом обратной связи, который позволяет обнаружить непонятные для студентов разделы дисциплины. Беседы со студентами на предмет модели контроля знаний и усвоения учебного материала показали наибольшую заинтересованность учащихся и, по их мнению, эффективность в повышении качества и готовности выполнять врачебную деятельность интерактивные формы обучения. С наибольшим предпочтением относятся к деловым играм, реше-

нию и составлению ситуационных задач, мозговому штурму, анализу и решению конкретных проблем в реальной профессиональной ситуации. Положительно относятся обучающиеся к форме контроля с применением тестовых заданий. Для них интересны задания по выполнению последовательности действий и сопоставление, отмечая при этом сложность. Не исключают студенты в контроле обучения устного опроса, отмечая возможность проявить глубину знаний, умение излагать свои мысли, отвечать на вопросы преподавателя. Проведенное исследование позволило авторам среди многообразия форм контроля усвоения профессиональных знаний увидеть не конкурентов, а взаимосвязанные элементы в системе контроля подготовки специалистов, владеющих профессиональными и практикоориентированными компетенциями. Исследование позволило аргументировать, что для масштабного внедрения контроля обучения будущих медиков с высшим образованием следует рассматривать смешанный подход, использующий сильные стороны методов контроля понимания изучаемого материала. Приведенные данные, учет мнений студентов в отношении применяемых методов контроля и получения теоретических и практических знаний в медицинском вузе дало возможность объективно оценить классические, интерактивные, тестовые методики контроля организации образовательного процесса и необходимость их сопровождения преподавателем.

Выводы

Проанализировав результаты исследования, необходимо отметить, что для полноценной реализации учебных дисциплин и формирования у студентов прочной знаниевой основы высокого качества содержания изучаемого материала явно недостаточно. Контроль усвоения материала изу-

чаемой дисциплины, регулярный мониторинг текущих отметок студентов можно назвать одним из важнейших компонентов в реализации различных направлений подготовки, т. к. он помогает изучить не только уровень овладения студентами знаниями и умениями, но также оценить возможности ориентироваться в типичных и неординарных клинических ситуациях, интегрируя полученную информацию в практику.

Наиболее значимым является контроль не только полученных теоретических знаний, но и оценка тех способов, которыми данные знания были получены. Безусловно, очень важным является осознание актуальности знаний, от которого зависит учебная мотивация и уровень достижений студентами поставленных образовательных целей.

Систему контроля качества обучения студентов целесообразно сопровождать мониторингом результатов, что повысит эффективность подготовки специалистов, путем принятия соответствующих аналитических действий в отношении педагогических приемов оценки подготовленности студентов по фундаментальным и клиническим дисциплинам.

Кроме того, важно отметить, что тестовые задания, разработанные под конкретные дисциплины, необходимо включать в фонд оценочных средств в рабочих программах, чтобы обеспечить универсальность контроля и оценки знаний у разных курсов и потоков студентов. Поэтому одной из основных задач ставится разработка универсальной системы тестирования студентов, а также различных вариантов заданий в зависимости от специфики аудитории. Это позволит дифференцированно подходить к системе контроля качества подготовки студентов.

Список источников

1. Глыбочко П.В. Непрерывное профессиональное образование врачей: опыт внедрения инновационных технологий // Мед. образование и вузовская наука. 2014. № 1 (5). С. 4 – 7.
2. Кемелова Г.С., Дмагамбетова Р.С., Риклефс В.П. и др. Модернизация высшего медицинского образования через повышение потенциала преподавателей // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2021. Т. 12. № 1. С. 92 – 100
3. Кузнецов В.В., Косилов К.В., Костина Е.Ю. и др. Предикторы активности познавательных функций и успешности обучения у студентов медицинских университетов мужского пола // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2020. Т. 11. № 4. С. 81 – 95.
4. Кнышова Л.П., Артюхина А.И., Федотова Ю.М., Орехов С.Н., Матвеев С.В. Компетентностно-ориентированный контроль учебных достижений студентов медицинского вуза // Научное обозрение. Педагогические науки. 2017. № 4. С. 80 – 85. URL: <https://science-pedagogy.ru/ru/article/view?id=1643> (дата обращения: 31.10.2024)
5. Курунина Г.М., Иванкина О.М., Перевалова Е.А. Возможные формы повышения успеваемости студентов в вузе // Современные наукоемкие технологии. 2020. № 10. С. 187 – 192.

6. Загвязинский В.И. О системном подходе к реформированию отечественного образования // Педагогика. 2016. № 1. С. 12 – 18.
7. Мендель В.В., Тринадцатко О.А. Аспекты использования информационно-компьютерных технологий в образовательном процессе // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=29755> (дата обращения: 31.10.2024)
8. Атаян А.М., Гурьева Т.Н., Шарабаева Л.Ю. Перспективные образовательные технологии и подходы // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 6. С. 23. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scienceeducation.ru/ru/article/view?id=30276> (дата обращения: 31.10.2024)
9. Алипов Н.Н., Соколов А.В., Сергеева О.В. Контроль знаний в медицинских вузах: проблемы и пути решения // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2013. № 4. С. 55 – 63.
10. Кнышова Л.П., Артюхина А.И., Чумаков В.И. Контроль учебных достижений студентов-медиков в компетентностном формате // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 6-1. С. 140-144
11. Умбеталина Н. С., Тургунова Л.Г., Баешева Т.А., Тургунов Е.М. Методологические аспекты оценки выживаемости знаний у студентов медицинского вуза // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 4-3. С. 416 – 419.
12. Клоктунова Н.А., Евдокимова А.И., Воробьева М.В. Педагогические аспекты самореализации в профессиональной деятельности // Образование и право. 2021. № 8. С. 219 – 227.
13. Койчуева С.М. Результаты изучения некоторых аспектов образовательного процесса в медицинском университете // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2020. Т. 11. № 3. С. 206 – 220.
14. Пинчук Т.В., Орлова Н.В. Интерактивные методы обучения в высшем медицинском образовании (аналитический обзор) // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2020. Т. 11. № 3. С. 102 – 116.
15. Гулзода М.К. Махмудзода Х.Р., Абдуллозода С.М. и др. Роль проблемно-ориентированного обучения в медицинском образовании // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2021. Т. 12. № 2. С. 55 – 64.
16. Зорина Е.В., Мудрова Л.А. Опыт применения современных технологий обучения студентов для профессионального становления будущих врачей // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2020. Т. 11. № 3. С. 85 – 90.
17. Шмарызина Е.С. Исследование факторов успеваемости студентов // Вестник НГУЭУ. 2018. № 3. С. 130 – 143.
18. Останина Е.А. Подход к оценке уровня обученности взрослых обучающихся в формате электронного обучения // Проектирование. Опыт. Результат. 2024. № 5. С. 135 – 140.

References

1. Glybochko P.V. Continuous professional education of doctors: experience of introducing innovative technologies. Medical education and university science. 2014. No. 1 (5). P. 4 – 7.
2. Kemelova G.S., Dmagambetova R.S., Ricklefs V.P. et al. Modernization of higher medical education through increasing the potential of teachers. Medical education and professional development. 2021. Vol. 12. No. 1. P. 92 – 100
3. Kuznetsov V.V., Kosilov K.V., Kostina E.Yu. et al. Predictors of cognitive function activity and learning success in male medical university students. Medical education and professional development. 2020. Vol. 11. No. 4. P. 81 – 95.
4. Knyshova L.P., Artyukhina A.I., Fedotova Yu.M., Orekhov S.N., Matveev S.V. Competence-oriented control of academic achievements of medical university students. Scientific review. Pedagogical sciences. 2017. No. 4. P. 80 – 85. URL: <https://science-pedagogy.ru/ru/article/view?id=1643> (accessed: 10/31/2024)
5. Kurunina G.M., Ivankina O.M., Perevalova E.A. Possible forms of improving student performance at a university. Modern science-intensive technologies. 2020. No. 10. P. 187 – 192.
6. Zagvyazinsky V.I. On a systems approach to reforming domestic education. Pedagogy. 2016. No. 1. P. 12 – 18.
7. Mendel V.V., Trinadtsatko O.A. Aspects of using information and computer technologies in the educational process. Modern problems of science and education. 2020. No. 2. [Electronic resource]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=29755> (date accessed: 10/31/2024)

8. Atayan A.M., Guryeva T.N., Sharabaeva L.Yu. Promising educational technologies and approaches. Modern problems of science and education. 2020. No. 6. P. 23. [Electronic resource]. URL: <http://www.scienceeducation.ru/ru/article/view?id=30276> (date of access: 10/31/2024)
9. Alipov N.N., Sokolov A.V., Sergeeva O.V. Knowledge control in medical universities: problems and solutions. Medical education and professional development. 2013. No. 4. P. 55 – 63.
10. Knyshova L.P., Artyukhina A.I., Chumakov V.I. Control of educational achievements of medical students in a competence-based format. Modern science-intensive technologies. 2016. No. 6-1. P. 140 – 144.
11. Umbetalina N.S., Turgunova L.G., Baesheva T.A., Turgunov E.M. Methodological aspects of assessing the survival of knowledge of medical university students. International Journal of Experimental Education. 2016. No. 4-3. P. 416 – 419.
12. Kloktunova N.A., Evdokimova A.I., Vorobyova M.V. Pedagogical aspects of self-realization in professional activity. Education and Law. 2021. No. 8. P. 219 – 227.
13. Koichueva S.M. Results of the study of some aspects of the educational process at the medical university. Medical education and professional development. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 206 – 220.
14. Pinchuk T.V., Orlova N.V. Interactive teaching methods in higher medical education (analytical review). Medical education and professional development. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 102 – 116.
15. Gulzoda M.K., Makhmudzoda H.R., Abdullozoda S.M., et al. The role of problem-based learning in medical education. Medical education and professional development. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 55 – 64.
16. Zorina E.V., Mudrova L.A. Experience in using modern technologies for teaching students for the professional development of future doctors. Medical education and professional development. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 85 – 90.
17. Shmaryzina E.S. Study of factors of students' academic performance. Bulletin of NSUEM. 2018. No. 3. P. 130 – 143.
18. Ostanina E.A. Approach to assessing the level of training of adult learners in the format of e-learning. Design. Experience. Result. 2024. No. 5. P. 135 – 140.

Информация об авторах

Алексеев С.Н., доктор медицинских наук, профессор, ректор, заведующий кафедрой профилактики заболеваний, здорового образа жизни и эпидемиологии, Кубанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, Corpus@ksma.ru

Гайворонская Т.В., доктор медицинских наук, профессор, проректор по учебной работе, Кубанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, GayvoronskayaTV@ksma.ru

Дробот Н.Н., кандидат медицинских наук, доцент, Кубанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, mangust68@mail.ru

© Алексеев С.Н., Гайворонская Т.В., Дробот Н.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 372.881.111.1

Роль английского языка в развитии когнитивно-лингвистических навыков будущих инженеров для Индустрии 5.0

¹ Волегжанина И.С.

¹ Сибирский государственный университет путей сообщения

Аннотация: в статье обсуждается проблема развития когнитивно-лингвистических навыков будущих инженеров для гибридных отраслевых сред Индустрии 5.0 при изучении профессионально ориентированного английского языка. Цель исследования – предложить возможный путь разрешения противоречия между необходимостью овладения будущими инженерами английским языком для эффективного взаимодействия с сервисами искусственного интеллекта и сокращением времени на его изучение в технических вузах. В исследовании использованы методы системного анализа современных научных публикаций для выявления трендов в области иноязычной подготовки будущих инженеров для Индустрии 5.0 и сравнения результатов откликов нейросетевого сервиса (chat.DeepSeek) для решения практической задачи при текстовом запросе сначала на русском, а затем английском языке. Полученные результаты позволили обосновать перспективность обращения к методу промпт-инжиниринга для интеграции когнитивного, коммуникативного и социального аспектов в обучении будущих инженеров профессионально ориентированному английскому языку. Успешность данного метода обеспечивается критическим анализом откликов от нейросетевых сервисов с учетом отраслевого контекста, а также его использованием в качестве дополнительного к другим известным методам (ICLNE, проектное обучение, перевернутый класс). Практическая значимость работы заключается в рекомендации по написанию запросов на русском и английском языках для минимизации ошибок интерпретации, учета отраслевого контекста и глобальных трендов. Результаты исследования могут быть полезны преподавателям лингвистических кафедр технических вузов для повышения эффективности обучения будущих инженеров в условиях цифровой трансформации образования.

Ключевые слова: когнитивно-лингвистические навыки, промпт-инжиниринг, Индустрия 5.0, английский язык, нейросетевые сервисы, будущий инженер, технический вуз

Для цитирования: Волегжанина И.С. Роль английского языка в развитии когнитивно-лингвистических навыков будущих инженеров для Индустрии 5.0 // Современный ученый. 2025. № 4. С. 335 – 342.

Поступила в редакцию: 8 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

The role of English language in the development of cognitive and linguistic skills of future engineers for Industry 5.0

¹ Volegzhanina I.S.

¹ Siberian Transport University

Abstract: the article discusses the issue of developing cognitive and linguistic skills of future engineers for hybrid working environments in Industry 5.0 while learning English for professional purposes. The aim of this study is to offer a way to settle the argument between the need for future engineers to master English for effective interaction with AI services and reducing its learning period in technical universities. The study employs the methods of systematic analysis of recent scientific publications to reveal trends in teaching future engineers for Industry 5.0 a foreign language and to compare the results of a neural network service's (chat.DeepSeek) responses to solve a practical task with a text query both in Russian and English languages. The findings provided a promising way of employing the prompt-engineering method to integrate cognitive, communicative and social aspects in teaching future engineers English for professional purposes. The success of this method is achieved by critical analysis of a neural network service responses taking into account the industry context, as well as by using it as a supplementary method to other existing methods (ICLHE, Project-Based Learning, Flipped Classroom). The practical relevance of this work is giving a recommendation to write a query both in Russian and English languages to minimise errors in interpretation, considering the industrial context and global trends. The results of this study may be useful for instructors of linguistic departments in technical universities to improve the efficiency of teaching future engineers within the digital transformation of education.

Keywords: cognitive and linguistic skills, prompt engineering, Industry 5.0, English language, neural network services, future engineer, technical university

For citation: Volegzhanina I.S. The role of English language in the development of cognitive and linguistic skills of future engineers for Industry 5.0. Modern Scientist. 2025. 4. P. 335 – 342.

The article was submitted: December 8, 2024; Approved after reviewing: February 10, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

В условиях пятой промышленной революции проблема профессиональной подготовки будущих инженеров для «когнитивных производственных систем» приобретает особую актуальность. Индустрию 5.0 нередко называют когнитивной эпохой из-за ориентированности на интеграцию естественного и машинного интеллекта с целью создания гибридных интеллектов в науке, образовании, производстве и других сферах человеческой деятельности. Как подчеркивают М.С. Zizic и соавторы, ключевой идеей концепции Индустрии 5.0, не отрицающей идею Индустрии 4.0 об автоматизации, является сотрудничество людей и искусственного интеллекта (ИИ) в совместной деятельности для решения общих, более сложных и творческих задач в разделяемых рабочих средах [17]. В такого рода сотрудничестве за людьми остается критическое мышление, принятие решений и адаптивность, а за машинами – точность, скорость и рутинные действия.

Сложившаяся ситуация ориентирует вузы, осуществляющие подготовку специалистов для ведущих отраслей производства (железнодорожный транспорт и др.), на преобразование в отраслевые научно-образовательные комплексы, определяемые как «фабрики знаний». Согласно авторской концепции, изложенной в более ранней работе [4], специализированный технический вуз представляет собой центр переработки ценных отраслевых знаний, тем самым создавая предпосылки становления личности будущего инженера для Индустрии 5.0, обладающего развитыми когнитивными способностями.

Следует отметить, что тема когнитивной эпохи не является новой в педагогической науке. Так, А.С. Христочевская и С.А. Христочевский рассматривают когнитивизацию в качестве современного этапа информатизации образования, когда не обучающийся подстраивается под новую технику, а новые возможности этой техники подстраивают-

ся под задачи обучающегося с учетом его когнитивных (познавательных) возможностей [5].

Сегодня ускоренная динамика получения новых научных знаний в конкретных отраслях производства служит обоснованием принцип когнитивности в качестве ключевого в профессиональной подготовке будущих инженеров. Полагаем, что реализация данного принципа актуальна для всех дисциплин учебного плана, включая общеобразовательные предметы. Ключевая *проблема* возникает из *противоречия* между необходимостью изучения будущими инженерами естественных языков (прежде всего английского) для овладения навыками работы с ИИ системами и сокращением сроков их изучения в технических вузах на фоне происходящих геополитических сдвигов.

В статье автор ставит *целью* предложить один из возможных путей преодоления выявленного противоречия, что потребовало последовательного решения следующих *задач*: определить роль английского языка в развитии когнитивно-лингвистических навыков будущих инженеров в условиях Индустрии 5.0; выявить возможности и ограничения метода пропт-инжиниринга для развития таких навыков при обучении профессионально ориентированному английскому языку. *Новизна* работы заключается в обосновании перспективности метода пропт-инжиниринга для развития когнитивно-лингвистических навыков будущих инженеров при изучении английского языка в отраслевом контексте.

Материалы и методы исследований

Для решения первой задачи применялся метод системного анализа научных публикаций, изданных в период с 2018 по 2024 гг., с целью выявления актуальных трендов в области иноязычной подготовки будущих инженеров для Индустрии 5.0. Источники отбирались из баз электронных библиотек Scopus, SpringerLink и eLibrary. Критериями включения стали: рецензируемый статус издания, фокус на высшем техническом образовании, эмпирический или аналитический характер публикации. Для решения второй задачи мы также обращались к сравнительному анализу содержания откликов одного из нейросетевых сервисов на запрос, введенный сначала на русском, а затем английском языке.

Результаты и обсуждения

Безусловно, английский язык остается средством решения прикладных задач устной и письменной деловой коммуникации [3]. Сложно спорить с тем, что в современном мире он является языком науки и технологий, без владения которым

невозможен глобальный обмен знаниями и совместная работа на передовых отраслевых предприятиях [6]. Весомые аргументы в пользу сохранения достаточного объема аудиторных часов на изучение английского языка находим в реалиях Индустрии 5.0.

Результаты анализа изученных научных публикаций свидетельствуют о том, что большинство авторов акцентируют внимание на развитии когнитивных или коммуникативных навыков будущих инженеров в поле междисциплинарности при недостаточной разработанности вопроса о роли английского языка в данном процессе с учетом вызовов Индустрии 5.0. Лишь немногие ученые пытаются выйти за пределы сложившихся установок в методике преподавания иностранных языков. В частности, M.N. Hasan и соавторы определяют владение английским языком важной составляющей технологической грамотности, позволяющей выпускникам отвечать на вызовы когнитивной эпохи [8]. Это справедливое утверждение, однако, остается без достаточного обоснования, т.к. авторы ограничиваются указанием на международный статус английского языка. Конкретику вносит исследование, проведенное I.R. Sánchez и соавторами, где перечисляются когнитивно-лингвистические навыки будущих инженеров, связанные с определением понятий, описанием объектов, объяснением закономерностей, аргументацией выбора и моделированием [14].

R. Millrood и I. Maksimova расширяют перечень этих навыков, отмечая их принадлежность к когнитивным навыкам высшего уровня, и включают в него анализ, синтез, критическую оценку, решение проблем, самостоятельное получение и использование новых знаний [13]. Особый интерес представляет точка зрения ученых на то, какие категории знаний будущие инженеры получают при использовании конкретных когнитивных навыков. Так, фактические знания (факты и события) получаются при запоминании содержательной учебной информации, концептуальные знания (теории и модели) являются результатом ее анализа и систематизации, процедурные знания (технология деятельности) усваиваются в деятельности по применению алгоритмов, а метакогнитивные знания (осознание процедур критического мышления) – в результате рефлексии и управления собственным мышлением.

Предложенная систематизация позволяет преподавателям английского языка осуществлять осознанный выбор продуктивных методов и средств развития перечисленных навыков. К сожалению,

как отмечают R. Millrood и I. Maksimova, практика показывает, что преподаватели лингвистических кафедр в технических вузах основное внимание уделяют развитию когнитивных навыков базового уровня (запоминанию и воспроизведению информации, усвоению готовых знаний), что объясняется сложившейся методической культурой.

Вышеизложенное наводит на мысль о необходимости поиска перспективных методов развития когнитивно-лингвистических навыков будущих инженеров с учетом технологий Индустрии 5.0, в частности больших языковых моделей. В настоящее время значительное число публикаций российских и зарубежных ученых посвящено возможностям ChatGPT в обучении иностранным языкам [2, 10]. Однако появление таких нейросетей, как DeepSeek, заставляет ожидать новых исследований в обозначенном направлении. Одним из факторов, сдерживающим активное внедрение такого рода инструментов в образовательный процесс, служит не всегда достаточная точность откликов нейросетевых сервисов на текстовые запросы пользователей.

В этой связи H. Haugsbaken и M. Hagelia предлагают формировать у обучающихся навыки промпт-инжиниринга (англ. prompt engineering), обеспечивающие деятельность по составлению корректных текстовых запросов к генеративной ИИ системе для оказания интеллектуальной поддержки в решении задач профессиональной деятельности [9]. С мнением ученых согласны Р. Когзыński и соавторы, отмечающие, что навыки промпт-инжиниринга являются составляющей профессиональной компетентности современных специалистов в сфере производства, науки и образования [12]. Данные эмпирических исследований доказывают, что обращение к методу промпт-инжиниринга облегчает преподавателям создание персонализированного учебного контента и позволяет обеспечить непрерывную поддержку обучающихся [15], повышая результативность их самостоятельной работы благодаря лучшему пониманию принципов, возможностей и ограничений ИИ систем на основе больших языковых моделей [16].

С. Berdanier и M. Alley, однако, подчеркивают, что навыки промпт-инжиниринга невозможно развивать в отрыве от межличностной коммуникации [7]. Если выпускники технических вузов стремятся к востребованности на передовых производствах, они должны быть способны не только составлять текстовые запросы, но и объяснять оригинальность получаемых таким образом знаний и

идей. Поэтому в современных социально-экономических условиях цель обучения будущих инженеров техническому языку заключается в том, чтобы научить их мыслить критически. Аналогично, H. Haugsbaken и M. Hagelia, предлагая ввести в педагогический дискурс понятие «образовательный промпт», призывают к ответственной, осмысленной и критической работе с ИИ сервисами, в особенности нейросетевыми машинными переводчиками, получившими массовое распространение среди студентов [9].

Таким образом, метод промпт-инжиниринга интегрирует когнитивный, коммуникативный и социальный аспекты в обучении иностранному языку, что особенно важно для профессионального становления будущих инженеров высокотехнологичных и наукоемких предприятий, деятельность которых связана с получением новых отраслевых знаний.

Значимость развитых когнитивно-лингвистических навыков будущих инженеров для взаимодействия с ИИ сервисами в профессиональной деятельности раскрывается в содержании руководств по написанию промптов для решения отраслевых задач. Мы провели анализ текста обобщенного руководства, составленного chat.DeepSeek для инженера путей сообщения. Суть сделанных ИИ системой рекомендаций выражается в следующей формуле: *конкретика (точные формулировки, технические детали, указание на нормативные документы) + технический язык (формальный стиль, отраслевые термины) + отраслевой и социальный контексты (учет экономических и логистических факторов, ориентированность на безопасность, приоритезация рисков) + роль для ИИ (главный инженер ремонтного локомотивного депо, инспектор по безопасности, диспетчер и т. д.) + ограничение области задачи + примеры (образцы данных, параметры и т. п.) + форма представления ответа (алгоритм действий, таблица, схема, расчет, нумерованный список и др.) = значимый результат*. В примечаниях к ответу подчеркивается, что текст запроса должен быть представлен в виде логически связанных блоков или подпунктов, а полученный отклик всегда требует критического анализа (проверки на соответствие актуальным отраслевым стандартам и т.д.). Далее мы определили, каким будет ответ ИИ системы, если аналогичный запрос введен на английском языке.

Сравнительный анализ полученных откликов на русском и английском языках позволил выявить общее ядро в их содержании: приоритет

четких формулировок и конкретики при запросе; важность указания технических деталей, отраслевых стандартов, формул расчетов и др.; заданная в запросе структура ответа; учет рисков и правил безопасности; использование специализированной (отраслевой) терминологии; локализация задачи; ролевое моделирование. Отличия связаны с ориентированностью англоязычного ответа на более широкий, международный контекст (высокоскоростные железные дороги, функциональная совместимость железных дорог в разных странах, масштабные транспортные проекты); объяснением принципов решения производственных задач; акцентом на экологически рациональном использовании ресурсов, командной и проектной работе, эффективной коммуникации и партнерстве. В свою очередь, русскоязычный вариант содержит локальные примеры, более директивен, ориентирован на шаблоны действий, акцентирован на экономических расчетах.

Отсюда можем заключить, что для большей эффективности взаимодействия с ИИ системой будущего инженера следует ориентировать на использование в запросах двух языков – родного и английского, что позволит учитывать мировую практику при решении производственных задач, в комплексе рассматривая технологический, экономический, социальный, коммуникативный и экологический аспекты. Как видим, составление эффективного промпта требует от выпускника технического вуза достаточного уровня развития когнитивно-лингвистических навыков на двух языках. При этом английский язык применяется для уточнения содержания ответа на текстовый запрос. Это особенно верно для отраслевого перевода, о чем мы ранее писали в статье [1].

Несмотря на открывающиеся перспективы с применением метода промпт-инжиниринга для развития когнитивно-лингвистических навыков будущих инженеров, следует помнить о его ограничениях в процессе формирования иноязычной коммуникативной компетенции в целом. В теории и практике преподавания иностранных языков данный метод должен рассматриваться дополняющим к уже известным методам, используемым для комплексного развития надпрофессиональных навыков обучающихся, включая критическое мышление, – интегрированному предметно-языковому обучению на уровне вуза (англ. Integrating Content and Language in Higher Education, ICLHE), проектному обучению (англ. Project-Based Learning), «перевернутому классу» (англ. Flipped Classroom) и др. [11].

Выводы

Современная реальность определила английский язык метаязыком когнитивной эпохи, обеспечивающим технологическую грамотность будущих инженеров для адекватного ответа на вызовы Индустрии 5.0 и цифрового общества. Приоритетной задачей в обучении профессионально ориентированному английскому языку становится развитие когнитивных навыков высокого уровня при смещении акцента на самообразовательную и самостоятельную деятельность обучающихся.

Изучение возможностей промпт-инжиниринга для интеграции когнитивного, коммуникативного и социального аспектов профессиональной деятельности будущих инженеров для Индустрии 5.0 позволяет говорить о его перспективности в обучении английскому языку. Вместе с тем данный метод имеет свои ограничения, связанные с приоритетом письменной речи и редактированием машинного перевода. Поэтому метод промпт-инжиниринга не замещает, а дополняет другие активные методы обучения, на практике подтвердившие свою эффективность (предметно-языковое интегрированное обучение, проектное обучение, «перевернутый класс» и др.). Осознание этих ограничений участниками образовательного процесса позволит использовать ИИ сервисы как инструмент мозгового штурма, результаты которого необходимо анализировать критически, проверяя на соответствие актуальным отраслевым стандартам и экспертным знаниям.

Сравнительный анализ рекомендаций для инженера путей сообщения по составлению эффективных промптов, написанных chat.DeepSeek в ответ на запрос сначала на русском, а затем английском языке, позволил выделить общее семантическое ядро (четкость и конкретика формулировок, учет отраслевых стандартов, задаваемая структура ответа, оценка рисков и безопасность движения, использование отраслевой терминологии, локализация задач и указание на ролевые модели) и ряд различий (ориентированность на глобальный контекст, описание принципов действий, экологически рациональное использование ресурсов, командную работу, проектный подход, межличностную коммуникацию и партнерство в англоязычном варианте; ориентированность на локальный контекст, существующие директивы, экономические расчеты и логистику в русскоязычном варианте).

Отсюда, для сложных научных и технических запросов к ИИ системам будущим инженерам следует использовать два языка – родной и англий-

ский, чтобы минимизировать ошибки интерпретации, учесть мировой опыт и различные аспекты решения производственной задачи – технологический, экономический, социальный, коммуникативный и рационального природопользования.

Полученные выводы могут быть использованы

преподавателями лингвистических кафедр отраслевых вузов в обучении будущих инженеров английскому и другим иностранным языкам в условиях сокращения аудиторных занятий и увеличения объема самостоятельной работы.

Список источников

1. Волегжанина И.С., Чусовлянова С.В. Нейросетевой машинный перевод в обучении иностранному языку в техническом вузе // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2024. Т. 15. № 5. С. 157 – 180.
2. Володина Д.В., Юрьева Ю.С. К вопросу о применении СНАТ GPT в качестве инструмента при обучении иностранному языку в техническом вузе // *Тенденции развития науки и образования*. 2024. № 115-1. С. 34 – 37.
3. Жарикова Е.Г., Китова Е.Т. Трансформация навыков, востребованных на рынке труда // *Экономика образования*. 2021. № 2 (123). С. 73 – 80.
4. Манаков А.Л., Хабаров В.И., Волегжанина И.С. Интеграция образования, науки и производства по модели «фабрика знаний» (на примере транспортной отрасли) // *Качество. Инновации. Образование*. 2019. № 5 (163). С. 12 – 19.
5. Христочевская А.С., Христочевский С.А. Когнитивизация – следующий этап информатизации образования // *Информатика и образование*. 2018. № 9. С. 5 – 11.
6. Черноштан О.Н., Исаева Т.Е. О факторах, обуславливающих снижение авторитета преподавателя иностранного языка в российской высшей школе // *Непрерывное профессиональное образование: теория и практика : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф.* Новосибирск, 2023. С. 163 – 171.
7. Berdanier C., Alley M. We still need to teach engineers to write in the era of ChatGPT // *Journal of Engineering Education*. 2023. Vol. 112. № 3. P. 583 – 586. DOI: <https://doi.org/10.1002/jee.20541>
8. Hasan M.N., Mashabi J.J.A., Rodhiyah K.U. Actualization of Children's English Skills Towards Society 5.0 Era // *Journal of English Language and Pedagogy*. 2022. Vol. 1. № 2. P. 78 – 91. DOI: <https://doi.org/10.58518/jelp.v1i2.976>
9. Haugsbaken H., Hagelia M. A New AI Literacy For The Algorithmic Age: Prompt Engineering Or Educational Promptization? // *2024 4th International Conference on Applied Artificial Intelligence (ICAPAI): proc.* 2024. P. 1 – 8. DOI: <https://doi.org/10.1109/ICAPAI61893.2024.10541229>
10. Ho P.X.P. Using ChatGPT in English Language Learning: A Study on I.T. Students' Attitudes, Habits, and Perceptions // *International Journal of TESOL & Education*. 2024. Vol. 4. № 1. P. 55 – 68. DOI: <https://doi.org/10.54855/ijte.24414>
11. Julián M.Q., Ramírez J.D. The development soft skills and communication in English in engineering students // *DIGILEC Revista Internacional de Lenguas y Culturas*. 2021. № 8. P. 115 – 136. DOI: <https://doi.org/10.17979/digilec.2021.8.0.7763>
12. Korzyński P., Mazurek G., Krzypkowska P., Kurasiński A. Artificial intelligence prompt engineering as a new digital competence: Analysis of generative AI technologies such as ChatGPT // *Entrepreneurial Business and Economics Review*. 2023. Vol. 11 (3). P. 25 – 37. DOI: <https://doi.org/10.15678/eber.2023.110302>
13. Millrood R., Maksimova I. Cognitive skills in education: typology and development // *Язык и культура*. 2018. № 42. P. 137 – 151. DOI: <https://doi.org/10.17223/19996195/42/8>
14. Sánchez I.R., Herrera E.D.C., Rodríguez C.E. Collaborative problem solving efficacy in cognitive linguistic skill development and in the academic performance in physics // *Formación Universitaria*. 2020. Vol. 13. № 6. P. 191 – 204. DOI: <http://dx.doi.org/10.4067/S0718-50062020000600191>
15. Wan T., Chen Z. Exploring generative AI assisted feedback writing for students' written responses to a physics conceptual question with prompt engineering and few-shot learning // *Physical Review Physics Education Research*. 2023. Vol. 20. Article number 010152. DOI: <https://doi.org/10.1103/PhysRevPhysEducRes.20.010152>

16. Woo D., Wang D., Yung T., Guo K. Effects of a Prompt Engineering Intervention on Undergraduate Students' AI Self-Efficacy, AI Knowledge and Prompt Engineering Ability: A Mixed Methods Study // ArXiv. 2024. Article number 2408.07302. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2408.07302>

17. Zizic M.C., Mladineo M., Gjeldum N., Celent L. From Industry 4.0 towards Industry 5.0: A Review and Analysis of Paradigm Shift for the People, Organization and Technology // Energies. 2022. Vol. 15. P. 5221. DOI: <https://doi.org/10.3390/en15145221>

References

1. Volegzhanina I.S., Chusovlyanova S.V. Neural machine translation in teaching a foreign language at a technical university. Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Vol. 15. No. 5. P. 157 – 180.

2. Volodina D.V., Yuryeva Yu.S. On the issue of using CHAT GPT as a tool in teaching a foreign language at a technical university. Trends in the Development of Science and Education. 2024. No. 115-1. P. 34 – 37.

3. Zharikova E.G., Kitova E.T. Transformation of skills in demand in the labor market. Economics of Education. 2021. No. 2 (123). P. 73 – 80.

4. Manakov A.L., Khabarov V.I., Volegzhanina I.S. Integration of education, science and production according to the "knowledge factory" model (on the example of the transport industry). Quality. Innovations. Education. 2019. No. 5 (163). P. 12 – 19.

5. Khristocheskaya A.S., Khristochesky S.A. Cognitization is the next stage of informatization of education. Computer Science and Education. 2018. No. 9. P. 5 – 11.

6. Chernoshan O.N., Isaeva T.E. On the factors causing the decline in the authority of a foreign language teacher in Russian higher education. Continuous professional education: theory and practice: materials of the XII Int. scientific and practical. conf. Novosibirsk, 2023. P. 163 – 171.

7. Berdancier C., Alley M. We still need to teach engineers to write in the era of ChatGPT. Journal of Engineering Education. 2023. Vol. 112. No. 3. P. 583 – 586. DOI: <https://doi.org/10.1002/jee.20541>

8. Hasan M.N., Mashabi J.J.A., Rodhiyah K.U. Actualization of Children's English Skills Towards Society 5.0 Era. Journal of English Language and Pedagogy. 2022. Vol. 1. No. 2. P. 78 – 91. DOI: <https://doi.org/10.58518/jelp.v1i2.976>

9. Haugsbaken H., Hagelia M. A New AI Literacy For The Algorithmic Age: Prompt Engineering Or Educational Promptization? 2024 4th International Conference on Applied Artificial Intelligence (ICAPAI): proc. 2024. P. 1 – 8. DOI: <https://doi.org/10.1109/ICAPAI61893.2024.10541229>

10. Ho P.X.P. Using ChatGPT in English Language Learning: A Study on I.T. Students' Attitudes, Habits, and Perceptions. International Journal of TESOL & Education. 2024. Vol. 4. No. 1. P. 55 – 68. DOI: <https://doi.org/10.54855/ijte.24414>

11. Julian M.Q., Ramírez J.D. The development of soft skills and communication in English in engineering students. DIGILEC Revista Internacional de Lenguas y Culturas. 2021. No. 8. P. 115 – 136. DOI: <https://doi.org/10.17979/digilec.2021.8.0.7763>

12. Korzyński P., Mazurek G., Krzypkowska P., Kurasinski A. Artificial intelligence prompt engineering as a new digital competence: Analysis of generative AI technologies such as ChatGPT. Entrepreneurial Business and Economics Review. 2023. Vol. 11(3). P. 25 – 37. DOI: <https://doi.org/10.15678/eber.2023.110302>

13. Millrood R., Maksimova I. Cognitive skills in education: typology and development. Language and culture. 2018. No. 42. P. 137 – 151. DOI: <https://doi.org/10.17223/19996195/42/8>

14. Sánchez I.R., Herrera E.D.C., Rodríguez C.E. Collaborative problem solving efficacy in cognitive linguistic skill development and in the academic performance in physics. Formación Universitaria. 2020. Vol. 13. No. 6. P. 191 – 204. DOI: <http://dx.doi.org/10.4067/S0718-50062020000600191>

15. Wan T., Chen Z. Exploring generative AI assisted feedback writing for students' written responses to a physics conceptual question with prompt engineering and few-shot learning. Physical Review Physics Education Research. 2023. Vol. 20. Article number 010152. DOI: <https://doi.org/10.1103/PhysRevPhysEducRes.20.010152>

16. Woo D., Wang D., Yung T., Guo K. Effects of a Prompt Engineering Intervention on Undergraduate Students' AI Self-Efficacy, AI Knowledge and Prompt Engineering Ability: A Mixed Methods Study. ArXiv. 2024. Article number 2408.07302. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2408.07302>

17. Zizic M.C., Mladineo M., Gjeldum N., Celent L. From Industry 4.0 towards Industry 5.0: A Review and Analysis of Paradigm Shift for the People, Organization and Technology. Energies. 2022. Vol. 15. P. 5221. DOI: <https://doi.org/10.3390/en15145221>

Информация об авторе

Волегжанина И.С., доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой «Иностранные языки», ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5523-714X>, Сибирский государственный университет путей сообщения, erarcher@mail.ru

© Волегжанина И.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 378.14

Влияние технологий искусственного интеллекта на современную систему образования

¹ Гарнышева Т.В., ² Михайлова О.П., ³ Исавнин А.Г., ¹ Мубаракшина И.И., ⁴ Киндикова А.В.

¹ Набережночелнинский государственный педагогический университет,

² Альметьевский филиал Казанского национального исследовательского технического университета имени А.Н. Туполева-КАИ,

³ Казанский (Приволжский) федеральный университет,

⁴ Горно-Алтайский государственный университет

Аннотация: данная статья посвящена исследованию влияния технологий искусственного интеллекта (ИИ) на современную систему образования. Проведенный теоретический обзор демонстрирует, что использование искусственного интеллекта в образовании открывает новые возможности для модернизации учебных практик, в частности, в качестве источника информации, инструмента персонализации обучения, средства поддержки академических исследований. Вместе с тем, автор указывает на ряд потенциальных угроз, связанных с распространением неточной и искаженной информации, замещением человека-педагога ИИ-системами, нарушением конфиденциальности и возникновением этических дилемм. Особое внимание в работе уделяется проблеме усиления социального неравенства и снижения качества образования под влиянием технологий искусственного интеллекта. Отмечается опасность формирования у обучающихся зависимости от ИИ-инструментов, что может негативно сказаться на развитии их когнитивных способностей и мотивации к обучению. На основании проведенного анализа научных публикаций предложены основные направления решения выявленных рисков.

Ключевые слова: технологии искусственного интеллекта, образовательный процесс, образовательная среда, модернизация образования угрозы и ограничения

Для цитирования: Гарнышева Т.В., Михайлова О.П., Исавнин А.Г., Мубаракшина И.И., Киндикова А.В. Влияние технологий искусственного интеллекта на современную систему образования // Современный ученый. 2025. № 4. С. 343 – 348.

Поступила в редакцию: 9 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

The impact of artificial intelligence technologies on the modern education system

¹ Garnysheva T.V., ² Mikhailova O.P., ³ Isavnin A.G., ¹ Mubarakshina I.I., ⁴ Kindikova A.V.

¹ Naberezhnye Chelny State Pedagogical University,

² Almetyevsk Branch of the Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev-KAI,

³ Kazan (Volga Region) Federal University,

⁴ Gorno-Altai State University

Abstract: this article explores the impact of artificial intelligence (AI) technologies on the modern education system. The theoretical review conducted demonstrates that the use of artificial intelligence in education opens up new opportunities for modernizing educational practices, particularly as a source of information, a tool for personalizing learning, and a means of supporting academic research. However, the author points out a number of potential threats associated with the spread of inaccurate and distorted information, the replacement of human teachers with AI systems, breaches of confidentiality, and the emergence of ethical dilemmas. Special attention is paid to the problem of increasing social inequality and decreasing the quality of education under the influence of artificial intelligence technologies. The danger of students developing dependence on AI tools is noted, which can negatively affect the development of their cognitive abilities and motivation to learn. Based on the analysis of scientific publications, the main directions for addressing the identified risks are proposed.

Keywords: artificial intelligence technologies, educational process, educational environment, modernization of education, threats and limitations

For citation: Garnysheva T.V., Mikhailova O.P., Isavnin A.G., Mubarakshina I.I., Kindikova A.V. The impact of artificial intelligence technologies on the modern education system. Modern Scientist. 2025. 4. P. 343 – 348.

The article was submitted: December 9, 2024; Approved after reviewing: February 10, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Современная система образования находится на пороге значительных преобразований, вызванных стремительным развитием и активным внедрением технологий искусственного интеллекта (ИИ). Искусственный интеллект открывает новые возможности для совершенствования образовательного процесса, повышения его эффективности и качества, а также индивидуализации обучения.

В этом контексте особую актуальность приобретает изучение влияния ИИ-технологий на различные аспекты функционирования системы образования. Использование искусственного интеллекта действительно позволяет модернизировать образовательные практики, но вместе с тем сопровождается появлением новых рисков и ограничений, требующих тщательного анализа [1, с. 46].

Несмотря на очевидные преимущества применения технологий ИИ в образовании, вопросы их воздействия на различные элементы системы остаются недостаточно изученными. Отсутствует комплексное понимание ключевых направлений трансформации образовательного процесса под влиянием ИИ, а также возможных рисков и огра-

ничений подобных преобразований. Это затрудняет разработку эффективных стратегий и подходов к интеграции искусственного интеллекта в образовательную практику, что определяет необходимость проведения дополнительных исследований в данной области.

Таким образом, целью настоящей работы является анализ основных направлений влияния технологий искусственного интеллекта на современную систему образования, а также оценка перспектив и возможных рисков их внедрения.

Материалы и методы исследований

Технологии искусственного интеллекта (ИИ) стремительно завоевывают образовательное пространство. Современная волна интереса к ИИ, вызванная успехами в области машинного обучения, в частности глубоких нейронных сетей, способных решать сложные задачи на различных уровнях обработки информации, приводит к активному внедрению данных технологий в сферу образования. Спектр применения нейросетевых технологий в образовательной сфере весьма широк. Помимо создания персонализированных учебных планов, они успешно используются для «создания персо-

нализированных образовательных программ, оценки знаний обучающихся, прогнозирования уровня реализуемости и поведения обучающихся, а также для автоматизации процессов управления образовательными учреждениями» [2, с. 22].

Важно помнить, что успешное внедрение искусственного интеллекта требует не только технических решений, но и учета педагогических и этических аспектов, чтобы обеспечить максимальную пользу для студентов и образовательных учреждений [3, с. 69].

Однако темпы распространения ИИ-инструментов в учебном процессе зачастую опережают осмысление их последствий исследовательским сообществом. Это актуализирует изучение отношения будущих педагогов к внедрению искусственного интеллекта, а также оценку рисков и ограничений его применения в образовании.

В настоящее время выделяют два основных типа ИИ – «узкий» (или «слабый») и «общий» (AGI). Существующие системы относятся к первой категории, поскольку им недостает универсальных способностей, присущих биологическому интеллекту. Так, пока не создано алгоритмов, способных полностью заменить учителя или стать полноценным партнером ребенка в игровой деятельности. Стремительный темп развития технологий искусственного интеллекта (ИИ) подразумевает необходимость непрерывной адаптации исследовательской деятельности к новым разработкам и сферам применения. В частности, в работе ученых Long Bai, Xiangfei Liu и Jiacan Su [4] на примере чат-бота ChatGPT были выделены ключевые направления использования ИИ, которые в настоящее время являются наиболее актуальными.

Согласно их анализу, технологии искусственного интеллекта могут использоваться в качестве образовательного ресурса – источника информации по широкому спектру тем. Кроме того, ИИ-системы способны частично выполнять функции учителя и тьютора, выступая в роли помощника в изучении языков, расширении памяти, развитии критического мышления и коммуникативных навыков. Диалоговые системы искусственного интеллекта, такие как ChatGPT, обладают потенциалом для существенного содействия в проведении научных изысканий. Их функциональность включает агрегацию и синтез обширных массивов информации, генерацию гипотез для исследовательских проектов, а также фасилитацию в процессе составления систематических обзоров литературы.

Аналогичные концепции относительно имплементации технологий искусственного интеллекта в образовательной сфере встречаются в публикациях различных исследователей. Научное сообщество акцентирует внимание на потенциале ИИ в следующих аспектах: оптимизация индивидуализированных образовательных траекторий, автоматизация процессов оценивания академических достижений, а также предоставление оперативной и персонализированной обратной связи обучающимся. Более того, алгоритмы искусственного интеллекта демонстрируют значительную эффективность в анализе и интерпретации больших данных, аккумулируемых в системах управления обучением (LMS – Learning Management Systems) [5, с. 508].

В современном научном дискурсе, посвященном проблематике искусственного интеллекта, значительную долю составляют исследования, направленные на критический анализ потенциальных рисков, связанных с внедрением данной технологии в образовательную сферу и ее воздействием на когнитивное и личностное развитие обучающихся. Особое место занимает монография «Цифровая деменция» («Digital dementia: What We and Our Children are Doing to our Minds»), автором которой является Манфред Шпитцер [12], немецкий ученый, занимающий профессорскую должность в области психиатрии и нейробиологии. Данный труд получил широкий резонанс не только в академической среде, но и в широких общественных кругах, став катализатором дискуссий о потенциальных негативных последствиях цифровизации образования. Работа Шпитцера представляет собой комплексное исследование, в котором автор анализирует влияние информационно-коммуникационных технологий на нейрокогнитивные функции и психологическое благополучие индивидов, уделяя особое внимание развивающемуся мозгу детей и подростков.

Монография Шпитцера стимулировала активные научные дебаты о необходимости разработки сбалансированного подхода к интеграции цифровых технологий в образовательный процесс, учитывающего как потенциальные преимущества, так и возможные риски для когнитивного и психосоциального развития обучающихся. Этот труд внес значительный вклад в формирование критического дискурса относительно повсеместного внедрения технологий искусственного интеллекта в образовательную практику.

Обобщая спектр потенциальных рисков и угроз, наиболее часто идентифицируемых исследова-

дователями в контексте интеграции технологий искусственного интеллекта (ИИ) в образовательную сферу, можно выделить следующие ключевые аспекты:

1. Распространение недостоверной информации и усиление предвзятости:

а) Искусственный интеллект (ИИ) учится на огромном количестве текстов, написанных людьми. Поэтому он может перенять не только полезные знания, но и существующие в обществе предрассудки и ошибочные мнения. Из-за этого ИИ может создавать информацию, которая содержит ошибки или даже вредные идеи [4].

б) Системы оценивания, работающие на основе ИИ, часто не принимают во внимание различные социальные и культурные факторы, которые влияют на успеваемость учащихся. Это может привести к тому, что будут формироваться неправильные представления о способностях и возможностях учеников [10, с. 110].

2. Уменьшение роли человека в образовании. Есть опасение, что ИИ может начать заменять учителей и администраторов в учебных заведениях [11, с. 6]. Если это произойдет, то роль человеческого общения в образовательной среде может уменьшиться. Это может плохо повлиять на развитие социальных и эмоциональных навыков учащихся, а также на качество отношений между людьми в образовательном процессе.

3. Использование плохо реализованных или недостаточно адаптированных систем искусственного интеллекта. Это связано с активным лоббированием интенсивного и недостаточно контролируемого развития данного направления исследователями, разработчиками и инвесторами [9]. Неготовность образовательных организаций и педагогов к применению новых технологий усугубляет ситуацию [7].

4. Риски усиления социального неравенства и снижения качества образования под влиянием технологий искусственного интеллекта. Потенциальное усугубление социального неравенства, известное как «цифровой разрыв». Этот феномен характеризуется ограниченным доступом к передовым технологиям для социально-экономически уязвимых групп населения, что может привести к дальнейшей маргинализации этих слоев общества в контексте цифровизации образования [4].

Более того, существует риск, что образовательные программы, основанные на использовании ИИ, могут быть редуцированы до узкого набора количественно измеримых параметров. Такой подход может привести к упрощению и обедне-

нию образовательного процесса, фокусируясь преимущественно на достижении формальных показателей в ущерб комплексному развитию учащихся. В результате, подобные программы могут оказаться неспособными удовлетворить широкий спектр образовательных потребностей обучающихся, включая развитие критического мышления, творческих способностей и социально-эмоциональных навыков [6].

5. Сложность в понимании и прогнозировании работы алгоритмов ИИ-систем. Эта непрозрачность может привести к неожиданным и потенциально нежелательным результатам в образовательном процессе [6]. Особую озабоченность вызывает риск формирования у учащихся чрезмерной зависимости от технологий ИИ. Такая зависимость может негативно влиять на развитие когнитивных функций, снижать мотивацию к самостоятельному обучению и ослаблять навыки саморегуляции. Если ИИ-инструменты будут предоставлять готовые ответы и решения, это может препятствовать глубокому пониманию учебного материала и затруднять интеллектуальное развитие обучающихся [4].

Более того, по мере того как ИИ начнет выполнять все больше интеллектуальных задач, возникнет необходимость в целенаправленном поддержании и развитии когнитивных способностей человека. Это предполагает разработку и внедрение специализированных образовательных программ на различных уровнях обучения, направленных на развитие «когнитивной культуры» или «ментального фитнеса». Такие программы должны быть нацелены на сохранение и укрепление интеллектуальных навыков человека в эпоху повсеместного использования ИИ.

С увеличением роли искусственного интеллекта (ИИ) в выполнении интеллектуальных задач, возрастает важность поддержания и развития собственных умственных способностей человека. Это вызывает необходимость создания специальных образовательных программ на разных уровнях обучения, направленных на развитие «когнитивной культуры» или «ментального фитнеса».

Результаты и обсуждения

Анализ широкого спектра научных исследований, включая междисциплинарные работы в области педагогики, информационных технологий, когнитивной психологии и социологии образования, позволяет выявить и систематизировать ключевые стратегические подходы, направленные на эффективную минимизацию потенциальных рисков и негативных последствий, связанных с масштаб-

ным внедрением технологий искусственного интеллекта в современную образовательную сферу:

1. Комбинирование ИИ-технологий с традиционными методами обучения. Это подразумевает органичное включение инструментов ИИ в образовательный процесс, дополняя ими проверенные педагогические практики.

2. Усиление акцента на развитии критического мышления и навыков решения проблем в учебных программах. Такой подход поможет снизить риск формирования зависимости от ИИ и поверхностного усвоения знаний.

3. Создание среды для совместного обучения. Организация условий для активного взаимодействия и сотрудничества между учащимися может эффективно предотвратить изолированное использование ИИ-технологий.

4. Стимулирование постоянного профессионального роста педагогов. Повышение их компетентности в области применения ИИ-технологий поможет преодолеть проблемы, связанные с недостаточной готовностью преподавателей к внедрению инноваций.

5. Разработка этических принципов для создания и оценки ИИ-продуктов. Это обеспечит соответствие систем ИИ принятым социальным и моральным стандартам.

6. Повышение надежности и качества работы ИИ-систем. Улучшение их стабильности и точности поможет снизить риск распространения недостоверной информации.

7. Развитие исследований и научно обоснованных практик использования искусственного интеллекта в образовании. Создание доказательной

базы применения ИИ в обучении позволит избежать ошибок и негативных последствий.

8. Изменение характера и качества тестов и заданий для противодействия «академическому мошенничеству».

Эти стратегии, основанные на эмпирических данных и теоретических моделях, направлены на гармоничную интеграцию ИИ-технологий в педагогические практики при сохранении фундаментальных образовательных ценностей. Реализация этих стратегий направлена на обеспечение всестороннего развития обучающихся в условиях цифровой трансформации, сохраняя при этом ключевую роль человеческого фактора в образовательном процессе.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что понимание влияния ИИ на различные аспекты образовательного процесса, а также оценка перспектив и рисков его применения приобретают ключевое значение для обеспечения эффективной интеграции данных технологий в образовательную практику. Вместе с тем, изменяющаяся природа развития технологий искусственного интеллекта предъявляет повышенные требования к исследовательскому сообществу, которому необходимо постоянно адаптировать свои изыскания к возникающим новым разработкам и сферам применения ИИ в образовании. Таким образом, представленное исследование вносит вклад в понимание особенностей влияния ИИ-технологий на различные элементы системы образования и может служить основой для разработки эффективных стратегий их интеграции в образовательную практику.

Список источников

1. Герасимова О.Ю., Гарнышева Т.В., Галиев Р.М. Технологии цифрового образования: учебное пособие. Казань: ООО "Бук", 2024. 106 с. ISBN 978-5-907910-49-2
2. Герасимова О.Ю., Тазмеев Б.Х. Применение нейронных сетей в образовании, // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. 2023. № S2-2 (45). С. 21 – 23.
3. Герасимова О.Ю., Сахарова Н.С., Федорцова С.С. и др. Основные аспекты внедрения искусственного интеллекта в систему высшего образования // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 8. С. 66 – 70. DOI 10.37882/2223-2982.2024.08.05
4. Bai L., Liu X., Su J. ChatGPT: The cognitive effects on learning and memory // Brain-X. 2023;l:e30 DOI:<https://doi.org/10.1002/brx2.30>
5. Baker R., Siemens G. Educational data mining and learning analytics // Handbook of educational psychology. 2014. № 2. P. 507 – 524.
6. 13 Humble N., Mozeliuss P. The threat, hype, and promise of artificial intelligence in education// Discover Artificial Intelligence. 2022. № 2. P. 22 DOI <https://doi.org/10.1007/s44163-022-00039-z>
7. Karsenti T. Artificial intelligence in education: The urgent need to prepare teachers for tomorrow's schools // Formation et Profession. 2019. № 27 (1). P. 105 – 111. <https://doi.org/10.18162/fp.2018.a166>
8. Kavale K.A., Forness S.R. Cheating and plagiarism in schools and colleges. Psychology Press, 2019.

9. Nichols M., Holmes W. Don't do Evil: Implementing Artificial Intelligence in Universities // In EDEN Conference Proceedings. 2018. № 2. P. 110 – 118.
10. Popenici SA, Kerr S. Exploring the impact of artificial intelligence on teaching and learning in higher education // Res Pract Technol Enhanc Learn. 2017. № 12 (1). P. 1 – 13.
11. Spitzer M. Digital dementia: What We and Our Children are Doing to our Minds. Brno: Host, 2014 368 p.

References

1. Gerasimova O.Yu., Garnysheva T.V., Galiev R.M. Digital education technologies: a tutorial. Kazan: OOO "Buk", 2024. 106 p. ISBN 978-5-907910-49-2
2. Gerasimova O.Yu., Tazmeev B.Kh. Application of neural networks in education. Bulletin of Naberezhnye Chelny State Pedagogical University. 2023. No. S2-2 (45). P. 21 – 23.
3. Gerasimova O.Yu., Sakharova N.S., Fedortsova S.S. et al. The main aspects of the introduction of artificial intelligence into the higher education system. Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities. 2024. No. 8. P. 66 – 70. DOI 10.37882/2223-2982.2024.08.05
4. Bai L., Liu X., Su J. ChatGPT: The cognitive effects on learning and memory. Brain-X. 2023;l:e30 DOI:<https://doi.org/10.1002/brx2.30>
5. Baker R., Siemens G. Educational data mining and learning analytics. Handbook of educational psychology. 2014. No. 2. P. 507 – 524.
6. 13 Humble N., Mozeliuss P. The threat, hype, and promise of artificial intelligence in education. Discover Artificial Intelligence. 2022. No. 2. P. 22 DOI <https://doi.org/10.1007/s44163-022-00039-z>
7. Karsenti T. Artificial intelligence in education: The urgent need to prepare teachers for tomorrow's schools. Formation et Profession. 2019. No. 27 (1). P. 105 – 111. <https://doi.org/10.18162/fp.2018.a166>
8. Kavale K.A., Forness S.R. Cheating and plagiarism in schools and colleges. Psychology Press, 2019.
9. Nichols M., Holmes W. Don't do Evil: Implementing Artificial Intelligence in Universities. In EDEN Conference Proceedings. 2018. No. 2. P. 110 – 118.
10. Popenici SA, Kerr S. Exploring the impact of artificial intelligence on teaching and learning in higher education. Res Pract Technol Enhanc Learn. 2017. No. 12 (1). P. 1 – 13.
11. Spitzer M. Digital dementia: What We and Our Children are Doing to our Minds. Brno: Host, 2014 368 p.

Информация об авторах

Гарнышева Т.В., кандидат педагогических наук, доцент, Набережночелнинский государственный педагогический университет, garnych@yandex.ru

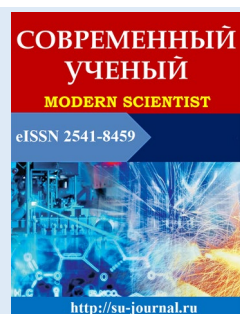
Михайлова О.П., кандидат педагогических наук, доцент, Альметьевский филиал Казанского национально-го исследовательского технического университета имени А.Н. Туполева-КАИ, m.olga-kai@mail.ru

Исавнин А.Г., доктор физико-математических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Набережночелнинский институт (филиал), isavnin@mail.ru

Мубаракшина И.И., кандидат филологических наук, доцент, Набережночелнинский государственный педагогический университет, gilaevailzira@yandex.ru

Киндикова А.В., кандидат филологических наук, доцент, Горно-Алтайский государственный университет, kalil@gasu.ru

© Гарнышева Т.В., Михайлова О.П., Исавнин А.Г., Мубаракшина И.И., Киндикова А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 659.125

Перспективы применения искусственного интеллекта в преподавании художественного дизайна

¹ Лян Юхо

¹ Белгородский государственный институт искусств и культуры

Аннотация: цель работы – раскрыть использование искусственного интеллекта в художественном образовании на примере занятий по дизайну. Задачи работы: раскрыть возможности искусственного интеллекта на занятиях по художественному дизайну; проанализировать существующие проблемы и конкретные рекомендации по их решению в контексте художественного образования с применением технологии искусственного интеллекта; представить уникальную авторскую разработку дисциплины «Искусственный интеллект в художественном дизайне» для будущих дизайнеров, художников и педагогов. В работе рассматриваются перспективы использования искусственного интеллекта на занятиях по художественному дизайну в системе современного высшего образования. Важно отметить, что эти технологии применяются в современном ВУЗе всё чаще, а их владение даёт студентам дополнительные возможности. В частности, это более широкий выбор при трудоустройстве, развитие креативности в творчестве и освобождение от ряда ограничивающих стереотипов, а также доступ к более значительному количеству данных, чем живой человек технически способен запомнить самостоятельно. В рамках статьи также выделяются проблемы, которые связаны с внедрением искусственного интеллекта в художественное образование. В конце работы приводится описание дисциплины на тему «Искусственный интеллект в художественном дизайне» для бакалавров художественных направлений. Дисциплина представляет собой уникальную разработку автора настоящей статьи. Практическая ценность работы заключается в возможности внедрения этой разработки, а также отдельных практических рекомендаций, в программу ВУЗов, где обучаются будущие специалисты по художественному дизайну.

Ключевые слова: искусственный интеллект, художественный дизайн, художественное образование, обучение дизайну, высокие технологии, технологии в современном образовании

Для цитирования: Лян Юхо Перспективы применения искусственного интеллекта в преподавании художественного дизайна // Современный ученый. 2025. № 4. С. 349 – 354.

Поступила в редакцию: 10 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 11 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Prospects for the use of artificial intelligence in teaching artistic design

¹ Liang Yuhe

¹ Belgorod State Institute of Arts and Culture

Abstract: the purpose of the work is to reveal the use of artificial intelligence in art education using design classes as an example. Objectives of the work: to reveal the capabilities of artificial intelligence in art design classes; to analyze existing problems and specific recommendations for solving them in the context of art education using artificial intelligence technology; to present a unique author's development of the discipline "Artificial Intelligence in Art Design" for future designers, artists and teachers. The work considers the prospects for using artificial intelligence in art design classes in the system of modern higher education. It is important to note that these technologies are used in modern universities more and more often, and their possession gives students additional opportunities. This is a wider choice in employment, the development of creativity in creativity and liberation from a number of limiting stereotypes, as well as access to a larger amount of data than a living person is technically able to remember on their own. The article also highlights the problems associated with the introduction of artificial intelligence in art education. At the end of the work, a description of the discipline on the topic of "Artificial Intelligence in Artistic Design" for bachelors of artistic directions is given. The discipline is a unique development of the author of this article. The practical value of the work lies in the possibility of introducing this development, as well as individual practical recommendations, into the program of universities where future specialists in artistic design are trained.

Keywords: artificial intelligence, artistic design, art education, design training, high technology, technology in modern education

For citation: Liang Yuhe Prospects for the use of artificial intelligence in teaching artistic design. Modern Scientist. 2025. 4. P. 349 – 354.

The article was submitted: December 10, 2024; Approved after reviewing: February 11, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Актуальность исследования состоит в стремительном развитии высоких технологий в настоящее время. Искусственный интеллект используется во всех сферах жизни современного человека, включая образование, профессиональную деятельность, досуг, шоппинг и т. д. Создание произведений художественного дизайна также испытало в наши дни значительное влияние со стороны технологий искусственного интеллекта. В рамках настоящей работы рассматриваются технологии искусственного интеллекта и их применение при подготовке будущих художников, дизайнеров и педагогов дизайна и изобразительного искусства.

Цель работы – раскрыть использование искусственного интеллекта в художественном образовании на примере занятий по дизайну.

Задачи работы:

1. Раскрыть возможности искусственного интеллекта на занятиях по художественному дизайну.
2. Проанализировать существующие пробле-

мы и конкретные рекомендации по их решению в контексте художественного образования с применением технологии искусственного интеллекта.

3. Представить уникальную авторскую разработку дисциплины «Искусственный интеллект в художественном дизайне» для будущих дизайнеров, художников и педагогов.

Объект – искусственный интеллект в образовании.

Предмет – искусственный интеллект в образовании на примере преподавания художественного дизайна.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования являются источники китайских и российских авторов, которые посвящены использованию искусственного интеллекта в образовании, включая подготовку будущих дизайнеров.

Для работы выбраны такие методы, как:

1. Анализ теоретических источников.
2. Собственная методическая разработка автора.

Новизна исследования состоит в авторской разработке курса, который поможет студентам художественных и дизайнерских направлений в ВУЗе более эффективно научиться создавать произведения искусства с использованием искусственного интеллекта.

Результаты и обсуждения

Искусственный интеллект представляет собой интеллект, демонстрируемый машинами, в частности компьютерными системами. Он имитирует человеческое мышление, однако, в отличие от живых людей, не поддаётся эмоциям и импульсам, медленнее устаёт, быстрее восстанавливается, эффективнее работает и способен хранить больше информации. Это делает решения искусственного интеллекта более объективными, а также позволяет передать ему небольшие рутинные задачи, освободив время и силы людей для более творческой деятельности [6, с. 154].

Искусственный интеллект в преподавании художественного дизайна в высшем учебном заведении способен предоставить широкие возможности для студентов. Он может хранить большие объёмы информации, превышающие максимальный объём данных, доступных человеческой памяти. Искусственный интеллект расширяет творческое пространство для создания новаторских работ, ведь, в отличие от человека, он не связан стереотипами относительно того, что в искусстве правильно, а что является недопустимым. Также, студенты, изучающие соответствующие технологии, имеют больший профессиональный выбор и более широкие возможности для последующего трудоустройства [8, с. 670].

Ниже перечисляются существующие трудности в процессе внедрения искусственного интеллекта в преподавание художественного дизайна. Затем приводятся рекомендации по их решению.

Преподаватели играют важную роль в учебном процессе, в частности, в развитии творческих и художественно-эстетических компетенций обучающихся. В настоящее время большинство педагогов на соответствующих направлениях в ВУЗах на высоком уровне владеют традиционными дизайнерскими навыками, однако, с современными технологиями знакомы в недостаточной степени. Более того, многие из них, в особенности, преподаватели, представляющие старшее поколение, владеют лишь основами базовой компьютерной грамотности или не умеют пользоваться технологиями в принципе; некоторые не хотят учиться новому, считая себя старыми для учёбы и / или отно-

сясь с предубеждением у современным технологиям искусственного интеллекта [2, с. 126].

Современные ВУЗы в недостаточной степени сотрудничают с организациями, которым нужны дизайнерские кадры. К примеру, не все университеты проводят ярмарки вакансий и иные карьерные мероприятия для студентов и недавних выпускников; кроме этого, часто существуют проблемы с прохождением производственной практики от ВУЗа. Следовательно, большинство студентов вынуждены искать работу сами, без какой-либо помощи со стороны высшего учебного заведения [5, с. 146].

Ситуация обостряется тем, что в качестве преподавательского состава заняты, прежде всего, профессиональные учёные, которые знают потребности рынка труда лишь теоретически. Даже если некоторые из них работали в дизайне, то часто это было много лет назад, когда искусственный интеллект в дизайнерской деятельности использовался в недостаточной степени или же не использовался вообще. Методисты, которые составляют программы дисциплин, также часто далеки от реальной практики на предприятиях, связанных с художественным дизайном, а также различными иными профессиональными направлениями смежного характера [4, с. 225].

Следствием этой проблемы являются две других сложности. Первая связана с тем, что учебные заведения в таком случае обладают ограниченными возможностями при содействии выпускникам и студентам старших курсов в трудоустройстве. Вторая проблема – это недостаточное количество практических навыков, имеющих отношение к реальным потребностям рынка труда, которые получают студенты во время учёбы [1, с. 223].

Чаще всего, большинство компетенций носят теоретический характер, а тех практических навыков, которые студенты всё-таки изучают, недостаточно для успешного трудоустройства. Программы редко обновляются, следовательно, в недостаточной степени учитывают современные изменения, которые происходят в практике дизайна, ведь как методисты, составляющие их, так и педагоги, которые впоследствии проводят по ним занятия, часто являются теоретиками, а не практиками своего дела [3, с. 125].

Рекомендации по решению проблем носят комплексный и многоаспектный характер. Важно не ограничиваться применением только одной рекомендации, но учитывать их все, чередуя и комбинируя их при наличии необходимости, а также по-

стоянно адаптируя их к изменившимся реалиям и обстоятельствам.

Прежде всего, важно понимать, что все перечисленные выше проблемы являются частичным следствием того, что искусственный интеллект относительно недавно начал использоваться в художественном дизайне и в художественном образовании. Следовательно, по причине незначительного времени, ещё не произошла окончательная адаптация к происходящим изменениям. Тем не менее, не стоит ожидать, что имеющиеся проблемы решаться сами собой по прошествии определённого временного отрезка. Чтобы обеспечить благополучный исход, важно уже сейчас начать прикладывать определённые усилия для разрешения текущей ситуации. В противном случае проблемы останутся прежними, или с большой степенью вероятности, обострятся с течением времени [10, с. 70].

Важная рекомендация заключается в развитии качественного сотрудничества между компаниями – потенциальными работодателями и студентами. Недостаточно просто формально проводить карьерные мероприятия и предоставлять студентам места для прохождения производственных практик. Важно также регулярно проводить работу в области набора преподавателей – практиков своего дела, которые совмещают педагогическую деятельность с работой в профильной компании на рядовой или управленческой должности. Такие педагоги не только скорее научат студентов компетенциям, востребованным на рынке труда (включая навыки использования искусственного интеллекта при создании произведений художественного дизайна), но также могут порекомендовать лучших студентов в свою компанию или в другую компанию согласно изучаемой специальности [7, с. 210].

Сотрудничество с профессионалами из других отраслей может предоставить дизайнерам новые

идеи и направления дизайна. Чтобы обеспечить креативность студентов, важно развивать их кругозор, предоставляя знания и навыки из смежных отраслей. Подобное многоаспектное развитие поможет студентам расширить выбор при поиске работы после окончания высшего учебного заведения, а также поспособствует их более эффективной работе на найденном месте. Более того, если специалист развит разносторонне, то он скорее будет учиться новому не только после окончания ВУЗа, но также и на протяжении всей последующей профессиональной деятельности [9, с. 166].

Важно уделить особое внимание квалификации педагогов. Необходимо по возможности изначально искать преподавателей, которые владеют не только компетенциями в области традиционного дизайна, но также и навыками работы с искусственным интеллектом. Если такой возможности нет, то следует заняться повышением квалификации текущего педагогического состава [11, с. 473].

В рамках работы представлена дисциплина «Искусственный интеллект в художественном дизайне». Настоящая дисциплина является уникальной разработкой автора статьи. Она настоятельно рекомендуется к внедрению на занятиях по художественному дизайну. В процессе изучения дисциплины студенты изучают существующие инструменты создания художественных произведений средствами искусственного интеллекта, а также учатся применять их в реальной практике. Целевую аудиторию дисциплины составляют студенты второго или третьего курса бакалавриата, которые обучаются в ВУЗе по специальности «Художественный дизайн», «Декоративно-прикладное искусство» или «Художественное образование». В табл. 1 представлена программа дисциплины, включая её теоретическую и практическую части.

Таблица 1

Программа дисциплины «Искусственный интеллект в художественном дизайне».

Table 1

Program of the discipline "Artificial Intelligence in Artistic Design".

Теоретическая часть курса	
Тема 1. Обзор искусственного интеллекта в художественном дизайне.	Исторический обзор применения высоких технологий (включая искусственный интеллект) в художественном дизайне. Текущее состояние искусственного интеллекта в художественном дизайне. Возможные перспективы развития искусственного интеллекта в дизайнерской деятельности.

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Тема 2. Введение в инструментарий искусственного интеллекта.	Разбор наиболее частых инструментов для создания произведений искусства с использованием искусственного интеллекта: DeepArt, Runway ML, DALL·E и т. д.
Тема 3. Этические вопросы и проблема авторских прав.	Обсуждение этических вопросов, связанных с созданием произведений искусства с помощью искусственного интеллекта. Анализ действующего законодательства в России и в других странах. Разбор конкретных кейсов.
Практическая часть курса	
Тема 1. Практическое использование различных инструментов создания художественных произведений с использованием искусственного интеллекта.	Студенты практикуют изученные ранее инструменты, создавая с их помощью несложные произведения репродуктивного характера.
Тема 2. Создание творческих проектов.	Студенты объединяются в группы, после чего в каждой группе создаётся небольшое произведение плакатного искусства.
Тема 3. Демонстрация проектов и их оценка.	Студенты представляют плакаты перед преподавателем и соучениками. Они показывают рисунок, объясняют его концепцию и раскрывают технику производства.

По итогам прохождения дисциплины студенты должны представить дизайн плаката. Плакат может быть создан на готовую тему или же тема для плаката может быть предложена студентом, а затем – утверждена преподавателем. Оценка плаката осуществляется согласно критериям техники, эмоциональной выразительности и креативности (уникальности).

Выводы

Искусственный интеллект в преподавании художественного дизайна в настоящее время позволяет студентам получить новые возможности в области конкретных компетенций, способствует

развитию креативного мышления и предлагает новые возможности на рынке труда. В настоящее время существуют определённые сложности в области искусственного интеллекта в подготовке художественных специалистов, однако, эти сложности реально преодолеть при условии приложения определённых усилий.

Настоящая статья обладает практической значимостью в процессе внедрения технологий искусственного интеллекта в художественное образование. Она может быть полезна методистам, преподавателям и руководству высших учебных заведений.

Список источников

1. Бурова М.Д., Рыкова Е.С. Искусственный интеллект и дизайнер. Путь сотворчества в художественном образовании // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер-2023). 2023. С. 222 – 228.
2. Гао Чэньхуэй, Лю Лиюань, Ван Цзяньли Роль и влияние искусственного интеллекта в обучении дизайнеров // Искусство и дизайн (теория). 2024. № 2 (03). С. 125 – 128.
3. Коробанов А.В., Монахова Л.Д., Киселева Е.В. Перспективы развития искусственного интеллекта в художественно-графическом образовании // Искусство и дизайн в контексте развития современного гуманитарного образования. Сборник научных статей факультета ИЗО и НР. 2024. С. 122 – 127.
4. Ли Пэйяо Модель обучения дизайну в эпоху искусственного интеллекта // Delta. 2024. № 27. С. 224 – 226.
5. Лу Чунчен Применение современных технологий искусственного интеллекта в преподавании дизайна среды (экологического дизайна) // Художественное образование. 2023. № 12. С. 145 – 147.

6. Лян Цинго Исследование международного сотрудничества в процессе внедрения и дальнейшего применения технологий искусственного интеллекта в подготовке творческих специалистов // Современное профессиональное образование. 2024. № 4. С. 153 – 156.

7. Максименко А.Е., Михальченко М.С., Хрулева А.А. Применение искусственного интеллекта в профессиональной деятельности художника-педагога // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 77-1. С. 209 – 212.

8. Моисеев А.А., Львова Н.С. Технологии искусственного интеллекта в изобразительном искусстве и дизайне: место в концепции художественного образования // Перспективные направления развития современного образования. 2023. С. 667 – 673.

9. Чжан Сяои Обучение технологиям искусственного интеллекта при создании произведений художественного дизайна в системе высшего образования // Журнал Цилиньского института образования. 2022. № 40 (10). С. 165 – 169.

10. Чжуан Сяюнь, Инь Жуй Теория и практика преподавания художественных дисциплин с использованием искусственного интеллекта // Education Guide. 2022. № 3. № 65-73.

11. Шкуратова В.Е., Гамаюнов П.П. Применение искусственного интеллекта в профессиональной деятельности художника-педагога // Вестник молодых ученых Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. 2023. № 4. С. 472 – 476.

References

1. Burova M.D., Rykova E.S. Artificial Intelligence and Designer. The Path of Co-Creation in Art Education. Social and Humanitarian Problems of Education and Professional Self-Realization (Social Engineer-2023). 2023. P. 222 – 228.

2. Gao Chenhui, Liu Liyuan, Wang Jianli The Role and Influence of Artificial Intelligence in Training Designers. Art and Design (Theory). 2024. No. 2 (03). P. 125 – 128.

3. Korobanov A.V., Monakhova L.D., Kiseleva E.V. Prospects for the Development of Artificial Intelligence in Art and Graphic Education. Art and Design in the Context of the Development of Modern Humanitarian Education. Collection of scientific articles of the Faculty of Fine Arts and Humanities. 2024. P. 122 – 127.

4. Li Peiyao Model of design education in the era of artificial intelligence. Delta. 2024. No. 27. P. 224 – 226.

5. Lu Chongchen Application of modern artificial intelligence technologies in teaching environmental design (ecological design). Art education. 2023. No. 12. P. 145 – 147.

6. Liang Qingguo Study of international cooperation in the process of implementation and further application of artificial intelligence technologies in the training of creative specialists. Modern professional education. 2024. No. 4. P. 153 – 156.

7. Maksimenko A.E., Mikhhalchenko M.S., Khruleva A.A. Application of artificial intelligence in the professional activities of an artist-teacher. Problems of modern pedagogical education. 2022. No. 77-1. P. 209 – 212.

8. Moiseev A.A., Lvova N.S. Artificial Intelligence Technologies in Fine Arts and Design: Place in the Concept of Art Education. Promising Directions for the Development of Modern Education. 2023. P. 667 – 673.

9. Zhang Xiaoyi Teaching Artificial Intelligence Technologies in Creating Artistic Design Works in the Higher Education System. Journal of Jilin Institute of Education. 2022. No. 40 (10). P. 165 – 169.

10. Zhuang Xiaoyun, Yin Rui Theory and Practice of Teaching Artistic Disciplines Using Artificial Intelligence. Education Guide. 2022. No. 3. No. 65-73.

11. Shkuratova V.E., Gamayunov P.P. Application of artificial intelligence in the professional activities of an artist-teacher. Bulletin of young scientists of the St. Petersburg State University of Technology and Design. 2023. No. 4. P. 472 – 476.

Информация об авторе

Лян Юхо, аспирант, Белгородский государственный институт искусств и культуры, 429703551@qq.com

© Лян Юхо, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 378.145.3

Инклюзивная образовательная среда для билингвальных студентов

¹ Плигина Е.В., ¹ Семелева Е.В., ¹ Атмайкина О.В., ¹ Ляпина С.А.

¹ Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва

Аннотация: инклюзивная среда обеспечивает равные возможности для всех студентов, независимо от их языкового фона или культурной принадлежности. Студенты-билингвы, чувствуя себя комфортно, могут лучше концентрироваться на учебе и достигать более высоких академических результатов. Использование разных языков и культурных перспектив способствует развитию когнитивной гибкости, креативности и навыков решения проблем. Статья посвящена важности создания инклюзивной образовательной среды для студентов-билингвов и представителей разных культур в условиях глобализации. Авторы обосновывают необходимость поддержки разнообразия языкового и культурного опыта учащихся, подчеркивая решающую роль двуязычных и мультикультурных сообществ в обеспечении успешного обучения и благополучия студентов. В статье анализируются многочисленные преимущества двуязычия и межкультурного взаимодействия, включая когнитивные, социальные и экономические выгоды. Подробно рассматриваются пять ключевых преимуществ двуязычных и кросс-культурных сообществ в университете: чувство принадлежности, поддержка языкового развития, культурный обмен, повышение академической успеваемости и личностный рост. Авторы также акцентируют внимание на роли преподавателей и администрации в создании инклюзивной среды и поддержке подобных инициатив, включая вовлечение родителей и местного сообщества. Статья аргументировано демонстрирует, как создание таких сообществ способствует развитию студентов и созданию более справедливой и эффективной системы образования. Предложенные авторами подходы могут быть адаптированы и использованы в различных образовательных учреждениях, независимо от их размера и местоположения. Статья способствует формированию дискуссии о необходимости создания действительно инклюзивных и эффективных образовательных систем в глобализованном мире.

Ключевые слова: студенты-билингвы, культурный опыт, мультикультурные сообщества, кросс-культурные сообщества

Для цитирования: Плигина Е.В., Семелева Е.В., Атмайкина О.В., Ляпина С.А. Инклюзивная образовательная среда для билингвальных студентов // Современный ученый. 2025. № 4. С. 355 – 359.

Поступила в редакцию: 10 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 12 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

An inclusive educational environment for bilingual students

¹ Pligina E.V., ¹ Semeleva E.V., ¹ Atmaikina O.V., ¹ Lyapina S.A.

¹ Ogarev National Research Mordovian State University

Abstract: an inclusive environment ensures equal opportunities for all students, regardless of their language background or cultural background. Bilingual students, feeling comfortable, can concentrate better on their studies and achieve higher academic results. Using different languages and cultural perspectives promotes cognitive flexibility, creativity, and problem-solving skills. The article is devoted to the importance of creating an inclusive educational environment for bilingual students and representatives of different cultures in the context of globalization. The authors substantiate the need to support the diversity of students' linguistic and cultural experiences, emphasizing the crucial role of bilingual and multicultural communities in ensuring successful learning and well-being of students. The article analyzes the numerous advantages of bilingualism and intercultural interaction, including cognitive, social and economic benefits. Five key advantages of bilingual and cross-cultural communities at the university are discussed in detail: a sense of belonging, support for language development, cultural exchange, improved academic performance and personal growth. The authors also focus on the role of teachers and administration in creating an inclusive environment and supporting such initiatives, including involving parents and the local community. The article reasonably demonstrates how the creation of such communities contributes to the development of students and the creation of a more equitable and efficient education system. The approaches proposed by the authors can be adapted and used in various educational institutions, regardless of their size and location. The article contributes to the formation of a discussion about the need to create truly inclusive and effective educational systems in a globalized world.

Keywords: bilingual students, cultural experience, multicultural communities, cross-cultural communities

For citation: Pligina E.V., Semeleva E.V., Atmaikina O.V., Lyapina S.A. An inclusive educational environment for bilingual students. Modern Scientist. 2025. 4. P. 355 – 359.

The article was submitted: December 10, 2024; Approved after reviewing: February 12, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Глобализация делает создание инклюзивной образовательной среды для билингвов и представителей разных культур настоящей задачей. Успех и благополучие учащихся напрямую зависят от признания и поддержки их разнообразного опыта, языковых и культурных особенностей [1, с. 557; 2, с. 163]. Двуязычные и многокультурные сообщества играют ключевую роль, обеспечивая студентам чувство принадлежности и понимания. Двуязычие способствует когнитивному, социальному и экономическому развитию, улучшая исполнительные функции, креативность и языковые навыки. Межкультурное взаимодействие, в свою очередь, развивает эмпатию, толерантность и глобальное мышление, подготавливая студентов к успешной жизни в современном мире [3, с. 213; 4, с. 121; 5, с. 99].

Двуязычные и кросс-культурные сообщества обладают рядом преимуществ (см. [6, с. 107; 7, с. 141; 8, с. 43]), включая: укрепление чувства общ-

ности и поддержки среди студентов с общим языковым и культурным фоном; стимулирование языкового развития через общение с носителями языка; содействие культурному обмену и взаимопониманию; повышение академической успеваемости, мотивации и посещаемости; и, наконец, способствование личностному росту, развитию лидерских качеств и самореализации.

Преподаватели и администрация университета также играют решающую роль в создании и поддержании двуязычных и кросс-культурных сообществ. Они создают инклюзивную учебную среду, то есть пространство, в котором все студенты чувствуют себя уважаемыми, ценными и имеющими возможность учиться и преуспевать; мотивируют студентов участвовать в мероприятиях, которые способствуют развитию их двуязычных и кросс-культурных навыков [9, с. 48; 10, с. 77]. Преподавателям и администрации предоставляется возможность развивать свои навыки преподавания в двуязычных и кросс-культурных условиях, а также

вовлекать родителей и сообщество в поддержку и развитие двуязычных и кросс-культурных программ.

Материалы и методы исследований

По данным приемной кампании 2024 года, в НИ МГУ им. Н.П. Огарева было зачислено 1193 иностранных студента из 32 стран. Наиболее распространенными странами происхождения стали: Туркменистан, африканские страны, Йемен, Индия, Китай, Египет, Иордания. Новыми странами стали Австрия и Венесуэла. Обучение ведется на русском и английском языках (по трем специальностям: лечебное дело, ветеринария и теплоэнергетика (реализуется также в вузе-партнере в Китае)). В сентябре 2024 года в Ченнаи был открыт Центр русского языка и культуры МГУ им. Н.П. Огарёва на базе Института науки и технологий SRM (SRM Institute of Science and Technology (SRMIST)). Центр предлагает курсы русского языка для студентов разных уровней, а также культурные мероприятия, такие как мастер-классы и лекции по русской культуре. Кроме того, на базе университета организована Межвузовская конференция по укреплению сотрудничества между молодёжью России и Африки. Участники обсуждают вопросы интеграции африканских студентов в российское общество. Приоритетной целью мероприятия является облегчение адаптации учащихся из стран Африки в России. Гости мероприятия – представители Российской Федерации и стран Африки – представляют проект «Российско-африканский молодежный альянс», обсуждают примеры успешного участия в совместных проектах и намечают направления для дальнейшего развития молодежного сотрудничества.

В анонимном анкетировании (с ноября 2023 г. по октябрь 2024 г.) на тему «Эффективность двуязычного образования и обучения в кросс-культурных группах» приняли участие 1087 иностранных студентов НИ МГУ им. Н.П. Огарёва, представляющих 30 стран. Цель опроса – собрать информацию о том, как иностранные студенты воспринимают инклюзивность образовательной среды в университете в отношении студентов-билингвов и кросс-культурных групп. Вопросы охватывали следующие темы: удовлетворённость студентов доступностью образовательных ресурсов, преподавательского состава и услуг поддержки для студентов-билингвов и представителей кросс-культурных групп; восприятие студентами уровня поддержки со стороны преподавателей, однокурсников и администрации университета, направленной на создание инклюзивной образова-

тельной среды; ощущение студентами представленности своей культуры и языка в учебных материалах, преподавательском составе и общих инициативах университета; восприятие студентами влияния инклюзивной образовательной среды на их академическое, социальное и психологическое благополучие; возможность студентов вносить предложения о том, что университет может сделать для улучшения инклюзивности образовательной среды для студентов-билингвов и представителей кросс-культурных групп. Данные из анкет были собраны с помощью Google Forms и обработаны в программе Microsoft Excel. Анализировались частота ответов и процентное распределение. Результаты были представлены в виде сводных таблиц и диаграмм, которые использовались для оценки удовлетворённости студентов, выявления их предпочтений и разработки рекомендаций по улучшению двуязычных и кросс-культурных сообществ университета.

Результаты и обсуждения

Студенты в целом выразили удовлетворение доступностью учебников и материалов на разных языках (87%). Однако была отмечена необходимость улучшения доступности (9%) вспомогательных материалов, таких как видеолекции и электронные учебники, на языках меньшинств. Студенты высоко оценили подготовку преподавательского состава к обеспечению инклюзивной образовательной среды (985). Была отмечена чуткость преподавателей к культурным и языковым различиям, а также их готовность адаптировать методы преподавания для удовлетворения потребностей разнородных групп учащихся. Респонденты выразили удовлетворенность услугами поддержки (73%), предоставляемыми студентам-билингвам и представителям других культур. Особенно высоко (89%) была оценена работа центров для студентов-билингвов, которые предоставляли языковую поддержку, культурные и социальные программы. Большинство студентов (86%) чувствовали, что университет создал инклюзивную образовательную среду. Они сообщили, что чувствуют себя принятыми и уважаемыми независимо от своей культурной и языковой принадлежности. Хотя студенты отметили улучшение представления своей культуры и языка в учебных материалах и преподавательском составе, они всё же считают, что можно сделать больше для того, чтобы университетская среда была более инклюзивной (27%): включить в списки для чтения произведения авторов из разных культур и слоёв общества (7%), создавать учебные материалы, отражающие разно-

образный жизненный опыт студентов (5%), активно нанимать профессоров из разных культурных и социальных групп (3%), разрабатывать программы межкультурного обмена (6%), включать тренинги по культурной компетентности в учебную программу (6%). Студенты сообщили о положительном влиянии инклюзивной образовательной среды на их академическое, социальное и психологическое благополучие (95%). Они отметили повышение успеваемости, улучшение социальных связей и повышение уверенности в себе. Результаты исследования помогли определить наиболее эффективные практики и области, требующие дополнительного внимания, для создания более инклюзивной и поддерживающей образовательной среды для всех студентов.

Выводы

Анализ ответов отражает восприятие студентами доступности образовательных ресурсов, преподавательского состава и услуг поддержки. Они оценили уровень поддержки со стороны преподавателей, однокурсников и администрации, направ-

ленной на создание инклюзивной образовательной среды; выразили свое мнение о том, насколько их культура и язык представлены в учебных материалах, преподавательском составе и общих инициативах университета. Изучение влияния инклюзивной образовательной среды на академическое, социальное и психологическое благополучие студентов выявило значительный положительный эффект. Они отметили улучшение навыков общения, расширение кругозора и повышение уверенности в себе. Анкета также дала студентам возможность высказать свои предложения по улучшению инклюзивности образовательной среды. Рекомендации касались таких аспектов, как расширение учебных программ для студентов-билингвов, повышение культурной грамотности преподавателей и разработка стратегий, направленных на привлечение студентов из разных культур. На основе полученных данных были сделаны выводы и разработаны рекомендации по совершенствованию двуязычных и кросс-культурных сообществ в университете.

Список источников

1. Арефьев А.Л. Экспорт российских образовательных услуг: статистический сборник Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. 2020. № 10. С. 557.
2. Бабаян И.В., Пашина Е.И., Чжан Ф. Особенности культурной интеграции китайских студентов-музыкантов-исполнителей в российскую образовательную среду // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24. № 2. С. 163 – 171.
3. Вашкявичус В.Ю., Кондракова Ю.Н., Кузьмина Е.С. и др. Что ищет китайский студент в России: анализ образовательных потребностей китайских студентов в российских вузах по материалам социологического исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 213 – 237.
4. Гильманов Д.А. Анализ российско-китайского межвузовского взаимодействия как профессиональная альтернатива для потенциальных иностранных студентов УГНТУ // Инновационные научные исследования: теория, методология, тенденции развития: сборник научных статей по материалам XV Международной научно-практической конференции; Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Вестник науки", 2024. С. 121 – 126.
5. Злобина Ю.И. Социоинтеграция китайских студентов на трансграничной территории: проблемы адаптации // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2021. Вып. 2. № 10. С. 99 – 106.
6. Цзюэ Лю Китайские студенты в Казанском федеральном университете: социальный опрос // Казанский вестник молодых ученых. Политические науки. 2019. Т. 3. № 3. С. 107 – 113.
7. Мартынова М.Ю. Стратегии экспорта образования в Китай: вызовы и возможности в условиях пандемии и постпандемии // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 2-2. С. 141 – 146.
8. Петрунина Ж.В., Шушарина Г.А. Перспективы интеграции научно-образовательного пространства приграничных территорий России и Китая // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. из России и Китая. 2024. № 2 (74). С. 43 – 51.
9. Прутских Т.А., Прутских А.А. Развитие российско-китайского сотрудничества в сфере образования (на примере Байкальского государственного университета) // Российско-китайские исследования. 2019. № 3 (1). С. 42 – 48.
10. Садловская М.В., Леонтьева Е.О. Китайские студенты в России: социальные характеристики и жизненные ценности // Учение ТОГУ. 2019. № 10. № 2. С. 77 – 82.

References

1. Arefyev A.L. Export of Russian educational services: statistical digest of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. 2020. No. 10. P. 557.
2. Babayan I.V., Pashinina E.I., Zhang F. Features of the cultural integration of Chinese student musicians-performers into the Russian educational environment. Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Sociology. Political Science. 2024. Vol. 24. No. 2. P. 163 – 171.
3. Vashkyavichus V.Yu., Kondrakova Yu.N., Kuzmina E.S. et al. What is a Chinese student looking for in Russia: analysis of the educational needs of Chinese students in Russian universities based on the materials of a sociological study. Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. 2022. No. 65. P. 213 – 237.
4. Gilmanov D.A. Analysis of Russian-Chinese interuniversity interaction as a professional alternative for potential foreign students of USPTU. Innovative scientific research: theory, methodology, development trends: collection of scientific articles based on the materials of the XV International Scientific and Practical Conference; Ufa: Limited Liability Company "Scientific Publishing Center "Vestnik Nauki", 2024. P. 121 – 126.
5. Zlobina Yu.I. Social integration of Chinese students in the cross-border territory: adaptation problems. Social integration and development of ethnocultures in the Eurasian space. 2021. Issue 2. No. 10. P. 99 – 106.
6. Jue Liu Chinese students at Kazan Federal University: a social survey. Kazan Bulletin of Young Scientists. Political sciences. 2019. Vol. 3. No. 3. P. 107 – 113.
7. Martynova M.Yu. Strategies for exporting education to China: challenges and opportunities in the context of a pandemic and post-pandemic. International research journal. 2021. No. 2-2. P. 141 – 146.
8. Petrunina Zh.V., Shusharina G.A. Prospects for the integration of the scientific and educational space of the border territories of Russia and China. Scientific notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University. from Russia and China. 2024. No. 2 (74). P. 43 – 51.
9. Prutskikh T.A., Prutskikh A.A. Development of Russian-Chinese cooperation in the field of education (on the example of Baikal State University). Russian-Chinese studies. 2019. No. 3 (1). P. 42 – 48.
10. Sadlovskaya M.V., Leontyeva E.O. Chinese students in Russia: social characteristics and life values. Teachings of PNU. 2019. No. 10. No. 2. P. 77 – 82.

Информация об авторах

Плигина Е.В., кандидат медицинских наук, доцент, SPIN-код 1516-0031, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Медицинский институт, kat.vpl@mail.ru

Семелева Е.В., доктор медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой общественного здоровья и организации здравоохранения, SPIN-код 5965-8713, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Медицинский институт, shtanina37@mail.ru

Атмайкина О.В., старший преподаватель, SPIN-код 5313-5776, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, медицинский институт, odda13@bk.ru

Ляпина С.А., кандидат биологических наук, доцент, SPIN-код 6636-7787, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Медицинский институт, lyarina13sveta@yandex.ru

© Плигина Е.В., Семелева Е.В., Атмайкина О.В., Ляпина С.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 378.4

Анализ текущей ситуации с подготовкой талантов по иностранным языкам в вузах Узбекистана на фоне «Один пояс, один путь»

¹ Ильмира Ильяс, ¹ Лю Жун

¹ Синьцзянский педагогический университет, Китай

Аннотация: в данном исследовании рассматриваются текущая ситуация, проблемы и направления будущего развития подготовки иноязычных кадров в узбекских университетах на фоне инициативы «Один пояс, один путь». В связи со все более тесным сотрудничеством между Китаем и Узбекистаном в области экономики, торговли и культуры, в Узбекистане значительно возрос спрос на таланты в области иностранных языков, особенно китайского языка и языков стран, расположенных вдоль «Один пояс, один путь». В статье анализируются изменения, внесенные узбекскими университетами в специализацию иностранных языков, инновационные методы обучения и практическое преподавание, а также указываются проблемы, с которыми сталкиваются университеты Узбекистана в плане преподавательского состава, учебных ресурсов и уровня владения иностранными языками студентами. В исследовании также рассматривается текущая ситуация и перспективы сотрудничества между китайскими и узбекскими университетами в области выращивания талантов на иностранных языках, а также выдвигаются предложения по укреплению дизайна высшего уровня, увеличению инвестиций и углублению международного сотрудничества с целью повышения качества выращивания талантов на иностранных языках в узбекских университетах и обеспечения поддержки талантов для строительства «Один пояс, один путь».

Ключевые слова: Один пояс, один путь, Узбекистан, университеты, выращивание талантов на иностранных языках, китайско-узбекское сотрудничество, интернационализация образования

Для цитирования: Ильмира Ильяс, Лю Жун Анализ текущей ситуации с подготовкой талантов по иностранным языкам в вузах Узбекистана на фоне «Один пояс, один путь» // Современный ученый. 2025. № 4. С. 360 – 365.

Поступила в редакцию: 12 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 15 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Analysis of the current situation of foreign language talent training in Uzbek universities under the background of the “One Belt and One Road” initiative

¹ Yilimire Yiliyasi, ¹ Liu Zhun

¹ Xinjiang Normal University, China

Abstract: this study examines the current situation, problems and directions of future development of foreign language talent training in Uzbek universities against the background of the “One Belt and One Road” initiative. With

the increasingly close cooperation between China and Uzbekistan in the fields of economy, trade and culture, the demand for foreign language talents, especially Chinese and the languages of the countries along the “Belt and Road” initiative, has increased significantly in Uzbekistan. The article analyzes the changes made by Uzbek universities in foreign language specialization, innovative teaching methods and practical teaching, and points out the challenges faced by universities in Uzbekistan in terms of teaching staff, teaching resources and students' foreign language proficiency. The study also reviews the current situation and prospects of cooperation between Chinese and Uzbek universities in the field of foreign language talent cultivation, and puts forward suggestions to strengthen top-level design, increase investment and deepen international cooperation to improve the quality of foreign language talent cultivation in Uzbek universities and provide talent support for the construction of the “Belt and Road” initiative.

Keywords: the “Belt and Road” initiative, Uzbekistan, universities, foreign language talent cultivation, China-Uzbekistan cooperation, internationalization of education

For citation: Yilimire Yiliyasi, Liu Zhun Analysis of the current situation of foreign language talent training in Uzbek universities under the background of the “One Belt and One Road” initiative. Modern Scientist. 2025. 4. P. 360 – 365.

The article was submitted: December 12, 2024; Approved after reviewing: February 15, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Инициатива «Один пояс, один путь» как крупная международная структура сотрудничества, предложенная Китаем, не только придала новый импульс экономическому развитию стран, расположенных вдоль маршрута, но и выдвинула новые требования к системе подготовки кадров в каждой стране. Узбекистан как важная узловая страна вдоль «Один пояс, один путь» в последние годы все больше сближается с Китаем в плане экономического и торгового сотрудничества и культурных обменов, что привело к значительному росту спроса на иноязычные таланты в Узбекистане, особенно на тех, кто владеет китайским, английским и языками стран вдоль «Один пояс, один путь». Эта тенденция привела к значительному увеличению спроса на иноязычные таланты в Узбекистане, особенно на тех, кто владеет китайским, английским и языками стран вдоль «Один пояс, один путь» [1]. В связи с этим изучение текущей ситуации с воспитанием иноязычных талантов в колледжах и университетах Узбекистана имеет большое практическое значение и научную ценность. Иноязычные таланты являются ключевым мостом для продвижения углубляющегося сотрудничества между Китаем и Узбекистаном в рамках «Один пояс, один путь»; с другой стороны, реформа и развитие образования на иностранных языках в колледжах и университетах Узбекистана также отражают неизбежную тенденцию интернационализации высшего образования в контексте глобализации. Цель данной работы – систематически проанализировать влияние инициативы «Один

пояс, один путь» на выращивание талантов на иностранных языках в университетах Узбекистана, а также изучить изменения в спросе на изучение иностранных языков среди узбекских студентов, корректировки в способе выращивания талантов в университетах, вызовы и возможности, с которыми сталкивается Узбекистан. Данное исследование может не только обеспечить теоретическую основу для реформы обучения иностранным языкам в университетах Узбекистана, но и послужить практическим ориентиром для сотрудничества между Китаем и Узбекистаном в области образования, чтобы обеспечить интеллектуальную поддержку и гарантию человеческих ресурсов для углубленного продвижения инициативы «Один пояс, один путь».

Материалы и методы исследований

В данной работе в основном используются методы анализа литературы, сравнительного исследования и кейс-стади. На основе изучения и анализа существующей литературы изучается влияние инициативы «Один пояс, один путь» на выращивание иноязычных талантов в колледжах и университетах Узбекистана; проводится сравнительное исследование в свете текущей ситуации образовательного сотрудничества между Китаем и Узбекистаном; выявляется способ и эффективность сотрудничества между китайскими и узбекскими колледжами и университетами в области выращивания иноязычных талантов путем анализа конкретных примеров Институтов Конфуция и совместных проектов по организации школьного обучения. Эффективность сотрудничества между

китайскими и украинскими университетами в области выращивания иноязычных талантов.

Результаты и обсуждения

Углубленное продвижение инициативы «Один пояс, один путь» открыло беспрецедентные возможности для развития высшего образования в Узбекистане и в то же время выдвинуло новые требования к процессу интернационализации и способу выращивания талантов. Будучи важной страной в рамках инициативы «Один пояс, один путь», Узбекистан и Китай все более тесно сотрудничают в области образования, что находит отражение не только в углублении обменов и сотрудничества между университетами двух стран, таких как создание Институтов Конфуция и разработка совместных программ, но и в общей трансформации и модернизации системы высшего образования Узбекистана. В рамках продвижения инициативы «Один пояс – один путь» университеты Узбекистана активно внедряют зарубежные высококачественные образовательные ресурсы и поощряют студентов к участию в программах международного обмена, тем самым ускоряя интернационализацию высшего образования [2]. Чтобы соответствовать потребностям международного сообщества, система высшего образования Узбекистана развивается и расширяется. Кроме того, чтобы удовлетворить спрос инициативы «Один пояс, один путь» на высококачественные таланты, владеющие иностранными языками, университеты Узбекистана внесли значительные коррективы в свои учебные планы и методы обучения, такие как усиление преподавания иностранных языков и предложение курсов, связанных с «Один пояс, один путь», что позволило эффективно улучшить подготовку талантов. Эти меры позволили эффективно повысить качество и актуальность подготовки кадров.

Развитие высшего образования в Узбекистане по-прежнему сталкивается со многими проблемами. Хотя в последние годы система высшего образования добилась значительного прогресса, все еще существуют недостатки в плане преподавательского состава, учебных ресурсов и исследовательского потенциала, особенно в области обучения иностранным языкам, где инновационные методы преподавания и интеграция учебных ресурсов все еще нуждаются в дальнейшем укреплении [3]. Специализация и содержание учебных программ по иностранным языкам в университетах Узбекистана еще не полностью адаптированы к диверсифицированным потребностям, вызванным инициативой «Один пояс, один путь», особенно в

области преподавания языков стран, расположенных вдоль инициативы «Один пояс, один путь», и здесь еще есть большие возможности для улучшения. Поэтому в рамках «Один пояс, один путь» университетам Узбекистана необходимо и дальше углублять международное сотрудничество, изучать передовые концепции и опыт в сфере образования, оптимизировать способ выращивания талантов, чтобы лучше соответствовать национальной стратегии развития и потребностям регионального экономического сотрудничества. Укрепляя сотрудничество между Китаем и Узбекистаном в области образования, университеты Узбекистана должны добиться скачкообразного развития высшего образования в рамках продвижения инициативы «Один пояс, один путь», а также обеспечить надежную поддержку талантов и интеллектуальную гарантию региональной экономической интеграции.

Под влиянием инициативы «Один пояс, один путь» выращивание иноязычных талантов в университетах Узбекистана претерпевает глубокие изменения. С углублением сотрудничества между Китаем и Узбекистаном в области экономики и торговли, культуры и других сферах спрос на изучение иностранных языков среди узбекских студентов значительно изменился [4]. Изучение китайского языка стало самым популярным языком в Узбекистане. С другой стороны, спрос на английский язык как международный язык остается высоким, что отражает сильное желание узбекских студентов участвовать в глобальной конкуренции. По мере реализации инициативы «Один пояс, один путь» спрос на турецкий, персидский и другие языки стран, расположенных вдоль маршрута, также диверсифицируется, что отражает стратегическое положение Узбекистана в процессе региональной экономической интеграции.

Для того чтобы адаптироваться к этим изменениям, высшие учебные заведения Узбекистана внесли позитивные коррективы в свои модели обучения иностранным языкам. Колледжи и университеты, оптимизировав структуру специализаций по иностранным языкам, открыли специализации по китайскому, турецкому и другим языкам стран «Один пояс, один путь», чтобы удовлетворить рыночный спрос на разносторонние таланты в области иностранных языков. Преподавание и изучение иностранных языков в Узбекистане также демонстрирует тенденцию диверсификации [5]. Методы преподавания постоянно совершенствуются, а применение современных образовательных технологий, таких как смешанное обучение

онлайн и офлайн и иммерсивное изучение языка, не только повысило эффективность преподавания, но и увеличило интерес студентов к обучению и практические способности. Колледжи и университеты также укрепляют сотрудничество с предприятиями в странах вдоль «Один пояс, один путь», создают базы стажировок и поощряют студентов к участию в программах международного обмена, тем самым предоставляя студентам больше практических возможностей для совершенствования навыков применения языка в реальных условиях. Однако университеты Узбекистана по-прежнему сталкиваются со многими проблемами в процессе подготовки кадров в области иностранных языков. Особенно остро стоит проблема нехватки преподавателей, особенно в области преподавания малых языков, а отсутствие преподавателей высокого уровня напрямую влияет на качество преподавания [6]. Недостаток учебных ресурсов ограничивает дальнейшее развитие иноязычного образования. Нехватка учебных ресурсов ограничивает дальнейшее развитие образования в области иностранных языков, например, отставание в обновлении учебных материалов и недостаточное количество цифрового учебного оборудования, что требует решения. Феномен разного уровня владения иностранным языком студентами также повышает сложность преподавания, и вопрос о том, как адаптировать обучение к способностям студентов и обеспечить справедливость образования, стал ключевым для колледжей и университетов.

В рамках инициативы «Один пояс, один путь» сотрудничество между китайскими и узбекскими университетами в области подготовки кадров на иностранных языках достигло значительного прогресса, что не только придает новую жизненную силу развитию высшего образования в Узбекистане, но и закладывает прочную основу для углубленного сотрудничества между двумя странами в области образования [7]. В настоящее время основными формами сотрудничества между китайскими и узбекскими университетами являются создание и развитие Институтов Конфуция, разработка совместных школьных программ и реализация программ студенческого обмена. В качестве важной платформы для продвижения обучения китайскому языку и распространения китайской культуры во многих городах Узбекистана были созданы Институты Конфуция, предоставляющие местным студентам возможность изучать китайский язык и понимать китайскую культуру. С другой стороны, совместные программы по

управлению школами позволили добиться оптимального распределения образовательных ресурсов за счет совместного использования учебных программ и взаимного признания зачетов, а также повысить уровень преподавания иностранных языков в колледжах и университетах Узбекистана. Реализация программ студенческого обмена предоставила китайским и узбекским студентам возможности для межкультурного обучения и практики, что еще больше расширило их международный кругозор. Несмотря на то, что китайские и узбекские университеты достигли положительных результатов в сотрудничестве по подготовке специалистов по иностранным языкам, потенциал сотрудничества между двумя сторонами еще не полностью раскрыт. В будущем китайские и узбекские колледжи и университеты должны и дальше укреплять обмен и сотрудничество преподавателей, повышать профессиональный уровень и педагогические способности преподавателей иностранных языков в узбекских колледжах и университетах путем взаимных командировок преподавателей и совместных научных исследований. В то же время обе стороны должны обмениваться высококачественными учебными ресурсами, например, создавать цифровые учебные платформы и совместно разрабатывать учебные материалы, чтобы решить проблему нехватки учебных ресурсов в узбекских университетах. Китайские и узбекские университеты также могут совместно разрабатывать курсы, связанные с «Один пояс, один путь», сочетая изучение языка с региональными экономическими и культурными исследованиями, чтобы выращивать высококачественные таланты, владеющие иностранными языками и знакомые с национальными условиями стран, расположенных вдоль «Один пояс, один путь».

Сотрудничество между китайскими и украинскими университетами в области подготовки иноязычных талантов имеет широкие перспективы. Углубляя сотрудничество, обе стороны смогут не только повысить уровень обучения иностранным языкам в узбекских университетах, но и обеспечить надежную поддержку талантов для углубленного продвижения инициативы «Один пояс, один путь». В будущем китайские и узбекские университеты должны продолжать поиск инновационных форм сотрудничества, в полной мере использовать свои преимущества, совместно содействовать высококачественному развитию регионального образовательного сотрудничества и вносить вклад в построение сообщества человеческой судьбы.

Выводы

Проведя глубокий анализ текущей ситуации с обучением иностранным языкам в высших учебных заведениях Узбекистана в контексте инициативы «Один пояс, один путь», данное исследование выявляет двойственное влияние инициативы «Один пояс, один путь» на высшее образование Узбекистана. С одной стороны, эта инициатива предоставляет новые возможности развития для выращивания иноязычных талантов в колледжах и университетах Узбекистана и способствует процессу интернационализации образования и инновационному способу выращивания талантов; с другой стороны, колледжи и университеты Узбекистана по-прежнему сталкиваются с проблемами нехватки преподавателей, недостатка учебных ресурсов и разного уровня владения иностранными

языками студентами в области обучения иностранным языкам. Чтобы справиться с этими проблемами, узбекские университеты активно корректируют режим обучения иностранным языкам, оптимизируют свои профессиональные условия, внедряют инновационные методы обучения и усиливают практическое преподавание, и достигли определенных результатов. В то же время сотрудничество между китайскими и узбекскими университетами в области подготовки кадров на иностранных языках также имеет широкие перспективы, и обе стороны достигли значительных результатов в совместном использовании образовательных ресурсов и повышении качества подготовки кадров с помощью различных форм, таких как Институты Конфуция, совместные школьные программы и студенческие обмены.

Список источников

1. Иньфэн Г. Шансы развития и вызовы культурных обменов между провинцией Ляонин и русскоязычными странами в рамках инициативы «Один пояс – один путь» // Евразия. Диалог культур. 2023. № 1. С. 459 – 464.
2. Ли А. Инициатива «Один пояс, один путь» и Центральная Азия: новая тенденция в интернационализации высшего образования? // Международное высшее образование. 2018. № 92. С. 20 – 22.
3. Цзюй Ч., Юн С.М. Политика КНР в сфере интернационализации высшего образования и развитие образовательного сотрудничества Китая и Узбекистана // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 113 – 124.
4. Ливэй Ч. Перспективы преподавания страноведения России в Китае в контексте «Один пояс, один путь» // Экология языка и речи: материалы конф. 2021. С. 226 – 231.
5. Хуа Ц., Аринушкина А.А., Машкина О.А. Роль образовательной стратегии Китая в достижении ключевых задач проекта «Один пояс – один путь» // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2023. № 4. С. 94 – 114.
6. Цян Ю. Новые сигналы в Самаркандской декларации и проблемы, с которыми можно столкнуться при ее осуществлении // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 5. С. 111 – 117.
7. Яньян Ж. Вызовы и ответы, с которыми сталкиваются русскоязычные таланты в Китае на фоне инициативы «Один пояс, один путь» // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 5. С. 124 – 134.

References

1. Yinfeng G. Development Chances and Challenges of Cultural Exchanges between Liaoning Province and Russian-Speaking Countries within the Framework of the Belt and Road Initiative. Eurasia. Dialogue of Cultures. 2023. No. 1. P. 459 – 464.
2. Li A. The Belt and Road Initiative and Central Asia: A New Trend in the Internationalization of Higher Education? International Higher Education. 2018. No. 92. P. 20 – 22.
3. Ju Z., Yun S.M. China's Policy in the Sphere of Internationalization of Higher Education and the Development of Educational Cooperation between China and Uzbekistan. Bulletin of Tomsk State University. 2022. No. 482. P. 113 – 124.
4. Liwei Ch. Prospects for Teaching Russian Regional Studies in China in the Context of “One Belt, One Road”. Ecology of Language and Speech: Conf. 2021. P. 226 – 231.
5. Hua Q., Arinushkina A.A., Mashkina O.A. The Role of China's Educational Strategy in Achieving the Key Objectives of the “One Belt, One Road” Project. Bulletin of Moscow University. Series 20. Pedagogical Education. 2023. No. 4. P. 94 – 114.

6. Qiang Yu. New Signals in the Samarkand Declaration and the Problems That May Be Encountered in Its Implementation. Social and Political Sciences. 2022. Vol. 12. No. 5. P. 111 – 117.

7. Yanyan J. Challenges and Responses Faced by Russian-Speaking Talents in China amid the Belt and Road Initiative. Social and Political Sciences. 2022. Vol. 12. No. 5. P. 124 – 134.

Информация об авторах

Ильмира Ильяс, Синьцзянский педагогический университет, Урумчи, Китай, 897642357@qq.com

Лю Жун, аспирант, Синьцзянский педагогический университет, Урумчи, Китай, 897642357@qq.com

© Ильмира Ильяс, Лю Жун, 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

УДК 37.013

Влияние бального танца на развитие эстетического восприятия у студентов

¹ Пань Фусяо

¹ Российский университет дружбы народов

Аннотация: в статье рассматривается эстетическая составляющая бального танца как особого хореографического направления, играющего важную роль в формировании художественно-эстетического восприятия обучающихся. Исследование основано на междисциплинарном методологическом подходе, включающем анализ философских, педагогических и социокультурных аспектов бального танца. Особое внимание уделено концепциям эстетического восприятия, предложенным Арнольдом Берлеаном, Жаном-Люком Нанси и Умберто Эко, а также их применению в изучении выразительных свойств хореографии. Обсуждаются преимущества обучения бальным танцам в учебных заведениях. Несмотря на изменения в моде, бальный танец продолжает оставаться значимым элементом культуры, способствуя развитию эстетического восприятия как у профессиональных исполнителей, так и у студентов, только начинающих знакомство с искусством танца. В процессе занятий студенты учатся работать в парах, развивают координацию своих движений и способность подстраиваться под ритм партнера. Занятия бальными танцами формируют ответственное отношение к обучению, а опыт выступлений позволяет участникам стать более уверенными на сцене и раскрыть свои творческие способности. Более того, регулярные практики дают возможность студентам углубить свои знания и расширить свои эстетические предпочтения.

Ключевые слова: бальный танец, эстетическое восприятие, эстетические взгляды, педагогика искусства, воспитательные задачи образования

Для цитирования: Пань Фусяо Влияние бального танца на развитие эстетического восприятия у студентов // Современный ученый. 2025. № 4. С. 366 – 372.

Поступила в редакцию: 12 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 15 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

The influence of ballroom dance on the development of aesthetic perception in students

¹ Pan Fuxiao

¹ Peoples' Friendship University of Russia

Abstract: the article examines the aesthetic component of ballroom dancing as a special choreographic direction that plays an important role in the formation of artistic and aesthetic perception of students. The study is based on an interdisciplinary methodological approach, including the analysis of philosophical, pedagogical and socio-cultural aspects of ballroom dancing. Particular attention is paid to the concepts of aesthetic perception proposed by Arnold Berleand, Jean-Luc Nancy and Umberto Eco, as well as their application in the study of the expressive

properties of choreography. The advantages of teaching ballroom dancing in educational institutions are discussed. Despite changes in fashion, ballroom dancing continues to be a significant element of culture, contributing to the development of aesthetic perception in both professional performers and students just beginning their acquaintance with the art of dance. During classes, students learn to work in pairs, develop coordination of their movements and the ability to adapt to the rhythm of their partner. Ballroom dancing classes develop a responsible attitude towards learning, and the experience of performing allows participants to become more confident on stage and reveal their creative abilities. Moreover, regular practices give students the opportunity to deepen their knowledge and expand their aesthetic preferences.

Keywords: ballroom dance, aesthetic perception, aesthetic views, art pedagogy, educational objectives of education

For citation: Pan Fuxiao The influence of ballroom dance on the development of aesthetic perception in students. Modern Scientist. 2025. 4. P. 366 – 372.

The article was submitted: December 12, 2024; Approved after reviewing: February 15, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

В наше время культура играет важную роль в возрождении общечеловеческих ценностей и создании единого культурного пространства. Экономический рост побуждает людей к творчеству, характеризующемуся разнообразием и открытостью к новшествам. Одним из древнейших видов деятельности человека является танец – с его помощью люди выражали чувства и эмоции, совершали обряды, а также общались с высшими силами. С течением времени появилось множество танцевальных направлений, каждое из которых обладает уникальным набором характеристик. В данной статье будет рассмотрена эстетическая составляющая бального танца, как особого хореографического направления.

Современный бальный танец охватывает повседневные жизненные моменты, праздники и мероприятия, где его ключевая задача – это содействие общению между людьми. Тем не менее, социальные функции бального танца гораздо глубже, поскольку они включают в себя множество эстетических и этических задач, связанных с обучением танцам на протяжении веков. В новом тысячелетии возникли новые условия, требующие от людей особой социальной активности. В рамках государственной политики по сохранению культурного наследия были успешно реализованы проекты, акцентирующие внимание на художественно-эстетическом воспитании. Бальные танцы как соревновательный вид спорта быстры, мощны и динамичны, заставляя танцоров работать на пределе своих сил и выносливости. Оба партнера должны приложить равное количество энергии и сил, чтобы движения были синхронными и слаженными. Необходимость чувствовать ритм музыки, делать точные движения и синхронизиро-

вать их с партнером требуют высокого уровня координации и концентрации внимания.

Материалы и методы исследований

В данной статье использован междисциплинарный методологический подход, позволяющий проанализировать эстетическую составляющую бального танца через призму различных гуманитарных дисциплин. Основу исследования составили концепции эстетики, философии искусства, педагогики и социокультурного анализа. В качестве теоретической базы рассмотрены работы таких исследователей, как Арнольд Берлеан, Жан-Люк Нанси, Умберто Эко, а также современные исследования, посвященные роли бального танца в образовательных и культурных процессах. Анализ эстетического восприятия танцевальных движений осуществлялся с опорой на концепции выразительных свойств искусства и их интерпретации в контексте зрительского восприятия.

В ходе исследования также рассмотрены современные педагогические технологии, применяемые в обучении бальному танцу, включая соматическое обучение, аналитический тренинг и визуальные методики. Такой комплексный подход позволил раскрыть взаимосвязь между физической и эстетической подготовкой, выявить особенности художественного восприятия танца и определить перспективные направления в преподавании бальной хореографии.

Результаты и обсуждения

Бальные танцы имеют долгую историю развития, их истоки восходят к эпохе Возрождения в Европе [6, с. 67]. В это время светские танцы были неотъемлемой частью придворной жизни и рассматривались как средство поощрения социального этикета и культурной утонченности. Вальс, один из самых знаковых бальных танцев, появился

в конце XVIII века и быстро завоевал популярность среди аристократии. По мере развития бальных танцев появлялись новые стили и вариации, отражающие меняющийся социальный и культурный ландшафт. Фокстрот, например, получил широкое распространение в начале XX века под влиянием регтайма и джазовой музыки того времени [6, с. 153]. Танго с его страстными и чувственными движениями покорило зрителей по всему миру после того, как было привезено из Аргентины в начале 1900-х годов. Сегодня бальный танец продолжает играть важную роль в различных культурах, а конкурсы, показательные выступления и светские мероприятия отмечают его непреходящее наследие. Эти мероприятия не только демонстрируют артистизм и мастерство танцоров, но и предоставляют возможности для культурного обмена и сохранения традиционных стилей бального танца.

Бальные танцы доступны не только в специальных хореографических студиях и профессиональных школах. Эта дисциплина также бывает включена в программы высших образовательных учреждений. Зачастую бальные танцы преподаются как факультативная дисциплина, а иногда – как обязательный для посещения курс, наравне с физической культурой. Преподавание бальных танцев студентам имеет множество преимуществ – не только для физического развития, но и для культурного становления личности. Во-первых, осваивая и отрабатывая танцевальные навыки, студенты могут улучшить общую физическую координацию и научиться лучше чувствовать свое тело; во-вторых, бальные танцы способствуют развитию творческих способностей и самовыражению. Они позволяют студентам изучать различные танцевальные стили, осваивать хореографию и добавлять в свои выступления собственное художественное чутье. Это не только повышает их творческий потенциал, но и помогает им обрести уверенность в себе и развить свою индивидуальность.

Безусловно, бальные танцы воспитывают в студентах дисциплину и настойчивость. Регулярные тренировки и стремление к техническому совершенству танцевальных движений учат танцовщиков ценить упорный труд, самоотдачу и важность постановки и достижения целей. Бальный танец, как искусство самовыражения и взаимодействия между людьми, способствует развитию активной и творческой личности. Кроме этого, обучение бальным танцам может оказывать серьезное влияние на развитие эстетического восприятия у обучающихся. Для рассмотрения этого процесса

необходимо определить наполнение категории «эстетика», в частности, «эстетическое восприятие» в современном мире.

Дихотомия между терминами «эстетика» и «поэтика» отсылает к процессу создания и процессу восприятия произведения искусства. В качестве методологической основы можно использовать определение «эстетического поля», предложенное Арнольдом Берлеаном, как определяющее этот тип опыта [9, с. 42]. Жан-Люк Нанси определял эстетику как «чувствование чувства», особое внимание уделяя объяснению трансдисциплинарной природы эстетики, охватывающей влияние различных дисциплин: социологии, психологии, антропологии, и др. [10, с. 36]. Эстетические категории, таким образом, обогащаются такими критериями, как фрагментарность, гетерогенность, случайность и т.д. Трансдисциплинарный подход к эстетике кажется наиболее подходящим для исследования современных танцевальных спектаклей, учитывая их гетерогенную природу (гетерогенность не ограничивается тем, что танцевальный спектакль опирается на другие искусства или на науку, технику и т.д., но также подчеркивает гетерогенный характер танцевального спектакля, созданного из тела, движения, слова, звука, голоса и т.д.). Например, согласно Умберто Эко, эстетическая рефлексия требует подхода, демонстрирующего проблемы, которые особенно заметны в области танца, но которые могут обогатить общую рефлексию об искусстве и/или человечестве [7, с. 141]. Современный танец таким образом делает видимыми процессы эстетизации, которым подвергается человеческое тело и его окружение, а также межличностные отношения людей – как самих танцующих, так и зрителей.

При рассмотрении феномена «эстетического восприятия» появляется необходимость обозначить, каким образом человек воспринимает и понимает искусство танца. Анализ хореографической выразительности должен описывать различные виды движений, задействованных в танце, и признавать их решающую роль. Основное внимание при восприятии танца может быть уделено физическому измерению человеческого движения без отрицания художественной значимости различных существующих танцевальных стилей как для танцоров, которые ими овладевают, так и для зрителей, которые их ценят и идентифицируют. Стоит обозначить, что танцевальные движения, прежде всего, вне зависимости от их стилистической классификации, являются выражением человеческой природы, то есть движениями, которые

проявляют предрасположенность и возможности определенного типа тела [3, с. 136]. Таким образом можно утверждать, что танцевальные движения – это контекстуальные взаимодействия, которые включают в себя определенную меру пассивности и отзывчивости, как на физическом, так и на эстетическом уровнях описания. Из этого означает, что иметь соответствующий эстетический опыт танцевального произведения, – это способность воспринимать и правильно идентифицировать некоторые физические свойства как выразительные благодаря набору когнитивных элементов, касающихся общего контекста постановки, включая стилистические соображения. Будучи объектами непосредственного опыта, выразительные свойства не связаны с соответствующим контекстуальным и когнитивным фоном: следовательно, оценка танца может заключаться в приписывании произведениям любых свойств, в зависимости от того, кто их испытывает. Эстетическое содержание, смысл и ценность хореографического произведения – это субъективные проекции, соотносимые с воспринимающим. Если эстетические суждения и свойства относительны, то произведения искусства лишены объективной ценности и передаваемого смысла: такая точка зрения не может служить основанием для утверждения, что любая интерпретация танца правильнее любой другой. Напротив, контекстуализм подразумевает, что наш опыт, каким бы он ни был, является адекватным [4, с. 193].

Эстетическое развитие молодежи через искусство всегда оставалось важной задачей для системы образования. Оно предоставляет возможность для общеэстетического образования, равномерно охватывая все виды искусства, под воздействием природы, общественной жизни и культуры. Обучение танцам не только открывает доступ к искусству, но и формирует эстетическое восприятие окружающего мира, воспитывая в человеке более глубокое понимание красоты. Воспитание и образование нацелены на формирование гармонично развитой личности, задачей которой остается адаптация к современным условиям жизни. Процесс воспитания обладает своими особенностями и является более многогранным, нежели обучение, поскольку он затрагивает внутренний мир личности, её убеждения, потребности и взгляды [2, 5].

Художественно-эстетическое воспитание также формируется под влиянием медиа, это особенно очевидно в современном мире, переполненном потоками информации. В этом контексте особую роль играет балльная хореография, которая помога-

ет обучающимся осознать социальную значимость происходящих явлений и развивает способность сопереживать. Задача заключается в том, чтобы обучить учащихся добиваться результатов, эффективно взаимодействовать друг с другом, уметь сопереживать и оценивать красоту форм и звуков, тем самым способствуя их личностному росту. Эстетическое воспитание должно способствовать у студентов развитию комплекса знаний, умений и навыков. Балльные танцы не только учат замечать и создавать прекрасное, но и развивают воображение, а также создавать собственную исполнительскую интерпретацию во время исполнения танцевальных движений. Важно, чтобы занятия балльными танцами способствовали полноценному развитию личности и её духовной сферы.

Ключевые аспекты художественно-эстетического воспитания на уроках балльного танца заключаются в необходимости подробно рассматривать вопросы художественного и эстетического развития учащихся работать над их художественной культурой как частью общей духовной культуры. Студенты среднеспециальных и высших учебных заведений зачастую впервые сталкиваются с танцевальной практикой именно на общих занятиях хореографией. Учитывая, что нравственная культура развивается под влиянием окружения и художественных образцов, синтеза искусств, таких как музыка, хореография и живопись, балльный танец может стать важным инструментом личностного нравственного роста студента. Для успешного и разнообразного художественно-эстетического воспитания важно поддерживать и развивать коллективы балльного танца, которые обеспечивают преемственность воспитательного процесса среди разных возрастов и стимулируют активное творчество. Педагоги должны осознавать свою роль в воспитательном процессе и содействовать эстетическому развитию студентов не только во время занятий. Полезной практикой станет, например, традиция совместных поход в театр на балет, или на концерты хореографических коллективов. Таким образом студенты смогут нарабатывать насмотренность и начать лучше разбираться в различных направлениях хореографии, что может положительно сказаться на развитии эстетического восприятия [8].

Преподавателям балльных танцев также необходимо непрерывно повышать свою профессиональную квалификацию и разрабатывать курс занятий таким образом, чтобы студенты смогли раскрыть свой творческий потенциал даже на начальном уровне. Следует внимательно относиться к репер-

туару, учитывая возрастные особенности воспитанников и организовывать совместные занятия с применением современных педагогических технологий, включая различные формы взаимодействия. Важно донести студентам мысль о том, что взаимодействие с миром искусства может преобразить их жизнь и позволить нести красоту в окружающий мир, создавать собственные художественные образы. Характер художественно-эстетического воспитания в группе бального танца определяется успешным смешением художественно-исполнительских, педагогических и социальных компонентов. Педагогические усилия направлены на развитие у студентов определенного мировоззрения, нравственной культуры и эстетических навыков. Кроме того, это помогает раскрыть индивидуальность каждого обучающегося и вдохновляет на активное участие в исполнительском искусстве, формируя личностную позицию. Эти цели достигаются путем вовлечения участников в учебную и творческую деятельность. Важно понять – какие отношения возникают в процессе занятий между преподавателями и участниками коллектива, такие же моральные принципы закрепляются на практике. Саморазвитие и самовоспитание занимают центральное место в этом процессе. Педагог использует разнообразные методы воздействия, направленные на формирование навыков творчества и работы, а также на развитие психических качеств, таких как воображение и эмоциональная отзывчивость.

Внедрение курса бальных танцев в учебные программы имеет особую художественную ценность в реализации преподавания и может способствовать повышению качества образования во всех областях. Эстетическое значение бальных танцев отражается в совокупности особенностей хореографического искусства, направленного на развитие физических и духовно-нравственных качеств. Если рассматривать эстетическое восприятие студентов, обучающихся на хореографов и артистов, появляется возможность выявить отличительные особенности современного профессионального образования в области хореографии. Следовательно, можно предположить, что в будущем для улучшения подготовки будущих хореографов будут использоваться различные методики, делающие акцент на социально-эмоциональном обучении.

Важным аспектом является использование современного опыта в программах обучения бальным танцам. Продуманная система обучения позволяет постоянно обновлять знания педагогов, что

повышает уровень подготовки студентов и открывает лучшие перспективы трудоустройства [3, с. 216]. Вовлечение общественных организаций в процесс обучения способствует установлению социальных контактов в профессиональной среде. В то же время эффективность использования конкурентного подхода вызывает споры, причем в равной степени как положительные, так и отрицательные. Особый акцент на навязывание конкуренции привел к тому, что абитуриенты слишком узко воспринимают значение бальных танцев, и вместо того, чтобы практиковаться в искусстве хореографии, начинают выбирать лучшие варианты, чтобы понравиться приемной комиссии. Кроме того, такие студенты могут потерять связь между получением теоретических и практических навыков. Следовательно, актуальными останутся другие варианты организации учебного процесса. По этой причине большое значение будет иметь соматическое обучение, которое в настоящее время используется в ведущих европейских странах. В то же время практическое значение будет иметь использование инновационных методик обучения бальным танцам, в частности, шагового и аналитического тренинга, танцевальной анимации, визуальной матрицы, ментальных танцевальных карт, совместного обучения.

Инновационные технологии также доказывают свою эффективность, и можно предположить, что их дальнейшая трансформация повлияет на развитие высшего хореографического образования в целом. Они смогут послужить мощным резервом для повышения уровня физической подготовки. Эффективными фитнес-технологиями являются аэробные методы: кардиотренировки; циклические упражнения; отдельные танцевальные техники, восточные танцы, а также методики быстрого восстановления после тяжелых физических нагрузок [1, с. 61]. В то же время при выборе техник и методов обучения следует ориентироваться на поэтапную систему тренировок, учитывающую личностно-ориентированный подход, психологические и физиологические потребности учащихся.

Выводы

Несмотря на постоянные смены трендов, бальный танец остается важным направлением в культуре и способствует развитию эстетического восприятия не только у профессиональных танцовщиков, но и у студентов, начинающих познавать искусство бального танца. Благодаря занятиям студенты осваивают работу в парах, учатся координировать собственные движения, а также подстраиваться под движения партнера. Бальный та-

нец воспитывает ответственное отношение к занятиям, а практика выступлений помогает почувствовать себя уверенно на публике и раскрыть творческий потенциал. Кроме того, при регулярных занятиях студенты имеют возможность развить свое представление об искусстве, узнать

больше о различных танцевальных направлениях и разнообразить эстетические вкусы. Таким образом, бальный танец комплексно воздействует на развитие студентов – как на физическую форму и ментальное здоровье, так и на эстетическое восприятие.

Список источников

1. Болотникова Т.Г. Применение образовательных технологий в обучении спортивным бальным танцам // Современное образование: традиции и инновации. 2017. № 1. С. 60 – 63.
2. Верхоляк А.В. Воздействие внешних факторов на гармоничное развитие у студентов-хореографов творческой деятельности // Science Time. 2014. № 9 (9). С. 53 – 60.
3. Мур А. Бальные танцы: методическое пособие. М.: ООО Астрель, 2004. 319 с.
4. Преснова И.О., Грязнова К.И. Эстетика в информационном обществе: социологическая задача эстетики // Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты: Сборник научных статей 7-й Международной научно-практической конференции, Курск, 21-22 сентября 2017 года. 2017. С. 192 – 194.
5. Ронь И.Н. Многогранность развития ребенка в условиях детского танцевального коллектива // Тезисы докладов XXXVII научной конференции студентов и молодых ученых вузов южного федерального округа. 2010. С. 162 – 163.
6. Усанова Н.С. Становление бального танца, как самостоятельного жанра хореографии и трансформация его в спортивный танец // От фольклора до сценических видов танца: Сборник материалов Международной научно-практической конференции кафедры Педагогика балета Института славянской культуры, Москва, 13-14 ноября 2018 года. Том Выпуск 1. Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)". 2019. С. 65 – 69.
7. Усманова А.Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. М.: «Пропилеи», 2000. 200 с.
8. Чуприна А.О. Эстетическое развитие личности средствами спортивно-бальных танцев // Культурные тренды современной России: от национальных истоков к культурным инновациям. 2019. С. 249 – 252.
9. Berleant A. The aesthetic field: phenomenology of aesthetic experience // First Edition. 970. 237 p.
10. Hughes R. An Introduction to the Aesthetics of Jean-Luc Nancy // Studies on Art and Architecture. 2013. № 22. P. 22 – 37.

References

1. Bolotnikova T.G. Application of educational technologies in teaching ballroom dancing. Modern education: traditions and innovations. 2017. No. 1. P. 60 – 63.
2. Verkholyak A.V. Impact of external factors on the harmonious development of creative activity in student choreographers. Science Time. 2014. No. 9 (9). P. 53 – 60.
3. Mur A. Ballroom dancing: a methodological manual. Moscow: ООО Astrel, 2004. 319 p.
4. Presnova I.O., Gryaznova K.I. Aesthetics in the information society: the sociological task of aesthetics. Trends in the development of modern society: managerial, legal, economic and social aspects: Collection of scientific articles of the 7th International Scientific and Practical Conference, Kursk, September 21-22, 2017. 2017. P. 192 – 194.
5. Ron I.N. The versatility of a child's development in a children's dance group. Abstracts of reports of the XXXVII scientific conference of students and young scientists of higher education institutions of the Southern Federal District. 2010. P. 162 – 163.
6. Usanova N.S. Formation of ballroom dancing as an independent genre of choreography and its transformation into sport dance. From folklore to stage types of dance: Collection of materials of the International scientific and practical conference of the Department of Ballet Pedagogy of the Institute of Slavic Culture, Moscow, November 13-14, 2018. Volume Issue 1. Moscow: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "A.N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art)". 2019. P. 65 – 69.
7. Usmanova A.R. Umberto Eco: Paradoxes of Interpretation. Moscow: "Propylaea", 2000. 200 p.

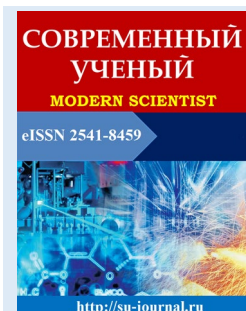
8. Chuprina A.O. Aesthetic development of personality by means of sports and ballroom dancing. Cultural trends of modern Russia: from national origins to cultural innovations. 2019. P. 249 – 252.
9. Berleant A. The aesthetic field: phenomenology of aesthetic experience. First Edition. 970. 237 p.
10. Hughes R. An Introduction to the Aesthetics of Jean-Luc Nancy. Studies on Art and Architecture. 2013. No. 22. P. 22 – 37.

Информация об авторе

Пань Фусяо, аспирант, Институт иностранных языков, Российский университет дружбы народов, 1050452201qq@gmail.com

© Пань Фусяо, 2025

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

УДК 343.3/.7

Особенности института соучастия в преступлении в условиях развития цифровой среды

¹ Милкина Е.В., ¹ Железогло М.Г.

¹ Херсонский государственный педагогический университет

Аннотация: в настоящей научной работе автор кратко анализирует особенности современного состояния института соучастия в преступлении в условиях развития цифровой среды. Прежде всего, автор рассматривает сущность и характеристики самого по себе института соучастия, анализирует его составляющие. Далее автор исследует уже особенности института соучастия, встречающиеся в современных условиях цифровой трансформации, включая анализ примеров судебной практики по теме. В заключении научной статьи автор отмечает, что институт соучастия сегодня продолжает развиваться и совершенствоваться, однако это явно нельзя назвать позитивной тенденцией. Объектом исследования являются особенности современного состояния института соучастия в преступлении в условиях развития цифровой среды. Целью исследования является комплексный, последовательный анализ особенностей современного состояния института соучастия в преступлении в условиях развития цифровой среды. Методы исследования: формально-юридический, сравнительный анализ, диалектический, обобщение, конкретизация, систематизация, дедукция, иные методы теоретического и практического уровней научного познания. Научная новизна исследования заключается в подготовке комплексного исследования, формировании авторских выводов относительно особенностей современного состояния института соучастия в преступлении в условиях развития цифровой среды. Данная научная статья, таким образом, будет полезна теоретикам, практикам, обучающимся и профессорско-преподавательскому составу юридических и иных направлений подготовки, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами и перспективами современного состояния института соучастия в преступлении в условиях развития цифровой среды.

Ключевые слова: соучастие, соучастник, преступление, уголовная ответственность, уголовное наказание, цифровизация, цифровая трансформация, современное состояние

Для цитирования: Милкина Е.В., Железогло М.Г. Особенности института соучастия в преступлении в условиях развития цифровой среды // Современный ученый. 2025. № 4. С. 373 – 379.

Поступила в редакцию: 5 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 9 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Features of the institute of complicity in crime in the context of developing digital environment

¹ Milkina E.V., ¹ Zhelezoglo M.G.

¹ Kherson State Pedagogical University

Abstract: in this scientific work, the author briefly analyzes the features of the current state of the institute of complicity in crime in the context of developing digital environment. First of all, the author considers the essence and characteristics of the institute of complicity itself, analyzes its components. Then the author examines the features of the institute of complicity encountered in the current conditions of digital transformation, including an analysis of examples of judicial practice on the topic. In the conclusion of the scientific article, the author notes that the institute of complicity today continues to develop and improve, but this clearly cannot be called a positive trend. The object of the study is the features of the current state of the institute of complicity in crime in the context of developing digital environment. The purpose of the study is a comprehensive, consistent analysis of the features of the current state of the institute of complicity in crime in the context of developing digital environment. Research methods: formal-legal, comparative analysis, dialectical, generalization, specification, systematization, deduction, and other methods of theoretical and practical levels of scientific knowledge. The scientific novelty of the study lies in the preparation of a comprehensive study, the formation of the author's conclusions regarding the features of the current state of the institution of complicity in a crime in the context of the development of the digital environment. This scientific article, therefore, will be useful to theorists, practitioners, students and faculty of legal and other areas of training, as well as a wide range of readers interested in the problems and prospects of the current state of the institution of complicity in a crime in the context of the development of the digital environment.

Keywords: complicity, accomplice, crime, criminal liability, criminal punishment, digitalization, digital transformation, current state

For citation: Milkina E.V., Zhelezoglo M.G. Features of the institution of complicity in crime in the context of the development of the digital environment. Modern Scientist. 2025. 4. P. 373 – 379.

The article was submitted: December 5, 2024; Approved after reviewing: February 9, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Ст. 32 УК РФ определяет сущность и особенности правового статуса института соучастия в современной российской практике [7]. Так, в соответствии с данной нормой, под данным термином понимается умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления. На основании представленного определения обозначим ключевые характеристики института соучастия.

Материалы и методы исследований

Во-первых, это совершение преступления несколькими лицами – двумя и более, при этом каждое из них должно достигнуть возраста привлечения к уголовной ответственности, обладать критерием вменяемости. Во-вторых, такое преступление обязательно совершается умышленно, т.е., мы говорим о субъективной стороне состава преступления, что выражается в форме вины в виде умысла. Как видно из обозначенного термина, такой умы-

сел в рассматриваемом контексте подразумевается двойным: т.е., касается и умышленного участия двух и более лиц, и характеристики самого преступления в принципе [3, 7]. Иными словами, соучастники действуют в единой организации, совместно, дополняют друг друга, имеют единые для всех преступные последствия.

Продолжая общую характеристику института соучастия, также отметим, что внутри такой группы соучастников подразумевается разделение ролей: в соответствии со ст. 35 УК РФ, это пособник, подстрекатель, организатор, исполнитель. По форме соучастия совершение подобных преступлений также подразделяется на некоторые классификации, а каждый из соучастников, в конечном итоге, несет уголовную ответственность в зависимости от его роли и степени участия в совершенном преступлении.

Отметим также, что соучастие выступает квалифицирующим признаком, т.е., за совершение

преступление в соучастии подразумевается более строгое уголовное наказание.

В конечном итоге, отметим, что само понятие соучастия в преступлении, предусмотренное в современном уголовном законодательстве, все же признаки и значение его в полной мере не охватывает. Такие преступления, безусловно, характеризуются повышенной общественной опасностью – это общеизвестный факт. Об этом говорит хотя бы то, что совершение деяния группой лиц нередко применяется в качестве квалифицирующего признака, влекущего более суровую меру ответственности по сравнению с аналогичными преступлениями, совершенными в одиночку [4, 7]. Эти преступления более опасны и в силу повышенной вероятности их латентности. Большое количество участников увеличивает возможности для сокрытия следов преступления, способствует большей изощренности преступного замысла и облегчает само совершение деяния.

Очевидно, что цифровая трансформация, затронувшая также и уголовную практику, непосредственным образом повлияла и на развитие института соучастия.

Совершение киберпреступлений в самых разных направлениях общественной жизни сегодня является достаточно серьезной проблемой отечественной уголовной практики. Такие преступления сложно выявлять, расследовать, еще сложнее – осуществлять эффективные превентивные мероприятия. Проблемой является и институт соучастия. Обратим внимание на особые его характеристики, актуальные в условиях развития современной цифровой среды [8].

Во-первых, обратим внимание на проблемы выявления цифрового соучастия. Одним из свойств киберпреступлений выступает анонимный характер их совершения, это же является и главной проблемой в расследовании – сеть Интернет позволяет совершить преступление неустановленному лицу, которое легко может «скрыться», да и в принципе совершить преступные действия, фактически находясь даже на территории другого государства. В случае, если такое лицо все же будет обнаружено правоохранными органами, крайне сложно будет доказать его причастность к совершению преступления, а также причастность других лиц, если таковые присутствуют. Фактически доказать соучастие в подобной ситуации возможно, только если лицо, совершившее преступление, даст признательные показания на соучастников, иначе на практике решить обозначенную проблему крайне сложно. Учитывая трансгранич-

ный характер большей части совершаемых киберпреступлений, задача еще более усложняется, превращаясь буквально в невыполнимую [2, 5].

Во-вторых, можно говорить об отсутствии территориального единства в местонахождении таких соучастников. К примеру, если рассматривать совершенное в очном формате преступление (в частности, грабеж, убийство, кражу и т.д.), то либо все соучастники в момент совершения преступления будут находиться в одном месте, либо их большая часть (к примеру, за исключением организатора). При совершении киберпреступлений соучастникам не обязательно находиться на одной территории в любой момент подготовки или совершения преступления. Более того, как уже отмечалось выше, соучастники могут вообще находиться на территории различных государств, и при этом достаточно эффективно действовать совместно. Это усложняет не только процесс выявления киберпреступлений, но и их расследования, ведь на практике актуальным становится даже привлечение к сотрудничеству правоохранительных органов зарубежных государств, особенно когда вина того или иного соучастника представляется доказанной.

В-третьих, важным выступает такой критерий, как постоянное совершенствование, развитие киберпространства и отдельных его составных элементов. Опять же, проанализируем категории преступлений, которые ввиду их характеристик назовем традиционными [6]. Какие особенности организации и совершения, например, убийства оказались внедрены в практику в последние годы? Безусловно, примеры таких изменений привести можно, однако в целом криминалистические и криминологические характеристики совершения таких преступлений остаются стандартными, не подвергаются особым изменениям. Совершенно иначе дело обстоит с киберпреступлениями. Здесь одной из актуальных проблем современных российских правоохранительных и следственных органов выступает необходимость постоянного повышения квалификации, обучения сотрудников, привлечения профильных специалистов в рамках уголовных дел данных категорий. Аналогичным образом постоянно технологически развивается и институт соучастия: разрабатываются новые формы, реализуются новые направления, что позволяет соучастникам действовать более эффективно, усложняя тем самым процесс выявления и расследования. И если уполномоченным субъектам в данной части сложнее, ведь повышение квалификации требует временных, финансовых, организа-

ционно-управленческих затрат, то лицам, совершающим преступления, гораздо проще, ведь от степени их квалификации напрямую зависит эффективность совершаемых противоправных действий. Таким образом, мы наблюдаем, как наиболее многочисленные группы соучастников зачастую максимально профессиональны и квалифицированы [8].

В-четвертых, несмотря на широкое распространение киберпреступлений, также мы можем говорить о преступлениях гибридного характера, где ряд соучастников действуют очно, другие – дистанционно. Например, перед совершением угона транспортного средства соучастники некоторое время наблюдают за объектом угона через видеокамеры, расположенные в общественных местах, либо осуществляют фото- и видеофиксацию действий потенциальной жертвы. Или, к примеру, после разработки фальшивого сайта какого-либо государственного органа соучастники начинают обходить пенсионеров, предлагая им оформить в электронном виде заявления на получение того или иного вида социальной поддержки. Иными словами, технологические компетенции тех или иных соучастников активно используются при подготовке к совершению традиционных преступлений. На практике это делает их более изощренными, сложными по своей структуре и содержанию, а также делает менее доступными их выявление и расследование [6].

Кратко перечислим также и ряд других особенностей современного состояния института соучастия в преступлении в условиях развития цифровой среды:

- необходимость усиления реализации мер противодействия такому соучастию;
- внедрение новых элементов доказательной базы (например, цифровых следов);
- усиление роли экспертизы в части доказывания вины того или иного соучастника;
- иные [10].

Проанализируем некоторые примеры из судебной практики. Так, сотрудник кредитной организации Н. вошел в преступный сговор с братом своей жены Р., который ранее возглавлял преступную группировку, однако был привлечен к уголовной ответственности и провел в местах лишения свободы 15 лет. После освобождения из мест заключения он решил продолжить преступную деятельность и воспользовался тем, что его родственник Н. возглавлял службу безопасности крупной кредитной организации. Создав организованную группу, Р. рассчитывал получить персональные

данные кредиторов и заемщиков, использовать их в своей преступной деятельности. Однако уже на заключительной стадии подготовки к совершению преступления Н. отказался от своих намерений, обратился в правоохранительные органы, и все же был привлечен к уголовной ответственности, однако уже на менее серьезных основаниях, – к условному сроку, учитывая наличие смягчающих обстоятельств, а также чистосердечное признание [3].

В другом уголовном деле П. обратился в правоохранительные органы с заявлением о совершении кражи денежных средств с его банковских счетов. В ходе проведения следственных действий выяснилось, что П. был участником организованной группы лиц, совершающих киберпреступления в банковской сфере. Психологическая обстановка в группе была критической, поскольку П. и другой участник группы Л. постоянно делили функции лидера, спорили о методах совершения преступлений, не могли определиться с окончательной ролью каждого, а также испытывали трудности при разделе похищенных денежных средств. Когда конфликт между П. и Л. стал наиболее сложным, П. принял решение уйти из преступной группировки, сообщив о ней в правоохранительные органы и выдав Л. за ее лидера. Предварительно П. устранил следы своей причастности к группировке, обеспечил себе алиби на время совершения преступлений, однако это не помогло. Вина П., равно как и вина Л. была доказана (в т.ч. через восстановление удаленных электронных доказательств), все соучастники оказались привлечены к уголовной ответственности.

В другом уголовном деле И. и О. разработали мобильное приложение – «зеркало» мобильных приложений одного из банков, после чего осуществили взлом корпоративной почты банка, произвели рассылку всем клиентам банка информацию о смене мобильного приложения кредитной организации на другое. С появлением первых потерпевших было возбуждено уголовное дело, в ходе расследования которого выяснилось, что И. и О. в совершении преступления содействовал один из менеджеров банка – Р., который изнутри наблюдал за тем, как реагирует руководство банка, содействовал в осуществлении контроля, а также помогал в получении консультаций по тем или иным профильным вопросам. В результате все трое были привлечены к уголовной ответственности, причем в ходе проведения следственных действий выяснилось, что именно Р. был организатором совершения преступления, хотя фактически в его

исполнении не участвовал, осуществлял контрольные, консультативные функции [3].

Проанализируем еще один пример из судебной практики. Д., К. и Ж. с помощью компьютерных технологий создавали компрометирующие материалы на бизнесменов, после чего вымогали у них денежные средства за то, чтобы данные материалы не были опубликованы в сети Интернет. Длительное время преступления носили латентный характер, т.к. соучастники работали с бизнесменами среднего уровня, не вымогали существенные суммы, поэтому потерпевшим было проще заплатить, чем контактировать с правоохранительными органами. Однако, когда один из потерпевших все же обратился в полицию, вычислить и привлечь к ответственности соучастников оказалось достаточно просто. В этом примере мы наблюдаем буквально идеальную с точки зрения характеристик схему совершения киберпреступления: преступниками оказались студенты факультета информационных технологий одного из вузов, которые не предпринимали значительных действий для того, чтобы скрыться, оказались достаточно просты для того, чтобы их местонахождение вычислили, а вину – доказали. Однако приведенный пример – скорее исключение, чем правило, поскольку в большинстве случаев работа с киберпреступлениями, особенно – совершенными в соучастии, вызывает у правоохранительных и следственных органов значительные трудности самого разного вида.

В конечном итоге, как видно из представленного анализа, в настоящее время институт соучастия все более трансформируется и усложняется, и развитие цифровой среды позволяет этому процессу происходить все быстрее и эффективнее. Все больше преступлений, совершенных соучастниками, носит трансграничный характер, что в значительной степени усложняет процесс их выявления и расследования, а также непосредственно привлечение к ответственности [2, 5]. Кроме того, если говорить о традиционных категориях преступлений, то здесь развитие цифровой среды приводит к тому, что ИКТ-инструменты делают уже привычные формы и методы более изощренными, сложными. Также это актуализирует вопрос о роли качественно новой категории соучастника – технического специалиста, который на практике может выполнять только лишь функционал администратора, однако это также способствует совершению преступления.

В результате очевидным выступает крайне негативный факт: институт соучастия в преступлении в современных условиях все больше разви-

вается, совершенствуется, при этом для правоохранительных и следственных органов он становится все более недоступным. Трансграничный характер многих совершаемых такими соучастниками преступлений фактически делает их расследование невозможным [9]. Очевидно, что подобная тенденция сохранится в будущем и продолжит свое развитие, равно как и сама по себе цифровая трансформация в целом. Все это бросает новые вызовы и законодателю, и правоприменителю.

Результаты и обсуждения

Таким образом, далее кратко подведем ключевые итоги представленному научному исследованию.

Актуальность выбранной темы обуславливается тем, что преступление, совершенное группой лиц, характеризуется повышенной степенью опасности, поскольку групповое участие в преступлении облегчает его совершение, и в результате совместных действий злоумышленников может быть причинен более серьезный вред охраняемых уголовным законом объектам. В связи с этим важным является эффективная законодательная регламентация института соучастия в целях установления степени общественно опасности, квалификации содеянного и дифференциации ответственности соучастников.

Прежде всего, в работе рассматриваются сущность и особенности института соучастия, формально определенные в ст. ст. 32 и 35 УК РФ [7]. Анализ представленных положений, а также научной литературы и правоприменения, позволяет выделить следующие признаки соучастия:

- совершение преступления несколькими лицами;
- преступление обязательно совершается умышленно;
- умысел в рассматриваемом контексте подразумевается двойным;
- внутри такой группы соучастников подразумевается разделение ролей;
- иные.

Совершение киберпреступлений в самых разных направлениях общественной жизни сегодня является достаточно серьезной проблемой отечественной уголовной практики. Такие преступления сложно выявлять, расследовать, еще сложнее – осуществлять эффективные превентивные мероприятия. Проблемой является и институт соучастия.

На основе изложенного, также автором были определены актуальные особенности института

соучастия, ставшие следствием цифровой трансформации в целом:

- проблемы выявления цифрового соучастия, т.е., анонимный характер их совершения;
- отсутствие фактического территориального единства в местонахождении соучастников;
- постоянное совершенствование, развитие киберпространства и отдельных его элементов – соответственно, повышение квалификации лиц, совершающих преступления;
- некоторые преступления носят гибридный характер, где ряд соучастников действуют очно, другие – дистанционно;
- иные [4; 8].

Также в научной статье были проанализированы и некоторые примеры актуальной судебной

практики по уголовным делам рассматриваемой категории. Анализ практических примеров подтвердил высказанные ранее теоретические тезисы о том, что сегодня соучастие «идет в ногу» с развитием ИКТ-инструментов, активно использует лучшие практики в данной профессиональной области.

Выводы

В результате в научном исследовании сделан неутешительный вывод о том, что институт соучастия продолжает совершенствоваться и развиваться, что бросает новые вызовы и правоохранительным, и следственным органам, причем не только российским.

Список источников

1. Аносов А.В. Предупреждение соучастия несовершеннолетних в преступлениях в цифровую эпоху // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 13. С. 155 – 165.
2. Ларичев В.Д., Якушева Т.В. Организованная преступность и киберпреступность: вопросы соотношения и законодательного регулирования // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 165 – 170.
3. Ображиев К.В. Институт соучастия в преступлении: современные тенденции развития // Российский следователь. 2024. № 1. С. 75 – 83.
4. Родикова В.А. Перспективы и риски внедрения искусственного интеллекта в судебную практику // Российская юстиция. 2024. № 3. С. 94 – 100.
5. Андрианов В.К., Голубов И.И., Кустова В.В. и др. Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и назначения наказания: монография / под. ред. Ю.Е. Пудовочкина. Москва: РГУП, 2019. 507 с. ISBN 978-5-93916-755-0 URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2071650> (дата обращения: 15.10.2024)
6. Субачев А.К. Институт соучастия в преступлении и его отражение в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2018. 215 с.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.07.2024). Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
8. Шевелева С.В. Трансформация уголовного законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2024. № 3. С. 109 – 115.
9. Шиханов В.Н. Конкуренция общей и специальной уголовно-правовой нормы // Законность. 2022. № 3. С. 100 – 105.
10. Яцененко Б.В. Институт соучастия в преступлении: некоторые вопросы доктринальной и судебной интерпретации // Российский следователь. 2024. № 1. С. 153 – 160.

References

1. Anosov A.V. Prevention of Complicity of Minors in Crimes in the Digital Age. Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 13. P. 155 – 165.
2. Larichev V.D., Yakusheva T.V. Organized Crime and Cybercrime: Issues of Correlation and Legislative Regulation. Journal of Russian Law. 2023. No. 3. P. 165 – 170.
3. Obraziev K.V. Institute of Complicity in a Crime: Modern Development Trends. Russian Investigator. 2024. No. 1. P. 75 – 83.
4. Rodikova V.A. Prospects and Risks of Implementing Artificial Intelligence in Judicial Practice. Russian Justice. 2024. No. 3. P. 94 – 100.
5. Andrianov V.K., Golubov I.I., Kustova V.V. et al. Complicity in a crime: problems of qualification and sentencing: monograph. ed. Yu.E. Pudovochkin. Moscow: RGUP, 2019. 507 p. ISBN 978-5-93916-755-0 URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2071650> (date of access: 15.10.2024)

6. Subachev A.K. The Institute of Complicity in a Crime and Its Reflection in the Norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation: dis. ... Cand. of Law. Sciences. Vladivostok, 2018. 215 p.
7. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 12.06.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 06.07.2024). Collected Legislation of the Russian Federation. 17.06.1996. No. 25. Art. 2954.
8. Sheveleva S.V. Transformation of Criminal Legislation at the Current Stage. Journal of Russian Law. 2024. No. 3. P. 109 – 115.
9. Shikhanov V.N. Competition between General and Special Criminal Law Norms. Legality. 2022. No. 3. P. 100 – 105.
10. Yatsenko B.V. Institute of Complicity in a Crime: Some Issues of Doctrinal and Judicial Interpretation. Russian Investigator. 2024. No. 1. P. 153 – 160.

Информация об авторах

Милкина Е.В., кандидат юридических, доцент, Херсонский государственный педагогический университет

Железогло М.Г., Херсонский государственный педагогический университет, mikaterina@mail.ru

© Милкина Е.В., Железогло М.Г., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

УДК 342.7

Вопросы правового регулирования в сфере высшего образования и использования новой терминологии в период цифровой трансформации общества

¹ Баранов Д.А.

¹ Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Аннотация: в настоящей научной статье рассматривается вопрос использования новых терминов в сфере высшего образования и их правовая основа, так же затрагивается сфера высшего образования, как основа развития правового поля для студентов и преподавателей, рассматриваются препятствия для ее существования и возможности усовершенствования.

Отдельное внимание уделяется вопросу нормативного регулирования сферы высшего образования, а именно терминологии, используемой в основном нормативном акте, регулирующем данную сферу, Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации». Так, автор рассматривает устаревшие слова, которые по его мнению вышли из оборота в научном сообществе и существенно искажают суть используемого текста, рассматриваются тенденции в развитии новых терминов, приходящих на смену устаревшим и рассматривается их точность при применении в научной сфере.

Автор выделяет проблему связанную с возможностью получения первого образования в статусе студента заочного отделения по направлению «юриспруденция», а так же выделяет ряд несостыковок с таким правилом, что прямо противоречит ряду законов Российской Федерации, например ст.43 Конституции РФ, позволяющей любому человеку получать образование открыто и без каких-либо преград, после чего автор предлагает ряд изменений в действующем законодательстве по доработке такого положения.

Ключевые слова: высшее образование, Конституция Российской Федерации, право на высшее образование, первое высшее образование, права человека и гражданина, новеллы в законодательстве

Для цитирования: Баранов Д.А. Вопросы правового регулирования в сфере высшего образования и использования новой терминологии в период цифровой трансформации общества // Современный ученый. 2025. № 4. С. 380 – 385.

Поступила в редакцию: 6 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Issues of legal regulation in the field of higher education and the use of new terminology during the digital transformation of society

¹ Baranov D.A.

¹ St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Abstract: the scientific article examines the topics related to the realization of the right to higher education at the present stage, as well as existing problems and ways to solve them.

The author pays special attention to the terminology used in the Federal Law "On Education in the Russian Federation" and does not agree with the use of the term "vocational education", suggesting using other terms.

The author examines the issue of dual concepts in the Law "On the Status of Judges in the Russian Federation" in the employment of graduates of Russian universities, presents current problems associated with this fact, and examines changes in legislation that allow solving this problem.

The article considers the problems associated with obtaining primary education in the specialty "Jurisprudence" and the impossibility of obtaining it when choosing a correspondence form of education, which, in the author's opinion, contradicts Article 43 of the Constitution of the Russian Federation, which directly violates the human right to higher education, and therefore, changes in legislation related to this fact are proposed.

Keywords: higher education, correspondence education, the Constitution of the Russian Federation, the right to higher education, lawmaking, human and civil rights

For citation: Baranov D.A. Issues of legal regulation in the field of higher education and the use of new terminology during the digital transformation of society. Modern Scientist. 2025. 4. P. 380 – 385.

The article was submitted: December 6, 2024; Approved after reviewing: February 10, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

При рассмотрении вопроса доступности высшего образования в Российской Федерации стоит обратить внимание на положения закрепленные в статье 43 Конституции РФ, а именно: «Каждый имеет право на образование» [1].

Статья 43 прямо или косвенно указывает на возможность каждого лица независимо от различных факторов свободно получить высшее образование, руководствуясь лишь своим желанием.

Рассматривая зарубежное законодательство стоит обратить внимание на статью 26 всеобщей декларации прав человека, которая указывает на обязательность бесплатного среднего образования, при этом указывает на обязательность его получения. Факт общедоступности в данном случае выражен именно в бесплатности предоставляемого образования для всех жителей Российской Федерации подходящим по возрасту и на основании желания каждого.

Так, принципы, заложенные в декларацию, закладывают правовые основы для возможности получения среднего образования, тем самым создавая фундамент знаний для дальнейшего обучения в высших учебных заведениях и делая высшее образование доступнее для каждого и связывая полученные компетенции в школе, создавая равную конкуренцию на рынке высшего образования [2].

Материалы и методы исследований

Основой правовых норм, регулирующих право на высшее образование в Российской системе права, выступают: Федеральный закон «Об образовании» от 1992 года и Закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ.

Проводя анализ этих двух нормативных актов стоит обратить внимание на используемую законодателем терминологию, так в законе «Об образовании» от 1992 года указывается, что: «целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов) и является процессом получения образования» [3].

Согласно последней проведенной реформе и внесенным изменениям в закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ законодатель использует иные термины, которые более грамотно раскрывают вопрос социальных обязательств, а именно: «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов»[4].

Исследуя эти две законодательные нормы стоит отметить, что в обоих законах используются термины, которые не в полной мере отражают понятие социальных обязательств лица, по отношению к которому осуществляется образовательная программа и лицам, которые хотят воспользоваться правом для получения высшего образования, а

значит законодатель в полной мере не может гарантировать его исполнение.

Так, законодатель выделяет несколько уровней высшего образования:

- Бакалавриат;
- Магистратура (до 2026 года);
- Специалитет по новым учебным планам, либо уже реализуемым ранее;
- Аспирантура.

Высшее профессиональное образование согласно закону от 1992 года «Об образовании» так же подразделяется на:

- начальное профессиональное образование;
- среднее профессиональное образование;
- высшее профессиональное образование;
- послевузовское профессиональное образование.

Таким образом, студенты, получающие диплом о высшем образовании с направлением «Юриспруденция» не имеют диплома, в котором указывалось бы что данное образование называется профессиональным. Таким образом необходимо уточнить у законодателя существует ли реальная разница в получаемом образовании с приставкой «профессиональное» или же это всего лишь реформа времени и современный юрист уже не нуждается в данном понятии.

Также возникает коллизия в вопросе, качества, получаемого студентом образования, необходимо рассмотреть вопрос с тем, отличалось ли получаемое образование ранее по количеству часов преподаваемых дисциплин или же по количеству и качеству курсовых работ. С уверенностью можно сказать, что при сравнении учебных планов существенных расхождений найдено не было, а значит можно сделать вывод о том, что программы прошлых лет и современные практически не отличаются в вопросе качества получаемого образования.

При изучении ФГОС ВО до января 2013 года можно заметить, что студенты выпускающиеся из вузов и обучающиеся по программа юриспруденции получали дипломы с указанной специальностью «Юрист», однако направление у них было «Юриспруденция» в связи с чем в период с 2010 по 2013 годы в Роспотребнадзор поступали жалобы, после чего он давал по этому поводу следующие комментарии: «В связи с обращениями вузов, поступающими в Министерство образования и науки Российской Федерации, Департамент государственной политики в сфере высшего образования Минобрнауки России информирует, что в настоящее время приведенные в соответствие с положениями Федерального закона от 29 декабря

2012 года N 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" (далее - Федеральный закон) федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (далее – ФГОС ВО) проходят процедуру утверждения и государственной регистрации» [7].

Таким образом, при тесном сотрудничестве двух государственных органов в лице Роспотребнадзора и Министерства науки и высшего образования была разрешена проблема двойственности понятий при формировании дипломов нового образца высшего образования по специальности «Юриспруденция» и по новому формату название специальности и получаемого образования стало совпадать.

Немаловажным вопросом является вопрос о дальнейшем трудоустройстве выпускников российских вузов на вакантные должности государственной гражданской службы Российской Федерации. Тут можно увидеть требования, указанные в ФЗ «О статусе судей в Российской Федерации» для соискателя на должность судьи среди которых есть получение высшего образования с направлением подготовки «Юриспруденция».

В связи с таким требованием и не указанием законодателем точных требований о выдаваемом дипломе с направлением и направленностью обучения возникает юридическая коллизия, что в итоге приводит к проблеме в вопросе трудоустройства. На практике же видно, что существенных проблем данный недостаток не создает, однако прецеденты по данному факту также имеются.

При рассмотрении еще действующей системы высшего образования, действующей по болонской системе, также обратим внимание на требование к кандидатам на должности о наличии высшего образования, однако законодатель опять же не определяет о каком именно образовании идет речь. В таком случае, если соискатель на должность будет иметь неоконченное высшее образование (бакалавриат), ему смогут отказать в прохождении конкурса на должность, однако такое образование признается высшим, в таком случае права соискателя будут нарушены.

По моему мнению, такой законодательный просчет ведет к существенному спаду интереса на рынке труда, где имеет значение уровень получаемого образования, новая же система высшего образования, которая будет функционировать с 2026 года, предполагает получение одного диплома по специальности с указанием уровня образования «специалитет», таким образом вопрос связанный с

использованием законодателем неверной терминологией может быть частично решен.

Таким образом, при проведении реформ законодателем важным аспектом функционирования закона, будет являться то, каким образом им самим будет продумана используемая терминология и на сколько актуально она сможет отражать смысл закона и его трактование через пять или десять лет, как это было с Законом Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»[5].

Результаты и обсуждения

О.И. Вилик пишет: «Таким образом, складывается ситуация, вызывающая по меньшей мере недоумение, когда предусмотренное в Законе Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» требование к судьям о наличии высшего юридического образования (что в полной мере соответствует требованию ст. 119 Конституции Российской Федерации) в то же время предусматривает специальность «Юриспруденция», по которой вузы юристов готовить не могут в силу отсутствия такого государственного образовательного стандарта»[6].

Обратив внимание на вопросы, связанные с законодательством в сфере высшего образования, можно заметить, что у студента в соответствии с существующими нормами может теряться интерес к позиционированию себя на рынке труда, так он практически теряет статус субъекта правовых отношений.

По моему мнению, такая тенденция отсылает законодателя к использованию средств реформирования закона путем от нижестоящего к вышестоящему, а именно, когда в соответствии с изменениями закона одним из органов исполнительной власти вносятся соответствующие изменения в федеральный закон, что само по себе противоречит нормам законодательства.

Таким образом, при осуществлении таким образом изменения норм закона, в отношении лиц получающих образование или желающих его получить возникает целый ряд нарушений связанных со свободой выбора, здоровья, нравственности и других указанных в Конституции Российской Федерации.

Рядом ученых, таких как А.Д. Крылов, предлагается использование среди терминов, термина «профессиональное образование»[7], при чем распространяться такой термин должен на все уровни образования, которые позволили бы студенту трудоустройства после получения такого диплома.

Законодатель прорабатывает возможность сотрудничества ВУЗов с крупнейшими отраслевыми игроками, для возможности трудоустройства студентов на предприятия с которыми будет достигнуто такое соглашение, так законодатель сможет сгладить существующие недочеты в вопросе терминов, которые могут нести в себе двойственные значения как для выпускника, так и для работодателя.

Так же в рамках такого взаимодействия необходимо рассмотреть вопрос с совместными разработками ФГОС ВО между ВУЗами и ведущими предприятиями, для подготовки более качественных специалистов под каждый из профилей.

А.И. Розенцвайг считает, что: «такое взаимодействие даст дополнительный импульс к дальнейшему реформированию действующего законодательства и существенно улучшит, как мотивацию студента к обучению, так и повысит качество образования в целом»[8].

Проблема, возникающая при нехватке кадров у потенциального работодателя, начинается задолго до обучения студента в вузе, а именно при его обучении в школе и поступлении в высшее учебное заведение. Связано это со слабой преемственностью среди высших учебных заведений с учреждениями среднего и средне-профессионального образования. Исходя из этого, можно отметить, что образование, получаемое в школе, во многом не соответствует тому образованию, которое стремится получить будущий студент. Связано это прежде всего с малой мотивированностью преподавательского состава школы, слабо разработанных учебных планов средних учебных заведений и малой способностью законодателя увеличить интерес работников школ к большему вовлечению в процесс подготовки школьника-выпускника к дальнейшему обучению.

С точки зрения мотивированности сотрудников системы высшего образования, стоит отметить, что данный уровень выше, чем в школах, однако «общая финансовая подушка составляет 3% ВВП, для примера в Германии она составляет 6% ВВП страны» [9].

Основной проблемой в достижении понимания между преподавателем и студентом является использованием первыми устаревших методов преподавания, однако ФГОС ВО с 2016 года предполагает использование новых компетенций, способных удовлетворить новые потребности «молодежи» и студентов в восприятии уже устоявшейся информации в новом, более лучшем качестве.

Решение данной проблемы предложила А.Д. Новоженина: «привлечение молодых преподавателей, способных участвовать в самых современных научных течениях, привлекающих туда студентов, показывая им новые возможности не только в преподаваемой дисциплине, но и в самореализации, которая может явиться в дальнейшем основой для профессионального роста» [10].

Выводы

Таким образом, высшие учебные заведения, как и средние не смогут игнорировать существующие реформы в сфере своего уровня образования, ежегодно ФГОС предписывает все более сложные модели взаимодействия между студентом и преподавателем, обучающимся и учителем. Так же добавление в учебные программы новых изучаемых

компетенций само собой формирует вызов для уже устоявшейся, консервативной системы высшего образования, которая не зависимо от уровня знаний преподавателя заставляет его проходить генезис новых форматов и методов преподавания.

Существенную разницу и результативность таких реформ невозможно ощутить в период одного года, необходимо ступенчато добавлять, как законодательные нормы, способствующие постепенно решать новые проблемы и предусматривать, поддерживать новые положительные тенденции для всего научного сообщества и студентов для поддержания и дальнейшего функционирования уникальной Российской системы образования будущего.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2024). [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 02.11.2024)
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 10.12.2018, ст. 26
3. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. 21.11.2024) [Электронный ресурс]. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 02.11.2025)
4. Федеральный закон "Об образовании" от 10.07.1992 N 3266-1-ФЗ (последняя редакция от 28.02.2012) // Российская газета. 06.08.2022
5. Канцеляров А.В. Закон о статусе судей требует корректировок // Администратор суда. 2021. № 3. С. 12 – 18.
6. Виляк О.И. О конституционализации юридического образования // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 8. С. 3 – 16.
7. Крылов К.Д. Новации общих требований к совершенствованию юридического образования // Высшее образование для XXI века: материалы XIII Международной научной конференции / отв. ред. Т.А. Сошникова. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2022. С. 24.
8. Розенцвайг А.И. Новеллы федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень бакалавриата) // Образование в современном мире: стратегические инициативы: сборник научных трудов Всероссийской научно-методической конференции с международным участием / отв. ред. Т.И. Руднева (г. Самара, 14 апреля 2023 г.). Самара: Изд-во Самарского университета, 2023. С. 302 – 307.
9. Чугунова Е.С. Качество высшего образования как основа реализации конституционного права на образование // Проблемы качества образования в современном обществе: сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2021. С. 112 – 114. (0,2 п.л.).
10. Новоженина А.Д. Доступная среда в контексте развития инклюзивного высшего образования // Единая образовательная среда как фактор социализации обучающихся: Сборник материалов научно-практической конференции / под общ. ред. И.М. Ильковской. Саратов: ГАУ ДПО «СОИРО», 2021 С. 124 – 129. ISBN 978-5-9980-0223-6

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by a nationwide vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2024). [Electronic resource] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed on 02.11.2024)
2. The Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948). Rossiyskaya Gazeta. 10.12.2018, Art. 26
3. Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated 29.12.2012 N 273-FZ (as amended on 21.11.2024) [Electronic resource]. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (date of access 02.11.2025)
4. Federal Law "On Education" dated 10.07.1992 N 3266-1-FZ (latest revision dated 28.02.2012). Rossiyskaya Gazeta. 06.08.2022
5. Kantselyarov A.V. The law on the status of judges requires adjustments. Court Administrator. 2021. No. 3. P. 12 – 18.
6. Vilyak O.I. On the constitutionalization of legal education. State power and local self-government. 2022. No. 8. P. 3 – 16.
7. Krylov K.D. Innovations in general requirements for improving legal education. Higher education for XXI century: materials of the XIII International scientific conference. ed. T.A. Soshnikova. Moscow: Publishing house of Moscow University for the Humanities, 2022. P. 24.
8. Rozenzweig A.I. Novels of the federal state educational standard of higher education in the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" (bachelor's degree level). Education in the modern world: strategic initiatives: collection of scientific papers of the All-Russian scientific-methodological conference with international participation. ed. T.I. Rudneva (Samara, April 14, 2023). Samara: Publishing house of Samara University, 2023. P. 302 – 307.
9. Chugunova E.S. Quality of higher education as a basis for the implementation of the constitutional right to education. Problems of the quality of education in modern society: collection of articles. V Int. scientific and practical. conf. Penza, 2021. P. 112 – 114. (0.2 pp.).
10. Novozhenina A.D. Accessible environment in the context of the development of inclusive higher education. Unified educational environment as a factor in the socialization of students: Collection of materials from a scientific and practical conference. edited by I.M. Ilkovskaya. Saratov: State Autonomous Institution of Higher Professional Education "SOIRO", 2021 P. 124 – 129. ISBN 978-5-9980-0223-6

Информация об авторе

Баранов Д.А., преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Dann89818061715@yandex.ru

© Баранов Д.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

УДК 343.982.356

Некоторые вопросы назначения и производства экспертизы приборов учета энергоресурсов в целях определения наличия несанкционированного воздействия на них

¹ Кислицина И.Н., ¹ Лукьянчикова Е.Ф., ¹ Ляхова А.И.

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация: потребление энергоресурсов является важной составляющей энергетической политики, цель которой – максимально эффективное использование природных энергетических ресурсов и потенциала энергетического сектора для устойчивого роста экономики, повышения качества жизни населения страны и содействия укреплению ее внешнеэкономических позиций. В связи с этим, производимые, передаваемые, потребляемые энергетические ресурсы подлежат обязательному учету с применением приборов учета используемых энергетических ресурсов. В свою очередь, недобросовестные пользователи энергоресурсов применяют различные способы воздействия на работу приборов учета. Доказать правовым путем наличие факта несанкционированного воздействия возможно с помощью экспертизы. Статья посвящена вопросам назначения и производства экспертизы приборов учета энергоресурсов. Рассмотрены действия эксперта, необходимые для проведения экспертизы на этапе подготовки к производству исследования и в процессе самого исследования. Даны практические советы и рекомендации относительно изучения материалов дела, вопросов, выносимых на разрешение эксперта, а также подбора образцов для сравнительного исследования. Подчеркивается необходимость проведения такого вида экспертизы, что будет способствовать реализации задач в сфере потребления и учета энергоресурсов. Статья предназначена для экспертов, специалистов экспертных учреждений в области трасологических исследований, работников суда, прокуратуры, адвокатуры и научно-исследовательских учреждений.

Ключевые слова: энергоресурсы, эксперт, экспертиза, прибор учета энергоресурсов, пломбы

Для цитирования: Кислицина И.Н., Лукьянчикова Е.Ф., Ляхова А.И. Некоторые вопросы назначения и производства экспертизы приборов учета энергоресурсов в целях определения наличия несанкционированного воздействия на них // Современный ученый. 2025. № 4. С. 386 – 392.

Поступила в редакцию: 7 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 11 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Some issues of the appointment and conduct of examination of energy metering devices in order to determine the presence of unauthorized impact on them

¹ Kislitsina I.N., ¹ Lukyanchikova E.F., ¹ Lyakhova A.I.

¹ Belgorod State National Research University

Abstract: energy consumption is an important component of the energy policy, the purpose of which is the most efficient use of natural energy resources and the potential of the energy sector for sustainable economic growth, improving the quality of life of the country's population and helping to strengthen its foreign economic positions. In this regard, produced, transmitted, consumed energy resources are subject to mandatory accounting using metering devices for the energy resources used. However, unscrupulous users of energy resources use various methods of influencing the operation of metering devices. It is possible to prove the fact of unauthorized influence by legal means with the help of an examination. The article is devoted to the issues of appointment and production of an examination of energy metering devices. The actions of an expert necessary for conducting an examination at the stage of preparation for the production of research and in the process of the research itself are considered. Practical advice and recommendations are given regarding the study of case materials, issues submitted for resolution to the expert, as well as the selection of samples for a comparative study. The need for this type of examination is emphasized, which will contribute to the implementation of tasks in the field of consumption and accounting of energy resources. The article is intended for experts, specialists of expert institutions in the field of trace evidence studies, employees of the court, prosecutor's office, advocacy and research institutions.

Keywords: energy resources, expert, expertise, energy resource meter, seals

For citation: Kislitsina I.N., Lukyanchikova E.F., Lyakhova A.I. Some issues of the appointment and conduct of examination of energy metering devices in order to determine the presence of unauthorized impact on them. Modern Scientist. 2025. 4. P. 386 – 392.

The article was submitted: December 7, 2024; Approved after reviewing: February 11, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Сегодня Россия входит в число мировых лидеров по объемам производства и экспорта энергоресурсов.

Энергетический ресурс – это носитель энергии, энергия которого используется или может быть использована при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, а также вид энергии (атомная, тепловая, электрическая, электромагнитная энергия или другой вид энергии) [1].

Государственное регулирование потребления и учета энергетических ресурсов основано на Конституции Российской Федерации, Федеральном законе «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее УПК РФ), гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее ГПК РФ), других правовых нормах.

Настоящие законодательные акты регулируют

правовые, экономические и организационные основы в области распределения, потребления и учета энергоснабжения в Российской Федерации и направлены на обеспечение удовлетворения потребностей государства в энергетических ресурсах.

В современном государстве потребление энергоресурсов является важной составляющей политики энергетической безопасности, главное требование которой – бесперебойное топливное и энергетическое снабжение населения государства в необходимом объеме, хорошего качества и по разумной цене. Одним из главных препятствий реализации требований энергетической безопасности являются разного рода риски и угрозы, в том числе и рост количества преступлений и правонарушений в сфере энергетики.

Учитывая положения ст. 13 Федерального закона «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» производимые, передаваемые

мые, потребляемые энергетические ресурсы подлежат обязательному учету с применением приборов учета используемых энергетических ресурсов [1].

Прибор учета – специальный механизм, который контролирует расход ресурсов за определённый промежуток времени. В соответствии со словарем-справочником терминов нормативно-технической документации приборы учета – это измерительные приборы, обеспечивающие измерение расхода (массы, объема), температуры и давления теплоносителя, а также накопление, хранение и представление информации о количестве теплоты и массы (объема) теплоносителя. По результатам показаний прибора учета начисляется оплата за потреблённые коммунальные блага [13]. Их конструкция должна обеспечивать ограничение доступа к определенным частям средств измерений (включая программное обеспечение) в целях предотвращения несанкционированного вмешательства, которое может привести к искажениям результатов измерений.

В связи с увеличением стоимости энергоресурсов, увеличением объема потребления энергоресурсов недобросовестные субъекты потребления энергоресурсов используют различные способы воздействия на работу приборов учета энергоресурсов с целью изменения показаний счетного устройства прибора при фиксации расхода потребляемого энергоресурса. Установить правовыми средствами, имелось ли несанкционированное воздействие на прибор учета энергоресурсов возможно только путем трасологической экспертизы.

Экспертиза – это исследование, которое проводит сведущее лицо для выяснения поставленных перед ним каких-либо вопросов.

Заключение эксперта – это итоговый документ, который представляет эксперт в качестве результата исследования.

Заключение эксперта является доказательством по делу. Однако, чтобы заключение эксперта стало доказательством, необходимо соблюдение определенных критериев, а именно относимости, допустимости, достоверности заключения эксперта. Эти критерии определены в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее ФЗ О ГСЭД)[2], в УПК РФ[4], ГПК РФ[3] и предполагают обязательное наличие целого ряда качественных характеристик, в том числе: соблюдение процессуального порядка

назначения и производства экспертизы; соблюдение процессуальной формы заключения эксперта; наличие объектов экспертного исследования, полученных законным способом. Указанные требования выполняются экспертом при подготовке к производству экспертизы и при ее производстве.

В соответствии со ст. 19 ФЗ О ГСЭД основанием для производства экспертизы является постановление лица, ведущего производство по делу, определение суда или запрос (заявление) физического (юридического) лица [2].

Для производства экспертизы и предоставления заключения эксперта ему предоставляются объекты исследования и материалы дела. Объекты исследования должны быть представлены в упакованном виде. На упаковке должна быть пояснительная надпись с указанием: что упаковано, откуда изъято, дата и подпись лица, упаковавшего объект. Материалы дела представляются эксперту в том объеме, которое необходимо для проведения экспертизы.

После получения определения суда (постановления) или запроса о назначении экспертизы от заинтересованной стороны, эксперт проводит экспертизу.

Методика проведения экспертизы прибора учета состоит из тех же стадий и включает в себя стандартные действия, характерные для подготовки и проведения экспертиз трасологических объектов, но имеет и свои особенности.

Данная тема актуальна в связи с тем, что правонарушения в сфере потребления энергоресурсов представляют собой умышленные действия, совершенные с корыстной целью. Действия посягают на общественную энергетическую безопасность в части, касающейся безопасности эксплуатации объектов энергетики, а также установленного порядка функционирования топливно-энергетического комплекса. Кроме этого, непроизводительное расходование энергетических ресурсов посягает на сферу общественных отношений, касающихся распределения материальных благ (газа, электричества). Также противоправное безвозмездное изъятие энергоресурсов путем обмана или злоупотребления доверием причиняет имущественный ущерб собственнику или поставщику данных ресурсов.

Наличие факта хищения энергоресурса определяется путем анализа соответствующих норм, правил, инструкций, действующих в области потребления энергоресурсов. Экспертиза в этом случае позволяет установить способ совершения

такого правонарушения – несанкционированное вмешательство в работу прибора учета газа (прибора учета электроэнергии).

Таким образом, в целях исполнения законодательства Российской Федерации в области реализации доктрины энергетической безопасности и потребления энергоресурсов в настоящее время возникла необходимость в исследовании приборов учета энергоресурсов для определения наличия или отсутствия криминального воздействия на данный прибор учета с помощью экспертизы.

Материалы и методы исследований

В исследовании использовался анализ материалов судебных дел гражданского судопроизводства. В частности, изучены определения о назначении экспертизы. Были рассмотрены трасологические исследования и заключения экспертов, включая трасологические комплексные исследования и заключения экспертов по комплексным исследованиям приборов учета энергоресурсов.

Сравнительный анализ делался на основании изучения материалов гражданских дел, определений судей г. Курска и Курской области, г. Белгорода и Белгородской области.

Результаты и обсуждения

Исследование показало что одной из особенностей производства экспертизы приборов учета является присутствие при проведении исследования заинтересованных лиц. Ст. 84 ГПК РФ, ст. ст. 144, 198 УПК РФ, ст. ст. 4, 7 ФЗ О ГСЭД допускают при проведении экспертизы присутствие сторон, участвующих в деле. Сторонами выступают потребитель (физическое или юридическое лицо) или его представитель с одной стороны и поставщик энергоресурсов в лице его представителя.

В целях соблюдения прав сторон в части, касающейся производства экспертизы, заинтересованные стороны заранее при подготовке к проведению экспертизы уведомляются о дате, времени и месте производства экспертизы.

Уведомление может производиться по телефону и письменно в виде печатного уведомления. В случае, если одна из сторон не может присутствовать при производстве экспертизы, необходимо выяснить о ее согласии на проведение исследования без ее участия.

При экспертизе приборов учета энергоресурсов должно устанавливаться наличие пломб, контрольно-защитных наклеек, индикаторов

вмешательства: их целостность, способ крепления, плотность прилегания и др.

Особое внимание эксперт должен обратить на название экспертизы, указанное в определении суда о назначении экспертизы. В этом случае экспертиза должна быть трасологической или технико-трасологической [10]. Это связано с тем, что экспертиза приборов учета энергоресурсов на наличие (отсутствие) следов несанкционированного воздействия основано на категориях, составляющих частную криминалистическую теорию – учение о следе, которое включает изучение механизма следообразования (следообразующего, следовспринимającego объектов, факторов, влияющих на образование следов). Трасологическая экспертиза не включает определение работоспособности прибора учета и не включает определение правильности или неправильности считывания показаний при расходе энергоресурсов у потребителя.

Исследованием установлено, что при изучении определения суда, запроса (заявления) юридических, физических лиц о назначении экспертизы эксперту желательно знать некоторые обстоятельства дела [4], такие как: где находился прибор учета (на улице или в помещении); в течении какого времени находился прибор учета на улице или в помещении, если прибор учета был расположен в помещении, какое это помещение — жилое, нежилое, производились ли рядом с прибором учета ремонтные или другие работы. Эти сведения необходимы эксперту для правильного определения природы возникновения повреждений на корпусе прибора учета — возникли ли повреждения в результате несанкционированного вмешательства или в ходе эксплуатации прибора учета.

Также, изучая определение суда, запрос (заявление) юридических, физических лиц о назначении экспертизы (исследования) эксперт особое внимание должен уделить вопросам, поставленным перед ним судом или сторонами [11]. Если исследование прибора учета проводится во внесудебном порядке, вопросы формулируют обе стороны, и приходят к единому варианту изложения вопроса.

Исследованием установлено, что криминалистикой и теорией судебной экспертизы предложены рекомендации для правильного формулирования вопросов эксперту [12]:

1) вопросы должны вытекать из конкретных обстоятельств дела;

2) вопросы должны быть поставлены с учетом возможностей современной науки, положениями которой пользуется эксперт; не должны ставиться вопросы, которые невозможно решить в связи с отсутствием экспертной методики;

3) вопросы не должны выходить за пределы специальных знаний эксперта [7];

4) вопросы не должны носить правового характера;

5) вопросы должны быть определенными, конкретными, ясно и правильно сформулированными, не носить наводящий характер, не дублировать, не повторять друг друга;

6) вопросы должны располагаться в правильном порядке.

Если эксперт, при производстве экспертизы, как справедливо отмечает Т.В. Демидова, отвечает на неверно сформулированные вопросы, то пользы от его исследования нет. От этого происходит только затягивание сроков расследования или рассмотрения дела в суде [6].

Кроме того, в некоторых случаях для экспертизы приборов учета энергоресурсов необходимо предоставление сравнительных образцов [8].

Сравнительными образцами для трасологического исследования приборов учета энергоресурсов могут быть приборы учета газа, электроэнергии, их детали и части, образцы свинцовых или полиэтиленовых пломб, истребованные сторонами у завода-изготовителя, поставщика энергоресурсов или поверительного органа до производства экспертизы и предоставленные эксперту для проведения сравнительного исследования.

Образцы приборов учета предоставляются в случаях, если возникают сомнения в природе образования повреждений на приборе учета – могло ли повреждение возникнуть при изготовлении прибора учета, присутствуют ли в корпусе дополнительные детали, не предусмотренные конструкцией прибора данного типа. В этом случае предоставляется прибор учета, изготовленный в тот же период, что и исследуемый вместе с технической документацией.

Детали и части приборов учета предоставляются в качестве образцов для сравнения если необходимо установить осуществлялась ли переделка деталей прибора учета, могли ли повреждения на деталях и частях прибора учета образоваться при изготовлении или при несанкционированном вмешательстве.

Образцы пломб предоставляются когда возникают сомнения в подлинности пломбы,

навешенной на исследуемый прибор учета, и ставится вопрос о сравнении пломбы на приборе учета с пломбой завода-изготовителя, поставщика энергоресурса или поверительного органа. В этом случае должны быть предоставлены пломбы, изготовленные в тот же год, квартал, месяц, что и исследуемые.

Исследование показало, что экспертиза приборов учета энергоресурсов на установление наличия признаков несанкционированного воздействия проводится согласно методике проведения трасологических объектов [9], но и имеет свои особенности. Несоблюдение выделенных требований может привести к признанию экспертизы недопустимым доказательством [5], что исключает ее из системы доказательств по делу.

Исследование было направлено на изучение вопросов подготовки и производства экспертизы приборов учета энергоресурсов, выделение особенностей такой экспертизы.

Результаты исследований показали, что эксперту ставятся вопросы о рабочем состоянии прибора учета, о причинах воздействия магнитного поля на работу прибора. В данном случае это задача метрологического исследования с помощью специальных установок, или физико-технической экспертизы и выходит за пределы специальных знаний эксперта-трасолога.

Кроме этого, вопросы могут быть поставлены таким образом, что по смыслу ответа они дублируют друг друга, вопросы могут иметь двоякий или неопределенный, множественный смысл. В целях исключения таких случаев, для правильной постановки вопросов, лицу, назначающему экспертизу предоставляется право получить консультацию специалиста в области трасологии.

Также, возникают случаи, когда у суда или поставщика энергоресурсов возникают сомнения в том, что представленный на исследование прибор учета – это именно тот, который был осмотрен при проведении поверки и на котором были обнаружены повреждения, дающие основание предполагать о том, что производилось несанкционированное воздействие на прибор учета. В этом случае на экспертизу должны быть представлены фотоснимки прибора учета с места проведения поверки, видеозапись осмотра прибора учета во время проведения поверки.

Такие случаи негативно сказываются на качестве проведенной экспертизы, поэтому при производстве экспертизы перечисленные ситуации

необходимо учитывать и своевременно заявлять ходатайство для переформулировки вопросов или предоставления дополнительных материалов.

Оформление экспертизы состоит в составлении заключения эксперта и фототаблицы. Заключение эксперта оформляется в соответствии с уголовно-процессуальными требованиями. При наличии сравнительного исследования приборов учета, пломб друг с другом, необходимо подробно описать способы и приемы сравнения в тексте заключения. Фототаблица, как приложение к заключению эксперта, имеет важное значение для понимания хода проведенного экспертного исследования. На фотоснимках важно показать признаки несанкционированного воздействия на прибор учета энергоресурса.

Выводы

Данное исследование дает криминалистически значимую информацию о порядке проведения и содержании экспертизы приборов учета энергоресурсов в целях установления наличия следов несанкционированного воздействия на них. В исследовании подчеркивается важность исполнения законодательства Российской Федерации в области законного потребления и учета энергоресурсов, необходимость проведения трасологических экспертиз приборов учета энергоресурсов. Такие экспертизы позволяют установить факт незаконного воздействия на прибор учета энергоресурса, что свидетельствует о виновности недобросовестных потребителей в несанкционированном потреблении ресурсов энергетического комплекса.

Финансирование

Свидетельство о регистрации в качестве ноу-хау результата интеллектуальной деятельности № 308 «Методика исследования приборов учета газа на наличие постороннего вмешательства»

Список источников

1. Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ (в ред. от 13.06.2023) «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93978 (дата обращения 07.11.2024)
2. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (в ред. от 22.07.2024) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871 (дата обращения 07.02.2022)
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 16.01.2025) URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570 (дата обращения: 08.11.2024)
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 08.11.2024)
5. Антропов А.В., Воронков Д.В., Кабанов А.В. Криминалистическая экспертиза : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 184 с.
6. Демидова Т.В. Проблемные вопросы назначения судебных экспертиз // Вестник экономической безопасности. 2016. № 4. С. 29 – 32.
7. Ким К. В. Значение судебной экспертизы для уголовного судопроизводства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 6-2. С. 124 – 126.
8. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник / под ред. Е.Р. Россинской. 2-е изд., перераб и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2025. 368 с.
9. Россинская Е.Р., Зинин А.М., Милосердова Н.В. Основы судебной экспертизы: учебник / под. ред. Е.Р. Россинская. Москва: Проспект, 2023. 216 с.
10. Сорокотягин И.Н., Сорокотягина Д.А. Судебная экспертиза: учебник и практикум для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 288 с.
11. Латышов И.В., Донцов Д.Ю., Китаев Е.В. и др. Трасология и трасологическая экспертиза: учебник / под ред. И.В. Латышова. Волгоград: ВА МВД России, 2022. Т. 65. 524 с.
12. Цветков Д.А. Формулирование вопросов эксперту при назначении экспертизы в судебном разбирательстве // Молодой ученый. 2019. № 47. С. 415 – 417.
13. ГОСТ: Р 50.2.026-2002: Государственная система обеспечения единства измерений.

References

1. Federal Law of 23.11.2009 No. 261-FZ (as amended on 13.06.2023) "On Energy Saving and on Improving Energy Efficiency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93978 (date of access: 07.11.2024)
2. Federal Law of 31.05.2001 No. 73-FZ (as amended on 22.07.2024) "On State Forensic Activity in the Russian Federation" URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871 (date of access: 07.02.2022)
3. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 28.12.2024, as amended on 16.01.2025) URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570 (date of access: 08.11.2024)
4. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 28.12.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 05.02.2025) URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (date of access: 08.11.2024)
5. Antropov A.V., Voronkov D.V., Kabanov A.V. Forensic examination: a textbook for universities. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 184 p.
6. Demidova T.V. Problematic issues of appointing forensic examinations. Bulletin of Economic Security. 2016. No. 4. P. 29 – 32.
7. Kim K.V. The importance of forensic examination for criminal proceedings. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. No. 6-2. P. 124 – 126.
8. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Zinin A.M. Theory of forensic examination (Forensic expertology): textbook. edited by E.R. Rossinskaya. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Norma: INFRA-M, 2025. 368 p.
9. Rossinskaya E.R., Zinin A.M., Miloserdova N.V. Fundamentals of forensic examination: textbook. edited by E.R. Rossinskaya. Moscow: Prospect, 2023. 216 p.
10. Sorokotyagin I.N., Sorokotyagina D.A. Forensic examination: textbook and practical training for universities. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 288 p.
11. Latyshov I.V., Dontsov D.Yu., Kitaev E.V. et al. Traceology and trace examination: textbook. edited by I.V. Latyshov. Volgograd: VA Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. Vol. 65. 524 p.
12. Tsvetkov D.A. Formulating questions to an expert when appointing an examination in court proceedings. Young scientist. 2019. No. 47. P. 415 – 417.
13. GOST: R 50.2.026-2002: State system for ensuring the uniformity of measurements.

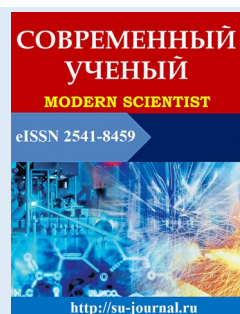
Информация об авторах

Кислицина И.Н., старший преподаватель, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-3470-7816>, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы-85 kislitsina@bsuedu.ru

Лукьянчикова Е.Ф., кандидат юридических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, lukyanchikova@bsuedu.ru

Ляхова А.И., кандидат юридических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, lyakhova@bsuedu.ru

© Кислицина И.Н., Лукьянчикова Е.Ф., Ляхова А.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

УДК 341.123

Проблемы функционирования ООН в современных условиях: вызовы, противоречия и пути реформирования

¹ Озимок Д.В., ¹ Лутошкин Г.Ю.

¹ Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

Аннотация: научная статья посвящена исследованию проблем функционирования ООН в XXI веке, а также вопрос необходимости реформирования Организации Объединенных Наций на примере его структурного подразделения – Совета Безопасности. *Цель исследования* анализ актуальных проблем функционирования ООН, а также в выявлении возможных путей реформирования её деятельности. *Материалы и методы.* В рамках исследования были использованы методы сравнительного анализа и экспертного оценивания, направленные на изучение позиций правоведов, представителей разных государств, групп государств и международных организаций по вопросам реформирования ООН. *Результаты и обсуждения.* Анализируя сегодняшние проблемы, с которыми сталкивается ООН, можно прийти к выводу, что реформирование организации является необходимой мерой для международного сообщества. При этом реформирование системы ООН должно быть произведено в соответствии с учетом интересов всех государств-членов. *Выводы.* Пересмотр механизмов применения права вето, расширение членского состава Совета и улучшение методов взаимодействия членов представляют собой первостепенные меры. Данные меры могут способствовать укреплению уважения к принципам международного права и сдержанности государств-членов ООН в отношении использования военной силы для разрешения межгосударственных конфликтов.

Ключевые слова: организация объединенных наций, ООН, совет безопасности, реформирование, право вето

Для цитирования: Озимок Д.В., Лутошкин Г.Ю. Проблемы функционирования ООН в современных условиях: вызовы, противоречия и пути реформирования // Современный ученый. 2025. № 4. С. 393 – 400.

Поступила в редакцию: 12 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 16 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 2025 г.

Problems of the UN functioning in modern conditions: challenges, contradictions and ways of reform

¹ Ozimok D.V., ¹ Lutoshkin G.Yu.

¹ St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

Abstract: the scientific article is devoted to the study of the problems of the functioning of the United Nations in the 21st century, as well as the need to reform the United Nations using the example of its structural unit, the Security Council. The *purpose of the study* is to analyze the current problems of the functioning of the United Nations,

as well as to identify possible ways to reform its activities. *Materials and methods.* The research used methods of comparative analysis and expert assessment aimed at studying the positions of legal scholars, representatives of different states, groups of states and international organizations on the issues of UN reform. *Results and discussions.* Analyzing the current problems faced by the United Nations, it can be concluded that the reform of the organization is a necessary measure for the international community. At the same time, the reform of the UN system should be carried out in accordance with the interests of all Member States. *Conclusions.* The revision of the mechanisms for the use of the veto, the expansion of the Council's membership and the improvement of the methods of interaction of the members are the primary measures. These measures can help strengthen respect for the principles of international law and the restraint of UN Member States regarding the use of military force to resolve inter-State conflicts.

Keywords: the United Nations, the United Nations, the Security Council, reform, the right of veto

For citation: Ozimok D.V., Lutoshkin G.Yu. Problems of the UN functioning in modern conditions: challenges, contradictions and ways of reform. Modern Scientist. 2025. 4. P. 393 – 400.

The article was submitted: December 12, 2024; Approved after reviewing: February 16, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Организация Объединенных Наций (ООН), созданная в 1945 году с целью поддержания международного мира и безопасности, на протяжении десятилетий играет ключевую роль в урегулировании конфликтов, гуманитарной деятельности и развитии международного сотрудничества. Тем не менее, современные реалии все более демонстрируют, что действующая структура и механизмы функционирования ООН не всегда способны эффективно реагировать на вызовы XXI века. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью переосмысления и реформирования работы ООН в условиях быстро меняющегося глобально-го ландшафта.

На протяжении более 70 лет структура и функции ООН изменились минимально, что привело к утрате актуальности некоторых органов. Например, Совет по опеке прекратил свою деятельность в 1994 году, но продолжает числиться в структуре, создавая бюрократические издержки. Военно-штабной комитет Совета Безопасности также долгое время не проявлял активности, что подчеркивает необходимость переосмысления его функций. Одной из наиболее обсуждаемых проблем ООН является ограниченное представительство стран в СБ ООН. В его состав входят пять постоянных членов (США, Россия, Китай, Великобритания и Франция), обладающих правом вето, и десять непостоянных членов, избираемых на ограниченный срок. Тем не менее, страны, такие как Германия, Япония, Бразилия и Индия, высказываются за реформы Совета Безопасности в поддержку расширения его состава до 25 членов. Они настаивают на необходимости предоставления новым посто-

янным членам права вето, что, по их мнению, должно повысить легитимность и демократичность Совета. Тем не менее, великодержавные члены Совета, обладающие правом вето, опасаются утраты своего влияния и препятствуют внедрению таких изменений [1].

Изучение реформирования ООН и ее органов привлекает внимание исследователей, однако существующие подходы часто не учитывают современные реалии в области международной безопасности. В Уставе ООН отсутствуют положения для урегулирования внутригосударственных конфликтов, что затрудняет обеспечение мира. Ярким примером является конфликт в Югославии, когда ООН не смогла оперативно отреагировать на ситуацию, что потребовало вмешательства других государств и организаций.

Существенный вклад в изучение темы функционирования ООН и ее реформирования внесли исследования авторов Nowre N.R., Mahal A.M., Gritsenko D., McDonald K. C., Patrick S.M., Chen C., Du J., Ma R., Jiang C., Deng Q., Герасимова Е.Л., Герасимовой Е.М., Егорова К.А., Лукьянова В.Ю. [2-8]. В своей работе Gritsenko D. акцентирует внимание на важности цифрового сотрудничества ООН, используя примеры из экологической политики, что подчеркивает необходимость адаптации организации к новым вызовам. Он отметил, что эффективное использование цифровых технологий может значительно улучшить результаты работы ООН в области глобальных проблем [2]. Также данной теме посвящены исследования авторов Мустафаева Н.И.-К., Неженец О.В., Петренко Е.Г., Рыбальченко К.А., Тен К.И., Сергеев В.Е., Феофа-

нов К.А., Фурман Ф.П., Бархударян Н. В., Насыров И.И., Аминов И.Р. [9-15].

Исследования различных авторов подчеркивают сложность и многогранность вопросов, связанных с реформированием ООН, а также необходимость комплексного подхода к их решению для повышения эффективности международной организации в современных условиях.

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена существующими проблемами в деятельности ООН, которые ограничивают её способность эффективно предотвращать и урегулировать конфликты в современном мире.

Цель настоящего исследования заключается в анализе актуальных проблем функционирования ООН, а также в выявлении возможных путей реформирования её деятельности.

Материалы и методы исследований

В рамках настоящего исследования был применен комплекс методологических подходов, включающий сравнительный анализ и экспертное оценивание, с целью всестороннего изучения позиций правоведов, представляющих различные национальные юрисдикции, региональные объединения государств, а также международные организации, по вопросам трансформации институциональной структуры Организации Объединенных Наций.

В ходе работы была проведена оценка международных нормативно-правовых актов и концептуальных подходов к характеристике современных международных отношений, что позволило выявить факторы, определяющие необходимость реформирования ООН. Для моделирования потенциальных сценариев модернизации Организации использовался метод ситуационного анализа, что обеспечило формирование предложений, направленных на повышение ее эффективности и легитимности в условиях изменения международных отношений.

Исследование опиралось на анализ современных научных источников, осуществленный на основе отечественных и зарубежных научно-метрических баз данных, включая КиберЛенику и eLibrary.

Результаты и обсуждения

В условиях стремительных изменений мирового порядка и глобальных вызовов перед международным сообществом встает задача поиска эффективных механизмов взаимодействия и управления на мировой арене. Современные проблемы, такие как пандемии, террористические угрозы, экономические кризисы, установление санкционных режимов, существенно осложняют развитие госу-

дарств и стабильность международной системы в целом. Согласно точке зрения Герасимова Е.Л., справиться с обозначенными вызовами оказывается сложно даже для влиятельных мировых держав, включая США, Россию и Китай. В этом контексте возрастает значимость ООН как главного межправительственного института, объединяющего усилия всех государств-членов для противодействия глобальным вызовам [6]. Исходя из этого, можно заключить, что дальнейшее развитие ООН в современных реалиях требует ее трансформации и адаптации к актуальным вызовам и потребностям мирового сообщества.

В соответствии с Уставом ООН, главными органами организации являются: Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Экономический и Социальный Совет, Совет по опеке, Международный суд и Секретариат [16].

В современных условиях проблема реформирования СБ ООН стала одной из центральных тем в научном и политическом сообществе. Необходимость преобразований обусловлена, прежде всего, снижением эффективности работы данного органа в условиях глобальных трансформаций международной системы, его неспособностью своевременно реагировать на возникающие кризисы, эффективно решать проблемы мирового сообщества и минимизировать угрозы международной безопасности [11].

Совет Безопасности, являясь главным инструментом Организации Объединенных Наций и обладателем полномочий в области поддержания международного мира и безопасности, выполняет задачу, возложенную на него от имени членов Организации Объединенных Наций. Он также обладает широкими полномочиями и, с этой целью, имеет право издавать резолюции, которые имеют юридическую силу. Он также имеет право формировать постоянные и временные комитеты для выполнения возложенных на него задач к нему [2].

Однако с момента учреждения этой организации в 1945 году состав Совбеза и принципы его функционирования остались практически неизменными, несмотря на стремительное изменение геополитической обстановки.

В настоящий момент в его состав входят пять постоянных членов (Россия, США, Великобритания, Франция и Китай) и десять временных членов, избираемых сроком на два года. Исключительным полномочием постоянных членов является право вето, позволяющее блокировать любое решение, принимаемое Советом.

Исследователи Рыбальченко К.А., Тен К. считают, что одним из способов реформирования СБ ООН является расширение числа состава данного органа ООН, которое может осуществляться в трех направлениях:

1. увеличение количества постоянных членов Совета Безопасности, однако предполагающее отказ от предоставления новым членам права вето;

2. создание новой категории полупостоянных членов СБ ООН. Такие члены избирались бы на более длительный срок по сравнению с непостоянными членами, с возможностью немедленного переизбрания;

3. увеличение числа непостоянных членов СБ ООН, что способствовало бы усилению представительства развивающихся государств [1].

Сложностью реформирования Совета Безопасности заключается в том, какие страны смогут занять новые места, особенно в категории постоянных членов.

McDonald K. C. и Patrick S. M. считают, что постоянные члены СБ ООН должны отличаться большей влиятельностью на мировой политической арене и в мировой экономике, вовлеченностью в работу СБ ООН, иметь достаточную военно-политическую мощь. Если рассмотреть кандидатуры стран G4, которые выделяются среди всех остальных, можно заметить, что их требования частично обоснованы, но в то же время у них достаточно недостатков [4].

Многие исследователи подчеркивают необходимость сбалансированного подхода, который бы учитывал как исторический вклад, так и реальные экономические и политические возможности государств. Интересный подход предлагает Мустафаева Н.И.-К., которая считает, что современные достижения Европейского союза (далее – ЕС) как устойчивой политической и экономической организации позволяют рассмотреть возможность предоставления ЕС статуса одного представителя в Совете Безопасности на постоянной основе [9].

В качестве кандидатов на постоянное членство в Совете Безопасности рассматриваются такие страны, как Бразилия, Аргентина, Мексика, Индия, Германия, Италия, Испания, Япония, Южноафриканская Республика, Турция, Саудовская Аравия и Южная Корея. Указанные государства обладают значительным политическим, экономическим или региональным влиянием, что делает их естественными претендентами на места в СБ ООН.

Особое внимание уделяется кандидатуре Германии для постоянного членства в СБ. Егоров К.А.

считает, что это наиболее реалистичный сценарий реформ, поскольку Германия является важным экономическим и политическим центром и активно участвует в разрешении международных конфликтов, например, в Минских соглашениях и урегулировании споров в Косово и Сербии. Однако предоставление Германии постоянного места с правом «вето» вызывает противоречия: это может привести к дисбалансу, так как в Совете окажутся две страны ЕС и четыре государства НАТО. Кроме того, некоторые страны скептически относятся к этой идее, ссылаясь на принципы формирования Совета в 1945 году. [7].

Помимо дискуссий, связанных с возможностью увеличения численного состава Совета Безопасности ООН, значительное внимание в научном и политико-правовом пространстве уделяется вопросам совершенствования его механизмов. Несмотря на отсутствие прямого упоминания института вето в тексте Устава ООН, его использование де-факто закреплено в пункте 3 статьи 27, согласно которому для принятия решений по всем вопросам, за исключением процедурных, требуется положительное голосование всех пяти постоянных членов.

Данный правовой механизм предоставляет России, США, Китаю, Великобритании и Франции возможность блокировать любое решение, которое противоречит их национальным интересам. Фактически голосование против проекта резолюции со стороны хотя бы одного из этих государств означает её отклонение, что и расценивается как применение права вето.

Голосование против рассматриваемой резолюции является наложением вето. Таким образом, принимаемое решение требует голосов девяти членов Совета Безопасности, включая согласие всех постоянных членов.

Таким образом, в связи с окончанием Второй мировой войны была создана система вето, которая представляет собой совокупность прав вето, связанных с Советом Безопасности Организации Объединенных Наций, при этом основное внимание уделяется праву вето постоянных членов. После вступления в эпоху соперничества великих держав система вето отошла от своего первоначального замысла, что нашло отражение в частом использовании права вето, что серьезно ослабило эффективность Совета Безопасности в реагировании на угрозы [5].

Проблема использования права вето на протяжении десятилетий вызывает многочисленные споры и критику. Оппоненты этого механизма

утверждают, что он позволяет постоянным членам продвигать национальные интересы в ущерб глобальной безопасности и справедливости. Тем не менее история СБ ООН также свидетельствует о том, что право вето сыграло позитивную роль, способствуя учету интересов государств. Его существование стимулировало членов Совета искать компромиссы за пределами формальных встреч, что, в свою очередь, уменьшало риск эскалации конфликтов [3].

Отметим, предложение, озвученное Францией в 2013 году, которая призывала отказаться от применения указанного права в ситуациях массовых злодеяний, таких как геноцид. Это предложение также получило поддержку Великобритании [17].

В то же время позиции других постоянных членов Совета заметно отличаются. Россия, Китай и США сохраняют осторожность в вопросе ограничения права вето, рассматривая его как инструмент защиты своих стратегических интересов. В частности, Россия акцентирует внимание на придании СБ ООН более представительного характера. Она поддерживает расширение состава Совета за счет развивающихся стран Африки, Азии и Латинской Америки, что могло бы сделать орган соответствующим современным международным реалиям. Кроме того, Москва подчеркивает, что реформирование должно основываться на консенсусе всех государств-членов ООН, что само по себе является сложной задачей [12].

К числу широко применяемых и признанных международным сообществом эффективных форматов неформального взаимодействия в рамках Совета Безопасности ООН относятся «встречи по формуле Аррии». Данный формат получил свое название в честь венесуэльского дипломата Диего Аррии, который в марте 1992 года, будучи Постоянным представителем Венесуэлы при ООН и одновременно возглавляя Совет Безопасности в качестве его председателя, организовал первую подобную встречу. Она была посвящена обсуждению ситуации в Боснии и Герцеговине и предоставила членам Совета возможность выслушать свидетельства очевидцев насилия, что позволило расширить информированность относительно реальной обстановки в зоне конфликта. Особенностью данного формата стало предоставление членам Совета Безопасности возможности получать информацию непосредственно от участников или свидетелей обсуждаемых событий, включая представителей гражданского общества, экспертов и пострадавших в результате вооруженных конфликтов. При этом такие встречи не обладают ста-

тусом официальных заседаний Совета Безопасности и не влекут за собой обязательного принятия резолюций или заявлений, сохраняя полностью неформальный характер. Однако они представляют собой важную платформу для обмена мнениями, что способствует более многостороннему анализу международных кризисов. Также еще одной особенностью «встреч по формуле Аррии» является использование механизмов синхронного перевода, что способствует эффективному взаимодействию представителей различных государств и организаций в ходе обсуждений [13].

По-нашему мнению, полная отмена права «вето» представляется нецелесообразной, поскольку данное право призвано защищать интересы великих держав и обеспечивать баланс в международной системе. Вместе с тем среди предложений по реформированию этого института интерес вызывает идея временного ограничения права вето для государств, которые, нарушая резолюции Совета Безопасности или действуя вразрез с нормами международного права, подрывают стабильность на международной арене. Например, в случае несоблюдения принятой резолюции СБ ООН от 10 января 2024 года, которая призывает уважать международное право на свободное судоходство и осуждает атаки хуситов на коммерческие суда в Красном море, действия США и Великобритании, поразивших территорию Йемена вопреки данной резолюции, демонстрируют, как активные участники международной системы могут игнорировать свои обязательства. В подобных случаях временное ограничение права вето для правонарушителей может стать действенным инструментом повышения ответственности великих держав.

Таким образом, ООН представляет собой международную структуру, деятельность которой нацелена на поддержание мира, обеспечение международного порядка и безопасности. Благодаря своему значительному авторитету и политическому влиянию, ООН выступает в качестве важного института предотвращения вооруженных конфликтов, а также играет центральную роль в противодействии глобальным угрозам, способным дестабилизировать мировое сообщество.

Однако на современном этапе своего существования организация сталкивается с рядом проблем, которые демонстрируют необходимость ее реформирования для повышения эффективности функционирования и адаптации к новым реалиям международных отношений. Основываясь на результатах проведенного исследования, нами предло-

жены рекомендации, направленные на оптимизацию работы ООН в изменяющемся мире:

- одним из приоритетных направлений реформирования Организации Объединённых Наций является модернизация ее основного органа, наделенного мандатом по обеспечению международной безопасности, – Совета Безопасности. В качестве ключевого аспекта процесса реформирования может выступать достижение консенсуса среди государств-членов относительно исключения из повестки предложений, связанных с полной отмены права вето, ввиду их низкой вероятности реализации. В то же время рациональным подходом к вопросу ограничения права вето может стать введение его временного ограничения для государств, допускающих нарушения действующих резолюций Совета Безопасности. В частности, одной из возможных мер является временное лишение таких стран возможности участвовать в голосовании при принятии решений на двух-трех последующих ключевых заседаниях. Реализация данного механизма может способствовать укреплению приверженности нормам международного права, а также повысить уровень ответственности государств-членов ООН, способствуя ограничению применения военной силы в межгосударственных конфликтах;

- важным аспектом реформирования СБ ООН является его расширение с целью повышения эффективности его работы. В данном вопросе открытыми остаются дискуссии относительно численного состава СБ ООН, а также критериев выбора новых постоянных членов. Россия, признавая необходимость реформ, поддерживает ограниченное расширение СБ ООН за счет государств Азии, Африки и Латинской Америки, что укрепит развивающихся стран. В частности, Москва выступает за включение в состав постоянных членов Индии и Бразилии как крупнейших региональных лидеров. В то же время Россия сохраняет скептическое отношение к кандидатам из «группы четырех» (Германия, Япония, Индия, Бразилия), не поддерживая притязания Германии и Японии. Оптимальным компромиссным решением, предполагающим повышение функциональной эффективности и легитимности Совета Безопасности, может служить увеличение числа мест в органе до 20 с учетом как постоянных, так и непостоянных членов. Подобное расширение позволит СБ ООН в большей степени учитывать интересы различных

регионов мира, поддерживая консенсус в принятии решений;

- для повышения эффективности работы СБ ООН может быть предусмотрен механизм предварительных консультаций между постоянными членами данного органа. Открытые дискуссии позволят оценить подлинные позиции государств, которые зачастую остаются скрытыми за обтекаемыми формулировками официальных заявлений. Данный подход содействует лучшему пониманию национальных интересов стран и созданию основы для консенсуса при принятии резолюций.

Модернизация механизмов деятельности ООН будет способствовать укреплению авторитета организации в мировом сообществе, сохраняя при этом ее фундаментальное значение в системе международного управления. Адаптация рабочих процессов к актуальным глобальным вызовам позволит значительно повысить эффективность принимаемых мер при решении масштабных международных вопросов.

Выводы

Исходя из выполненного анализа, можно сделать вывод, что ООН является основным институтом на международной арене, ответственным за поддержание мира и безопасности. Анализ деятельности ООН указывает на необходимость фундаментального пересмотра принципов работы международного института. В условиях современных глобальных вызовов требуется провести существенную модернизацию механизмов принятия решений и осуществить структурные преобразования в системе международного взаимодействия.

В ходе исследования были предложены рекомендации, направленные на оптимизацию работы ООН в современных условиях. Пересмотр механизмов применения права вето, расширение членского состава Совета и улучшение методов взаимодействия членов представляют собой первостепенные меры, которые могут способствовать укреплению международного мира и безопасности. Реализация этих изменений не только сохранит центральную роль ООН в глобальном управлении, но и будет способствовать повышению доверия международного сообщества к данному институту.

Совершенствование деятельности ООН невозможно без глубокого анализа существующих вызовов и принятия конкретных мер по их преодолению, благодаря чему организация сохранит лидирующую роль в международном сообществе, продолжая успешно решать масштабные задачи глобального значения.

Список источников

1. Nowre N.R., Mahal A.M. The UN Security Council and Its Decision-Making Mechanism // International Journal of Religion. 2024. Vol. 5. № 10. P. 375 – 393. DOI: 10.61707/9T48NM20
2. Gritsenko D. Advancing UN digital cooperation: Lessons from environmental policy and governance // World Development. 2024. Vol. 173. P. 106392. EDNPXLXWR. DOI: 10.1016/j.worlddev.2023.106392
3. McDonald K.C., Patrick S.M. UN Security Council Reform and U.S. Interests. Council on Foreign Relations. 2010. Council Special Report. № 59. P. 21 – 22. [Электронный ресурс]. URL: https://cdn.cfr.org/sites/default/files/pdf/2010/11/UNSC_CSR59.pdf (дата обращения: 20.10.2024)
4. Chen C., Du J., Ma R., Jiang C., Deng Q. The Reform of the UN Security Council: How to Balance Legitimacy and Efficiency // SHS Web of Conferences. 2022. Vol. 148. P. 03004. DOI 10.1051/shsconf/202214803004
5. Герасимов Е.Л., Герасимова Е.М. Роль международных организаций в современных глобальных процессах // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. Том Выпуск 13. Минск: Белорусский государственный экономический университет, 2020. С. 146 – 153.
6. Егоров К.А. Перспективы и возможные последствия реформирования Совета Безопасности ООН в современных условиях // Новеллы права, экономики и управления 2022: в 2 т.: сборник научных трудов по материалам VIII международной научно-практической конференции. 2023. Т. 2. С. 33 – 36.
7. Лукьянов В.Ю. ООН в современном мире – проблемы, тенденции, перспективы // Общество. Коммуникация. Образование. 2015. № 2 (220). С. 35 – 44. DOI: 10.5862/JHSS.220.4
8. Мустафаева Н.И. Совет Безопасности ООН как приоритет реформы ООН // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2 (63). С. 206 – 214. DOI 10.17803/1994-1471.2016.63.2.206-214
9. Неженец О.В., Петренко Е.Г. ООН как посредник в урегулировании международных конфликтов // Эпомен. 2020. № 35. С. 230 – 235.
10. Рыбальченко К.А., Тен К.И. Кризис глобального управления ООН: проблемы функционирования и возможные противоречия при проведении реформ // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 187. С. 105 – 112.
11. Сергеев В.Е. Реформа Совета Безопасности ООН: позиция России и зарубежных стран // Россия: общество, политика, история. Международные отношения. 2022. № 1 (1). С. 49 – 62.
12. Феофанов К.А. Проблемы реформирования Совета безопасности ООН // Обозреватель. 2024. № 4. С. 5 – 19. DOI: 10.48137/2074-2975_2024_4_5
13. Фурман Ф.П. Стоит ли реформировать ООН? // Евразийская Интеграция: экономика, право, политика. 2022. № 4 (42). С. 82 – 88. EDNJFTZFQ. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-04-82-88
14. Бархударян Н.В. Проблема пересмотра стратегий миротворческой деятельности оон // Семнадцатая годовичная научная конференция. Социально-гуманитарные науки. 2024. № 2 (II). С. 183 – 193. DOI:10.24412/cl-37234-2024-183-193
15. Насыров И.И., Аминов И.Р. Проблемы функционирования и вызовы для совета безопасности ООН в 2022 году // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 2-2 (77). С. 184 – 188. DOI:10.24412/2500-1000-2023-2-2-184-188
16. Устав ООН [Электронный ресурс]. URL: www.un.org/ru/about-us/un-charter (дата обращения: 21.10.2024)
17. Франция и Организация Объединенных Наций // Официальный сайт МИД Франции [Электронный ресурс]. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/frandya-i-organizaciya-ob edinennyh-nadj> (дата обращения: 21.10.2024)

References

1. Nowre N.R., Mahal A.M. The UN Security Council and Its Decision-Making Mechanism. International Journal of Religion. 2024. Vol. 5. No. 10. P. 375 – 393. DOI: 10.61707/9T48NM20
2. Gritsenko D. Advancing UN digital cooperation: Lessons from environmental policy and governance. World Development. 2024. Vol. 173. R. 106392. EDNPXLXWR. DOI: 10.1016/j.worlddev.2023.106392
3. McDonald K.C., Patrick S.M. UN Security Council Reform and U.S. Interests. Council on Foreign Relations. 2010. Council Special Report. № 59. P. 21 – 22. [Electronic resource]. URL: https://cdn.cfr.org/sites/default/files/pdf/2010/11/UNSC_CSR59.pdf (date of access: 20.10.2024)
4. Chen C., Du J., Ma R., Jiang C., Deng Q. The Reform of the UN Security Council: How to Balance Legitimacy and Efficiency. SHS Web of Conferences. 2022. Vol. 148. P. 03004. DOI 10.1051/shsconf/202214803004

5. Gerasimov E.L., Gerasimova E.M. The role of international organizations in modern global processes. Scientific works of the Belarusian State Economic University. Volume Issue 13. Minsk: Belarusian State University of Economics, 2020. P. 146 – 153.
6. Egorov K.A. Prospects and possible consequences of reforming the UN Security Council in modern conditions. Novels of law, economics and management 2022: in 2 volumes: collection of scientific papers based on the materials of the VIII international scientific and practical conference. 2023. Vol. 2. P. 33 – 36.
7. Lukyanov V.Yu. The UN in the modern world – problems, trends, prospects. Society. Communication. Education. 2015. No. 2 (220). P. 35 – 44. DOI: 10.5862/JHSS.220.4
8. Mustafayeva N.I. The UN Security Council as a priority of the UN reform. Actual problems of Russian law. 2016. No. 2 (63). P. 206 – 214. DOI 10.17803/1994-1471.2016.63.2.206-214
9. Nezhenets O.V., Petrenko E.G. The UN as a Mediator in the Settlement of International Conflicts. Epomen. 2020. No. 35. P. 230 – 235.
10. Rybalchenko K.A., Ten K.I. The Crisis of UN Global Governance: Problems of Functioning and Possible Contradictions in Carrying Out Reforms. Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. No. 187. P. 105 – 112.
11. Sergeev V.E. Reform of the UN Security Council: the Position of Russia and Foreign Countries. Russia: Society, Politics, History. International Relations. 2022. No. 1 (1). P. 49 – 62.
12. Feofanov K.A. Problems of reforming the UN Security Council. Observer. 2024. No. 4. P. 5 – 19. DOI: 10.48137/2074-2975_2024_4_5
13. Furman F.P. Is it worth reforming the UN? Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2022. No. 4 (42). P. 82 – 88. EDNJFTZFQ. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-04-82-88
14. Barkhudaryan N.V. The problem of revising the strategies of UN peacekeeping activities. Seventeenth annual scientific conference. Social and Humanitarian Sciences. 2024. No. 2 (II). P. 183 – 193. DOI:10.24412/cl-37234-2024-183-193
15. Nasyrov I.I., Aminov I.R. Problems of functioning and challenges for the UN Security Council in 2022. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. No. 2-2 (77). P. 184 – 188. DOI:10.24412/2500-1000-2023-2-2-184-188
16. UN Charter [Electronic resource]. URL: www.un.org/ru/about-us/un-charter (date of access: 10/21/2024)
17. France and the United Nations. Official website of the French Ministry of Foreign Affairs [Electronic resource]. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/frandya-i-organizaciya-ob-edinennyh-nadj> (date of access: 21.10.2024)

Информация об авторах

Озимок Д.В., аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, ozimokdv@gmail.com

Лутошкин Г.Ю., кандидат юридических наук, доцент, SPIN-код: 9778-9916, Author ID (elibrary.ru), Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 782313, Индекс Хирша (elibrary.ru): 3, ГРНТИ: 100000. Государство и право. Юридические науки

© Озимок Д.В., Лутошкин Г.Ю., 2025

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки
(юридические науки)

УДК 347.412.8

Институт судебной неустойки в решениях Конституционного Суда Российской Федерации

¹ Скурлатов В.С.

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: вопросы, связанные с правом суда о присуждении неустойки при неисполнении обязанности, возложенной судом в рамках гражданско-правовых правил, введенных в положения гражданского законодательства в 2015 году, видятся весьма актуальными ввиду того, что за последние несколько лет появилось немало исков, связанных с оспариванием конституционности таких правил. В статье рассматривается развитие правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам применения института судебной неустойки. Цель исследования – выработка основных путей разрешения вопроса о соотношении материальной и процессуальной составляющих института судебной неустойки в российском правовом порядке. За основу работы принят анализ двух основополагающих решений Конституционного Российской Федерации, принятых по вопросу применения судебной неустойки в деле о защите субъективного публичного права и в трудовом споре. В ходе исследования автор приходит к выводу о том, что принятое в конце 2024 года постановление Конституционного Суда Российской Федерации значительно изменило сферу применения судебной неустойки, что сказалось в том числе и на научном осмыслении природы этого института.

Ключевые слова: судебная неустойка, астрент, Конституционный Суд Российской Федерации, решение, определение, постановление, процессуальная форма

Для цитирования: Скурлатов В.С. Институт судебной неустойки в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Современный ученый. 2025. № 4. С. 401 – 408.

Поступила в редакцию: 14 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 16 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Institute of judicial penalty in decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation

¹ Skurlatov V.S.

¹ St Petersburg State University

Abstract: issues related to the court's right to award penalties in case of non-fulfillment of obligations imposed by the court within the framework of civil law rules introduced into the provisions of civil legislation in 2015 seem to be very relevant due to the fact that over the past few years there have been many lawsuits challenging the constitutionality of such rules. The article examines the development of the legal positions of the Constitutional Court of

the Russian Federation on the application of the institution of judicial penalties. The purpose of the study is to develop the main ways to resolve the issue of the relationship between the material and procedural components of the institution of judicial penalties in the Russian legal order. The work is based on the analysis of two fundamental decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, adopted on the issue of the application of a judicial penalty in the case of the protection of subjective public law and in a labor dispute. In the course of the research, the author comes to the conclusion that the resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation adopted at the end of 2024 significantly changed the scope of the judicial penalty, which affected the scientific understanding of the nature of this institution.

Keywords: judicial penalty, astrent, Constitutional Court of the Russian Federation, decision, ruling, resolution, procedural form

For citation: Skurlatov V.S. Institute of judicial penalty in decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Modern Scientist. 2025. 4. P. 401 – 408.

The article was submitted: December 14, 2024; Approved after reviewing: February 16, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Астрент, выступая механизмом понуждения ответчика исполнить судебный акт, которым на последнего возложена обязанность по совершению определенных действий, закреплен как в материальном, так и в процессуальном законодательстве Российской Федерации. Историческое развитие данного института в российских законодательстве и правоприменительной практике показывает, что судебная неустойка была встроена в отечественную правовую систему Пленумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), затем имплементирована в положения гражданского, арбитражно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства.

Эволюция астрента прослеживается в последовательном расширении круга гражданских дел и экономических споров, в которых он может быть применен, однако выбор метода, которым законодатель расширил сферу применения астрента, не может быть признан удачным. Одновременное регулирование института судебной неустойки на уровне материального и процессуального закона не позволяет установить, какой из норм – материальной или процессуальной – нужно отдать предпочтение при решении вопроса о том, подлежит применению астрент в конкретном деле или нет. Сказанное обуславливает актуальность подробного изучения данного вопроса.

Материалы и методы исследований

Статья основана на комплексном подходе к выбору наиболее соответствующих тематике исследования научных методов. Так, автором были использованы метод сравнительного анализа, системно-логический метод и формально-

юридический метод. Среди материалов исследования – в том числе современная российская правовая литература, а также правовые позиции высших судебных инстанций по проблематике исследования, изложенные в соответствующих актах.

Результаты и обсуждения

С момента имплементации норм о судебной неустойке в правовой порядок России дихотомия материального и процессуального содержания астрента не раз обсуждалась в юридической науке [10, 12, 15, 16, 17, 18, 19], однако окончательного разрешения этот вопрос до сих пор не получил [3, 11, 13, 14, 20].

Всего по жалобам о проверке на соответствие Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) п. 1 ст.308.3 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) было принято 29 решений, ч. 3 ст.206 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) – 4 решения, ч. 4 ст.174 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) – 5 решений (по данным справ.-правовой системы «Гарант»). Через призму этих решений можно проследить эволюцию правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) по различным вопросам применения судебной неустойки. Некоторые решения включают толкование закона, выходящее за рамки материальной нормы и, как следствие, распространяют силу астрента на те отношения, к которым, по замыслу законодателя, п. 1 ст. 308.3 ГК РФ неприменим. Материально-правовые и процессуальные правила присуждения судебной неустойки, изложенные в законе и разъяснениях Пленума ВС РФ, были значительно кон-

кретизированы, а в некоторых случаях – изменены КС РФ.

В качестве первого периода развития правовых позиций Конституционного Суда РФ о судебной неустойке возьмем временной промежуток с момента включения статьи 308.3 в ГК РФ и принятия Пленумом Верховного Суда РФ разъяснений этой нормы до даты принятия процессуальных положений об астренте. Обратимся к п. 1 ст. 308.3 ГК РФ, содержание которого указывает на право суда присудить астрент в пользу кредитора в случае неисполнения должником обязательства в натуре, понуждение к исполнению которого вытекает из соответствующего судебного акта. Данная норма была введена в положения гражданского законодательства 8 марта 2015 года. Для уяснения существа правоотношений, вытекающих из п. 1 ст. 308.3 ГК РФ, Пленумом ВС РФ в пунктах 28-32 Постановления от 24.03.2016 № 7 [3] было изложено толкование указанной нормы. Достаточно интересной видится позиция ВС РФ, изложенная в пункте 30 вышеуказанного акта, о возможности применения астрента только при неисполнении гражданско-правовых обязанностей. Таким образом, ВС РФ фактически исключил возможность судов использовать п. 1 ст. 308.3 ГК РФ в трудовых, пенсионных и семейных спорах, вытекающих из личных неимущественных отношений между членами семьи, а также спорах, связанных с социальной поддержкой.

До вступления в силу процессуальных правил о судебной неустойке Конституционный Суд РФ исходил из следующей посылки: положения п. 1 ст. 308.3 ГК РФ направлены на защиту прав кредитора по гражданско-правовому обязательству [4, 5]. Этот вывод сделан Конституционным Судом РФ на основе проявленной федеральным законодателем дискреции о закреплении института астрента в гражданском материальном законе.

В качестве следующего периода развития института судебной неустойки в решениях КС РФ обозначим интервал, начинающийся в связи с внесением изменений в ГПК РФ и АПК РФ в части имплементации норм об астренте и заканчивающийся принятием Пленумом ВС РФ разъяснений отдельных вопросов присуждения судебной неустойки по спорам о защите субъективного публичного права. Процессуальные нормы об астренте закреплены в ч.3 ст. 206 ГПК РФ и ч. 4 ст.174 АПК РФ [6, 7]. Данные законоположения устанавливают, что суд по требованию истца вправе присудить в его пользу денежную сумму, подлежащую взысканию с ответчика на случай неисполне-

ния судебного акта. При этом озвученные нормы помещены в статьях под названием «Решение, обязывающее ответчика совершить определенные действия», которые не содержат оговорку о способе защиты гражданского права в виде присуждения к исполнению обязательства в натуре, как и отсылочной нормы к положениям п. 1 ст. 308.3 ГК РФ. В этот период в решениях КС РФ отражена позиция, озвученная им еще до введения в законодательство процессуальных норм, регулирующих применение судебной неустойки [7]. Частично это объясняется тем, что предметы жалоб, по которым были приняты указанные решения, содержали просьбу об оценке конституционности нормы п. 1 ст. 308.3 ГК РФ без ее привязки к процессуальным нормам о судебной неустойке. КС РФ, несмотря на имплементацию норм о судебной неустойке в процессуальное законодательство, от своих ранее сделанных выводов относительно астрента не отказался.

Начало третьего периода развития института судебной неустойки в решениях КС РФ определим с момента принятия Пленумом ВС РФ разъяснений отдельных вопросов присуждения судебной неустойки по спорам о защите субъективного публичного права, а конец – моментом принятия КС РФ Постановления от 14 ноября 2024 г. № 52-П. Позиция Пленума ВС РФ о судебной неустойке, изложенная в Постановлении от 24.03.2016 № 7, была значительно скорректирована в пункте 34 Постановления от 28 июня 2022 г. № 21 [2]. В этом постановлении указано, что в случае, если на публичный орган в судебном порядке возлагается обязанность по устранению нарушений прав заявителя и от надлежащего исполнения этим органом решения зависит возможность беспрепятственной реализации заявителем своих гражданских прав, то присуждение астрента возможно. Напротив, если оспариваются действия публичных органов в сфере исключительно публичных правоотношений, то возможность присуждения астрента исключена. В абз. 1 п. 34 Постановления от 28 июня 2022 г. № 21 дана ссылка на материальный закон, регулирующий присуждение астрента, – п. 1 ст. 308.3 ГК РФ. Далее, Пленум ВС РФ приводит ссылку на ч. 4 ст.174 АПК РФ. При этом Пленум ВС РФ, когда дает ссылку на материальную норму, указывает «с учетом положений», а когда ссылается на процессуальную норму, обозначает «денежную сумму, упомянутую...». По смыслу данных разъяснений Пленума ВС РФ сама возможность присуждения астрента установлена нормой процессуальной, тогда как

правила присуждения астрента регламентированы материальным гражданским законом.

В определении от 29 сентября 2022 г. № 2381-О [8] КС РФ проверял на соответствие Конституции РФ как п.1 ст. 308.3 ГК РФ, так и ч. 3 ст. 206 ГПК РФ. В этом деле в очередной раз было подчеркнуто, что астрент – это способ защиты прав кредитора по гражданско-правовому обязательству, то есть озвучена позиция, неоднократно включавшаяся в ранее приведенные решения. Относительно процессуальной нормы в указанном определении отражено следующее краткое положение: «Аналогичную цель преследует и часть третья статьи 206 ГПК РФ». Примечательно, что из текста этого определения нельзя установить, в чем конкретно неконституционность п. 1 ст. 308.3 ГК РФ и ч. 3 ст. 206 ГПК РФ.

После принятия ВС РФ Постановления от 28 июня 2022 г. № 21 толкование КС РФ процессуальных правил присуждения судебной неустойки нашло свое развитие в Определении от 12 октября 2023 г. № 2704-О [9]. Данный судебный акт является одним из первых решений КС РФ, в котором развернуто отражена позиция о соотношении материальной и процессуальной нормы об астренте. Так, истец, получив исполнительный лист на принудительное исполнение решения арбитражного суда, обратился к органам принудительного исполнения с заявлением о возбуждении исполнительного производства. В связи с бездействием судебного пристава-исполнителя истец предъявил заявление о защите субъективного публичного права с притязаниями о признании бездействия судебного пристава-исполнителя незаконным и возложении обязанности возбудить исполнительное производство, которое было удовлетворено. В связи с неисполнением органом публичной власти решения арбитражного суда истец обратился с притязанием о взыскании с органов принудительного исполнения астрента, в удовлетворении которого было последовательно отказано всеми судебными инстанциями. Предмет жалобы – оспаривание конституционности положений ч. 4 ст.174 АПК РФ. Доводы заявителя: норма противоречит Конституции РФ, поскольку не позволяет присуждать судебную неустойку по делам, рассмотренным по правилам главы 24 АПК РФ, без учета правового регулирования, закрепленного п. 1 ст. 308.3 ГК РФ. Такая формулировка доводов позволяет сделать вывод о попытке доказать независимость законодательно установленных предписаний п. 1 ст. 308.3 ГК РФ, а также недопустимость сведений возможности присуждения астрента

только в случаях, когда имеет место быть гражданско-правовое обязательство.

Приведем выводы Конституционного Суда РФ:

1) Процессуальная норма об астренте в арбитражном процессе является дополнительной гарантией права на судебную защиту. Такая гарантия также сбалансированно содержится в гражданском процессуальном законодательстве.

2) Положения части 4 статьи 174 АПК РФ и части третьей статьи 206 ГПК РФ находятся в системном единстве с положением пункта 1 статьи 308.3 ГК РФ.

3) Астрент не вытекает из Конституции России.

4) Существующее право не уравнивает участников гражданско-правовых и публично-правовых отношений в вопросах присуждения судебной неустойки. При этом применение астрента по спорам, вытекающим из гражданских правоотношений, и исключение его из споров, связанных с реализацией публичных полномочий органами власти, не является неконституционным ввиду разной правовой природы правоотношений.

Позиция подателя жалобы о самостоятельности процессуальных норм о присуждении судебной неустойки и их независимости от материального закона поддержки не получила. КС РФ в обсуждаемом определении применительно к п. 1 ст. 308.3 ГК РФ привел более развернутую аргументацию, не изменив свою точку зрения по поводу астрента, сформировавшуюся в ранее принятых решениях. Однако, ввиду расширенного толкования правил о судебной неустойке, содержащихся в п. 34 Постановления Пленума ВС РФ от 28 июня 2022 г. № 21, КС акцентировал внимание на необходимости понимания системного единства процессуальных правил о судебной неустойке и п. 1 ст. 308.3 ГК РФ. Именно необходимость рассмотрения правил материального и процессуального права о судебной неустойке в своем единстве и легла в основу позиции КС РФ о недопустимости применения астрента в отрыве от п. 1 ст. 308.3 ГК РФ.

Качественно иное толкование КС РФ процессуальных норм о судебной неустойке отражено в Постановлении от 14 ноября 2024 г. № 52-П [Ошибка! Источник ссылки не найден.], принятие которого ознаменовало переход к новому этапу развития института судебной неустойки в решениях КС РФ. Представим разбор основных выводов, изложенных в этом решении, а также сопоставим их с выводами, содержащимися в Определении от 12 октября 2023 г. № 2704-О. По иску гражданина (работник) на работодателя судом была возложена обязанность по совершению дей-

ствий, предусмотренных трудовым законодательством при приеме на работу по трудовому договору, а также дальнейших действий, связанных с увольнением такого работника.

Ответчик (работодатель), возложенную на него судом обязанность по совершению действий, предусмотренных трудовым законодательством, не исполнил. Данное обстоятельство стало для работника основанием для обращения в суд с целью возложения на работодателя обязанности по уплате судебной неустойки. Суд отказал ответчику в иске, составившись на тот факт, что правила п. 1. ст. 308.3 ГК РФ предусмотрены для споров, вытекающих из гражданско-правовых обязательств, в то время как споры между работниками и работодателями возникают в рамках трудовых отношений.

Предметом жалобы в вышеуказанном случае стало оспаривание конституционности положений п. 1 ст. 308.3 ГК РФ, ч. 3 ст. 206 ГПК РФ, ст. 419 ГК РФ. Согласно доводам заявителя, правила о присуждении судебной неустойки только в рамках гражданских правоотношений, неконституционны, поскольку не защищают работника от неисполнения обязанности работодателя по решению суда. Рассмотрев материалы дела, КС РФ было сделано семь последовательных выводов. Во-первых, гражданско-правовые правила об астренте направлены на защиту прав кредиторов, вытекающих из гражданско-правового обязательства и не применимы к трудовым отношениям.

Во-вторых, право на судебную неустойку не является тем правом, которое непосредственно конституционно декларируется и гарантируется. Данное право приобретает силу в силу норм федерального законодательства на основании его положений.

В-третьих, положения оспариваемых на предмет неконституционности указанных в иске статей арбитражно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства, предусматривают общие правила к содержанию актов правоприменителя в случае, если на ответчика накладывается обязанность по совершению тех или иных действий. При этом речь идет не только об обязанности в рамках ст. 308.3 ГК РФ.

В-четвертых, возможность применения судебной неустойки в рамках статей арбитражно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства значительно шире по сфере правоотношений нежели неустойка, предусмотренная п.1 ст. 308.3 ГК РФ.

В-пятых, процессуальные правоотношения,

возникающие из трудовых и гражданско-правовых споров, существенно не различаются, что является проявлением свойства универсальности гражданской процессуальной формы.

Шестой вывод КС РФ сводится к тому, что невозможность присуждения судебной неустойки по спорам о защите субъективного публичного права может быть вызвана обстоятельствами, имеющими конституционное значение.

Кроме того, КС РФ отметил, что в судебных спорах о присуждении денежных сумм имеются отличные от судебной неустойки правовые гарантии исполнимости судебных решений: индексация присужденных денежных сумм, начисление процентов (денежной компенсации) на присужденные судом денежные суммы.

С позиции судебного толкования правовых норм вышеассмотренное Определение КС РФ имеет большое практическое значение ввиду того, что была разорвана связь при применении процессуальных правил присуждения астрента с нормой материального закона. Во-первых, в этой части КС РФ дезавуировал не только имевшееся толкование Пленума Верховного Суда РФ, изложенное в пункте 30 Постановления от 24 марта 2016 г. № 7, но и свои собственные выводы, содержащиеся в ранее принятых решениях.

Во-вторых, коль скоро эта связь была нарушена, процессуальные нормы о судебной неустойке приобрели самостоятельное значение и могут применяться без привязки к п. 1 ст. 308.3 ГК РФ.

В-третьих, КС РФ констатировал, что поскольку судебная неустойка из Конституции РФ не вытекает, то она гарантируется отраслевым законодательством – как материальным, так и процессуальным. Если конституционность п. 1 ст.308.3 ГК РФ сомнению подвергнута не была, а автономность применения этой нормы и ч. 3 ст. 206 ГПК РФ, ч. 4 ст. 174 АПК РФ была особо подчеркнута, то астрент одновременно превратился и в процессуальный, и в материальный институт российского законодательства.

В-четвертых, вывод КС РФ о неприменимости астрента в спорах по делам о защите субъективного публичного права вступает в противоречие с выводом КС РФ о том, что ч.4 ст.174 АПК РФ находится среди положений процессуального законодательства, определяющих не зависящие от отраслевой принадлежности спора требования к содержанию принимаемых судами актов, обязывающих ответчика совершить определенные действия.

Выводы

Воля законодателя на размещение нормы права в материальном либо процессуальном законе не делает эту норму материальной или процессуальной соответственно. Выяснение сущности правовой нормы происходит посредством изучения эмпирических данных – самого текста закона, его легального толкования и практики применения. Изначально мы исходили из того, что содержание п.1 ст. 308.3 ГК РФ, ч. 3 ст. 206 ГПК РФ, ч. 4 ст.174 АПК РФ недостаточно для однозначного ответа на поставленный нами вопрос. Толкование этих норм, предложенное КС РФ, ответа на вопрос также не содержит. Однако результат анализа решений КС РФ побуждает вернуться к разрешению дилеммы о материально-процессуальной сущности астрента посредством деконструкции текста

закона, а именно порядка определения размера сумм, взыскиваемых судом с ответчика в качестве судебной неустойки.

Норма материального права ограничивает применение астрента областью гражданско-правовых обязательств, тогда как процессуальные правила присуждения астрента экстраполируют его применение на все споры, разрешаемые судом в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Является ли пункт 1 статьи 308.3 ГК РФ материальным ограничителем применения процессуальных правил ч. 3 ст. 206 ГПК РФ и ч. 4 ст.174 АПК РФ или материальную норму об астренте следует расценивать как рудимент, этап развития института судебной неустойки в российском законодательстве, который нужно отменить? Однозначный ответ на поставленный вопрос отсутствует.

Список источников

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2024 г. № 52-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 308.3 Гражданского кодекса Российской Федерации, части третьей статьи 206 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 419 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.С. Шапки» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.11.2024)
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.11.2024)
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса РФ об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.11.2024)
4. Определение Конституционного Суда РФ от 24 ноября 2016 г. № 2579-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Санниковой Эльмиры Мидхатовны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 308.3 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.11.2024)
5. Определение Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. № 2372-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лешкова Юрия Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 308.3 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.11.2024)
6. Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2019 г. № 1317-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Галузина Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 308.3 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.11.2024)
7. Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2019 г. № 1318-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Касаткина Вадима Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 308.3 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.11.2024)
8. Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2022 г. № 2381-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Беларусь Кирика Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 308.3 Гражданского кодекса Российской Федерации, частью третьей статьи 206 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.11.2024)

9. Определение Конституционного Суда РФ от 12 октября 2023 г. № 2704-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Континентальная Логистическая Группа» на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 174 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.11.2024)

10. Афонина Ю.Ю. Судебная неустойка (астрент) и другие меры ответственности должника за неисполнение судебного решения: сравнительный анализ // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 11. С. 45 – 49.

11. Бюлов О. Учение о процессуальных возражениях и процессуальные предпосылки: пер. с нем. Д.С. Ксенофонтовой; отв. ред. Д.Х. Валеев. М.: Статут, 2019. 240 с.

12. Гальперин М.Л. Гражданско-правовая ответственность в исполнительном производстве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 3. С. 138 – 159.

13. Ерохова М.А. О судебной неустойке в российском праве. Анализ практики 2015-2017 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 7. С. 97 – 111.

14. Иващенко К.Б. Соотношение материального и процессуального права в российском государстве: дисс. канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 176 с.

15. Кукушкин М.Р. Астрент как форма понуждения к исполнению // Юстиция. 2019. № 4. С. 22 – 25.

16. Луценко Е.С. Судебная неустойка (астрент): вопросы теории и юридическая практика // Юридический мир. 2016. № 7. С. 57 – 60.

17. Панкратова Н.А. Некоторые процессуальные аспекты рассмотрения заявлений о присуждении судебной неустойки // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 7. С. 56 – 58.

18. Фиошин А.В. О правовой природе астрента // Вестник гражданского процесса. 2021. № 3. С. 29 – 49.

19. Шевченко И.М. О правовой природе судебной неустойки (астрента) // Российский судья. 2021. № 8. С. 3 – 8.

20. Шергунова Е.А. Проблемы применения астрента в России // Мировой судья. 2021. № 12. С. 31 – 37.

References

1. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 14, 2024 No. 52-P "On the case of verifying the constitutionality of paragraph 1 of Article 308.3 of the Civil Code of the Russian Federation, part three of Article 206 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and Article 419 of the Labor Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen S.S. Headers". SPS "ConsultantPlus" (date of access: 22.11.2024)

2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2022 No. 21 "On certain issues of application by courts of the provisions of Chapter 22 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and Chapter 24 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation". SPS "ConsultantPlus" (date of access: 22.11.2024)

3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 24, 2016 No. 7 "On the application by courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for breach of obligations". SPS "ConsultantPlus" (date of access: 22.11.2024)

4. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 24, 2016 No. 2579-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Elmira Midkhatovna Sannikova regarding the violation of her constitutional rights by paragraph 1 of Article 308.3 of the Civil Code of the Russian Federation". SPS "ConsultantPlus" (date of access: 11.22.2024)

5. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 26, 2017 No. 2372-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Yury Nikolaevich Leshkov regarding the violation of his constitutional rights by paragraph 1 of Article 308.3 of the Civil Code of the Russian Federation". SPS "ConsultantPlus" (date of access: 11.22.2024)

6. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 29, 2019 No. 1317-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Yury Nikolaevich Leshkov regarding the violation of his constitutional rights by paragraph 1 of Article 308.3 of the Civil Code of the Russian Federation". SPS "ConsultantPlus" (date of access: 11.22.2024)

7. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 29, 2019 No. 1317-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Yury Nikolaevich Leshkov regarding the violation of his constitutional rights by paragraph 1 of Article 308.3 of the Civil Code of the Russian Federation". SPS "ConsultantPlus" (date of access: 11.22.2024)

8. Consideration of the complaint of citizen Galuzin Alexander Vasilyevich on the violation of his constitutional rights by paragraph 1 of Article 308.3 of the Civil Code of the Russian Federation". SPS "ConsultantPlus" (date of access: 11/22/2024)

7. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 29, 2019 No. 1318-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Kasatkin Vadim Anatolyevich on the violation of his constitutional rights by paragraph 1 of Article 308.3 of the Civil Code of the Russian Federation". SPS "ConsultantPlus" (date of access: 11.22.2024)

8. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of September 29, 2022 No. 2381-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen of the Republic of Belarus Kirik Igor Aleksandro- vich on the violation of his constitutional rights by paragraph 1 of Article 308.3 of the Civil Code of the Russian Federation, part three of Article 206 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation". SPS "ConsultantPlus" (date of access: 11.22.2024)

9. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 12, 2023 No. 2704-O "On refusal to accept for consideration the complaint of the limited liability company Continental Logistics Group on the violation of his constitutional rights by part 4 of Article 174 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation". SPS "ConsultantPlus" (date of access: 11.22.2024)

10. Afonina Yu.Yu. Judicial penalty (asterint) and other measures of liability of the debtor for failure to execute a court decision: a comparative analysis. Arbitration and civil procedure. 2016. No. 11. P. 45 – 49.

11. Bulov O. The doctrine of procedural objections and procedural prerequisites: trans. from Germ. D.S. Ksenofontova; ed. D.Kh. Valeev. Moscow: Statut, 2019. 240 p.

12. Galperin M.L. Civil liability in enforcement proceedings. Bulletin of Economic Justice of the Russian Fed- eration. 2018. No. 3. P. 138 – 159.

13. Erokhova M.A. On judicial penalty in Russian law. Analysis of practice 2015-2017. Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2017. No. 7. P. 97 – 111.

14. Ivaschenko K.B. The relationship between substantive and procedural law in the Russian state: diss. Cand. of Law. Saratov, 2018. 176 p.

15. Kukushkin M.R. Astrent as a form of coercion to execution. Justice. 2019. No. 4. P. 22 – 25.

16. Lutsenko E.S. Judicial penalty (astrent): theoretical issues and legal practice. Legal world. 2016. No. 7. P. 57 – 60.

17. Pankratova N.A. Some procedural aspects of consideration of applications for awarding a judicial penalty. Arbitration and civil procedure. 2018. No. 7. P. 56 – 58.

18. Fioshin A.V. On the legal nature of astrent. Bulletin of civil procedure. 2021. No. 3. P. 29 – 49.

19. Shevchenko I.M. On the legal nature of judicial penalty (astrent). Russian judge. 2021. No. 8. P. 3 – 8.

20. Shergunova E.A. Problems of application of astrent in Russia. Justice of the peace. 2021. No. 12. P. 31 – 37.

Информация об авторе

Скурлатов В.С., аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет,
skurlatovvladislav@yandex.ru

© Скурлатов В.С., 2025